

ПУТЕВОДИТЕЛЬ И СОБЕСѢДНИКЪ

ВЪ

ПУТЕШЕСТВІИ

ПО

КАВКАЗУ.

М. Владыкина.

Съ приложеніемъ карты желѣзныхъ дорогъ.

МОСКВА.

Типографія И. Родзевича и В. Исленьева. Тверской бульваръ, д. Полякова.

1874.

18756-0

2010517105

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Страницы.
Предисловіе	1
Географическій очеркъ Кавказскаго края. Кавказскій край, его границы и величина.—Раздѣленіе Кавказскаго края на <i>Предкавказье</i> , собственно <i>Кавказъ</i> и <i>Закавказье</i> .—Степная часть <i>Предкавказья</i> ; ея рѣки.—Равнинная полоса <i>Предкавказья</i> ; ея рѣки, пространство и характеръ ея мѣстности.—Населеніе <i>Предкавказья</i> .—Прежнее административное дѣленіе <i>Предкавказья</i> .—Нынѣшнее его дѣленіе.—Кубанская область; ея дѣленіе, величина и жители.—Терская область; ея дѣленіе, величина и жители.—Ставропольская губернія; ея величина и число жителей.—Величина всего <i>Предкавказья</i> и число жителей.— <i>Кавказъ</i> и его величина.—Главные горы.—Расположеніе главнаго хребта.—Дагестанъ; его раздѣленіе и жители.—Рѣки и дорога въ Дагестанъ.—Рѣки, текуція на югъ изъ главнаго хребта.—Бухты Кавказскаго края.—Населеніе <i>Кавказа</i> до окончанія войны и послѣ нея.—Дагестанская область.—Черноморскій округъ.—Сухумскій отдѣлъ.— <i>Закавказье</i> и его географическое раздѣленіе.—Долина Ріона.—Долина Куръ.—Армянское плоскогорье—его горы и рѣки.—Народонаселеніе <i>Закавказья</i> .—Арменія.—Раздѣленіе <i>Закавказья</i> на губерніи и уѣзды.—Народонаселеніе всего Кавказскаго края.—Изъ какихъ частей состоялъ Кавказскій край въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтій	5
Историческій очеркъ Кавказской войны. Начало сношеній Россіи съ <i>Кавказомъ</i> .—Поселенія по Тереку при Іоаннѣ Грозномъ.—Гребенскіе казаки.—Поселенія при Петрѣ Великомъ и Аннѣ Іоанновнѣ.—Сношенія Россіи съ <i>Закавказьемъ</i> съ XV вѣка.—Дѣйствія Екатерины II и поселенія при ней.—Сношенія Россіи съ Грузіей при Павлѣ I и Александрѣ I.—Принятіе Грузіи въ подданство императоромъ Александромъ I.—Плохое положеніе края.—Князь Цициановъ, его дѣйствія и его армія.—Котляревскій, его исторія, победы его и взятіе Ленкорани.—Гюлистанскій миръ.—Слѣдующія затѣмъ войны въ <i>Закавказьѣ</i> .—Туркменчайскій миръ.—Адрианопольскій миръ.—Дѣйствія наши въ <i>Закавказьѣ</i> въ Восточную войну.—Постепенное увеличеніе войска на <i>Кавказѣ</i> .—Западные горцы.—Назначеніе главнокомандующимъ Ермолова.—Средства, предпринимавшіяся для умиротворенія горцевъ до Ермолова.—Дѣйствія Ермолова и его смѣна.—Паскевичъ.—Уничтоженіе званія главнокомандующаго и отсутствіе общей системы въ дѣйствіяхъ съ нашей стороны.—Мюридизмъ и его исторія.—Мулла Магомедъ ирагзарскій.—Казимулла, первый имамъ мюридовъ; его дѣйствія и смерть его въ аулѣ Гимрахъ, взятыхъ барономъ Розеномъ.—Гамзатъ-Бекъ, второй имамъ мюридовъ; истребленіе имъ аварскихъ хановъ и убіеніе его въ Хунзахѣ.—Шамилъ, третій	

имамъ мюридовъ.—Онъ счастливо отдѣляется отъ генерала Фези въ Тилитѣ и укрѣпляетъ Ахульго.—Послѣ взятія Ахульго генераломъ Граббе, Шамиль бѣжитъ къ шатовцамъ и черезъ два года изъ Бѣглеца становится властителемъ Чечни.—Записка Пассека о тогдашней Кавказской войнѣ.—Распоряженія Шамиля и устройствъ имъ подвластныхъ ему земель.—Поступокъ его съ матерью.—Характеръ Шамиля.—Распоряженіе о прекращеніи наступательныхъ дѣйствій съ нашей стороны въ 1842 г.—Несчастныя для насъ событія 1843 г.—Шамиль овладѣваетъ всѣми нашими укрѣпленіями въ Дагестанѣ и дѣлается полнымъ властителемъ Чечни и Дагестана.—Тогдашнее вооруженіе нашей арміи.—Назначеніе главнокомандующимъ князя Воронцова въ 1844 году.—Даргинская и Сухарная экспедиціи.—Перемѣна системы войны.—Основаніе Сунженской линіи генер. Слѣпцовымъ.—Мы мало-помалу подвигаемся къ самому подножію Черныхъ горъ.—Назначеніе главнокомандующимъ князя Вярятинскаго въ 1856 г.—Его преобразование и приготовленіе къ наступленію въ горы.—Движеніе въ горы.—Взятіе Ведено въ 1858 году.—Сдача въ плѣнъ Шамиля въ Гунибѣ, 25 августа 1859 года, и окончаніе войны на лѣвомъ флангѣ.—Дальнѣйшая судьба Шамиля.—Война на правомъ флангѣ.—Генералъ Зассъ.—Черноморская береговая линія.—Необходимость выселенія горцевъ съ Черноморскаго берега.—Кубанская линія до 1856 г. и усиленіе ея кн. Вярятинскимъ.—Мехметъ-Аминъ.—Договоръ, заключенный съ абадзехами ген. Филипсономъ.—Назначеніе графа Евдокимова начальникомъ кубанскихъ войскъ въ 1860 г.—Приготовленіе къ наступленію въ горы и одновременному съ этимъ заселенію края.—Дѣйствія гр. Евдокимова.—Назначеніе главнокомандующимъ въ 1863 г. великаго князя Михаила Николаевича.—Намъ угрожаетъ новая европейская коалиція.—Усиленіе дѣйствій противъ горцевъ.—Депеша государю императору объ окончательномъ покореніи Кавказа, отправленная изъ Ахчипсоу великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ 21 мая 1864 года.—Выселеніе горцевъ

21

Сообщенія: сухимъ путемъ, между Ростовомъ, Тифлисомъ и промежуточными городами; между Тифлисомъ и Поти. Пароходное сообщеніе: между Одессою, крымскими и кавказскими портами, до Поти и обратно; между азовскими портами и Керчью. Сообщенія по восточному берегу чернаго моря.—Нѣсколько словъ и совѣтовъ относительно путешествія по черноморскому берегу и по горамъ вообще.—Примѣрная стоимость путешествія, описаннаго въ этомъ путеводителѣ.—Что надобно имѣть съ собою для продолжительнаго путешествія въ Кавказскихъ горахъ.—Какое самое удобное время года для путешествія по Кавказу

95

Глава I. Отдѣленіе 1-е. Изъ Москвы до Ставрополя, чрезъ Ростовъ на Дону. Сообщенія.—Шахтная станція.—Ростовъ на Дону.—Мѣстность отъ Ростова до Ставрополя.—Земля черноморскихъ казаковъ.—Черноморскіе казаки (пластуны, абреки, обереженіе линій).—Линейные и гребенскіе казаки.—Ставропольская губернія.—Дорога отъ Ростова до Ставрополя и станціи на ней.—Ставрополь

113

Отдѣленіе 2-е. Причины, почему мы поѣхали чрезъ Ростовъ и почему мы выбрали для путешествія самое дурное время года.—Приключеніе на Воронежско-Ростовской жел. дорогѣ.—Нѣсколько словъ о мѣстности и хозяйствѣ въ Землѣ Войска Донскаго.—Вѣдствія наши на Ростовской станціи и оригинальный переѣздъ въ гостиницу.—Ростовъ.—Выѣздъ по жел. дорогѣ въ Аксайскую станицу и оттуда на перекладной.—Мокротаевскіе солонцы и пролетъ дичи.—Степь и путешествіе по ней ночью.—Разсказъ ямщика про оригинальную охоту на драхвовъ.—Мои воспоминанія

нанія про путешествіе по одесскимъ степямъ.—Меркуловская станція и пес plus ultra степной дуриной дороги.—Нѣсколько словъ о дагестанскихъ горахъ, объ адатѣ, шаріатѣ и канлѣ.—Переѣздъ до Грязнухи.—Средне-Егорлыкская станція.—Нѣсколько словъ о заселеніи дальняго запада въ сѣверо-американскихъ штатахъ и о заселеніи нашихъ ставропольскихъ степей въ концѣ прошедшаго столѣтія.—Село Масловъ-Кутъ на Кумѣ.—Медвѣжье и Преградное.—Лезгины-гимназисты въ Старополѣ .

138

Глава II. Отдѣленіе 1-е. Отъ Ставрополя до Владикавказа, чрезъ Пятигорскъ съ его сосѣдними минеральными водами. Нѣсколько словъ относительно Кавказа и Швейцаріи.—Дорога до Георгіевска.—Георгіевскъ.—Пятигорскія минеральныя воды.—Пятигорскъ (исторія города и минеральныхъ водъ).—Пятигорскъ и минеральныя источники въ настоящее время; гостиницы; главная контора водъ; экипажи, омнибусы и проч.; пользованіе водами; консультація и курсъ лѣченія; жизнь и развлеченія въ Пятигорскѣ; прогулки: на Машуку, къ Большому Провалу и проч.—Желѣзноводскъ (его исторія, помѣщенія для пріѣзжающихъ и проч.).—Ессентуки (ихъ исторія, помѣщенія для пріѣзжающихъ и проч.).—Кисловодскъ (его исторія и проч.).—Нарзанъ.—Дорога отъ Георгіевска.—Солдатская и Екатерининградская станицы.—Военно-грузинская дорога до 1837 г.—Моздокъ.—Кабарда, кабардинцы и вообще племена Адиге (ихъ характеръ, гражданское устройство, религія и обычаи).—Дорога отъ Моздока до Владикавказа.

156

Отдѣленіе 2-е. До Моздока.—Нѣсколько словъ объ алагирскихъ заводахъ на Ардонѣ.—Воспомнаніе о могилѣ Лермонтова.—Нѣкоторыя черты изъ жизни графа Н. И. Евдокимова.—Исторія Хаджи-Мурата (его участіе въ убійствѣ Гамзатъ-Бека; бѣгство и передача къ Шамилю; набѣги; отношенія къ эликсуйскому султану; похищеніе Мехтулинской ханши; передача къ намъ; бѣгство и смерть).—Панорама горъ

207

Глава III. Отдѣленіе 1-е. Отъ Владикавказа до Тифлиса. Сообщеніе и станція.—Панорама горъ, видимая изъ Владикавказа.—Владикавказскій округъ.—Владикавказъ (его исторія, гостиницы, экипажи и проч.).—Осетины.—Военно-грузинская дорога и ея исторія.—Балта.—Ларсъ.—Дарьяльское ущелье.—Девдоракскій ледникъ и его обвалы.—Замекъ царицы Тамары.—Вѣшеная балка.—Станція Казбекъ.—Охотники на туровъ.—Гора Казбекъ.—Восхожденіе на нее англичанъ Фрешвилльда, Мура и Теккера.—Стефанъ-Цминда (Цминда-Самеба).—Аулъ Гилеты.—Коби.—Истоки Терека.—Переваль чрезъ главный хребетъ.—Рѣчка Байдара и сторожевой осетинскій домъ.—Крестовая гора.—Гудъ-гора.—Легенда про стараго Гуда.—Гудаурская станція и спускъ съ нея.—Млеты.—Пайсанууръ.—Хевсуры, пшавы и тушины (ихъ страна, религія, обычай и проч.).—Ананууръ.—Старая анаурская крѣпость и ея церкви.—Исторія истребленія арагскихъ зрѣставовъ.—Описаніе анаурской крѣпости и ея церкви.—Душетъ.—Цикланы.—Мцхетъ.—Святая равноапостольная Нина и ея крестъ.—Мцхетскій соборъ 12-ти апостоловъ.—Исторія сунруги послѣдняго царя Грузіи Георгія XIII, царицы Маріи.—Самтаврская мцхетская церковь.—Окрестности Мцхета и пещеры въ горахъ.—Отъ Мцхета до Тифлиса

225

Отдѣленіе 2-е. Владикавказъ.—Дарьяльское ущелье.—Прогулка на Цминду-Самебу.—Охотники на туровъ.—Разсказъ про охоту на лосей.—Вятскіе и казанскіе черемисы, охотники на медвѣдей.—Прогулка на охоту въ горы.—Встрѣча съ Мамоновымъ.—Переѣздъ чрезъ переваль.—Здѣшняя природа и способъ обработки земли.

295

Глава IV. Отдѣленіе 1-е. Отъ Тифлиса до Поти. Сообщенія.—Желѣзная дорога.—Тифлисская губернія.—Грузины (ихъ религія, обычаи и проч.).—Армяне и Арменія.—Татары (ихъ жизнь, обычаи, кочевка и проч.).—Русскіе сектанты и нѣмецкіе колонисты, поселенные въ Закавказьѣ.—Тифлисъ, его исторія.—Ага-Магометь-Ханъ и разореніе имъ Тифлиса въ 1795 г.—Царь Ираклій II въ Анапурѣ.—Тифлисъ въ настоящее время.—Раздѣленіе его.—Общій видъ города.—Мейдонъ и армянскій базаръ.—Климатъ Тифлиса.—Гостинницы, извозчики экипажи, бани и проч.—Церковь св. Давида.—Св. Давидъ.—Грузинки-поклонницы св. Давиду.—Могила Грибоѣдова и исторія его смерти.—Бестужевъ (Марлинскій) на могилѣ Грибоѣдова.—Исторія смерти Бестужева.—Дворецъ намѣстника, городской садъ и проч.—Кавказскій музей въ Тифлисъ.—Эриванская площадь, караванъ-сарай и театр.—Ботаническій садъ.—Арцруни.—Муштаидъ.—Молоканская слобода.—Воронцовскій мостъ и памятникъ кн. Воронцову.—Сіонскій соборъ.—Крестъ св. Нины и гробница князя Циціанова въ Сіонскомъ соборѣ.—Князь Циціановъ и его дѣла въ Закавказьѣ: онъ удаляетъ въ Россію царскую грузинскую фамилію, его дѣйствія противъ лезгинъ и сосѣднихъ хановъ, взятіе Ганжи.—Имеретія и Мингрелія въ 1672 г., по описанію Шардена.—Принятіе Мингрелии и Имеретии въ подданство Россіи.—Исторія присоединенія Гуріи.—Дальнѣйшія дѣла кн. Циціанова: походъ его подъ Эривань, старанія о приобрѣтеніи Поти и Баку.—Походъ кн. Циціанова подъ Баку и смерть его.—Армія кн. Циціанова.—Отступленіе полковника Карягина отъ Аскерани въ Мухратъ.—Административныя распоряженія кн. Циціанова.—Начало военной службы на Кавказѣ кн. Воронцова.—Поѣздка въ Караязь.—Маринскій каналъ и орошеніе Караязской степи.—Дорога отъ Тифлиса до Гори.—Гори.—Гористъ-пихе.—Упликъ-пихе, городъ троглодитовъ.—Сурамъ.—Боржомское ущелье и Боржомъ.—Имеретія, Мингрелія и Гурія; исторія ихъ до присоединенія къ Россіи.—Долина Ріона.—Гурійцы, имеретинцы и мингрельцы.—Сурамскій переваль.—Дорога отъ Сурама до Кутаиса.—Кутаисъ (гостинницы, экипажи, прогулки и проч.).—Поѣздка въ Гелатскій монастырь.—Исторія царицы Тамары.—Дорога въ Гелатскій монастырь.—Гелатскій монастырь.—Дорога для путешествія въ Сванетію.—Дорога для путешествія изъ Кутаиса во Владикавказъ чрезъ Мамисонскій переваль.—Желѣзная дорога отъ Кутаиса до Поти.—Поти.—Озеро Палеостомъ.

320

Отдѣленіе 2-е. Впечатлѣніе, производимое на пріѣзжаго тифлиской котловинной и городомъ.—Г. профессоръ физики и гидродлики Галюше, дававшій представленіе проѣздомъ изъ Парижа въ Тифлисъ.—Тифлисскій театръ и репертуаръ.—Телеграмма! Докторъ Эпштейнъ пріѣхалъ!—Опять встрѣча съ Мамоновымъ.—Тулухчи и Муша.—Современный костюмъ грузинокъ.—Грузины и армяне.—Испанскіе Веги, гора Вздохъ мавра и мечеть въ Кордовѣ.—Поѣздка въ Караязь.—Извозчикъ молочанъ.—Поѣздка къ водопаду.—Татарскія лошади.—Джейраны, охота на нихъ.—Приключеніе съ землѣбромъ.—Возвращеніе въ Тифлисъ.—Встрѣча съ *** и измѣненіе первоначальнаго плана путешествія: вмѣсто Боржомо я ѣду на мысъ Адлеръ.—Прыгуны, молочане и духоборцы.—Выѣздъ изъ Тифлиса.—Нѣмецкіе фургоны.—Я расстаюсь въ Гори съ М... и ѣду въ Кутаисъ.—Переправа чрезъ Ляхву въ началѣ правленія кн. Воронцова.—Переѣздъ чрезъ Сурамскій переваль.—Кутаисъ.—Гостинница *hôtel de France*.—Туземныя высшія и нисшія сословія.—Гурійцы.—M-r Victor и геологъ-поваръ.—Исторія убійства кн. Гагарина княземъ Константиномъ Цицхотомъ Дадешкаліани.—Присоединеніе Сванетіи.—Моя поѣздка въ Гелатъ.—Закавказскіе евреи.—Пріѣздъ въ Поти по желѣзной дорогѣ

441

Глава V. Отъ Поти до Сухумъ-Кале и на мысъ Адлеръ. Поѣздка берегомъ изъ Адлера въ Гагры. Отплытіе изъ Гагръ отякъ въ Сухумъ-Кале и возвращеніе оттуда чрезъ Одессу въ Россію. Сообщенія.—Измѣненія, происшедшія въ сообщеніяхъ по черноморскому берегу. — Восточный берегъ Чернаго моря.—Населеніе его въ настоящее время.—Поселенія по черноморскому берегу.—Абхазія.—Исторія ея.—Пицунда и ея храмъ.—Религія абхазцевъ.—Дальнѣйшая исторія Абхазіи съ 1821 года.—Природа Абхазіи, ея жители, ихъ образъ жизни и хозяйство.—Нѣсколько слово вообще о заселеніи новыхъ странъ.—Характеръ абхазца, его костюмъ; абхазскія женщины.—Самурзаканъ.—Цебельда.—Отплытіе изъ Поти на пароходъ «Бабушка». — Перегрузка на «Эльборусъ». — Силачъ мушъ.—Выходъ въ море.—Сухумъ-Кале.—Его исторія.—Сухумъ въ настоящее время (гостиницы и проч.).—Дельфинный промыселъ.—Переѣздъ до Адлера.—Молодой русскій ученый.—Переселенецъ.—Видъ на Адлеръ съ моря.—Мысъ Адлеръ.—Исторія его занятія русскими.—Жизнь адлерскаго гарнизона во время войны съ горцами.—Дорого обешедшаяся баранина.—Долина Ахчипсоу во время горцевъ.—Поселенія на Адлерѣ въ настоящее время и жизнь на немъ.—Князь Гечи-Решидъ.—Поѣздка на хуторъ ***.—Хутора Игелича и малоросса.—Нашъ разговоръ съ *** на прощанье.—Дорога изъ Адлера къ Гаграмъ морскимъ берегомъ и переправа черезъ рѣки.—Разговоръ мой съ управляющимъ г. В*** на дорогѣ, въ духанѣ Александрешчи.—Гагры.—Жизнь гагринскаго гарнизона во время войны съ горцами.—Гагринскія собаки.—Гагры въ настоящее время.—Приходъ «Звѣздочки» и отплытіе изъ Гагры.—Отплытіе съ Кавказа изъ Сухума.—Туапсе.—Новороссійскъ.—Керчь.—Феодосія.—Ялта.—Южный берегъ Крыма.—Севастополь.—Евпаторія.—Пріѣздъ въ Одессу.

Алфавитный указатель.

О П Е Ч А Т К И.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
36	12	сн. шапсугскихъ	шапсугскихъ
37	12	св. есть	былъ
44	12	„ колонкою	колонною
45	2	сн. укрѣпленіе	укрѣпленія
—	15	„ дѣйствія въ	дѣйствія, состоявшія въ
55	3	„ Койазбу	Койсубу
61	6	св. слова	слава
65	6	„ обратится	обратиться
73	11	„ оружіе	орудія.
86	10	сн. городамъ	горцамъ
124	15	св. прочнаго окопа	Прочнаго окопа
126	9	сн. камышевыми вѣсами	камышевыми лѣсами

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
132	12 „	Мокрая Дуйвола	Мокрая Буйвола
134	2 св.	Максинская	Махинская
—	3 „	Качалинская	Кагалинская
139	11 „	12 ч. вечера	9 ч. вечера.
140	17 „	валахъ	волахъ
145	2 сн.	холодна степь; отъ росы она блестятъ серебромъ	холодно; степь отъ росы блестятъ серебромъ
—	7 „	Качалинской	Кагалинской
147	14 „	умаеть	умасть
154	13 св.	валовыми	воловыми
156	2 сн.	средне-Анулукская	средне-Ачулукская
163	1 „	Захарковой	Закорковой
202	10 „	бѣль	быль
214	10 „	поминаешь	понимаешь
216	3 „	Моксаха	Моксоха
220	13 св.	непокорный	но покорный
226	3 и 10 сн.	Мухетъ	Мцхетъ
227	10 „	Кахотверъ	Кальтверъ
234	2 св.	мухетскаго собора	мцхетскаго собора
252	15 сн.	аулами	аулами
266	11 св.	Техавскомъ	Телавскомъ
270	2 сн.	мухетскаго	мцхетскаго
284	4 „	Герсевонъ	Герсеванъ
290	6 св.	Гулана	Гулана
292	14 сн.	вѣчно	лично
301	11 „	верхи	верей
317	19 св.	снѣжными	разноцвѣтными
320	7 „	Чхеремеру	Чхеремелу
323	7 „	гомуры	гомури
328	9 „	моуравъ	моуравъ
330	4 „	устабашими	уста-башами
339	12 сн.	Русуданъ	Русуданъ.
355	8 св.	Воржомъ	Воржомъ
373	5 сн.	Воба-хану	Баба-хану
384	14 св.	Поулуччи	Паулуччи
391	6 „	Караязской степи	Караязской степи
395	2 сн.	Квирихъ	Квирилъ
396	4 св.	Мцхетъ	Мцхетъ
—	8 „	Нибчись-Ухале	Нибчись-Цхале
397	3 сн.	Пшонка	Пшонка
424	12 св.	Квйтири	Тхибули
—	3 сн.	Гершельта	Горшельта
427	1 св.	Абжарскихъ	Аджарскихъ
429	10 „	Барскова	Барсова
437	9 „	Ардони	Ардона
439	2 „	жялое	гнилое
454	18 сн.	Чхеремери	Чхеремери
—	17 „	Квиризахъ	Квирилахъ
462	10 св.	деревянномъ	дрянномъ
464	1 сн.	принадлежащѣ	принадлежащее
—	10 „	Цебенада	Цебельда
471	4 св.	старья	сырья
475	2 „	рабочими	рабами
516	8 сн.	Горну	Горжу.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Кавказъ для каждаго и особенно для русскаго путешественника представляетъ одну изъ самыхъ интересныхъ странъ въ мірѣ. Здѣсь все интересно: и природа и люди. Съ окончаніемъ войны многое на Кавказѣ измѣнилось, но прошедшее такъ еще недалеко отъ насъ, оно такъ свѣжо у всѣхъ въ памяти, что многіе и теперь съ трудомъ свыкаются съ мыслию, что Кавказъ замиренъ окончательно. Быть и политическое устройство (до самаго окончанія войны) какъ восточныхъ, такъ и западныхъ кавказскихъ горцевъ имѣютъ необыкновенный интересъ для каждаго мыслящаго наблюдателя. Элементъ широко, почти безгранично развитой личной свободы, внесенный варварами въ древній міръ, взамѣнъ всепоглощающаго римскаго государственнаго начала, и зачатки свободныхъ народныхъ учреждений, утраченные Европою для того, чтобы быть потомъ добытыми рѣками крови,—были на Кавказѣ у насъ передъ глазами. Отдѣленные отъ всего міра своими недоступными горами и въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ почти нетронутые никакимъ постороннимъ вліяніемъ, кавказскіе горцы представляли рѣдкій образчикъ свободно развившихся обществъ и личностей какъ съ яркими достоинствами, такъ и съ яркими недостатками, порожденными отчужденіемъ ихъ отъ всего остальнаго человѣчества. Не говорю уже объ интересѣ, какой имѣетъ для каждаго русскаго единственная изъ всѣхъ войнъ—никогда и нигдѣ небывалая, почти столѣтняя Кавказская война.

Рѣшившись ѣхать на Кавказъ, я, разумѣется, прежде всего принялся за отысканіе книги, которая могла бы служить мнѣ путеводителемъ, но, къ сожалѣнію, не нашелъ ничего подобнаго. Статьи, въ родѣ статей г. Кретьовича (*Донъ, Кавказъ и Крымъ—Вѣстн. Европы 1868 г.*), несмотря на интересъ, въ нихъ заключающійся,

не могутъ служить путеводителемъ для путешественника уже и потому собственно, что онѣ не напечатаны отдѣльнымъ изданіемъ; при томъ же въ нихъ нѣтъ подробныхъ свѣдѣній, касающихся до матеріальной стороны путешествія. Причина отсутствія путеводителя по Кавказу понятна: не было спроса, не было и предложенія. Едва прошло десять лѣтъ какъ окончилась Кавказская война, и только въ послѣднее пятилѣтіе окончены желѣзные пути къ Черному и Азовскому морямъ, а Тифлиско-Потійская желѣзная дорога открыта лишь въ концѣ прошлаго 1872 года. Большинство посѣщавшихъ Кавказъ состояло до послѣдняго времени преимущественно изъ людей служащихъ, число же собственно туристовъ было, сравнительно, ничтожно. Пятигорскъ и сосѣднія съ нимъ минеральныя воды посѣщались болѣе другихъ кавказскихъ мѣстностей какъ большими, такъ и здоровыми путешественниками, что и вызвало появленіе въ печати *Путеводителя къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ* — доктора Смирнова. Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ къ Одессѣ и Ростову и съ открытіемъ Тифлиско-Потійской желѣзной дороги, сообщенія съ Кавказомъ облегчились, а съ окончаніемъ желѣзной дороги до Владикавказа облегчатся до такой степени, что путешествіе до Владикавказа и оттуда въ Тифлисъ и Поти будетъ также удобно, какъ путешествіе изъ Швейцаріи въ Италію по Симплонской дорогѣ.

Цѣль этой книги самая скромная: служить пособіемъ для тѣхъ изъ моихъ соотечественниковъ, которые захотятъ посѣтить Кавказъ и проѣхать по удобной и одной изъ самыхъ живописныхъ дорогъ въ мірѣ, именно чрезъ Владикавказъ, по Военно-грузинской дорогѣ въ Тифлисъ и оттуда, по Ріонской долинѣ, до Поти. Въ ней они найдутъ: свѣдѣнія о народахъ, живущихъ въ этихъ мѣстностяхъ, описаніе замѣчательныхъ мѣстъ и событій, здѣсь бывшихъ, свѣдѣнія о сообщеніяхъ, указаніе цѣнъ и проч.—однимъ словомъ то, чѣмъ обыкновенно наполняются путеводители. Поѣздку же на вос-

точный берегъ Чернаго моря, выше Сухумь-Кале, я могу рекомендовать только тѣмъ изъ моихъ читателей, которые способны переносить дѣйствительно путешествіе, а не довольствоваться прогулкою по желѣзнымъ дорогамъ и остановками въ роскошныхъ отеляхъ, что называется путешествіемъ по Европѣ. Тутъ надо приготовиться къ лишениямъ и сказать прости комфорту. При томъ я счелъ необходимымъ прибавить географическій очеркъ Кавказскаго края и исторической очеркъ Кавказской войны. Въ концѣ книги приложена карта. Подробности я рассказываю при описаніи тѣхъ мѣстъ, гдѣ происходили событія. Надо, между прочимъ, замѣтить, что ни одна мѣстность, входящая въ составъ русской территоріи, не имѣетъ такой богатой литературы, по всѣмъ отраслямъ знаній, какъ Кавказъ; въ доказательство возьмите третій томъ *Истории войны и владычества Русскихъ на Кавказѣ—Дубровина*; томъ этотъ состоитъ единственно изъ перечисленія статей и сочиненій о Кавказѣ, и ихъ оказывается 2,355! Но все это разбросано по отдѣльнымъ изданіямъ, журналамъ, газетамъ и доступно развѣ только тому, кто имѣетъ возможность заниматься въ петербургской публичной библіотекѣ. Я воспользовался тѣми сочиненіями, которые могъ достать въ Москвѣ, а именно: *Сочиненія Дубровина; Публичныя лекціи о Кавказской войнѣ, Романовскаго; Закавказскій край, Гакстгаузена; Пльнз у Шамиля, Вердеревскаго; Записки о Шамилѣ, Руновскаго; Письма съ Кавказа, Оадѣва; Природа и люди на Кавказѣ и за Кавказомъ, Надеждина; Путеводитель къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ, Смирнова; Воспоминанія пльннаго русскаго офицера, Н. Т.; Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ и, кромѣ того, разныя статьи, помѣщенныя въ журналахъ и газетахъ.*

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ. Просматривая свою дорожную записную книжку, я увидѣлъ, что въ ней, кромѣ замѣтокъ, необходимыхъ для составленія путеводителя, много есть моихъ личныхъ замѣтокъ. Что

мнѣ дѣлать съ этими послѣдними? думалъ я. Бросить ихъ жаль, а напечатать—это значить претендовать на званіе литератора-рассказчика, на что я не рѣшаюсь. Я колебался и не зналъ, какъ быть; вдругъ мнѣ пришло въ голову: да неужели же въ дорогѣ читаются одни дѣйствительно литературныя произведенія? Совершенно напротивъ, въ дорогѣ, отъ нечего дѣлать, читается, большею частію, все, что попадетъ подъ руку. Посмотрите, чѣмъ у насъ угощаютъ почтенную публику на желѣзныхъ дорогахъ, и все это читается, скуки ради. Печатаю, рѣшилъ и я поэтому. Но, чтобы не быть навязчивымъ, сдѣлаю такъ: раздѣлю каждую главу на два отдѣленія,—въ первомъ помѣщу все, что относится собственно къ путеводителю, а во второмъ помѣщу свои рассказы и наблюденія. Если вамъ, читатель, послѣднія покажутся скучными, мимо ихъ! По оглавленію и по алфавитному указателю вы легко найдете то, что вамъ нужно. Если же будете читать, то будьте пожалуйста снисходительны: рассказы эти писалъ не литераторъ, а просто путешественникъ, заносившій въ свою записную книжку, не мудрствуя лукаво, все, что казалось ему интереснымъ во время дороги. Почему знать, можетъ быть ему удалось занести что нибудь такое, что покажется интереснымъ и вамъ, благосклонный читатель. Изъ сказаннаго становится понятнымъ названіе: Путеводитель и Собесѣдникъ. Не смѣю надѣяться, чтобы книжка эта вышла занимательною, достаточно, если она принесетъ нѣкоторую практическую пользу лицамъ, желающимъ посѣтить Кавказъ. Если же, сверхъ моего ожиданія, публика приметъ ее благосклонно, то послѣ этого опыта я рѣшусь напечатать и слѣдующую часть, именно: Путеводителя и Собесѣдника въ путешествіяхъ по Чечнѣ и Дагестану. Въ заключеніе всего, мнѣ остается только заранѣе попросить извиненія въ тѣхъ невольныхъ ошибкахъ и недосмотрахъ, которые, по всей вѣроятности, вкрались и въ эту книгу, какъ они вкрадываются всегда и всюду.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ КАВКАЗСКАГО КРАЯ.

Подъ именемъ *Кавказскаго края* извѣстенъ четырехугольникъ, ограниченный съ сѣвера Землею Войска Донскаго и Астраханской губерніею, съ юга границею Россіи съ Турціей и Персіей, а съ запада и востока Чернымъ и Каспійскимъ морями. Величина его огромной площади равняется 8 тыс. кв. миль или 400 тыс. кв. верстъ. Съ сѣверо-западнаго на юго-восточный уголъ четырехугольникъ прорѣзывается діагонально главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, длина котораго около 1,000, а ширина около 200 верстъ; средняя часть хребта отъ горы Оштена на сѣверо-западѣ до Салаватъ-Дага на юго-востокѣ, на протяженіи 600 верстъ, покрыта вѣчными снѣгами; здѣсь многія даже изъ второстепенныхъ горъ не уступаютъ въ вышинѣ Монблану, а Эльборусъ (18,527 ф.) выше его на 3,727 ф., т. е. на одну версту и $32\frac{1}{2}$ сажени. При первомъ взглядѣ на карту, можно замѣтить, что Кавказскій край самую природою раздѣляется на три главныя части: на *Предкавказье*, простирающееся отъ сѣверной границы до подножія горъ; на собственно *Кавказъ* или самый хребетъ съ его многочисленными отрогами, пролегающій отъ Тамани до Баку, и, наконецъ, на *Закавказье*, то-есть пространство, лежащее на югъ отъ главнаго хребта до самыхъ нашихъ границъ съ Персіей и Турціею. Сѣверную и значительнѣйшую часть *Предкавказья* составляетъ степь въ пол-

номъ смыслѣ этого слова. Здѣсь рѣдкое населеніе расположилось по берегамъ немногихъ рѣчекъ, отличающихся дурнымъ вкусомъ воды и принадлежащихъ большею частью къ системамъ *Кумы* и *Маныча*, а эти главныя рѣки тоже не доходятъ до моря и теряются въ степныхъ пескахъ, посреди камышей. Изъ рѣчекъ этой системы болѣе другихъ замѣчательны: *Большой* и *Средній Егорлык* и *Калаусъ*, берущія свои начала въ *Темнолтыскихъ* и *Воровсколтыскихъ* высотахъ, недалеко отъ Ставрополя. Покрываютъ лѣсной растительностью, возвышенности эти вдалились клиномъ въ степную часть Предкавказья и составляютъ продолженіе Черноморско-Каспійскаго водораздѣла, начинающагося отъ Эльборуса. Степь простирается до *Терека* и *Кубани*, главныхъ рѣкъ Предкавказья, изъ которыхъ первый течетъ въ Каспійское, а вторая въ Черное море. Къ югу за этими рѣками степной характеръ мѣстности исчезаетъ; многочисленныя рѣки прорѣзываютъ неровную мѣстность, и чѣмъ далѣе подвигаешься на югъ, тѣмъ все болѣе приближаешься къ Залабинскимъ (Абадзехскимъ) и къ Засунженскимъ (Чеченскимъ) дремучимъ и въ прежнее время недоступнымъ и грознымъ лѣсамъ. Главныя рѣки этой *равнинной* полосы Предкавказья, какъ мы уже сказали, *Кубань* и *Терекъ*. Первая (называемая по-черкесски *Пишизъ*, то есть князь рѣкъ или, буквально, старый князь) беретъ начало у Эльборуса, а второй у Казбека. Въ *Кубань* съ лѣвой стороны впадаютъ *Большой* и *Малый Зеленчуки*, *Урупъ*, *Лаба* (съ *Чамлык*омъ, *Малой Лабой*, *Ходземъ*, *Чохракомъ*, *Фарсомъ* и др.), *Въляя* (съ *Пишехой*) *Пишизъ*, *Афипсъ*, *Адагумъ* и проч. Съ правой же стороны Кубань не принимаетъ ни одной скольконибудь значительной рѣчки, а устье ея, верстъ на 70

отъ моря, вверхъ по теченью, поросло дремучими камышами, называемыми *плавнями*. Изъ впадающихъ съ лѣвой стороны въ *Терекъ* самая значительная рѣка это— *Малка* (съ *Баксаномъ* и др.), а съ правой стороны *Сунжа* (съ *Аргуномъ* и множествомъ другихъ горныхъ притоковъ). На востокъ отъ Сунженской (Чеченской) равнины, къ Каспійскому морю, между Терекомъ и Сулакомъ, лежитъ безлѣсная *Кумыкская плоскость*, въ которой главная рѣчка *Аксай* не достигаетъ до моря, а, разливаясь по равнинѣ, образуетъ болотистую пустыню. Съ лѣвой стороны, изъ степи, Терекъ, также какъ и Кубань, не принимаетъ въ себя ни одной хоть мало мальски замѣчательной рѣчки, и устье его, также какъ и устье Кубани, проходитъ между камышей и тростниковъ, хотя и не такихъ сильныхъ, какъ знаменитые плавни. Равнинная полоса Предкавказья, имѣющая до 800 верстъ длины и суживающаяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 30 или 40 верстъ, отличается плодородною почвою, роскошными травами и теплымъ климатомъ. Переходъ отъ степной полосы къ равнинной поразителенъ: тамъ безлѣсье и безводье, здѣсь неизмѣримый паркъ, прорѣзанный безчисленнымъ множествомъ ручьевъ и рѣчекъ и обнесенный съ юга Кавказскимъ хребтомъ, котораго снѣговья вершины составляютъ задній фонъ грандіозной и величественной панорамы. Въ лѣсахъ, въ которыхъ водятся всевозможные звѣри, начиная отъ оленя и кабана и кончая зайцемъ, не рѣдкость встрѣтить черносливъ, персики, абрикосы, шелковицу, груши, бергамоты и виноградникъ въ дикомъ состояніи. Гудѣнье безчисленной дикой птицы въ поросшихъ тростникомъ рѣчныхъ устьяхъ бываетъ слышно по зарѣ за нѣсколько верстъ. Близость снѣговыхъ горъ отчасти причиною

того, что на пѣкоторыхъ высокихъ плоскостяхъ морозы доходятъ зимою до 20°. Линейные казаки здѣсь долго владѣли землею безъ счета, а горцамъ, выселявшимся въ прежнее время въ наши границы, отдѣляли землю цѣлыми пространствами отъ одного какого либо урочища до другаго. Теперь земли эти поступаютъ въ надѣль и раздаются правительствомъ частнымъ лицамъ, преимущественно за заслуги. Населеніе Предкавказья самое разнообразное. Въ степной части кочуютъ *калмыки*, *ногайцы* и *кумыки*, а осѣдлое населеніе состоитъ изъ государственныхъ крестьянъ, осѣдлыхъ кочевниковъ, *черноморскихъ казаковъ*, земля которыхъ лежитъ отъ Азовскаго моря до Ставропольской губерніи, и другихъ. По Тереку, Сунжѣ, Малкѣ, Кубани, Бѣлой и Лабѣ поселены *линейные казаки*. Точно также по рѣкамъ Закубанской плоскости, въ перемежку съ казаками, поселены до 80 тысячъ *горцевъ*, выселенныхъ изъ горъ по окончаніи войны и не ушедшихъ въ Турцію. Между Малкою и Терекомъ живутъ *кабардинцы*; за Сунжей и отчасти по лѣвую ея сторону *чеченцы*, а рядомъ съ ними, противъ Моздока, къ востоку отъ Владикавказа, *назрановцы*, *кистины* и *ингуши*. Прежде Предкавказье состояло изъ Ставропольской губерніи, Земли Черноморскихъ казаковъ и *праваго* (по Кубани) и *лѣваго* (по Тереку) *фланговъ*; съ 1-го же января 1871 г. введено здѣсь гражданское управленіе, и Предкавказье раздѣлено въ административномъ отношеніи, кромѣ Ставропольской губерніи, на *Кубанскую* и *Терскую* области.

Кубанская область раздѣляется на пять уѣздовъ: *Ейскій*, *Телрюкскій*, *Екатеринодарскій*, *Баталпашинскій* и *Майкопскій*. Она подчинена начальнику области и вмѣстѣ съ тѣмъ наказному атаману кубанскаго ка-

зачьяго войска. Все населеніе Кубанской области, занимающей 1,682 кв. м. (кромѣ городскаго населенія, состоящаго изъ однихъ русскихъ) состоитъ:

Изъ русскихъ . . .	517,219	человѣкъ
„ горцевъ . . .	83,607	„
„ армянъ . . .	3,163	„
„ нѣмцевъ . . .	1,913	„
„ грековъ . . .	798	„

Итого . . . 606,700 ч. об. пола.

Терская область *раздѣлена на 7 округовъ: Георгиевскій, Владикавказскій, Грозненскій, Кизлярскій, Хасав-Юртовскій, Веденскій (слободка Ведено) и Аргунскій (управленіе въ укрѣпленіи Шатонъ).* Городъ *Моздокъ* не принадлежитъ ни къ какому округу. Область подчинена командующему войсками и вмѣстѣ съ тѣмъ начальнику Терской области. Занимаетъ она 1,609 кв. м. Населеніе ея состоитъ:

Изъ русскихъ . . .	160,785	челов.
„ армянъ . . .	10,728	„
„ осетинъ . . .	10,444	„
„ кумыковъ . . .	24,918	„
„ ногайцевъ . . .	8,302	„
„ ауховцевъ . . .	5,912	„
„ салатавцевъ . . .	6,469	„
„ зондаковцевъ . . .	6,261	„
„ ичкеринцевъ . . .	12,682	„
„ прочихъ горцевъ . . .	192,111	„

Итого . . . 477,612 чел. об. пола.

Ставропольская губернія *съ Пятигорскимъ уѣздомъ* занимаетъ 1,287 квадратныхъ миль и имѣетъ 429,578 жит. Слѣдовательно, во всемъ Предкавказьи живетъ около

1¹/₂ милліона душъ обоого пола. Величина всего Предкавказья простирается до 4,578 кв. миль или до 228,900 квадр. верстъ; слѣдовательно, приходится по 6¹/₂ душъ на квадратную версту; (въ восемь разъ менѣе, чѣмъ въ Московской губерніи, имѣющей 52 души на квадратную версту).

Кавказъ или главный водораздѣльный хребетъ съ его отрогами, какъ мы уже сказали, имѣтъ до 1,000 верстъ длины и до 200 верстъ ширины. Середина его, отъ горы *Оштенъ* до *Салаватъ-Дага*, на протяженіи 600 верстъ, состоитъ изъ горъ, которыхъ вершины покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Высочайшая изъ нихъ *Эльборусъ* (18,527 ф.) на 3,727 ф. или на 1 версту 32¹/₂ сажени выше Монблана (14,800 ф.); далѣе слѣдуетъ *Дыхъ-Тау* (16,941), *Казбекъ* (16,557), *Джимерай-Гохъ* (15,700), *Адай-Гохъ* (15,260) и проч. Все пространство, занимаемое горнымъ хребтомъ съ отрогами, простирается до 3,857 кв. миль. Главный *горный хребетъ* расположенъ пятью почти правильными рядами. Сѣверная или передняя на немъ гряда состоитъ изъ низшихъ горъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ и называемыхъ поэтому *Черными горами*. За этою грядою и почти параллельно ей идутъ высшія горы. болѣе крутыя и обрывистыя, съ весьма малою растительностью; въ срединѣ пролегаетъ главный хребетъ, а за нимъ, по южной сторонѣ, тянутся опять почти такія же голыя и обрывистыя горы, за которыми, наконецъ, слѣдуетъ линія низшихъ, лѣсистыхъ горъ, отъ подножія которыхъ и начинается уже Закавказье. Отличительное свойство *Черныхъ горъ* состоитъ въ томъ, что южные ихъ скаты часто совершенно отвѣсны и голы, тогда какъ сѣверные, наоборотъ, отлоги и покрыты лѣсомъ. Самая узкая часть хребта у Казбека, гдѣ сходятся исто-

ки Терека и Арагвы, вдоль которыхъ проходитъ *Военно-грузинская дорога*. Мы въ этомъ краткомъ очеркѣ не станемъ перечислять всѣхъ отроговъ главнаго хребта, а упомянемъ только объ *Андійскомъ хребтѣ*, отдѣляющемся отъ главнаго на востокъ отъ Казбека и тянущемся почти до самаго Каспійскаго моря. Треугольникъ, заключенный между этимъ моремъ и главнымъ и Андійскимъ хребтами, составляетъ какъ бы отдѣльную часть и носить названіе *Дагестана*. Дагестанъ населенъ *лезгинами* и раздѣляется на *внутренній* или *нагорный* и на *восточный* или *прибрежный*. Горы въ прибрежномъ Дагестанѣ, сравнительно, не высоки, покрыты лѣсами и пастбищами, а нѣкоторыя части ихъ весьма хорошо обработаны; напротивъ, нагорный Дагестанъ составляетъ самую суровую и недоступную часть Кавказа.

Главные его рѣки *Казикумыхское*, *Кара* или *Черное*, *Аварское* и *Андійское* — *койсу* (койсу — по-лезгински рѣка) несутся среди мрачныхъ, голыхъ и недоступныхъ ущелій. Весь нагорный Дагестанъ представляетъ какой-то хаосъ каменныхъ громадъ, почти нигдѣ не покрытыхъ растительностью. Дороги въ немъ состоятъ изъ тропинокъ, годныхъ только для верховой ѣзды на горскихъ лошадяхъ, цѣпляющихся чуть не по отвѣснымъ скаламъ, какъ кошки. Только въ послѣднее время, по окончаніи войны, чрезъ Дагестанъ разработана проѣзжая дорога изъ *Петровска* на *Темиръ-Ханъ-Шуру*, *Гунибъ*, *Хунзахъ*, *Ботлихъ*, *Андію* и *Ведено*. Дорога эта носить названіе *Падишахъ-Юлз* (царской дороги). Съ трудомъ вѣрится, чтобы въ этой суровой странѣ могли жить люди, а между тѣмъ нагорный Дагестанъ и самая суровая часть его *Аварія*, лежащая между Андійскимъ и Аварскимъ койсу, были родиною почти всѣхъ знамени-

тыхъ военныхъ людей Кавказа. Три *имамы*: *Казы-Мулла*, *Гамзатъ-Бекъ* и *Шамиль*, равно какъ и всѣ его знаменитѣйшіе *наибы* (правители областей и военачальники) были или лезгины, или аварцы. Скалистый Дагестанъ и лежащая отъ него чрезъ Андійскій хребетъ лѣссистая *Чечня* составляли, такъ сказать, узелъ всей Кавказской войны. Громкія имена *Гунибъ*, *Ведено*, *Ахульго* и др. подтверждаютъ это. Изъ главнаго хребта беретъ начало большая часть рѣкъ Кавказскаго края, сливающихся на сѣверѣ въ *Кубань* и *Терекъ*, а на югѣ въ *Куру* и *Ріонъ*. Ріонъ и Кубань составляютъ Черноморскую, а Терекъ и Кура Каспійскую системы. Отдѣльная Дагестанская система рѣкъ состоитъ изъ упомянутыхъ выше четырехъ койсу, которыя, прорвавъ Андійскій хребетъ, образуютъ *Сулакъ*, вливающийся въ Каспійское море. Въ него же вливается и *Самуръ*, текущій на югъ изъ Дагестана вмѣстѣ со множествомъ другихъ мелкихъ рѣчекъ. О Кубанской и Терской системахъ мы говорили при описаніи Предкавказья. Съ южной стороны главнаго хребта въ *Куру* впадаютъ: *Алазань* (съ *Юрой*), *Арагва* и *Ляхва* съ ихъ притоками; *Ріонъ* и главный его притокъ *Цхенисъ-Цхали* сами берутъ начало въ главномъ хребтѣ. Въ Черное море съ главнаго хребта впадаютъ: *Ингуръ*, *Кодоръ*, *Бзыбъ*, *Мзымта*, *Соча*, *Шахе*, *Туансе* и др. Изъ всѣхъ кавказскихъ рѣкъ судоходны только *Кубань*, *Кура* и *Ріонъ*; по первой пароходы могутъ ходить до *станции Тифлисской* (230 верстъ отъ устья), а въ половодье до *станции Кавказской* (270 верстъ), по второй до *Мингичаура* (ниже впаденія Алазани), а по *Ріону* до *Орпирри* и даже до *Кутанса*. Главныя отличительныя свойства всѣхъ горныхъ рѣкъ—это: мелководье въ сухое и холодное время и половодье во

время дождей и таянія снѣговъ; въ это время, зачастую, ничтожныя ручейки превращаются въ грозно-бушующіе потоки, нетерпящіе никакихъ препятствій. На Черноморскомъ берегу находится всего три бухты: *Новороссійская*, *Геленджикская* и *Сухумская*; послѣдняя, хотя и болѣе открыта, считается все-таки лучшею потому, что не подвергается дѣйствию страшнаго береговаго вѣтра *Боры*. На Каспійскомъ же морѣ двѣ главныя бухты: *Петровская* и *Бакинская*.

Едва ли въ цѣломъ свѣтѣ существуетъ гдѣ нибудь такое разнообразное населеніе, какъ населеніе Кавказскаго хребта. Здѣсь иногда не только сосѣднія общества говорятъ на совершенно различныхъ языкахъ, но есть примѣры, что одна часть аула (селеніе) не понимаетъ другую. Въ одномъ Дагестанѣ до 40 нарѣчій. Шамиль такъ рассказывалъ исторію заселенія Кавказа. „Когда Алисандеръ Зулькурнай (Александръ Македонскій) завоевалъ весь свѣтъ, то велѣлъ собрать отовсюду всѣхъ разбойниковъ и мошенниковъ и за наказаніе поселилъ ихъ на Кавказѣ.“ Мы перечислимъ главныя племена, живущія въ настоящее время и жившія въ Кавказскихъ горахъ до окончанія войны. На юго-восточномъ концѣ главнаго хребта живутъ народы татарскаго племени; въ Дагестанѣ—*лезгинны*; на сѣверной сторонѣ Андійскаго хребта—*чеченцы*; на южномъ склонѣ, къ востоку отъ Военно-грузинской дороги—*тушинны*, *пшавы* и *хевсурры*; къ западу отъ нея—*осетины*; далѣе, по сѣверному склону главнаго хребта, по Кубанской системѣ, жили (выселившіеся большею частію въ Турцію) *вольныя* или *бѣглыя кабардинцы* (у сѣвернаго склона Эльбурса, къ югу отъ плоскости мирной Кабарды); *карачавцы* (у истоковъ Кубани); *абазинны* (между истоками Зеленчу-

ковъ и Бѣлой); *абадзехи* (отъ истоковъ Бѣлой до Аѳипса); *бжедухи* и *натухайцы* (близъ Новороссійска); по Черноморскому уклону жили (также выселившіеся) *шапсуги* (отъ Новороссійска до рѣки Шахе); *убыхи* (отъ Шахе до Мзымты); *джигеты* (отъ Мзымты до Бзыба, т. е. до Абхазіи); за ними, до самой Мингрелии, живутъ *Абхазцы*; на юго-западъ отъ нихъ, ближе къ подножію Эльборуса, находятся: *Цебельда*, *Сванетія* и *Самурзаканъ*. *Цебельдинцы*, въ числѣ 4-хъ тысячъ семействъ, тоже выселились въ Турцію. Число *тушинъ*, *пшавовъ* и *хевсуръ* около 32 т. душъ. Всѣхъ *непокорныхъ горцевъ западнаго Кавказа* считалось около 500 т. душъ; изъ нихъ около 80 т. переселилось на Кубанскую равнину, а остальные, уцѣлѣвшіе отъ войны, всѣ ушли въ Турцію. Въ настоящее время *Дагестанъ* подчиненъ особому военному управленію, подъ главнымъ начальствомъ начальника *Дагестанской области* и командующаго войсками.

Дагестанская область въ административномъ отношеніи раздѣляется на 3 отдѣла: *сѣверный*, *средній* и *южный*; отдѣлы раздѣляются на *округи*, а округа на *наибства**). *Черноморскій берегъ* (96 кв. миль, жителей 15,578; 3 жителя на квадратную версту) подчиненъ начальству особаго **Черноморскаго округа**, а *Абхазія* съ сосѣдними странами—начальнику **Сухумскаго отдѣла** (132 кв. мили, жит. 66,448; 10 жит. на кв. версту). Лѣса и недоступныя вершины главнаго Кавказскаго хребта доставляютъ убѣжище всевозможнымъ хищнымъ и нехищнымъ звѣрямъ. Тутъ водятся во множествѣ ка-

*) Число жителей въ ней простирается до 448,300 душъ обоого пола; пространство—519 кв. миль; стало быть, приходится 17 человекъ на кв. версту; изъ этого числа $\frac{2}{3}$ принадлежатъ прибрежному, а остальное внутреннему Дагестану.

баны, волки, гіенны, шакалы, медвѣди, олени, дикія козы, куницы, а изрѣдка попадаются даже барсы (въ Абхазіи); въ верхнемъ поясѣ живутъ туры, а у истоковъ Зеленчуковъ встрѣчается зубръ (адамбе—по туземному), водящійся только здѣсь и въ Бѣловежской пушчѣ. На самыхъ недоступныхъ высотахъ живутъ горные орлы и другія хищныя птицы.

Закавказье, по своему естественному строенію, не можетъ быть принимаемо за одно цѣлое. Здѣсь встрѣчаются два рѣзко отличающіеся между собою типа земной поверхности: *Куро-Ріонская равнина* и *Армянское плоскогорье*. Долина Ріона отдѣляется отъ долины Куры невысокимъ *Ваханскимъ* или *Грузино-Имеретинскимъ хребтомъ*, чрезъ который проходитъ живописный такъ называемый *Сурамскій перевалъ*. Она отличается жаркимъ климатомъ, обиліемъ водъ, необыкновенною растительностью и, вслѣдствіе всего этого, лихорадками. Гавань ея *Поти*, при устьѣ Ріона, недоступна большимъ кораблямъ, по причинѣ наносовъ. Долина Куры не такъ богата лѣсомъ, отличается болѣе здоровымъ и болѣе умѣреннымъ климатомъ, но восточная ея часть состоитъ изъ бесплодныхъ, необитаемыхъ и нездоровыхъ степей, а климатъ этихъ мѣстъ имѣетъ континентальныя свойства, представляющія чрезвычайно рѣзкія крайности. Лучшая часть долины Куры—это очаровательная *Кашетія*, лежащая по долинѣ *Алазани*; сила растительности въ ней изумительна, и фруктовыя и виноградныя деревья даютъ здѣсь свои прекрасные плоды иногда безъ всякаго ухода. *Армянское плоскогорье* заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя первостепенныя вершины, каковы: гора *Большой Араратъ* (16,980 ф.), *Малый Араратъ* (12,835 ф.) и *Алагезъ* (13,450 ф.). Оно спускается къ Закав-

казыю террасами, на окраинахъ которыхъ идутъ крутые горные хребты, имѣющіе большую длину къ сторонѣ Кавказа и меньшую къ сторонѣ плоскогорья. Съ главнымъ Кавказскимъ хребтомъ плоскогорье соединяется черезъ Ваханскій хребетъ, о которомъ мы говорили. Возвышенныя равнины *Арменіи* большею частию безлѣсны, нѣкоторыя изъ нихъ голы и лишены растительности, а другія представляютъ богатая пастбища, неопѣненное сокровище для кочующаго неселенія. Гдѣ есть орошеніе, тамъ сила и богатство растительности изумительны. *Александропольскій уѣздъ* и *Лорійскія степи*, лежащія къ сѣверу отъ Александрополя, славятся своимъ хлѣбородіемъ. Климатъ плоскогорья отличается рѣзкостями: жаркій лѣтомъ, онъ на нѣсколькихъ террасахъ зимою бываетъ очень холоденъ; такъ, напр., въ *Эривани* средняя температура въ августѣ $+ 21^{\circ}$, а въ январѣ -12° . Въ *Александрополь* морозы доходятъ до 20° . Въ 1808 году, при отступленіи *гр. Гудовича* отъ Эривани, изъ отряда, заключавшаго въ себѣ не болѣе 8 т. чловѣкъ, замерзло около тысячи, большею частью больныхъ и раненыхъ. Къ востоку отъ Эривани находится единственное по свой величинѣ на всемъ Кавказѣ—озеро *Гокча*, имѣющее болѣе 60 верстъ длины и происшедшее, какъ полагаютъ, вслѣдствіе огромнаго вулканическаго провала. Рѣка *Араксъ* и притокъ его *Арпачай* составляютъ большую часть нашей границы съ Турціей и Персіей. Араксъ впадаетъ въ Куру, нижняя часть которой течетъ безплодными и солонцеватыми степями и впадаетъ въ Каспійское море, образуя около мѣста впаденія огромныя болота. Поразительны остатки безчисленныхъ канавъ, покрывающихъ эти степи и доказывающихъ, что эта, въ настоящее время необитаемая, страна

была когда-то орошаема и покрыта богатымъ населеніемъ. *Народонаселеніе Закавказья* слишкомъ 2¹/₂ милліона душъ, то-есть около половины всего населенія Кавказскаго края, простирающагося до 5 милліоновъ. Общее число христіанъ относится къ числу мусульманъ, какъ 10: 7. Главные народы Закавказья: *грузины, армяне, татары и персіяне* (составляющіе главную часть населенія Ленкоранскаго уѣзда). *Грузины* и одноплеменные съ ними (*картвельскаго племени*) *имеретинны, мингрельцы* и *гурійцы* составляютъ главную часть населенія въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ. *Армяне* занимаютъ преимущественно Эриванскую губернію, но, кромѣ того, они встрѣчаются и во всемъ краѣ, особенно въ городахъ. Почти вся *торговля* Закавказья находится въ рукахъ армянъ. *Эриванская губернія* принадлежала древней Арменіи. На границѣ ея, на турецкомъ берегу Арпачая и по настоящее время хорошо сохранились развалины послѣдней столицы Арменіи, города *Ани*, которыя ясно свидѣтельствуютъ о богатствѣ и образованіи, которыми когда-то пользовалось Армянское царство. Въ Эриванской губерніи находится и главная святыня всѣхъ армянъ, монастырь *Эчміадзинъ*, гдѣ живутъ армянскіе *католикосы* (патріархи). Неподалеку отсюда находилась и одна изъ столицъ древней Арменіи, *Вашгарабадъ*. Значительная часть армянъ, населяющихъ Эриванскую губернію, не составляетъ ея давнихъ обитателей,—они переселены сюда изъ Турціи послѣ войны 1828 и 1829 годовъ. *Татары* и *персіяне* составляютъ главную массу населенія *Шемахинской* губерніи и сосѣднихъ съ нею уѣздовъ. Въ Закавказьи находится также до 4 тыс. *нѣмецкихъ колонистовъ*.

Затѣмъ, кромѣ поселеній *женатыхъ солдатъ*, водво-

ренныхъ при полковыхъ квартирахъ, здѣсь поселено до 25 тысячъ русскихъ сектантовъ, много оживившихъ своею предприимчивостью торговлю края. Кромѣ того, надобно упомянуть о *курдахъ*, кочующихъ близъ озера Гокча, *евреяхъ*, *грекахъ* и *туркахъ*. Изъ царства животнаго, кромѣ звѣрей, свойственныхъ горнымъ мѣстамъ, въ Закавказьи замѣчательны джейраны (порода антилопъ), водящіеся въ степяхъ на долинѣ Куры; близъ Ленкорани попадаются тигры, а въ Сальянскомъ на Каспійскомъ морѣ заливѣ зимуетъ невѣроятное количество водяной птицы. Въ настоящее время Закавказье дѣлится на губерніи: Тифлисскую (731 кв. миль, жителей 599,098—по 16 чел. на квадратную версту) съ уездами Тифлискимъ, Душетскимъ, Телавскимъ, Сигнахскимъ, Горійскимъ и Ахалцухскимъ; Елисаветопольскую (794 кв. мили, 523,742 жит.—13 чел. на квадр. версту) съ уездами Елисаветопольскимъ, Казахскимъ, Шушинскимъ, Занзегурскимъ, Нухинскимъ; Бакинскую (707 кв. м., 506,832 жит.—14 челов. на кв. версту) съ уездами Бакинскимъ, Кубинскимъ, Шемахинскимъ, Гокчайскимъ, Джевадскимъ и Ленкоранскимъ; Эриванскую (472 кв. мили, 453,597 жит.—18 челов. на кв. версту) съ уездами Эриванскимъ, Нахичеванскимъ, Новобаязетскимъ, Эчмиадзинскимъ и Александропольскимъ; Кутаисскую (278 кв. миль, 600,607 жит.—32 челов. на кв. версту) съ уездами Кутаисскимъ, Шаропанскимъ, Рачинскимъ (сверхъ по Ріону), Лечгумскимъ (сверхъ по Цхенис-Цхали), Сенакскимъ, Зугдидскимъ и Озурчетскимъ. Прибавимъ также, что во всемъ Кавказскомъ краѣ крѣпостное право уничтожено на основаніяхъ общихъ для всей Имперіи, введены мировыя учрежденія и гласное

судопроизводство, но безъ присяжныхъ. Въ *Дагестаннѣ* же и у прочихъ горцевъ введены *народные суды* по ихъ обычаямъ (по адату *).

Сдѣлавъ этотъ краткій обзоръ Кавказскаго края, мы скажемъ нѣсколько словъ о томъ, въ какомъ видѣ онъ находился при занятіи его русскими въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Это необходимо для историческаго очерка Кавказской войны. Въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтій Закавказье состояло: изъ *царства Грузинскаго* (столица *Тифлисъ*, составныя части: *Картли* въ верхней части Куры и *Кахетія*, по Алазами); *Имеретіи* (за Сурамскимъ переваломъ, по рѣкамъ Квирили и Ріону, вокругъ столицы *Кутаиса*); *Мингрелии* (на западъ отъ Имеретіи, по правому берегу Ріона, до Чернаго моря); *Гуріи*, по лѣвому берегу Ріона, также до моря). Всѣ эти страны имѣли самостоятельныхъ владѣтелей. Кромѣ того, въ Закавказьи были слѣдующія *ханства*: *Эриванское* (Эривань), *Нахичеванское* (Нахичевань, къ югу отъ Эривани), *Карабагское* (*Шуша*), *Ганжинское* (*Ганжа*, нынѣшній *Елисаветополь*), *Талышское* (къ югу отъ устьевъ Куры, по морскому берегу, гдѣ Ленкорань), *Бакинское* (*Баку*), *Ширванское* (къ югу отъ Шемахи), *Шекинское* (*Нуха*), *Кубинское* (*Куба*), *Юрринское* (сѣвернѣе Кубинскаго ханства, къ юго-западу

*) Итакъ мы видимъ, что въ настоящее время въ административномъ отношеніи весь *Кавказскій край* раздѣляется: на шесть губерній: *Тифлисскую*, *Елисаветпольскую*, *Бакинскую*, *Эриванскую*, *Кутаисскую* и *Ставропольскую*, изъ которыхъ каждая раздѣляется на уѣзды; на три области: *Кубанскую*, *Терскую* и *Дагестанскую*, изъ которыхъ первая раздѣляется на уѣзды, а вторыя двѣ на округа; на *Черноморскій округ* и *Сухумскій отдѣлъ*.

Если читатель возьметъ на себя трудъ отыскать съ помощію алфавита каждую изъ этихъ составныхъ частей и сосчитаетъ народонаселеніе, то увидитъ, что *народонаселеніе всего Кавказскаго края почти равняется 5 милліонамъ душъ обою пола*.

отъ Дербента). Въ *Дагестанъ* были: *Кази-Кумыхское* ханство (*Кумыхъ*, на Кази-Кумыхскомъ койсу), *Аварское* (*Хунзахъ*, въ Аваріи), *Междулинское* (на правой сторонѣ Кази-Кумыхскаго койсу, на востокъ отъ Аваріи), *владѣнія Элисуйскаго султана* (*Элису*, на южномъ* склонѣ главнаго хребта, между Ново-Закаталами и Нухой), *владѣнія Шамхала Тарковскаго* (*Тарки*, къ югу, вблизи Петровска). По берегу Чернаго моря *владѣтели Абхазіи* былъ князь *Ширвашидзе*, а частью *Сванетіи* владѣлъ кн. *Дадешкаліанъ*. Горцы были на тѣхъ же мѣстахъ, какъ мы сказали выше.

Вотъ очеркъ, который мы старались сдѣлать какъ можно короче, чтобы не утомить читателя. Мы совѣтовали бы ему, не довольствуясь картой, приложенной къ этой книгѣ, застаться еще и подробной картой Кавказскаго края—Ильина (складная и наклеенная на коленкорѣ стоитъ всего 2 р. сер.) и означить на ней неозначенные ханства и горскіе народы, поименованные нами. Въ пути она займетъ мало мѣста, а между тѣмъ будетъ очень полезна своими подробностями, которыхъ мы не могли помѣстить на нашей картѣ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ.

Сношенія Россіи съ Кавказомъ и Закавказьемъ начались съ давнихъ временъ. Не придавая значенія такимъ извѣстіямъ, какъ война и единоборство князя Мстислава съ Редедю и бракъ сына Андрея Боголюбскаго съ Тамарой, мы скажемъ только, что послѣ покоренія Казани и Астрахани, при Іоаннѣ Грозномъ, былъ построенъ рускими городъ *Терки* въ трехъ верстахъ отъ Каспійскаго моря и основано *Терское войско*. *Олеарій*, путешествовавшій въ этихъ мѣстахъ въ 1636 г., говоритъ, что чрезъ Терки производилась торговля даже съ Индіей. Кромѣ того, были построены укрѣпленія на Сулакѣ и въ Шамхальствѣ Тарковскомъ, впоследствии оставленные. Въ XVII столѣтїи стали селиться на Кавказѣ русскіе старовѣры и бѣглецы, образовавшіе изъ себя *гребенскихъ казаковъ**). Сначала они поселились въ горахъ, за Терекомъ, впереди Терскаго городка и *Андреевой деревни* (нынѣшняго *Эндери*), но потомъ были переведены Петромъ Великимъ, во время его дербентскаго похода, на нынѣшнія мѣста. *Петръ В.*, кромѣ того, построилъ крѣпость *св. Креста* на Сулакѣ и образовалъ *Аграханское войско* у Аграханскаго зали-

*) См. глава I, отд. I. Линейные казаки.

Мы покорнѣе просимъ читателя, если онъ подробнѣе желаетъ ознакомиться съ Кавказской войной, прочесть все, на что мы ссылаемся въ этомъ краткомъ очеркѣ.

ва и по Сулаку. При Аняѣ Иоанновнѣ все это переведено было на лѣвый берегъ Терека и основанъ *Кизляръ*. Въ такомъ положеніи на сѣверномъ Кавказѣ оставались наши дѣла до Екатерины Второй. Сношенія Россіи съ Закавказьемъ начинаются также еще съ XV вѣка. *Грузію*, страдавшую отъ собственныхъ междоусобій, въ это время терзали со всѣхъ сторонъ монголы, турки, персіяне и лезгины *). Въ 1492 году кахетинскій царь Александръ проситъ у единовѣрнаго русскаго царя Иоанна III помощи и покровительства, а въ 1587 г. — Бориса Годунова; въ 1619 году царь Теймуразъ I проситъ у Михаила Ѳеодоровича заступничества предъ Шахъ-Аббасомъ; въ 1621 году имеретинскій царь Георгій III и владѣтель Гуріи Гуріель Мамія II обращаются къ Михаилу же Ѳеодоровичу съ просьбами о покровительствѣ; въ 1638 г. мингрельскій владѣтель Леванъ даетъ присягу Алексѣю Михайловичу на вѣчное подданство, а въ 1650 г. имеретинскій царь Александръ признаетъ надъ собою верховную власть русскаго царя. Россія не могла воспользоваться ни одною изъ этихъ просьбъ и предложеній, потому что ей тогда и у себя дома было довольно дѣла. Въ такомъ положеніи находятся дѣла наши съ Закавказьемъ до *Екатерины II*. При ней нынѣшняя *Ставропольская губернія* быстро заселяется также бѣглецами и переселенцами. *Потемкинъ* принимаетъ дѣятельное участіе въ обереганіи границъ быстро заселяющагося края; по его инициативѣ основываются *Моздокъ*, *Екатериноградъ*, *Ставрополь* и *Владикавказъ*; устраивается правильная военная *Моздовско-Азовская линія* отъ Моздока на Екатериноградъ, Георгіевскъ

*) Исторія древней Грузіи; см. Гелатскій монастырь близъ Кутаиса, причѣмъ разсказана исторія царицы Тамары.

Александровскую слободу, Ставрополь, Безопасное, средній Егорлыкъ, вплоть до Азова; въ 1792 году по правому берегу Кубани, на 180 верстъ вверхъ отъ моря, поселяются бывшіе Запорожцы, съ переименованіемъ въ *черноморскіе казаки* *), и линія, съ передовымъ укрѣпленіемъ, оберегающимъ входъ въ горы, Владикавказомъ, протягивается такимъ образомъ отъ Каспійскаго моря до Чернаго, оберегаетъ вновь заселенный край, который продолжаетъ быстро заселяться и богатѣть. Къ несчастію, принятая тогда система наградъ, въ видѣ раздачи крестьянъ, нашла себѣ мѣсто и здѣсь: многіе изъ крестьянъ Ставропольской губерніи были розданы въ крѣпостные. Екатерина, во время войны съ Турціей, начавшейся въ 1768 г., посылаетъ на помощь имеретинскому царю *Соломону I-му* отрядъ войскъ подъ начальствомъ *Тотлебена*, который прогоняетъ турокъ. По *Кайнарджійскому трактату Грузія, Имеретія и Мингрелія* поступаютъ подъ покровительство Россіи и уничтожается постыдная дань, платимая султану мальчиками и дѣвочками. Въ 1796 году была послана экспедиція подъ начальствомъ *гріфа Зубова*; онъ прошелъ весь прибрежный Дагестанъ, взялъ Баку, Кубу, Дербентъ, но, по смерти Екатерины, былъ немедленно отозванъ съ войскомъ обратно. Во время царствованія императора *Павла I-го* бѣдствія *Грузіи* достигаютъ своего апогея. *Тифлисъ* еще въ 1795 году былъ превращенъ шахомъ *Ага-Магомедъ-Ханомъ* въ груды развалинъ **); до 30 тысячъ грузинъ было уведено въ плѣнъ, а что могло спастись — пряталось по лѣсамъ и ущельямъ; многочисленные члены царской фамиліи только и думаютъ что

*) См. глава I, отдѣл. 1-ое: Земля черноморскихъ казаковъ.

**) Исторія Тифлиса, глава IV, отд. 1-ое.

о враждѣ другъ съ другомъ и грабятъ и безъ того въ конецъ разоренный народъ. Въ такомъ то бѣдственномъ положеніи царь *Ираклій II* обратился къ императору Павлу съ просьбою о покровительствѣ и о „дарованіи грузинскому царю и народу всероссійскаго закона для управленія государствомъ“. Ираклій умеръ, не дождав- шись отвѣта. Наслѣдникъ его, *Георгій XIII*, возобновляя тѣже самыя мольбы и предложенія, выразилъ готовность „предать себя и свое царство великому государю все- россійскому навсегда въ полную зависимость и под- данство, обязуясь свято исполнять все, что исполняется россійскими подданными“. На этотъ разъ императоръ объявилъ, что онъ „жалуетъ Грузіи свой покровъ“. Умирая, Георгій заклиналъ своихъ приближенныхъ от- править въ Петербургъ посольство, которое должно было объявить, что „вельможи грузинскіе, духовенство и народъ, всѣ вообще желаютъ вступить единожды на- всегда въ подданство высоко-славной Имперіи Всерос- сійской, съ признаніемъ всероссійскаго императора за своего природнаго государя и самодержца“. Уже состав- лень былъ, по приказанію Павла I, манифестъ въ этомъ смыслѣ, когда послѣдовала кончина императора. Преем- никъ его *Александръ I* не вдругъ рѣшился на присое- единеніе Грузіи и приказалъ подвергнуть вопросъ этотъ самому внимательному пересмотру. Государственный со- вѣтъ высказалъ мнѣніе о необходимости принять Грузію въ подданство. Императоръ не согласился съ этимъ мнѣ- ніемъ и предложилъ вторично обсудить вопросъ, заявивъ при этомъ о „крайнемъ своемъ отвращеніи на принятіе царства того въ подданство Россіи, почитая несправед- ливымъ присвоеніе чужой собственности“. Въ то же время командуя кавказскою линіею генерелу *Кнор-*

рингу вѣрно было изслѣдовать на мѣстѣ, дѣйствительно ли народъ грузинскій желаетъ русскаго подданства и нѣтъ ли тутъ замысловъ какой нибудь партіи и постороннихъ внушеній. Кноррингъ собралъ въ Тифлисѣ всѣхъ главныхъ князей и представителей народонаселенія, спросилъ ихъ и донесъ, что встрѣтилъ полное и единодушное сочувствіе. Все это время грузинское посольство жило въ Петербургѣ, ожидая отвѣта. Государственный совѣтъ, съ своей стороны, настаивалъ на высказанномъ имъ прежде мнѣніи, къ которому, наконецъ, присоединился и самъ императоръ, начавшій съ этого времени энергически отстаивать его противъ своего неофіціального комитета (Чарторижскій, Кочубей, Новосильцевъ и Строгановъ), совѣтовавшаго, неизвѣстно въ силу какихъ соображеній, отвѣчать отказомъ на просьбы Грузіи. Тогда-то появился знаменитый *манифестъ 12 сентября 1801 года*, въ которомъ, между прочимъ, находятся слѣдующія строки: „не для приращенія силъ, не для корысти, не для распространенія предѣловъ и такъ уже обширнѣйшей въ свѣтѣ имперіи пріемлемъ мы на себя бремя управленія царства Грузинскаго. Единое достоинство, единая честь и человѣчество налагаютъ на насъ священный долгъ, внявъ моленію страждущихъ, въ отвращеніе ихъ скорбей, учредить въ Грузіи правленіе, которое могло бы утвердить правосудіе, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона.“ Въ этихъ словахъ высказалось искреннее убѣжденіе императора. Онъ видѣлъ, сколько затрудненій принесетъ Россіи присоединеніе Грузіи въ то время, когда съ запада угрожали непрерывныя войны съ Наполеономъ, ясно сознавалъ, что будетъ намъ стоить извлечь полудикую страну изъ анархіи, водворивъ цивилизацію и порядокъ.

Дѣйствительно, дѣла наши въ Грузіи пошли очень плохо. Кноррингъ и *Коваленскій*, назначенные управлять Грузіей, очутились какъ бы въ лѣсу; для нихъ все было ново и странно, а грузины, въ свою очередь, не понимали бюрократическихъ порядковъ, принесенныхъ къ нимъ русскимъ управленіемъ. Дворяне, привыкшіе къ безнаказанному грабежу, только и толковали, что „все теперь сравнены съ мужиками“ а простой народъ, привыкшій хотя къ варварскому, но быстрому судопроизводству, не понималъ, что это такіе за правители, до которыхъ нельзя было добратъся, тогда какъ въ прежнее время можно было идти за рѣшеніемъ къ самому царю. При томъ же русскіе стали позволять себѣ поступки, вовсе не соотвѣтствовавшіе грузинскимъ нравамъ, а Коваленскаго, кромѣ всего, нельзя было похвалить и за безкорыстіе. Царевичамъ все это было, разумѣется, какъ нельзя болѣе на руку, и они изъ всѣхъ силъ старались разжигать въ высшей степени легковѣрный грузинскій народъ. Началось сильное броженіе, которое неизвѣстно чѣмъ могло бы кончиться, если бы, къ счастью, въ 1802 г. не былъ назначенъ главнокомандующимъ *кн. Цициановъ*. Этотъ необыкновенный человѣкъ въ три года (1803—1806) совершенно успокоилъ Грузію, привелъ въ порядокъ дѣла и покорилъ намъ Закавказье почти въ тѣхъ границахъ, въ какихъ оно существуетъ въ настоящее время. Свои дѣйствія онъ началъ съ удаленія царицъ и царевичей изъ Грузіи. Еслибы онъ не былъ такъ рано убитъ измѣннически бакинскимъ ханомъ, то, по всей вѣроятности, дѣла наши на Кавказѣ пошли бы совершенно другимъ путемъ *).

*) Подробности о князѣ Цициановѣ и его дѣятельности см. Мухетъ, глава III, отд. 1-ое, и Сіонскій соборъ (въ Тифлисѣ), глава IV, отд. 1-ое.

Съ занятіемъ нами Закавказья и начинается собственно Кавказская война, а до того времени мы оберегали кавказскую линію, какъ оберегали оренбургскую линію и другія. Съ давнихъ поръ горцы, и въ особенности лезгины, привыкли грабить безсильную Грузію, доставлявшую имъ, во всякое время, легкую и удобную поживу. Не мало было ихъ удивленіе, когда они вдругъ, совершенно неожиданно для себя, увидѣли, что вмѣсто робкихъ Грузинъ ихъ встрѣчаютъ какіе-то невиданные ими до сихъ поръ люди, странно одѣтые, со штыкомъ и ружьемъ; люди эти не бѣгутъ въ разсыпную отъ ихъ пашекъ и дикаго визга,—напротивъ, они сами идутъ на встрѣчу горцамъ; громъ ихъ пушекъ наводитъ ужасъ, а ударъ штыка и натискъ массою неотразимы; мало того, что люди эти обращаютъ нападающихъ въ бѣгство—нѣтъ, они еще преслѣдуютъ ихъ въ непроходимыхъ трущобахъ, жгутъ и разоряютъ недоступные до того времени аулы. Что это такіе за люди? Это не рускіе, не солдаты,—какъ они сами себя называютъ,—пришедшіе защищать невѣрныхъ гяуровъ-грузинъ. Нѣтъ. Это *Гогз* и *Могогз*, живущіе въ полуночной странѣ, по ту сторону горъ, шлютъ свои передовые отряды — покорить, по предсказанію пророка, правовѣрное царство! Для того, чтобы читателю было удобнѣе сосредоточивать свое вниманіе, мы въ описаніи Кавказской войны примемъ такую систему. Сперва расскажем *войну въ Закавказьѣ* съ самаго ея начала до окончанія восточной войны, потомъ расскажем *войну на лѣвомъ флангѣ* до взятія Шамиля и, наконецъ, *войну на правомъ флангѣ* до совершеннаго окончанія Кавказской войны и выселенія горцевъ.

Мы говорили о дѣйствіяхъ князя Циціанова. Если

читатель взялъ на себя трудъ прочесть то, что означено въ нашихъ выноскахъ, то онъ уже, вѣроятно, получилъ довольно подробныя свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ и о его геройской арміи. Побѣды князя и отступленіе полковника *Карягина* отъ Аскерани въ Мухратъ достаточно краснорѣчивы. Въ дополненіе къ этому расскажем о маіорѣ *Монтрезорѣ* и генералѣ *Котляревскомъ*. Во время осады Эривани *Монтрезоръ* съ отрядомъ, состоявшимъ изъ 3 оберъ-офицеровъ, 7 унтеръ-офицеровъ, 2 барабанщиковъ и 101 рядоваго, при одномъ трехфунтовомъ единорогѣ, былъ посланъ на встрѣчу нашему транспорту. Отбивъ партію конныхъ персіянь, *Монтрезоръ* продолжалъ подвигаться, но былъ встрѣченъ царевичемъ Александромъ съ шеститысячнымъ отрядомъ. *Монтрезоръ* отвергъ всякое предложеніе о сдачѣ и погибъ вмѣстѣ со всѣми бывшими подъ его начальствомъ; въ плѣнъ захвачено только 15 человѣкъ и то тяжело раненыхъ. Свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ доставлены были въ отрядъ однимъ раненымъ армяниномъ, бывшимъ очевидцемъ самаго происшествія. Но однимъ изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей, имена которыхъ будутъ всегда составлять славу и гордость кавказскихъ войскъ, безспорно, былъ *Котляревскій*. Мы расскажем подробнѣе его исторію.

Зимою 1793 года полковникъ *Лазаревъ* (въ послѣдствіи командовавшій войсками въ Закавказьѣ и убитый царницей Маріей, о чемъ нами рассказано при описаніи Мцхетскаго собора), ѣхалъ на Кавказъ по дѣламъ службы. Въ Харьковской губерніи, въ селѣ Ольховаткѣ его застигла мятежь, и, пережидая ее, онъ долженъ былъ прожить цѣлую недѣлю въ домѣ священника, отца Сте-

пана, у котораго былъ 11-ти-лѣтній сынъ Петръ. Желая отблагодарить за гостепрїимство и замѣтя въ мальчикѣ хорошія способности. Лазаревъ предложилъ отцу отдать сына въ военную службу. Отецъ согласился, и черезъ годъ молодой Котляревскій отправленъ былъ къ Лазареву и тогда же записанъ на службу, а въ 1796 году, 14-ти лѣтъ, онъ, въ чинѣ сержанта, уже участвуетъ въ походѣ гр. Зубова. Семнадцати лѣтъ, въ чинѣ подпоручика, онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ Лазареву. При штурмѣ Ганжи онъ командуетъ ротой и получаетъ рану въ ногу. Въ 1805 году онъ, 23-хъ лѣтъ, въ чинѣ маіора, участвуетъ въ геройскомъ отступленіи Карягина, причѣмъ получаетъ еще двѣ раны. Въ походѣ кн. Циціанова подъ Баку онъ уже начальствуетъ авангардомъ. Самостоятельная дѣятельность Котляревскаго начинается не ранѣе 1810 года, когда онъ, въ чинѣ полковника, назначенъ былъ начальникомъ отдѣльнаго отряда на персидской границѣ. Въ декабрѣ 1811 г. за блистательный штурмъ и занятіе Ахалкалаки онъ произведенъ въ генераль-маіоры, имѣя всего 29 лѣтъ отъ роду. Последнія и самыя блистательныя его дѣйствія относятся къ 1812 г., когда онъ начальствовалъ отдѣльнымъ отрядомъ въ 2 тысячи человекъ, имѣя передъ собою, по ту сторону Аракса, 30-ти тысячную персидскую армію, подъ начальствомъ наследнаго принца *Аббасъ-Мирзы*. Положеніе Закавказья было въ то время такое. Бѣглый грузинскій царевичъ *Александръ* съ лезгинами грабилъ Кахетію; сообщенія съ Россіей чрезъ Военно-грузинскую дорогу были прерваны, и, кромѣ того, въ краѣ свирѣпствовали чума и начинался голодъ. Аббасъ-Мирза разослалъ отряды за Араксъ, съ цѣлью разорять и бунтовать Закавказье.

Котляревскій, видя, что не было другаго средства отвратить опасность, рѣшился, съ своимъ 2-хъ-тысячнымъ отрядомъ, атаковать 10-ти-тысячный персидскій корпусъ. Выступая на этотъ отважный бой, онъ отдалъ слѣдующій приказъ: „Старшему по мнѣ штабъ-офицеру. Предпринявъ атаковать персіянъ за Араксомъ, я сдѣлалъ распоряженія, о которыхъ вамъ извѣстно; въ случаѣ моей смерти вы должны принять команду и исполнять по онимъ. Еслибы случилось, что первая атака будетъ неудачна, то вы непременно должны атаковать другой разъ и разбить,—а безъ того не возвращаться; по исполненіи сей экспедиціи вы должны донести о семъ прямо главнокомандующему и представить диспозицію мою и приказъ. Ген.-маіоръ Котляревскій. Октября 18 дня 1812 г.“

Котляревскій произвелъ нападеніе нечаянно, обойдя персидскіе караулы и сдѣлавъ переходъ до 70 верстъ. Переправшись черезъ Араксъ въ 15 верстахъ выше непріятельскаго лагеря, онъ, не теряя ни минуты, вступилъ въ бой съ персіянами, которые не могли придти въ себя отъ изумленія при видѣ такой дерзости. Они бѣжали и спѣшили укрыться въ укрѣпленіе *Асландузъ*, оставивъ на мѣстѣ 35 фальконетовъ (небольшія орудія) и весь свой лагерь. Котляревскій, не давая имъ опомниться, атаковалъ ихъ и тутъ на разсвѣтѣ слѣдующаго дня, причемъ захватилъ еще три знамени и 11 орудій. Побѣды эти навели ужасъ на все мусульманское населеніе Закавказья, уже готовое на мятежъ, и возбудили общее убѣжденіе въ непобѣдимости русскаго оружія, не признающаго никакихъ препятствій.

Для окончательнаго очищенія отъ персіянъ Закавказья необходимо было взять *Ленкорань*, сильно укрѣп-

ленную подъ руководствомъ англійскихъ офицеровъ и защищаемую отборнымъ 4-хъ-тысячнымъ гарнизономъ, подъ командою извѣстнаго по своей храбрости сераскира *Садырз-Хана*. Принявъ прежде всего мѣры къ успокоенію края, Котляревскій съ отрядомъ изъ 1,500 чел. пѣхоты и съ 470 казаками, при 8 орудіяхъ, выступилъ къ Ленкорани. Овладевъ по дорогѣ персидскимъ укрѣпленіемъ *Аркеванз* и оставивъ въ немъ часть отряда, Котляревскій подступилъ къ Ленкорани, имѣя въ отрядѣ своемъ не болѣе 1,200 человекъ. Здѣсь присоединился къ нему небольшой отрядъ, дѣйствовавшій со стороны Каспійскаго моря, но и за этимъ число осаждающихъ было почти втрое слабѣе противъ осажденнаго. Переговоры о сдачѣ, разумѣется, не привели ни къ чему, — штурмъ былъ неизбеженъ, и, рѣшившись на него, Котляревскій отдалъ свой знаменитый приказъ, слова котораго „отступленія не будетъ“ имѣютъ всеобщую извѣстность. Вотъ этотъ приказъ:

„Истоцивъ всѣ средства принудить непріятеля къ сдачѣ крѣпости, не остается болѣе никакого способа покорить крѣпость сію оружію русскому, какъ только силою штурма. Даю знать о томъ войскамъ и считаю нужнымъ предварить всѣхъ офицеровъ и солдатъ, что *отступленія не будетъ*. Намъ должно или взять крѣпость, или всѣмъ умереть, — загѣмъ мы сюда присланы. Я предлагалъ два раза непріятелю о сдачѣ крѣпости, но онъ упорствуетъ; такъ докажемъ же ему, храбрые солдаты, что штыку русскому ничто противиться не можетъ; не такія крѣпости брали рускіе и не у такихъ непріятелей, какъ персіяне; сіи противъ тѣхъ ничего не значать. Предписывается всѣмъ: первое — послушаніе, второе — помнить, что чѣмъ скорѣе идешь на штурмъ и

чѣмъ шибче лѣзешь на лѣстницы, тѣмъ менѣе урону взять крѣпость, опытные солдаты сіе знаютъ, а неопытные тому повѣрятъ; третье—не бросаться на добычу, подъ опасеніемъ смертной казни, пока совершенно не кончится штурмъ, ибо прежде конца дѣла на добычѣ солдатъ напрасно убиваютъ. Диспозиція штурма будетъ дана особо, а теперь остается мнѣ только сказать, что я увѣренъ въ храбрости опытныхъ офицеровъ Грузинскаго, 17 Егерскаго и Троицкаго полковъ, а малоопытные Каспійскаго баталіона, надѣюсь, постараются показать себя въ семъ дѣлѣ и заслужить лучшую репутацію, чѣмъ доселѣ между непріятелями и чужими народами имѣютъ. Впрочемъ, если бы, сверхъ всякаго ожиданія, кто струситъ, тотъ будетъ наказанъ, какъ измѣнникъ, и здѣсь, внѣ границы, труса разстрѣляютъ или повѣсятъ, не смотря на чинъ.“

Штурмъ, начатый на разсвѣтѣ 31-го декабря, продолжался только три часа, но въ этотъ короткій срокъ болѣе половины штурмующихъ выбыло изъ строя. Котляревскій получилъ три раны, но продолжалъ распоряжаться боемъ до тѣхъ поръ, пока четвертая рана, пулей въ щеку, когда онъ находился уже во рву, не разбила ему челюсть и не лишила чувствъ, раздробивъ головныя кости. Крѣпость была взята и весь гарнизонъ истребленъ. Штурмомъ Ленкорани окончилось поприще 30-ти-лѣтняго героя. За Асландузское сраженіе онъ былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты и получилъ Георгія 3 степени, а за Ленкорань Георгія 2 степени. Израненный, онъ долженъ былъ оставить горячо любимую имъ боевую службу. Онъ прожилъ послѣ того еще 29 лѣтъ въ Крыму, гдѣ скончался и погребенъ въ Феодосіи въ 1852 году. Всѣ эти 39 лѣтъ были для

Котляревскаго однимъ рядомъ такихъ непрерывныхъ страданій, что онъ самъ называлъ себя живымъ мертвецомъ. Болѣе всего его мучила послѣдняя рана. Кости, выходявшія изъ раздробленной головы и челюсти (а ихъ вышло до 40 кусковъ), были главною причиною его страданій.

Право, читая про подвиги нашихъ войскъ въ Закавказьи въ этотъ періодъ войны, можно подуматъ, что читаешь жизнеописаніе величайшихъ героевъ древней Греціи и Рима.

Не забудемъ, что эти побѣды были одержаны Котляревскимъ въ 1812 году, когда Россія была на краю гибели, и когда Наполеонъ уже заранѣе дѣлилъ ее, „увлеченную—по его выраженію—своимъ несчастнымъ рокомъ“. Невольно является въ умѣ параллель между 1812 г. и Восточною войною. Въ обѣ эти войны Россія обороняется на смерть и въ Закавказьи одерживаются самыя блестящія побѣды. Въ началѣ XVIII столѣтія Россія училась воевать, обороняясь отъ Карла XII, въ началѣ нынѣшняго столѣтія науку эту ей вновь преподавалъ геній, совершенно измѣнившій прежнюю тактику; въ Севастопольскую войну опять послѣдовалъ урокъ отъ ушедшей впередъ насъ Европы. Съ тѣхъ поръ система войны опять измѣнилась, усовершенствованное оружіе произвело въ ней переворотъ, какого не бывало съ самаго изобрѣтенія пороха; желѣзныя дороги сдѣлали возможнымъ быстрое перемѣщеніе громадныхъ армій, телеграфы замѣнили прежнихъ курьеровъ; война въ настоящее время не ведется, какъ прежде,—медленно, а тоже летитъ на всѣхъ парахъ, какъ паровозъ. Наша эпоха—эпоха изобрѣтеній и необыкновеннаго развитія промышленности—произвела и соотвѣтствующую ей, если

можно такъ выразиться, индустріальную систему войны: кто больше развитъ матеріально и умственно, у того теперь больше шансовъ и на успѣхъ. Можно ли поручиться, что намъ не придется столкнуться и съ этой системой и перенести при этомъ новыя и можетъ быть самыя тяжкія испытанія? Изъ факта укрѣпленія Англійскими офицерами Ленкорани видно, что Англія, наша единственная тогдашняя союзница противъ Наполеона, — не церемонилась съ своимъ союзникомъ на востокѣ, а подсаживала ему, гдѣ было можно.

Побѣды Котляревскаго быстро склонили выжидавшую Персію къ *Гюлистанскому миру*, по которому она уступила Россіи свои права на занятые послѣднею ханства и навсегда отказалась отъ притязаній на Дагестанъ, Грузію, Имеретію, Мингрелію и Абхазію.

Послѣ этой войны въ Закавказьи опять слѣдуетъ война съ Персіей, начавшаяся вторженіемъ Персіянъ въ 1826 году и окончившаяся въ 1828 г. *Турменчайскимъ миромъ*. Заключивъ его, *Паскевичъ* тотчасъ же обратился противъ турокъ, и его блестящія побѣды пріобрѣли намъ по *Андріанопольскому миру*, заключенному въ 1829 году, *Ахалцихъ*, *Ахалхалаки*, *Анату*, *Поти* и *Черноморское побережье*. Мы не станемъ рассказывать про дѣйствіе нашихъ кавказскихъ войскъ во время Восточной войны; всѣмъ извѣстны побѣды *Бибубова* подъ *Башиг-Кадыкларомъ*, *Андроникова* подъ *Ахалцихомъ*, взятіе *Муравьевымъ Карса* и проч. Вездѣ наши войска были вдвое слабѣе турецкихъ и разбивали ихъ на голову. Въ 1853 году въ нашей арміи было 30 тысячъ противъ 90 тысячъ турокъ, а въ 1854 г. 45 тысячъ противъ 100 тыс. турокъ. Въ *Сухумъ-Кале* высадился *Омерг-Паши* съ 20-тысячнымъ корпусомъ и

доходилъ почти до Кутаиса, который защищали только 10 тыс. нашихъ солдатъ, не имѣвшихъ провіанта. Еслибы Наполеонъ не дѣйствовалъ эгоистично и, послушавшись Англии; перенесъ войну въ Закавказье, то Кавказъ, по всей вѣроятности, былъ бы потерянъ для насъ безвозвратно.

Положеніе дѣлъ было таково, что въ Тифлисъ, на базарѣ, уже не мѣняли нашихъ ассигнацій. Кавказская армія обязана была побѣждать во что бы то ни стало, безъ отступленія, какъ при Котляревскомъ она и исполнила эту задачу. Послѣ сдачи Карса туземцы говорили: „что же это муллы увѣряютъ насъ, что самый могущественный государь на свѣтѣ — турецкій султанъ? кабы это была правда, то какъ же онъ вмѣстѣ съ другими государями цѣлый годъ осаждалъ одинъ русскій городъ и взялъ только его половину, а русскіе одни взяли Карсъ.“ Прибавимъ, что для защиты Грузіи отъ нападенія лезгинъ съ 1830 г. началась устроиваться *Лезгинская линія* вдоль по южному склону главнаго хребта; главный центръ ея былъ въ *Закаталахъ*. Изъ командовавшихъ этою линіею извѣстенъ своими отличными дѣйствіями князь *Аргутинскій-Долгоруковъ*.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о постепенномъ увеличеніи нашихъ войскъ на Кавказѣ. Въ 1800 г. регулярныхъ войскъ было на всемъ Кавказѣ 3 тысячи; въ 1804—15 тысячъ; у Ермолова было, кромѣ казаковъ, 28 тысячъ и 100 орудій, и онъ находилъ уже это число недостаточнымъ. Въ 1853 г. кавказская армія была доведена до 280 тыс. человѣкъ, но столько требовалось войскъ для охраненія линій, что подъ Башъ-Кадыкларъ мы могли выставить только 9 тысячъ, а подъ Курюкь-Дара 17 тыс. человѣкъ; во время же экспедицій на

линіяхъ могли оставаться свободными всего только нѣсколько батальоновъ.

Теперь приступимъ къ описанію *Кавказской войны собственно противъ горцевъ* и начнемъ его съ *лѣваго фланга*, т. е. съ Чечни и Дагестана. Причина, почему мы избрали этотъ порядокъ и предпочли лѣвый флангъ правому та, что самая главная часть Кавказской горской войны велась на лѣвомъ флангѣ. Но скажемъ нѣсколько словъ вообще о Кавказскихъ горахъ.

Всѣ кавказскіе *горцы* составляли множество независимыхъ обществъ, для членовъ которыхъ не было доступно ни понятіе о зависимости отъ кого бы то ни было, ни понятіе о государствѣ и отечествѣ въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ понимаемъ. Страстно привязанный къ мѣсту своего рожденія, горецъ не признавалъ ничего выше своей маленькой родины; выше ея у него стояла только свобода и его собственное я. Въ 1829 г., по Адрианопольскому миру, Турція уступила намъ свои права на черноморскихъ горцевъ. Генераль *Раевскій*, командовавшій въ то время черноморскою береговою линіей, пригласилъ къ себѣ шапсугскихъ старшинъ и старался объяснить имъ эту уступку. Старшины въ недоумѣніи спрашивали: „да по какому же праву султанъ уступилъ насъ? Мы никогда ему не принадлежали, ничего ему не платили и никому принадлежать не хотимъ.“

„Султанъ васъ отдалъ въ пень-хешъ: подарилъ васъ русскому царю“. — „А, теперь понимаю“, отвѣчалъ на это шапсугъ и, показавъ на птичку, сидѣвшую на ближнемъ деревѣ, сказалъ, обращаясь къ Раевскому: „генераль, дарю тебѣ эту птичку, возьми ее себѣ!“ Этимъ и кончились всѣ переговоры. Какое дѣло было горцу, что Россія, принявъ въ свое подданство Грузію, не

могла оставить среди своихъ владѣній неугомонныхъ разбойниковъ, обороняясь отъ которыхъ она должна была ежегодно терять тысячи своихъ сыновъ и милліоны рублей? Горецъ, съ его точки зрѣнія, былъ совершенно правъ, какъ была права и Россія. Война сдѣлалась неизбѣжною.

Величавая, суровая и недоступная мѣстность приучала горца съ малолѣтства презирать всѣ опасности, а отсутствіе всякой промышленности и торговли заставляло его прибѣгать къ единственно доступному для него промыслу—грабежу, для котораго недоступныя трупы доставляли всѣ средства. Грабежъ для горца есть тоже, что торговля и промышленность для образованныхъ народовъ. Отважный джигитъ (наѣздникъ), какъ отважный купецъ среднихъ вѣковъ, пользовался всеобщимъ, уваженіемъ: и тотъ, и другой рисковалъ головой въ случаѣ неудачи. Слѣдовательно, правъ ли былъ горецъ съ его точки зрѣнія, также какъ и съ точки зрѣнія другихъ горцевъ? Правъ, разумѣется. Здѣсь война и грабежъ были возведены въ принципъ, какъ то случалось и у народовъ, носившихъ названіе цивилизованныхъ,—только у горцевъ дѣло дѣлалось на чистоту и обходилось безъ всякаго прикрывательства и обмана. Торговлей занимались только черноморскіе горцы: они продавали туркамъ черкешенокъ, а взамѣнъ ихъ получали оружіе и порохъ, какъ мы получаемъ изъ за-границы машины для нашихъ фабрикъ. Продаваемые черкешенки были или плѣнницы, или дочери рабовъ и бѣдняковъ, смотрѣвшія на эту продажу, какъ на выгодное замужество; дорогая же цѣна (калымъ—общій на Востокѣ) льстила самолюбію горянки и говорила въ пользу ея красоты. Отправка, за море не представляла ничего

страшнаго, потому что въ Турціи всегда можно было надѣяться встрѣтить или родныхъ, или знакомыхъ; торговля женщинами производилась въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, что была даже причиною физическаго улучшенія турецкой расы. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія черкеса и эта торговля вовсе не была безнравственною, какою она представляется намъ, европейцамъ. Продавая свою дочь или родственницу, черкесь устраивалъ ея счастье и свою выгоду и скорѣе согласился бы убить свой товаръ собственными руками, чѣмъ видѣть его отданнымъ на поруганіе гяурамъ, хотя бы на вѣсь золота. Продаваемая смотрѣла на это дѣло такими же глазами и, во всякомъ случаѣ, мѣняла худшую долю на лучшую, потому что, прибавимъ опять таки, богатые черкесы не продавали своихъ дочерей и родственницъ. Жизнь горца сложилась слѣдующимъ образомъ. Всю тяжелую домашнюю работу на западномъ Кавказѣ исполняли рабы, а на восточномъ — рабы и женщины, хозяинъ же заботился только о приобрѣтеніи, почему и проводилъ большую часть своей жизни въ набѣгахъ, какъ банкиръ проводитъ все свое время въ конторѣ. Добыть что нибудь удалимъ грабежемъ составляло славу черкеса; ближайшіе сосѣди были для него, въ этомъ отношеніи, ничѣмъ не лучше русскихъ, — у молодежи славолюбіе играло тутъ большую роль, чѣмъ жажда корысти. Судопроизводство по *адату* (по обычаю) и по *шариату* (корану) у черкесовъ было публичное, — чего до недавнихъ временъ не имѣла Европа, — за то у нихъ не было никакой администраціи, которою Европа была снабжена ужь черезчуръ много. Полиція черкеса была его кинжалъ и шашка; отсюда произошла безобразная *канла* (кровомщеніе), принимавшая зачастую самые чудовищ-

ные размѣры. У западныхъ черкесовъ, имѣвшихъ аристократію и дворянство, послѣднее, разумѣется, предпочитало судъ по адату, державшемуся старыхъ обычаевъ и привилегій, — простой же народъ предпочиталъ шаріатъ; у восточныхъ горцевъ, гдѣ царствовала полнѣйшая демократія, адаты всеми вообще предпочитались шаріату, вводимому почти насильно Шамилемъ, съ цѣлю имѣть вліяніе на народъ, такъ какъ судить по шаріату могъ только мулла, знакомый съ кораномъ. Честью, сообразно своимъ понятіямъ о ней, черкесъ дорожилъ больше всего и за малѣйшее оскорбленіе ея платилъ мгновенно—или выстрѣломъ, или кинжаломъ. Кромѣ храбрости, скромность и уваженіе къ старшимъ почитались высшими добродѣтелями, а гостепріимство было самымъ священнымъ обычаемъ. Горецъ не позволялъ даже себѣ спросить объ имени пріѣзжаго гостя, и самый богатый князь не почиталъ для себя унижительнымъ держать стремя пріѣзжаго въ то время, когда тотъ слѣзаетъ съ лошади, хотя бы это былъ самый послѣдній бѣднякъ. Странные эти люди—горцы—обладали многими добродѣтелями, которыя сдѣлали-бы честь всякому образованному человѣку, и въ то же время для удовлетворенія своей страсти не задумывались ни предъ какими средствами и ни предъ какимъ вѣроломствомъ. Горецъ весь состоялъ изъ страсти и, когда она имъ овладѣвала, совершенно поглощался ею, въ ущербъ разсудку; здѣсь то и находится ключъ къ объясненію всѣхъ его добродѣтелей и пороковъ. (*) Рабство хотя и существовало у горцевъ, но не проявлялось въ своей отвратительной формѣ: господинъ и въ рабѣ уважалъ человѣка и

(*) Волѣ полное описаніе характера и быта горцевъ см. Кабарда и Кабардинцы, глава II, отдѣл. 1-ое.

видѣлъ въ немъ скорѣе какого то несовершеннолѣтняго члена своего семейства, хотя и имѣлъ надъ нимъ право жизни и смерти. Тѣлесное наказаніе совѣмъ не существовало. У восточныхъ горцевъ женщина отягчена была работами, а у западныхъ, не говоря уже про князей и богатыхъ дворянъ, положеніе ея было несравненно лучше; за измѣну же, какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ, мужъ могъ предать виновную смерти или, если хотѣлъ, отпускалъ ее на всѣ четыре стороны. Вообще нравы западныхъ горцевъ были гораздо мягче, чѣмъ нравы лезгинъ и чеченцевъ. Для удержанія плѣнныхъ отъ побѣговъ цѣпи и ямы считались необходимостью. „Зачѣмъ ты хочешь сопротивляться“—говорилъ плѣнному Н. Т. (*) его хозяинъ.— „Не огорчайся, что я хочу тебя приковать. Если-бы ты былъ дѣвка, такъ мы отдали-бы тебя караулить жинщинамъ; но ты мужчина, у тебя есть усы и борода, и ты будешь стараться обмануть насъ. Мужчину, который родился не рабомъ, можно удержать въ неволѣ только желѣзомъ.“

Политическое устройство западныхъ горцевъ отличалось отъ устройства восточныхъ. Западные горскія общества имѣли привилегированныя сословія, хотя и безъ всякихъ особенныхъ правъ, кромѣ права на уваженіе. Лезгинны же (за исключеніемъ Аварскаго и Казикумыхскаго ханствъ), и въ особенности чеченцы, имѣли у себя устройство совершенно демократическое, въ которомъ полнѣйшее равенство было непремѣннымъ условіемъ. Каждый чеченецъ, выстроивъ въ лѣсу или прилѣпивъ на скалѣ свою саклю, считалъ себя свободнымъ отъ всѣхъ и отъ всего на свѣтѣ и не допускалъ мысли, что можетъ су-

(*) Воспоминанія плѣннаго русскаго офицера.

ществовать хоть какая нибудь власть, которой онъ обязанъ-бы былъ повиноваться. Вообще-же всѣ общества кавказскихъ горцевъ представляютъ любопытный примѣръ вѣковаго существованія безъ всякихъ политическихъ и административныхъ властей. Что горцы дикари—въ этомъ нѣтъ спора, но тѣмъ не менѣе постараемся воздержаться отъ высокоумія нашей цивилизаціи, которая часто довольно легкомысленно видитъ одно только грубое варварство или невѣжество во всемъ, что не носитъ на себѣ печати европейской образованности.

Занявъ Терскую и Кубанскую линію и утвердись въ Закавказьи, Россія увидѣла себя въ необходимости защищать границы отъ своихъ беспокойныхъ сосѣдей, которыхъ страсть къ свободѣ и грабежу была неодолима. Покорить горцевъ не видѣлось никакой возможности; лѣса и тущобы ихъ были непроходимы, а дороги въ горахъ таковы, что, напр., въ 1850 г. нашъ отрядъ, переваливаясь съ Лезгинской линіи въ Дагестанъ чрезъ главный хребетъ, сдѣлалъ въ двое сутокъ всего на всего 6 верстъ и потерялъ при этомъ 49 лошадей. Г. Зиссерманъ, рассказывая про этотъ походъ, говоритъ, что трудности при походахъ въ горахъ были таковы, что рассказы о нихъ можно счесть за болѣзненную фантазію; онъ самъ долженъ былъ оставаться двое сутокъ подъ проливнымъ дождемъ, въ одномъ сюртукѣ, потому что лошадь съ выюкомъ, въ которомъ была шинель, отстала и добраться до нея не было никакой возможности. Горцы до такой степени были увѣрены въ недоступности своихъ горъ и лѣсовъ, что, взявшись проводить переодѣтаго Н. Т. съ Кубани на берегъ Чернаго моря, рассчитывали при этомъ и на то, что рассказы его отобьютъ у русскихъ охоту проникать въ ихъ

заповѣдныя горы. Когда Н. Т. сталъ вырѣзать на деревѣ свое имя, то проводникъ его, благородный Тембулатъ Карамурзинъ сказалъ: „столѣтія пройдутъ прежде, чѣмъ русскіе прочитаютъ то, что ты вырѣзалъ“. Увы! Тембулатъ не предчувствовалъ, что конецъ этимъ столѣтіямъ наступитъ черезъ 25 лѣтъ! Хотя содержаніе линій и войскъ и стоило Россіи огромныхъ жертвъ, но по неволѣ пришлось сначала ограничиться одной обороной отъ горскихъ набѣговъ, не подвигаясь впередъ ни шагу. (*) Такъ дѣло шло до 1816 г., т. е. до назначенія на Кавказъ главнокомандующимъ *Алексія Петровича Ермолова*. Во все продолженіе предъидущихъ лѣтъ наше правительство испытывало всевозможныя средства, чтобы какъ нибудь уладить дѣло съ хищниками. Говоря по строгой справедливости и совершенно безпристрастно, нельзя не сказать, чтобы съ нашей стороны не было перепробовано самыхъ гуманныхъ мѣръ. Пробовались мирныя и торговыя сношенія, но съ какими черкесскими властями могли мы договариваться о мирѣ, когда ни одинъ черкесъ даже и не понималъ, что такое власть и правительство, а понималъ только грабежъ и набѣги? Потомъ, чѣмъ мы могли торговать съ горцами? Развѣ вымѣнивать ихъ плѣнниковъ на оружіе и порохъ, которые они употребляли-бы потомъ противъ насъ же? Между тѣмъ на эти средства Россія расходовала очень большія суммы; напр., управляющій Новороссійскимъ краемъ и Черноморіею герцогъ *Риншель* получалъ и расходовалъ на это 15 мил. рублей. Генераль *Ртищевъ*, командовавшій войсками на Кавказѣ въ 1812 г., заключилъ договоръ съ чеченцами и щедро одарилъ

(*) Описаніе обороны линіи см. Земля Черноморскихъ казаковъ и Лицейные казаки, гл. I, отд. 1-ое.

ихъ, но былъ ими же ограбленъ на пути изъ Владикавказа въ Моздокъ. Императоръ Александръ I постоянно предписывалъ не нападать безъ нужды на горцевъ и сдѣлалъ за нихъ однажды Ртищеву строгій выговоръ. Предлагались поселенія, но они были только тогда возможны, когда обезпечивались отъ нападений передовыми укрѣпленіями и просѣками, — а то иначе кто захотѣлъ бы селиться на такихъ мѣстахъ, гдѣ и самъ поселенецъ и его семейство должны были постоянно находиться подъ остріемъ вражескаго кинжала? А что стоили поселенія, можно судить изъ того, что въ 1818 г. было переселено въ Закавказьѣ до 500 семействъ виртембергскихъ колонистовъ; одинъ путь ихъ отъ Одессы до Тифлиса стоилъ болѣе 250 руб. на семейство и все-таки въ первый годъ изъ 2,623 чел. умерло 588. Думали достигнуть соглашенія чрезъ постепенное смягченіе нрава горцевъ и съ этою цѣлью представлялись правительству разные идиллическіе проекты, въ родѣ записки извѣстнаго адмирала *Мордвинова* (*), благороднѣйшаго человѣка, но не бывавшаго никогда на Кавказѣ. А между тѣмъ чѣмъ мягче мы дѣйствовали, тѣмъ дерзче становились, набѣги горцевъ, — и отъ ихъ абрековъ на линіи просто житья не было. Все это привело, наконецъ, къ тому убѣжденію, что единственное средство къ успокоенію линіи — это поступательное движеніе впередъ, постройка передовыхъ крѣпостей, соединеніе ихъ просѣками и промежуточными укрѣпленіями, занятіе плодородныхъ плоскостей и оттѣсненіе горцевъ къ безлюднымъ горамъ, въ которыхъ они, лишенные средствъ къ существованію, должны будутъ, наконецъ, сдаться. Этотъ планъ дѣйствій не былъ начертанъ однимъ кѣмъ

(*) Романовскій — приложеніа.

нибудь; нѣтъ, онъ постепенно вытекалъ и развивался изъ обстоятельствъ. Въ началѣ мы никакъ не могли ожидать того сопротивленія, которое встрѣтили въ послѣдствіи и никакъ не предполагали, что Кавказская война обойдется такъ дорого. Мы имѣли сначала дѣло съ разединенными хищниками, которые собирались въ мелкія партіи только для грабежа и разбѣгались при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ. Въ то время еще горцы такъ боялись пушекъ, что при постройкѣ Грозной Ермоловъ отпугивалъ ихъ на всю ночь нѣсколькими холостыми выстрѣлами. Въ 20-хъ годахъ генералъ *Трековъ*, перейдя съ небольшою колонкою за Аргунь, для отпугиванія горцевъ, разложилъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ заряженные гранаты, обложилъ ихъ сѣномъ и зажегъ его. Трескъ лопавшихся гранатъ такъ запугалъ чеченцевъ, что они всѣ разбѣжались. Можно ли было предвидѣть, что эта хищная и трусливая татарва (какъ называли горцевъ наши солдаты) будетъ въ послѣдствіи лѣзть съ геройскимъ самоотверженіемъ на дуло нашихъ орудій и образуетъ изъ себя почти правильное государство, которое будетъ высылать противъ насъ арміи, снабженныя артиллеріей?

Начались съ нашей стороны наступательныя дѣйствія и началась осада неприступнѣйшей въ мірѣ крѣпости (по вѣрному выраженію знаменитаго начальника штаба при Ермоловѣ—генерала *Вельяминова*)—Кавказа. Крѣпость эта была защищаема миллионнымъ гарнизономъ, снабженнымъ провіантомъ на все время осады и дравшимся съ ожесточеніемъ за свою свободу и за каждый шагъ родной земли. Окруживъ Кавказъ валаціонною линіей, мы, по мѣрѣ прибытія осадныхъ средствъ, начали подвигаться все впередъ и впередъ. Закладывались параллели въ видѣ линій, простиравшихся на тысячи

версть; параллели соединялись, вмѣсто траншей, громадными просѣками и новыми лннїями; осадныя батареи и ретраншаменты замѣнялись цѣлыми крѣпостями; гарнизонъ долженъ былъ, наконецъ, укрыться за главнымъ валомъ, устроеннымъ самою природою изъ кавказскихъ громадъ, и, въ концѣ концовъ, невиданная крѣпость была взята невиданнымъ штурмомъ, продолжавшимся ровно шесть лѣтъ. Восемьдесятъ лѣтъ длилась эта осада. Шестидесяти-милліонное государство употребляло всевозможныя усилїя для взятїя крѣпости. Ежедневно происходили схватки, въ которыхъ борцы, съ обѣихъ сторонъ, ни въ чемъ не уступали Ахиллесамъ и Гекторамъ. И если Троя имѣла Гомера, то Кавказъ не можетъ имѣть его вслѣдствіе громадности событія! Мы не имѣемъ намѣренїя рассказывать всѣхъ дѣйствій Ермолова на Кавказѣ, скажемъ только то, что имъ было сдѣлано относительно горской войны. Ермоловъ первый началъ систематическія дѣйствїя въ постройкѣ передовыхъ укрѣпленій и въ разработкѣ дорогъ и просѣкъ. При немъ линїя перенесена была изъ за Терека впередъ и подвинулась такъ: въ 1817 г., на Сунжѣ, на сообщеніи Владикавказа съ Моздокомъ, построены редутъ *Назрановскій*; сюда же выселены были *Ингуши*, заклятые враги чеченцевъ: этимъ обезпечилась отъ послѣднихъ Военно-грузинская дорога и сами Ингуши стали покорны. Въ 1818 г. построена *Грозная* на лѣвомъ берегу Сунжи, въ 30 верстахъ отъ Терека; въ 1819 г. — *Внезапная* на Кумыкской плоскости, близъ деревни Эндери (прежняя Андреева); въ 1820 г., между Грозной и Внезапной, укрѣпленїя *Аксай* и *Исти-су*; съ 1821 по 1823 г. укрѣпленіе на рѣкахъ Урухъ, *Нальчикъ* и Баксанъ; *Старый Юртъ* между Грозной и Терекомъ; *Такихи-*

Кичу, *Амирз-Аджи-Юртъ* между Терекомъ и Вnezапной. Укрѣпленія строились всё съ сильными профилями и предгоріе почти все было усмирено. *Кабарда* также покорилась. Ермоловъ, зная, что главная ея сила заключалась въ кабардинскихъ князьяхъ, требовалъ прежде всего отъ нихъ покорности и достигъ цѣли. Непокорные бѣжали и образовали общества такъ называемыхъ *вольныхъ или беглыхъ кабардинцевъ*. Бѣжавшіе сначала за Сунжу, чеченцы явились потомъ съ покорностью и были поселены на плоскости между Сунжей и Терекомъ, откуда произошло первое основаніе такъ называемыхъ *мирныхъ чеченцевъ*. Было также занято *Шахмальство Тарковское* и приведено въ покорность *Кизи-Кумышское ханство* въ Дагестанѣ; *Аварія* была также покорена. Стало быть, при Ермоловѣ остались только непокорными на лѣвомъ флангѣ вольныя общества въ Чечнѣ и Дагестанѣ.

Зная, что снисходительность принимается на Кавказѣ за слабость, Ермоловъ былъ строгъ съ горцами и смирялъ ихъ желѣзною рукою. Близъ Кизляра захваченъ былъ (впослѣдствіи извѣстный командиръ Куринскаго полка) храбрый полковникъ *Швецовъ*, и для выкупа его была открыта подписка по всей Россіи. Ермоловъ приказалъ посадить въ Кизлярскую крѣпость всѣхъ окрестныхъ князьковъ, которые прикрывали хищниковъ и пропустили ихъ чрезъ свои земли, и объявилъ, что не выпуститъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они не соберутъ требуемой суммы 15 т. руб. и не выкупятъ Швецова; князьки живо снеслись съ хищниками, уговорили ихъ помириться на 7 т. руб., собрали эту сумму и выкупили плѣнника. До 1820 г. назначалась особая сумма для выкупа нашихъ плѣнныхъ, захваченныхъ въ Чер-

номорій, гдѣ до того времени нашимъ войскамъ было строго воспрещено переходить за Кубань. Захвативъ однажды большое количество плѣнныхъ чеченцевъ, Ермоловъ выдалъ лучшихъ плѣнницъ замужъ за имеретинъ, а плѣнниковъ распродалъ въ горы по рублю серебромъ. Это навело такой ужасъ на горцевъ, что они съ того времени стали бояться похищать нашихъ въ плѣнъ для выкупа. Ермоловъ предложилъ обратить вышесказанную сумму на другое употребленіе. Именемъ его горскія матери пугали непослушныхъ дѣтей. Поступки эти были вѣрнымъ расчетомъ, а не безразсечною жестокостію Ермолова; часто заставлялъ онъ своего вѣрнаго и неразлучнаго начальника штаба, *Алексѣя Александровича Вельяминова*, просить за виновныхъ и прощалъ ихъ, будто бы уступая его просьбамъ. „Пріятное лицо мое,“ писалъ въ шутовскомъ тонѣ Ермоловъ Давыдову, „я омрачилъ густыми усами, ибо, не плѣняя именемъ, не бесполезно страшить и наружностью. Здѣсь всякое безобразіе у мѣста. Проконсулъ Кавказа жестокость здѣшнихъ враговъ не можетъ укротить милосердіемъ.“ Зная, что горець цѣнить болѣе всего правосудіе, Ермоловъ устроилъ суды въ ихъ духѣ. Говорить-ли о духѣ Ермоловской арміи, дѣлавшей съ нимъ, шутя, пятидесяти-веретныя переходы въ день? Онъ облегчилъ солдатъ, дозволивъ имъ носить папахи вмѣсто киверовъ и холщевыя сумки для сухарей вмѣсто ранцевъ; вообще онъ требовалъ не формы, а дѣла; отступленіе отъ формы было поставлено ему въ вину, — но въ послѣдствіи оно было усвоено всей кавказской арміей во время походовъ. Солдаты и офицеры съ гордостью говорили, что они служили подъ начальствомъ Алексѣя Петровича, а между тѣмъ дисциплина при немъ не ослабѣвала, и Ермоловъ былъ скупъ на награды, — но

за то ужъ его награды и цѣнились дорого. Говорить-ли про его безкорыстіе? Приведемъ только одинъ примѣръ. Ермоловъ, имѣя очень ограниченное состояніе, отказался отъ аренды въ 40 тыс. руб. ассиг., пожалованной ему императоромъ Александромъ, въ пользу бѣдныхъ служащихъ, обремененныхъ семействами. Не проходило года, чтобы Ермоловъ не представлялъ одного или двухъ милліоновъ экономіи. Слава о справедливости и безкорыстіи его распространилась далеко за предѣлы Грузіи. Мирза-Сале, правитель дѣлъ Аббаса-Мирзы, чтобы спастись отъ послѣдняго, бѣжалъ въ Грузію и передалъ всѣ свои сокровища на безотчетное храненіе Ермолову. Сорокъ грузинскихъ князей, сосланныхъ въ Сибирь по несправедливымъ навѣтамъ кн. Орбеліани, получили прощеніе вслѣдствіе просьбы Ермолова, при его вступленіи въ званіе главнокомандующаго.

Печальная исторія его отставки еще до сихъ поръ довольно темна, и причинъ ея здѣсь не мѣсто касаться. Она послѣдовала въ 1827 г. и объявлена была въ Тифлисѣ въ тотъ же самый день, въ который напечатана въ Петербургѣ. „По увольненіи отъ должности,—пишетъ Ермоловъ въ своихъ запискахъ,—болѣе мѣсяца жилъ я въ Тифлисѣ и наконецъ оставилъ страну. Новое начальство не имѣло ко мнѣ и того вниманія, чтобы дать мнѣ конвой, въ которомъ не отказываютъ никому изъ отъѣзжающихъ. Въ Тифлисѣ я его выпросилъ самъ, а на военныхъ постахъ, по дорогѣ, давали мнѣ его начальники по привычкѣ повиноваться мнѣ.“ На пути Ермоловъ заѣхалъ въ Таганрогъ единственно, какъ онъ самъ говоритъ, для того, чтобы видѣть мѣсто кончины императора Александра, вмѣстѣ съ которымъ было похоронено и его счастье. При назначеніи главнокомандую-

щимъ, Ермоловъ пріѣхалъ въ Тифлисъ также на перекладной повозкѣ, не будучи никѣмъ узнавъ. Г. Дубровинъ пишетъ („Русск. Старина“, сент. 1872 г.), что „Паскевичъ былъ посланъ на Кавказъ съ цѣлью такъ или иначе обвинить Ермолова и занять его мѣсто, чего и достигъ съ помощью *Дибича*. Впослѣдствіи онъ самъ отказался отъ своихъ убѣжденій и во всемъ слѣдовалъ Ермолову. Уѣзжая съ Кавказа, онъ оставилъ войска тѣми же оборванцами, какими и принялъ.“ Лишенный средствъ служить Россіи, Алексѣй Петровичъ прожилъ остальные 34 года своей жизни въ Москвѣ, гдѣ и скончался въ 1861 г. Рѣдко кто имѣлъ такую популярность, какъ онъ. Дѣла его, также и его львиная, мощная наружность извѣстны всѣмъ въ Россіи.

Послѣ Ермолова главнокомандующимъ былъ назначенъ *Паскевичъ*. Окончивъ съ блестящимъ успѣхомъ войны съ Персіей и Турціей, онъ тотчасъ же, въ 1831 г., былъ отозванъ командовать арміей противъ поляковъ и оставилъ Кавказъ, не имѣвъ возможности близко познакомиться съ горской войной. Послѣ него званіе *главнокомандующаго на Кавказъ* было уничтожено и замѣнено званіемъ *командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса*. Линія была раздѣлена на 4 части: *правый и лѣвый фланги, центръ и Черноморскую береговую линію*. Командующіе этими частями стали получать приказанія изъ Петербурга и такимъ образомъ сдѣлались почти независимыми отъ корпуснаго командира. Единство дѣйствія рушилось и не возстановлялось до 1844 г., т. е. до назначенія опять главнокомандующимъ кн. Воронцова, послѣ того какъ несчастныя событія 1843 г. заставили сознаться въ сдѣланной ошибкѣ и воротиться опять къ прежней системѣ. Командирами Кавказскаго корпуса въ

эти 13 лѣтъ были: *баронъ Розенъ*, *Головинъ* и *Нейдегартъ*. Весь этотъ періодъ былъ временемъ кровопролитныхъ экспедицій, битвъ, безслѣдныхъ успѣховъ и потерь съ нашей стороны. Блестящіе успѣхи не направляли дѣла и не подвигали насъ впередъ ни на шагъ. Разоренные аулы, по уходѣ нашихъ войскъ, возобновлялись, и ихъ надо было брать снова. Можно смѣло сказать, что кн. Воронцовъ засталъ наши дѣла на Кавказѣ гораздо въ худшемъ положеніи, чѣмъ ихъ оставилъ Ермоловъ. Мы за все это время не подвинулись впередъ, а противъ насъ вмѣсто разъединенныхъ хищниковъ стояло почти правильное государство, созданное Шамилемъ. Десятки тысячъ солдатъ и десятки милліоновъ рублей поглощались ежегодно Кавказомъ совершенно безъ всякой пользы. Такимъ то образомъ сказалось для насъ разрушеніе правильной и строго обдуманной военной системы. Въ то время, когда Россія сама разъединяла свои силы, нашъ врагъ, напротивъ, соединялся въ одно сильное цѣлое.

Горцы переживали историческую эпоху самодержавія, которую переживаетъ почти всякій разъединенный народъ во время общей опасности. У горцевъ самодержавіе явилось не въ видѣ свѣтской власти, потому что они не понимали ее и слишкомъ любили свою свободу, — оно должно было непременно принять религіозно-политическую форму, что дѣйствительно и случилось: фанатическое ученіе *юрридизма* выработало неограниченнаго повелителя правовѣрныхъ горцевъ — *имамъ*. Произошло это такимъ манеромъ. Еще во время Ермолова разъединенные горцы ясно увидѣли свою слабость и невозможность сопротивляться правильно организованной силѣ. Люди, которыхъ они до того вре-

мени грабили почти безнаказанно, явились теперь въ свою очередь ихъ притѣснителями, и эти люди были никто другіе, какъ невѣрные, враги пророка—гяуры! Обижаемые теперь сами притѣсняютъ своихъ прежнихъ обидчиковъ, разоряютъ ихъ аулы и отнимаютъ ихъ лучшія земли. И ничего нельзя противъ нихъ сдѣлать, потому что они дѣйствуютъ дружно! Неужели-же Аллахъ не пошлетъ своего избранника, который помогъ бы отмстить этимъ нечестивцамъ и защитилъ бы отъ нихъ семейства и имущества правовѣрныхъ? Такъ или почти такъ долженъ былъ разсуждать каждый горецъ, въ душѣ котораго чаша ненависти къ русскимъ переполнилась. Недоставало только искры, чтобы воспламенить этотъ порохъ и обратить взрывъ на общаго врага,—и искра, разумѣется, ждать себя не заставила.

Въ южномъ Дагестанѣ, въ Кюринскомъ ханствѣ, въ деревнѣ *Ярагларъ*, жилъ святой мужъ — Кадій *Мулла-Магометъ*. Аскетическая жизнь *муршида* (учителя), его глубокое знаніе Корана и пламенное краснорѣчіе привлекали къ нему толпы *муридовъ* (учениковъ) и поклонниковъ. Мулла-Магометъ былъ высокаго роста, кротость и добродушіе были написаны на его изможденномъ лицѣ, а глаза полуослѣпли отъ ночныхъ бдѣній. И этотъ-то, повидимому, мирный старикъ слабымъ, едва слышнымъ голосомъ, среди глубокой ночной тишины, проповѣдывалъ всеобщее возстаніе на кровавую брань и на непримиримую ненависть. Онъ призывалъ всѣхъ правовѣрныхъ покаяться и не довольствоваться исполненіемъ обязательнаго для каждаго мусульманина *шириата*, но очиститься *тарикатомъ* (посвященіе себя Богу—нѣчто въ родѣ нашихъ монашескихъ орденовъ), а избранныхъ—достигать даже *хакиката*, т. е. отрѣ-

шенія отъ всего земнаго, въ родѣ нашей схимы. Въ огненныхъ проповѣдяхъ его, разносимыхъ во многочисленныхъ спискахъ по всему Дагестану, говорилось, что „небо наложило печать отверженія на мусульманъ за то, что они не исполняютъ закона пророка, пресмыкаются во грѣхѣ и забыли свой первый долгъ — оставить родину и родныхъ, вооружиться противъ невѣрныхъ и идти на распространеніе, убѣжденіемъ и мечемъ, свѣта истинной вѣры. Присутствіе невѣрныхъ заграждаетъ путь къ трону Аллаха! Молитесь, кайтесь, жалкіе трусы! Но прежде всего ополчитесь на *казавагъ* (священную войну) противъ невѣрныхъ (т. е. русскихъ)! Приготовьте себя къ ней молитвою, постомъ и покаяніемъ! Часъ наступить, и тогда я благословлю васъ на брань.“ День, въ который произнесена была эта сильная рѣчь, былъ началомъ мюридизма — ученія, проповѣдивавшаго полнѣйшее равенство, казавать, совершенное отреченіе отъ личности и безусловное подчиненіе воли *имамъ* (наслѣдника пророка и посредника между Богомъ и вѣрующими). Согласно мюридизму, за невѣсту, кто бы она ни была, дочь ли перваго наиба или послѣдняго пастуха, вѣно было опредѣлено неизмѣнно въ одинъ рубль серебромъ; пѣсни, пляски, игры, куреніе табаку, бречанье на балалайкѣ были объявлены свѣтскими обрядами, достойными смерти; пожертвованіе имуществомъ и жизнью считалось, разумѣется, ни во что; даже тѣлесное наказаніе было введено у людей, которые прежде считали стыдомъ, если когонибудь можно было попрекнуть тѣмъ, что его высѣкли въ дѣтствѣ. Мюридъ приносилъ имаму клятву въ безусловномъ повиновеніи, въ обязанности биться до послѣдняго издыханія и рѣзать, если ему прикажутъ, всякаго, не разсуждая, бу-

детъ ли то его другъ, братъ или отецъ. Передъ мюридомъ должны были раскрываться безусловно всѣ тайны семейной жизни горца. Эти люди стали посвященными братьями духовнаго ордена, пастухами человѣческаго стада, блюстителями воли божіей, объявленной чрезъ непогрѣшимаго имама. Конечнымъ послѣдствіемъ мюридизма было уничтоженіе въ человѣкѣ идеи о всякой личной отвѣтственности, жесточайшій деспотизмъ и образование невиданнаго до сихъ поръ общества въ нѣсколько сотъ тысячъ людей, предавшихъ въ руки власти свою волю и совѣсть. Созданное братство обратило всю свою дикую энергію противъ насъ. Населеніе горъ переродилось. Скудость средствъ замѣнилась энергіей, и въ дикихъ горахъ, цѣлыя тысячелѣтія отвергавшихъ всякое гражданское устройство, создалось управление, явились провіантскіе магазины и пороховые заводы, крѣпости и артиллерія. При приближеніи нашихъ войскъ жители бросали безъ сожалѣнія свои дома и посѣвы и скрывались въ трупобахъ, каждый шагъ въ которыя стоилъ намъ огромныхъ потерь. Женщинъ и дѣтей, лишившихся дневнаго пропитанія, размѣщали какънибудь до будущей жатвы по сосѣднимъ ауламъ, а мужчины, какъ стая голодныхъ волковъ бросались на наши предѣлы. Умершіе отъ голода и погибшіе на войнѣ считались мучениками, достигшими, наконецъ, цѣли своей жизни. Мирная деревня, только что пройденная русскою колонною, иногда черезъ часъ обращалась въ непріятельскую позицію, и, гдѣ бы ни стоялъ русскій отрядъ, тылъ его не былъ никогда обезпеченъ. Покидая безъ сожалѣнія и вздоха отцовскій домъ, женъ и дѣтей, горцы шли рѣзаться съ русскими; окруженные врагами, они запѣвали предсмертную пѣсню: „Ля-илля-ага иль Алла-гу“

(нѣтъ Бога, кромѣ Бога), единственную пѣсню, дозволенную мюридизмомъ, рѣзали лошадей, залегали за этимъ брустверомъ, разстрѣливали заряды, а затѣмъ — бросались въ пашки и погибали всѣ до послѣдняго. Занялся всеобщій пожаръ, и земля горѣла подъ русскими ногами. Мюридизмъ, какъ дикій звѣрь, грызъ свою клѣтку, стараясь прорваться на волю, и, не охвати его русская сила своимъ желѣзнымъ поясомъ, можно быть увѣреннымъ, что онъ разлился бы по мусульманской Азіи и стремился бы къ осуществленію втораго халифата. Уже одинъ титулъ имама показывалъ, куда мѣтило новое ученіе. Когда, вслѣдствіе проповѣдей Муллы-Магомета, возстаніе вспыхнуло на Кюрѣ, Ермоловъ потребовалъ отъ мирнаго казикумьхскаго *Асланъ-хана* усмиренія его. Ханъ послалъ за Муллою-Магометомъ и за его учениками и приверженцами. На срединѣ дороги Асланъ-ханъ встрѣтилъ стараго слѣпаго муршида, окруженнаго огромнымъ числомъ мюридовъ и мулъ. „Какъ смѣешь ты говорить такія возмутительныя рѣчи?“ — спросилъ его Асланъ, — „развѣ ты не признаешь силу русскихъ и не думаешь, сколько изъ за тебя прольется крови? Твои мюриды ходятъ вездѣ, поджигаютъ къ войнѣ и бьютъ всѣхъ, кто имъ противорѣчить!“ — „Мои мюриды узнали истину Корана“, отвѣчалъ на это Мулла-Магометъ. „И тебѣ, ханъ, совѣтую сложить съ себя свѣтскія заботы и подумать о томъ, что равно ожидаетъ какъ жалкаго невольника, такъ и великаго властелина.“ — „Твое ученіе преувеличено, я знаю мои обязанности и въ точности исполняю заповѣди, предписанныя шаріатомъ.“ — „Ты лжешь!“ воскликнулъ на это муршидъ. „Ты рабъ невѣрныхъ (русскихъ)!“ Едва произнесъ онъ эти слова, какъ упалъ на земь отъ сильнаго удара хана,

который приказалъ затѣмъ своимъ нукерамъ бить, безъ различія, всѣхъ муллъ и мюридовъ. Скоро однако Асланъ-ханъ замѣтилъ, что зашелъ слишкомъ далеко, послалъ вновь за Муллою-Магометомъ и просилъ его забыть нанесенное оскорбленіе. Тотъ его охотно простилъ, но при этомъ замѣтилъ, что напрасно ханъ старается подавить возстаніе, которое кромѣ выгоды ему не принесетъ ничего, потому что чѣмъ болѣе будетъ безпокойствъ въ краѣ, тѣмъ болѣе русскіе будутъ нуждаться въ его содѣйствіи, тогда какъ, покоривъ Дагестанъ, они не будутъ имѣть нужды въ Асланѣ и лишатъ его ханства. Асланъ-ханъ убѣдился въ душѣ въ истинѣ словъ стараго муршида и отпустилъ его съ подарками, а Ермолову донесъ о возстановленіи порядка.

Вскорѣ послѣ того Мулла-Магометъ собралъ въ Ярагларѣ начальниковъ и поставилъ любимаго своего ученика *Гази-Магомета* Казіемъ, т. е. начальникомъ *казавата* (священной войны). „Именемъ пророка, сказалъ онъ, возложивъ руку на его голову,—повелѣваю тебѣ, *Казі-Мулла*, иди, собери народъ, вооружи его и, съ помощью Аллаха, начинай войну! Рай ожидаетъ тѣхъ, кто падетъ или побьетъ русскихъ, горе тѣмъ, которые убѣгутъ отъ гяуровъ!“ Основавъ, такимъ образомъ, мюридизмъ и избравъ для него предводителя, провозглашеннаго впоследствии мюридами *имамомъ*, Мулла-Магометъ удалился отъ дѣлъ и погрузился въ совершенное уединеніе.

Знаменитый *Казі-Мулла*, первый имамъ мюридовъ, также какъ и Шамиль, былъ родомъ изъ аула Гимры, лежащаго въ общинѣ Койазбу, на правомъ берегу Казикумыкскаго койсу, почти противъ впаденія въ него Андійскаго койсу. Онъ родился въ 1795 году и былъ

старше Шамиля только на 4 года. Мальчики жили другъ отъ друга черезъ 2 дома и были дружны, какъ два родные брата; все, что ни встрѣчалось имъ въ жизни, и радость и горе, они дѣлили пополамъ. Молодые друзья не походили одинъ на другаго. Серьезный, молчаливый, какъ камень, Кази-Мулла еще отрокомъ изучилъ арабскій языкъ и зналъ наизусть весь Коранъ; склонность его къ самосозерцанію была такъ велика, что часто онъ удалялся въ уединеніе и затыкалъ уши воскомъ, чтобы не развлекаться ничѣмъ постороннимъ. Напротивъ того, *Шамиль* (Самуиль; онъ былъ сынъ одного аварскаго уздена) отличался живымъ характеромъ; послѣ страсти къ ученью, господствующею въ немъ была страсть къ фехтованью и гимнастическимъ упражненіямъ. Его постоянно видѣли или за книгой, или скачущимъ, прыгающимъ, или фехтующимъ пашкой или кинжаломъ. Въ гимнастикѣ Шамиль достигъ почти невѣроятныхъ результатовъ: онъ могъ перепрыгивать черезъ веревку, которую два человѣка, выше его ростомъ, держали, поднося вверху руки, перепрыгивалъ черезъ рвы шириною въ 12 арш. и проч.; кромѣ того, Шамиль добровольно подвергалъ себя всевозможнымъ атмосферическимъ переменамъ и закаливалъ свое здоровье. И зимою и лѣтомъ онъ не ходилъ иначе, какъ босикомъ и съ открытою грудью. Кази-Мулла и Шамиль вмѣстѣ росли въ Гимрахъ, вмѣстѣ ходили въ школу, вмѣстѣ потомъ учились нѣсколько лѣтъ въ Кизлярѣ и вмѣстѣ начали потомъ войну. Судьба столкнула этихъ людей и повела ихъ рука объ руку на жизнь и на смерть. Кази-Мулла былъ первымъ наставникомъ Шамиля. „Нигдѣ я такъ многому не научился, какъ отъ Гази-Магомета (Кази-Муллы)“, говорилъ Шамиль впослѣдствіи. Послѣ

принятія посвященія отъ Муллы-Магомета, новый глава мюридовъ поселился въ Гимрахъ и принялся за распространеніе своего ученія. Онъ обладалъ въ высшей степени страстнымъ убѣжденіемъ, качествомъ, болѣе всего необходимымъ для увлеченія массъ, а краснорѣчіе его, по словамъ горцевъ, было таково, что „сердце чело-вѣка прилипало къ его губамъ, и онъ однимъ дыха-ніемъ будилъ въ душѣ бурю“. Чудесами онъ привле-калъ къ себѣ легковѣрныхъ и такъ ловко скрывалъ догматъ всеобщаго равенства, положенный въ основа-ніе мюридизма, что владѣтели въ Дагестанѣ и не по-дозрѣвали этого; Шамхаль Тарковский, напри-мѣръ, звалъ его къ себѣ въ 1829 г. для поученій и въ случаѣ от-каза грозилъ гнѣвомъ божіимъ. Когда весь Дагестанъ и вся Аварія, кромѣ Хунзаха (столицы аварскихъ ха-новъ), приняли его сторону, и онъ могъ выставить до 15 т. войска, то въ своихъ фанатическихъ проповѣдяхъ началъ грозить Москвѣ и даже Стамбулу, если султанъ вздумаетъ уклониться отъ исполненія шаріата. Въ кон-цѣ 1829 г. онъ торжественно провозгласилъ казавать и въ февралѣ 1830 г. съ яростью бросился съ толпами своихъ приверженцевъ на *Хунзахъ*, для сокрушенія прежде всего аварскихъ хановъ, своихъ враговъ и силь-ныхъ міра сего, стоявшихъ, разумѣется, поперекъ до-роги этому кавказскому демагогу.

Отбитый съ урономъ мужественной ханшей *Паху-Бике*, онъ оттуда кинулся на *Шамхала Тарковского* и укрѣпился въ неприступномъ урочищѣ *Чумескентъ*, въ 10 в. къ ю.-з. отъ Темиръ-Ханъ-Шуры. Полковникъ *Миклашевскій* (прозванный горцами Кара, т. е. черный полковникъ) страшнымъ штурмомъ взялъ Чумескентъ и самъ погибъ при штурмѣ. Оттуда Кази-Мулла бросился

на *Параулъ* (тогдашнюю резиденцію Шамхала) и разграбилъ его; потомъ бросился къ Каспійскому морю, осадилъ *Бурную* и былъ отбитъ, затѣмъ осадилъ *Внезанную*, отъ которой тоже былъ отбитъ генераломъ *Эмануэлемъ*, послѣ 15-ти-дневной осады. Эмануэль преслѣдовалъ Кази-Муллу и былъ разбитъ имъ въ Ауховскихъ лѣсахъ съ потерей одного орудія. Послѣ этого успѣха Кази-Муллу окружилъ *Дербентъ*, который блокировался 8 дней, потомъ перебросился на Терекъ, сжегъ и разграбилъ *Кизляръ* и, наконецъ, удалился, въ 1832 году, на свою родину—въ *Гимры*. Такимъ образомъ цѣлые два года первый имамъ мюридовъ метался, какъ левъ, и дѣлалъ отчаянные прыжки въ своей клѣткѣ (величина которой была длиной до 250 верстъ, а шириною до 100 верстъ) на глазахъ изумленнаго, но не оторопѣлаго непріятеля. Почти нечеловѣческія усилія истощили мюридовъ, и они стали отставать отъ имама. Между тѣмъ подвигались русскія войска подъ начальствомъ *барона Розена* и окружили *Гимры*. Тогда Кази-Муллу собралъ своихъ приверженцевъ и сказалъ: „чувствую, что приближается конецъ мой, и умираю, гдѣ родился; умираю за истины тариката и за святой шариатъ. Кто хочетъ также умереть, тотъ останется со мною!“ Послѣ кровопролитной битвы Гимры были взяты. Кази-Муллу заперся въ башнѣ съ 16 мюридами. Не видя спасенія, онъ предпринялъ отчаянную вылазку и съ шашкой на голо, надвинувъ на глаза папаху, первый бросился вонъ изъ башни. Тутъ его ударили въ голову камнемъ и прикололи штыкомъ. *Шамиль*, также проткнутый штыкомъ черезъ всю грудь сквозъ легкое, легъ подлѣ своего учителя и друга.

Казалось, мюридизмъ былъ подрѣзанъ въ самомъ

корнѣ. На страхъ горцамъ русскіе выставили тѣло Кази-Муллы, но результатъ вышелъ однако-же совсѣмъ противный. Мертвецъ лежалъ, держа одной рукой бороду, а другой указывая на небо, т. е. въ положеніи мусульманина въ минуту горячей молитвы; такимъ образомъ смерть возвратила Кази-Муллѣ то значеніе, которое онъ потерялъ подь конецъ жизни. Русскіе успокоились, но мюридизмъ продолжалъ свое дѣло.

Послѣ Кази-Муллы имамомъ былъ избранъ *Гамзатъ-Бекъ*. Новый имамъ не отличался особенными дарованіями, это былъ набожный, молчаливый и безжалостный честолюбецъ, исполнявшій все свои предпріятія быстро и безъ огласки, „для Бога, а не для себя“, по его выраженію. Въ три года онъ достигъ своей цѣли и укрѣпилъ мюридизмъ въ горахъ, на трупахъ своихъ друзей и недруговъ. Онъ, какъ и его предмѣстникъ, началъ дѣло съ уничтоженія аристократіи и прежде всего, разумѣется, съ аварскихъ хановъ. Въ 1834 году мюриды подступили къ *Хунзаху*. Старая ханша *Паху-Бике*, бабка молодого хана *Абу-Нацала*, на этотъ разъ не могла сопротивляться и должна была вступить въ переговоры; она согласилась принять новое ученіе, но отказывалась начинать войну съ русскими. Въ залогъ вѣрности Абу-Нацаль привезъ лично въ лагерь Гамзатъ-Бека въ заложники своего 8-ми-лѣтняго брата *Булачъ-Хана*. Гамзатъ встрѣтилъ его съ восточнымъ раболѣпствомъ, но лишь только тотъ вступилъ въ палатку, какъ и былъ умерщвленъ подь предлогомъ какой-то ничтожной ссоры. *Паху-Бике* была одновременно умерщвлена въ Хунзахѣ. Оставлена была въ живыхъ только вдова Абу-Нацала, потому что она въ это время была беременна, а умертвить беременную женщину, по понятіямъ горцевъ, есть

величайшее преступление. Дальнейшая участь ея неизвѣстна, а *Булачъ-Ханъ* былъ тоже умерщвленъ впослѣдствіи Шамилемъ. Гамзатъ-Бекъ не долго наслаждался плодами своихъ злодѣяній. Въ отмщеніе за смерть аварскихъ хановъ былъ составленъ противъ него заговоръ *Османомъ* и *Хаджи-Муратомъ*, молочными братьями убитыхъ, и *Гамзатъ-Бекъ* былъ, въ свою очередь, тоже убитъ въ Хунзахской мечети. Въмѣсто его былъ избранъ имамомъ излѣчившійся какимъ-то непонятнымъ образомъ отъ гимрской раны *Шамиль* *).

Аварія сначала была поручена управленію *Хаджи-Мурата*, а въ 1837 г. правителемъ ея сдѣланъ былъ полковникъ русской службы мехтулинскій *Ахметъ-Ханъ*.

Теперь расскажем событія, происходившія отъ этого времени до несчастнаго для насъ 1843 года, въ который мы потеряли и Дагестанъ и Чечню. Въ 1837 году генер. *Фези* укрѣпилъ Хунзахъ и разработалъ изъ него дорогу въ Темиръ-Ханъ-Шуру, обезпечивъ ее укрѣпленіями, впрочемъ совершенно ничтожными. Въ этомъ же году онъ осадилъ *Шамиля* въ *Тилитль* **) и не взялъ его единственно по недостатку провіанта, такъ что оставалась незанятою только та часть Тилитля, въ которой засѣлъ Шамиль. *Фези* заключилъ съ нимъ договоръ, который имамъ и не думалъ исполнять; напротивъ, наперекоръ *Фези*, донесшему о покореніи имъ многихъ народовъ Дагестана, онъ разослалъ по горамъ воззваніе, въ которомъ объявлялъ, что Аллахъ спасъ его чудеснымъ образомъ, обратя, чрезъ невидимую силу, гяуровъ въ бѣгство. Не надѣясь однако на вторичную по-

*) Подробности объ этихъ событіяхъ см. Хаджи-Муратъ, гл. II. отд. 2.

**) На правомъ берегу Аварскаго койсу.

мощь невидимыхъ силъ, Шамиль переселился послѣ этого въ неприступный аулъ *Ахульго* *). Въ 1839 году, *Грabbе* взявъ Ахульго послѣ двухмѣсячной правильной осады и жесточайшаго штурма, и едва спасшійся Шамиль бѣжалъ къ *Шатовцамъ* **), которые сначала поговаривали даже о выдачѣ его; но геній Шамиля и его слова были такъ велики, что въ это-то несчастное для него время и случился переломъ въ его судьбѣ. Тѣснимые нами *чеченцы* прислали къ нему въ 1840 г. депутацію съ просьбою о защитѣ, и черезъ 2 года изъ аула *Дарго*, лежащаго среди недоступныхъ *Ичкеринскихъ* *лъсовъ*, Шамиль повелѣвалъ уже всей Чечней и немирнымъ Дагестаномъ ***). *Мирные чеченцы*, жившіе по лѣвому берегу Сунжи, бѣжали всѣ за рѣку и увеличили собою силу Шамиля. Надобно сказать правду, что и сами мы усердно помогали отложенію *Чечни* и созданію шамилевскаго государства. Наше управленіе въ покорныхъ округахъ было плохо; на административныя мѣста сюда шли или по негодности, или же по неволѣ; жалованье на этихъ мѣстахъ получали ничтожное; средствъ къ отличію не представлялось никакихъ. Что же удивительнаго, что всѣ лучшіе офицеры предпочитали тогда службу во фронтѣ? Ген. *Пулло*, начальствовавшій въ Чечнѣ, позволялъ себѣ самоуправства, третировалъ чеченцевъ *en sautille* и, въ добавокъ, возымѣлъ еще несчастную мысль объ отобраніи у всѣхъ туземцевъ оружія, забывъ, что горецъ скорѣе разстанется съ жизнью, нежели съ оружіемъ, и что жить въ горахъ въ то время безъ оружія положительно не было никакой возможности. Наши

*) При впаденіи Андійскаго койсу.

**) Въ верховьяхъ Аргуна.

***) Подробно все это нами описано въ исторіи Хаджи-Мурата, гл. II. отд. 2.

дѣйствія тогда производились или нечаянными набѣгами на ближніе аулы, не далѣе одного или двухъ переходовъ, или экспедиціями въ дальнія мѣста. Въ обоихъ случаяхъ потери наши, въ особенности при отступленіяхъ, были огромны и совершенно безплодны. Экспедиціи предпринимались большею частію зимой, когда лѣсъ былъ обнаженъ и доставлялъ горцамъ меньше защиты, а отсутствіе подножнаго корма не позволяло имъ отлучаться надолго отъ жилищъ. Лѣтняя экспедиція генерала *Галафѣева*, предпринятая, наперекоръ очевидности, на рѣчку *Валерикъ*, въ малую Чечню, получила самую печальную общезвѣстность. Кто не читалъ дивнаго стихотворенія Лермонтова „Валерикъ“? Изъ экспедиціи этого періода, кромѣ Ахульгинской, замѣчательна экспедиція генерала *Граббе* къ *Дарго* чрезъ непроходимый Ичкеринскій лѣсъ. Она также, какъ и всѣ другія, сопровождалась успѣхомъ, огромными потерями и не доставила никакого положительнаго результата.

Для охарактеризованія тогдашней нашей войны на лѣвомъ флангѣ приведемъ отрывокъ изъ превосходной записки генерала *Пассека*, которую нельзя читать безъ огромнаго интереса. „Нашъ отрядъ, такъ пишетъ Пассекъ, двигается по Чечнѣ: впереди авангардъ, потомъ главныя силы, при нихъ подвижной паркъ, подвижной транспортъ, обозъ и, наконецъ, аріергардъ. Главная колонна справа и слѣва прикрыта особыми колоннами съ непрерывною цѣпью отъ авангарда до аріергарда. Кавалерія, смотря по мѣстности, или съ боку или въ серединѣ отряда. Въ открытыхъ мѣстахъ непріятель какъ будто не существуетъ; но только вступаемъ въ лѣсъ, начинается перестрѣлка, рѣдко въ авангардѣ, чаще въ боковыхъ цѣпяхъ и почти всегда въ аріергардѣ. Чѣмъ пересѣченнѣе

мѣстность, чѣмъ гуще лѣсъ, тѣмъ сильнѣе перестрѣлка. Загорается неумолкаемая канонада, а непріятеля почти нѣтъ; видѣнь одинъ, два, нѣсколько десятковъ, и все это исчезаетъ мгновенно. Но когда ослабнетъ ранеными цѣпь или какая нибудь часть, когда разстроится аріергардъ или боковая колонна, вдругъ являются сотни пашекъ и кинжаловъ и съ гикомъ кидаются на разстроенныхъ солдатъ. Если верѣтять въ нашихъ стойкость, — все исчезаетъ между пнями и деревьями, и снова открывается убійственный огонь. Этотъ маневръ повторяется до тѣхъ поръ, пока не окончится лѣсъ, или сами чеченцы не понесутъ значительнаго урона, или наши не встрѣтятъ уже штыками, и тогда начинается ужасное бѣдствіе. Чеченцы, какъ тигры, беспощадны и быстры, и только приближеніе свѣжихъ силъ можетъ остановить истребленіе. Въ такихъ дѣлахъ, весьма естественно, потери чеченцевъ, въ сравненіи съ нашими, ничтожны, особенно принявъ во вниманіе ловкость ихъ и искусство пользоваться каждымъ пнемъ. Въ Чечнѣ непріятель невидимъ, но вы можете встрѣтить его за каждымъ изгородомъ, кустомъ, въ каждой балкѣ. Только тотъ кусокъ земли нашъ, гдѣ стоитъ отрядъ; сзади, съ боковъ, вездѣ непріятель. Нашъ отрядъ, какъ корабль, все разрѣжетъ, куда ни идетъ, и нигдѣ не оставитъ слѣда, гдѣ прошелъ. Ни слѣдовъ опустошенія, ни слѣдовъ покорности.

„Въ горахъ Дагестана нашъ отрядъ имѣетъ авангардъ, аріергардъ и главную колонну; боковыхъ цѣпей и боковыхъ колоннъ не существуетъ, по затруднительности доступовъ справа и слѣва. Въ случаяхъ опасныхъ занимаютъ отдѣльными частями высоты, командующіе дорогою. Въ важныхъ пунктахъ, при входахъ и выходахъ изъ ущелій, при перевалахъ чрезъ хребты, при перепра-

вахъ, оставляютъ особые отряды для обезпеченія сообщеній и свободнаго отступленія. Непрiятель преграждаетъ ущелья, подъемы горъ, укрѣпляетъ переправы, аулы и всегда встрѣчаетъ насъ прямо. Въ большихъ дѣлахъ каждый пунктъ, подъ наблюдениемъ *муртазигетовъ* *) или избранныхъ мюридовъ, и всѣ важнѣйшіе завалы, части ауловъ, баіи занимаются извѣстными людьми и обозначаются ихъ значками. Легче имѣть дѣло со скопищемъ въ нѣсколько тысячъ вольнаго ополченія, которое будетъ подъ предводительствомъ самыхъ храбрыхъ горцевъ, нежели атаковать нѣсколько сотъ мюридовъ, окружающихъ извѣстное лицо и по силамъ избравшихъ позицію. Первая, искусно направленная и рѣшительная атака обращаетъ въ бѣгство толпы вольнаго ополченія, а муртазигеты и мюриды, раскиданные по заваламъ, должны слѣдовать за бѣгущими или сдѣлаться жертвами своего фанатизма. Если же приходится имѣть дѣло съ одними мюридами, то каждый пунктъ надо брать упорнымъ боемъ, при чемъ огонь непрiятеля бываетъ самый убійственный. Тогда уже не стрѣляютъ въ толпу, но всегда прицѣльно, — нѣсколько ружей наведено на каждый проулокъ, каждый уголь, изворотъ, тропинку, откуда могутъ подойти наши солдаты.

„Кто не покажется, дѣлается жертвой, — это наводитъ страхъ на самыхъ смѣлыхъ; хорошо, если мѣстность позволяетъ броситься цѣлой колонной, а то нѣтъ возможности атаковать съ успѣхомъ. Хладнокровіе и самоотверженіе защитниковъ бываетъ изумительно; окруженные со всѣхъ сторонъ, они поражаютъ всѣхъ, кто ни приблизится, и гибнуть, не думая о пощадѣ. Одна храбрость съ нашей стороны, въ подобномъ случаѣ, ни къ чему не слу-

*) Тѣлохранители Шамиля.

жить и можетъ быть пагубна для отряда. Впрочемъ, надобно сказать, что если дѣло идетъ и съ большимъ скопищемъ, гдѣ главное число непріятеля—поголовное ополченіе, по наша атака будетъ неискусна, то непріятель, послѣ первой удачи, ободряется до дерзости, и потеря наша можетъ быть весьма значительна, а успѣхъ обратится въ совершенное пораженіе. Упущеніе обхода, незанятіе благовременно какой-нибудь высоты, какой-нибудь тропинки—могутъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія. Нигдѣ не нужно имѣть столько врожденныхъ способностей для начальника отряда, какъ въ горной войнѣ; самыя важныя послѣдствія зависятъ отъ ничтожныхъ или быстро измѣняющихся обстоятельствъ, которыя надобно впередъ сообразить и ничего не упустить; самыя умныя расчеты могутъ не исполниться отъ одной пещеры или обрыва. Одно и тоже дѣло одинъ выиграетъ безъ всякихъ потерь, а другой съ огромными пожертвованіями, или же будетъ имѣть и совершенную неудачу. Когда мѣстность извѣстна, обходы возможны, или выжиданіемъ ослабленъ духъ въ непріятелѣ, тогда только должно приступить къ атакѣ, атаковать внезапно и рѣшительно; заблаговременная извѣстность нападенія отнимаетъ силу у него, а нерѣшительность нападенія ведетъ къ напраснымъ потерямъ. Въ горной войнѣ надобно быть выжидательну и хитру, какъ льву. Военныя соображенія лезгинъ далеко превосходятъ соображенія чеченцевъ. Всѣ извѣстные предводители горцевъ были аварцы; всѣ важнѣйшія предпріятія, даже въ самой Чечнѣ, начинались и совершались аварцами.

„Соображенія горцевъ здравы, дальновидны, всегда основаны на знаніи мѣстности и обстоятельствъ. Когда угрожаетъ опасность одному непріятельскому пункту, они

обращаются туда, гдѣ ихъ не ожидаютъ, въ ту часть края, которая обнажена отъ войскъ; такимъ образомъ развлекаютъ наши силы и ободряютъ своихъ. При слабости съ нашей стороны дѣлаютъ одновременныя вторженія съ нѣсколькихъ сторонъ или самыя быстрыя и печальныя нападенія на удаленныя отъ нихъ мѣста, гдѣ ихъ вовсе не ожидаютъ. Чеченцы и горцы одинаково искусно пользуются мѣстностью, но лезгины превосходятъ чеченцевъ въ искусствѣ укрѣпляться, и эта часть доведена у нихъ до совершенства. Завалы и укрѣпленія ихъ имѣютъ всегда сильный перекрестный огонь. Противъ артиллеріи они вырываютъ канавы съ крѣпкими навѣсами, засыпанными землею, гдѣ они совершенно безопасны отъ ядеръ и гранатъ, а для большей безопасности защитниковъ дѣлаютъ крытые ходы; иногда подземныя канавы устраиваются въ нѣсколько ярусовъ. Вообще же завалы дѣлаются изъ камня или деревянныхъ срубовъ, пересыпанныхъ землей. Чеченцы дерзки при нападеніи, еще дерзче въ преслѣдованіи, но не имѣютъ стойкости и хладнокровія. Лезгины, наоборотъ, не такъ смѣлы, не такъ быстры и предприимчивы, какъ чеченцы, но болѣе стойки и рѣшительны. Чеченцы способны къ наѣзднической войнѣ: они дѣлаютъ быстро внезапныя вторженія въ наши предѣлы, пользуются всякимъ случаемъ, чтобы напасть въ располхъ на фуражировъ, на обозъ, на партіи; неутомимо тревожатъ наши аванпосты и цѣпи, т. е. ведутъ партизанскую войну. Лезгины ведутъ войну положительную, съ важными цѣлями: завоеванія или защиты своихъ обществъ; встрѣчаютъ насъ болѣею частью открытымъ боемъ на крѣпкихъ позиціяхъ; усиливаютъ ихъ завалами, башнями, подземными канавами съ навѣсами; занимаютъ пещеры, переправы черезъ рѣки, овраги

и держатся въ нихъ съ удивительною рѣшимостью, дерутся до послѣдней крайности. На позиціяхъ же некрѣпкихъ или удобо-обходимыхъ слабо защищаются; на обозы и и партіи фуражировъ рѣдко нападаютъ. Различіе въ образѣ войны происходитъ сколько отъ различія племенъ, столько отъ быта и мѣстности Дагестана и Чечни. Большая и Малая Чечня ровны и покрыты лѣсомъ; мѣстность доступная и обходимая. Въ Дагестанѣ встрѣчаются во всѣхъ горахъ тѣснины отвѣсными стѣнами; встрѣчаются горы, на которыя ведетъ одна тропинка, пещеры, въ которыя можно спуститься только по веревкѣ, переправы, къ которымъ можно приблизиться только по карнизу, подъ огнемъ ихъ заваловъ, скрытыхъ отъ всякаго выстрѣла, и пещеръ въ самыхъ скалахъ. Самая постройка ауловъ у лезгинъ придаетъ имъ рѣшимость. Братъ съ боя лезгинскій ауль дѣло отчаянное и допускается только въ обстоятельствахъ, особенно важныхъ для края. Постройки лезгинъ всѣ изъ камня, плить или голышей, хорошо сложенныхъ на глинѣ въ одинъ или два яруса. Лезгинскія сакли въ родѣ замковъ; надъ многими устраиваются башни, а иногда сакли обнесены стѣною; въ каждомъ домѣ, въ каждой стѣнѣ продолблены бойницы, и весь ауль представляетъ собою родъ крѣпости: каменные хорошо обороненныя сакли примыкаютъ одна къ другой и сакля на саклю въ нѣсколько ярусовъ. Аулы или на ущельяхъ, или на уступахъ горъ, иногда примкнуты къ скаламъ, иногда окружены кручею; часто доступъ и самый въѣздъ въ нихъ чрезвычайно трудны. Улицы такъ узки, что трудно повернуться на конѣ; сверхъ того, нѣкоторыя сакли построены поперекъ улицы и оставлены только низкія ворота для проѣзда. Потеря, при штурмѣ аула, въ которомъ засядутъ горцы съ рѣшитель-

нымъ намѣреніемъ защищаться, бываетъ чрезвычайно важна“.

Въ то самое время, когда мы дѣйствовали такимъ образомъ, безъ системы и понапрасну губили солдатъ, отчаянно рѣзавшихся съ горцами подъ звуки боеваго марша съ аккомпаниментомъ пѣсни:

Эхъ, матушка родимая, прости, прости, прости!

Ахъ, дѣвица-красавица, о павшемъ не грусти!

Эй, дьяволы-лохматые, вставайте на пути!

И-ихъ душенька солдатская расти, расти, расти!...

— Шамиль въ это время дѣлалъ свое дѣло. Принявъ подъ свою руку Дагестанъ и Чечню, имамъ заявилъ себя не только отличнымъ воиномъ, но еще болѣе великимъ администраторомъ. Вотъ самыя видныя распоряженія, сдѣланныя имъ въ эти и въ послѣдующіе годы: вся подвластная ему страна раздѣлена была на наибства (около тысячи дворовъ въ каждомъ); изъ наибствъ составлялись области. Западная часть горной Чечни была отдана *Ахверды-Магомъ*; *Аухъ*, *Салатавія*, *Анди* и *Гумбетъ* (т. е. сѣверо-восточная часть его владѣній) *Шуаибъ-Мулль*; *Аварія Хаджи-Мурату*, уже перешедшему къ нему; *Тилитль* и сосѣднія общества по правой сторонѣ Аварскаго койсу — *Кибитъ-Магомъ*. Всѣ горцы обязаны были нести военную службу съ 16 до 60 лѣтъ, и каждый долженъ былъ имѣть винтовку, пистолеть и шашку, а болѣе богатые и лошадь. Сборы на войну бывали поголовные и частные и приводились въ исполненіе съ удивительной быстротой и послушаніемъ *). Себя Шамиль окружилъ стражею изъ самыхъ приверженныхъ мюридовъ (до 600 челов.), называвшихся *мур-*

*) Для предупрежденія нашихъ печальныхъ набѣговъ введена была кордонная и пикетная служба и устроены своего рода передовыя линіи.

тазигетами. Порохъ, хотя довольно плохаго качества, выдѣлывается въ Дагестанѣ, откуда его получали и чеченцы; пороховые заводы были въ *Ведено*, *Гунибѣ* и *Унукуль*. Сѣбра добывалась въ горахъ, а селитра на заводахъ, на примѣръ въ *Гунибѣ*. Общества, гдѣ устроены были селитренные заводы, не отличались воинственностью и за выдѣлку селитры не только освобождались отъ военной службы, но получали еще до 1½ р. с. на семейство. Холодное оружіе приготовлялось частными людьми, а огнестрѣльное получалось изъ Турціи. Оружіе, какъ сватыня, переходило изъ рода въ родъ. Артиллерія состояла изъ пушекъ, отбитыхъ у насъ въ 1843 г.; отливались также и свои пушки (изъ мѣдной посуды), но плохо. Доходы имамовъ до Шамиля не были опредѣлены, — онъ опредѣлилъ и это. Они состояли: изъ части военной добычи (*хашусъ*), изъ штрафовъ, доходовъ съ земель аварскихъ хановъ, изъ одной десятой доли хлѣбныхъ произведеній (*закетъ*) и изъ выморочныхъ имѣній. Шамиль отличался полнѣйшимъ безкорыстіемъ и употреблялъ всѣ излишки своихъ доходовъ на общее дѣло, такъ что былъ взятъ почти что ни съ чѣмъ. Награды его до 1841 г. состояли изъ подарковъ, а съ образованіемъ въ этомъ году муртазигетовъ, — установлены были серебряныя медали на подобіе полумѣсяца; въ 1842 г. установленъ былъ знакъ отличія на подобіе нашей звѣзды, ее получили тогда же: *Шуаибъ-Мулла*, *Ахверды-Магома* и *Уллубей*. Захваченныя въ 1842 г. въ Кази-Кумыхъ знамена, Высочайше пожалованныя кази-кумыхскому и кюринскому ханамъ, онъ отдалъ *Шуаибъ-Муллѣ* и *Уллу-Бейю*, въ награду за ихъ отличныя дѣйствія противъ Граббе въ Ичкеринскомъ лѣсу. Наказанія, назначаемыя не иначе, какъ по публичному

суду, состояли изъ штрафовъ, изъ сажанія въ яму, даже на нѣсколько мѣсяцевъ; трусамъ обшивали правую руку войлокомъ, впрядь до исправленія; смертная казнь производилась въ присутствіи Шамиля, для чего при немъ и находился постоянно палачъ съ сѣкирою, эмблемой власти имама. Строгость жизни, обязательная сначала для однихъ мюридовъ, сдѣлана была обязательною для всѣхъ: запрещены были пѣніе, танцы, табакъ и самое ничтожное употребленіе хмѣльнаго. Такимъ-то манеромъ Шамиль успѣлъ соединить необузданныхъ горцевъ въ одинъ народъ и, съ самыми ничтожными средствами, сопротивлялся намъ цѣлыхъ 24 года до такой степени, что много разъ заставлялъ насъ отчаяваться во всякомъ успѣхѣ. Кромѣ дарованій, необходимыхъ для военачальника и правителя, онъ обладалъ двумя качествами, чрезвычайно цѣнными всѣми людьми вообще, а горцами въ особенности: безкорыстіемъ и правосудіемъ; онъ не задумался бы снести голову и родному сыну, если бы тотъ заслужилъ это. А какимъ образомъ онъ дѣйствовалъ на горцевъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Въ 1843 г. чеченцы, тѣснимые нами, послали къ нему въ Дарго депутацію, которая должна была сказать, что если онъ не пришлетъ чеченцамъ помощи, то имъ не остается болѣе ничего дѣлать, какъ покориться русскимъ. Боясь явиться прямо къ имаму, начальствовавшій посольствомъ чеченецъ *Тети* сначала обратился съ просьбою о заступничествѣ къ престарѣлой матери Шамиля и поднесъ ей подарки. Надобно замѣтить, что Шамиль чрезвычайно уважалъ свою старую мать и по ея просьбѣ отмѣнялъ смертные приговоры. На просьбу матери Шамиль объявилъ, что не можетъ дать никакого отвѣта до тѣхъ поръ, пока не испроситъ откровенія

свыше, для чего пойдеть молиться въ мечеть, и просить даргинцевъ также собраться вокругъ мечети и молиться съ нимъ вмѣстѣ. Мечеть, окруженная молящимся народомъ, оставалась запертою три дня и три ночи. По истеченіи этого времени показался Шамиль блѣдный и изнуренный. Трепещущіе чеченцы и весь народъ пали ницъ, ожидая отвѣта. „Я молился три дня и три ночи, сказалъ Шамиль тихимъ голосемъ,—и удостоился получить отвѣтъ пророка, вотъ онъ: дать сто ударовъ плетью тому, отъ кого отъ перваго услышалъ просьбу о покорности русскимъ. О горе мнѣ, горе! это была мать моя! Но да будетъ исполнена святая воля пророка!“ Старушку раздѣли и положили на землю. Послѣ 5-го удара она лишилась чувствъ. Тогда Шамиль бросился передъ ней на колѣни, плакаль, просилъ прощенія и объявилъ, что принимаетъ на себя всѣ остальные удары. Обѣщавъ смерть тому, кто будетъ бить слабо, онъ снялъ свою красную чуху и безропотно принялъ 95 ударовъ. Окровавленный, онъ всталъ на ноги, и сказалъ, обращаясь къ обезумѣвшимъ отъ ужаса чеченцамъ: „ступайте къ тѣмъ, кто послалъ васъ, и передайте, что видѣли.“ Слѣдствіемъ этого поступка было переселеніе надтерекскихъ и надсунженскихъ чеченцевъ въ горы и безпощадная казавать. Прибавимъ еще здѣсь кстати, что Шамиль былъ надѣленъ отъ природы удивительно чувствительною нервной системой, доводившей его иногда даже до ясновидѣнія. При томъ же, какъ ни странно это покажется, грозный глава мюридовъ обладалъ въ высшей степени добрымъ сердцемъ. Прочтите записки о его жизни въ Калугѣ, Руновскаго—и вы убѣдитесь въ истинѣ этихъ словъ. Нельзя безъ умиленія читать рассказы про нѣкоторыя его сужденія и поступки, показывающіе мла-

денчески-ясную и чувствительную душу этого сына природы. Всѣ его жестокіе поступки были слѣдствіемъ политической необходимости, неуклоннаго правосудія, незнакомства съ цивилизаціей и вліянія фанатическаго ученія Корана. Про его умъ и про тотъ удивительный тактъ, съ которымъ онъ держалъ себя послѣ плѣна, говорить нечего—это всѣмъ намъ извѣстно.

Въ 1842 г. военный министръ гр. Чернышевъ, объѣзжая Кавказъ, отдалъ приказъ прекратить на два года всѣ наступательныя дѣйствія, отъ чего ожидали самыхъ благихъ послѣдствій. Въ 1833 году на записку о способѣ покоренія горцевъ, представленную генер. Вельяминовымъ, изъ Петербурга отвѣчали, что предлагаемыя мѣры прекрасны, но онѣ отдалать окончательное покореніе Кавказа, назначенное въ 1835 г. Распоряженіе гр. Чернышева показываетъ, до какой степени въ протекшія 9 лѣтъ измѣнилось мнѣніе о Кавказской войнѣ въ высшихъ военныхъ сферахъ.

Наступилъ 1843 годъ, и вмѣсто успокоительныхъ извѣстій начали отовсюду доноситься слухи о новыхъ замыслахъ Шамиля. Да и могло ли быть иначе, когда война составляла всю его силу? Въ это время онъ уже властвовалъ надъ всей Чечней, но въ Дагестанѣ мы владѣли еще Хунзахомъ, *Гергебилемъ* и всѣми укрѣпленіями на соединеніи Хунзаха съ Темиръ-Ханъ-Шурой, построенными генер. Фези въ 1837 г. Укрѣпленія эти были большею частію малы, плохи и не могли оказать надежнаго сопротивленія. Начавъ неожиданно нападеніе съ *Унцукуля*, Шамиль въ 2 недѣли побралъ всѣ эти укрѣпленія вмѣстѣ съ орудіями, въ нихъ находившимися. Малочисленные гарнизоны бились отчаянно но ничего не могли сдѣлать противъ огромныхъ скопищъ

мюридовъ. Начальникъ *Цатаниха*, подполковникъ *Веселитскій*, донеся генералу *Блюгенау*, что онъ сдѣлаеть то, что Богъ и совѣсть ему повелѣваютъ, бросился съ 350 чел. и 2 орудіями на помощь *Унцукулю* и погибъ со всѣмъ своимъ отрядомъ; только одному горнисту удалось какимъ-то чудомъ переплыть бѣшеное Аварское койсу и принести извѣстіе о гибели отряда; офицеры Веселитскаго не сдавались и были всѣ изрублены. Прaporщика *Василія Ивановича Потемкина*, взятаго въ плѣнъ, мюриды уговаривали сначала лаской наводить оружіе на русскій отрядъ. Потемкинъ отказался, тогда его начали мучить: сначала отрѣзали ухо, потомъ другое, потомъ носъ и затѣмъ стали жарить на медленномъ огнѣ. Герой умеръ на раскаленныхъ угольяхъ, повторяя слова, что онъ русскій и не измѣнитъ своему долгу. Тѣло его бросили въ воду. Спустя нѣсколько времени, вблизи *Евгеньевскаго* укрѣпленія, былъ прибитъ къ берегу волнами Сулака обезображенный трупъ изуродованнаго человѣка. Солдаты вынули его изъ воды и похоронили съ почестями, принявъ трупъ за тотъ, въ которомъ жила великая душа *Вас. Ив. Потемкина*. *Унцукуль* сдался, когда въ немъ, послѣ десятидневной осады, не осталось ни воды, ни зарядовъ, и изъ 140 чел. гарнизона осталось въ живыхъ только 60 человекъ, и то почти все раненыхъ. Защитнику *Унцукуля*, поручику *Анососу*, *Шамиль* въ уваженіе его храбрости оставилъ пашку. Потеря мюридовъ подъ *Унцукулемъ* была болѣе 1,000 чел. При осадѣ горцы употребляли изобрѣтенныя ими оригинальныя траншеи, состоявшія изъ кучекъ дровъ: перекидывая сзади на передъ полѣнья, они такимъ образомъ подвигались къ крѣпости, подъ прикрытіемъ этого движущагося бруствера. Въ *Цатанихѣ* штабсъ-капитанъ *Деметьевъ*, послѣ нѣсколь-

кихъ штурмовъ, положилъ на брустверь тѣла убитыхъ и изъ за этого страшнаго вѣнца баррикады билъ, что называется, на выборъ; когда у него изъ двухъ ротъ осталось всего 20 чел., онъ заперся съ ними въ сакль и сгорѣлъ тамъ вмѣстѣ со всѣми оставшимися, отвергнувъ всякое предложеніе о сдачѣ. Другія ничтожныя укрѣпленія, напр. *Моксохъ* съ 50 чел. гарнизона, были быстро взяты Шамилемъ. Командовавшій тогда войсками въ нагорномъ Дагестанѣ, генераль *Клюки-фонъ-Клюгенау*, лично храбрый, но не имѣвшій способностей, необходимыхъ военачальнику въ такое трудное время, растерялся. Оставивъ въ крѣпостяхъ малочисленные гарнизоны на жертву Шамилю, онъ удалился въ Хунзахъ. Когда пришелъ къ нему съ юга чрезъ главный хребетъ князь *Аргушинскій-Долгоруковъ*, дѣло уже было потеряно; да на бѣду еще оба генерала не ладили между собою. *Гергебиль* былъ взятъ въ глазахъ генераловъ *Гурко* и *Клюгенау*, стоявшихъ на ближнихъ высотахъ *Кутини* и не пособившихъ дѣлу. По смерти начальника гергебильскаго гарнизона, майора *Шаганова*, крѣпость сдалась, когда въ ней изъ 400 осталось въ живыхъ только 50 чел. *Клюгенау* ушелъ въ *Темиръ-Ханъ-Шуру*, а *Аргутинскій* въ *Казикумыхъ*. Одинадцатаго ноября Шамиль осадилъ *Шуру* и *Низовую*. Осада *Низовой* продолжалась до 19 ноября. Осажденные отбивались на смерть и были выручены начальникомъ лѣваго фланга, генераломъ *Фрейтагомъ*, пришедшимъ съ Черноморской линіи. 14-го декабря онъ же освободилъ и *Шуру* (имѣвшую, вмѣстѣ съ жителями, 4 тыс. гарнизона противъ 50 тысячъ осаждающихъ), а 15-го разбилъ и отбросилъ Шамиля назадъ отъ *Казанцъ*. Такимъ образомъ въ три мѣсяца Шамиль выбилъ насъ изъ всего Дагестана, остался одинъ

Пассекъ въ Хунзахѣ. Видя невозможность удержать укрѣпленіе, онъ очистилъ его, устроивъ дѣло такъ, что горцы, кинувшіеся въ укрѣпленіе по уходѣ русскихъ, взлетѣли на воздухъ вмѣстѣ съ пороховымъ погребомъ, и по дорогѣ былъ запертъ въ *Зыряннахъ*, гдѣ геройски выдержалъ мѣсячную осаду, питался кониной, не имѣя ни съ кѣмъ сообщенія и не получая ни откуда извѣстій. Послѣ сраженія при Казаницахъ, 17 декабря, его выручилъ Гурко. Таковъ былъ несчастный для насъ 1843 годъ, сдѣлавшій Шамиля полнымъ обладателемъ Чечни и Дагестана.

Надобно сказать также, что въ это время наша кавказская армія была вооружена крайне плохо и неудобно. Всѣмъ памятны тогдашнія знаменитыя гладкоствольныя кремневыя ружья: длинныя, тяжелыя, разстрѣленные, съ укороченнымъ штыкомъ, съ огнивомъ, дающимъ очень мало огня и огромной затравкой, выглядывавшей изъ подъ полки. Ружья эти извѣстны были подъ насмѣшливымъ прозвищемъ мѣшалокъ, которыми мѣсять квашню. Во время дождя огниво ихъ вовсе не давало огня. Командовавшій Аншеронскимъ полкомъ, подполковникъ Лясинскій, сдѣлалъ образцовое огниво къ ружью мастеровыми полка. Огниво было такъ великолѣпно, что искры, спадая съ полки, шипѣли на полу. На весь полкъ огнивы обошлись бы по исчисленію 800 р. асс. или 227 р. 14¹/₂ к. сер., но этотъ *экстраординарный* расходъ не былъ утвержденъ. На представленіе генералу Клюгенау о необходимости введенія короткоствольныхъ швейцарскихъ штуцеровъ съ длиннымъ штыкомъ сабельной формы—даже не отвѣчали. Изъ сумъ, носимыхъ сзади, патроны можно было доставать не иначе, какъ съ великимъ трудомъ. Виѣвшій тоже сзади тесакъ колотилъ солдата во время

похода по ногамъ, а желѣзо, изъ котораго онъ былъ сдѣланъ, было такъ хорошо, что его можно было стругать черкесскою шашкой вмѣсто лучины. Въ случаѣ если горецъ перерубалъ шашкой ружейный штыкъ пополамъ (зачастую и это бывало!), у солдата не было даже перочиннаго ножа, чтобъ кольнуть горца. Введенныя для удобства, сообразно мѣстнымъ условіямъ и въ подражаніе черкесамъ, папахи были такъ хороши и удобны, что, бывало, солдатъ ляжетъ спать на землю, во время похода, и подложить подъ голову или мѣшокъ съ сухарями, или кулакъ, а жесткая, какъ камень, папаха, да еще на бѣду съ мѣдной струйкой „за отличіе“, валяется возлѣ. Противъ вооруженныхъ такимъ образомъ войскъ стоялъ горецъ, на которомъ все было пригнано превосходно, и который въ полномъ вооруженіи могъ прыгать съ одного дерева на другое, какъ векша; поставивъ свою нарѣзную винтовку на сошки, онъ билъ на выборъ. Горцы вовсе не были такими удивительными стрѣлками, какими обыкновенно ихъ прославляли: они дѣйствительно отлично стрѣляли съ присошки, но съ руки плохо. Съ присошки горецъ смотрѣлъ въ дырочку, проколотую какъ иголкой, въ діоптрикъ надъ хвостомъ казенника и, наведя стволъ на видимый предметъ, попадалъ вѣрно; но когда чело-вѣкъ шелъ зигзагами, что обыкновенно и дѣлалось,—тогда слѣдовалъ вѣрный промахъ. При томъ же старинныя горскія винтовки требовали много времени для заряжанья. Надо признаться, что мы дѣйствительно въ то время сами изо всѣхъ силъ помогали успѣхамъ Шамиля. Что было бы, если бы у горцевъ были настоящіе штуцера и, главное, настоящая артиллерія?

Несчастный 1843 г. заставилъ насъ, наконецъ, образумиться. Возобновлено было званіе главнокомандующаго

и имъ назначенъ былъ въ 1844 г. князь *Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ*, начавшій свою военную службу еще въ школѣ знаменитаго Циціанова.

Князь Воронцовъ сначала тоже долженъ былъ заплатить дань предшествовавшему періоду. *Даргинская экспедиція*, предпринятая имъ въ 1845 г., окончилась разореніемъ шамилевской столицы Дарго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страшными съ нашей стороны потерями, а главное— она не принесла никакого положительнаго результата. Обнаружившійся, по взятіи Дарго, недостатокъ въ провіантѣ вынудилъ главнокомандующаго послать колонну за переваль въ Анди, куда въ то время былъ подвезенъ провіантъ. Движеніе этой колонны осталось памятнымъ въ нашихъ войскахъ подъ именемъ *Сухарной экспедиціи*. Потери, понесенныя ею, были громадны, а вмѣсто десятидневнаго провіанта успѣли доставить его лишь на 3 дня. Недостатокъ провіанта заставилъ, бросивъ Дарго, поспѣшить отступленіемъ, а огромное число раненыхъ затрудняло движеніе и сдѣлало для насъ воспоминаніе о Даргинской экспедиціи однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ. Мюриды, при отступленіи отъ Дарго, чтобъ не стѣсняться плѣнниками, всѣхъ ихъ перерѣзали. Захваченные потомъ солдаты были розданы Шамилемъ въ рабство горцамъ по его усмотрѣнію. Въ эту страшную экспедицію и въ еще болѣе страшное отступленіе назадъ, чрезъ Ичкеринскій лѣсъ, на протяженіи 15 верстъ, понесены были самыя громадныя потери: были убиты 3 генерала — *Викторовъ*, *Бьялевскій* и извѣстный намъ *Пассекъ*, большое число штабъ и особенно оберъ-офицеровъ и небывалое число солдатъ; самъ князь Воронцовъ вынужденъ былъ взять солдатское ружье для собственной защиты, и, — не явись, какъ спаситель, все тотъ

же *Фрейтагг* съ своимъ отрядомъ,—Богъ вѣдаетъ, какая участь постигла бы оставшіяся войска. Урокъ былъ жестокой, но онъ былъ и послѣднимъ. Съ этого времени была совершенно измѣнена система дѣйствій. Князь *Воронцовъ* сталъ дѣйствовать, сообразно давно уже высказанному предложенію *Вельяминава*, медленно, но за то вѣрно.

Тѣмъ, что русскіе отказались отъ дальнихъ экспедицій, рѣшилась судьба Кавказа. *Шамиль* отлично понялъ грозившую ему опасность. Переселившись въ 1845 г. въ *Ведено*, сильно имъ укрѣпленный, онъ въ 1855 г. говорилъ *Исааку Громову*, посланному къ нему въ *Дарго* для переговоровъ о выкупѣ княгинь *Орбельяни* и *Чавчавадзе*: „Я не смѣю равняться съ могущественными государями—я простой татаринъ *Шамиль*; но моя грязь, мои лѣса и ущелья дѣлаютъ меня сильнѣе многихъ государей. Еслибъ я могъ, я умастилъ бы драгоценнымъ масломъ каждое дерево моихъ лѣсовъ, а грязь дорогъ смѣшалъ бы съ благовоннымъ медомъ—такъ дорожу я моими лѣсами и моими дурными дорогами: они то и составляютъ мое могущество. Великій царь русскій, который не хочетъ покориться тремъ царямъ, со мной ничего не можетъ сдѣлать, хотя и не перестаетъ посылать ко мнѣ свои войска“. Живя въ *Калугѣ*, онъ говорилъ впоследствии: „какъ только *Воронцовъ* началъ рубить лѣса, я увидѣлъ, что русскіе вышли на настоящую дорогу“.

Послѣ 1845 г. дѣйствія кн. *Воронцова* не были блестящи: не было дальнихъ экспедицій, не было кровопролитныхъ битвъ, строились только новыя передовыя укрѣпленія и между ними рубились по зимамъ просѣки, да заселялись новыя линіи, а результатъ между тѣмъ былъ

тотъ, что въ 1855 г. кн. Барятинскій могъ съ небольшою потерей пройти всю Большую Чечню, недоступную для насъ съ 1840 года. Мало по малу мы подвинулись съ самому подножію Черныхъ горъ. При Ермоловѣ просѣлки рубились только на ружейный выстрѣлъ съ каждой стороны, а при Воронцовѣ пришлось рубить на пушечный, такъ какъ у горцевъ была уже артиллерія. Въ 1846 г. извѣстнымъ генераломъ *Слѣпцовымъ* была заселена и устроена *Сунженская линія*, и все непріязненное населеніе между новой линіей и передовыми просѣлками или покорилось или ушло въ горы. Знаменитый командиръ Сунженскаго казачьяго полка и основатель и начальникъ этой линіи, Николай Павловичъ *Слѣпцовъ*, къ несчастію, былъ убитъ въ 1851 году. На правомъ флангѣ, при кн. Воронцовѣ, начата была линія по р. Бѣлой и для покорившихся горцевъ возобновлены суды Мехкѣме, устроенные еще Ермоловымъ, по народнымъ обычаямъ. Про управленіе кн. Воронцова краемъ говорить нечего: на каждомъ шагѣ встрѣчаются слѣды мудрой дѣятельности этого знаменитаго хозяина и администратора. Въ 1856 г. престарѣлый главнокомандующій просилъ увольненія, и его мѣсто заступилъ кн. Барятинскій, пользовавшійся огромною популярностью среди кавказской арміи.

Князь Барятинскій служилъ на Кавказѣ еще подъ начальствомъ Вельямина и участвовалъ въ его походахъ въ 30-хъ годахъ; потомъ состоялъ до 1845 г. при государѣ наслѣдникѣ, а въ этомъ году опять отправился на Кавказъ подъ начальство кн. Воронцова. Сначала онъ командовалъ знаменитымъ Кабардинскимъ полкомъ, потомъ былъ командиромъ всего лѣваго фланга, а въ 1853 г. былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба

кавказской арміи. Мы не станемъ перечислять всѣхъ битвъ и походовъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, какъ противъ горцевъ, такъ и противъ турокъ,—скажемъ только, что назначеніе его главнокомандующимъ было встрѣчено на Кавказѣ съ всеобщимъ восторгомъ. Съ полнымъ знаніемъ Кавказа кн. Барятинскій соединялъ рѣшительность, осторожность и неуклонно шелъ къ своей цѣли. При такомъ человѣкѣ принятая кн. Воронцовымъ система войны должна была проявиться въ полномъ блескѣ и увѣнчаться полнѣйшимъ успѣхомъ. Такъ и случилось.

Первое, что онъ сдѣлалъ,—это было новое административное раздѣленіе края. Всѣ начальники отдѣльных частей получили полную возможность дѣйствовать самостоятельно, но въ тоже время подчинялись одной разѣ строго принятой системѣ. Устройство судовъ Мехкѣме расположило къ новому главнокомандующему туземцевъ. Армія была увеличена и перевооружена: не мы стали бояться выстрѣловъ горцевъ, а они нашихъ. Словомъ сказать, въ памятномъ 1856 г. кавказская армія переродилась, какъ начала тогда перерождаться и вся Россія. Шамиль же, напротивъ того, терялъ все болѣе и болѣе свою популярность. Стѣсненные нами горцы лишились прежняго пыла, и имамъ, самую силу обстоятельствъ, изъ пророка превращался въ обыкновеннаго азіатскаго деспота; на призывъ его стекались неохотно и дезертировали при всякомъ удобномъ случаѣ; слово кази (святой) стало замѣняться словомъ тази (собака).

Весъ 1857 г. кн. Барятинскій употребилъ на разработку просѣкъ и на окончательное очищеніе Чеченской плоскости. Кубанская линія была также усилена.

Къ 1858 году мы были готовы къ окончательному наступленію въ горы. Наступленіе это рѣшено было про-

известить единовременно съ 3-хъ сторонъ: изъ Чечни долженъ былъ двинуться командиръ лѣваго фланга, генераль *Евдокимовъ*; изъ прикаспійскаго Дагестана ген. *Врангель* и съ Лезгинской линіи баронъ *Вревскій*. Мы не станемъ описывать подробностей этого знаменитаго наступленія, — оно шло, какъ по командѣ. Къ концу года Черныя горы были пройдены. Напрасно Шамиль бросался изъ стороны въ сторону, думая поднять горцевъ, — они покорялись и ихъ переселяли на плоскость тысячами. 1 апрѣля 1859 г., послѣ правильной осады, была взята столица имама — *Ведено*, и Шамиль бѣжалъ въ Дагестанъ. Его неотступно преслѣдовали, и онъ долженъ былъ, наконецъ, всего съ 400 мюридами и 4 орудіями, заключиться въ своемъ послѣднемъ, заранѣе приготовленномъ имъ убѣжищѣ — *Гунибѣ*. Главнокомандующій, его начальникъ штаба — теперешній военный министръ Милютинъ и всѣ войска 10 августа 1859 года собрались подъ Гунибомъ.

Гунибъ, мѣтко прозванный нашими солдатами горой-гитарой, по сходству съ очертаніемъ этого инструмента, безъ шейки, стоитъ совершенно отдѣльно отъ прочихъ горъ и имѣетъ внизу до 60 верстъ въ окружности; крутые скаты его оканчиваются вверху отвѣснымъ каменнымъ поясомъ въ нѣсколько десятковъ сажень вышины; верхняя площадь горы составляетъ не менѣе 100 квадр. верстъ и къ ней ведетъ только одна тропинка, которую Шамиль укрѣпилъ высокою стѣной съ бойницами. На Гунибѣ находится ауль, березовыя роши, мельницы, пастбища, пахатныя поля и все, что необходимо для жизни человѣка. Шамиль рассчитывалъ удержаться здѣсь, въ надеждѣ, что позднее время года заставитъ насъ отступить отъ Гуниба, а дальше — что Богъ дастъ. На

предложеніе сдатьса старый предводитель мюридовъ сначала далъ гордый отвѣтъ: „Гунибъ—гора высокая; я сижу на ней. Надо мной, еще выше, Богъ. Русскіе стоятъ внизу. Пусть штурмуютъ!“ Но когда охотники изъ солдатъ взобрались на веревкахъ по недоступной на глазъ дождевой промоинѣ, и встрѣтившіе ихъ мюриды были всѣ переколоты; когда главнокомандующій послалъ вновь предложеніе о сдачѣ, выставляя на видъ бесполезные ужасы штурма; когда все семейство Шамиля стало умолять его о спасеніи,—желѣзная воля имама сломилась и онъ сдался 25 августа 1859 г. Князь Барятинскій принялъ его, сидя на камнѣ въ березовой рощѣ, которая и носить съ тѣхъ поръ названіе рощи князя Барятинскаго.

Ожидая, что его встрѣтятъ словами: „Что, донгузъ, *) гдѣ твоя шашка, которую ты мнѣ предлагалъ взять самому?“—и потребуютъ отдачи оружія, Шамиль рѣшился тотчасъ же заколотъ себя, еслибъ это ожиданіе исполнилось. Но когда съ нимъ заговорили дружескимъ языкомъ, онъ сначала не повѣрилъ своимъ ушамъ, поблѣднѣлъ и совершенно спутался въ отвѣтъ. Изумленіе его возрастало все болѣе и болѣе, когда онъ видѣлъ со всѣхъ сторонъ къ себѣ только самое искреннее вниманіе и уваженіе. Милости, которыми Шамиль былъ осыпанъ, наполнили сердце его благоговѣніемъ къ особѣ государя императора, а всеобщее радушіе и знаки самаго глубокаго уваженія, которые ему оказывали всюду, какъ знаменитому герою, сдѣлали изъ него самаго искренняго друга русскихъ. Непонуждаемый никѣмъ, онъ принялъ присягу на вѣрноподданство за себя и за

*) Свинья.

своихъ дѣтей, и, проживъ вмѣстѣ съ своимъ семействомъ нѣсколько лѣтъ въ Калугѣ, былъ отпущенъ въ Мекку, гдѣ пожелалъ окончить свою бурную и многотрудную жизнь.

Если русскіе удивляли Шамиля своимъ великодушіемъ, то онъ, съ своей стороны, удивлялъ ихъ не менѣе искреннею добротой и необыкновеннымъ тактомъ, съ которымъ онъ велъ себя. Въ Константинополь, на пути въ Мекку, ему была приготовлена встрѣча съ султаномъ, при которой повелитель цравовѣрныхъ обнялъ и—какъ тогда писали въ газетахъ—поцѣловалъ руку престарѣлаго имама. Изъ Мекки онъ писалъ къ в. князю, кавказскому намѣстнику, письмо, въ которомъ просилъ о неоставленіи своихъ дѣтей, оставшихся на службѣ въ Россіи. Письмо это написано восточнымъ витіеватымъ слогомъ.

Да, скажемъ въ заключеніе, необыкновенна жизнь этого человѣка, который боролся противъ насъ почти безъ средствъ цѣлые 24 года—и если палъ, то палъ такъ, какъ падаютъ истинные герои.

Со сдачей Шамиля, которой сначала съ трудомъ вѣрили въ Россіи, окончилась война на лѣвомъ флангѣ.

Война на правомъ флангѣ до 1860 г. велась по прежнему оборонительному способу въ перемежку съ набѣгами. Этими послѣдними особенно прославился командовавшій Кубанской линіей въ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ генераль Зассъ. Человѣкъ характера твердаго, веселаго, вѣрный данному слову, всегда шутливый съ горцами, Зассъ пользовался уваженіемъ черкесовъ, которые чтили въ немъ истинно рыцарскую храбрость. За тѣ штуки и фокусы, которые онъ имъ показывалъ, съ помощію волшебныхъ зеркалъ, панорамы, электри-

ческой машины, музыкальной табакерки и проч., черкесы прозвали Засса шайтаномъ. Штуками этими онъ сильно дѣйствовалъ на воображеніе горцевъ и извлекалъ изъ того для себя значительную выгоду. То, бывало, велить пріѣхавшимъ къ себѣ въ гости черкесамъ стрѣлять въ себя изъ пистолета, вынудивши незамѣтно изъ него пулю; то увѣрить ихъ, что можетъ изъ пороха дѣлать золото; а одинъ разъ прикинулся мертвымъ, и когда приглашенные горцы, увидавъ его на столѣ, въ саванѣ, съ тремя восковыми свѣчами у изголовья, разнесли быстро въ горахъ вѣсть о смерти шайтана, — шайтанъ тутъ-то и пожаловалъ къ нимъ съ своими чугунными и свинцовыми орѣхами. Наивные горцы не понимали только, для чего это русскіе отбиваютъ и заселяютъ ихъ земли: земля, по ихъ понятію, дана Богомъ одинаково всѣмъ людямъ, и война должна быть ни чѣмъ инымъ, какъ удалой потѣхой, съ наградой за удалство изъ добычи.

Такъ какъ черкесы получали оружіе и порохъ изъ Турціи, то для прекращенія этого въ 1830 г. была устроена *Черноморская береговая линія*. Цѣль ея была та, чтобы, занявъ укрѣпленіями всѣ устья сколько нибудь значительныхъ рѣчекъ, лишить пристанища турецкія суда, привозившія черкесамъ эти товары. Черноморская линія, стоившая огромныхъ денегъ и большаго числа солдатъ, умиравшихъ, какъ мухи, отъ лихорадокъ, въ отдаленныхъ отъ всего міра береговыхъ укрѣпленіяхъ, не достигала своей цѣли. Легкія турецкія кочермы могли приставать во множествѣ устьевъ малыхъ рѣченокъ, которыхъ всѣхъ занять не было никакой возможности. Наши военныя суда, крейсировавшія вдоль берега, также не были въ состояніи прекратить

контрабанды, а при открытіи восточной войны всѣ черноморскія укрѣпленія тотчасъ же должны были быть брошены и линія упразднена.

Восточная война показала намъ ясно, чѣмъ грозитъ Россіи черноморскій берегъ, занятый враждебными племенами, въ случаѣ повторенія противъ насъ подобной же европейской коалиціи. Стало ясно также, что тотъ, кто владѣеть Кавказомъ, владѣеть и Каспійскимъ моремъ, а владѣя имъ, владѣеть всей нашей азиатской границей до Камчатки. Еслибъ какой-нибудь державѣ удалось овладѣть Кавказомъ, то, вооруживъ кочующія азиатскія племена нарѣзными винтовками, она легко могла бы превратить и всю нашу Сибирскую пограничную линію въ такой же Кавказъ; въ восточную войну мы были на одинъ шагъ отъ такой перспективы. Тутъ дѣло уже шло о самозащитѣ и о существованіи Россіи, и потому было бы просто преступленіемъ не покорить черноморскихъ горцевъ и оставить ихъ жить на прежнихъ мѣстахъ. Тотчасъ же послѣ 1859 г. рѣшено было приступить со всею энергіей къ покоренію западнаго Кавказа и къ непремѣнному выселенію горцевъ съ черноморскаго берега на Кубанскую плоскость, по сю сторону горъ, не отступая при этомъ хотя бы и предъ жесткими мѣрами.

Въ 1856 г. наша Кубанская линія находилась въ такомъ положеніи, что отъ впаденія въ Кубань Лабы она была подвержена постояннымъ нападеніямъ, и даже Екатеринодаръ не былъ вполне безопасенъ. Линія по Бѣлой съ ея Бѣлорѣченскимъ укрѣпленіемъ была совершенно ничтожна. Князь Барятинскій тотчасъ же по вступленіи въ должность усилилъ Бѣлорѣченскую линію постройкой *Майкопа*, возобновилъ *Анапу*, заложилъ

линію по Адагуму и возобновилъ *Гагры*, запирающія единственный путь по берегу Чернаго моря въ мирныя части Закавказскаго края.

Послѣ сдачи Шамиля западные горцы упали духомъ. Жившій у абадзеховъ наибъ Шамиля *Мехметъ-Аминь* не имѣлъ и тѣни той власти, которою пользовался знаменитый имамъ. Въ 1859 г. племена, жившія по верховьямъ Лабы и Бѣлой, также какъ и жившіе близъ устьевъ Кубани—бжедухи и натухайцы, принесли покорность, а съ абадзехами генераломъ *Филипсономъ* былъ заключенъ договоръ; *Мехметъ-Аминь* чрезъ годъ уѣхалъ въ Турцію. Но представляется вопросъ: что значили эти замиренія или *маслагаты* съ народами, у которыхъ не было никакого правительства? Кто могъ отвѣчать за разбой и военныя дѣйствія противъ насъ такъ-называемыхъ замирившихся горцевъ? И могли ли мы, дѣйствуя главнымъ образомъ противъ племенъ, жившихъ по берегу Чернаго моря, оставить у себя во флангѣ племена, готовые во всякую минуту поспѣшить на помощь нашимъ врагамъ и поднять противъ насъ оружіе? Замиренья эти не были новостью на Кавказѣ; онѣ, лишая насъ возможности дѣйствовать, давали только городамъ время оправиться, для того, чтобы начать войну съ новою силою. Но какъ бы то ни было, договоръ съ абадзехами былъ заключенъ, и надо было выждать того времени, когда они сами его нарушатъ.

Въ 1860 г. начальникомъ кубанскихъ войскъ назначенъ былъ переведенный съ лѣваго фланга, пожалованный графомъ, генералъ *Евдокимовъ*. Тогда же былъ составленъ планъ заселенія Закубанской плоскости и выселенія покорившихся племенъ, которымъ и были предложены хорошіе поземельные надѣлы; несогласавшіеся

на переселеніе стали выѣзжать въ Турцію. Такъ прошелъ 1861 годъ. Черноморскіе казаки, назначенные къ переселенію за Кубань на мѣста, оставленные горцами, уперлись было сначала, но потомъ образумились, увидя, что отведенныя имъ мѣста гораздо лучше прежнихъ, и дѣло обошлось безъ особенно строгихъ мѣръ. Въ этомъ году по закубанскимъ рѣкамъ поселено 35 казачьихъ станицъ. Абадзехи, увидя себя обойденными, не вытерпѣли и первые напали на насъ въ 1862 г. Тогда-то началась настоящая война противъ западныхъ горцевъ.

Война эта носитъ на себѣ тотъ совершенно оригинальный характеръ, что вмѣстѣ съ нею шло одновременно и заселеніе края. Кромѣ военныхъ дѣйствій, тутъ все должно было быть разсчитано до послѣдняго куля провіанта, — и надобно отдать справедливость, что это небывалое наступательное движеніе впередъ цѣлой массы населенія, двигавшейся за идущими впереди войсками, которыя должны были отбиваться отъ показывавшагося со всѣхъ сторонъ непріятеля, было исполнено съ геніальнымъ умѣніемъ. Графъ *Евдокимовъ* велъ войну, не останавливаясь; онъ говорилъ: „прежде удовлетворю послѣдняго изъ русскихъ, а остальное черкесамъ.“

Наступилъ 1863 годъ; намъ угрожала новая европейская коалиція, и медлить нельзя было ни одной минуты; началась отчаянная борьба; она велась непрерывно. Войска наши съ 1861 г. не видали надъ собой кровли и провели цѣлые 3 года на бивуакахъ, зачастую не имѣя времени ни обогрѣться, ни обсушиться; днемъ солдаты, подъ черкесскими пулями, рубили просѣки, а ночью спали у огня, около котораго одна половина тѣла накаливалась, а другая леденѣла. Тутъ уже дѣло не шло о пощадахъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Горько пришлось

горцамъ раскаяваться въ своей вѣчной враждѣ другъ съ другомъ и всеобщемъ разьединеніи. Убыхи пробовали было созвать и устроить чрезвычайный союзъ *меджлисъ*, на которомъ было рѣшено: отправить посольство въ Константинополь, Парижъ и Лондонъ; наложить на все населеніе денежный сборъ; обнародовать призывъ къ священной войнѣ; послать помощь къ абадзехамъ и принудить къ тому же джигетовъ. Все это было исполнено, но было уже поздно и толку никакого не вышло. Не нашлось ни одной личности, которая могла бы выдѣлиться изъ толпы, и гибель храбрѣйшаго изъ народовъ произошла безъ собственныхъ именъ.

Осенью 1863 г. явились неожиданно на помощь изъ за горъ шапсуги и убыхи въ своихъ войлочныхъ колпакахъ; они штурмовали наши укрѣпленія, построенныя по верховьямъ рѣкъ, но безуспѣшно. Между тѣмъ положеніе нашихъ новыхъ поселеній становилось отчаяннымъ. Вся мѣстность наполнилась шайками. Поселенцамъ грозила голодная смерть безъ казеннаго провіанта; лошади колѣбли и выбивались изъ силъ; все пришло въ уныніе, — не унывать только одинъ графъ *Евдокимовъ*: онъ зналъ хорошо горцевъ и рассчитывалъ навѣрное что съ наступленіемъ зимы они уйдутъ къ себѣ обратно. Такъ и случилось. Войска наши перевалились черезъ *Гойтхскій перевалъ* (отъ Пшиша къ Туапсе) на помощь войскамъ, дѣйствовавшимъ по побережью, и 21 мая 1864 года вел. князь *Михаилъ Николаевичъ*, намѣстникъ Кавказа, назначенный главнокомандующимъ въ 1863 г. на мѣсто заболѣвшаго князя Барятинскаго, послалъ изъ *Ахчипсоу* (въ верховьяхъ Мзымты, къ сѣв.-востоку отъ мыса Адлеръ) *делешу государю императору о покореніи Кавказа*.

Такъ кончилась Кавказская война, окончаніемъ кото-

рой заставляли спѣшить еще болѣе событія 1863 года. Въ Трапезонтѣ, въ этомъ году, основанъ былъ изъ выходцевъ, всѣхъ европейскихъ странъ комитетъ для пособія черкесамъ.

Не смотря на вполне очевидную необходимость скорѣйшаго окончанія Кавказской войны, нельзя, однако же, оставаться равнодушнымъ къ роковой несчастной судьбѣ, постигшей западныхъ горцевъ. Переселеніе ихъ въ Турцію, о которомъ тогда такъ много шумѣли въ Европѣ, произошло помимо нашей воли. Правительство имѣло въ виду одну цѣль: сдвинуть горцевъ съ восточнаго берега Чернаго моря и заселить его русскими, а для населенія горцевъ имѣлось по сю сторону горъ до 1¹/₂ милліоновъ десятинъ. Но не было также никакихъ причинъ и удерживать ихъ отъ переселенія. Чтобъ сдѣлать это послѣднее какъ можно менѣе бѣдственнымъ, наше правительство употребило всѣ средства, находившіяся тогда въ его распоряженіи. Вел. князь Михаилъ Николаевичъ разрѣшилъ зафрахтованіе нужнаго количества парусныхъ судовъ и пароходовъ. Были учреждены 3 коммисіи для переселяющихся: въ Тамани, Новороссійскѣ и Туапсе. Неимущихъ горцевъ приказано было перевозить на казенный счетъ; не имѣющимъ средства заплатить за переѣздъ было выдаваемо казенное пособіе по 1 р. с. на человѣка, считая въ томъ числѣ и дѣтей. Вольные судохозяева не имѣли права требовать платы на пароходахъ выше 3-хъ рублей, а на парусныхъ судахъ выше 1 р. 75 к. сер., такъ что даже состоятельнымъ горцамъ приходилось доплачивать въ первомъ случаѣ только 2 р., а во 2-мъ—75 к.; кромѣ того, грузовые компанейскіе пароходы, нанятые правительствомъ, перевозили горцевъ бесплатно. Кромѣ коммисій за безобидною отправ-

кою горцевъ смотрѣли командированные для того адъютанты его высочества. Для бѣднѣйшихъ горцевъ открыта была дача казеннаго провіанта; для больныхъ учреждены казенные лазареты. Совсѣмъ другаго рода сцены происходили на противоположномъ берегу. Хотя турецкое правительство прислало за горами нѣсколько пароходовъ и не жалѣло пособій, но они расходились по рукамъ, и горцы вымирали на-половину въ нѣсколько недѣль. Заграничныя газеты, видя эти бѣдствія уже на турецкомъ берегу, разумѣется, сваливали всѣ ихъ на насъ. Горцы были въ полномъ смыслѣ слова варварами, со всѣми хорошими, но и со всѣми ребяческими сторонами варварской природы. Изъ всѣхъ народовъ земли они знали только насъ и турокъ,—насъ, какъ враговъ и гяуровъ, турокъ, какъ друзей и святой народъ. Когда враги побѣдили, у нихъ естественно явилось желаніе искать убѣжища у друзей—тѣмъ болѣе, что въ своей родинѣ они покидали только камни, такъ какъ имущество почти у всѣхъ было истреблено войной. До войны населеніе западныхъ горцевъ считалось приблизительно около 500 тысячъ, въ Турцію ихъ переселилось около 250 тысячъ и до 80 тысячъ поселилось въ нашихъ владѣніяхъ, остальное погибло во время войны. Вслѣдъ за переселившимися въ 1863 и 1864 годахъ вскорѣ потянулись новыя массы переселенцевъ, уже жившихъ нѣкоторое время подъ нашей властью. Однихъ побуждалъ фанатизмъ, другіе не хотѣли отстать отъ родственниковъ, третьи шли, потому что міръ идетъ; всѣ ждали щедрыхъ и богатыхъ милостей отъ хункара (султана), который представлялся имъ идеаломъ всемогущества и неисчерпаемаго богатства. Что бы ни говорили выходящимъ, у нихъ былъ одинъ отвѣтъ: „намъ хорошо у васъ, но мы

хотимъ положить наши кости на святой землѣ.“ Ихъ, разумѣется, не удерживали.

Правительство султана воспользовалось переселеніемъ горцевъ наилучшимъ для себя образомъ: оно почти цѣликомъ перевезло ихъ въ Европу и подкрѣпило ими мусульманскій элементъ въ христіанскихъ областяхъ. И въ Турціи черкесы не нашли себѣ счастья—они тамъ таютъ, какъ воскъ, и ихъ, по всей вѣроятности, ожидаетъ конечное вымираніе; между ними мало женщинъ, а новыхъ женщинъ въ Турціи можно достать только за деньги. Черкесы, прожившіе въ Турціи, бросаются на шею человѣку, на которомъ они видятъ русскій мундиръ. Русскіе нещадно покорили ихъ, но всегда обращались съ ними, какъ съ людьми и они это хорошо понимаютъ. Въ 1871 г. многіе изъ выселившихся чеченцевъ возвращались обратно, и наше правительство не знало, что съ ними дѣлать, потому что свободныя земли уже всѣ были розданы: ихъ размѣстили до времени по чеченскимъ ауламъ. Возвратившіеся говорили: „русскіе покорили насъ—они гяуры, но у нихъ есть Богъ, а у турокъ нѣтъ никакого.“ „Жалко смотрѣть на этихъ несчастныхъ,“ говорится въ корреспонденціи, описывающей это печальное возвращеніе на родину.

„Въ 1864 г., говоритъ г. Оадѣвъ, восточный берегъ Чернаго моря представлялъ необычайное зрѣлище. До тѣхъ поръ не было на свѣтѣ берега пустыниѣ кавказскаго. Населенный разбойниками, торговавшими только рабами, содержимый въ постоянной блокадѣ нашими крейсерами, онъ казался съ моря необитаемой землей: ни хижины, ни дымка на зеленомъ берегу, ни одного человѣка въ голубыхъ заливахъ. Только подъ ночь, когда разыграется буря или начнетъ стлаться туманъ, можно

было иногда замѣтить на темномъ морѣ очеркъ крадущейся подъ берегомъ кочермы. Если она шла къ землѣ—на ней была военная контрабанда, если отъ земли—на ней были рабы. Никакое судно, занимающееся правильною торговлей, не смѣло приставать къ этому краю. На морѣ его встрѣчали пушки нашихъ крейсеровъ, на сушѣ винтовки и кинжалы горцевъ. Это былъ заколдованный берегъ, какъ въ сказкѣ, на который не дозволено ступать человѣку. И вдругъ все перемѣнилось. Весь берегъ унизался судами и покрылся народомъ. На каждой верстѣ, изъ 400 верстъ его протяженія, бѣлѣли паруса, подымались мачты, дымились трубы пароходовъ, на каждомъ мыску развѣвались флаги нашихъ пикетовъ, въ каждой балкѣ толпился народъ и стоялъ базарь. Глядя съ моря, никогда никакой берегъ Англии или Голландіи не представлялъ такой жизни и такой суматохи. Но движеніе рѣдѣло, по мѣрѣ того, какъ пустѣлъ берегъ,—то были похороны исчезавшаго народа.“

Въ заключеніе приведемъ еще выписку изъ писемъ г. Фадѣева. „Нечего заирать, продолжаетъ онъ, горцы потерпѣли страшное бѣдствіе, потому что иначе и быть не могло. Они отказались отъ милостивыхъ предложеній, сдѣланныхъ имъ лично государемъ императоромъ въ 1861 году, и гордо приняли вызовъ на войну. Никакіе договоры съ тѣхъ поръ уже не были возможны, да и не съ кѣмъ было ихъ заключать при царившей у нихъ безлادیцѣ. Горцы сопротивлялись чрезвычайно упорно, не только въ открытомъ бою, но еще болѣе энергіей массы: они встрѣчали наши удары съ какимъ-то безчувствіемъ; какъ отдѣльный человѣкъ въ полѣ не сдавался предъ цѣлымъ войскомъ, но умиралъ убивая, такъ и народъ, послѣ разоренія дотла его де-

ревень, произведеннаго въ десятый разъ, цѣшко держался на прежнихъ мѣстахъ. Мы не могли отступить отъ начатаго дѣла и бросить покореніе Кавказа потому только, что горцы не хотѣли покоряться. Надобно было истребить горцевъ на-половину, чтобы заставить другую половину положить оружіе. Но не болѣе десятой части погибшихъ пало отъ оружія; остальные свалились отъ лишений и суровыхъ зимъ, проведенныхъ подъ мятелями въ лѣсу и на голыхъ скалахъ. Особенно пострадала слабая часть населенія—женщины и дѣти. Когда горцы столпились на берегу для отправленія въ Турцію, по первому взгляду была замѣтна неестественно малая пропорція женщинъ и дѣтей противъ взрослыхъ мужчинъ. При нашихъ погромахъ множество людей разбѣжалось по лѣсамъ въ одиночку, другіе забивались въ такія мѣста, гдѣ и нога человѣческая прежде не бывала. Летучіе отряды находили людей совершенно одичавшихъ отъ долгого одиночества. Разумѣется, такіе особняки большею частию гибли, но что было дѣлать? Позволяю себѣ повторить нѣсколько словъ гр. Евдокимова по этому поводу. Онъ сказалъ мнѣ разъ: „я писалъ графу Сумарокову (начальнику шебшскаго отряда *), для чего онъ упоминаетъ въ каждомъ донесеніи о замерзшихъ тѣлахъ, покрывающихъ дороги? Развѣ вел. князь и я этого не знаемъ? Но развѣ отъ кого-нибудь зависитъ отвратить это бѣдствіе?“

Такъ окончилась Кавказская война.

Русскіе всегда были великодушны къ побѣжденнымъ врагамъ и, отдавая должное уваженіе ихъ достоинствамъ и храбрости, на другой же день послѣ примиренія, всегда готовы были протянуть руку тому, съ кѣмъ еще вчера

*) Шебшъ впадаетъ въ Кубань противъ Екатеринодара..

рѣзались на смерть. Русскій, по своей добродушной славянской натурѣ, дерется безъ ненависти, и нашъ солдатъ, какъ скоро исполнилъ свой кровавый долгъ, тотчасъ же готовъ забыть прошедшее и отъ всей души полюбить своего вчерашняго врага. Горцы тоже не похожи на азіатскихъ фанатиковъ — ихъ натура слишкомъ богата для этого. Нѣтъ сомнѣнія, что, при справедливости нашей стороны, скоро послѣдуетъ искреннее примиреніе такъ долго и такъ упорно враждовавшихъ между собой народовъ.

Съ покореніемъ Кавказа Россія приняла на себя обязанность устроить и осчастливить этотъ богатый край, — и нѣтъ сомнѣнія, что она исполнитъ ее.

СООБЩЕНІЯ.

На Кавказъ можно ѣхать или сухимъ путемъ чрезъ Ростовъ на Дону, въ который пріѣзжаютъ по желѣзной дорогѣ, или водою изъ всѣхъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей въ Поти. Про сообщеніе Волгою и Каспійскимъ моремъ съ восточною частью Кавказа мы здѣсь говорить не будемъ, потому что это не входитъ въ составъ описываемаго путешествія.

Изъ Ростова сухимъ путемъ можно ѣхать или въ своемъ экипажѣ, или на перекладной, или въ каретахъ и омнибусахъ *товарищества движенія почтовыхъ экипажей на Кавказъ**). Въ первомъ и во второмъ случаяхъ слѣдуетъ, разумѣется, запастись подорожной, за которую платится, какъ и обыкновенно, $\frac{1}{2}$ копейки за версту съ лошади. *Прогонны*, въ собственномъ экипажѣ и на перекладной, по всей Ставропольской губ., которая начинается съ Средне-Егорлыцкой станціи, по всей Терской и Кубанской областямъ— $2\frac{1}{2}$ коп. за версту на лошадь; по военно-грузинской дорогѣ (отъ Владикавказа до Тифлиса), по частной надобности—4 коп., по казенной—3 коп., съ курьерской подорожной—5 коп., безъ курьерской подорожной, если желаютъ ѣхать со скоростью курьера,—7 коп. за версту на лошадь; по Закавказскому краю платится 3 коп. за версту на лошадь. За перекладной экипажъ платится кромѣ того по 1 коп. съ версты.

*) Омнибусы начинаютъ отходить изъ Ростова только съ 1-го мая и ходятъ по 1-е октября.

Въ почтовыхъ экипажахъ:

Цѣна мѣстамъ:

Мѣсто 1-го класса, внутри кареты.	7	коп.	за	версту.
„ 2-го класса, въ кабриолетѣ кареты и крытомъ ом- нибусѣ	4 ^{1/2}	„	„	„
„ 3-го класса, въ открытомъ ом- нибусѣ	4	„	„	„
„ 4-го класса, на козлахъ.	2	„	„	„

Кромѣ того, съ ѣдущихъ по частнымъ дѣламъ берутся поверстныя подорожныя деньги (безъ предъявленія подорожной) и шоссейный сборъ.

Никакихъ свидѣтельствъ полиціи на выѣздъ не требуется.

Желающіе ѣхать заблаговременно записываются въ книгу, платятъ деньги и получаютъ билеты.

Дѣти моложе 15-ти лѣтъ безъ провожатыхъ не принимаются.

За дѣтей моложе 8-ми лѣтъ, ѣдущихъ подъ присмотромъ одного лица, платится въ 1-мъ классѣ: за одного и двухъ и трехъ, какъ за одно мѣсто; во 2-мъ за одного и двухъ, тоже какъ за одно мѣсто; въ 3-мъ классѣ за каждое дитя платится порознь. За грудныхъ платы не берется. Двѣ особы, взявшія мѣста внутри кареты, могутъ взять съ собою безплатно одно дитя не старше 5-ти лѣтъ.

Желающіе ѣхать не до мѣста слѣдованія экипажей, а только лишь до извѣстныхъ пунктовъ, получаютъ мѣста въ такомъ только случаѣ, если они не разобраны, и платятъ по расчету.

Если кто возьметъ билетъ и объявитъ, что займетъ

свое мѣсто на пути, то взятое пассажиромъ мѣсто сохраняется до назначеннаго имъ пункта.

Безплатно багажа можно взять: въ 1-мъ классѣ 1¹/₂ пуда, во 2-мъ и 3-мъ—1 пудъ, въ 4-мъ—¹/₂ пуда; кромѣ того, каждый пассажиръ можетъ имѣть съ собою клади до 2¹/₂ пудовъ, съ уплатою по 5 к. съ пуда.

Громоздскія вещи и горючіе матеріалы не принимаются. Клажа доставляется за часъ до отправленія экипажей; она можетъ быть и застрахована, но не болѣе какъ на 500 рублей.

Могутъ быть приняты къ отправкѣ вещи, которыя слѣдуютъ и не при пассажирѣ (если вѣсятъ болѣе пуда), съ платою 2 р. съ пуда, и притомъ они должны быть непременно застрахованы.

Застрахованныя вещи не могутъ быть вскрываемы пассажирами во время дороги—иначе теряется право на удовлетвореніе за пропажу.

За утрату незастрахованныхъ вещей уплачивается 20 рублей съ пуда.

Брать съ собою собакъ и курить дозволяется не иначе, какъ съ согласія другихъ пассажировъ.

Почтовые экипажи отходятъ:

Изъ Ростова: въ Ставрополь, Пятигорскъ, Георгіевскъ, Владикавказъ, Тифлисъ—по вторникамъ, четвергамъ и воскресеньямъ въ 5 часовъ утра; кромѣ того, по четвергамъ и воскресеньямъ въ 1 часъ по-полудни.

Изъ Ставрополя: въ Тифлисъ—по воскресеньямъ въ 6 часовъ утра; въ Ростовъ—по субботамъ въ 5 часовъ утра.

Изъ Георгіевска: въ Тифлисъ срочные экипажи—по четвергамъ и субботамъ въ 5 часовъ утра.

Изъ Пятигорска: въ Тифлисъ—по воскресеньямъ и

четвергамъ въ 6 часовъ утра; въ Ставрополь и Ростовъ—по воскресеньямъ, понедѣльникамъ, вторникамъ, четвергамъ и субботамъ въ 6 часовъ утра.

Изъ Владикавказа: въ Тифлисъ—ежедневно въ 5 часовъ по-полудни.

Изъ Тифлиса: въ Владикавказъ—ежедневно въ 4 часа по-полудни; въ Пятигорскъ, Георгіевскъ, Ставрополь и Ростовъ—по четвергамъ и субботамъ въ 6 часовъ утра.

Между Тифлисомъ и Владикавказомъ почтовые экипажи ходятъ круглый годъ; *между Владикавказомъ и Ростовомъ*—съ 1-го мая по 1-е октября.

Экипажи могутъ браться и на прокатъ, въ одинъ конецъ, въ тѣ мѣста, гдѣ есть агенты общества, а гдѣ ихъ нѣтъ, туда при экипажѣ долженъ быть взятъ кондукторъ (съ платою по 25 коп. въ сутки) или внесень залогъ; кромѣ того, платятся прогонныя деньги и за обратный путь экипажа.

Цѣны за экипажи на прокатъ:

Кареты 4-хъ, 5-ти и 7-ми мѣстныя и 4-хъ мѣстныя коляски	8	коп.	съ	версты.
Двухмѣстныя коляски	5	”	”	”
Казанскіе крытые тарантасы	5	”	”	”
Омнибусы крытые и открытые	5	”	”	”
Штульвагены	3	”	”	”

ЦѢНЫ МѢСТАМЪ:

Города.	Число верстѣ.	Въ каретѣ.		Въ каретѣ и омнибус.				На козлахъ	
		I классъ.		II классъ.		III классъ.		IV классъ.	
		Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Изъ Ростова									
до Ставрополя	338	22	75	14	75 ¹ / ₂	13	11 ¹ / ₂	6	55 ¹ / ₂
„ Георгіевска	515	35	—	22	50	20	—	10	—
„ Пятигорска	540 ¹ / ₄	37	41	24	5	21	38	10	69
„ Владикавказа	713 ¹ / ₂	49	94	32	10 ³ / ₄	28	54	14	27
„ Тифлиса	912 ¹ / ₄	63	89 ¹ / ₄	41	10	36	53	18	27
Изъ Тифлиса									
до Владикавказа	197 ³ / ₄	13	95	8	97	7	97	4	—
„ Георгіевска	397 ¹ / ₄	27	81	17	88	15	89	7	95
„ Пятигорска	432 ³ / ₄	30	31	19	48	17	31	8	66
„ Ставрополя	567 ¹ / ₂	40	24	25	87	22	99	11	50
„ Ростова	912 ³ / ₄	63	89 ¹ / ₄	41	10	36	53	18	27
Изъ Пятигорска									
до Георгіевска	35 ¹ / ₂	2	41	1	55	1	37 ¹ / ₂	—	68 ³ / ₄
„ Владикавказа	233 ¹ / ₂	16	34 ¹ / ₄	10	50 ¹ / ₂	9	34	4	67
Изъ Георгіевска									
до Владикавказа	198	13	86	8	91	7	92	3	96

Время проѣзда:

Отъ Владикавказа до Тифлиса зимою—двое сутокъ, лѣтомъ—одни сутки.

Отъ Тифлиса до Ростова—около шести сутокъ.

Изъ Тифлиса до Поти черезъ Гори и Кутаисъ сообщеніе производится по желѣзной дорогѣ.

Мы должны сказать, что считаемъ совершенно излишнимъ помѣщать въ путеводителѣ мелкія подробности (напримѣръ росписаніе поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ, время отплытія пароходовъ и проч.), которыя часто мѣняются. Ихъ можно узнать изъ выходящихъ ежемѣсячно указателей. Достаточно, если мы укажемъ способы сообщеній, число ежедневныхъ желѣзно-дорожныхъ поѣздовъ, число еженедѣльно отплывающихъ пароходовъ и цѣны мѣстамъ на тѣхъ и другихъ. Подробное же росписаніе движенія почтовыхъ экипажей мы помѣстили потому, что его нѣтъ въ указателяхъ. Прибавимъ также, что въ настоящее время уже утверждена постройка желѣзной дороги между Ростовомъ и Владикавказомъ, и, конечно, пройдетъ немного лѣтъ до того времени, когда жителю Москвы будетъ также легко и удобно доѣхать до Владикавказа, какъ въ настоящее время до Одессы.

Пароходное сообщеніе между Одессою, Крымскими и Кавказскими портами до Поти и обратно содержится пароходами Русскаго общества пароходства и торговли такимъ образомъ: еженедѣльно съ 23-го апрѣля по 10-е октября и черезъ 2 недѣли въ остальное время года. Въ первомъ случаѣ плаваніе продолжается 5 дней, во второмъ 6 дней. Пароходы заходятъ въ Евпаторію, Севастополь, Ялту, Феодосію, Керчь, Новороссійскъ, Туапсе и Сухумъ-Кале.

Цѣна мѣстамъ отъ Одессы до Поти: 1-го класса—38

рублей, 2-го класса—30 р., 3-го класса—9 р. 60 коп. Первый и второй классы со столомъ, который не только хорошъ, но даже и роскошенъ.

Между Азовскими портами и Керчью (гдѣ Азовская пароходная линія соединяется съ Кавказской), съ открытія навигаціи по май и съ октября до конца навигаціи, ходитъ еженедѣльно отдѣльный пароходъ. А съ мая или 23-го апрѣля по 1-е октября, между Одессою, Крымскими портами, Бердянскомъ, Таганрогомъ и обратно ходятъ еженедѣльно два парохода, такъ что, зная время отплытія парохода изъ Керчи, легко рассчитать, когда слѣдуетъ отплыть изъ Таганрога, изъ котораго пароходъ идетъ до Керчи двое сутокъ. Кромѣ того, еженедѣльно между Одессою, крымскими портами и Таганрогомъ ходитъ грузовой пароходъ, на которомъ только 2-й и 3-й классы.

По восточному берегу Чернаго моря (кромѣ поименованныхъ выше: Поты, Сухума, Туапсе и Новороссійска) сообщеніе производится на двухъ казенныхъ паровыхъ шкунахъ: „Эльборусъ“ и „Псесуапсе“, на которыя пассажировъ принимаютъ бесплатно и только по казеннымъ дѣламъ; но случается, что дозволяютъ ѣздить и частнымъ пассажирамъ. Продовольствіе во время проѣзда бесплатное, потому что казна платитъ каютъ-компаніи парохода за продовольствіе каждаго своего пассажира. „Псесуапсе“, предполагается, должна выходить изъ Новороссійска къ югу каждое 15-е, а „Эльборусъ“ изъ Сухума къ сѣверу каждое 1-е число, но на самомъ дѣлѣ рейсы происходятъ неправильно. Есть еще маленький пароходъ „Звѣздочка“ (на который принимаютъ и частныхъ пассажировъ), нанимаемый казною для плаванія между Поты, Сухумомъ и Гаграми, но и онъ плаваетъ

тоже неправильно. Слѣдовательно, можно сказать, что, исключая тѣхъ 4-хъ пунктовъ, въ которые заходятъ пароходы Русскаго общества пароходства и торговли, между остальными пунктами черноморскаго кавказскаго берега правильнаго пароходнаго сообщенія не существуетъ.

Парусное сообщеніе производится на турецкихъ фелюкахъ. Турки, пріѣзжающіе на наши восточные берега Чернаго моря, главное, для ловли дельфиновъ, а также и для перевозки товаровъ, по общимъ отзывамъ, отличные моряки и надежные люди, а фелюки ихъ, при хорошемъ попутномъ вѣтрѣ, летятъ немного тише, чѣмъ пароходъ; но попутный вѣтеръ и товары (особенно послѣдніе на незаселенныхъ кавказскихъ берегахъ) случаются не всегда; напротивъ, бываетъ, что противный вѣтеръ бьетъ по недѣлѣ, а иногда, хотя онъ и попутный, да везти нечего. Исключительно для себя, при попутномъ вѣтрѣ, можно нанять съ мыса Адлера до Сухума фелюку рублей за 20; если же она отправляется съ товаромъ, то въ такомъ случаѣ мѣсто стоитъ много дешевле.

Сухопутное сообщеніе вдоль берега можетъ производиться верхомъ (багажъ на вьюкахъ) только тогда, когда нѣтъ морскаго прибою; если же разыграется прибой и начнетъ съ ревомъ захлестывать узкую береговую полосу песка и обточенныхъ голышей, лежащую вдоль выдающихся въ море отроговъ горъ, тогда поѣзжайте по вьючной въ иныхъ мѣстахъ обвалившейся тропинкѣ, идущей вдоль линіи индо-европейскаго телеграфа, до вѣрьтесь горскому коню, который спускается внизъ и карабкается вверхъ, какъ кошка; не управляйте имъ, но и не распускайте поводьевъ и не забывайте при спускѣ держаться немного назадъ, а при подъемѣ нѣсколько при-

подниматься впередъ на стременахъ, или даже, для вашего удобства и для облегченія добраго животнаго ухватитесь за переднюю луку. Дорожка то спускается внизъ такъ, что море обдастъ васъ брызгами и ревъ прибоя равномерно прерывается ближайшими ударами, которые раздаются, какъ далекіе пушечные выстрѣлы; то она взбирается на верхъ, откуда, среди торжественной лѣсной тишины, не слышно ни звука, не видно огромныхъ стай дельфиновъ, кувыркающихся другъ за дружкой по-сверхъ воды, и откуда море кажется спокойнымъ, какъ зеркало. Если при спускѣ вамъ иной разъ покажется, что дорожка вдругъ кончилась надъ пропастью, то не пугайтесь: это просто одинъ изъ крутыхъ поворотовъ, къ которымъ ваша лошадь привыкла. При переправѣ чрезъ рѣки, если только она возможна—что не всегда бываетъ послѣ дождей и во время таянія снѣговъ и о чемъ необходимо справиться пообстоятельнѣе, держитесь по теченію выше вашего проводника, не распускайте поводьевъ, но и не затягивайте ихъ и старайтесь меньше смотрѣть на воду, въ которую лошадь ваша взшла по брюхо. Рѣка бурлитъ, и вамъ кажется, что берегъ несется противъ воды; это странное ощущеніе, если смотрѣть внизъ, можетъ кончиться тѣмъ, что закружится голова.

Проѣзжая рѣчными долинами черноморскаго берега, вы проѣзжаете чрезъ царство лихорадокъ и кабановъ; слѣды послѣднихъ видны почти на каждой изрѣдка попадающейся поросшей папортникомъ полянкѣ. Громадные дубы, иногда болѣе 50 вершковъ въ діаметрѣ, орѣхъ, чинарь и другія неизвѣстныя намъ, жителямъ сѣвера, деревья, переплетены дикими виноградными лозами въ двѣ руки толщиною и разными ползучими растеніями. Все это чужеядное племя, добравшись иногда до самой

макушки почтенныхъ старцевъ, спускается опять внизъ къ землѣ, даетъ новые побѣги и повторяетъ ту же самую исторію безъ конца. Дѣвственные первобытные лѣса Америки—передъ вами. Пространство между деревьями занято колючкой, — ежевикой, по мѣстному названію. Эта вѣрная указательница лихорадочныхъ мѣстъ такъ часта и цѣпка, что чрезъ нее можетъ пробираться одинъ только толстошкурый кабанъ; въ ней, какъ въ недоступной крѣпости, скрывается онъ весь день, не боясь ни охотника, ни собакъ, и только ночью этотъ единственно оставшійся на старомъ мѣстѣ и благоденствующій на свободѣ хищникъ черноморскаго побережья, не довольствуясь тѣмъ, что даютъ ему здѣшніе плодовые лѣса, оставляетъ свою колючую крѣпость и идетъ разорять плетень, защищающій отъ него поле здѣшняго поселенца, за что, конечно, и сводитъ очень часто знакомство съ свинцовой пулей.

Теперь прибавлю: если вы, благосклонный читатель, не должны окончить ваше путешествіе непременно къ извѣстному сроку и можете располагать, на случай задержки въ пути, лишними недѣлей или двумя, посѣтите берега чернаго моря—оно того стоитъ. При этомъ я рѣшаюсь вамъ дать слѣдующіе совѣты: расположите ваше путешествіе такъ, чтобы на этихъ берегахъ вамъ пришлось побывать или весною (въ началѣ апрѣля), или осенью (въ концѣ октября). Лѣтомъ же тамъ слѣдуетъ опасаться лихорадки, а зимою Черное море бываетъ очень бурливо. Запаситесь (что, по моему, слѣдуетъ дѣлать не только въ кавказскихъ, но и во всѣхъ путешествіяхъ) хиной, каплями Иноземцева и еще нѣкоторыми необходимыми медикаментами—это никогда не лишнее; пріемъ хины на Кавказѣ бываетъ по чайной ложкѣ заразъ. Никогда во время дороги не одѣвайтесь слишкомъ легко,

потому что одна струя холоднаго вѣтра, иногда совершенно неожиданно охватывающая путника, во время проѣзда мимо ущелья, можетъ заставить поплатиться за неосторожность очень жестоко; не даромъ горцы любятъ шубы и теплыя папахи. Старайтесь, ни подъ какимъ видомъ, послѣ заката солнца не оставаться въ низменныхъ мѣстахъ. Повторю еще разъ, что тамъ, гдѣ сообщеніе производится верхомъ по горнымъ тропинкамъ, а черезъ рѣки приходится переѣзжать въ бродъ—самое благоразумное—это не пускаться въ дорогу въ дурное время. Если вамъ, читатель, какъ большей части изъ насъ, случалось ѣздить по русскимъ дорогамъ въ осенніе дожди и грязь, въ весеннюю ростепель и мятель, если вамъ случалось испытывать тяжелое чувство безпомощности во время этихъ опасныхъ странствованій—то какое путешествіе, даже по самымъ дикимъ мѣстамъ Кавказа, можетъ испугать васъ? Что можетъ вамъ показаться грязнымъ и неудобнымъ послѣ курной избы, служащей вмѣстилищемъ русскому степному крестьянину, вмѣстѣ съ его дѣтьми и телятами? Увѣряю васъ, если вы испытывали эти благодати, худшаго ничего вы не отыщете въ самыхъ дикихъ кавказскихъ тущабахъ. А сколько красотъ и наслажденій васъ ожидаетъ! Если вы утомлены и измучены однообразной работой, если душа ваша ищетъ отдыха и утѣшенья, поѣзжайте въ гости къ правдѣ-природѣ—и святая цѣлительница дастъ вамъ новыя силы. Если вы не желаете или не можете переносить трудныхъ путешествій—прекрасно, довольствуйтесь тѣми, которыя незатруднительнѣе обыкновенныхъ путешествій по Россіи. Поѣзжайте по желѣзной дорогѣ въ Ростовъ; оттуда въ почтовомъ экипажѣ до Пятигорска; отдохнувъ и осмотрѣвъ Пятигорскія и сосѣднія ми-

неральныя воды, поѣзжайте въ почтовомъ же экипажѣ въ Тифлисъ; изъ Тифлиса по желѣзной дорогѣ въ Поти; изъ Поти на пароходѣ въ Одессу. На этомъ обратномъ пути вы поѣдете сначала вдоль восточнаго черноморскаго берега и увидите Батумъ, Сухумъ-Кале, Туапсе и Новороссійскъ; потомъ поѣдете вдоль южнаго берега Крыма и осмотрите Керчь, Феодосію, Ялту, Севастополь и Евпаторію. Все это путешествіе займетъ не больше двухъ мѣсяцевъ и будетъ стоить около 500 руб. сер. (именно: 200 р. сер. дорога, считая вездѣ мѣста 1-го класса, и 300 руб. остальные расходы, считая по 5 р. сер. въ сутки); если же взять 600 р., то и за-глаза довольно. Для неприхотливаго и расчетливаго путешественника и эта сумма должна, конечно сравнительно, сократиться. Изъ Ростова до Владикавказа запаситесь бѣлымъ хлѣбомъ, чаемъ, сахаромъ, лимонами и закусками, потому что станціи на этомъ пути такія же, какъ и вездѣ внутри Россіи, тоестъ на нихъ, кромѣ самовара, молока и яицъ, ничего не достанешь. Не мѣшаетъ тоже взять и вина, потому что вода здѣсь вездѣ дурная. Отъ Владикавказа до Тифлиса станціи хороши и на нихъ можно достать что поѣсть, но свои припасы, какъ извѣстно, даже и на желѣзной дорогѣ никогда не мѣшаютъ.

Въ продолжительныхъ путешествіяхъ въ горахъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ дороги не разработаны и, слѣдовательно, приходится путешествовать верхомъ, имѣя вещи на вьюкахъ, докторъ Пфафъ, въ своемъ путешествіи по ущельямъ Осетіи, совѣтуетъ распорядиться слѣдующимъ образомъ. Надобно, говоритъ онъ, кромѣ необходимѣйшаго бѣлья и платья, запастись небольшимъ металлическимъ чайникомъ (онъ же и кофейникъ), легкою складною кро-

вату, пожемъ, вилкою и металлическими тарелкою и стаканомъ. Изъ съѣстныхъ припасовъ кромѣ хлѣба (это главное) надо взять чаю, сахару, молотаго кофе, бульону, лимоновъ, соли, перцу и, если можно, нѣсколько копченыхъ колбасъ, потому что въ аулахъ кромѣ баранины, чурековъ и сыру да иногда куръ и яицъ ничего не достанешь — и то не вездѣ и не всегда. Если можно, то взять спиртовую кострюлечку и спирту — это можетъ отлично пригодиться. Въ дурную погоду нужно носить бурку, но и непромокаемое гуттаперчевое пальто на случай продолжительныхъ дождей съ вѣтромъ крайне необходимо. Надобно имѣть высокіе охотничьи непромокаемые сапоги, чевяки и осетинскіе бандули на случай трудныхъ и скользкихъ переходовъ. Одѣваться надо какъ можно легче. Черезъ плечо въ кожаномъ футлярѣ бинокль и прочный карманъ или футляръ для карты, записной книжки, табаку и проч., компасъ и карманный термометръ, револьверъ и кинжалъ на поясъ; ко всему этому еще, на всякій случай, имѣйте другую пару сапогъ и платье въ особомъ сакъ-воляжѣ. Остальныя вещи укладываются, какъ слѣдуетъ, въ дорожную сумку, которая покрывается отъ дождя клеенкой или кожей. Тамъ же въ жестяной посудѣ хранятся и съѣстные припасы. На головѣ всего лучше фуражка съ козырькомъ или шляпа съ широкими полями (а мы скажемъ папаха и непременно башлыкъ). Караванъ состоитъ изъ 3-хъ всадниковъ: путешественника, его челоуѣка (онъ же и поварь) и проводника, который имѣетъ при себѣ выюкъ или дорожную сумку. Такъ какъ для непривычныхъ туземныхъ сѣдла чрезвычайно неудобны, то лучше заготовиться англійскимъ (а мы скажемъ казачьимъ) сѣдломъ.

Мы дозволили себѣ во многомъ измѣнить текстъ поч-

теннаго доктора, на примѣръ вмѣсто дорожнаго самовара мы поставили дорожный металлическій чайникъ; рекомендуемые имъ гуттаперчевые ботфорты и калоши мы замѣнили охотничьими сапогами; кромѣ чевякъ мы упомянули еще о бандуляхъ, потому что эта осетинская обувь изъ бычачьей кожи съ ремнями крестъ-на-крестъ вмѣсто подошвы, признается всѣми за удобнѣйшую для ходьбы по горамъ. По нашему, предлагаемая нами вещь болѣе практична. Почти что необходимая спиртовая кострюля тоже не упомянута докторомъ. Еще рекомендуемъ употребляемыя на всемъ Кавказѣ шерстяныя перекидныя чрезъ сѣдло сумы (саквы), чрезвычайно удобныя и которыя, притомъ, вездѣ можно достать. Мягкія вещи, какъ-то платье, бѣлье и проч., можно очень удобно завертывать въ кожу и вторачивать поперегъ лошади сзади сѣдла. Упомянемъ также, что вообще въ путешествіяхъ огниво и трутъ или фитиль составляютъ вещи совершенно необходимыя, а для быстраго разведенія огня во время сырости надо имѣть съ собою маленькую жестяную чашечку, величиной въ наперстокъ, налитую сѣрой. Чашечка эта употребляется сибирскими охотниками во время ихъ странствованій по безводнымъ и холоднымъ тайгамъ. Приложивъ горящій трутъ къ сѣрѣ, можно развести огонь въ одну минуту.

Кавказскій календарь, въ которомъ обозначены почтовые дороги, высоты различныхъ мѣстъ и проч., мы также считаемъ необходимымъ въ путешествіяхъ по Кавказу.

Какое самое удобное время для путешествія по Кавказу? Кто путешествовалъ въ горахъ, тотъ знаетъ, какъ трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Въ горахъ очень часто мѣстности, лежація въ нѣсколькихъ часахъ пути другъ

отъ друга, существенно разнятся въ климатѣ. Кромѣ высоты надъ уровнемъ моря есть еще множество другихъ условій, имѣющихъ вліяніе на климатъ горныхъ мѣстностей, напримѣръ положеніе долинъ, т. е. куда обращена долина, на югъ или на сѣверъ; близость снѣговыхъ горъ; — условіе, защищена ли долина отъ сѣверныхъ или отъ южныхъ вѣтровъ; покрыты ли окрестныя горы растительностью или онѣ голы и накаляются на солнцѣ и проч. и проч. Сванетія, напримѣръ, всего верстъ на 80 сѣвернѣе долины Ріона: въ послѣдней, въ іюнѣ и іюль, нестерпимая жара или лихорадки, а въ Сванетіи это единственно удобное время для путешествія. Причина та, что Сванетія, лежащая у подножія снѣговаго хребта, близъ Эльборуса, закрыта горами отъ южныхъ вѣтровъ. Такъ какое же, однако, спросите вы, самое удобное время для путешествія по Кавказу? А такое, отвѣчу я, когда и въ долинахъ не жарко, и въ горахъ не холодно, т. е. весна и осень, и, по преимуществу, послѣдняя: въ это время устанавливается болѣе или менѣе ровная температура. Зима же въ горахъ холодна, а лѣтомъ кромѣ жары въ долинахъ слѣдуетъ опасаться еще и лихорадокъ. Само собою разумѣется, что такія мѣстности, какъ Сванетія, тутъ въ расчетъ не идутъ.

Если ваше время свободно, то вы можете путешествовать по Кавказу круглый годъ, потому что всегда можно выбрать мѣстность, соотвѣтствующую извѣстному времени года, напримѣръ зима едва ли не самое лучшее время на югѣ черноморскаго и каспійскаго береговъ. Если же вы можете располагать только двумя или тремя мѣсяцами, то я бы посовѣтовалъ выбрать весну и преимущественно осень. Хотя весною кавказскія долины, въ особенности въ Закавказьи, и очаровательны, но

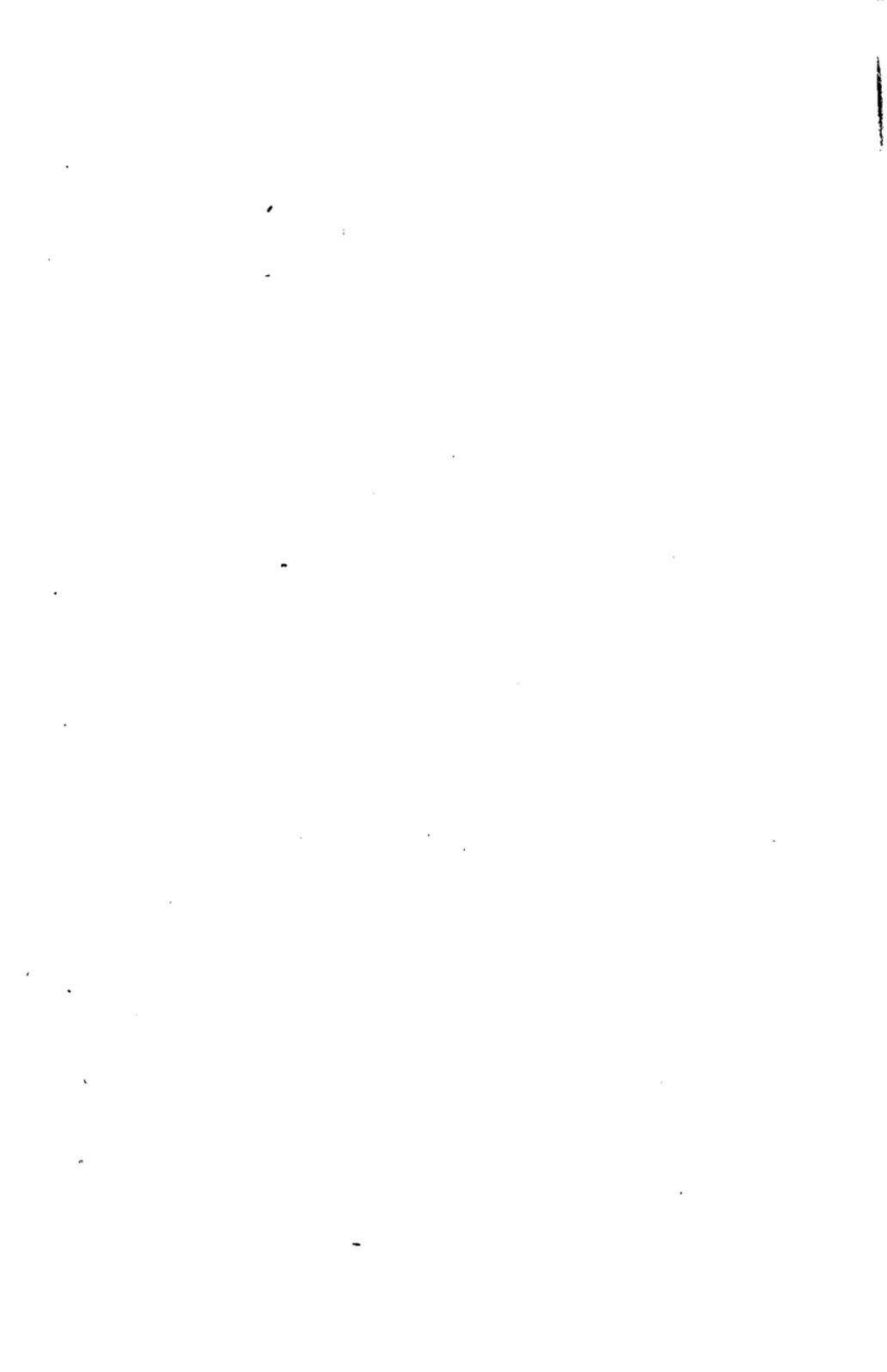
осенью поспѣваютъ плоды, горныя рѣки (какъ на примѣръ Терекъ въ августѣ) являются во всемъ своемъ грозномъ величїи, и, кромѣ того, если вы охотникъ, въ это время наступаетъ пора охоты—а на Кавказѣ есть на что поохотиться! Чтобъ сдѣлать путешествіе, которое описано въ этой книгѣ, я поступилъ бы такъ. Весною, въ концѣ марта, выѣхалъ бы изъ Одессы въ Поти; первую половину апрѣля употребилъ бы на путешествіе по берегу Чернаго моря; вторую половину апрѣля и первую половину мая на путешествіе по долинѣ Рїона и Закавказью; послѣднюю половину мая на переѣздъ по военно-грузинской дорогѣ изъ Тифлиса въ Ростовъ съ осмотромъ Пятигорска и сосѣднихъ съ нимъ минеральныхъ водъ. Осенью я, выѣхавъ изъ Ростова въ половинѣ іюля или въ началѣ августа, прїѣхалъ бы въ началѣ сентября въ Тифлисъ, осмотрѣвъ также по дорогѣ Пятигорскъ; сентябрь употребилъ бы на путешествіе по Закавказью; три недѣли октября на путешествіе по берегу Чернаго моря и на возвращеніе въ Одессу, не смотря на то, что въ это время Черное море начинаетъ уже быть бурливымъ. Такимъ образомъ, то и другое путешествіе продолжалось бы по девяти недѣль. Кто не желаетъ осматривать берега Чернаго моря (а такихъ будетъ, разумѣется, большинство), тому надобно выѣзжать изъ Одессы въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая. Поѣхавъ же изъ Ростова въ концѣ іюля или въ началѣ августа, придется и возвращаться въ Одессу (безъ осмотра черноморскаго берега) въ концѣ сентября или въ самомъ началѣ октября, т. е. въ хорошее время года.

Душевно желаю, чтобъ эти свѣдѣнія, собранныя и провѣренныя мною на мѣстѣ, принесли пользу, если

только вы, благосклонный читатель, соберетесь попутешествовать по Кавказу.

Предостерегаю отъ путешествія между Ростовомъ и Ставрополемъ въ началѣ марта: дальше вы увидите, какія муки приходится вытерпѣть на этой дорогѣ въ то время, когда снѣгъ уже сошелъ, но земля еще не просхла. Впрочемъ, съ открытіемъ ростовско-владикавказской желѣзной дороги, и это предостереженіе сдѣлается совершенно излишнимъ.

ГЛАВА 1-я

Отдѣленіе 1-е

Изъ Москвы до Ставрополя чрезъ Ростовъ на Дону.

Сообщенія. До Ростова желѣзная дорога на Курскъ или на Воронежъ. Первая идетъ 57 часовъ; цѣна мѣстамъ: 1-й классъ 38 р., 2-й классъ 28 р. 50 к., 3-й классъ 15 р. 53 к. Вторая идетъ 51 часъ; цѣна мѣстамъ: 1-й классъ 34 р. 47 к., 2-й классъ 25 р. 84 к., 3-й классъ 14 р. 35 к.

Отъ Ростова обыкновенный почтовый трактъ, по подорожной. Если ѣдутъ на перекладной, то лучше доѣхать по желѣзной дорогѣ до Аксайской станицы и тамъ уже взять лошадей. Съ 1 мая по 1 октября ходятъ экипажи товарищества движенія почтовыхъ экипажей (см. главу: сообщенія). Отъ Москвы до Ростова, по воронежской дорогѣ, 1,149 в., до Ставрополя 1,487 в.; по Курской дорогѣ—до Ростова 1,266 в., до Ставрополя 1,404 версты.

Шахтная станція по воронежской дорогѣ, не доѣзжая 6-ти станцій до Ростова. Около нея находятся знаменитыя антрацитовыя копи; шахтъ нѣсколько. Самая замѣчательная шахта русскаго общества пароходства и торговли. Со слѣдующей станціи—*Максимовки* (7 в. отъ Шахтной) идутъ вѣтви: влѣво къ *Атюхтинскимъ* копямъ, вправо къ *Грушевскимъ*; тѣ и другія

отъ Максимовки около $3\frac{1}{2}$ верстѣ. Мы проѣзжали Шахт-ную ночью, и мнѣ не удалось осмотрѣть шахтѣ, а потому я и беру описаніе ихъ изъ статьи г. Кретовича (Вѣстн. Европы, апрѣль 1868 года), осматривавшаго ихъ подробно.

„Нарядившись—пишетъ онъ—во фланель и надѣвъ сверху кожаное пальто и кожаную съ широкими опускавшимися полями шляпу, я и баронъ Врангель (начальникъ Грушевскаго рудника), въ сопровожденіи двухъ рабочихъ, со свѣчами въ рукахъ, намѣрены были опуститься въ шахту, на 35-саженную глубину. На рукахъ у насъ были надѣты толстыя шерстяныя перчатки, потому что въ лайковыхъ не хорошо—скользятъ. Все было готово, чтобы начать спускаться, какъ клубы густаго, пропитаннаго сѣрою дыма показались изъ колодца шахты. Это взорвали минами часть породы; надо было обождать, пока въ колодцѣ очистится воздухъ. Отъ поверхности до самаго дна шахта имѣетъ четырехъ-угольный видъ, почти правильнаго квадрата въ поперечномъ сѣченіи. Она раздѣлена на двѣ равныя части толстою бревенчатою стѣною, начинающеюся отъ самой поверхности и не доходящею аршина на 3 до дна. Въ одной половинѣ помѣщается водоотливная труба (около 1 аршина въ діаметрѣ) и крутыя лѣстницы для спуска внизъ; другая назначена для прохода бадьи съ землею. Какъ отливка воды, такъ и движеніе бадьи производятся, разумѣется, паровыми машинами. Воды въ сутки выкачивается до 200 тысячъ ведеръ. Трехъ-аршинное отверстіе подъ бревенчатою стѣною служить для свободнаго передвиженія бадьи по дну шахты. На 10-ти-саженной глубинѣ начинаются уже твердыя породы, не требующія укрѣпленія стѣнъ.

Чѣмъ ниже опускались мы, тѣмъ сильнѣе обливало насъ каплями выбивающейся съ боковъ воды, еще глубже—цѣлый дождь; мѣстами бьютъ ключи—и все это съ шумомъ стремится внизъ, откуда слышится странное храпѣнье водоподъемной трубы и глухіе удары шести молотовъ, которыми рабочіе пробивали плотную каменную породу. Но вотъ мы на днѣ шахты; съ одной стороны огромнымъ ключемъ льетъ струя воды, съ другой ворчитъ насосная труба, сверху цѣлый ливень дождя, отъ котораго плохой защитой служить, растянутое въ видѣ полога, какое то непромокаемое полотно. Все это освѣщается тусклымъ свѣтомъ нѣсколькихъ сальныхъ свѣчей. Среди этой подземной обстановки 6 человекъ рабочихъ, въ кожаныхъ пальто и такихъ же, съ широкими, обвисшими полями, шляпахъ, по колѣни въ водѣ, стучать молотами по желѣзнымъ ломамъ, пробивая подъ водою скважины въ твердомъ глинистомъ сланцѣ. Когда скважины готовы, въ нихъ вставляются пороховыя мины, концы которыхъ зажигаются, и рабочіе по лѣстницамъ поспѣшно уходятъ наверхъ. Послѣ того очищать дно шахты отъ взорванныхъ камней и заготовлять новыя мины идетъ другая артель. Доводилось намъ—прибавляетъ г. Кретовичъ—видѣть весьма разнообразныя и трудныя роды работъ, но такой, почти нечеловѣческой работы до той поры мы не знали. Съ молотомъ, ломомъ и пороховою миною въ рукѣ, подъ постояннымъ ливнемъ дождя, перѣдко по поясъ въ водѣ, на глубинѣ нѣсколькихъ сотъ футъ подъ землею—тяжелая работа! Попортилась машина или сломался насосъ—уходи скорѣе по лѣстницѣ, не то зальетъ водою“.

На осмотръ шахты надобно употребить до 2¹/₂ часовъ.

Есть и сухія шахты, но число ихъ меньше числа водяныхъ.

Каменный уголь въ Грушевкѣ открытъ еще при Петрѣ Великомъ, который сказалъ, что „минераль сей не намъ, а потомкамъ нашимъ,“ и выписалъ однако же изъ Англи мастера Никсона съ четырьмя помощниками для развѣдки.

Право добыванія угля до 1863 г. принадлежало только однимъ казакамъ, и отъ того добыча была ничтожна; напр. въ 1856 г. угля добыто только около 50 тысячъ пудовъ. Съ разрѣшеніемъ же заниматься разработкой всѣмъ (съ уплатой въ пользу войска донскаго пошлины въ $\frac{1}{4}$ коп. съ пуда), количество добываемаго угля быстро увеличилось, такъ что въ 1865 г. оно доходило уже до $5\frac{1}{2}$ милліоновъ пудовъ.

Въ настоящее время цѣна каменнаго угля на мѣстѣ, въ шахтахъ — около 8 копѣекъ. Рабочіе получаютъ отъ $4\frac{1}{2}$ до 5 коп. съ пуда.

Ростовъ на Дону.

Гостинницы: *Петербургская, Московская, Эрмитажъ, номера Томанцева* (номера эти открыты еще очень недавно и содержатся чисто; общая зала въ нихъ хороша и кушанье вкусно и недорого: порція горячаго 25 коп., остальные 30—50 коп.; 50 коп. порція фазана; номера отъ $1\frac{1}{2}$ рубля).

Ростовъ — торговый городъ; улицы широкія, но удивительно грязныя, а мостовая такова, что по ней можно ѣздить не иначе, какъ только шагомъ. Зданіе деревяннаго театра плохо. Городской садъ тощъ.

Извозчики экипажи—пролетки и дроги; цѣна за ѣзду не дороже московской.

На все время дороги до Ставрополя слѣдуетъ запастись бѣлымъ хлѣбомъ и съѣстными припасами, о чемъ мы уже упоминали. Въ прежнее время Ростовъ славился дешевизной икры и рыбы, но нынче, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, у насъ, какъ извѣстно, цѣны на все болѣе и болѣе уравниваются, т. е. тамъ, гдѣ онѣ были высоки, не понижаются, а гдѣ были низки—тамъ возрастаютъ.

Мѣстность отъ Ростова до Ставрополя и ея жители.

Переправившись изъ Аксайской станицы чрезъ Донъ и пройдя по дамбѣ, насыпанной чрезъ тростники, простирающіеся по его лѣвому берегу вплоть до слѣдующей Махинской станицы, путешественникъ ѣдетъ далѣе мѣстностью, которую можно назвать степью въ полномъ значеніи этого слова. Унылая, безлѣсная, безводная и безлюдная равнина тянется вплоть до Ставрополя. Печальна и непріютна эта юго-восточная окраина степей Россіи, начинающаяся отъ Волги и Дона и кончающаяся у Кубани и Терека. Ни дерева, на которомъ можно было бы отдохнуть утомленному взгляду, ни веселой рѣчки, ни горъ, которыя разнообразили бы унылую мѣстность. Изрѣдка попадающіяся балки всѣ извѣстны на перечетъ. *Манычъ*, принимающій въ себя всѣ воды мѣстности, по которой проходитъ дорога изъ Ростова на Ставрополь, есть тоже не болѣе, какъ огромная ложбина, которая пересыхаетъ лѣтомъ, оставляя пересохшими только нѣсколько соляныхъ озеръ, изъ которыхъ самое большое называется *озеро Манычъ*, имѣющее до 70 верстъ

въ длину и до 6 въ ширину; изъ него добывается соль для Ставропольской губерніи и Земли войска донскаго. Поросшее камышемъ ложе Маныча, съ непересохшими озерами, плесами и болотами, служить пріютомъ громадному количеству водяной дичи, кабанамъ и калмыцкимъ ворамамъ-конокрадамъ. Изъ рѣкъ, впадающихъ въ Манычъ, наиболѣе замѣчательны: *Калаусъ*, *большой Егорлыкъ* и *средній или вонючій Егорлыкъ*. Первые двѣ берутъ начала изъ высотъ, лежащихъ къ югу отъ Ставрополя; послѣдній изъ степи. Вода во всѣхъ нихъ дурнаго вкуса. Самая замѣчательная изъ рѣкъ этого степнаго пространства — *Кума*, вытекающая изъ главнаго хребта; берега ея заселены, по здѣшнему, довольно густо, но и она также не доходитъ Каспійскаго моря и теряется среди безводной степи.

Средне-Егорлыцкая станція лежитъ на водораздѣлѣ между Азовскимъ и Каспійскимъ морями. Къ востоку отъ нея лѣниво ползеть средній (вонючій) Егорлыкъ, а къ западу *Кучу-ея*. Ихъ водами отдѣляются Земля войска донскаго и Астраханская губернія отъ Земли черноморскихъ казаковъ и Ставропольской губерніи. Отсюда къ югу начинается уже *Кавказскій край*.

Сѣверный склонъ Эльборуса, раздѣляя рѣчки сѣвернаго Кавказа на 2 системы, восточную и западную или Терекскую и Кубанскую, постепенно понижаясь, доходитъ мысомъ до Ставрополя; отсюда, сливаясь со степью, онъ, незамѣтно для глаза, продолжается до верховьевъ средняго Егорлыка и дѣлитъ степныя рѣчки также на восточную и западную системы (если только тутъ умѣстно это слово).

Дорога на Ставрополь держится по Егорлыку и его притокамъ.

Какъ ни незамѣтенъ склонъ отъ Ставрополя къ сред. Егорлыку, но, продолжаясь на разстояніи 200 верстъ, онъ дѣлаетъ разницу въ положеніи этихъ пунктовъ надъ уровнемъ моря почти въ 2,000'.

Осѣдлое русское населеніе, оттѣсняя мало по малу кочевниковъ, заняло лучшія мѣста края; оно расселилось большими селами по рѣкамъ и отдѣльными хуторами по балкамъ. Что же тянуло поселенцевъ въ эти неудобливыя мѣста? Жажда свободнаго приволья и желаніе избавиться столкновеній съ центральной властью. Въ былое время тяжело должно быть приходилось русскому человѣку отъ этихъ столкновеній, когда онъ разбѣгался отъ нихъ въ заволжскіе непроходимые лѣса и неизмѣримыя степи. Но, удалившись отъ центра, русскій казакъ и колонистъ нуждался въ поддержкѣ и не порывалъ съ нимъ связи. Съ своей стороны, центръ, понимая, что безъ колонизаціи ему не удержать своихъ окраинъ, охотно прощаль своихъ блудныхъ дѣтей и посылалъ имъ помощь всякій разъ, какъ они обращались къ нему за нею. Обоюдная выгода заставляла два враждебные съ виду элемента помогать другъ другу, и она то, вмѣстѣ съ единствомъ языка и вѣры, была причиною такого сказочно-быстраго разростанія русскаго государства. Нигдѣ эта обоюдная помощь не явилась въ такой наглядной формѣ и не достигла такихъ громаднхъ размѣровъ, какъ на Кавказѣ. Здѣсь казакъ-колонизаторъ явился вѣрнѣйшимъ слугою русскаго государства, а государство, въ свою очередь, не жалѣло ничего для поддержанія своего піонера. Ни казаку не удержаться бы предъ горами безъ помощи государства, ни государству не завоевать бы Кавказа съ одной регулярной арміей, безъ

помощи осѣдлаго казака. Переходимъ однако къ описанію степной части Кавказскаго края.

Неприглядна и негодлива эта мѣстность. Даже та часть ея, которая заселена русскимъ осѣдлымъ населеніемъ, покрываясь роскошною травой весной, совершенно выгораетъ лѣтомъ; трава въ это время превращается въ пыль, которая разносится на огромныя пространства степнымъ вѣтромъ; рѣчки иссыхаютъ, и во многихъ мѣстахъ жители, въ страшную жару, должны довольствоваться вонючею водою, собранною въ запруженныхъ балкахъ. Удивительно, что она не оказываетъ на нихъ дурнаго вліянія, и они, повидимому, пользуются полнымъ здоровьемъ. Зимой иногда, при 20° мороза, свирѣпствуютъ бураны, истребляющіе цѣлыя стада овецъ и рогатаго скота. Бѣдныя животныя, обреченныя скитаться круглый годъ въ степи на подножномъ корму, гибнуть отъ бурановъ и гололедицы тысячами. Табуны лошадей, испуганные свистомъ и ревомъ бури, несущейся неудержимо по ровной степи и поднимающей снѣжные смерчи надъ холмами, мчатся сначала по направленію вѣтра; табуныщикъ давно остался Богъ знаетъ гдѣ; вмѣсто его вѣрнаго пса за табуномъ мчится волкъ; злой напрасленникъ празднуетъ эту недобрую годину и устааетъ отъ рѣзанья многочисленной и богатой добычи: все, что только отбилось въ сторону, принадлежитъ ему. Оставшіяся въ живыхъ, обезсиленныя лошади, достигаютъ, наконецъ, какой нибудь балки, въ которой, думая спастись отъ непогоды, сбиваются въ кучу и часто погибаютъ сплошь, обгрызая отъ голода другъ у дружки хвосты и гривы. Многіе изъ жителей степи лишаются всего, что имѣли, въ одинъ такой буранъ. По отсутствію воды, нѣкоторыя части степи совершенно необитаемы,

и только поздней осенью, когда дожди наполняют лужи, называемыя, по калмыцки, *цандыками*, около нихъ появляется кочевникъ съ табунами своихъ тощихъ лошадей и остается здѣсь иногда цѣлую зиму, добывая воду изъ снѣга. Все сказанное не относится къ возвышенностямъ, лежащимъ близъ Ставрополя и къ берегамъ Кубани, Терека и Кумы, по которымъ расселились большія села и станицы. Великорусскій ямщикъ, везшій меня къ Ставрополю, рассказывая про житье на Кумѣ, говорилъ, что тамъ живутъ такъ хорошо и винограду такъ много, что жители, отъ мала до велика, всѣ круглый годъ пьяны.—„Да чего ужъ говорить, ваше благородіе! Куры, такъ и тѣ какъ наклюются виноградныхъ выжимковъ, такъ и тѣ тоже пьяны“—добавилъ достопочтенный возница, желая, вѣроятно, вполне изобразить блаженное житье кумскихъ поселенцевъ. По Егорлыкамъ, Калаусу и другимъ рѣчкамъ встрѣчаются тоже богатые села. Видно, что неизмѣренныя степи даютъ полную возможность дѣлать запашки, насколько хватитъ силъ, и держать большое количество скота. Спросите степнаго жителя, не хочетъ ли онъ переселиться въ Россію, и въ отвѣтъ получите довольно презрительный отзывъ о жизни въ той странѣ, гдѣ земля, по его выраженію, вымѣрена вершками.

Земля Черноморскихъ казаковъ, вошедшая нынѣ въ составъ Кубанской области, заключала въ себѣ пространство, ограниченное съ Сѣвера рѣкою Кучу-Еей (которой она отдѣлялась отъ Земли войска донскаго), съ востока Ставропольскою губерніей и Землею кубанскихъ линейныхъ казаковъ, съ юга Кубанью (на протяженіи 180 верстъ отъ моря), съ запада Азовскимъ моремъ. Число всѣхъ казаковъ немного болѣе 200 тысячъ. Они насе-

ляютъ 3 города (Екатеринодаръ, Ейскъ и Темрюкъ), около сотни куреней или станицъ и нѣсколько тысячъ хуторовъ.

Черноморскіе казаки — кровные потомки запорожцевъ, высланныхъ изъ сѣчи въ 1792 году. Они сохранили въ полной чистотѣ малороссійскій типъ, неуклонную преданность православной вѣрѣ и всѣ обычаи Малороссіи. Небольшое число переселенцевъ, водворенное между ними, въ послѣдствіи совершенно okazaчилось, хотя и крѣпко держится, какъ напр. старовѣры, уставовъ своей религіи. При переселеніи запорожцы перенесли съ собою и старинное сѣчевое устройство, т. е. кошь и курени. Лѣтъ черезъ 10, при Александрѣ I, имъ дано было новое управленіе. Прежнее устройство, оставшееся въ воспоминаніяхъ казаковъ, обозначается ими словомъ „до полковъ“.

Черноморцы сохранили и малороссійскій обычай разселяться хуторами, что, впрочемъ, объясняется особенностями степнаго хозяйства. Показанщина (казань—котель), т. е. отдѣльное, самостоятельное хозяйство, составляетъ ихъ отличительную черту. Показанщина ведетъ къ дробленію семействъ, а это послѣднее, при обязательной военной службѣ, очень часто имѣетъ своимъ послѣдствіемъ бѣдность, такъ что на 50 домохозяевъ приходится не болѣе одного, который можетъ имѣть свой плугъ, т. е. обрабатывать землю собственными средствами, *неспрягаясь* съ сосѣдями. Страненъ подобный фактъ среди населенія, снабжающаго черкасской скотиной наши столицы, тѣмъ не менѣе онъ существуетъ.

Степь дѣлала черноморца табунщикомъ и охотникомъ, Азовское море рыболовомъ, а постоянная война заканчивала типъ этого воинственнаго потомка запорожскихъ

„лыщарей“. Изъ черноморцевъ вышли и извѣстные **пластуны**. Скажемъ нѣсколько словъ о нихъ, руководясь статьями г. Попки.

Названіе пластуна очень древнее: оно произошло или отъ слова *пласть* и означало человѣка, лежащаго *пластомъ*, или отъ польскаго названія ползучей гадины—*plazy*. Въ запорожскіе пластуны шли или по охотѣ, или назначались по приговору Рады лучшіе и опытные казаки. Они несли порубежную службу по тогдашней польской границѣ, т. е. по Днѣпру и Бугу. Лежа *пластомъ* среди камышей и пробираясь чрезъ нихъ, какъ змѣи, пластуны, съ рушницей въ рукахъ и патрономъ въ зубахъ, и день и ночь должны были стеречь врага. Съ переселеніемъ въ черноморье, для казаковъ Днѣпръ и Бугъ замѣнила Кубань, а непріятелями, вмѣсто поляковъ, сдѣлались горцы. Последніе, какъ извѣстно, никогда не могли прожить безъ грабежа и убійства; по ихъ понятію, это не преступленіе, а молодечество, удаль. Сосѣдніе общества, часто даже сосѣдніе аулы, вели истребительную войну другъ съ другомъ. Разумѣется, что гяуры, поселившіеся за Кубанью, должны были сдѣлаться главною цѣлью ихъ набѣговъ. И дѣйствительно — не говоря уже про прорывы партіями, которыя отбивали скотъ и угоняли въ плѣнъ людей—горецъ, по закону канлы или кровомщенія, считалъ священной обязанностью за всякаго своего родственника, убитаго казаками, убить если не самого убійцу, то хоть кого нибудь изъ гяуровъ. Положеніе на линіи было таково, что казакъ и даже казачка работали въ полѣ съ винтовкой за плечами; въ самой станицѣ нельзя было считать себя безопаснымъ отъ вражескаго кинжала. Со стороны казака война велась оборонительно; горцы же, владѣя всею, перерѣзанною

частыми и глубокими балками, закубанскою плоскостью, имѣли возможность дѣйствовать и оборонительно и наступательно. Положеніе нашей линіи въ то время можно сравнить съ положеніемъ блокаднаго корпуса, окружившаго крѣпость. Не имѣя еще средствъ для начатія осадныхъ работъ, мы окружили Кавказъ циркумвалаціонной линіей и должны были во всѣхъ пунктахъ отбивать непрерывныя вылазки многочисленнаго и отчаянно храбраго гарнизона. Партіи горцевъ, подъ предводительствомъ *абрековъ*, давшихъ обѣтъ посвятить всю свою жизнь на войну съ русскими, прорывались чрезъ линію и проникали иногда даже за Ставрополь. Такъ, въ 30-хъ годахъ братья Карамурзины однажды въ длинную осеннюю ночь переправились съ 10-ю всадниками чрезъ Кубань ду прочнаго окна и, проскакавъ за Ставрополь, къ селенію Донскому на Тагилѣ, къ развѣту очутились опять за Кубанью у Невинномысской станицы, сдѣлавъ въ 14 часовъ болѣе 160-ти верстъ. *) Дерзость абрековъ иногда бывала невообразима. Однажды въ зимнюю ночь, когда Кубань еще не замерзла и по рѣкѣ шель ледъ—разсказываетъ, если не ошибаюсь, баронъ Таубе—четверо казаковъ, стоявшихъ на пикетѣ, развели отъ холода огонекъ и преспокойно уснули около него, почитая себя совершенно безопасными за покрытою плывущимъ льдомъ рѣкою. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли было въ это время переправиться черезъ Кубань вплавь, такъ какъ лодокъ для переправы черезъ нее съ той стороны, разумѣется, не было? Однако же, не смотря на очевидную безопасность, старый урядникъ, зная по опыту, чего можно ожидать

*) Интересную исторію этихъ знаменитыхъ абрековъ можно прочесть въ воспоминаніяхъ кавказскаго офицера. (Русск. Вѣстн. 1864 г.) Статьи эти изданы также и отдѣльно.

отъ абрековъ, отправился повѣрить посты. Подходя къ сказанному пикету, онъ увидѣлъ слѣдующее неожиданное для него зрѣлище: подчиненные его спали сномъ праведнымъ, а около огня чернѣлась нагая фигура, подпоясанная ремнемъ, на которомъ висѣлъ кинжалъ. Фигура дѣлала странныя тѣлодвиженія и совала въ огонь руки. Догадавшись сразу, откуда пришелъ этотъ гость, урядникъ выстрѣломъ положилъ его на мѣстѣ. Проснувшіеся казаки сначала не понимали въ чемъ дѣло; наконецъ, оно объяснилось: абрекъ, замѣтивъ съ другаго берега казаковъ, спящихъ у огня, раздѣлся, переплылъ рѣку и намѣревался отправить ихъ всѣхъ къ праотцамъ, да на бѣду во время плаванія отморозилъ себѣ руки; отмороженные пальцы не сгибались, и онъ не могъ вынуть кинжала, — такъ для того, чтобы отогрѣть ихъ, онъ и совалъ руки въ огонь. Не приди старый урядникъ — очутиться бы всѣмъ казакамъ совершенно неожиданно на томъ свѣтѣ.

Съ теченіемъ времени война принимала все болѣе и болѣе ожесточенный характеръ и, наконецъ, превратилась въ кровавую племенную вражду. Не было хитрости, не было вѣроломства, на которыя не рѣшился бы черкесъ для того, чтобы нанести вредъ казакамъ. Казаки, съ своей стороны, разумѣется, платили тѣмъ же. При встрѣчѣ ихъ съ горскими партіями, ни та, ни другая сторона не просила пощады и не давала ее. Опытномъ пришлось убѣдиться, что единственное средство обезопасенія линіи есть закладка новыхъ передовыхъ линій и наступательное движеніе къ горами. Испробованная система оборонительной войны только увеличивала дерзость горцевъ и дѣлала положеніе нашихъ линій невыносимымъ.

Линія наша обезпечивалась станицами, обнесенными землянымъ валомъ и поселенными одна отъ другой чрезъ

20 верстѣ. Между станицами находилось по два поста изъ колочей ограды, съ наблюдательной вышкой и съ высокими шестами, обернутыми соломой, съ смоляными бочками наверху; шесты эти зажигались при прорывахъ и нападеніяхъ. Днем по курганамъ и возвышеннымъ мѣстамъ разставлялась цѣпь казаковъ; на ночь противъ удобныхъ переходовъ ставились секреты; во 2-й линіи ставились заставы изъ 20-ти и болѣе всадниковъ. Въ случаѣ тревоги—все это спѣшило на помощь. Кромѣ того, по утрамъ разсылались разъѣзды, чтобъ отыскивать вражескіе слѣды по песку и по росистой травѣ. Не смотря на всѣ эти предосторожности, партіи абрековъ часто прорывались чрезъ линію, или хитростью или открытою силою, и иногда проникали даже до Георгіевска и Ставрополя. Однажды 40 абрековъ прошли въ астраханскую степь, ограбили тамъ рыбныхъ промышленниковъ и вернулись благополучно за Кубань, пробывъ въ нашихъ предѣлахъ болѣе мѣсяца.

Если предосторожности, принимаемыя на нашей линіи, не были въ состояніи удержать прорывы горцевъ чрезъ открытые берега Кубани, то тѣмъ болѣе онѣ были недостаточны въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ берега этой рѣки, на десятокъ верстѣ съ каждой стороны, покрыты камышевыми вѣсами или плавнями, по тамошнему названію. Плавни—это обѣтованная земля кабановъ, дикихъ звѣрей и въ былое время горскихъ хищниковъ, пробиравшихся на грабежъ. Для ихъ открытія и выслѣживанія недостаточно было тѣхъ средствъ, которыя обыкновенно употреблялись на линіи, тутъ надо было нѣчто особенное, — и этимъ то особеннымъ былъ человекъ-змѣй: черноморскій пластунъ.

Пластунъ—пишетъ г. Попка—на первый взглядъ не

объясняет многого. Это обыкновенно рослый, съ медленной и расчитанной походкой, казакъ, первообразнаго малороссійскаго склада и закала: тяжелый на подъемъ и неутомимый, незнающій удержу послѣ подъема. Сквозь сильный загаръ его лица, окуренаго порохомъ и превращеннаго въ бронзу непогодами, пробиваются добродушіе и сила воли. Угрюмый взглядъ и навопненный, кверху вздернутый усъ придають лицу его выраженіе мужества и рѣшимости. Пластуны одѣваются, какъ самые бѣдные черкесы: черкеска, отрепанная, покрытая разноцвѣтными, нерѣдко даже кожаными заплатками; папахъ вытертая и, въ удостовѣреніе отваги, заломленная на затылокъ; чевяки изъ кожи дикаго кабана, щетиною наружу. Эта бѣдность въ будничной одеждѣ пластуна отъ того, что каждый поискъ по тѣснинамъ и трупобамъ причиняетъ сильный ущербъ наряду. Въ походной одеждѣ пластуны носятъ сухарную сумку за плечами, штуцеръ въ рукахъ, привинтной штуцерной кинжалъ, съ деревяннымъ набойникомъ, сѣреди, за поясомъ, и привѣшанныя къ поясу же такъ называемыя причандалья: пороховницу, пулечницу, отвертку, жарникъ, шило изъ рога дикаго козла, иногда котелокъ, иногда балалайку или даже скрипку. Пластуны пускались во время войны съ горцами въ свои трудные поиски мелкими партіями отъ 3—10 человекъ. Они разсѣяны были по всѣмъ постамъ небольшими товариществами, но преимущественно располагались на самыхъ передовыхъ, удаленныхъ отъ главной черты батареекъ; здѣсь пластунъ, по истинѣ, въ своей сферѣ. Кочуя въ глуши пограничныхъ плавней, они, презирая опасность, голодь, стужу и непогоды, бодро и терпѣливо проводили въ своихъ скрытныхъ убѣжищахъ цѣлыя сутки сряду; чутко стерегли прибли-

женіе непріятеля и первые встрѣчали его своими мѣткими выстрѣлами; первые приносили на посты вѣсти о тревогѣ. Здѣсь пластунъ, дѣйствительно пластомъ, неподвижно, лежалъ въ пустынныхъ камышахъ, подвергаясь жгучимъ угрызениямъ мошекъ и комаровъ, наполнявшихъ болотный воздухъ. Въ такомъ трудномъ положеніи для него существовало одно на свѣтѣ—это тайный врагъ—горець, изподтишка, ночью, кравшійся на воровство и разбой къ границѣ.

При засадахъ и встрѣчахъ съ врагомъ, равно какъ при отважныхъ поискахъ, пластунами руководили собственная предприимчивость и изобрѣтательность. Перебираясь черезъ топи и камыши, они клали свои примѣты на всѣхъ проходахъ и закрывали слѣды. Замѣтивъ превосходящаго въ силахъ непріятеля, они просиживали въ камышѣ, въ травѣ нѣсколько часовъ, не избличая своего присутствія ни однимъ неосторожнымъ движеніемъ, затаивъ дыханіе; а въ трудныхъ обстоятельствахъ пластунъ даже оставался долгое время подъ водой, дыша черезъ тростинку. Замѣченные, они въ свою очередь умѣли пользоваться мѣстностью и, засѣвъ въ первой попавшейся чащѣ камыша, осоки или кустарника, смѣло обращали огонь на противниковъ. Выстрѣлъ безъ промаха замѣнялъ для нихъ численность. Но въ случаѣ встрѣчи съ врагомъ, слишкомъ уже не подъ-силу, пластунъ умѣлъ вывернуться изъ бѣды: непременно схитрить и ускользнетъ куда нибудь въ болото или трущобу, оставивъ на томъ мѣстѣ, гдѣ засѣлъ, свой башлыкъ и шапку, надѣтые на сломленный камышъ или сукъ кустарника, и, отводя такимъ образомъ вниманіе противника, всегда успѣвалъ возвратиться цѣлымъ и невредимымъ. Получивъ рану, онъ иногда проползалъ значительное

разстояніе, перенося голодь и жажду, лишь бы добрат-ся къ своимъ, предпочитая скорѣе лишиться жизни, чѣмъ потерять свободу. Главнѣйшую въ многотрудной жизни пластуна роль играли: слѣдъ—*сакма* и засада—*залога*; онъ искусно умѣлъ скрыть за собой свой собственный слѣдъ, а въ слѣдахъ противника угадать его намѣренія. Когда по росистой травѣ или свѣжему снѣгу слѣдъ неотвязно тянулся за нимъ, хитрый пластунъ старался запутать его, дать ему превратное направленіе и множествомъ извѣстныхъ ему способовъ отвлекалъ врага отъ своихъ переходовъ и притоновъ. Отважнѣйшіе изъ нихъ, такъ называемые *характерники* (волшебники, которыхъ не брала пуля), пробирались ползкомъ въ непріятельскіе аулы, для осмотра мѣстности или чтобы вывѣдать намѣреніе врага. Когда по линіи смирно (обыкновенно во время полевыхъ работъ), пластуны обращали свои по-иски въ охоту за кабаномъ, козю, оленемъ и проч.

Въ началѣ, послѣ переселенія въ Черноморье, многіе пластуны оставались вѣрными запорожскому обѣту безбрачія, но впослѣдствіи это исчезло.

Всѣмъ памятенъ дѣла пластуновъ во время осады Севастополя. Припомнимъ ихъ оригинальный способъ провожанія плѣнныхъ. Подкравшись къ непріятельскимъ секретамъ и захвативъ въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ, пластуны связывали ихъ другъ съ дружкой за большіе пальцы; конецъ бичевки былъ въ рукахъ пластуна, который, подергивая его, управлялъ знаменитыми зуавами, какъ самыми смиренными барашками. Маршалъ Пеллисе нѣсколько разъ, впрочемъ совершенно безъ успѣха, протестовалъ противъ такого оригинальнаго способа провожанія плѣнныхъ.

Кавказъ замиренъ; въ пластунахъ нѣтъ болѣе надоб-

ности; самый бытъ черноморца и линейнаго казака изъ военнаго обращается мало по малу въ гражданскій. Неужели же мы забудемъ дѣла ихъ и уподобимся людямъ прошлаго поколѣнія, которое было такъ непростительно и безпримѣрно равнодушно, что даже самое имя этихъ героевъ стало извѣстно въ Россіи только съ 1855 года? Мы живо помнимъ всеобщее изумленіе, когда изъ газетныхъ статей Россія узнала о существованіи пластуновъ. Они были *открыты* только потому, что понадобились подь Севастополь.

Прибавимъ еще, что часть черноморскихъ казаковъ въ 1861 г., когда было начато общее наступленіе противъ западныхъ горцевъ, выселена за Кубань. Сначала дѣло не обошлось безъ волненій, но потомъ, когда черноморцы узнали, что вновь отведенныя имъ мѣста лучше прежнихъ, то охотно покорились, и переселеніе совершилось безъ особенно строгихъ мѣръ.

Линейные казаки. О бывшей ихъ боевой жизни слѣдуетъ повторить то же, что мы только что говорили вообще о жизни на линіи: та же организація и тѣ же тревоги. Исторію первоначальнаго основанія и постепеннаго распространенія линій мы рассказали въ обзорѣ Кавказской войны; теперь же прибавимъ, что число всѣхъ *казаковъ*, расселенныхъ по линіямъ сѣвернаго кавказскаго склона, въ нынѣшней Кубанской и Терской областяхъ, считается около 300 тысячъ. Самые первые поселенцы изъ нихъ были *гребенскіе казаки*, начавшіе селиться еще при Іоаннѣ Грозномъ. По крайней мѣрѣ, въ народныхъ пѣсняхъ Грозный царь жалуетъ ихъ Теркомъ:

Подарю васъ, казаченьки,
Рѣкою вольною,

Что ни быстрымъ
Терекомъ горьновичемъ,
Что отъ самаго гребня
До синего моря.

Полагаютъ, что это была шайка атамана Андрея, товарища Ермака. Они заняли опустѣлый городокъ на берегу Акташа, въ южной части Кумыкской плоскости, и назвали его, по имени атамана, Андреевымъ (теперешняя *Андреева деревня*, по татарски *Эндери*). Впослѣдствіи, въ XVII столѣтіи, къ нимъ присоединились раскольники, толпами спасавшіеся отъ преслѣдованій на берега Кумы и Терека. Первоначальныя поселенія казаковъ были за Терекомъ, по ближайшему *гребню горъ* (отсюда и названіе гребенскихъ). Петръ Великій, къ милосердію котораго они прибѣгли, выселилъ ихъ на лѣвый берегъ Терека; при Аннѣ же Іоанновнѣ правый его берегъ былъ и совершенно оставленъ русскими. Отъ смѣшенія съ горцами, во время пребыванія за Терекомъ, произошло чрезвычайно красивое племя. Особенною красотою отличаются гребенскія казачки; въ нихъ поразительно соединеніе чистаго черкесскаго типа съ могучимъ сложеніемъ сѣверной женщины. Станица *Червленная* преимущественно передъ другими славится своими красавицами. Перероднившись съ чеченцами, гребенскіе казаки сохранили во всей чистотѣ русскій языкъ и старую вѣру, но усвоили костюмъ горцевъ и черты горскаго характера. Русскій человекъ на кавказской линіи также обратился въ казака, какъ онъ обращался въ него и на другихъ нашихъ окраинахъ: на Дону, въ Сибири, въ Запорожьѣ. Не раздумывая долго, эти народные колонисты-завоеватели усвоивали себѣ все, что находили достойнымъ подражанія у своихъ противниковъ, боро-

лись съ ними ихъ же оружіемъ, брали верхъ надъ ними и твердо и упорно сохраняли свою національность. Господствующій типъ линейнаго казака есть типъ великорусскій. Сунженская и Лабинская линіи, основанныя въ сороковыхъ годахъ и составленныя большею частию изъ женатыхъ солдатъ, государственныхъ крестьянъ и разнаго рода пришлыхъ людей, съ очень малою прибавкою настоящихъ линейцевъ, вскорѣ стали образцовыми линіями. Горцы превосходно понимали разницу между занятіемъ страны военною силою и истиннымъ завоеваніемъ ея, т. е. заселеніемъ, они говорили: „укрѣпленіе это камень, брошенный въ полѣ,—вѣтеръ и дождь снесутъ его; станица, это растеніе, которое впивается въ землю корнями и понемногу обхватываетъ поле“.

Ставропольская губернія граничитъ къ сѣверу съ Астраханской губ., къ востоку Каспійскимъ моремъ, къ югу Терской, а къ западу Кубанской областью. Мѣстность—ровная степь, и только въ юго-западномъ углу находятся незначительныя высоты, отчасти покрытыя лѣсомъ; изъ нихъ берутъ начало рѣки: бол. Егорлыкъ—изъ Темнолѣсскихъ высотъ, Калаусъ и Мокрая Дуйвола—изъ Воронсколѣсскихъ высотъ; послѣдняя впадаетъ въ Куму, берущую начало изъ главнаго хребта (подробности см. *мѣстность отъ Ростова до Ставрополя*). Большая часть лѣсовъ, находившихся по возвышенностямъ и по берегамъ Кумы, истреблены. Въ 40 верстахъ отъ Ставрополя находятся по оврагу залежи каменнаго угля, толщиною до 3 аршинъ, но, по недостатку рукъ, по малой потребности и по дороговизнѣ перевозки, уголь разрабатывается мало; цѣна его на мѣстѣ 5 к., а въ Ставрополѣ около 25 к. Пространство, занимаемое губерніей, около 65,500 кв. верстъ, жителей около 430,000. Срав-

нительно съ населенными губерніями, она могла бы прокармливать до 2¹/₂ милліоновъ жителей, конечно, еслибъ мѣстность въ ней вездѣ была удобна для поселеній. Въ сѣверной ея части кочуютъ *калмыки*, на юго-востокѣ живутъ полукочевые *караногайцы*; остальные жители состоятъ изъ крестьянъ, казаковъ, колонистовъ и осѣдлыхъ инородцевъ. Процентное отношеніе народностей: русскихъ 74⁰/₀, армянъ 2⁰/₀, нѣмцевъ 1⁰/₀, татаръ 21⁰/₀ калмыковъ 2⁰/₀

Заселеніе Ставропольской губ. особенно сильно началось съ 1760 г. Съ 1770 г. правительство начало принимать участіе въ переселенцахъ. Въ 1773 г. Потемкинъ устроилъ такъ называемую тогда моздокско-азовскую линію, проходившую изъ Екатеринограда чрезъ Георгіевскъ, Александровскъ, Ставрополь, Безопасное и сред. Егорлыкъ до Азова. Селились, большею частію по Кумлѣ, мѣщане, однодворцы и крѣпостные; напр., извѣстное своимъ богатствомъ село *Воронцовка*, Пятигорскаго уѣзда, заселено крѣпостными гр. Воронцова; неуступали Воронцовкѣ въ зажиточности и другія села: *Масловъ Кумъ*, *Прасковья*, *городъ св. Креста (Маджара)* и проч. Обиліе земли и вообще приволье сдѣлали то, что богатство жителей въ немногое число лѣтъ возрасло почти въ небывалой на Руси степени. Мечта Генриха IV о томъ чтобы французскій крестьянинъ имѣлъ каждый день супъ изъ курицы, здѣсь осуществилась съ избыткомъ. Во всѣ скоромные дни здѣсь крестьянинъ имѣлъ не только курицу, но даже говядину и свинину. Къ несчастію, какъ мы сказали выше, принятая тогда система награды, въ видѣ раздачи крестьянъ, нашла себѣ мѣсто и здѣсь, и въ концѣ царствованія Екатерины большинство крестьянъ Ставропольской губерніи было обращено въ крѣпостные.

Дорога отъ Ростова до Ставрополя. Версть 338; станцій 16: *Аксай* (10), *Максинская* (17), *Мокробротаевская* (18), *Качалинская* (18), *Новопротопоповская* (22), *Меркуловская* (21), *Грязнуха* (16), *Средне-Егорлыкская* (27^{1/4}), *Песчанокопская* (25), *Льтницкая* (22^{3/4}), *Медвѣжинская* (24), *Преградная* (23), *Безопасная* (21), *Донская* (20^{1/4}), *Московская* (15), *Русская* (13^{1/4}). *Средне-Егорлыкская станція* стоитъ на границѣ Ставропольской губ. и Земли войска донскаго.

Станціи плохи, какъ и вообще внутри Россіи по тѣмъ дорогамъ, гдѣ нѣтъ шоссе, и на нихъ, кромѣ самовара, молока и яицъ, ничего не достанешь. Вода дурная. *Аксай*—богатая станица и станція желѣзной дороги, въ 12 верстахъ отъ Ростова, на правомъ, возвышенномъ берегу Дона, напоминаетъ собою наши прирѣчныя промышленныя и торговыя села: тѣ же лавки, тѣ же трактиры и харчевни и та же грязь на улицахъ; главная торговля Аксая—донская рыба. Съ почтовой станціи, стоящей выше всей станицы, прекрасный видъ на Донъ, по которому ходятъ пароходы и небольшія барки, и на противоположный луговой берегъ, поросшій на нѣскольکو верствъ высокимъ камышемъ; чрезъ него отъ моста тянется шоссированная дамба вплоть до слѣдующей *Махинской* станціи. Лѣвый берегъ, въ маломъ видѣ, представляетъ собою непроходимые кубанскіе плавни. Въ камышахъ пропасть всякой дичи, а лѣтомъ попадаютъ даже и кабаны, заходящіе съ Маныча. Вечерними зорями надобно остерегаться лихорадки, которою болотистый берегъ можетъ наградить путешественника совершенно неожиданно. Отъ *Махинской до Мокробротаевской* станціи идутъ низменные солонцы, поросшіе осокой и болотной травой. Весной и во время дождей осенью они

наполняются сплошь водой и кишатъ пролетной дичью, отъ голосовъ которой, что называется, стонъ стоитъ въ воздухѣ.

Далѣе идетъ неоглядная степь. Рѣдкія станицы, поселенныя по дорогѣ, отстоятъ одна отъ другой на цѣлыя десятки верстъ; дома ихъ, крытые соломой и обмазанные желтой глиной, представляютъ что-то среднее между великорусской избой и малороссійской хатой. Меньшую часть степи составляютъ засѣянные поля и залежи; на всемъ пространствѣ, которое можетъ только окинуть глазъ, видны безчисленные стога и скирды, которые складываются и молотятся въ полѣ. По степи пасутся громадныя гурты превосходной скотины. Овцеводство небольшое, тонкорунныхъ овецъ вовсе нѣтъ. Небольшое количество казачьихъ землевадѣльцевъ-собственниковъ не занимается ихъ разведеніемъ по дороговизнѣ зимнихъ помѣщеній и заготовки корма на зимнее время, которое бываетъ иногда очень сурово, а главное, кажется, по непривычѣ. Дорога пустынна. Лѣтомъ, кромѣ почтовыхъ каретъ и проѣзжающихъ, вы встрѣтите гуртовщика, въ его походной кибиткѣ, съ образкомъ, вдѣланнымъ въ передней части волчка, и съ пучкомъ ковыля, привязаннымъ къ тому же волчку въ видѣ украшенія; за кибиткой слѣдуетъ нѣсколько злыхъ гуртовыхъ собакъ овчарокъ; попадутся вамъ солдаты, богомольцы и богомолки, большею частію малороссы, плетущіеся въ свой родной Кіевъ съ котомками за плечами; торговаго движенія почти никакого. Мѣстность незамѣтно понижается до *средняго Егорлыка*, гдѣ, также какъ на станціяхъ *Меркуловской* и *Грязнухъ*, весною царствуетъ, въ полномъ смыслѣ, невылазная грязь. Садики есть только въ *маломъ Егорлыкѣ*. При переѣздѣ въ Ставропольскую

губернію (съ средне-Егорлыцкой станціи), подошва сѣвернаго склона Кавказскаго хребта сказывается развѣ только тѣмъ, что грязь здѣсь просыхаетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ въ только что оставленныхъ Донскихъ степяхъ. По *большому Егорлыку*, на которомъ лежатъ станціи: *Льтницкая*, *Медвѣжинская* и *Преградная*, довольство жителей малороссовъ бросается въ глаза. Большіе запасы скирдовъ пшеницы, гурты овецъ и стада превосходной скотины подтверждаютъ это; нѣкоторые изъ жителей имѣютъ на хуторахъ до 5 тысячъ овецъ; пчеловодствомъ и садоводствомъ не занимаются, — исключеніе составляютъ только богатые села *Богомолово* и *Привольное*, лежащія между Медвѣжинскимъ и Льтнимъ; картофеля тоже не сѣютъ. Выбѣленные, крытые соломой подъ щетку хаты напоминаютъ Малороссію, — только построены онѣ въ линію улицами по великорусски, а не въ разбросъ. Заборы большею частію изъ высокаго камыша, растущаго по берегамъ рѣкъ. Между *Преградной* и *Безопасной* переѣзжаютъ *бол. Егорлыкъ*; переѣхавши его, ѣдутъ, вплоть до станціи, по сквернѣйшей дорогѣ, по солончакамъ (впрочемъ, теперь тутъ устраивается шоссе). Въ *Безопасномъ* живутъ нѣсколько русскихъ купцовъ. Ихъ дома, съ зелеными желѣзными крышами, землебитные заборы и каменные столбы, въ которыхъ утверждены ворота, крытые навѣсомъ, рѣзко отличаются отъ мѣстныхъ строеній. Подъ Ставрополемъ мѣстность начинаетъ уже терять степной характеръ; появляются лѣсочки и овраги; почва превращается въ каменистую и возвышается очень замѣтно.

СТАВРОПОЛЬ

Гостинницъ нѣсколько: въ нижнемъ городѣ на Александровской улицѣ *Европа* и „*Русское хлѣбосолецтво*“; послѣдняя лучше; въ верхнемъ городѣ—*Варшава*, одного хозяина съ „*Русскимъ хлѣбосолецтвомъ*.“ На почтовой станціи можно имѣть довольно хорошій и сытный обѣдъ. При Екатеринѣ II, въ то время, когда заселялась и устроивалась вся линія отъ устьевъ Кубани до устьевъ Терека, вмѣстѣ съ другими крѣпостями заложена была и крѣпость Ставрополь, нынѣшній губернский городъ. Онъ выстроенъ на каменистой возвышенности, лежащей лежащей на 2,500 ф. надъ поверхностью моря. Климатъ въ этой мѣстности здоровый и умѣренный; туманы часто не позволяютъ видѣть цѣпи снѣжныхъ горъ, которыя въ ясную погоду представляются отсюда, въ видѣ бѣлыхъ облаковъ, на южномъ горизонтѣ. Ставрополь одинъ изъ лучшихъ или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нашихъ хорошихъ губернскихъ городовъ, и въ его лавкахъ можно найти все, что только можно найти въ этихъ послѣднихъ. По своему виду онъ скорѣе всего напоминаетъ Кіевъ. Послѣ степи глазъ съ удовольствіемъ отдыхаетъ на стройныхъ пирамидальныхъ тополяхъ, на зелени бульвара и красиваго городского сада; нѣкоторыя улицы вымощены, а въ нѣкоторыхъ плитнякъ, на которомъ выстроенъ городъ, образуетъ натуральную мостовую. Во время дождей, весною и осенью, городъ, также какъ и всѣ наши другіе города, изобилуютъ грязью. Въ немъ есть и хорошій соборъ, съ красивой лѣстницей изъ мѣстнаго камня, и театръ, и большія площади, и, однимъ словомъ, все, чѣмъ отличаются наши хорошіе губернскіе города. Кромѣ того, въ Ставрополѣ есть бани, персидскія и русскія (въ Александровскомъ переулкѣ).

Отдѣленіе 2-е.

Такъ какъ я въ 1872 году былъ свободенъ отъ занятій на всѣ семь недѣль великаго поста и на пасху, то и рѣшился привести въ исполненіе свое давнишнее желаніе съѣздить на Кавказъ, не смотря на то, что мартъ и первая половина апрѣля считаются почти невозможнымъ временемъ для путешествій по всей Россіи. Я слышалъ, что Закавказье восхитительно въ апрѣлѣ — ну, чтожъ! стоило похлопотать и изъ за этого. Кто любитъ путешествовать, тотъ не долженъ бояться дорожныхъ неудобствъ; неудобства случаются и въ прогулкѣ по Европѣ, а на здороваго человѣка даже тряска на перекладной въ дождь и слякоть дѣйствуетъ живительно; по крайней мѣрѣ, такъ до сихъ поръ бывало со мной. Итакъ съ Богомъ! Сговорившись ѣхать вмѣстѣ съ художникомъ М., мы рѣшили отправиться чрезъ Ростовъ, осмотрѣть Военно-грузинскую дорогу, Тифлисъ и, проѣхавъ чрезъ Сурамскій переваль въ Поті, возвратиться на пароходѣ въ Одессу; два мѣсяца не много, но все таки достаточно для этого путешествія. На предположенномъ пути мы рисковали встрѣтить невылазную грязь между Ростовомъ и Ставрополемъ (что, дѣйствительно, и случилось). Эту грязь, состоящую изъ растворившагося глинистаго чернозема нашихъ южныхъ степей, я зналъ по опыту; она такова, что, странствуя весною 1856 года между Одессой и Николаевымъ, я на парѣ здоровыхъ лошадей, запряженныхъ въ походную кибитку, дѣлалъ не болѣе 15 верстъ въ сутки. Мы также упустили Пятигорскъ, съ его сосѣдними минеральными водами, потому что мартъ слишкомъ раннее время для посѣщенія этихъ мѣстъ,—но за то апрѣль мы проводили въ Закавказьѣ и въ концѣ этого мѣсяца могли увидѣть южный берегъ Крыма. Если же мы вздумали бы начать путешествіе чрезъ Одессу въ Поті и оттуда въ Ростовъ, то, кромѣ бурнаго плаванія по Черному морю, мы посѣтили бы Закавказье въ очень раннее время, т. е. въ мартѣ, и Пятигорскъ съ его водами не вознаградили бы насъ за эту потерю; кромѣ того, въ мартѣ пароходы ходятъ между Одессою и Поті въ 2 недѣли одинъ разъ, а мы не могли терять времени въ ожиданіи отплытія. Всѣ эти обстоятельства, и въ особенности послѣднее, заставили насъ поѣхать чрезъ Ростовъ. Отсюда, слышалъ я, ходятъ diligences до Тифлиса, но когда и какъ—объ этомъ я въ

Москвѣ не могъ получить никакихъ свѣдѣній. Изъ „Паровоза“, изданнаго за февраль 1872 года, я узналъ только росписание рейсовъ пароходовъ „Русскаго общества пароходства и торговли“, утвержденное еще на 1871 годъ, а свѣдѣній о сообщеніяхъ между Ростовомъ и Тифлисомъ отъ „Паровоза“ и требовать, конечно, было нечего.

Итакъ 28 февраля, въ чистый понедѣльникъ, мы съ М. выѣхали изъ Москвы по Рязанской желѣзной дорогѣ. Тутъ—благослови Господи—намъ готовился сюрпризъ: по „Паровозу“ прямой поѣздъ до Ростова отходить изъ Москвы въ 12 ч. дня, а на дѣлѣ онъ отходить въ 12 ч. вечера. Изъ этого видно, какою полнотою и аккуратностью отличаются у насъ свѣдѣнія для путешествій; это не то, что нѣмецкій Hendschel's Telegraph, въ которомъ даже и о нашихъ жел. дорогахъ сказано едва ли не полнѣе, чѣмъ въ „Паровозѣ“.

Недавно открытая Воронежско-Ростовская жел. дорога въ то время принадлежала къ числу самыхъ неисправныхъ дорогъ. Вагоновъ было мало, такъ что пассажиры, приѣхавшіе Богъ знаетъ откуда, изъ степи, часто не находили мѣстъ на поѣздѣ и должны были оставаться на станціи до слѣдующаго дня, потому что пассажирскій поѣздъ ходилъ одинъ разъ въ сутки. А кто могъ поручиться, что и тогда они могли найти себѣ мѣсто? Конечно, болѣе другихъ терпѣть бѣдный 3 классъ. Буфеты были плохи до крайности. Такъ какъ наклоны по этой дорогѣ круты, то для того, чтобы ѣхать съ должной скоростью, необходимо разводить самый сильный огонь. Изъ трубы локомотива сыпалась такая масса горящихъ углей, что просто страшно становилось. Такого огненнаго ливня я не видѣлъ нигдѣ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, объясняли это явленіе крутизною наклоновъ. Страхъ нашъ былъ не напрасенъ: на станціи Лиски загорѣлась крыша нашего вагона; желѣзо, покрывавшее ее, было плохо, и въ дыру набились горящіе угли; хорошо еще, что это случилось на станціи, а не во время ѣзды. Тлѣющую крышу залили водой, въ дыру набили сѣбгу—и поѣхали дальше, захвативъ на всякій случай ушатъ съ водою. Онъ оказался не лишнимъ: не прошло и пяти минутъ, какъ въ вагонъ черезъ крышу снова посыпались искры. Давай ушатъ! Принимаются заливать, но скоро начинаетъ пробиваться настоящее пламя, дымъ

такъ и валить, а поѣздъ летитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Можете представить положеніе пассажировъ! Всѣ схватываютъ поклажу, толпятся у дверей, нѣкоторые даже собираются прыгать изъ вагона. Наконецъ, поѣздъ останавливается, крышу разламываютъ желѣзнымъ ломомъ, — оказывается въ ней между желѣзомъ и деревомъ набилось столько горящихъ углей, сколько помѣщается ихъ въ доброй голландской печкѣ. Крыша разломана, полъ весь улитъ водой — все въ порядкѣ! Поѣздъ двигается и приходитъ благополучно на станцію, на которой, послѣ долгихъ разговоровъ, злополучный вагонъ отцѣпляется и пассажиры размѣщаются по другимъ вагонамъ.

Мы ѣдемъ *Землею войска донскаго*, нынѣ переименованною въ область. Холодно и снѣгу больше, чѣмъ было въ Москвѣ при нашемъ отъѣздѣ. До станціи *Лиски* еще попадаются кое-гдѣ лѣсочки, а дальше начинается голая степь. Вдоль рельсоваго пути, по дорогѣ, покрытой густой грязью, смѣшанной со снѣгомъ, мучатся ѣдущіе куда то на лошадахъ и валахъ казаки и крестьяне. Въ селахъ и хуторахъ ни прутика; заборы всѣ изъ камня. Земля гибель, а скотоводства, сравнительно, мало; если кто имѣетъ 2 пары валовъ и можетъ самъ обрабатывать землю, не складываясь съ сосѣдями, тотъ считается богатымъ. Что причиною этого невеселаго явленія? Причинъ, конечно, много, но главная, по всей вѣроятности, это отживающее свой вѣкъ военное устройство казачьяго сословія. Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ сюда стало пріѣзжать много рабочихъ изъ Россіи; запашки увеличались и увеличиваются такъ, что прежнія нераспаханные степи скоро будутъ преданіемъ. Казакъ, который засѣвалъ прежде лишь столько, на сколько хватало своихъ собственныхъ силъ, теперь засѣваетъ рабочими вчетверо. Казалось бы, что и благосостояніе жителей должно возрастать въ такой же пропорціи, а между тѣмъ на дѣлѣ этого вовсе нѣтъ. Слышны общія жалобы на рабочихъ, получающихъ здѣсь въ дѣловую пору до 18 р. въ мѣсяцъ. Рабочій не нанимается безъ того, чтобы не забрать впередъ деньги, которыя необходимы ему на уплату податей, а получивъ ихъ, работаетъ, разумѣется какъ ни попало, а не то и совсѣмъ уйдетъ — исторія, извѣстная во всей Россіи.

Земля войска донскаго составляетъ общинную войсковую собст-

венность, но казачьимъ офицерамъ отводились земли и въ частную собственность (*оберъ-офицерамъ 200, штабъ-офицерамъ 400, а чераламъ 800 десятинъ*). Многие изъ получившихъ участки распродаютъ ихъ отъ неумѣнья, нежеланья, а иногда и отъ невозможности хозяйничать,—и такимъ образомъ среди казачьяго сословія появляются посторонніе землевладѣльцы. Казачій духъ, по отзывать самихъ казаковъ, исчезаетъ, и мирная жизнь начинаетъ предпочитаться военной. Исторія и здѣсь неуклонно дѣлаетъ свое дѣло.

Со многими помѣщиками, купившими казачьи участки, повторяются тѣ же случаи, что нерѣдко бывали и въ Россіи вскорѣ послѣ эмансипации, т. е., рассчитавъ заранѣе ожидающія ихъ выгоды, они принимаются хозяйствовать рационально и рационально же разоряются. Земля сдается здѣсь отъ 1 до 4 рублей въ годъ кругомъ за пахотныя и залежныя десятины. Цѣна не маленькая! Работаютъ волами, потому что здѣшній бурьянъ имѣетъ здоровые корни и не поддается сохѣ. Невольно вспоминается нашъ благодатный черноземъ средней полосы Россіи, гдѣ двѣ скверныя крестьянскія лошаденки обрабатываютъ двумя сохами десятину въ день. Пашня, конечно, не глубока (да глубокая то въ другихъ мѣстахъ, пожалуй, и испортитъ навсегда землю, выверотивъ наружу глинистую подпочву), но ударъ во время дождь—и дѣло сдѣлано. Главное — успѣть посѣять, когда земля еще сочна, т. е. стараться посѣять какъ можно скорѣе, пока еще не успѣлъ высохнуть быстросохнущій черноземъ. И чѣмъ бы благодарить матушку-соху, дающую возможность дѣлать въ черноземной полосѣ быстрыя запашки съ малыми средствами, у насъ нѣкоторые толкуютъ о замѣненіи ея, какъ допотопнаго орудія, плугомъ, которымъ работа въ нѣсколько разъ медленнѣе.

Около богатой и торговой, лежащей на Донцѣ, *Каменской станицы* (станціи) разрабатывается каменный уголь; изъ предпринимателей, разумѣется, много евреевъ.

Чѣмъ ближе къ Ростову, тѣмъ больше разговоръ про каменноугольныя копи. Разговоръ ведется большею частію съ сильнымъ еврейскимъ агентомъ. Перваго марта, въ 10 часовъ вечера, прибыли мы на станцію Шахтную или Шахты, главный центръ каменноугольныхъ копей. (*Описание—см. глава I-я, отдѣленіе 1: Шахт-*

ная станція). Ночь была, что называется, хоть глаз выколи. Близъ Шахтной чуть-чуть виднѣлись только очертанія деревянныхъ построекъ для рабочихъ; въ кабакахъ, которыхъ, разумѣется, полное изобиліе, свѣтились огни. Рабочіе почти всѣ изъ Россіи, и казаки составляютъ исключеніе. Поѣздъ не опоздалъ, и въ 12 ч. ночи мы прибыли въ *Ростовъ*.

Станція была биткомъ набита пассажирами, ожидавшими нашего поѣзда, чтобъ ѣхать въ Новочеркасскъ. Товарищъ мой пошелъ получать багажъ, а я нанимать извозчиковъ. Предъ тускло освѣщеннымъ крыльцомъ стояло цѣлое озеро воды и грязи, на берегу котораго виднѣлись три извозчичьихъ экипажа, хозяева же ихъ, при свѣтѣ фонаря, занимались преслѣдованіемъ въ озерѣ крысы. „Извозчикъ!“ Въ отвѣтъ на это:— „Стегай ее, Ванька, стегай! У-лю-лю-лю!“ И всѣ трое бросились въ лужу, крича и преслѣдуя съ ожесточеніемъ ударами кнутовъ несчастнаго звѣря. Я ясно видѣлъ, что раньше окончанія крысоловнаго промысла мнѣ не добиться никакого отвѣта и потому рѣшился ждать. Наконецъ, промыселъ увѣнчался успѣхомъ и крыса была убита. „Извозчикъ!“ — „Чего?“ отвѣчалъ одинъ изъ промышленниковъ, повернувъ ко мнѣ голову. „Въ гостинницу—сколько возьмешь?“ — „Четыре цѣлковыхъ!“ Другіе захохотали.— „У! проклятая!“ прибавилъ отвѣтившій мнѣ возница, начавъ вновь хлестать кнутомъ по тому мѣсту, гдѣ предполагался убитый звѣрь. „Что ты это? Въ умѣ ли?“ — „А извѣстно, въ умѣ! Да намъ и ѣхать то нельзя, потому мы всѣ заняты и билеты у насъ, стало быть, тоже отобраны“. — „Давайте я васъ свезу,“ прибавилъ другой.— „Куда, чортъ этакой, свезешь? А сѣдоки то?“ закричали товарищи. И пошло дружеское руганье, которому и конца не предвидѣлось! Съ смущеніемъ вернулся я къ моему товарищу, котораго и нашелъ возсѣдающимъ на багажѣ въ самомъ плачевномъ расположеніи духа. Что было дѣлать? Ночевать на станціи послѣ двухдневнаго путешествія? Совсе не весело. Къ счастью нашему, отыскалась ломовая телѣга. Помѣстивъ на нее нашъ багажъ и помѣстившись надъ нимъ, чтобъ не растерять его по дорогѣ, на четверенькахъ (положеніе, въ которомъ навѣрное ни одинъ путешественникъ по Европѣ не переѣзжалъ со станціи желѣзной дороги въ отель), по непроходимой грязи и испытывая невѣроятныя толчки, мы на этомъ оригинальномъ омнибусѣ пере-

ѣхали въ ближайшіе номера Таманцева, отстоящіе отъ вокзала не далѣе 1¹/₂ версты. Номера оказались хорошими, и мы, поужинавъ съ отличнымъ аппетитомъ, успѣли успокоиться послѣ этого костоломнаго переѣзда. На другой день намъ сообщили, что почтовые экипажи въ это время не ходятъ вовсе, и что ожидающая насъ дорога ужасна. Единственно возможный способъ сообщенія была перекладная телѣга. Раскаянiе было бесполезно, а ждать, пока исправится дорога, мы не имѣли времени. Ёзжалъ я не мало на перекладной въ былые годы и потому не особенно испугался этого извѣстія; меня пугали только рассказы про задержки на станціяхъ. Мы остались въ Ростовѣ на сутки. Бродя по городу для дорожныхъ закупокъ, мы не разъ приносили благодарность нашимъ охотничьимъ сапогамъ, позволявшимъ намъ безбоязненно шагать по грязи.

Второго марта, мы, нанявъ съ вечера извозчика, въ 4 часа утра поѣхали по желѣзной дорогѣ и чрезъ полчаса были въ *Аксаъ*.

Молодой казакъ, представлявшій собою скорѣе толстопятую пензу (насмѣшливое солдатское прозвище, данное неуклюжимъ пензенскимъ рекрутамъ), чѣмъ лихаго донца, взвалилъ наши вещи на ломовую телѣгу и потащился по глубочайшей грязи въ гору, на почтовую станцію. Вздумавъ еще, на бѣду, проѣхать по ближайшей дорогѣ, онъ полѣзъ прямикомъ, — лѣзъ, лѣзъ, да такъ таки и не долѣзъ. Вещи наши донесли уже до станціи ямщики, увидавшіе издали, съ горы, наше бѣдственное положеніе. Толстопятый, не хуже русскаго извозчика, не устыдился еще пристать къ намъ съ просьбой о пожалованіи ему за благополучный переѣздъ гривенника на водку.

Со станціи видѣнъ былъ противоположный берегъ, поросшій, верстъ на 12, дремучимъ камышемъ, убѣжищемъ дичи въ лѣтнее время. Донъ готовъ былъ тронуться, но, къ счастью нашему, переѣздъ чрезъ него еще не прекращался. Во льду виднѣлись рыболовныя суда и значки перекинутыхъ чрезъ рѣку снастей. Рабочіе строили у лѣваго берега плашкоутный мостъ. Черная полоса дороги тянулась черезъ рѣку и соединялась съ дамбой, насыпанной чрезъ камыши. Спустившись съ крутаго берега, ради безопасности, пѣшкомъ и перешедши Донъ, мы, благословясь, пустились въ давно ожидаемое путешествіе. Насъ пугали особенно рассказами о грязи близъ средняго Егорлыка. Ну, что то будетъ?

До *Магинской* станціи мы проѣхали благополучно, земля еще не распустилась; ѣхали не по дамбѣ, а стороной. Неулетающіе отсюда на зиму грачи летали съ радостнымъ крикомъ, чуя шедшую весну. Стаи утокъ поднимались съ начинавшихъ растаивать плесовъ и съ свистомъ носились надъ камышами, огромные коршуны и орлы медленно описывали свои воздушные круги. Ямщикъ, родомъ изъ Курской губерніи, рассказывалъ мнѣ, что еврей, содержатель станціи, устроилъ на ней для переминая ячменю такую машину, какой здѣсь никто и не видывалъ; всеобщимъ удивленіямъ машинѣ, по его словамъ, не было конца. Любопытствуя узнать, что это такая за невиданная диковинка, я пошелъ посмотрѣть и увидѣлъ простую дробилку съ приводомъ, въ которомъ ходила слѣпая лошаденка. Дробилка въ здѣшнихъ мѣстахъ была диковинкой.

Слѣдующая станція—*Мокротаевская*. Что бы такое, думалъ я, могло означать это названіе, очевидно составленное изъ словъ: *мокрота* и *ботать*? Неужели оно предувѣдомляетъ путешественника, что ему придется *ботать по мокротѣ*? Совершенно! Тотчасъ же за станціей начинаются солонцоватыя болота, покрытыя въ весеннее и дождливое время водой. Ызда черезъ нихъ лучше, чѣмъ по большой дорогѣ, остающейся вправо; по ней двигаются только пѣшеходы, не желающіе брести по колѣна въ водѣ. Болота продолжаются версть на 5, и, проѣзжая черезъ нихъ, мы, обдаваемые брызгами, только и слышали, что боты, боты, боты! Вы, конечно, читатель подумаете, что я испытываю непріятное чувство, вспоминая про это ботанье? Совсѣмъ напротивъ: то, что я видѣлъ, проѣзжая этими болотами, заставляетъ меня вспомнить про нихъ съ истиннымъ наслажденіемъ. Начался весенній пролетъ дичи, и болота были покрыты ею сплошь. Сотни тысячъ утокъ сидѣли по болоту. нѣкоторыя взлетывали чуть не изъ подъ копытъ лошадей; быстрыя, какъ пущенный зарядъ дробы, стаи чирковъ налетали на насъ и съ свистомъ, сдѣлавъ мгновенный поворотъ въ сторону, исчезали Богъ знаетъ гдѣ; тяжелыя кряквы, шелуховстики, широконоски, чернядь и проч., слетѣвъ съ чистой водяной полосы, означавшей дорогу, опускались, пролетѣвъ нѣсколько десятковъ сажень; сторожкіе гуси и еще болѣе сторожкіе лебеди держались вдали; жалобный крикъ неотвязныхъ чибисовъ, пристававшихъ къ намъ съ своимъ вѣчнымъ вопросомъ: чьи вы? чьи вы? не прекращался ни на минуту. Крикъ

стоялъ и на землѣ и въ воздухѣ. Слышится тихое гоготанье, поднимаешь голову и видишь, какъ, медленно колыхаясь, двигаются стаи гусей, какъ отдаленный окликъ часового, раздается протяжное— курлы! всматриваешься, это журавли, еле еле видными трехугольниками, съ вожакомъ впереди, тянутся подъ облаками; массивныя драхвы, медленно махая крыльями, летять молча; надъ выдающимися изъ воды островками трясутся въ воздухѣ и распѣваютъ жаворонки. Всѣ эти мирныя и прекрасныя отряды двигаются по одному направленію на сѣверъ. На какой точкѣ пространства, между Чернымъ и Ледовитымъ морями, они остановятся и разобьются на счастливыя пары? И многимъ ли изъ нихъ суждено уцѣлѣть отъ выстрѣла охотника и вернуться осенью тѣмъ же путемъ и на ту же зимовку?

На чернѣющейся вправо гати большой дороги, какъ точки, подвигаются пѣшеходы,—это народъ идетъ наниматься въ пастухи въ Черноморье; на встрѣчу имъ двигаются такія же точки,—это безсрочныя солдатики, возвращающіеся съ Кавказа, и богомольцы; кибитки гуртовщиковъ, сопровождаемыя гуртовыми собаками, ѣдутъ по одной дорогѣ съ нами; невольно представляется вопросъ: какихъ жертвъ и какихъ денегъ должна была стоить Кавказская война при такихъ путяхъ сообщенія?

За солонцами дорога пошла неоглядной степью, по которой стоять безчисленныя стога; вдали на горизонтѣ, какъ стада американскихъ бизоновъ, гуляютъ по начавшей уже зеленѣть густой травѣ громадныя гурты рогатаго скота; пашни не много, все больше степь или залежь, въ иныхъ мѣстахъ видны ряды и кучи пшеницы, неубранной съ осени, по недостатку рукъ. Мы перегоняемъ рабочихъ, плетущихся въ Черноморье; это Русь съ открытіемъ весны двинулась на заработки.

Дорога становилась съ каждой верстой все грязнѣе и грязнѣе. Солнце садилось, когда мы доѣхали до *Качалинской* станціи. При выѣздѣ изъ нея любуемся превосходной скотиной, возвращающейся домой; ямщикъ сворачиваетъ въ степь, вправо. „Куда ты?“ — „А степью поѣдемъ; степью то, не такъ грязно.“ „И мы въ самомъ дѣлѣ погружаемся въ степь. Скоро насъ охватываетъ темнота, но потомъ загораются звѣзды и встаетъ мѣсяцъ. Холодна степь; отъ росы она блеститъ серебромъ при лунномъ свѣтѣ. Вполовину освѣщенные

стога представляются какою то фантастической цѣлью застрѣльщикова. Мы ѣдемъ полевыми колейными дорогами, которыя, перекрещиваясь, сбиваютъ иной разъ съ толку даже и нашего опытнаго возницу. Я начинаю дремать, спутникъ мой бесѣдуетъ съ ямщикомъ, и ихъ разговоръ вмѣстѣ съ звяканьемъ колокольчика то ясно долетаетъ до моего слуха, то теряется гдѣ то въ отдаленіи. Я вслушиваюсь: „ты здѣшний?“ — „Нѣтъ, изъ Расей, — мы всѣ здѣсь расейскіе“. „А изъ казаковъ ямщиковъ нѣтъ?“ — „Кто имъ велитъ! Вишь, что у нихъ земли то?“ „Да зачѣмъ же вы такъ далеко заходите?“ — „А не зайдешь, такъ и податей не будетъ чѣмъ заплатить, баринъ. Они изъ насъ работниковъ наймаютъ. Обнаковенно работникъ вездѣ нашъ братъ расейской.“ „За то они служатъ.“ Толчекъ! Я открываю глаза и вижу освѣщенное мѣсяцемъ лицо ямщика, которое смотритъ насмѣшливо черезъ плечо на моего спутника. — „А мы то ништо ни служимъ? Ты спроси лучше, кому мы не служили то, баринъ! Эй вы, любезные!“ Дорога стелется скатертью, слышно только звяканье колокольчика; мною опять овладѣваетъ дремота. „Неужто, слышится снова, такъ таки всѣхъ и перебилъ?“ — „Какъ теть, 12 штукъ всѣхъ. Кульеромъ онъ, значить, фхаль... Въ ночь ео шла изморозь, а къ утру и заморозило, крѣпко таково заморозило то! Только ѣдемъ мы этто, а ихъ цѣлыхъ 12 штукъ у дороги то и сидитъ...“ „Драхвовъ?“ „Знамо, драхвовъ. Здоровенныя, шельмы, такія! Какъ онъ выхватить это ружье, да шарахъ! Такъ двухъ и повалилъ на мѣстѣ! Остальныя бѣжать! Стой, говорить, стой! Не уйдутъ! Крылья обледенѣли! Пошелъ! А самъ заряжаетъ ружье. Пошелъ, говорить, валяй за ними во всю ивановскую! Врутъ! Не уйдутъ! Хошь опоздаю, а ужъ потѣшу свою душеньку — не упушу! Валяй за ними! Онѣ отъ насъ этто, а мы подскачемъ — шарахъ! Тутъ, значить, и есть! Часа два мыкались мы съ нимъ по степи-то — всѣхъ перебилъ, такъ и навалаля полну телѣгу. Ну, говорить, сроду такъ не охотился! на, говорить, братецъ, цѣлковый на водку! Вотъ, хошь вѣрь, хошь нѣтъ, баринъ, а ни одинаго слова не вру!“ Я вздрагиваю отъ холода и открываю глаза: все тотъ же видъ, только луна поднялась выше, да звѣзды поблѣднѣли. „Что это такое?“ спрашиваетъ ямщика мой спутникъ, указывая на какой-то черный кругъ, виднѣющійся на степи. — „А это стога, баринъ, плугомъ опахиваютъ, для того, значить, что когда станутъ выжигать степь, такъ чтобы

сѣно не загоралось.“ „Э ге, ге, ге, думаю я, такъ вотъ это что! Такъ вотъ по какому кругу, во время ополченья, меня возилъ вскачь пьяный одесскій колонистъ Микель! Ну, теперь, понимаю!“ И мнѣ, севозь сонъ, вспоминается бывшее. Я вижу себя молодымъ ополченнымъ офицеромъ и, вмѣстѣ съ нашимъ дружиннымъ казначеемъ Ш., выѣзжаю изъ Одессы. Возница нашъ, колонистъ Микель, еще не выѣхавъ изъ города, останавливается у кабака. „Was haben sie, mein lieber Michel?“ спрашиваетъ его Ш.; Микель лукаво улыбается, подмигиваетъ и отвѣчаетъ:— „Ich werde ein Schnaps machen, mein lieber Herr.“ Сдѣлавъ шнапсъ, Микель самодовольно садится въ бричку, покрѣживаетъ, покуриваетъ трубочку и весело пощелкиваетъ бичемъ. Только что выѣхали изъ города, опять остановка у кабака. „Aber, mein lieber Michel, was machen sie doch?“— „Ich werde noch ein Schnaps machen, mein lieber Herr“, уже сурово отвѣчаетъ Микель, направляясь къ кабаку. Черезъ 2 версты опять остановка. „Aber, her Michel!“ съ ужасомъ вскрикиваетъ толстякъ Ш.— „Was?“ кричитъ на него, въ свою очередь, Микель: „ich muss noch ein Franzosische Schnaps machen, mein lieber Herr!“ Послѣ этого французскаго шнапса Микель выходитъ покачиваясь и ѣдетъ нѣсколько времени молча; потомъ онъ вдругъ останавливается и, оборотясь къ Ш., спрашиваетъ его строгимъ голосомъ, указывая на телеграфъ:— „Какой это струнъ?“ „Это не струна, lieber Michel, а проволока—телеграфъ, verstehen sie—телеграфъ?“— „Нѣтъ, это струнъ! А кто ихъ выдумалъ, тотъ булъ умаеть?“ „О да! его выдумалъ очень, очень умный человекъ!“— „А ежели я дѣлай, что мене нужно, я тоже умаеть? А я дѣлай, что мене нужно, стало булъ, я, для мене, больше умаеть. Halt! стой!“ крикнулъ онъ на лошадей, потому что дорога раздѣлялась на двое. „Помните ли вы дорогу, любезный Микель?“— „Я не Микель! я Микаль Ѳедорычъ! я помню это! я знай! Man muss napravъ! я это знай! я Микаль Ѳедорычъ!“ И съ этимъ словомъ поворачиваетъ налѣво. На всѣ наши убѣжденія мы получаемъ только одинъ отвѣтъ: „я Микаль Ѳедорычъ, я это знай!“ Вскорѣ мы совсѣмъ теряемъ дорогу, ѣдемъ Богъ знаетъ гдѣ и вдругъ наѣзжаемъ на вспаханный кругъ. „Вотъ онъ—дорогъ!“ вдругъ вскрикиваетъ Микель. „Пошель!“ Лошади, которыхъ онъ хлещетъ бичемъ, принимаются изо всѣхъ силъ скакать по кругу, Микель ихъ править, чтобъ не сбиться съ дороги, мы кружимся и насъ подбиды-

ваетъ во всѣ стороны. Отчаянные крики Ш. образумливаютъ наконецъ Микеля, онъ протираетъ глаза, ворчитъ: „Teuffel!“—и мы по-чuemъ въ степи. Теперь я узналъ, по какому кругу мыкался съ нами этотъ трезвый сынъ благородной Mutter-Германіи.

На *Новопротопоповской* станціи въ нашу перекладную телѣжку, въ которой, кромѣ насъ, было всего 2 чемодана клажи, намъ запрягали 5 лошадей, и мы тащились на нихъ до *Меркуловской* станціи (22 версты) цѣлые 9 часовъ. Недоѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Меркуловки, мы перегнали почту, шедшую на волахъ изъ Ростова,—она билась въ грязи и 7 паръ воловъ не могли вытащить одну телѣгу. Станція была биткомъ набита проѣзжающими, спавшими вповалку. Армяне, рискнувшіе выѣхать изъ Ростова въ своемъ экипажѣ, сидѣли здѣсь уже нѣсколько дней, а весь облѣпленный грязью тарантасъ ихъ, переднюю ось котораго не было видно, потому что она вся увязла въ грязи, стоялъ у подѣзда. На нашъ вопросъ: когда мы можемъ надѣяться получить лошадей,—смотритель отвѣчалъ съ улыбкой, что онъ знаетъ только одно, что раньше отправки почты мы ихъ ни за что не получимъ, почта же засѣла, и на выручку ей отправлено 7 паръ воловъ.—„Вы не горячитесь, господа, добавилъ онъ, а переждите лучше. Вчера одинъ полковникъ поѣхалъ въ Ставрополь; не отѣхалъ 5 верстъ, да и засѣлъ; воротился: не хочу, говорить, ѣхать въ Ставрополь, хочу опять назадъ ѣхать въ Ростовъ; поѣхалъ въ Ростовъ, да и тамъ тоже засѣлъ; вернулся! нѣтъ ужъ, говорить, это лучше какънибудь въ Ставрополь! Вотъ не ворочается что-то; надо полагать, что не засѣлъ больше“. „Да когда же можно будетъ ѣхать навѣрное?“—„А Господь ее вѣдаетъ! Вотъ, кабы пошелъ дождикъ, оно все бы полегче сдѣлалось, распустило бы грязь-то маленечко.“ „И часто здѣсь бываетъ такая дорога?“—„Нѣтъ, всего только вотъ эти двѣ недѣли весной, а то дорога хорошая. И вѣдь эдакая бѣда! хорошая дорога—нѣтъ проѣзжающихъ, а теперь вотъ, какъ на грѣхъ, ихъ и навалило!“ Сдавшись на эти доводы, мы, съ сокрушеннымъ сердцемъ, усѣлись за самоваръ.

Въ числѣ проѣзжающихъ былъ подполковникъ П. А. О., ѣхавшій изъ отпуска въ Дагестанъ, гдѣ онъ занималъ довольно значительную должность; съ нимъ ѣхалъ его нукеръ, молодой лезгинъ Хатуми-Оглы или, по-русски, Хатумиловъ (оглы—значить сынъ, и

русскіе замѣняютъ это слово окончаніемъ овъ), изъ селенія Кутиши (южнѣе Гергебля на правой сторонѣ Кази-Кумыскаго койсу). Отецъ Хатумилова держался русскихъ, за что былъ взятъ Шамилемъ въ Ведено и выкупленъ оттуда за 40 р. сер.; семейство его должно было продать для этого лучшей участокъ земли. Хатумиловъ довольно хорошо говорилъ по-русски. Горцы, и въ особенности лезгины, вообще отличаются блестящими способностями; И. А. говорилъ мнѣ, что разсказъ Руновскаго (*Записки о Шамилѣ*) о томъ, что нѣкоторые изъ горцевъ, жившихъ въ Калугѣ, научились въ нѣсколько мѣсяцевъ хорошо говорить и писать по-русски, совершенно вѣроятенъ. Нукеры получаютъ жалованье 15 р. сер. въ мѣсяць и должны затѣмъ уже имѣть все свое; отъ желающихъ служить нѣтъ отбою; кромѣ жалованья, довольно значительнаго для бѣдныхъ горцевъ, ихъ занимаетъ и самая служба, которая все-таки напоминаетъ имъ прежнее боевое время. Побавляются только они, какъ бы ихъ не стали брать въ солдаты.

Я съ искреннимъ удовольствіемъ вспоминаю про время, проведенное мною въ обществѣ милаго и добраго И. А. Горцы въ настоящее время, въ Чечнѣ и Дагестанѣ, начинаютъ совершенно мириться съ своимъ положеніемъ; молодежь еще скучаетъ о войнѣ, благо-разумнѣйшая же часть населенія вполне отдаетъ справедливость новой жизни предъ прежней, доведшей ихъ до совершеннаго истощенія. Ничтожныя подати (около 1 р. сер. съ дома), всѣ идущія на улучшеніе ихъ же страны, и справедливый народный судъ располагаютъ ихъ къ русскому правительству. Русское судопроизводство начинаетъ вводиться на Кавказѣ, и судъ по адату (обычаю) и шаріату (корану), также какъ и канла (кровомщеніе) остались лишь въ одномъ Дагестанѣ. Горцы принимаются за торговлю, къ которой они очень способны, и начинаютъ ходить въ Моздокъ и другіе города на заработки, доставляющіе имъ порядочную выручку. Всегдашнее полное вооруженіе осталось тоже лишь въ одномъ Дагестанѣ; въ остальныхъ же мѣстностяхъ уже довольствуются однимъ кинжаломъ и то не всегда. Не далеко уже то время, когда все оружіе горца будетъ висѣть спокойно на стѣнѣ его кунацкой.

Я упомянулъ про адатъ, шаріатъ и канла, — объясню подробнѣе эти слова.

Адатъ есть сводъ законовъ или обычаевъ, передававшихся изуст-

но изъ поколѣнія въ поколѣніе. Судьями обыкновенно выбирались старики, свѣдущіе въ адатѣ. Въ прежнее время кабардинскій адатъ считался лучшимъ и былъ принятъ почти всѣми черкесскими племенами. Съ принятіемъ черкесами магометанства, а на восточномъ Кавказѣ съ утверженіемъ власти Шамиля, сталъ вводиться, хотя и съ большимъ трудомъ, судъ по *шаріату*, т. е. по корану. Судъ этотъ былъ подчиненъ мулламъ и производился кадіями, зависѣвшими отъ мулловъ, уже вслѣдствіе одного знакомства послѣднихъ съ кораномъ. Прямая выгода заставляла Шамиля вводить судъ по шаріату, потому что это подчиняло горцевъ мулламъ, а слѣдовательно и самому Шамилю. Судопроизводство въ обоихъ судахъ было публичное, но очень часто совершенное отсутствіе исполнительной власти (кромя мѣстъ, подчиненныхъ Шамилю) заставляло недовольныхъ прибѣгать къ собственной расправѣ, т. е. къ оружію. Горецъ не можетъ сдержать движеніе своего, по его выраженію, большаго сердца. Противная сторона отвѣчала, разумѣется, тѣмъ же, — и вотъ, разыгрывалась *канла*, принимавшая иногда самые чудовищные размѣры. Г. Руновскій слышалъ отъ самаго Шамиля слѣдующее: лѣтъ 300 тому назадъ въ Мехтулинскомъ ханствѣ, въ аулѣ Кадарь, одинъ горецъ укралъ у другаго курицу; тотъ, въ отмѣстку за это, укралъ у него барана; за барана былъ украденъ волъ; за вола лошадь; за лошадь воръ поплатился жизнью, — и вотъ канла разыгралась во всемъ ея ужасѣ! Изъ-за курицы родственники противныхъ сторонъ вели промежъ себя счеты и рѣзались цѣлыя 300 лѣтъ! Шамиль, сберегая народъ для войны, старался цѣну крови замѣнить денежной пеней, но это не всегда удавалось; если же случалась мировая, то помирившіеся считались уже кровными братьями.

Въ 11 часовъ мы увидѣли почту, тащившуюся на волахъ. Въ сто воловъ на станціи подъ нее живо запрягли лошадей и, о радость! предлагаютъ намъ отправиться съ нею. Мы, конечно, не заставили себя упрашивать, а размѣстившись на 3 телѣгахъ, нагруженныхъ чемоданами и запряженныхъ каждая 6-ю лошадьми, двинулись въ путь. Никогда не забуду я этого переѣзда! Лошади тонуть по колѣни, ямщики ругаются между собою и ругаютъ всѣхъ и все на свѣтѣ, удары кнутовъ, всевозможныя проклятія, непрерывныя остановки — и это не переставая ни на минуту, въ продолженіе 8 часовъ, на разстояніи 22 верстъ. Иногда доходило даже со-

всѣмъ до смѣшнаго: напрімѣръ, нашъ ямщикъ ѣдетъ позади другихъ троекъ, потому что лошади его не послѣвають: „черти! дьяволы!“ кричить онъ надорваннымъ голосомъ, — „стойте! стойте! Батюшки мои, стойте! охъ, бѣда, тарантасъ сломался! что вы меня покидаете—чуть не плачетъ онъ—дьяволы вы эдакіе!“ Тѣ останавливаются, поджидаютъ и осматриваютъ тарантасъ или, проще, телѣгу—все оказывается невредимымъ. „Да гдѣ же онъ сломался-то?“ спрашиваютъ они съ недоумѣніемъ. Въ отвѣтъ на это слышится: „чортъ его сломаетъ, прости Господи! Вишь, какой спяпали, дьяволы эдакіе!“ Не надобно удивляться всей этой руготнѣ: при такой жизни и при такомъ мученіи, ямщику только и остается утѣшеніе, что одна брань. Къ вечеру, въ заключеніе, пошелъ дождь, и мы, всѣ измокшіе, добрались до *Грязнухи*, когда уже всѣмъ стемнѣло, и остались въ ней ночевать. Утромъ мы были разбужены невообразимыми ругательствами зрителя съ ямщиками. Хатумиловъ слушалъ, слушалъ и, наконецъ, сказалъ мнѣ, смѣясь: „это она какъ проснулась, такъ и Богу молилъ, намазъ творилъ, кабы нашъ черкесъ, да такъ ругалъ, черкесъ сейчасъ бы рѣзилъ.“ Кое какъ дотащились мы до Ставропольской губ., т. е. до *средняго Егорлыка*. Станція эта замѣчательна развѣ тѣмъ, что когда въ 30-хъ годахъ, послѣ Ермолова, подъ слабымъ управленіемъ генерала Эмануэля, дисциплина въ войскахъ и, въ особенности, кордонная служба пришла въ упадокъ, Вельяминовъ, заступившій мѣсто Эмануэля, вынужденъ былъ прибѣгнуть, для водворенія порядка, къ самымъ крутымъ мѣрамъ; между прочимъ, дошло до его свѣдѣнія, что казаки полка, стоявшаго въ Егорлыкѣ, сами занимаются грабежемъ. Вельяминовъ, не долго думая, отправилъ штабъ-офицера съ приказаніемъ пересѣчь весь полкъ поголовно, что и было исполнено. На встрѣчу намъ, разбредшись по полю и по дорогѣ и выбирая, гдѣ почва покрѣпче, растянулись и мучатся бесрочные солдатики. Безпрерывно попадаютъ кости павшихъ воловъ, почему мы и догадываемся, что это скотопрогонная дорога изъ Черноморья.

До *Песчаноконской* мы поѣхали верхомъ, а Хатумиловъ съ вещами на тройкѣ. Картины все тѣ же: толпы богомольцевъ малороссовъ тянутся въ Кіевъ. М. попросилъ у одной молодицы выпить и далъ ей за то 10 коп.; старуха, шедшая тутъ же, ужасно разсердилась, какъ смѣла та взять деньги, говоря, что—„воду

требѣ давать для Бога, а не за грѣши“, — и не успокоилась до тѣхъ поръ, пока та не объяснила ей, что взяла деньги на свѣчку. По мѣрѣ удаленія отъ средняго (вонючаго) Егорлыка, дорога съ каждой верстой становилась все суше и суше; мы удалялись отъ стога водъ и переѣзжали на незамѣтный еще для глаза, но ощутительный по быстро исчезающей грязи, Кавказскій склонъ. Перемѣна въ дорогѣ была поразительна, и мы ясно видѣли конецъ нашимъ бѣдствіямъ.

Глядя на незаселенныя кругомъ пустыни, невольно являлись въ умѣ пустыни Америки и способы ихъ заселенія. Не прикрѣпленный къ мѣсту американецъ, задумавъ переселиться на дальній западъ, продаетъ, не испрашивая ничего дозволенія, свой домъ и землю и отправляется на незанятая еще никѣмъ мѣста. Обозначивъ мѣтками облюбованный имъ участокъ и заплативъ правительству по 1½ доллара за акръ (немного менѣе нашей десятины), онъ становится полнымъ хозяиномъ занятаго имъ пространства, и уже никакая власть въ мѣрѣ не вправѣ посягнуть на прибрѣтенную имъ такимъ легкимъ способомъ собственность. Имѣя хотя небольшой запасный капиталъ и семейныя рабочія руки (необходимое условіе хозяйства, при отсутствіи наемныхъ работниковъ), онъ въ нѣсколько лѣтъ обрабатываетъ занятую имъ землю, перепродаетъ ее въдесятеро дороже, чѣмъ прибрѣлъ самъ, — и идетъ опять на новое мѣсто. Трудъ его щедро вознаграждается и полученнымъ доходомъ съ дѣвственной почвы, и барышемъ при продажѣ участка. Что удивительнаго, если при такой свободѣ переселенія, при такой легкости занятія земель и вообще при такомъ рациональномъ и свободномъ ходѣ дѣла, трудъ американскаго піонера вознаграждается съ лихвой, и ему, по большей части, удается, подъ старость, застаться порядочнымъ капиталомъ? Заселеніе Америки, при подобныхъ условіяхъ и при наплывѣ переселенцевъ изъ Европы, не можетъ идти иначе, какъ въ гигантскихъ размѣрахъ. Обогащеніе не удивительно, если трудъ оплачивается легко и съ избыткомъ, — удивительно оно, когда бываетъ совершенно напротивъ.

Въ первомъ отдѣленіи этой главы, говоря о Ставропольской губерніи, мы рассказали исторію ея заселенія и упомянули про быстрое обогащеніе ея переселенцевъ. Что житье нашихъ ставропольскихъ піонеровъ было не всегда безопасно, можно судить уже изъ

того, что еще въ первой четверти нынѣшняго столѣтія мѣста, лежація не по далеку отъ Георгіевска, напр. Круглолѣское (въ 1823 году), хуторъ Шашина, близъ Александрійской станицы (въ 1824 г.), и станица Солдатская, на Малкѣ (въ 1825 г.)—были подвержены набѣгамъ горцевъ; въ концѣ же прошлаго столѣтія, когда эти поселенія были еще на моздокско-азовской линіи, основанной Потемкинымъ, можно сказать навѣрное, что и поселенцы по Кумѣ, также какъ въ послѣднее время линейные казаки, должны были выходить на работу въ поле не иначе, какъ съ ружьемъ за плечами. Не принимая въ расчетъ калмыковъ, ногайцевъ и другихъ бродячихъ инородцевъ, мы скажемъ только: вѣдь не съ американскими же краснокожими, и въ самомъ дѣлѣ, можно сравнивать кавказскихъ горцевъ. Не смотря на это, русскіе пионеры, отбиваясь отъ непріятельскихъ нападений, богатѣли въ баснословныхъ размѣрахъ и продолжали бы богатѣть, еслибъ въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II надъ ними не разразилось вдругъ страшное и ничѣмъ не заслуженное несчастье: совершенно неожиданно они всѣ были объявлены крѣпостными.

Вѣроятно, повинности, наложенныя господами на своихъ новыхъ подданныхъ, сначала были легки, и поселенцы, волей-неволей, помирились съ своимъ положеніемъ. Не помирились съ нимъ только упрямые малороссы, жители села *Масловъ Куть*, доставшіеся господамъ Зотовымъ. Село это, населенное въ 1777 году изъ вольныхъ малороссовъ и однодворцевъ, отличалось предъ всѣми другими кумскими поселеніями своею зажиточностью: нѣкоторые изъ его жителей имѣли по нѣскольку сотъ штукъ рогатаго скота, по нѣскольку тысячъ овецъ и по нѣскольку десятковъ тысячъ рублей. Начались постоянныя волненія, но все это было въ малыхъ размѣрахъ до тѣхъ поръ, пока помѣщики, наскучивъ, вѣроятно, возиться съ упрямыми хохлами, не продали ихъ армянамъ Колонтаровымъ. Волненія послѣ того усилились и кончились печальнымъ усмиреніемъ маслокутовцевъ въ 1853 году. Здѣсь не мѣсто рассказывать подробности объ этой исторіи: желающіе могутъ прочесть ихъ въ статьѣ г. Руновскаго—Русскіе люди на Кавказѣ и за Кавказомъ (Заря, 1871 года, № 12). Порадуемся только, что эти событія сдѣлались въ настоящее время невозможными для нашего отечества — и навсегда.

Отъ *Липницкой* до *Медвѣжьей* дорога идетъ лѣвымъ берегомъ

большаго Егорлыка, запруженнаго около сель плотинами; берега рѣки поросли высокимъ камышемъ. Жители все малороссы. Овцеводство здѣсь уже въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ въ Землѣ войска донскаго, и нѣкоторые изъ крестьянъ имѣютъ на хуторахъ по нѣскольку тысячъ овецъ и рогатаго скота. Картофель сѣять здѣсь не въ обычаѣ и пчеловодства тоже нѣтъ, какъ и садовъ, исключая села *Богомолова*, которое, вмѣстѣ съ *Привольнымъ*, принадлежать къ числу богатѣйшихъ сель Ставропольской губерніи. Дорога въ однѣ сутки, словно по волшебству, сдѣлалась хорошей, и мы ѣдемъ со скоростью обыкновенной почтовой ѣзды.

Въ *Медвѣжьей* черезъ день должна была открыться ярмарка, и потому вся дорога до Преграднаго была занята тянувшимися навстрѣчу намъ валовыми фурами, большею частію съ превосходнымъ зеленымъ сѣномъ. Сзади фуръ привязаны откормленные черкасскіе волаы, которыхъ ведутъ на продажу. Праздничный и веселый видъ имѣла эта дорога. На возахъ сидѣли разряженные дивчины съ ихъ матерями; тутъ же помѣщались и крошечные смуглые, черноглазые хлопчата въ отороченныхъ мерлушками кожухахъ и въ бѣлоснѣжныхъ высокихъ барашковыхъ шапкахъ, въ родѣ черкесскихъ папахъ; на иномъ такая папаха была величиной чуть-чуть не со всего хозяина. Отцы и старшіе братья, одѣтые также по праздничному, какъ истые малороссы, шли величаво и медленно за возами, потягивая свои коротенькія люльки. На всѣхъ лицахъ было написано довольство и счастье отъ ожидаемаго веселья на ярмаркѣ.

Нигдѣ мнѣ не случалось видѣть у крестьянъ такихъ запасовъ хлѣба и такихъ огромныхъ ометовъ соломы, какъ въ *Преградномъ*. Нѣкоторыя гумна напоминали гумна помѣщиковъ средней полосы Россіи въ блаженную эпоху запашекъ при крѣпостномъ правѣ. Выбѣленные хаты, разумѣется, всѣ крыты подъ щетку; заборы частію изъ земли, перемѣшанной съ соломой, частію изъ камыша. Довольство видно во всемъ,—даже собаки и тѣ сыты: лежатъ лѣниво на кучахъ соломы и не бросаются на проѣзжихъ. Жизнь здѣсь такъ еще патриархальна, что молочныхъ скоповъ не собираютъ на продажу, а коровъ сосутъ телята: продавать некому, да и не зачѣмъ,—сыты и довольны и безъ продажи; мнѣ сказывали, что цѣна скотинѣ—за пару породистыхъ и откормленныхъ воловъ доходить здѣсь

до 200 р. с., въ суровыя же зимы, случается, за недостатчей корма, продають московскимъ сквупцивамъ по 15 и 20 р. за штуку.

Съ *Донской* мѣстность начинаетъ подниматься замѣтно для глазъ; попадаются лѣсочки, овраги, и дорога становится каменистой.

Пошелъ мелкій дождь; ямщики летятъ во всю ивановскую, и жидкая грязь обсыпаетъ насъ, точно пули изъ митральезы. Товарищъ мой со смѣхомъ кричитъ мнѣ единственное извѣстное ему татарское слово: хабарда! (берегись). Въ *Ставрополѣ* мы приѣзжаемъ среди такого густаго тумана, что боишься заплутаться на огромной обсаженной тополями площади, гдѣ расположены военные госпитали. Скоро однако прояснилось, и мы съ И. А., пообедавъ довольно порядочно на станціи, отправились въ городъ; мнѣ хотѣлось его осмотрѣть и сдѣлать кое-какіе покунки, а И. А. надобно было заѣхать въ гимназію, гдѣ воспитываются нѣсколько лезгинскихъ мальчиковъ, къ которымъ онъ имѣлъ порученія отъ ихъ родителей изъ Дагестана. Дѣти бывшихъ головорѣзовъ съ успѣхомъ проходятъ гимназическій курсъ, а одинъ изъ нихъ теперь уже студентъ и слушаетъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ. Врачи магометане будутъ, конечно, пользоваться среди мусульманскаго населенія гораздо большимъ довѣріемъ, чѣмъ христіанскіе врачи, а медицинская помощь для горцевъ необходима. Горцы необыкновенные мастера лѣчить всякаго рода раны, но не имѣютъ даже самыхъ элементарныхъ познаній о способахъ лѣченія остальныхъ болѣзней; при томъ же, съ завоеваніемъ Кавказа, среди горскаго населенія появились болѣзни, совершенно неизвѣстныя тамъ въ прежнее время.

Изъ всего сказаннаго въ этомъ отдѣленіи читатель можетъ ясно видѣть, до какой степени неудобно путешествовать по нашимъ южнымъ степямъ въ началѣ марта. Я не скрылъ ничего, потому что думаю—чѣмъ правдивѣе путеводитель, тѣмъ лучше. Поѣзжайте же изъ Ростова, когда началось уже движеніе почтовыхъ экипажей, т. е. послѣ 1 мая,—вы тогда доѣдете прекрасно и испытаете со всѣмъ другимъ, нежели испыталь вашъ покорный слуга.

ГЛАВА II.

Отдѣленіе I-е.

Отъ Ставрополя до Владикавказа, чрезъ Пятигорскъ, съ его сосѣдними группами минеральныхъ водъ.

Относительно сообщенія и числа верстъ между Ставрополемъ, Георгіевскомъ, Пятигорскомъ и Владикавказомъ смотрите гдѣ сообщенія. Про сообщенія же между Пятигорскомъ и остальными минеральными водами сказано будетъ при описаніи Пятигорска (*).

Отъ Ставрополя дорога идетъ мѣстностью, которую въ Россіи можно бы, пожалуй, назвать и гористою. Въ хорошую погоду, съ первыхъ же станцій, начинаютъ, въ видѣ облаковъ, показываться на югѣ кавказскія горы. Чѣмъ дальше подвигается путешественникъ, тѣмъ онѣ становятся все выше и выше, а съ приближеніемъ къ Владикавказу, эти снѣжновершинныя громады подавляютъ васъ своимъ величіемъ и массивностью. Кто видѣлъ Швейцарію, тотъ еще не имѣетъ понятія о грозномъ величіи Кавказа; Аппенины почти также относятся

(*) Станціи между Ставрополемъ и Владикавказомъ слѣд: Старомарьевская (21) Базовая-Балка ($23\frac{1}{4}$), Сергіевская ($21\frac{1}{4}$), Каминовская ($18\frac{1}{4}$), Александровская (20), Саблинская ($26\frac{1}{2}$), Сухопадинская (15), Александрія ($14\frac{1}{2}$), Георгіевскъ (12), Старопавловская ($26\frac{3}{4}$), Солдатская ($19\frac{3}{4}$), Прохладная ($14\frac{3}{4}$), Екатериноградская ($20\frac{1}{2}$), Павлодольская ($18\frac{1}{4}$), Моздокъ (14), Малометъ-Юртовская (24), Средне-Ашулукская (20), Кантисшевская (20), Владикавказъ (20). Всего верстъ $369\frac{3}{4}$.

къ Альпамъ, какъ послѣднія къ Кавказскому хребту. Здѣсь нѣтъ очаровательныхъ голубыхъ и зеленыхъ озеръ, окаймленныхъ снѣжными вершинами вдали. Кавказъ не плѣнитъ васъ прелестью озернаго ландшафта, — въ его горахъ все поразительно, величаво и по большей части угрюмо. Въ Швейцаріи первенство принадлежитъ ландшафту, — на Кавказѣ впечатлѣніе, производимое на путешественника долинами, меркнетъ предъ образами грозной горной картины. *Монбланъ* (14,800 ф.) уступаетъ второстепеннымъ кавказскимъ горамъ, напр. *Джимерай-Гоху* (15,700 ф.) и *Адай-Гоху* (15,260 ф.); *Казбекъ же* (16,557 ф.) выше Монблана на цѣлыя полверсты, *Дыхъ-Тау* (16,941 ф.) на 300 сажень, а *Эльборусъ* (18,527 ф.) на одну версту и 32 сажени. Шумъ швейцарской Рейсы (кромя ущелья Чертова моста) далеко не сравняется съ львинымъ ревомъ Терека во время его разлива; Симпсонская дорога также далеко уступаетъ военно-грузинской дорогѣ и Дарьяльскому ущелью. По крайней мѣрѣ, таково впечатлѣніе, произведенное на меня Кавказомъ.

За Ставрополемъ лежатъ станціи: *Старомарьевская*, *Базовобалтовская*, *Сергіевская* (на р. *Калаустъ*), *Калиновская*, *Александровская*. Повсюду обиліе земли. Вблизи *Сергіевской* есть молоканскія поселенія; жители ихъ зажиточны, и нѣкоторые имѣютъ на хуторахъ по нѣскольку тысячъ овецъ. *Александровская* была прежде запятаннымъ городомъ, потомъ казачьей станицей закубанскаго войска; съ 1871 года здѣшніе казаки переименованы въ крестьянъ, съ освобожденіемъ отъ податей на 5 лѣтъ. Въ настоящее время это — богатое село съ нѣсколькими хорошими домами и порядочными лавками. Потомъ слѣдуетъ станція *Саблинская* на красивой рѣчкѣ *Саблѣ*. Проѣхавъ *Сухопадинскую* и *Александрійскую* станціи,

прѣзжаютъ въ Георгіевскъ, изъ котораго ѣдущіе, на минеральныя воды поворачиваютъ вправо, на Пятигорскъ.

Георгіевскъ заложенъ, въ царствованіе Екатерины II, Потемкинымъ во время основанія имъ моздокско-азовской линіи. Это былъ въ то время областной городъ и важный стратегическій пунктъ. Въ 1824 г. всѣ губернскія присутственныя мѣста были перенесены изъ него въ Ставрополь. Въ 1830 г. онъ переименованъ въ заштатный городъ. Съ 1-го января 1871 г., т. е. со введенія въ Терской области (прежній лѣвый флангъ) гражданскаго управленія и съ раздѣленіемъ ея на 7 округовъ (см. Терская область), Георгіевскъ сталъ окружнымъ городомъ. Жителей въ немъ 2,274 д. об. пола. Къ его округу принадлежатъ мѣстечки: *Кисловодскъ* (1,345 д. об. п.) и *Нальчикъ* съ *Александровскою колоніей* (1,991 д. об. п.). *Населеніе округа* состоитъ изъ 28 казачьихъ станицъ, съ 51,471 жит. об. пола, и 48 ауловъ горцевъ, съ 62,058 ж. об. п.; слѣдовательно, процентное отношеніе жителей: 42% русскихъ и 58% горцевъ.

Георгіевскъ имѣетъ видъ порядочнаго уѣзднаго города. Въ немъ есть бульваръ и остатки прежней крѣпости. *Гостинница* ничѣмъ не лучше обыкновенныхъ уѣздныхъ гостинницъ. Климатъ—лихорадочный. До Пятигорска отсюда 35 верстъ.

Пятигорскія минеральныя воды (*). На Кавказѣ насчитываютъ болѣе 200 минеральныхъ источниковъ, но первое между ними мѣсто принадлежитъ, неоспоримо, водамъ

* Описание Пятигорска съ его водами и сосѣдними съ нимъ группами минеральныхъ водъ взято, большею частію, изъ Путеводителя къ Кавк. мин. водамъ доктора Смирнова, изд. 1867 г., и проверено по Путеводителю доктора Милютина, изданіе 1872 года.

Пятигорска и сосѣднимъ съ нимъ группамъ минеральныхъ водъ. Здѣсь, на разстояніи 40 верстъ, больные находятъ то, чего бы имъ надобно было искать по всей Германіи и Франціи, а пожалуй и то, чего они не найдутъ ни въ той, ни въ другой.

Пятигорскія или, какъ ихъ вообще называютъ, Кавказскія минеральныя воды состоятъ изъ 4-хъ отдѣльныхъ и совершенно различныхъ по своимъ свойствамъ группъ, расположенныхъ на разстояніи 17—20 верстъ одна отъ другой, а именно: 1) *Пятигорской группы*, примыкающей къ горѣ *Машукъ* и заключающей въ себѣ сѣрные источники различной температуры и силы; 2) *Желѣзноводской*, къ сѣв.-востоку отъ Пятигорска, съ желѣзистыми источниками отъ 11° до 40° Реом.; 3) *Ессентукской*—солено-щелочной и сѣрно-щелочной группы, къ юго-западу отъ Пятигорска, при впадении р. *Бугунты* въ *Подкумокъ*, близъ Ессентукской станицы; 4) далѣе на югъ, вверхъ по Подкумку, *Кисловодской* группы, съ ея знаменитымъ углекислымъ источникомъ—*Нарзаномъ*; это самая южная и самая возвышенная по мѣстоположенію группа.

Пятигорскъ, Ессентуки и Кисловодскъ лежатъ въ долинѣ Подкумка, а Желѣзноводскъ у подошвы Желѣзной горы, къ сѣв.-востоку отъ Пятигорска, отъ котораго онъ отдѣляется горою Вештау.

Пятигорскъ.

Исторія минеральныхъ его водъ слѣдующая: открытіе ихъ обыкновенно относятъ къ 1774 г., хотя есть извѣстіе, что еще Петръ В. зналъ о ихъ существованіи. Ученый путешественникъ Клапротъ, посѣтившій ихъ въ 1807 г., пишетъ, что въ то время на мѣстѣ Пятигорска былъ только одинъ плохо выстроенный домъ, а для больныхъ всего-на-все одна ванна на 6 человекъ, грубо высѣченная въ туфяной скалѣ. Посѣтители пріѣзжали утромъ изъ Константиногорскаго укрѣпленія, основаннаго въ 1780 г. (Теперь на его мѣстѣ только 2 кургана и полузаросшій крѣпостной валъ въ 3-хъ верстахъ отъ Пятигорска). Размѣстившись на день около источниковъ въ калмыцкихъ кибиткахъ и балаганахъ, они на ночлегъ опять отправлялись въ укрѣпленіе, подъ конвоемъ. Въ 1811 г., кромѣ пользовавшихся на казенный счетъ военныхъ чиновъ, насчитывалось уже болѣе 200 семействъ, пріѣзжихъ изъ Россіи. Въ 1812 г. константиногорскій чиновникъ Черневскій выстроилъ первые два дома и такимъ образомъ первый началъ Пятигорскъ.

Съ каждымъ годомъ окружающая мѣстность становилась все болѣе и болѣе безопасной; явились частные жертвователи (напр. Астраханскій купецъ Ѳеодоровъ пожертвовалъ 60 тыс. руб.). Городъ началъ обстраиваться, но все еще довольно медленно, до тѣхъ поръ, пока не взялся за дѣло А. П. Ермоловъ.

Знаменитый главнокомандующій сразу увидѣлъ всю важность пятигорскихъ водъ для Кавказа и для Россіи. Безъ всякихъ колебаній, въ 1819 г. онъ приказалъ сломать старыя ванны и замѣнить ихъ новыми, прове-

сти къ нимъ удобную дорогу, распланировать мѣсто и проч. И все это дѣлалась только впредь до утвержде- нія окончательныхъ проектовъ. Въ 1822 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе составить планы и смѣты для устройства кавказскихъ минеральныхъ водъ. Въ этомъ же году для изслѣдованія ихъ былъ присланъ акаде- микъ Нелюбинъ, оставившій одно изъ лучшихъ описа- ній. Тогда же были приглашены два талантливыхъ ар- хитектора, братья Бернардацци—истинные художники, какихъ уже потомъ не имѣлъ Пятигорскъ. Въ 1824 г. было ими заложено первое прекрасное капитальное зданіе—казенная гостинница. Въ 1826 г. заложено зда- ніе николаевскихъ ваннъ.

Генераль Эмануэль (1826—1831 г.) тоже съ любовью и неутомимостью занимался украшеніемъ Пятигорска. При немъ построены орловскій и офицерскій домъ для неимущихъ, разведены бульвары и цвѣтники, постро- енъ гротъ Діаны, сдѣланы водопроводы для стока ми- неральной воды, разбитъ новый паркъ, на горѣ за Ми- хайловскимъ источникомъ, проложена дорога на вер- шину Машуки и проч.

Въ 1847 г. заложень каедральный соборъ, окончен- ный въ 1867 г.; въ 1833—36 г. устроено вельяминов- ское шоссе, вдоль южнаго ската Машуки, къ Елизаве- тинскому и верхнимъ источникамъ; въ 1835 г. основанъ казенный садъ; въ 1836—40 годахъ—александрo-ни- колаевскія ванны; въ 1846—48 гг. михайловская гал- лерея; въ 1847—51 гг. елизаветинская галлерея; въ 1851 г. галлерея при Сабанѣевскомъ источникѣ. По- койный государь Николай Павловичъ, при посѣщеніи Пятигорска въ 1837 г., приказалъ отпускать на устрой- ство и поддержаніе водъ ежегодно 200 т. р. ассигнаціями.

Пятигорскъ, уѣздный городъ Ставропольской губерніи, съ 5,000 д. населенія, нисколько не походитъ на другіе уѣздные города Россіи, а скорѣе имѣеть видъ заграничнаго, развившагося при минеральныхъ водахъ городка. Онъ расположенъ на лѣвомъ берегу *Подкумка*, у подножья горы Машуки, на 1,560 ф. надъ поверхностью моря. Съ сѣверо-востока, отъ Георгіевска, къ нему примыкаетъ равнина, постепенно возвышающаяся къ югу, по направленію къ Ессентукамъ и Кисловодску. *Машука* имѣеть видъ усѣченнаго конуса и возвышается надъ моремъ на 3,258 ф. Съ юго-востока примыкаетъ къ ней узкое и продолговатое возвышеніе, спускающееся въ городъ почти параллельно Подкумку и оканчивающееся уступомъ около сѣрно-щелочныхъ ваннъ: это — *Горячая* гора, заключающая въ себѣ всѣ главные минеральные источники Пятигорска. Тамъ, гдѣ Горячая соединяется съ Машукой, находятся *Елизаветинскій источникъ* и елизаветинская галлерей.

Главные пятигорскіе источники слѣдующіе: *Портнягинскій*, *Варваціевскій*, *Константиновскій*, *Александро-Николаевскій*; ниже, начиная отъ елизаветинской галлерей, *Александровскій*, и *Ермоловскій*; наконецъ, у самаго Подкумка, находятся *сѣрно-щелочные источники*; съ внутренней стороны, къ городу, противъ находящагося наверху *Александровскаго ключа*, находится ключъ *Николаевскій*; къ верху отъ елизаветинской галлерей, на Машукѣ, находятся Михайловскіе ключи:

На сѣверъ отъ Машуки лежитъ высочайшая и красивѣйшая въ здѣшней мѣстности гора *Бештау* (4,589 ф.), съ примыкающими къ ней нѣсколькими другими вершинами. Отъ Бештау получилъ названіе и Пятигорскъ (Бештау по-русски значитъ пятигорье).

Еще далѣе на сѣверъ лежитъ *Желѣзная гора* (3,818 ф.), покрытая сплошнымъ и густымъ лѣсомъ, сливающимся съ лѣсомъ на Бештау. Въ возвышенной и сѣдлообразной впадинѣ, которая образовалась отъ соединенія Желѣзной горы и Бештау, лежатъ желѣзныя минеральныя воды и Желѣзноводская станица.

Гостинницы въ Пятигорскѣ. Лучшая—это *гостинница минеральныхъ водъ*, называемая также и благороднымъ собраніемъ. Это прекрасное казенное зданіе, расположенное въ центрѣ бульваровъ и построенное Барнардацци въ 1824 г.; въ 1871 г. къ зданію пристроены особый подъѣздъ съ обширною швейцарскою; нижній этажъ гостинницы, гдѣ помѣщается кафе-ресторанъ и общій столикъ, получилъ больше удобства и простора, какъ вслѣдствіе разрѣшенія управленію сдѣлать такъ называемую дамскую половину доступною для всѣхъ, такъ и отъ расширенія танцевальнаго зала пробитіемъ широкихъ арокъ въ сосѣднія комнаты.

Верхній этажъ занятъ 9-ю номерами для пріѣзжающихъ; на дворѣ въ особыхъ помѣщеніяхъ еще 4 семейныхъ номера. Гостинницу содержитъ г. Арсень Барберонъ. Цѣна за номеръ отъ 1 р. до 2¹/₂ р. въ сутки.

Гостинница Наутаки—въ началѣ бульвара, противъ собора. Номеровъ для пріѣзжихъ въ ней нѣтъ.

Заведеніе съ номерами для пріѣзжающихъ и столомъ—въ д. донскаго вѣдомства, на главномъ бульварѣ: 11 номеровъ, цѣною отъ 1 р. до 2¹/₂ р. въ сутки.

Въ домъ Пожидаева—14 номеровъ; цѣна отъ 1 р. до 1¹/₂ р.; содержатель г. Бѣлостоцкій. Находится вблизи тепло-сѣрныхъ ваннъ.

Въ домъ Захарковой—7 номеровъ, отъ 1 р. до 1¹/₂ р.;

содержатель г. Муратовъ, на главномъ бульварѣ; противъ церкви, вблизи Николаевскихъ ваннъ.

Въ домъ Монасенковой—7 нумеровъ, отъ 1 р. до 1½ р.; содержатель г. Карягинъ; на улицѣ, идущей сзади гостинницы минеральныхъ водъ.

Во всѣхъ этихъ гостинницахъ цѣна порціи обыкновеннаго кушанья 20 к., бѣфштекса 30 к., стаканъ чаю 10 к., кофе 15 к., за сливки и сухари прибавляется 10 к.

Пріѣзжающіе для лѣченья стараются обыкновенно пріискать *квартиры* въ домахъ частныхъ лицъ. Для полученія свѣдѣній о нихъ слѣдуетъ обратиться въ *контору минеральныхъ водъ*; объявленія о квартирахъ печатаются также и въ *Листокъ минеральныхъ водъ*, выходящемъ еженедѣльно. Если надо лѣчиться на другихъ группахъ, то лучше сначала отправиться на легкѣ для пріисканія квартиры и потомъ уже перебираться совсѣмъ. Въ Пятигорскѣ за квартиру въ 6 комнатъ, съ очень скромною мебелью, платятъ около 400 р. с. въ лѣто. Одну комнату со столомъ можно имѣть за 20 и даже за 15 р. въ мѣсяцъ. Въ нѣсколько отдаленныхъ частяхъ города, напр. въ Кабардинской слободкѣ, можно имѣть дешевле. При заключеніи условія о наймѣ квартиры на все лѣто, необходимо оговориться о правѣ передачи ея другому лицу, въ случаѣ отъѣзда раньше срока. Постели и постельное бѣлье есть только въ гостинницѣ минеральныхъ водъ, въ остальныхъ же номерныхъ помѣщеніяхъ въ этомъ чувствуется большой недостатокъ, также какъ и въ посудѣ. Рынокъ ежедневный, но главный торгъ по понедѣльникамъ. Съѣстные припасы хотя и не дороги, но наемъ повара и прислуги очень затруднителенъ; семейнымъ людямъ лучше или привезти ихъ съ собой, или имѣть столъ въ гостинницѣ.

Главная контора водъ помѣщается въ *домъ управленія* (во второй, параллельной главному бульвару улицѣ).

Справочная контора (противъ николаевского вокзала, на боковомъ бульварѣ) назначается для продажи купленныхъ билетовъ и вообще для справокъ: о квартирахъ, омнибусахъ, отходѣ почты и проч.; здѣсь же записываются жалобы и желанія посѣтителей относительно пользованія водами.

Листокъ минеральныхъ водъ выходитъ еженедѣльно и продается отдѣльными нумерами по 10 к. въ конторѣ управленія.

Библіотека открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и табельныхъ дней, отъ 9 до 1 часа утра и отъ 3-хъ до 7 вечера. Съ 1-го мая по 1 сентября открыта ежедневно. Абониментъ за весь курсъ стоитъ 5 р.; входный билетъ на одинъ разъ 5 коп.

Геогностическій музей, при николаевскомъ вокзалѣ, открытъ ежедневно въ извѣстные часы. Каталогъ продается тутъ же.

Почтою и телеграфомъ Пятигорскъ правильно соединенъ съ Россіей, а слѣдовательно и съ Европой. Открытъ телеграфъ отъ 7 ч. утра до 9 ч. вечера.

Городскіе экипажи и верховыя лошади. Экипажи: фаэтоны, открытыя и закрытыя дрожки—по таксѣ. Во время утренняго и вечерняго питья водъ (т. е. отъ 5 до 8 ч. утра и отъ 4 до 6 ч. послѣ обѣда) между николаевскимъ вокзаломъ и елизаветинской галлереей ходятъ линейки съ платою 15 к. за каждый конецъ. Для прогулокъ верхомъ всегда есть лошади съ сѣдлами; отдающіе ихъ на прокатъ имѣютъ агентовъ, постоянно стоящихъ на площади, ниже дома Уптана. Цѣна за лошадь 50 — 75 к. въ часъ.

Омнибусы ходять во время курса между группами водъ постоянно. Они отправляются ежедневно отъ гостиницы минер. водъ. Билеты берутъ въ конторѣ. Они дѣйствительны лишь на то число, на которое взяты, и въ случаѣ опозданія обратно не принимаются. Багажъ допускается только ручной. Можно нанимать лошадей и подъ собственный экипажъ и троечные тарантасы у ямщиковъ,—при началѣ бульвара, около биржи. Цѣна мѣстамъ въ омнибусахъ:

Отъ Пятигорска до Желѣзноводска . . .	1 р. — к.
„ „ „ Ессентуковъ . . .	„ 75 „
„ „ „ Кисловодска . . .	1 „ 50 „
Отъ Ессентуковъ до Кисловодска . . .	„ 75 „

Багажъ, требующій отдѣльнаго мѣста, принимается за часъ до отхода омнибуса съ платой по 10 к. съ пуда отъ одной группы до другой.

Большія тяжести свыше 3-хъ пудовъ принимаются по особому договору.

Пользованіе водами. Потребность въ учрежденіи мѣста, гдѣ пріѣзжіе больные въ первое время пребыванія на водахъ могли бы найти указаніе и наставленіе къ пользованію ими, была признана уже давно. Бывшее управленіе водъ г. Новосельскаго установило для этой цѣли постоянный консиліумъ изъ врачей, служащихъ на водахъ, подававшихъ совѣты и бравшихъ на себя обязанность слѣдить за ходомъ лѣченія. Обширность занятія во время курса и распредѣленіе больныхъ по всѣмъ группамъ указали на невозможность точнаго выполненія второй половины задачи, т. е. наблюденія цѣлымъ консиліумомъ за ходомъ лѣченія; поэтому въ настоящее время консультація исполняетъ свое назначеніе въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. опредѣляетъ болѣзнь и назначаетъ

лѣченіе. Въ ней принимаютъ участіе приглашаемые управленіемъ для научнаго изученія водъ профессора университетовъ; кромѣ того, всѣ врачи, практикующіе въ Пятигорскѣ, могутъ также участвовать въ ней и приводить на общее обсужденіе своихъ больныхъ. За подаііе совѣта въ консультаціи платится 5 р. Людямъ недостаточнымъ совѣты подаются бесплатно. Само собою разумѣется, что больные нисколько не стѣснены въ выборѣ врачей, какъ принадлежащихъ, такъ и не принадлежащихъ къ консультаціи.

Курсъ лѣченія открывается въ Пятигорскѣ 1-го мая; въ Ессентукахъ 15-го мая; въ Желѣзноводскѣ съ 1-го іюня; въ Кисловодскѣ съ половины іюля. Продолжается: въ Кисловодскѣ до 10-го сентября, въ Пятигорскѣ до конца сентября, въ Ессентукахъ оканчивается раньше.

Въ нашемъ путеводителѣ невозможно передать всѣхъ подробностей и правилъ о лѣченіи, также какъ объ установленныхъ на все таксахъ и проч.,—да онъ и писался вовсе не съ этою цѣлью. Обо всемъ этомъ можно узнать подробно въ управленіи водъ или изъ спеціального *путеводителя къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ—доктора Миллютина*, изданнаго въ 1872 г. и стоющаго 1 р. 25 к.

Жизнь и развлеченія въ Пятигорскѣ. Пятигорскъ не только во время лѣтняго сезона, но и въ остальную часть года, ведетъ жизнь мало похожую на жизнь другихъ небольшихъ городовъ внутри Россіи и на Кавказѣ. Его климатъ, воды и дешевизна всѣхъ первыхъ жизненныхъ потребностей заставляютъ многихъ, окончившихъ службу на Кавказѣ, выбирать его своимъ постояннымъ мѣстомъ жительства. Во время сезона, какъ и на всѣхъ водахъ, жизнь въ Пятигорскѣ начинается рано. Съ 4 и

5 часовъ утра больные уже отправляются пить воды и брать ванны; по окончаніи питья водъ, часамъ къ 8 утра, больные завтракаютъ, а потомъ до 12 час. берутъ ванны. Отъ 12 до 2-хъ часовъ—время обѣда; послѣ обѣда одни идутъ въ ванны, другіе отправляются на бульваръ дожидаться музыки, которая играетъ отъ 5 до 7^{1/2} часовъ, или же устраиваютъ катанья, прогулки, восхожденіе на Машуку и проч. По вечерамъ устраиваются или танцевальныя вечера въ николаевскомъ вокзалѣ, или балы въ гостинницѣ минеральныхъ водъ, или, наконецъ, концерты и спектакли; къ 10 часамъ все благоразумное ложится спать, а неблагоразумное играетъ въ карты. Для серьезныхъ развлеченій и занятій есть библіотека и музей.

Бульвары и примыкающіе къ нимъ цвѣтники, одинъ подъ елизаветинскою галлерей, другой—противъ николаевскихъ ваннъ, служатъ прекраснымъ мѣстомъ для прогулокъ. Въ первомъ изъ нихъ находятся нѣсколько замѣчательныхъ памятниковъ, найденныхъ въ окрестностяхъ Пятигорска и принадлежащихъ частію языческимъ, а частію христіанскимъ временамъ; всѣ они собраны членомъ одесскаго археологическаго общества Караимомъ Фирковичемъ въ большой и малой Кабардѣ, часть которыхъ составлялъ и Пятигорскій край, принадлежавшій еще въ концѣ XVIII столѣтія князьямъ Тархановымъ, изъ рода Джембулата. Изъ памятниковъ замѣчательны: большая человѣческая фигура съ греческой надписью и выпуклыми изображеніями; большой крестъ, тоже съ греческой надписью и конными изображеніями; другой каменный крестъ, съ греческой же надписью; два человѣческихъ истукана; нѣсколько гробнич-

ныхъ камней съ арабскими надписями (помѣщены въ гротъ Лермонтова).

Къ большому бульвару и николаевскому цвѣтнику примыкаетъ, подъ острымъ угломъ, другой бульваръ, малый, идущій вверхъ, къ ермоловскимъ ваннамъ. Почти при самомъ началѣ его, пройдя ротонду для музыки, находится красивый николаевскій вокзалъ, заключающій въ себѣ музей, публичную библіотеку и комнату для консультацій врачей. За нимъ слѣдуетъ направо гротъ Діаны, построенный Бернардацци и напоминающій своею формою пятиглавую Бештау. При входѣ въ него по обѣимъ сторонамъ стоятъ двѣ чугунныя доски (отлитыя въ 1829 г. на Луганскомъ заводѣ), съ надписями, показывающими, что онѣ отлиты въ память восхожденія академиковъ Купфера, Ленца, Менетрїя, Мейера и архитектора Бернардацци на Эльборусъ до высоты 15,700 ф. и кабардинца Хилара до 16,330, ф. изъ лагеря ген. Эмануэля, стоявшаго на высотѣ 8,000 ф. надъ моремъ. На одной доскѣ надпись русская, на другой туземная. Подымаясь выше, входятъ на площадку ермоловскихъ ваннъ, откуда открывается прекрасный видъ на городъ, Машуку и Бештау. Поднимаясь далѣе, вы встрѣчаете бьющую изъ горы струю Александровскаго ключа, входите на возвышеннѣйшую часть Горячей горы и идете по замѣчательной въ ней трещинѣ, служившей первоначальнымъ истокомъ минеральныхъ водъ. Слѣдя за нею, вы сворачиваете нѣсколько влѣво и, огибая, такимъ образомъ, всю эту часть города, выходите на площадку елизаветинской галереи. Проходя ее, вы снова поднимаетесь налѣво и входите въ небольшой натуральный гротъ, освященный воспоминаніемъ и талантомъ Лермонтова (въ „Героѣ нашего времени“) и названный, въ честь его, лер-

монтовымъ гротомъ. Почти прямо надъ нимъ бесѣдка, называемая эоловою арфой, а за ней налѣво эмануэлевскій паркъ, примыкающій къ подножію Машука, направо же красивая михайловская галерея.

Прогулка на Машуку. Позади михайловской галереи и почти противъ эоловой арфы идетъ извилистая дорожка, по которой, верхомъ или пѣшкомъ, взбираются на вершину Машуки. Дорожка эта длиною отъ 1½ до 2-хъ верстъ. Въ ясный, безоблачный день съ вершины горы, открывается дивный видъ, съ одной стороны на величественную цѣпь Кавказскаго хребта, начинающуюся Казбекомъ и кончающуюся Эльборусомъ; съ другой—на Эссентуки, Георгіевскъ, станицы, соляныя озера, колоніи и проч. Лучшее время для этой прогулки—или рано поутру, или часа въ 3—4 послѣ обѣда. Запаздывать возвращеніемъ не слѣдуетъ, потому что на горѣ къ вечеру быстро наступаютъ охлажденіе и сумерки.

Прогулка къ большому провалу. Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ и оригинальныхъ явленій въ природѣ есть, безспорно, пятигорскій большой провалъ. Отъ центра города до него не далѣе 1½ или 2-хъ верстъ. Дорога идетъ къ южному склону Машуки, вдоль бульваровъ и елизаветинскаго цвѣтника, чрезъ елизаветинскую галерею и эмануэлевскій паркъ. За паркомъ мѣстность становится пустынною, и дорога вьется между рѣдкимъ кустарникомъ изъ самыхъ разнообразныхъ древесныхъ породъ. Чѣмъ далѣе отъ дороги, тѣмъ кустарникъ становится все гуще и гуще, и вълѣдствіе этой густоты, корни кустовъ представляются обнаженными, вся же растительность сосредоточивается на ихъ верхнихъ оконечностяхъ. Внизу подъ густыми вѣтвями—темно, сыро и прохладно, а вверху—свѣтло, сухо и жарко. Иногда

на землѣ термометръ показываетъ 12° Реом., а на верху температура доходить до 37° . Зимой иней покрываетъ иногда верхи кустарниковъ до того, что, намерзая все болѣе и болѣе, образуетъ, наконецъ, плотную кору, по которой можно ходить. Вблизи самаго провала дорожка стуживается, приходится оставить экипажъ и идти пѣшкомъ; но отсюда разстояніе уже такъ не велико, что изъ-за кустовъ видѣнъ верхній край осыпи и явственно слышится запахъ сѣро-водороднаго газа.

Площадка, на которой находится проваль, образовалась отъ ломки камня и имѣетъ нѣсколько сажень длины и ширины. Вправо она круто обрывается въ оврагъ, влѣво виднѣется верхнее устье провала, а за нимъ высокая осыпь, простирающаяся вверхъ по скату горы. Нужно имѣть чрезвычайно крѣпкіе нервы или привычку матроса и кровельщика для того, чтобы, не опасаясь головокруженія, рѣшиться подойти къ краю провала и заглянуть въ зіяющую, вертикальную бездну. Всего лучше подползти ползкомъ, какъ то сдѣлалъ Палласъ. При взглядѣ внизъ, проваль представляется во всемъ своемъ ужасающемъ величіи. Пропастъ эта имѣетъ видъ цилиндра до 8 сажень въ діаметрѣ и до $12\frac{1}{2}$ саж. глубины. Болѣе половины видимаго дна провала занято островомъ, окруженнымъ съ 3-хъ сторонъ водою, образующею какъ бы 2 бассейна, соединенные между собою проливомъ. Большой бассейнъ лежитъ влѣво, а меньшей—вправо. На днѣ все кажется тихимъ,—слышится лишь воркованье голубей, во множествѣ населяющихъ проваль, да изрѣдка доносится легкое, чуть слышное шипѣнье отдѣляющагося изъ воды газа. Но если сверху упадетъ камень—раздается глухой плескъ; голуби въ испугѣ начинаютъ летать, биться о скалы, и звукъ тяжкаго хлопанья

ихъ крыльевъ, отражаясь отъ скаль, доносится наверхъ глухимъ подземнымъ гуломъ. Скоро однако все успокоивается, и грозная тишина настаеъ снова. Кромѣ голубей, проваль населяютъ летучія мыши, водящіяся здѣсь въ невѣроятномъ количествѣ. Первые занимаютъ свѣтлую половину провала, а вторыя покрываютъ сплошными рядами его темныя части и впадины. Рано утромъ летучія мыши, убѣгая отъ солнечнаго свѣта, возвращаются въ проваль, а на встрѣчу имъ вылетаютъ голуби, отправляющіеся за кормомъ; вечеромъ же, наоборотъ, возвращаются голуби и вылетаютъ за добычей мыши. Тѣ и другія, впрочемъ, живутъ въ провалѣ мирно и никогда не переходятъ за границы своихъ владѣній. Кромѣ этихъ постоянныхъ обитателей провала, въ немъ живутъ еще пчелы.

Въ старину—разсказываютъ пятигорскіе старожилы—когда русскіе впервые поселились въ этомъ краѣ, отъ начальства казакамъ былъ данъ строжайшій приказъ не затѣвать ссоръ съ татарами и не обнажать противъ нихъ оружія ни подъ какимъ видомъ. Татары знали это очень хорошо и, разумѣется, старались всячески обирать русскихъ. Русскіе сносили обиды, но когда имъ приходилось ужъ не втерпѣжъ, то они заразъ жестоко отплачивали татарамъ; жертвы кровавыхъ схватокъ кидались въ проваль и концы прятались въ воду. Можетъ быть, это обстоятельство и было причиной того, что и въ настоящее время большой проваль между простолюдинами имѣетъ славу какого то проклятаго мѣста. Пропадетъ человекъ безъ вѣсти—онъ свалился въ проваль; случится пропажа, которая не отыскивается—въ проваль сброшена; гдѣ убить *Лермонтова?*—у провала. Спускъ въ проваль сверху и трудень и опасень, а въ

прежнее время онъ считался и совсѣмъ невозможнымъ. Въ 50-хъ годахъ находились однакоже смѣльчаки, которые рѣшались на это опасное путешествіе. Въ настоящее время въ провалъ входятъ чрезъ темный тоннель, устроенный г. Лазарикомъ; онъ имѣетъ 20¹/₂ саж. длины и 1 саж. ширины. Къ площадкѣ, лежащей у его входа, проложена экипажная дорога.

Нижняя часть провала, видная только вполовину сверху, образуетъ естественный гротъ, изумляющій наблюдателя и причудливостью своихъ очертаній и громадностью размѣровъ. Подземное озеро, глубоко вдающееся подъ своды юго-западной стѣны, еще болѣе увеличиваетъ оригинальность картины. Основаніе грота овальное; наибольшая ось овала имѣетъ 13 саж. длины. Прежнія наблюденія удостовѣряютъ, что въ старину все дно провала было покрыто водою, — теперь же, вѣроятно вслѣдствіе постоянныхъ осыпей, она покрываетъ только половину. Сводъ, лежащій надъ озеромъ, оканчивается трещиной, напоминающей собою трещину варваціевскихъ ваннъ и малые провалы на Горячей горѣ. Глубина озера доходитъ до 5¹/₂ саж. Температура воды въ немъ держится почти постоянно около 29° Реом.; но въ лѣтнее время, когда количество воды въ озерѣ увеличивается и начинается значительный стокъ ея наружу (до 1,500 ведеръ въ часъ), температура доходитъ до 32°. Вода въ озерѣ такъ чиста, что на глубинѣ 1¹/₂ сажени ясно видны камни.

Близъ трещины замѣчается сильное отдѣленіе газовъ. Если сверху упадетъ довольно большой камень и при паденіи увлечетъ за собою внизъ другіе камни, изъ которыхъ состоитъ крутой берегъ озера, то насыщенная газомъ вода начинаетъ волноваться; сначала въ ней показываются, съ шипѣньемъ, отдѣльные пузыри, а потомъ

вся масса воды какъ бы закипаетъ, и весь бассейнъ покрывается бѣлой пѣной. Послѣ нѣсколькихъ повторительныхъ опытовъ этого рода, когда газъ, насыщающій воду, отдѣлится изъ нея, вода перестаетъ закипать, и нужно довольно долгое время, чтобы явленіе могло повториться съ прежней силой.

Въ провалѣ ощутителенъ запахъ сѣро-водорода, и всѣ серебряныя вещи, оставленныя въ немъ, равно какъ и измѣрительныя шнуры, окрашенные бѣлилами, чернѣютъ весьма быстро; впрочемъ, дышать въ немъ можно совершенно свободно.

Недалеко отъ входа изъ тоннеля недавно показался источникъ такой же воды, какъ и въ озерѣ, съ прибавленіемъ излишняго количества углекислоты. Онъ обдѣланъ бассейномъ, для внутренняго употребленія.

Прогулка вокругъ Машуки. Идя по той же дорогѣ, мимо большаго провала, и круто поднявшись на лѣсистое возвышеніе отростка Машуки, мы огибаемъ всю эту гору при ея подошвѣ. Эту прогулку всего удобнѣе сдѣлать верхомъ; для экипажей представляетъ неудобство крутой подъемъ близъ провала, а потому желающіе ѣхать вокругъ Машуки въ экипажахъ объѣзжаютъ этотъ подъемъ, выѣзжая изъ города по почтовой дорогѣ и сворачивая съ нея влѣво, тотчасъ проѣхавши гору, мимо лѣсной караулки. Вся длина этого пути вокругъ Машуки простирается отъ 7—8 верстъ. На мѣстѣ, составляющемъ половину пути, находится такъ называемая *перкальская караулка*, у которой вытекаетъ изъ горы прекрасный ключъ прѣсной воды; сюда часто ѣздить вечеромъ пить чай. Доѣзжая верхомъ, по направленію къ городу, до машукскаго казачьяго поста, путешественникъ невольно

останавливается предъ внезапно раскрывшеюся у его ногъ понорамю Пятигорска.

Прогулка въ публичномъ саду. Расположенный по берегу Подкумка, въ полуверстѣ отъ города, по направленію къ Эссентукамъ, садъ этотъ представляетъ прохладу въ самое знойное время. Обширность и разнообразіе его, по справедливости, даютъ ему право на названіе одной изъ лучшихъ пятигорскихъ прогулокъ. Но поздно вечеромъ, по причинѣ влажности воздуха, въ немъ оставаться не слѣдуетъ, особенно берущимъ ванны.

Прогулка на Бештау. Доступъ къ самой средней вершинѣ этой горы всего удобнѣе изъ Желѣзноводска, но и изъ Пятигорска поѣздка на Бештау, чрезъ юго-восточный склонъ ея, по направленію водопровода, къ прѣснымъ источникамъ, чрезвычайно живописна. Эту прогулку, конечно, нельзя иначе дѣлать, какъ верхомъ. Длина пути отъ Пятигорска около 7 верстъ. Обширность и разнообразіе видовъ вполне вознаграждаютъ за поѣздки. Можно подъѣхать весьма близко къ прѣснымъ источникамъ и въ экипажѣ, дѣлая объѣздъ горы по дорогѣ въ Суворовскую станицу. *)

Прогулка въ шотландскую колонію Каррасъ. На полудорогѣ отъ Пятигорска къ Желѣзноводску, выѣхавши изъ лѣса, соединяющаго подошвы Машуки и Бештау, встрѣчаютъ Каррасъ или Шотландку. Начало этой колоніи положено въ 1802 г. нѣсколькими шотландскими миссіо-

*) Изъ Желѣзноводска обыкновенно начинаютъ взѣзжать на Бештау часа за два до восхода солнца, чтобы встрѣтить его уже на остроконечной вершинѣ, представляющей небольшую площадку. Отсюда въ хорошую погоду открывается величественный видъ на снѣговой хребетъ отъ Казбека до Эльборуса. Вся мѣстность, особенно къ горамъ, представляется изрытою балками, волнообразною—и на ней, пѣз разстилающагося утренняя тумана, горы *Джуга*, *Юма*, *Лысая*, *Быкъ*, *Вердмодъ* и *Кумъ* представляются какъ бы одинокими островами посреди моря.

нерами (Брунтонъ, Патерсонъ), выпросившими позволеніе поселиться около Пятигорска для распространенія христіанской вѣры между черкесами и татарами. Дѣло обращенія шло медленно, и благосостояніе малочисленныхъ миссіонеровъ было очень печально. Вслѣдствіе этого, шотландцы пригласили изъ Сарепты нѣсколько нѣмецкихъ семействъ (въ 1808 г.), съ водвореніемъ которыхъ благосостояніе колоніи улучшилось, но за то миссія погибла безвозвратно. Шотландцы скоро были вытѣснены нѣмцами и разсѣялись; колонія сдѣлалась чисто нѣмецкою, и обитатели ея, вмѣсто распространенія христіанства, занялись торговлей; здѣсь, какъ и во всей Россіи, они живутъ изолированно, большая часть ихъ не говоритъ по-русски, и нѣмецкій элементъ не имѣетъ никакого вліянія на развитіе края въ хозяйственномъ отношеніи. Для пятигорскаго рынка несравненно полезнѣе были татары сосѣднихъ ауловъ. До ухода ихъ въ Турцію цѣны на жизненные припасы стояли баснословно дешевыя. Въ Каррасѣ дилижансъ, идущій изъ Пятигорска въ Желѣзноводскъ, останавливается на 10 минутъ подлѣ дома колониста Рожке, который приготовляетъ для проѣзжающихъ чай и кофе; у него можно даже заказывать предварительно обѣды для многочисленныхъ обществъ. Гуляющіе ѣздятъ туда обыкновенно или верхомъ, или въ наемныхъ экипажахъ, стоящихъ отъ 2—3 р. за всю дорогу.

Прогулка въ Армянскій ауль. Верстахъ въ 4-хъ отъ Пятигорска, по ту сторону Подкумка, на извилистомъ берегу Юцы, расположенъ черкесскій ауль, называемый Армянскимъ, потому что самые зажиточные жители въ немъ армяне. Для тѣхъ, которые не бывали на Кавказѣ, онъ представляетъ тотъ интересъ, что въ немъ можно видѣть

сохранившуюся внутреннюю жизнь черкесскихъ ауловъ, при переходѣ ея къ болѣе цивилизованнымъ формамъ. Внутреннее расположеніе домовъ, одежда и украшенія женщинъ, ихъ гостепріимные обычаи и проч.—переносятъ небывалаго европейца въ совершенно новый для него міръ. Дорога въ аулъ довольно удобна; переѣздъ въ бродъ Подкумка не составляетъ никакого затрудненія.

Кромѣ того, могутъ быть интересны прогулки: въ станицу *Горячеводскую* и въ колоніи *Николаевскую* и *Константиновскую*, на соленое озеро *Тамбуканъ* и къ горѣ *Юцъ*, чтобъ полюбоваться обширнымъ потокомъ воды, вытекающимъ изъ разсѣлины, почти на половинѣ горы, и составляющимъ тотчасъ небольшую рѣчку *Юцу*, впадающую въ Подкумокъ.

Желѣзноводскъ.

Желѣзноводскіе источники, окруженные прежде густымъ и сплошнымъ лѣсомъ, открыты позднѣе другихъ. Первый ихъ открылъ и описалъ *Гаазъ* въ 1810 г. Но истиннымъ основаніемъ Желѣзноводскъ обязанъ опять таки Ермолову. По его приказанію, была продѣлана дорога и учрежденъ казачій постъ для охраны проѣзжающихъ; построены жилой домъ, гостинница; начаты паркъ; источники отдѣланы каменными бассейнами; устроены купальни и проч. Послѣднимъ, по времени открытія, обдѣлки и постройки купальни, былъ источникъ Барятинскаго, устроенный на счетъ г. Лазарика.

Помѣщенія для пріѣзжающихъ. Желѣзноводская станица состоитъ изъ двухъ, тянущихся въ гору, рядовъ казачьихъ хатъ, составляющихъ первую и для житія менѣе удобную часть: здѣсь помѣщаются обыкновенно люди менѣе достаточные. Вторая часть состоитъ уже изъ построекъ

обыкновенныхъ, городскихъ или дачныхъ, и расположена на верхней площадкѣ подножія Желѣзной горы, на высотѣ 2,050 ф. подъ моремъ.

Всѣхъ домовъ, отдающихся въ наймы, здѣсь 20; они раздѣлены на большія и малыя квартиры и снабжены мебелью, не всегда, впрочемъ, удовлетворяющею потребности; за лучшія помѣщенія въ 7 комнатъ, достаточно меблированныхъ, платятъ здѣсь до 500 р. *Пріѣзжіе останавливаются въ казенныхъ номерахъ*, находящихся въ двухъ деревянныхъ домахъ, расположенныхъ на главной площадкѣ, на которой были воздвигнуты первыя постройки и на которую стекаютъ нѣкоторые номера минеральныхъ источниковъ. До сихъ поръ площадка эта служила центромъ всего Желѣзноводска; на югъ, параллельно ей, тянется рядъ домовъ частныхъ владѣльцевъ; на востокъ она примыкаетъ къ обширному лѣсу, называемому паркомъ, одѣвающимъ всю Желѣзную гору отъ подошвы до вершины. Кромѣ того, есть еще номера *въ д. Карпова*, находящемся прямо противъ сложенной изъ камня высокой полукруглой площадки, на которой разбитъ цвѣтникъ. Въ томъ же домѣ есть очень удовлетворительная *кухмистерская* съ общимъ столомъ и отпускомъ кушаній на домъ. *Въ домъ султана Тахтамшиѣ-Гирея*, находящемся на дорогѣ отъ церкви въ паркъ, также отдаются очень удовлетворительно меблированныя комнаты посуточно и помѣсячно. Помимо указанныхъ двухъ мѣстъ (вокзалъ и домъ Карпова), очень удовлетворительный столъ можно имѣть во вновь выстроенномъ домѣ нѣмца *Шпинера* (крайній домъ въ станицѣ, противъ дома султана). Здѣсь же помѣщается лавка колоніальныхъ товаровъ и разныхъ мѣстныхъ продуктовъ. Другая колоніальная лавка находится противъ вокзала, въ

другомъ домѣ султана. Мы сказали, что тѣмъ, кому надо лѣчиться не въ Пятигорскѣ, а на другихъ группахъ, лучше отправиться сначала для пріисканія квартиры на легкѣ, а потомъ уже перебираться совсѣмъ. Можно, пожалуй, отправиться и прямо со всѣми пожитками, но тогда необходимо справиться въ пятигорской конторѣ, есть ли свободное помѣщеніе въ отдающихся поденно номерахъ, потому что въ Желѣзноводскѣ число такихъ номеровъ очень ограничено, и можно очутиться въ очень затруднительномъ положеніи, не имѣя мѣста, гдѣ остановиться на первое время.

Контора желѣзноводской группы помѣщается въ казенномъ домѣ, на площадѣ, противъ желѣзныхъ воротъ парка. Отсюда же отправляются ежедневно и дилижансы.

Паркъ. Расположеніе желѣзноводскихъ источниковъ, жилищъ и всего заведенія минеральныхъ водъ таково, что больные проводятъ почти цѣлый день въ паркѣ. Почти при самомъ началѣ парка, на небольшомъ возвышеніи, находится вокзалъ, къ которому въ 1872 г. пристроены обширный залъ, дамская комната и буфетъ; здѣсь же помѣщается и гостинница съ общимъ столомъ и кафе-рестораномъ. На находящихся передъ вокзаломъ площадкахъ по вечерамъ играетъ музыка.

Прогулки. По Ессентукской дорогѣ къ хутору графа Евдокимова или, повернувши отъ бассейна налѣво, въ лѣсъ, къ подножію Бештау. Эта не совсѣмъ удобная лѣсная дорога вполне вознаграждается тѣмъ великолѣпнымъ ландшафтомъ, который открывается съ верхняго пункта сѣдлообразнаго подножія. Про поѣздку на Бештау мы говорили выше (см. прогулка на Бештау). Самая обычная прогулка, это—въ нѣмецкую колонію, гдѣ устроиваются заказные обѣды и гдѣ всегда можно

найти прекрасный чай и кофе съ нѣмецкимъ масломъ и хорошими сливками.

Для остающихся въ паркѣ развлеченіемъ служить игра въ кегли, стрѣльба въ цѣль и гимнастика.

Ессентуки.

Ессентукскіе солено-щелочные источники, пользующіеся въ настоящее время вполне заслуженною славой, назывались прежде Бугунтскими, по имени протекающей вблизи ихъ небольшой рѣчки. Настоящимъ именемъ они начали называться только съ 40-хъ годовъ, по имени казачьей станицы, находившейся за полверсты отъ источниковъ и въ 1846 г. раздвинутой до самаго заведенія минеральныхъ водъ по приказанію кн. Воронцова. Хотя эти воды и описаны еще Гаазомъ въ 1810 г., но на нихъ стали обращать вниманіе только около 40 лѣтъ тому назадъ, не смотря на то, что ессентукская группа находится на половинѣ дороги изъ Пятигорска въ Кисловодскъ (18 верстъ отъ Пятигорска). Въ 1823 г. академикомъ Нелюбинымъ были открыты чисто-щелочные источники, незамѣнимые никакими другими на Кавказѣ. Мало-по-малу ессентукскія воды начали входить въ употребленіе и разсылаться въ бутылкахъ. Съ 1840 г. началъ входить въ извѣстность чисто-щелочной источникъ № 17-й, составляющій самое драгоцѣнное достояніе Ессентуковъ. Въ 1856 г. построена была около него обширная каменная галлерей, впрочемъ, скоро давшая, отъ осадки въ грунтъ, значительныя трещины. До построенія въ 1858 г. близь галлерей купаленнаго дома—большимъ для ваннъ привозили воду въ бочкахъ хозяева занимаемыхъ ими хатъ. О гостинницахъ и кухмистерскихъ

не было и помину. Только въ 1863 г. открыта ессентукскимъ казакомъ небольшая гостинница около воротъ парка. Въ 1868 г. управление водъ выстроило въ паркѣ столовую галерею, а въ 1872 г. расширило ее пристройкою комнаты для дамъ, новой кухни и комнаты для прислуги; выстроено небольшое зданіе для помѣщенія въ немъ конторы и аптеки, а также исправлено и зданіе ваннъ.

Помѣщенія для прїѣзжающихъ. Если больному назначаются для лѣченія Ессентуки, то, прежде нежели переселиться совсѣмъ, непременно надобно отправиться впередъ для прїисканія квартиры. Предосторожность эта здѣсь еще необходимѣе, чѣмъ въ Желѣзноводскѣ, потому что въ Ессентукахъ нѣтъ номеровъ для временной остановки прїѣзжихъ. Здѣсь всего одна гостинница съ 3-мя очень посредственными номерами и общимъ столомъ, да столовая галлерей, принадлежащая управленію, въ которой помѣщается кафе-ресторанъ, служацій мѣстомъ соединенія всѣхъ посѣтителей въ теченіе дня. Больные помѣщаются въ казачьихъ домахъ, расположенныхъ около заведенія минеральныхъ водъ. Хотя въ послѣдніе года и появились около парка пять-шесть домовъ, имѣющихъ уже не станичный, а городской характеръ, но эти улучшенія не настолько осязательны, чтобы заставить посѣтителя забыть о томъ, что онъ на окраинѣ Россіи и въ казачьей обстановкѣ.

Контора помѣщается въ небольшомъ красивомъ зданіи около воротъ парка, Тутъ же и аптека. Отсюда же отправляются и дилижансы.

Для прогулокъ единственнымъ мѣстомъ служитъ паркъ, раздѣляющійся на верхній и нижній. Вообще жизнь въ Ессентукахъ идетъ монотонно; окрестности представ-

ляютъ голую равнину и ни сколько не вызываютъ на прогулки.

Кисловодскъ.

Кисловодскъ сдѣлался извѣстенъ гораздо раньше Пятигорска. Слава о его удивительномъ источникѣ *Нарзанъ* (по-русски — богатырскій напитокъ) разносилась повсюду. Окрестности его, лежащія на дорогѣ, по которой происходили сношенія древнихъ обитателей сѣвернаго и южнаго Кавказа, представляютъ и до сихъ поръ интересныя слѣды и воспоминанія римскихъ походовъ; встрѣчающіеся по дорогѣ въ Кисловодскъ остатки древняго вала, вырываемые изъ земли, и встрѣчающіеся до сихъ поръ одиноко стоящіе посреди пустынныхъ равнинъ надгробныя памятники несомнѣнно указываютъ на это. *Рымъ-гора*—была ли то цитадель разстилавшагося у ея подножія города Боргустана, или укрѣпленный римскій лагерь, какъ передаетъ темное преданіе—сохранила на себѣ ясныя слѣды трудившейся здѣсь руки человѣка. Еще и теперь можно отыскать здѣсь остатки высѣченной въ скалѣ лѣстницы, рядъ кистернъ на площадкѣ скалы съ юго-западной стороны и, наконецъ, пещеру, почти засыпанную землей, съ сферическимъ куполомъ, на которомъ и до сихъ поръ замѣтны очертанія греческаго креста; при входѣ въ пещеру, ясно видны мѣста для двери, грубо высѣченныя въ плотной скалѣ. Наконецъ, чѣмъ юго-западнѣе и ближе къ Кавказскому хребту, тѣмъ памятники прежней жизни встрѣчаются чаще и несомнѣннѣе. Около верховьевъ малаго Зеленчука до сихъ поръ существуютъ развалины, среди которыхъ особенно замѣчательны слѣды обшир-

наго христіанскаго храма; подобныя же развалины находятся на лѣвомъ берегу Кубани, близъ Хумары.

Обширная и постоянно возвышающаяся отъ Пятигорска равнина продолжается и за Ессентуками по направлению къ Кисловодску. Затѣмъ, переправившись чрезъ рѣчку Ессентукъ, ѣдущій вступаетъ въ красивое ущелье Подкумка. Здѣсь дорога идетъ то по низменной долинѣ, пересѣкая въ нѣсколькихъ мѣстахъ высохшее русло рѣки, то, подымаясь съ холма на холмъ, тѣснится около обрывистыхъ мѣловыхъ скалъ лѣваго ея берега. Около Махова кургана, стоящаго на полдорогѣ, какъ бы стражемъ всего ущелья, она спускается въ болѣе широкую долину, оканчивающуюся около Подкумка, который дѣлаетъ здѣсь крутой поворотъ и разбивается на нѣсколько рукавовъ, чуть не каждый годъ измѣняющихъ свое направленіе. Перебравшись въ бродъ чрезъ этотъ быстрый и шумливый горный потокъ, ѣдущій поднимается на крутой правый его берегъ и затѣмъ, оставивъ вправо Кисловодскую станицу, спускается въ Кисловодское ущелье по плоской и изрытой балками возвышенности, простирающейся верстъ на пять. Вообще дорога очень живописна. Изрытые пещерами горные пласты нагромождены другъ надъ другомъ уступами, представляющимися какъ бы стѣнами давно оставленныхъ, полуразрушенныхъ укрѣпленій. Вдали, на окраинѣ выдающагося уступа, просвѣчиваетъ *Кольцо-гора*, а еще далѣе на горизонтѣ, замыкая долину, синѣетъ правильная прямоугольная форма Рымъ-горы.

Присоединеніе Кисловодска къ Россіи надо считать съ 1803 года, когда кн. Циціановымъ было заложено Кисловодское укрѣпленіе, обезпечивавшее мѣстность отъ непрерывныхъ нападений горцевъ. Черезъ годъ было

исполнено предложеніе Палласа, осматривавшаго источникъ въ 1792 году. Такъ какъ Нарзанъ находился въ то время на углу соединенія двухъ рѣчекъ—*Ольховки* (Козада) и *Березовки* (Елкоша, изъ которыхъ Ольховка, ударяясь въ берегъ площадки, угрожала совсѣмъ подмыть берегъ и залить источникъ, то Палласъ и предложилъ отвести воду изъ Ольховки въ Березовку каналомъ, прорытымъ выше, такъ чтобы Нарзанъ оставался внѣ угла соединенія этихъ рѣчекъ; но непрерывныя наводненія разрушали плотину, которою былъ укрѣпленъ берегъ, до тѣхъ поръ, пока въ 1846 г., по приказанію кн. Воронцова, не была сдѣлана и укрѣплена теперешняя набережная.

Развиваться Кисловодскъ началъ при Ермоловѣ, съ того же 1819 г., какъ и Пятигорскъ. Въ этомъ году построены два казенныхъ дома, по правую сторону Ольховки, и восемь частныхъ (астраханскаго купца Шайкина) по лѣвую. Въ 1823 г. начата красивая и удобная гостинница, остающаяся и до сихъ поръ. Тогда же началось (комендантомъ Энгельгардтомъ) разведеніе великолѣпнаго въ настоящее время парка въ совершенно безлѣсной далинѣ Нарзана. Теперешнимъ же своимъ видомъ и великолѣпною галерею Кисловодскъ обязанъ кн. Воронцову (1844—56 г.), для котораго онъ былъ любимымъ и постояннымъ мѣстомъ лѣтняго пребыванія.

Спустившись по узкой и крутой дорогѣ въ ущелье Кисловодска, дорога идетъ между рядомъ построекъ и великолѣпной аллеи изъ пирамидальныхъ тополей, оканчивающейся около зданія галереи, напоминающей своимъ фасадомъ съ этой стороны средневѣковое аббатство. Затѣмъ, обогнувъ павильонъ зданія (еще недостроенный), вы предъ главнымъ фасадомъ галереи, которая

не может не обратить на себя вниманія своей обширностью и красотою стилиа англійской архитектуры средних вѣковъ. Отъ южнаго конца галлерей, гдѣ кипитъ и пѣнится могучій Нарзанъ, начинается паркъ, такъ любимый посѣтителями за прохладный и живительный воздухъ его тѣнистыхъ аллей, за мѣста уединенныхъ прогулокъ надъ берегами быстро стремящагося по каменистому руслу горнаго потока, поэтически оѣненнаго тѣнью нависшихъ деревьевъ. Широкая аллея, начинаясь отъ галлерей и идя параллельно потоку, ведетъ вдоль ущелья до конца парка, откуда, перейдя по брошенному чрезъ потокъ деревянному мосту, вы вступаете въ самую отдаленную и уединенную его часть. Отсюда по дорожкамъ, извивающимся среди развѣсистыхъ деревьевъ, достигаете деревянной купальни при семиградусномъ источникѣ, за которой находится послѣдній крайній пунктъ—казенный садикъ, гдѣ во всякое время можно достать и цвѣты и фрукты.

Помѣщенія для пріѣзжающихъ. Пріѣзжающіе въ Кисловодскъ помѣщаются исключительно въ домахъ частныхъ владѣльцевъ, расположенныхъ частію противъ галлерей и аллей изъ тополей, частію на лѣвомъ берегу Ольховки, противъ парка. Въ казенной гостинницѣ номеровъ для пріѣзжающихъ нѣтъ. Номера отдаются поденно въ двухъ флигеляхъ, расположенныхъ за гостинницей, во второмъ этажѣ сѣверной части кисловодской галлерей и въ одномъ изъ домовъ генерала Коханова, находящихся за мостомъ, по улицѣ, ведущей къ слободѣ. Всѣ вообще квартиры снабжены мебелью и отдаются, по обыкновенію, на весь курсъ. Желаящіе имѣть болѣе дешевыя помѣщенія находятъ ихъ въ Кисловодской слободѣ. Почти всѣ пріѣзжающіе пользуются столомъ въ казенной гостинницѣ, распо-

ложенной въ паркѣ, на скалѣ, надъ главной аллеей; болѣе же скромное и дешевое продовольствіе можно имѣть у нѣмца Макалая, имѣющаго небольшую гостинницу на лѣвомъ берегу Ольховки, по улицѣ, идущей отъ моста въ Кисловодскую слободу. Достаточныя семейства приготовляютъ кушанье дома или берутъ его изъ гостинницы по порціямъ.

Контора группы помѣщается въ самомъ зданіи галлеи; рядомъ съ нею и аптека. Отсюда же отправляется дилижансъ ежедневно въ Ессентуки и Пятигорскъ.

Прогулки. Мѣстъ для прогулокъ въ Кисловодскѣ много; тотъ, кто не хочетъ или не можетъ ими пользоваться, можетъ быть вполне удовлетворенъ великолѣпнымъ паркомъ. Прогулки по окрестностямъ предпринимаются большею частію верхомъ и часто многочисленными кавалькадами. Обыкновенно отправляются или по ущелью р. Ольховки, начинающейся въ 6 верстахъ отъ крѣпости, по сосѣдству съ р. Джудей, или по красивой и скалистой березовой балкѣ, по которой быстро стремится р. Березовка, образуя въ одномъ мѣстѣ водопадъ. Съѣздить на Кольцо-гору считается почти обязательнымъ для всякаго. Затѣмъ интересны и пріятны прогулки въ красивую балку, по дорогѣ къ Рымъ-горѣ и Бургустану, въ долину Подкумка и проч. Наконецъ, поѣздка на ближайшую къ Кавказскому хребту возвышенную террасу *Бермамутскую* (8,569 ф. надъ моремъ), чтобъ полюбоваться при восходѣ солнца гигантской снѣговой массой Эльборуса и величественной цѣпью снѣговаго хребта. Въ хорошую погоду поѣздка эта оставляетъ такое впечатлѣніе, которое долго не забывается. Но это уже не прогулка, а маленькое путешествіе, въ которое, чтобы быть на мѣстѣ къ восходу солнца, отправляются съ вечера,

запасшись и теплой одеждой и провизіей. Дорога идетъ на протяженіи почти 40 верстъ по плоской возвышенности, все въ гору. Дѣлать ее верхомъ утомительно, почему и предпочитаютъ экипажи.

Образъ жизни въ Кисловодскѣ слагается иначе, чѣмъ на другихъ группахъ, потому что сюда, кромѣ больныхъ, пріѣзжаютъ и выздоравливающіе и совсѣмъ здоровые посѣтители. Въ 7 часовъ утра музыка собираетъ всѣхъ вокругъ бассейна нарзана, на просторной и красивой площадкѣ, предъ южнымъ концомъ галлерей. Здѣсь больные начинаютъ свой день, здѣсь же они его и оканчиваютъ. Жизнь въ Кисловодскѣ нисколько не похожа на монотонную жизнь въ Ессентукахъ.

Кисловодскъ, по своему мѣстоположенію, воздуху и климату, вполне заслуживаетъ названіе кавказскаго рая.

Въ іюлѣ и августѣ, въ самый развалъ лѣтня, здѣсь стоитъ превосходная погода, тогда какъ въ Пятигорскѣ, лежащемъ ниже и сѣвернѣе, начинаются уже дожди, предвѣстники осени. Горы, окружающія Кисловодскъ, имѣютъ видъ усѣченныхъ террасъ; мѣстами онѣ голы, мѣстами же покрыты великолѣпной травой, напоминающей своей свѣжей зеленью, даже среди лѣта, о первыхъ весеннихъ дняхъ. Съ нѣкоторыхъ изъ этихъ террасъ открывается восхитительный видъ на Эльбурсъ и снѣжную цѣпь горъ. Но мы еще ничего не сказали о знаменитомъ Нарзанѣ.

Нарзанъ имѣетъ видъ восьмиугольнаго чана, около сажени въ діаметрѣ и до 5 аршинъ глубины. Вода въ немъ постоянно бьетъ бѣлымъ ключемъ и волнуется такъ сильно, что даже тяжелыя тѣла, брошенныя въ воду, выкидываются наружу. Шумъ и клокотанье воды до того громки, что вблизи источника едва слышенъ разго-

воръ. Но отъ кипящаго колодца вѣтъ не жаромъ, а прохладой,—и въ воздухѣ явственно слышится пріятный запахъ углекислоты. Бассейнъ обнесенъ рѣшеткою, потому что бывали случаи, что нѣкоторые, отъ дѣйствія отдѣляющагося газа и шума воды, получали головокруженіе и падали въ воду. Что же сказать о самой водѣ, прохладной (10—11° Р.) и прозрачной, какъ кристаллъ, шипучей, какъ шампанское, пріятнаго кисловатаго вкуса, слегка щиплющей языкъ и ударяющей въ носъ, дѣйствующей на человѣка заразъ и возбуждающимъ и укрѣпляющимъ образомъ, прохлаждающей и вмѣстѣ разливающей по тѣлу ощущеніе пріятной, здоровой теплоты?

За Георгіевскомъ слѣдуетъ станція *Павловская*; отъ нея до *Солдатской* станицы приходится проѣзжать черезъ балку, въ которой бѣжитъ рѣчка *Кура* (теряющаяся въ степи и называемая въ просторѣчьи *Курка*, для отличія отъ закавказской Куры). Потомъ проѣзжаютъ каналъ *Невольку*, проведенный изъ Малки верстъ на 20 въ степь. Этотъ благодѣтельный для степи небольшой каналъ, напоминаетъ собою по быстротѣ горную рѣку и бываетъ иногда очень опасенъ для переѣзда въ бродъ.

Солдатская станица лежитъ на лѣвомъ берегу Малки. Про то, что она еще въ 1825 г. подвергалась набѣгамъ горцевъ, мы уже говорили. Здѣсь начинается собственно кавказская линія, заселенная еще при Екатеринѣ. Вмѣсто крестьянскихъ селъ, путешественникъ встрѣчаетъ казачьи станицы, по своей постройкѣ не отличающіяся, впрочемъ, ничѣмъ отъ первыхъ: тѣ же мазанья хаты, крытыя соломой подъ щетку; только видъ жителей и мѣстности лежащей за Малкой напоминаетъ, что вы подъѣхали къ бывшей военной границѣ Кавказа. По лѣвому берегу рѣки, влѣво отъ дороги, лежитъ безконечная степь,

а по той сторонѣ—лѣсистая ровная плоскость Кабарды; далѣе чернѣють поросшія лѣсомъ горы, а за ними, еще дальше, высится снѣговой хребетъ. Вы чувствуете, что подъѣхали къ таинственной и бывшей такъ долго недоступной для насъ странѣ—Кавказу. Переходъ отъ степи къ внезапно открывшемуся виду на кабардинскую плоскость поразителенъ. Крестьянъ здѣсь замѣнили стройные широкоплечіе казаки; у многихъ изъ нихъ, пожилыхъ большею частію, вся грудь увѣшана орденами, начинающимися Георгіемъ съ бантомъ и кончающимися медалями. Вы съ невольнымъ уваженіемъ смотрите на мужественныя фигуры этихъ пожизненныхъ воиновъ—земледѣльцевъ, проводившихъ всю жизнь въ войнѣ и упрочившихъ за Россіей завоеваніе Кавказа. При выѣздѣ изъ Солдатской, вы видите по дорогѣ огромный рядъ могильныхъ кургановъ; когда и кѣмъ они насыпаны и кто въ нихъ схороненъ—на эти вопросы здѣсь никто не дастъ вамъ отвѣта,—еще встарину это было. По дорогѣ попадаются казаки верхомъ и нагайцы съ своими скрипучими арбами. Дорога до Моздока то идетъ по самому берегу, то нѣсколько отдаляется отъ него. Вамъ не приходится переѣзжать здѣсь даже ни одной маленькой рѣчки, потому что всѣ воды текутъ съ правой, нагорной стороны. Кабарда вся прорѣзана ручьями и рѣчками, а по лѣвому берегу Малки—совершенно безводная степь. Трудно еще гдѣ нибудь сыскать подобный контрастъ. Послѣ Солдатской слѣдуетъ *Прохладная*, за которой Малка (почти противъ Приближной станицы) увеличивается впавшимъ въ нее Баксаномъ, а противъ Екатериноградской станицы сама Малка впадаетъ въ Терекъ, — и вы дальше ѣдете уже его берегомъ.

Екатериноградская станица или прежній Екатерино-

градъ (бывшій когда то намѣстническимъ городомъ) не потеряла своего городского вида и до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ — издали. Въ ней, какъ и во всѣхъ нашихъ уѣздныхъ городахъ, есть и каменные церкви, и каменный острогъ, и даже, въ отличіе отъ прочихъ, триумфальные ворота временъ Екатерины.

До 1837 г. съ Екатеринограда начиналась *Военно-грузинская* дорога. Здѣсь переправлялись чрезъ Терекъ и слѣдовали съ *оказіей* вверхъ по его теченію, до Владикавказа. Чтобы дать понятіе объ удобствахъ этой дороги и скорости движенія *оказіи*, мы приведемъ слова Пушкина, путешествовавшаго здѣсь въ 1829 году.

„Съ Екатеринограда начинается Военно-грузинская дорога; почтовый трактъ прекращается. Нанимаютъ лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачій и пѣхотный и одна пушка. Почта отправляется 2 раза въ недѣлю, и проѣзжіе къ ней присоединяются: это называется *оказіей*. Мы дожидались недѣлю. Почта пришла на другой день, и на третье утро, въ 9 часовъ, мы были готовы отправиться въ путь. На сборномъ мѣстѣ соединился весь караванъ, состоявшій изъ 500 человекъ или около. Пробили въ барабанъ, мы тронулись. Впередъ поѣхала пушка, окруженная пѣхотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдатокъ, переѣзжавшихъ изъ одной крѣпости въ другую; за нами слѣдовалъ обозъ двуколесныхъ арбъ. По сторонамъ бѣжали конскіе табуны и стада воловъ. Около нихъ скакали ногойскіе проводники въ буркахъ и съ арканами. Все это сначала мнѣ очень нравилось, но скоро надоѣло. Пушка ѣхала шагомъ, фитиль курился, и солдаты раскуривали имъ трубки. Медленность нашего похода (въ первый день мы прошли только 15

верстѣ), несносная жара, недостатокъ припасовъ, безпокойные ночлеги, наконецъ непрерывный скрипъ ногогайскихъ арбъ выводили меня изъ терпѣнія. Татары тщеславятся этимъ скрипомъ, говоря, что они разъѣзжаютъ какъ честные люди, неимѣющіе нужды укрываться. На сей разъ пріятнѣе было мнѣ путешествовать не въ столь почтенномъ обществѣ. Дорога довольно однообразная: равнина, по сторонамъ холмы. На краю неба вершины Кавказа, каждый день являющіяся выше и выше. Крѣпости, достаточныя для здѣшняго края, со рвомъ, который каждый изъ насъ перепрыгнуть бы, не разбѣгаясь, съ пушками, не стрѣлявшими со времени *графа Гудовича* *), съ валомъ, по которому бродитъ гарнизонъ куриць и гусей. Въ крѣпостяхъ нѣсколько лачужекъ, гдѣ съ трудомъ можно достать десятокъ яицъ и кислаго молока.“ (*Путешествіе въ Арзерумъ*).

И такое то сообщеніе было до 1837 г., т. е. до того времени, когда покойный государь Николай Павловичъ, посѣтивъ въ этомъ году Кавказъ, приказалъ открыть почтовую дорогу. Любопытнѣе всего, что почтовое вѣдомство на сообщенное ему приказаніе донесло, что, по причинѣ неприступныхъ горъ, открыть почтовый трактъ въ этихъ мѣстахъ невозможно. А эти мѣста какъ разъ лежатъ въ ровной плоскости Кабарды, и большихъ горъ здѣсь нѣтъ ни одной. Такъ хорошо тогда въ Россіи знали Кавказъ! Не смотря на знаменитое донесеніе почтоваго вѣдомства, трактъ, разумѣется, былъ открытъ. Сначала ѣздили по немъ съ казачьимъ кон-

*) *Графъ Гудовичъ*, главнокомандующій на Кавказѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтій, пзвѣстенъ своимъ несчастнымъ отступленіемъ отъ Эривани въ 1808 г., когда онъ изъ 8 тысячъ, составлявшихъ его отрядъ, потерялъ замерзшими 1,000 человекъ.

воемъ, а потомъ конвой былъ отброшенъ и проложена теперешняя дорога на Моздокъ.

Отъ Екатериноградской станицы лѣсу, по ту сторону Терека, меньше,—его истребили самымъ беспощаднымъ образомъ. А между тѣмъ еще Ермоловъ рубилъ здѣсь просѣки, и Терекъ продолжаетъ и до сихъ поръ вымывать огромнѣйшіе пни и деревья.

Вправо отъ дороги, отошедшей отъ рѣки, видно *Новосетинское село*, съ православною церковью. Православные осетины, населяющіе его, выселены сюда недавно; это смирный и работающій народъ. Слѣдующая за тѣмъ станція — *Павлодольская*. Проѣхавши ее и лежащую подъ Моздокомъ *Луковскую станцію*, въ которой уже начинаются виноградные сады, пріѣзжаютъ въ Моздокъ.

Моздокъ—славный во всей Россіи своими бахчевыми арбузами и дынями, въ настоящее время заштатный городъ, не принадлежащій ни къ какому округу Терской области—имѣетъ около 10 тыс. жителей. Видомъ онъ тоже напоминаетъ наши уѣздные города. Дома большею частію турлучные (изъ стояковъ, между которыми пространство забрано плетнемъ, и все это обмазано глиной съ рубленой соломой саманомъ, по здѣшнему). Изрядная *гостиница*, гдѣ можно пообѣдать. Терекъ здѣсь уже довольно глубокъ, и въ немъ ловятся лососи и пудовые осетры. Лосось идетъ съ моря съ сентября по апрѣль.

Моздокъ основанъ при Екатеринѣ, при заселеніи линіи; нападеніямъ подвергался еще въ 1840 году. При выѣздѣ изъ него, проѣзжаютъ Терекъ, бурно несущійся въ широкомъ ложѣ и вѣзжаютъ въ малую Кабарду.

Черезъ Терекъ, устроенъ хорошій деревянный мостъ; въ прежнее время его не было, что разумѣется страшно

замедляло, а иногда и совсѣмъ лишало возможности быстро подавать помощь нашимъ передовымъ укрѣпленіямъ.

Кабарда и кабардинцы. Кабардинцы живутъ по обѣ стороны Терека, къ сѣверу отъ главнаго хребта. Рѣка эта дѣлитъ ихъ землю на двѣ части: западная, между Терекомъ и Малкой, называется *большой Кабардой*, а восточная, между Терекомъ и Сунженскимъ хребтомъ, *малой Кабардой*. *Вольные или бѣглеы кабардинцы* жили въ долинахъ обоихъ Зеленчуковъ и были также извѣстны вообще подъ именемъ *абрековъ*. Всѣхъ кабардинцевъ надо считать около 40 тысячъ (24 т. въ большой, 12 т. въ малой Кабардѣ и вольныхъ до 4 тысячъ).

Большая часть большой Кабарды покрыта лѣсомъ, состоящимъ изъ различныхъ породъ простыхъ и фруктовыхъ деревьевъ, а въ малой Кабардѣ лѣсъ растетъ только по сѣверному склону горъ, образующихъ ея южную границу. Трава (особенно въ б. Кабардѣ) отличается такимъ ростомъ и питательностію, что сложилась по словица: „въ Кабардѣ одинъ годъ—теленокъ, а другой годъ— корова“. Добротность кабардинскихъ лошадей, живущихъ весь годъ на подножномъ корму, извѣстна; онѣ не знаютъ ковки и въ теченіе цѣлаго мѣсяца могутъ дѣлать переходы отъ 60 до 100 в. безъ дневокъ. (Впрочемъ, какъ говорятъ, порода лошадей этихъ стала теперь ухудшаться послѣ выселенія горцевъ изъ горъ. Прежде жители плоскостей постоянно обновляли породу горскими лошадьми, которыхъ сила и выносливость зависѣла отъ горныхъ травъ и отъ воспитанія въ горахъ. Лошадь же, родившаяся на плоскости и питающаяся жирными травами, тяжелѣетъ и теряетъ понемногу качества, присущія горской породѣ). Пчеловодство и овцеводство также въ хорошемъ состояніи.

Кабардинцы ранѣе другихъ горцевъ вступили въ дружественныя съ нами сношенія. Они принадлежатъ къ племени *адиге* (у русскихъ — *черкесы*), населявшему почти всю западную половину Кавказа, и составляютъ самое богатое, самое образованное и вообще, если можно такъ выразиться, самое цивилизованное изъ всѣхъ адигскихъ племенъ. Кабардинскіе аристократы считались и считаются образцомъ моды для всѣхъ остальныхъ горцевъ. Такъ какъ основныя черты ихъ характера сходны, хотя и въ смягченной формѣ, съ чертами характера всѣхъ адиге вообще, то мы и приведемъ выписки изъ г. Дубровина, который такъ описываетъ характеръ *адиге, т. е. черкеса*.

„Шаткость религіозныхъ убѣжденій, говорить онъ, и жизнь, проводимая въ постоянной опасности, сообщили черкесу такія особенности характера, которыя, въ основаніи своемъ, противорѣчатъ другъ другу. Въ народѣ, не имѣвшемъ никакихъ властей, каждый долженъ былъ заботиться и о себѣ, и объ общественной пользѣ, заводить связи и употреблять силу слова для огражденія своихъ интересовъ. Публичное обсужденіе на сходкахъ мірскихъ дѣлъ и публичное судопроизводство часто образовывали изъ черкесовъ замѣчательныхъ ораторовъ. Такое политическое устройство развиваетъ присутствіе дѣла, быстроту соображенія, а постоянныя физическія упражненія и дѣятельность способствуютъ развитію тѣлесной красоты, гибкости и силы. Черкесы богато одарены какъ умственными способностями, такъ и красотою; но всѣ ихъ духовныя способности употреблялись лишь на хищничество и на войну. Между черкесами то семейство, въ которомъ одинъ изъ членовъ не былъ убитъ или раненъ въ сраженіи съ врагами, не поль-

зовалось уваженіемъ соотечественниковъ. Храбрые по природѣ, привыкшіе съ дѣтства бороться съ опасностью, черкесы въ высшей степени пренебрегали самохвальствомъ. О военныхъ подвигахъ своихъ черкесъ никогда не говорилъ, никогда не прославлялъ ихъ, считая такой поступокъ неприличнымъ. Самые смѣлые—*джигиты* (наѣздники, удалцы) отличались необыкновенной скромностью, говорили тихо, не хвалились своими подвигами, готовы были каждому уступить свое мѣсто и замолчать въ спорѣ; за то на дѣйствительное оскорбленіе отвѣчали съ быстотою молніи, но безъ угрозы, безъ крика и брани. Заслуги своихъ великихъ людей черкесы воспѣвали обыкновенно послѣ ихъ смерти, но рассказываютъ, что въ древности, знаменитѣйшій изъ витязей, Бзехинекко-Бексиръ удостоился этой чести при жизни. Онъ былъ уже въ глубокой старости, когда сыновья его поручили пѣвцамъ сложить жизнеописательную пѣсню про ихъ отца. Старецъ, узнавшій о томъ, послѣ того какъ пѣснь была уже сложена, призвалъ къ себѣ своихъ сыновей и пѣвцовъ, приказалъ имъ пропѣть сложенную пѣсню и, найдя въ ней описаніе такого подвига, который унижалъ одного изъ соперниковъ, приказалъ это порицаніе выкинуть изъ пѣсни. Будучи чрезвычайно впечатлительнень, черкесъ легко увлекался, но весьма скоро и приходилъ въ себя. Въ обращеніи съ соплеменниками вѣжливы, почтителень къ старшимъ, откровенень, говорилъ смѣло и рѣзко то, что думалъ. Въ обращеніи съ русскими былъ всегда вѣроломень, холодень и натянутъ. Легкомысленный на обѣщанія, мало думалъ о скоромъ исполненіи обѣщаннаго. Страхъ дѣйствовалъ на черкеса мгновенно и сильно, но онъ скоро оправлялся и потомъ съ необыкновенной настойчивостью продолжалъ

прежнее, какъ бы дорого ему за это ни пришлось заплатить. Съ необыкновенной гибкостью переходилъ онъ отъ пирушки къ дѣятельности, отъ молитвы къ воровству, отъ благочестія къ злодѣянію. Религія была его единственная опора; но когда онъ не боялся наблюденія за собою соотечественниковъ, то весьма легко уклонялся отъ исполненія религіозныхъ обрядовъ и правилъ. Эта черта характера проявлялась и въ бою. Когда черкесъ находился въ составѣ партіи и принужденъ былъ сражаться въ присутствіи своихъ товарищей, то выказывалъ удивительную храбрость и дѣлалъ удивительные подвиги самопожертвованія. Онъ зналъ, что подвиги его всѣ видятъ, что храбрость его съ избыткомъ будетъ вознаграждена общемою молвою; но на одиночномъ хищничествѣ, гдѣ не было свидѣтелей его поведенія, черкесъ не хлопоталъ о блескѣ подвига, а старался скорѣе убить, ограбить или украсть что попало—и затѣмъ убраться, избѣгая погони. Черкесъ всегда былъ жаденъ къ деньгамъ; за деньги рѣшался на убійство, на измѣну, но, получивъ деньги, готовъ былъ раздать ихъ кому попадется, съ щедростью и легкомысліемъ. Ведя непрерывную войну съ русскими, черкесы часто за деньги, были лучшими проводниками для купцовъ, доставлявшихъ рогатый скотъ въ наши крѣпости. Примѣры скупости были весьма рѣдки между черкесами; да и нельзя было быть скупымъ, когда въ обычаѣ укоренилось правило, что порядочный человѣкъ долженъ подарить любую вещь нуждающемуся, по первому его слову или намеку. Стоило только похвалить чекмень, бурку, лошадь или другую вещь, какъ черкесъ тотчасъ же дарилъ ее вамъ. Эта щедрость составляла весьма важное условіе въ жизни черкеса, потому что

бѣдный, ничего не имѣющій человѣкъ, могъ, посредствомъ подарковъ, тотчасъ же получить лошадь, оружіе, одежду и, такимъ образомъ, снарядиться на войну или на хищничество, а послѣднее давало ему средства къ существованію. Въ случаѣ, если онъ не получалъ просимаго въ подарокъ, то могъ взять вещь на поддержаніе, на два и на три года, а лошадь можно было взять для ѣзды, въ чемъ никто не отказывалъ. И если, съ одной стороны, черкесь не дорожилъ своимъ имуществомъ, то съ другой, когда дѣло шло на споръ, касалось его самолюбія, онъ готовъ былъ тягаться 20 лѣтъ изъ за какаго нибудь украденнаго у него теленка, лишь бы не уступить противнику, и тогда спорамъ и разбирательствамъ не было конца. Въ одномъ и томъ же человѣкѣ страннымъ образомъ соединялись: любовь къ приобрѣтенію, доходившая до сутяжничества, и щедрость, доведенная чуть ли не до отрицанія права на свою собственность. Несмотря на видимое легкомысліе, черкесь владѣлъ характеромъ энергическимъ и многостороннимъ, въ которомъ скрывались твердая настойчивость и необыкновенное терпѣніе. Послѣднее, особенно въ страданіяхъ, считалось у черкесовъ однимъ изъ первыхъ достоинствъ молодаго человѣка. Равнодушіе, съ какимъ они переносили боль, доходило до такой степени, что въ этомъ случаѣ легко можно было между ними узнать европейца, который могъ быть столько же безстрашенъ, какъ и черкесь, но никогда не могъ сравняться съ нимъ въ терпѣливости. Съ неподкупною любовью къ родинѣ, черкесь сохранялъ твердую вѣру въ блестящую будущность своего народа. Любовь къ родинѣ у него, конечно, проявлялась только въ бессознательной привязанности къ мѣсту рожденія и къ

обычаямъ, которыя онъ считалъ лучшими въ мірѣ. Насильственно оторванный отъ родныхъ горъ и ущелій, онъ тосковалъ,—и бывали частые примѣры, что изгнанный изъ общества и неимѣвшій возможности явиться безъ явной опасности на родину часто пріѣзжалъ ночью на родныя поля, просиживалъ цѣлыя noci вблизи того аула, гдѣ провелъ молодость, и уѣзжалъ съ разсвѣтомъ. Спросите черкеса: откуда онъ родомъ? Онъ назоветъ вамъ свое племя или свою маленькую общину, но съ такой гордостью и серьезностью, какъ будто бы онъ былъ вельможею огромнаго государства. Сознаніе собственнаго достоинства развило въ характерѣ черкесовъ заносчивость, а необузданная свобода сдѣлала ихъ неуживчивыми, самонадѣянными и въ высшей степени гордыми. Гостепріимство было такъ развито у черкесовъ, что всякій гость составлялъ священную особу для хозяина. Какого бы низкаго званія гость ни былъ, самый богатый и знатный хозяинъ не считалъ для себя унижительнымъ держать его стремя, когда тотъ, пріѣхавъ, слѣзаль съ лошади. Деликатность простиралась до того, что нельзя было спросить о имени гостя, если онъ самъ не называлъ себя и желалъ сохранить инкогнито. Домашняя обстановка черкеса отличалась бѣдностью и неопрятностью. Особенности характера мужчинъ перешли и на женщинъ. Жена свободнаго черкеса, при всемъ деспотизмѣ, царствовавшемъ въ семейномъ быту, была мало похожа на угнетенную женщину племенъ восточнаго Кавказа, хоть бы, напр., Дагестана. Черкесская женщина также гордилась своимъ происхожденіемъ и отлично знала старшинство родовъ княжескихъ и дворянскихъ, — въ этомъ сказывалось аристократическое устройство быта черкесскихъ племенъ. Понѣскольку женъ

имѣли только богатые. Про черкесскихъ дѣвушекъ можно сказать, что, кромѣ прославленной красоты, они отличались скромностью, тактомъ въ обращеніи и рѣдкою силою воли; всѣ ихъ завѣтныя мечты стремились къ одной цѣли: выйти замужъ за безстрашнаго воина и попасть чистою въ его объятія. Существуетъ мнѣніе, что чрезъ покупку черкешенокъ для турецкихъ гаремовъ произошло улучшение турецкой расы. Кстати замѣтимъ, что на этотъ торгъ нельзя смотрѣть исключительно съ нашей, европейской точки зрѣнія. Тутъ не было продажи въ рабство, и плата за черкешенку была тотъ же калымъ, платимый вездѣ на востокѣ за невѣсту. Черкесскія дѣвушки не носили покрывала, и обращеніе ихъ съ молодыми людьми было совершенно непринужденно. Свадьбы большею частію составлялись по свободному выбору жениха и невѣсты. Изъ всего этого видно, что положеніе черкесской женщины было во многомъ не похоже на положеніе восточной рабыни, хотя власть главы семейства и была неограниченна“.

Гражданское устройство кабардинцевъ, какъ и всѣхъ вообще западныхъ горцевъ, было чисто аристократическое. У нихъ были князья (*пши*),—ихъ было 4 главныхъ фамиліи: *Кайтукиныхъ*, *Бекъ-Мурзиныхъ*, *Мисостовыхъ* и *Атажуккиныхъ*,—дворяне (*вуорки* или *уздени*), крестьяне и рабы. Отношенія между сословіями были феодальныя. Уваженіе къ князьямъ въ народѣ было такъ велико, что покусившійся на жизнь князя въ прежнее время истреблялся со всѣмъ семействомъ. О податяхъ не имѣлось никакого понятія; каждый владѣлецъ жилъ тѣмъ, что для него сдѣлають крестьяне. Тѣлесное наказаніе, какъ и у всѣхъ горцевъ, никогда не было извѣстно. Рабы считались чѣмъ-то въ родѣ несовершен-

полѣтнихъ членовъ семейства и держали себя независимо отъ своего господина, хотя тотъ и имѣлъ надъ ними право жизни и смерти. Рабъ исполнялъ безпрекословно то, что слѣдовало, но для заявленія своей нравственной независимости при разговорѣ съ господиномъ держался нѣсколько грубаго тона, хотя готовъ былъ въ тоже время стоять за него горой и не дозволилъ бы никому сдѣлать на его счетъ ни малѣйшаго заочнаго оскорбительнаго намека. Господинъ тоже остерегался требовать отъ раба чего-нибудь лишняго. Глубокое чувство справедливости, прирожденное горцу, поддерживало эти нѣсколько непонятныя для насъ отношенія. Приведемъ здѣсь, для примѣра, происшествіе, рассказываемое г. Дубровинымъ: оно отлично характеризуетъ отношенія и связь между княземъ и его вассалами. Происшествіе это и до сихъ поръ еще памятно многимъ на Кавказѣ.

„Одинъ изъ кабардинскихъ князей женился на дочери другаго князя, съ обязательствомъ уплатить часть калыма по окончаніи ярмарки, на которой онъ рассчитывалъ продать табунъ лошадей. По прошествіи этого срока, зять все-таки не могъ внести остальной части калыма, и потому тесть, по народному обычаю, потребовалъ возвращенія дочери. Отдать жену, которую любилъ и отъ которой уже имѣлъ сына, молодой князь не соглашался. Завязалось дѣло. Отвѣтчика вызвали въ Кисловодскъ, въ домъ пристава, куда князь и пріѣхалъ, окруженный, по обыкновенію, многочисленною свитою, всегда и всюду сопровождающею своего господина. Дѣло должно было рѣшиться по кабардинскому адату, и такъ какъ судьи не были еще собраны, а князь намѣревался возвратиться домой, то приставъ и приказалъ арестовать его. Отвѣтчикъ и его свита садились уже на ло-

шадей, когда отъ князя потребовали оружіе. Въ понятіи кабардинца и вообще всѣхъ горцевъ отнятіе оружія равносильно отнятію чести или жизни, и потому горецъ, по преимуществу гордый, дорожа своею честью, никогда не проститъ обиды, нанесенной покушеніемъ обезоружить его. Князь, при другихъ условіяхъ, исполнилъ бы приказаніе начальства безпрекословно, съ полною готовностью, но при такой формѣ требованія вышло иначе. Первый изъ посланныхъ, осмѣлившійся взять за поводья княжескую лошадь, упалъ къ ея ногамъ съ раскроеннымъ черепомъ. Прислуга и свита князя выхватили винтовки и, разчищая ими дорогу, кинулись на улицу, но, будучи окружены войсками, укрылись въ первомъ попавшемся домѣ, въ кисловодскомъ благородномъ собраніи. Занявъ на хорахъ собранія крѣпкую позицію, кабардинцы навели свои винтовки прямо на двери, и едва только показались въ нихъ солдаты, какъ съ хоръ посыпались выстрѣлы. Послѣдніе пошли на приступъ, и послѣ отчаяннаго сопротивленія князь былъ убитъ, а подлѣ него легли всѣ вѣрные его спутники и слуги, заплатившіе жизнью за нарушеніе коренныхъ понятій о чести и долгѣ, сложившихся вѣками среди населенія ихъ родины.“ „Кого обвинять въ этой сценѣ: кабардинцевъ или кого другаго?“ спрашиваетъ г. Дубровинъ.

Религія кабардинцевъ. Кабардинцы, какъ и всѣ остальные горцы адигскаго племени, были въ древности христіане. Развалины церквей, многочисленные христіанскіе памятники, также какъ народныя преданія и остатки христіанскихъ религіозныхъ обрядовъ, служатъ тому неопровержимымъ доказательствомъ. По преданіямъ, христіанство введено на Кавказѣ при Юстиніанѣ, но, судя по всему, оно явилось здѣсь не какъ догматическое

ученіе, а только какъ новый обрядъ. Греческіе миссіонеры обращали вниманіе исключительно на наружную, обрядовую сторону, а не на передачу смысла вѣры. Богослуженіе совершалось на греческомъ языкѣ, непонятномъ ни для прихожанъ, ни для туземныхъ священниковъ; туземной письменности не существовало. Разумѣется, результатъ вышелъ тотъ, что горцы приняли изъ христіанства, что имъ правилось и не казалось затруднительнымъ, а въ сущности, несмотря на многочисленныя христіанскіе храмы, остались язычниками; напримѣръ, они усвоили посты, соблюденіе которыхъ, при извѣстной ихъ умѣренности въ пищѣ, ничего для нихъ не стоило, а удержали свой прежній супружескій уставъ. Удивительно ли послѣ того, что лстящее страстямъ и для дикаря болѣе осязательное, чѣмъ возвышенное ученіе Христа,—магометанство нашло себѣ благодатную почву въ первобытныхъ племенахъ Кавказа? Горская дѣвушка (въ „Воспоминаніяхъ кавказскаго офицера“), желая обратить плѣнника въ магометанство, такимъ образомъ доказываетъ ему преимущества своей религіи: „всѣ религіи отъ Бога—говорила она—всѣ пророки отъ него и передавали людямъ только однѣ его заповѣди. Сперва посланъ бѣлъ Мусса (Моисей) просвѣтитъ умы еврейскаго народа и приготовить своимъ закономъ приходъ Иссы (Иисуса), котораго чистое, возвышенное ученіе, по причинѣ его строгихъ правилъ, оказалось неудобноисполнимымъ для слабаго человѣческаго рода, продолжавшаго грѣшить чрезъ безпрестанное нарушеніе ихъ. Тогда Аллахъ, въ благости своей, послалъ Магомета смягчить законъ Иссы, опредѣливъ, что тотъ, кто не станетъ слѣдовать этому послѣднему ученію, не превышающему человѣческихъ силъ, будетъ осужденъ на вѣки вѣковъ“.

Первое появленіе магометанства относится къ завоеванію арабами нѣкоторыхъ частей восточнаго Кавказа въ VIII вѣкѣ. На западномъ же берегу оно появилось лишь въ концѣ XVII столѣтія. О распространеніи его болѣе всѣхъ заботились крымскіе ханы, имѣвшіе частыя и тѣсныя сношенія съ горами; они дѣйствовали и ласками, и огнемъ и мечемъ. Съ утвержденіемъ Турокъ въ Анапѣ, магометанство распространилось еще болѣе; окончательное же уничтоженіе христіанства на Кавказѣ произошло въ концѣ первой четверти XVIII столѣтія. Болѣе всего способствовала этому начавшаяся постоянная и ожесточенная война противъ русскихъ. Кабардинцы первые изъ всѣхъ адиге приняли ученіе ислама и сдѣлались самыми ревностными его поборниками; не смотря на то, у нихъ однако сохранилось много вѣрованій и обрядовъ, заимствованныхъ изъ христіанства и язычества. Въ настоящее время, христіанскую религію исповѣдываютъ только черкесы, живущіе въ Моздокѣ и около Пятигорска, а также и прочноокопскіе черкесы на Кубани.

Величественная и грозная природа Кавказа и ея необъяснимыя для необразованнаго ума явленія сдѣлали горцевъ чрезвычайно суевѣрными. Почти каждая рѣчка и каждое ущелье имѣетъ у нихъ своихъ духовъ и богинь. Пылкое воображеніе населило горы безчисленнымъ множествомъ сверхъестественныхъ и таинственныхъ обитателей и создало множество поэтическихъ легендъ. Расскажемъ одну изъ нихъ.

„На снѣговой вершинѣ *Эльборуса* есть громадный шарообразный камень, на которомъ сидитъ старикъ съ длинною, до ногъ, бородой; все тѣло его обрѣсло сѣдыми волосами; длинные ногти на рукахъ и на ногахъ

похожи на орлиные когти; красные глаза горятъ, какъ раскаленные угли. На шеѣ, посрединѣ тѣла, на рукахъ и на ногахъ у него тяжелая цѣпь, которою онъ прикованъ къ камню съ незапамятныхъ временъ. Онъ былъ прежде близокъ къ великому Тха (Богу), но задумалъ свергнуть его и былъ за то прикованъ къ скалѣ на вѣчныя времена. Немногимъ удавалось видѣть прикованнаго старика, а тотъ, кто хотѣлъ добраться до него во второй разъ, — погибалъ. Иногда онъ пробуждается отъ оцѣпененія, въ которомъ обыкновенно находится, и спрашиваетъ своихъ стражей: „все ли еще растетъ на землѣ камышь и рождаются ягнята?“ — „Растетъ камышь и рождаются ягнята“ — отвѣчаютъ ему стражи. Великанъ, зная, что онъ осужденъ томиться до тѣхъ поръ, пока будетъ расти камышь и родиться ягнята, съ отчаяніемъ рветъ на себѣ оковы. Тогда земля дрожитъ отъ его движеній; звукъ цѣпей родитъ громъ и молнію, тяжелое дыханіе — порывы урагана, стоны — подземный гулъ, а слезы его — та бурная рѣка, которая съ неистовствомъ вырывается изъ подножія снѣжнаго Эльборуса“. Очевидно, что это измѣненный миѣ о Прометѣѣ, прикованномъ къ скалѣ Кавказа.

По кабардинскому преданію, на томъ же Эльборусѣ обитаетъ *Джинг-Падшахъ*, властитель духовъ и царь птицъ, которому извѣстно все будущее. Онъ также провинился передъ Тха и знаетъ, что тотъ въ наказанье ему пошлетъ изъ полуночныхъ странъ великановъ, которые покорятъ его мрачное заоблачное царство. И вотъ въ мучительной тревогѣ сѣдовласый старецъ поднимается съ своего ледянаго трона и зоветъ со всѣхъ высей и пропастей Кавказа полчища духовъ противъ ожидаемыхъ великановъ — русскихъ. Когда онъ летаетъ, то отъ ударовъ его крыльевъ трясется земля, подни-

мается буря, бушуетъ море; иногда отъ трона царя, со снѣжной вершины, несутся плачь и стоны, — тогда умолкаютъ птицы, вянутъ цвѣты, вздымаются потоки, горы одѣваются туманомъ, трясутся и стонутъ скалы, гремитъ громъ и все покрывается мракомъ. Порою же несутся гармоническіе звуки и пѣніе блаженныхъ духовъ, витающихъ надъ трономъ грознаго владыки горъ и желающихъ пробудить въ немъ покорность великому Тха. Въ это время исчезаютъ облака съ лазурнаго неба; снѣговья вершины сверкаютъ, какъ алмазы; ручьи тихо журчатъ; цвѣты благоухаютъ и повсюду водворяются миръ и тишина. Но грозный старикъ не внимаетъ зову небесъ, угрюмо глядитъ на будущее и ждетъ изъ преисподней помощи противъ великановъ — русскихихъ.

Предъ каждымъ новымъ годомъ многіе изъ кабардинцевъ считаютъ своей обязанностью идти на поклоненіе къ Джинъ-Падишаху; исполнившаго этотъ обрядъ не беретъ ни пуля ни шашка до слѣдующаго новаго года, и ему удаются всѣ предпріятія. Но такъ какъ до Эльборуса добраться трудно, то обыкновенно ходятъ къ урочищу *Татаръ-Туна*, на западномъ берегу Терека, въ 7 верстахъ ниже рѣки *Комбулея*. Тутъ можно видѣть множество пуль, стрѣлъ, ножей, клинковъ и проч., ржавѣющихъ тутъ съ незапамятныхъ временъ.

Между прочими сказаніями о снѣговой стѣнѣ Кавказа, особенно важно одно, имѣющее политическое значеніе. Въ одномъ мѣстѣ корана Магометъ говоритъ: „по ту сторону кавказскихъ горъ, живутъ *Гогз* и *Могогз*. Наступитъ время—они перейдутъ чрезъ эту стѣну и уничтожатъ царство правовѣрныхъ“. Для кавказскихъ мусульманъ это предсказаніе уже исполнилось.

Изъ *обычаевъ* горцевъ, кромѣ гостепріимства, о которомъ мы уже говорили, слѣдуетъ замѣтить обычай *куначества*. *Кунакъ*—это покровитель и другъ въ чужомъ обществѣ, на котораго можно положиться, какъ на самого себя. Постоянная вражда, опасности и канла породили этотъ обычай и сдѣлали его такъ необходимымъ и распространеннымъ, что ни одинъ черкесь безъ него не обходился. *Кунакъ*—это что то въ родѣ нашего крестоваго брата. Интересенъ также обычай *аталычества*. Князья и дворяне, тотчасъ послѣ рожденія мальчика, отдавали его на воспитаніе одному изъ достойнѣйшихъ своихъ подвластныхъ, а чаще всего лицу другаго общества. Воспитатель ребенка назывался *аталыкомъ*, и, конечно, чѣмъ знатнѣе былъ отецъ новорожденнаго, тѣмъ болѣе было претендентовъ на это званіе, потому что связь по аталычеству считалась священной. Обязанность аталыка заключалась въ обученіи своего воспитанника владѣнію оружіемъ, выѣздкѣ коней, ловкости въ хищничествѣ, перенесенію трудовъ, голода и проч., однимъ словомъ—въ образованіи изъ него храбраго и ловкаго джигита. Обычай этотъ служилъ отчасти связью между разрозненными до безконечности горскими племенами. О судѣ по адату и шаріату, а также и о канлѣ—мы говорили выше. *Абреками* назывались бездомники, посвятившіе себя исключительно хищничеству, разбою и, стало быть, беспощадной войнѣ съ русскими. Вотъ все, что мы нашли необходимымъ сказать здѣсь объ адигскихъ племенахъ вообще и о кабардинцахъ въ особенности.

Отъ Моздона до Магометъ-Юртовской станціи (на Терскомъ хребтѣ) и далѣе ведетъ шоссе. При перевалѣ черезъ горы перепрягаютъ лошадей. Съ *Ачулукской*

станции (на Сунженскомъ хребтѣ) въ хорошую погоду великолѣпный видъ на горы, которыя съ каждой станціей становятся все выше и выше. Тутъ приходится проѣзжать землю *ингушей*, *назрановцевъ* и нѣкоторыхъ другихъ мелкихъ племенъ. О чрезвычайно разсчетливомъ переселеніи Ермоловымъ въ эти мѣста ингушей мы говорили. Въ 1858 г. Шамиль, думая отвлечь насъ отъ окончательнаго наступленія въ горы, бросился къ Владикавказу и взбунтовалъ *назрановцевъ*, но ихъ скоро усмирили. Проѣхавъ *Кантышевскую* станцію, въ виду горъ, пріѣзжаютъ въ Владикавказъ.

Отдѣленіе 2-е.

Въ первомъ отдѣленіи я подробно описалъ дорогу за Ставрополемъ и прибавлять къ этому нечего.

Чѣмъ дальше мы подвигались на югъ, тѣмъ становилось теплѣе, и начинала показываться зелененькая травка, хотя въ попадавшихся на дорогѣ балкахъ и лежалъ еще снѣгъ. Туманъ то иногда охватывалъ насъ совершенно непроницаемой пеленой, то погода прояснивалась, и Кавказскія горы рисовались на горизонтѣ. Дорога была хорошая, и русскіе ямщики везли отлично. Говоря про *Александровскую* станицу, я сказалъ, что населяющіе ее казаки обращены теперь въ крестьянъ и имъ дано на 5 лѣтъ льготы. Остается только прибавить, что, какъ слышно, они очень довольны этой перемѣной, потому что, даже и по истеченіи льготныхъ лѣтъ, заплатить 5 р. съ души легче, чѣмъ имѣть отъ себя верховую лошадь, сбрую, мундиръ и проч. и быть ежечасно готовымъ выступить въ походъ.

Особенно хороши мѣста около *Саблинской* станціи, на берегу неширокой, но довольно глубокой рѣчки *Саблм.* Здѣсь довольно уже распаханной земли, но стени еще такъ много, что насколько хватитъ у кого силы и капитала, тотъ столько и занимаетъ. „Эка жисть!“ повторялъ безпрестанно, со вздохомъ, ямщикъ—мой землякъ. Стада превосходной рогатой скотины и гурты овецъ паслись вдоль

береговъ Сабли. Орлы и огромные коршуны преспокойно сидѣли на телеграфныхъ столбахъ и посматривали на насъ съ любопытствомъ.

Въ *Георгиевскѣ* мы остановились только позавтракать; насъ накормили довольно плохими котлетами, но взяли всего только по 20 к. за порцію. Такъ какъ была еще самая ранняя весна, и въ *Пятигорскѣ* и на сосѣднія воды заѣзжать было незачѣмъ, то мы и поѣхали дальше.

Въ *Солдатской* станицѣ въ охотничью пору пара фазановъ, водящихся по ту сторону *Малыи*, стоитъ не дороже 40 коп. Въ *Прохладной* былъ базаръ, и мы имѣли случай видѣть здѣшнее населеніе. Для небывалаго на Кавказѣ это было чрезвычайно интересно. Тутъ толпились казаки, въ черкесахъ и папахахъ; оборванные и грязные татары; бойкіе великорусскіе кулаки; красивые кабардинцы, въ буркахъ, верхомъ на прекрасныхъ лошадяхъ; въ кое-какъ сколоченныхъ лавчонкахъ, образующихъ такъ называемые ряды, продавались: чай, сахаръ, мыло, свѣчи, бумажныя московскія матеріи и тульскія желѣзныя вещи; великорусскіе кулаки обдѣлывали приѣзжихъ изъ горъ татаръ, выманивая привезенныя ими звѣриныя шкуры на свои товары; на площади стояли воза съ прошлогодними яблоками; продавались: деготь, сѣно, вола и проч.

Въ *Моздокѣ* насъ привезъ ямщикъ изъ русскихъ, переселенныхъ съ желѣзныхъ заводовъ Пономарева, Яранскаго уѣзда, Вятской губерніи, на *Алагирскій* серебряный заводъ на *Ардонѣ* (верстъ около 60 отъ Владикавказа). Ихъ выѣхало лѣтъ 8 тому назадъ съ мѣста до 800 семей, но многіе не перенесли кавказскаго климата. Заработки мастеровъ на заводѣ простираются до 50 р. въ мѣсяцъ, разумѣется, на своихъ харчахъ. Кто хочетъ охотиться, тому слѣдуетъ отправляться на *Ардонъ*: нѣтъ дичи, которой бы тамъ не было. Въ 1869 г. на *Алагирскомъ* серебро-свинцовомъ заводѣ заводскаго и рудничнаго населенія было 596 д. муж. п. и 517 д. ж. п.; рабочихъ же: изъ бывшихъ мастеровыхъ 96 челов., изъ осетинъ 108 чел. Къ заводу принадлежитъ одинъ дѣйствующій *Садонскій* рудникъ.

Добыто: серебра бликьоваго	17 п. 35 ф.
химически-чистаго.	15 " 20 "
свинца.	4,734 " — "
оборотныхъ продуктовъ.	39,676 " — "

Проѣзжая мимо Георгіевска, нельзя не вспомнить о Пятигорскѣ, а съ мыслью о послѣднемъ тѣсно связано воспоминаніе о *Лермонтовѣ*. Мнѣ довелось быть на могилѣ знаменитаго поэта, и потому я скажу о ней нѣсколько словъ.

Лермонтовъ похороненъ въ Чембарскомъ уѣздѣ, Пензенской губ., въ селѣ *Тарханахъ*, принадлежащемъ, въ настоящее время г. Столыпину. Тѣло покойнаго поэта, по желанію бабушки его Елизаветы Алексѣевны Арсеневой (урожденной Столыпиной), боготворившей своего внука, было привезено изъ Пятигорска въ ея родовое имѣніе Тарханы и похоронено тамъ въ общемъ фамильномъ склепѣ. Тарханы находятся въ 20 верстахъ за Чембаромъ, по большой пензенской дорогѣ. Проѣзжая мимо ихъ, я не преминулъ поклониться праху знаменитаго поэта. Дорога идетъ черезъ выгонъ; вправо видно большое село съ двумя церквами: кладбищенской и приходской. „Скажи пожалуйста—обратился я къ ямщику—не знаешь ли, у которой церкви схороненъ Лермонтовъ?“ — „Лерманъ? Какой такой Лерманъ?“ — спросилъ меня, въ свою очередь, въ совершенномъ недоумѣніи ямщикъ, — „баринъ онъ, что ли?“ „Ну, да, баринъ! варваръ ты эдакой!“ отвѣчалъ я, самъ внутренно смѣясь своей наивности. — „Не слыхаль.... Такого барина здѣсь николи не было.... Здѣсь все господа извѣстные—такіе то, такіе то“.... И онъ началъ перечислять мнѣ извѣстныхъ господъ. — „А Лермана здѣсь что-то никто не знаетъ.... Какой такой Лерманъ? Лермана никакого здѣсь николи не было“. Не желая входить въ дальнѣйшія объясненія съ этимъ скивоомъ, я велѣлъ ему повернуть вправо и ѣхать къ ближайшей приходской церкви. Была рабочая пора, день стоялъ страшно жаркій; все, что могло работать, было въ полѣ, а дома остался лишь малый да старый. Я не зналъ, къ кому обратиться за указаніями, но, къ счастью, увидѣлъ старуху, убиравшую разостланные холсты въ церковной оградѣ. — „Вамъ, батюшка, кого надоть?“ спросила она, обратившись ко мнѣ и продолжая сидѣть на корточкахъ. „Да вотъ, бабушка, я хотѣлъ бы спросить—гдѣ схороненъ Лермонтовъ?“ — „Михайло Юрьичъ? Здѣсь, здѣсь, батюшка!“ вскричала она, точно обрадовавшись. „Вонъ, въ этомъ голубцѣ — обождите — я сбѣгаю за ключами.... сію минуту“. И она, быстро вскочивъ на ноги, побѣжала въ сторожку, а я отправился къ каменной кирпичной часовнѣ (голубцу—по тамошнему). Минуты черезъ 2 старуха принесла ключи

и отперла дверь. Я вошелъ въ довольно просторную часовню, въ которой находятся 3 мраморные памятника: Лермонтова, его матери и бабушки. У окна стоялъ аналой, покрытый старой шелковой салфеткой, съ крестомъ изъ серебряныхъ позументовъ, и закапанный воскомъ столъ, для служенія панихиды; тутъ же были старыя церковныя подсвѣчники. Противъ двери—образъ воскресенія, писанный на стѣнѣ клеевыми красками, которыя отъ сырости во многихъ мѣстахъ покрылись плѣсенью и попортились. Мой чичероне въ сарафанѣ — очевидно, бившій на полученіе за свое краснорѣчіе лишняго гривенника — продолжалъ безъ умолку слезливымъ голосомъ рассказывать о томъ, какія были добрыя барыни Елизавета Алексѣевна и Марья Михайловна, покойная маменька Михаила Юрьевича, какой красавецъ былъ самъ Михаилъ Юрьевичъ (Лермонтовъ, какъ извѣстно, былъ нехорошъ собой)—особенно въ мундирѣ, да при эполетахъ,—и какъ это Господь Богъ не привелъ имъ, несчастнымъ рабамъ, пожить и умереть за такимъ бариномъ;—какъ разные, совсѣмъ незнакомые господа, заѣзжаютъ къ нему на могилку и проч., и проч. Я не слушалъ болтливую старуху и глядѣлъ на могильную надпись, говорившую, что покойнику было всего на все 26 лѣтъ! У большинства людей эти года—лишь начало разумной жизни; а тутъ.... какой зрѣлый умъ, какой талантъ и какая могучесть мысли! И такъ безвременно и такъ бессмысленно погибнуть! А Пушкинъ? А Гоголь? Три генія, три звѣзды первой величины, честь и слава одной и той же эпохи—гибнуть безвременно, а то, чему пожалуй лучше бы и совсѣмъ не показываться на свѣтъ божій, жило себѣ и благоденствовало! Неужели же это одна только судьба и случайность? Но что такое судьба и что такое случайность?

Близъ Желѣзноводска находится хуторъ *графа Николая Ивановича Евдокимова*, скончавшагося 23 мая 1873 г. Да позволено мнѣ будетъ въ легкомъ рассказѣ привести здѣсь нѣкоторыя черты изъ его жизни. Краткая исторія послѣднихъ военныхъ дѣлъ графа рассказана мною въ очеркѣ исторіи Кавказской войны. Генераль Евдокимовъ, возведенный въ графское достоинство за окончаніе восточной Кавказской войны, началъ и провелъ всю свою службу на Кавказѣ. Еще молодымъ прапорщикомъ, онъ (если не ошибаюсь, при отбитіи Кази-Муллы отъ Дербента, въ 1831 г.), бросившись

съ охотниками на штурмъ сакли, въ которой засѣли мюриды, былъ раненъ пулей на вылетъ въ щеку, подъ правымъ глазомъ. Графъ постоянно закрывалъ эту рану чернымъ англійскимъ пластыремъ, почему горцы и прозвали его генераль Уч-гозъ (т. е. трехглазый генераль); но такъ какъ пуля, кромѣ того, оставила еще слѣдъ, то нѣкоторые изъ горцевъ называли его также Дортъ-гозъ (четыреглазый). Еще раньше несчастнаго для насъ 1843-го года, когда графъ былъ еще адъютантомъ командовавшаго въ то время войсками сѣвернаго и нагорнаго Дагестана, генерала Кюки-фонъ-Клюгенау, случилось слѣдующее происшествіе: *Уллу-бей* (тотъ ли, что былъ впоследствии извѣстнымъ наибомъ Шамиля, или другой — не знаю), находившійся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Шамхалу Тарковскому, при встрѣчѣ съ племянникомъ этого послѣдняго, не отдалъ ему требуемой чести; оскорбленный племянникъ Шамхала, началъ за это на него кричать, какъ на подданнаго; въ отвѣтъ на крикъ послѣдовалъ смертельный выстрѣлъ Уллу-бея, послѣ котораго убійца удалось скрыться. Шамхаль послалъ отрядъ своей милиціи взять его живаго или мертваго; Уллу-бей заперся въ башнѣ, рѣшившись защищаться на смерть. Такъ какъ вліятельный Уллу-бей былъ вѣрный слуга русскихъ, то командующій войсками и рѣшился употребить все стараніе, чтобъ защитить его отъ мести Шамхала. Прежде всего надо было остановить посланную милицію, и это поручено было штабсъ-капитану Евдокимову. Взявъ съ собой наскоро отрядъ пѣхоты и приказавъ ей слѣдовать какъ можно скорѣе, Евдокимовъ, съ однимъ только конвоемъ, прискакалъ къ башнѣ, уже окруженной милиціонерами, намѣревавшимися пробивать стѣну для закладки пороха. На убѣжденія Евдокимова не трогать Уллу-бея милиціонеры отвѣчали, что они не смѣютъ послушаться Шамхала, и что имъ свои головы дороже — его, штабсъ-капитанской.

„Такъ посмотримъ, какъ то вы посмѣете взорвать на воздухъ русскаго офицера!“ — сказалъ на это Евдокимовъ и, пробравшись въ башню, засѣлъ въ ней съ Уллу-беемъ. Но видно милиціонеры крѣпко боялись Шамхала, потому что не поддались и этой угрозѣ. Конвойные, видя, что дѣло приняло такой оборотъ, бросились за пѣхотой, а графъ остался въ башнѣ; ему было слышно, какъ продолжали пробивать стѣну и приготовляли взрывъ. Между тѣмъ одинъ казакъ, доскакавъ до пѣхотнаго отряда, схватилъ у барабанщика

барабанъ и пустился съ нимъ обратно къ башнѣ. Не доѣзжая до нея, онъ остановился въ недалекомъ разстояніи въ лѣсу и принялся барабанить изо всѣхъ силъ. Милиціонеры, думая, что это подошла пѣхота, съ которою имѣть дѣло было не совсѣмъ то удобно,—поспѣшно отступили. Происходило это въ Эрпели, близъ укрѣпленія Имкарты, къ западу отъ Темиръ-Ханъ-Шуры. Дальнѣйшая исторія Улду-бея мнѣ неизвѣстна. (Разсказъ этотъ и нѣкоторыя подробности, встрѣчающіяся въ слѣдующихъ разсказахъ, я слышалъ отъ одного почтеннаго полковника, служившаго въ то время въ Дагестанѣ).

Въ 1840 г. графъ, еще въ чинѣ штабсъ-капитана, былъ начальникомъ многочисленнаго и буйнаго койсубулинскаго общества. Шамиль намѣревался возмутить Койсубу и подослалъ для этого своихъ мюридовъ. Узнавъ объ этомъ, Евдокимовъ созвалъ въ аулѣ Унцукуль старшинъ и предложилъ имъ выдать возмутителей. Собралось пропасть народа, всегда любопытнаго къ распоряженіямъ русскаго правительства,—и лишь только высказано было предложеніе, какъ вдругъ какой то горецъ въ одинъ прыжокъ выскочилъ изъ толпы и прокололъ Евдокимова насквозь сзади кинжаломъ. Отпрянуть, почувствовавъ ударъ, который сообщается тѣлу какъ бы обжогъ горячей водой, выхватить пашку, обернуться къ врагу и *срубить* его, какъ говорятъ на Кавказѣ, было для раненаго дѣломъ одного мгновенія. Разрубленный наискось отъ плеча до середины груди, горецъ, намѣчавшій уже новый ударъ, рухнулъ на землю. Николай же Ивановичъ Евдокимовъ, зашатавшійся отъ брызжущей фонтаномъ крови изъ его бока, былъ подхваченъ старшинами и отнесенъ въ квартиру. Черезъ 2 дня раненый очнулся ночью. Темная сакля освѣщалась одной сальной свѣчей; близъ кровати сидѣлъ фельдшеръ, незнавшій какъ подступиться къ выглядывавшему изъ раны внутренностямъ. Рана однако же не была смертельна. Счастье, крѣпкое здоровье и помощь горцевъ, отлично умѣющихъ залѣчивать раны, сохранили жизнь графа; а унцукульцы, закаленные въ бояхъ и разбояхъ, не могли налюбоваться ударомъ, смотря на разрубленнаго собрата; они розыскали и выдали всѣхъ мюридовъ. За эту выдачу Шамиль въ 1843 г. жестоко отмстилъ унцукульцамъ. Когда *Унцукуль*, защищаемый храбрыми Аносовымъ, палъ послѣ девятидневнаго отраженія непрерывныхъ штурмовъ,—изъ плѣнныхъ

унцукульцевъ было казнено не только множество мужчинъ, но также казнены были женщины и даже дѣти. Аносову за храбрость Шамиль возвратилъ пашку и дозволилъ ему свободно ходить по всему отряду; плѣннымъ солдатамъ приказано было отпускать полную дачу чурековъ и провіанта,—отъ нихъ только отобрали оружіе и сѣзали съ мундировъ и шинелей погоны. Это былъ первый случай, въ которомъ Шамиль, руководимый бѣлыми поляками, измѣнилъ свою тактику относительно плѣнныхъ; съ тѣхъ поръ и наши солдаты стали смотрѣть на плѣнъ гораздо легче. (Русскій Вѣстникъ, 1872 г. Статя г. Ильина: „Изъ событій на Кавказѣ въ 1843 году“).

Въ пятидесятыхъ годахъ на Кубани жилъ юродивый татаринъ—Юсуфъ, безвредное существо, пользовавшееся гостепрѣимствомъ, какъ русскихъ, такъ и горцевъ. Однажды, шляясь изъ аула въ аулъ, онъ былъ застигнутъ бурей и укрылся въ пещерѣ на рѣкѣ Псекупсе. Осмотрѣвшись, онъ увидѣлъ въ глубинѣ пещеры огонекъ; подойдя ближе, онъ увидѣлъ лампу и сидящаго около нея офицера. Невидимый голосъ сказалъ ему, что это тотъ самый человѣкъ, который покорить горы и выгнать изъ нихъ горцевъ. Пришедши на Кубань, Юсуфъ разсказалъ о своемъ видѣніи, говоря, что онъ тотчасъ же узнаетъ этого офицера. Надъ нимъ, конечно, смѣялись, но однажды у инженернаго генерала Дебу былъ обѣдъ по случаю какого то праздника, на которомъ присутствовало большое общество, преимущественно, разумѣется, изъ военныхъ; прибрелъ также на этотъ праздникъ и юродивый Юсуфъ. Вспомнили про его предсказаніе и стали ему показывать всѣхъ присутствовавшихъ, спрашивая — не узнаетъ ли онъ своего офицера? Но Юсуфъ никого не узнавалъ; наконецъ, стали показывать портреты различныхъ кавказскихъ генераловъ; какъ только онъ увидѣлъ портретъ графа Евдокимова, таеъ и вскричалъ: вотъ, вотъ онъ! (Это разсказываетъ г. Руновскій, Заря, 1871 г.).

Предсказаніе Юсуфа разнеслось въ горахъ, и когда въ сентябрѣ 1860 г. графъ былъ назначенъ командующимъ войсками Кубанской области, то приняты были предосторожности противъ желавшихъ помѣшать исполненію предсказанія. Новый начальникъ понялъ, что одной войпой, безъ колонизаціи, немедленно подвигавшейся вслѣдъ за отрядами, не покорить горъ,—и взялъ систему войны, которою

и доканалъ горцевъ. Однажды собрались къ нему абадзехскіе старшины для переговоровъ; графъ принялъ ихъ въ то время, когда дѣлалъ осмотръ разложеннымъ сапернымъ инструментамъ. Разговаривая съ старшинами, онъ сказалъ имъ, между прочимъ, чтобы они хорошенько замѣтили эти лопаты, кирки и мотыги, потому что съ помощію этихъ штукъ онъ выгонитъ ихъ изъ горъ. Какъ говорилъ графъ, такъ точно и сдѣлалъ. (Руновскій. Заря, 1871 г.).

На правомъ флангѣ началось такое же непрерывное наступленіе, какое велось цѣлые 3 года на лѣвомъ, — и продолжалось 4 года. За подававшимися впередъ отрядами двигались переселенцы. Войска, только что взявшіе въ Гунибѣ Шамиля, должны были еще въ продолженіи 4-хъ лѣтъ дѣйствовать противъ западныхъ горцевъ. Безпримѣрное въ военной исторіи 7-ми-лѣтнее наступленіе велось буквально безъ одного дня отдыха. Для небывавшаго въ походахъ читателя непонятно, что значать 7 лѣтъ непрерывной кампании, въ продолженіе которой войска постоянно на бивакѣ подъ открытымъ небомъ, постоянно въ бою, на маршѣ или на работѣ съ заряженнымъ ружьемъ, не видятъ ни кровли ни осѣдой семьи; семь лѣтъ таею жизни, что, промокши подъ холоднымъ дождемъ, нельзя обсушиться иначе, какъ дождавшись солнечнаго дня, и семь зимъ, въ продолженіе которыхъ ни разу не случится ощутить теплоту всѣмъ тѣломъ разомъ, а приходится грѣть предъ костромъ грудь, пока стынетъ спина, а потомъ грѣть спину, оставляя стыть грудь; въ промежуткахъ боя рыть мерзлую землю или подъ полуденнымъ солнцемъ таскать на себѣ бревна, считая отдыхомъ только тѣ часы, когда служишь мишенью горскимъ винтовкамъ. Зная все это, становится совершенно понятнымъ, что солдатамъ было не до гуманности, и поминаешь слова гр. Евдокимова: „прежде удовлетворю послѣдняго изъ русскихъ, а остальное черкесамъ“, также какъ и фразу изъ письма его къ графу Сумарокову-Эльстину, приведенную въ концѣ очерка исторіи Кавказской войны.

Горцы и въ послѣдніе годы войны не измѣнили своимъ привычкамъ: въ 1861 г. генераль *Кухаренко*, исполнивъ удачно экспедицію и заложивъ Пшишскую станицу, отправился за приказаніями въ Ставрополь; на дорогѣ, уже считавшейся безопасной, онъ былъ захваченъ въ плѣнъ и чрезъ нѣсколько недѣль умеръ, измученный въ ямѣ.

Во время путешествія мнѣ нѣсколько разъ приходилось слышать о знаменитомъ наибѣ Шамиля—*Хаджи-Муратъ*. Постараюсь подѣлиться съ читателемъ тѣми свѣдѣніями, которыя мнѣ удалось собрать объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ и о его необыкновенныхъ похожденияхъ. Свѣдѣнія эти я провѣрилъ настолько, насколько то было для меня возможно.

Имамъ Шамиль былъ знаменитый военачальникъ, мудрый правитель и администраторъ, но слава перваго храбреца и перваго джигита во всемъ Дагестанѣ принадлежитъ, безспорно, *Хаджи-Мурату*. Послѣ Шамиля, это самое популярное имя у всѣхъ восточныхъ горцевъ.

Хаджи-Муратъ родомъ изъ Аваріи, т. е. изъ Дагестана, родины почти всѣхъ знаменитыхъ своими дѣлами и дарованіями горскихъ дѣятелей. Аварія принадлежала аварскимъ ханамъ, признавшимъ нашу власть еще въ 1803 г. и державшимъ сторону русскаго правительства.

При появленіи мюридизма—ученія, которое проповѣдывало полнѣйшую демократію, равенство и непримиримую ненависть къ русскимъ—первые удары мюридовъ, конечно, должны были быть направлены на мѣстную аристократію и прежде всего на аварскихъ хановъ, стоявшихъ имъ поперекъ дороги. Попытка перваго имама Кази-Муллы (въ 1830 г.) была неудачна: ханша Паку-Бике, бабка малолѣтняго хана Абу-Нацала, прогнала ихъ съ урономъ отъ своей столицы—Хунзаха. Но въ 1834 г. второму имаму мюридовъ *Гамзатъ-Беку* удалось измѣной истребить весь ханскій родъ.

Хаджи-Муратъ доводился молочнымъ братомъ одному изъ хановъ, а молочное родство у горцевъ считается ближе, чѣмъ кровное. Отецъ *Хаджи-Мурата* поджигалъ его на мечь, говоря: „что у меня за дѣти, которые не могутъ отомстить за смерть своихъ молочныхъ братьевъ!“ Составился заговоръ, во главѣ котораго стоялъ *Османъ-зюль-Хаджіевъ*, а главными исполнителями мести взялись быть его внуки, *Хаджи-Муратъ* и его братъ *Османъ*. 19-го сентября, въ день большаго праздника, *Гамзатъ-Бекъ*, какъ имамъ, долженъ былъ совершать службу въ хунзахской мечети. Этотъ день и это мѣсто были избраны заговорщиками для исполненія своего замысла. *Гамзатъ-Бекъ* былъ предупрежденъ объ опасности, но не вѣрилъ ей, вѣруя въ свою судьбу и руководясь слѣпымъ фана-

тизмомъ. Когда одинъ преданный мюридь сообщилъ ему о существованіи заговора, Гамзатъ-Бекъ спросилъ его: „можешь ли ты оставить ангеловъ, если они придутъ за твоей душой?“ — „Не могу“, отвѣчалъ мюридь. „Такъ иди же домой и ложись спать,“ связалъ Гамзатъ: „что опредѣлено Аллахомъ, того не избѣгнемъ, и если завтра назначено мнѣ умереть, то завтрашній день—день моей смерти“. День 19-го сѣнтября, дѣйствительно, былъ днемъ смерти Гамзатъ-Бека: заговорщики встрѣтили его въ мечети пистолетными выстрѣлами и кинжалами. Первымъ выстрѣлилъ Хаджи-Муратъ и ему удалось скрыться, а Османъ былъ изрубленъ на мѣстѣ. Обнаженное тѣло убитаго имама четыре дня валялось безъ погребенія на площади, неподалеку отъ мечети.

Хаджи-Муратъ, заклятый врагъ мюридовъ, назначенъ былъ нами правителемъ Аваріи, но потомъ, въ 1837 г., она была подчинена полковнику русской службы Ахметъ-хану Мехтулинскому (Мехтула на правомъ бер. Кази-Кумыкского койсу, на востокъ отъ Аваріи). Въ такомъ положеніи оставалась дѣло до конца 1840 года, т. е. до тѣхъ поръ, пока Хаджи-Муратъ не былъ обвиненъ мехтулинскимъ ханомъ въ сношеніяхъ съ мюридами. Дѣйствительно ли сносился съ ними Хаджи-Муратъ или Ахметъ-ханъ оклеветалъ его изъ ненависти или самъ былъ обманутъ клеветниками—неизвѣстно; только вышло приказаніе: Хаджи-Мурата, врага мюридовъ, врага Шамиля, перваго наѣздника, джигита и любимца всей Аваріи, вѣрно управлявшаго ею 6 лѣтъ, кромѣ того, офицера милиціи и кавалера—препроводить, подъ сильнымъ конвоемъ, скованнаго въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Безспорно, распоряженіе это было одною изъ крупнѣйшихъ неловкостей тогдашняго нашего военнаго управленія на Кавказѣ.

И вотъ зимой повели скованнаго Хаджи-Мурата, подъ конвоемъ изъ 40 солдатъ,—и сталъ онъ дорогой жаловаться начальнику конвоя на этотъ поступокъ съ нимъ, офицеромъ русской службы, котораго ведутъ скованнаго, какъ простаго колодника. Конвойный начальникъ, тронувшись жалобами, велѣлъ его расковать, но изъ предосторожности ему все таки связали руки веревкой, одинъ конецъ которой дали переднему, а другой—заднему конвойному. Такимъ манеромъ дошли до Моксаха. Тутъ горная тропинка вилась надъ пропастью и до того сзудилась, что можно было идти не иначе, какъ по одному, другъ за дружкой. Растянув-

шеся шестіе подвигается по извивающейся тропинкѣ; конвойные держатъ веревки, какъ только могутъ крѣпче, — вдругъ, въ одно мгновеніе, Хаджи-Муратъ дѣлаетъ отчаянный прыжокъ въ пропасть! Державшіе веревки конвойные летятъ вслѣдъ за нимъ, при паденіи, разумѣется, выпускаютъ веревки и затѣмъ разбиваются въ дребезги, а Хаджи-Муратъ исчезаетъ въ глубинѣ. Конечно, никто изъ конвойныхъ не отправился его преслѣдовать, и несчастный начальникъ, вѣроятно, пробормоталъ что нибудь въ родѣ: „собакѣ собачья смерть“ — явился въ Темиръ-Ханъ-Шуру и донесъ тамъ о гибели своего плѣнника.

Но Хаджи-Муратъ не погибъ! Какимъ то чудомъ онъ отдѣлался только переломомъ ноги и кое-какъ доползъ до кутановъ (овечьихъ загоновъ), гдѣ и былъ спрятанъ.

Вылѣчившись отъ перелома, онъ остался все таки хромымъ на всю жизнь.

Въ это время Шамиль, тоже спасшійся какимъ то чудомъ изъ Ахульго, жилъ уже въ Дарго, въ Ичкеринскихъ лѣсахъ.

Ахульго былъ взятъ въ 1839 г. Граббе, послѣ двухмѣсячной правильной осады и страшнѣйшаго штурма. Шамиль, съ 2-мя женами и 2-мя сыновьями, въ сопровожденіи 150 мюридовъ, спустился на веревкахъ по ужаснѣйшимъ обрывамъ на берегъ Койсу и съ отчаяніемъ бросился въ шашки на русскую цѣпь; одна изъ женъ имама была убита и брошена на мѣстѣ; изъ 150 мюридовъ погибло 95 человекъ. Изъ Ахульго же былъ выданъ заложникомъ малолѣтній сынъ Шамиля, Джемаль-Эдинъ, вымѣненный впоследствии на княгинь Орбеліани и Чавчавадзе.

Послѣ взятія Ахульго Шамиль укрылся въ Шатоевскомъ обществѣ, въ Чечнѣ, и положеніе его было такъ отчаянно, что шатоевцы серьезно поговаривали о выдачѣ его русскимъ. Но таланты Шамиля и его умѣнье пользоваться обстоятельствами были такъ велики, что черезъ годъ онъ сдѣлался обладателемъ всей добровольно покорившейся ему Чечни. Разъединенные до этого времени чеченцы поняли, наконецъ, что имъ одно спасеніе въ крѣпкой центральной связи и просили Шамиля принять ихъ подъ свою руку. Шамиль показалъ видъ, что принимаетъ ихъ изъ милости, заставилъ поклѣяться въ безусловной покорности и вытребовалъ себѣ въ аманаты (заложники) уже не байгушей (оборванцевъ),

какихъ обыкновенно подсовывали русскимъ, а дѣтей дѣйствительно вліятельнѣйшихъ чеченцевъ. Это было время, когда Чечня изъ сброда разъединенныхъ горцевъ, изъ которыхъ каждый, прилѣпивъ гдѣ нибудь въ удобномъ мѣстѣ свою саклю, не хотѣлъ признавать надъ собою никакой власти въ мірѣ, геніемъ третьяго имама, преобразовывалась въ почти правильно-устроенное государство. Забравъ подъ свою руку Чечню, Шамиль мечталъ уже о завоеваніи Дагестана,—и въ это то время къ нему является Хаджи-Муратъ. Можно себѣ представить, съ какой радостью Шамиль принялъ къ себѣ знаменитаго джигита, сдѣлавшагося теперь заклятымъ врагомъ русскихъ! Вслѣдъ за Хаджи-Муратомъ стали отлагаться отъ насъ и другіе, напр. *Кибитъ-Маома* тилитльскій, котораго русскіе называли дагестанскимъ Талейраномъ, а вслѣдъ за нимъ и большая часть Аваріи. Такимъ то началомъ сказался для насъ на первыхъ порахъ переходъ къ мюридамъ хромаго джигита. Но скоро онъ намъ далъ знать о себѣ и еще лучше. Почти не было сколько нибудь замѣчательнаго дѣла или набѣга, гдѣ впереди всѣхъ не отличался бы Хаджи-Муратъ. Подъ его предводительство собирались удалцы со всѣхъ сторонъ.

Въ 1843 г. онъ управляетъ уже не нашей, а шамилевской Аваріей, какъ его наибъ; въ 1851 г. прорывается къ *Буйнакамъ*, т. е. почти къ Каспійскому морю, чрезъ всю линію нашихъ укрѣпленій, отдѣляющихъ прибрежный Дагестанъ отъ нагорнаго. Нечаянные набѣги его отличались удивительной отважностью; напр., однажды войска наши были въ сборѣ недалеко отъ Темиръ-Ханъ-Шуры; 700 лошадей паслись въ табунѣ, и непріятеля нигдѣ не было видно; вдругъ, откуда ни возьмись, вылетаетъ съ своими джигитами изъ лѣсу Хаджи-Муратъ! Одни обскакиваютъ табунъ, другіе мчатся съ гикомъ по направленію къ лѣсу,—табунъ шарахается, несется вслѣдъ за скачущими, и отрядъ нашъ остается безъ лошадей; уцѣлѣли только лошади одной батареи, не выгнанные въ табунъ по случаю батарейнаго праздника: это было на Троицу. Разумѣется, выскивалось много охотниковъ захватить во что бы то ни было безпокойнаго джигита, но онъ всегда счастливо отдѣлывался; такъ, одинъ разъ, нижегородскаго драгунскаго полка штабсъ-капитанъ *Золотухинъ*, узнавъ по значку, воткнутому въ опушкѣ лѣса, въ котормъ разсыпались горцы, что тутъ былъ Хаджи-Муратъ, вызвалъ

охотниковъ и понесся къ заманчивому значеу; встрѣчный залпъ уложилъ половину смѣльчаковъ, но Золотухинъ уцѣлѣлъ, и ему удалось схватиться съ самимъ Хаджи-Муратомъ; Хаджи-Муратъ цѣлитъ въ него изъ пистолета... осѣчка! Второй разъ—тоже осѣчка! Золотухинъ уже надѣется захватить его живымъ, но въ третій разъ пистолетъ выстрѣлилъ, и онъ повалился мертвымъ. Впослѣдствіи, уже въ Тифлисѣ, Хаджи-Муратъ рассказывалъ, что если бы пистолетъ осѣкся и въ третій разъ, то онъ сдался бы Золотухину живымъ, признавъ свой плѣнъ за неизбѣжную волю Аллаха.

Дерзость его дошла до того, что онъ въ то время, когда готовилась первая Даргинская экспедиція, въ 1842 г., и около Темиръ-Ханъ-Шуры было въ сборѣ 25 тыс. войска, рѣшился захватить въ этой же самой Шурѣ, а если не захватить, такъ убить, по крайней мѣрѣ, командовавшаго въ то время дагестанскими войсками князя Орбеліани, на котораго былъ золь особенно. Для этого онъ, узнавъ, что въ Темиръ-Ханъ-Шуру ожидался отрядъ казаковъ, переодѣваетъ казаками своихъ мюридовъ, впереди пускаетъ перебѣжчиковъ, говорившихъ по-русски (самъ онъ тоже зналъ русскій языкъ), и такимъ образомъ ночью черезъ заставу спокойно въѣзжаетъ въ городъ. Но тутъ, къ несчастію для себя и къ счастью для кн. Орбеліани, онъ ошибся домомъ и, принявъ освѣщенный госпиталь за находившійся напротивъ домъ князя, бросился на него. Произошла преоригинальная сцена: неожиданные такихъ гостей больные, въ халатахъ и бѣлыхъ колпакахъ, мечутся, какъ угорѣлые, не зная, куда дѣваться отъ страха; мюриды, сами испугавшіеся такихъ фигуръ, хватаютъ оловянные кружки и тарелки, принимая ихъ за серебряныя; въ крѣпости поднимается тревога, драгоценныя кружки покинуты,—мюриды бросаются бѣжать, большая часть ихъ переколота и перестрѣляна, но Хаджи-Мурату и тутъ-таки, удалось ускользнуть! Говорятъ, что онъ, главное, хотѣлъ при этомъ случаѣ захватить *элисейскаго султана*, бывшаго въ то время въ гостяхъ у кн. Орбеліани, а съ нимъ онъ имѣлъ счеты, какъ съ зятемъ мехтулинской ханши, слѣдовательно—родственникомъ своихъ враговъ.

Какъ истый горецъ, никогда не забывающій обиды, Хаджи-Муратъ не забылъ и того, чѣмъ былъ обязанъ мехтулинскому хану. Старая мехтулинская ханша *Нох-Бике*, теща элисейскаго султана

и вдова Ахметъ-хана, управлявшая Мехтулой послѣ его смерти съ 1843 г., жила въ то время въ аулѣ *Джингутанъ* и помѣщалась въ укрѣпленной башнѣ. Онъ подговорилъ ея служанку и, пользуясь тѣмъ, что въ Джингутаѣ, какъ и во многихъ мѣстахъ на Кавказѣ, существовало совершенное смѣшеніе языковъ, такъ что верхняя половина аула не понимала нижнюю, ввелъ въ ауль, по одиночкѣ, ночью 300 своихъ мюридовъ, похитилъ ханшу и держалъ ее у себя нѣсколько мѣсяцевъ, какъ наложницу *). Трудно было чтонибудь выдумать сильнѣе этого позора и оскорбленія относительно элисуйскаго султана. Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ послѣднемъ, прежде чѣмъ кончить исторію о Хаджи-Муратѣ.

Элисуйскій султанъ Даниель, измѣнившій русскимъ и перешедшій къ Шамилю въ 1844 г., былъ независимый, непокорный намъ владѣтель элисуйскаго ханства (на лезгинской линіи, по южной сторонѣ хребта, къ югу отъ Закалата) и имѣлъ чинъ генералъ-майора русской службы. Во время командованія Нейдгардта, онъ просилъ, чтобы русское правительство формально утвердило владѣтельныя права за его дѣтми отъ первой жены, дочери помянутой мехтулинской ханши. Ему неосторожно дали замѣтить, что въ виды правительства вовсе не входило утвержденіе правъ горныхъ владѣтелей, а что оно, напротивъ, имѣетъ намѣреніе ввести современемъ общее управленіе на Кавказѣ. Это и еще другія, болѣе мелкія, но обидныя для него обстоятельства, напримѣръ то, что онъ, бывши генераломъ русской службы, получалъ майорское жалованье, заставили его передаться Шамилю. Онъ перешелъ мирно и, разумѣется, былъ принятъ имамомъ съ распростертыми объятіями. Впослѣдствіи Даниель-султанъ даже породнился съ Шамилемъ чрезъ женитьбу старшаго сына Шамиля, *Казы-Магомета*, на его дочери, красавицѣ *Кариматъ*. Даниель-султанъ никогда не пользовался довѣріемъ своего подозрительнаго свата, но если это извѣстіе и справедливо, то, во всякомъ случаѣ, онъ оказывалъ Шамилю огромную помощь уже тѣмъ однимъ, что щедро пополнялъ его скудную казну своими сборами съ Элисуйскаго ханства, которые про-

*) Послѣ она была размѣнена въ *Аймакалъ* (на востокъ отъ Гергебиля тянется знаменитое *Аймакинское ущелье* или Аймакинскій корридоръ, на продолженіи 7 верстъ, между отвѣсными скалами. Укрѣпленіе Аймаки защищаетъ это ущелье со стороны прибрежнаго Дагестана).

должались и послѣ его измѣны; такъ сильно было его вліяніе на своихъ бывшихъ подданныхъ. Измѣна такого вліятельнаго человѣка была, конечно, намъ не очень-то полезна; недовѣріе же Шамиля къ Даніелю должно быть тоже было на чемъ нибудь да основано, потому что Даніель, какъ сказываютъ, когда имаму пришлось уже плохо, опять тайно отдался русскимъ и даже помѣшалъ Шамилю, въ послѣдній моментъ борьбы, броситься къ *Ирибу*, лежащему близъ владѣній Элису, что и заставило имама засѣсть въ Гунибѣ. Даніель-султанъ умеръ въ Константинополѣ въ 1871 г. Видѣвшіе его послѣ 1859 г. говорятъ, что отецъ красавицы Каримать былъ чрезвычайно красивый мужчина; черкесскій костюмъ его былъ постоянно весь черный, безъ всякихъ украшеній; нафабранные усы срывали сѣдину, и вообще вся фигура его надолго оставалась въ памяти.

Обида, нанесенная Даніель-султану Хаджи-Муратомъ, въ лицѣ мехтулинской ханши, не могла быть имъ забыта, а Шамиль, изъ политическихъ расчетовъ, долженъ былъ предпочитать перваго послѣднему. Тогда Хаджи-Муратъ, какъ истый горецъ, у котораго движеніе его (по горскому выраженію) большого сердца постоянно стояло выше всякихъ расчетовъ, не вытерпѣлъ и въ началѣ 50-хъ годовъ передался русскимъ. Онъ съ радостію былъ принятъ въ Тифлисъ, и ему назначили отличное содержаніе. Только одинъ князь *Арутинскій-Доморукій* (начальникъ войскъ въ южномъ Дагестанѣ, ум. въ 1855 г.) возставалъ противъ такого обращенія съ Хаджи-Муратомъ. Онъ даже отказался видѣть его, говоря, что они безъ того отлично знаютъ другъ друга, и что это свиданіе легко можетъ кончиться смертью одного изъ нихъ.— „Съ этимъ разбойникомъ, добавилъ суровый князь,—только можетъ быть одинъ разговоръ: это повѣсить его!“

Хаджи-Муратъ прожилъ въ Тифлисѣ около года, но дольше не выдержалъ; онъ отпросился зачѣмъ то въ Нуху и однажды, выѣхавши какъ будто на прогулку, въ сопровожденіи 3 конвойныхъ казаковъ, мгновенно положилъ двухъ изъ нихъ на мѣстѣ выстрѣлами,—третій конвойный бѣжалъ, а Хаджи-Муратъ поскакалъ по направленію къ горамъ, гдѣ его уже ожидали мюриды, по условію. Но тутъ насталъ конецъ его похожденіямъ. Спасшійся конвойный тотчасъ же далъ знать о происшествіи, послана была въ погоню

цѣлая вооруженная облага и по загнанной лошади бѣглець былъ открытъ, окружили мѣсто въ лѣсу, гдѣ онъ скрывался и, зная, что живаго Хаджи-Мурата взять было нельзя, рѣшились покончить съ нимъ выстрѣлами. Хаджи-Муратъ отстрѣливался и защищался отчаянно, какъ лютой звѣрь, переранилъ и убилъ нѣсколько чловѣкъ, но, наконецъ, когда ему перебили правую ключицу, самъ вышелъ изъ куста; тутъ его схватили и отрубили голову; трупъ оказался прострѣленнымъ 7 пулями, раны были заткнуты пыжами, чтобъ задержать кровь. Отрубленная голова его выставлена была въ Тифлисъ на показъ всему городу. Живя въ Тифлисѣ, онъ былъ нѣсколько разъ въ театрѣ, но вообще избѣгалъ часто показываться. Видѣвшіе его передають, что онъ былъ средняго роста, крѣпкаго сложения и съ небольшою бородой. Говорять, что онъ перодѣтый побывалъ во всѣхъ нашихъ главныхъ крѣпостяхъ на лѣвомъ флангѣ, и что передача его русскимъ была притворная; что его цѣлю при этомъ было разузнать наши силы и намѣренія, и что онъ будто бы совѣтывалъ постоянно начать завоеваніе Дагестана не изъ Чечни, а чрезъ Аварію, надѣясь при этомъ устроить намъ западню; но, конечно, его не послушали. Вѣроятно, эти рассказы, не болѣе какъ плодъ досужаго воображенія рассказчиковъ, а впрочемъ, кто поручится, что и подобные фантастическіе планы не могли зародиться въ пылкой головѣ Хаджи-Мурата?

Если что въ моихъ разсказахъ не вѣрно, то оправданіемъ можетъ служить почти полнѣйшее отсутствіе печатныхъ свѣдѣній объ этихъ событіяхъ, и искренно приходится пожалѣть о томъ, что изъ постепенно рѣдѣющей фаланги бывшихъ кавказскихъ дѣятелей такъ мало выскисывается охотниковъ писать свои мемуары. По чемъ знать, можетъ быть мои разсказы и вызовутъ въ комъ нибудь охоту передать вѣрнѣе и подробнѣе эти интересныя происшествія.

До *Владикавказа* мы доѣхали среди тумана, сквозь который только изрѣдка показывались горы. Вполнѣ я увидѣлъ ихъ только на второй день нашего пребыванія во Владикавказѣ. Картина была такъ поразительна, что я тотчасъ же, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, описалъ ее въ моей записной книжкѣ. Привожу это описаніе.

„13 марта 1872 г. 6¹/₂ час. утра. Вчера туманъ превратился въ дождикъ; къ полуночи, сквозь дождь, при свѣтѣ мѣсяца, стали вид-

ны очертанія дальнихъ горъ, я рѣшился не спать и ждать, не прояснится ли погода, и дѣйствительно дождался. Вставая нѣсколько разъ съ постели, я подбѣгалъ къ окну, и ровно въ 5 часовъ увидѣлъ великолѣпнѣйшую панораму въ мѣрѣ. Прямо Казбекъ и правѣе другія снѣжныя вершины, рядъ которыхъ оканчивался на западѣ двумя конусами въ видѣ сахарныхъ головъ,—сіяли, какъ серебро. Точно рядъ величавыхъ царей, возсѣдали онѣ, прямо передо мной, на громадныхъ золотыхъ, изрѣзанныхъ серебряными жилками тронахъ, необыкновеннаго волшебнаго чекана. Вслѣдствіе близкаго разстоянія, панорама давила своимъ грознымъ величіемъ. Ее разрѣзывала Дарьяльская трещина, въ глубинѣ которой покрытыя мѣстами весеннимъ снѣгомъ горы блистали, какъ массы золотой и серебряной руды. Насилу добудился я М.; онъ всталъ, посмотрѣлъ сквозь сонъ и легъ опять спать. Было совершенно ясно, но меньше чѣмъ черезъ $\frac{1}{4}$ часа по вершинѣ Казбека заползали неизвѣстно откуда взявшіяся облака и скрыли ее. Бѣдная ближняя песчаная, какъ мы ее назвали, гора, казавшаяся намъ еще вчера большою, стала теперь пигмеемъ. Съ востока потянулись облака. Сначала тянулись они длинными лентами и размѣщались по ущельямъ, потомъ, увеличиваясь все болѣе и болѣе, стали заслонять горы. Посмотрѣвъ налѣво, на востокъ, я увидѣлъ, что оттуда надвигаются новыя массы, и понялъ, что дивная панорама продержится не долго. Снова началъ я будить М., говоря, что горы закрываются; онъ опять взглянулъ сквозь сонъ и опять уснулъ, какъ убитый. Снизу, передъ песчаною горой, какъ въ театрѣ, сталъ подниматься туманный флеръ; осталось на виду только Дарьяльское ущелье, въ которомъ направо, точно отдѣланная чернью, сіяла золотомъ прорѣзанная черными жилками какая-то гора; налѣво былъ кусокъ изумруднаго—да, именно, изумруднаго неба. Я съ замираніемъ ждалъ минуты, когда все это закроется нижнимъ туманомъ, но онъ поднимался медленно, и Дарьяльское ущелье блистало, какъ золото. Вдругъ вѣтеръ пере мѣнился, и съ запада, справа, двинулась густая масса тумана. Какъ непроницаемая декорація, быстро заволокла она все: заволокла и бѣдную песчаную гору, и Дарьяльское ущелье, въ которомъ золотая гора скрылась, какъ заколдованная красавица, гдѣ то тамъ, далеко, далеко! Прости, дивная красавица! Безъ 20 мин. 7 занавѣсъ совсѣмъ опустился, и чудная панорама,

которой не увидишь ни на какомъ театрѣ, исчезла для меня навсегда. Волшебницы горы дали взглянуть на себя во время ихъ утренняго туалета, при восходѣ солнца, не такимъ сонямъ, какъ М., и зло посмѣялись надъ его красками и надъ приготовленнымъ для рисованія и поставленнымъ на мольбертѣ у окна полотномъ. Теперь пробило семь. Я видѣлъ какое-то волшебство и могу лечь спать совершенно спокойно.“

Улыбнитесь, читатель, прочитавъ эти строки, и простите за смѣлость, съ которою я рѣшился представить вамъ цѣликомъ это вѣрѣчивое, но дорогое для меня воспоминаніе.

ГЛАВА III.

Отдѣленіе 1-е.

Отъ Владикавказа до Тифлиса.

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ.
Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза,
Снѣгами вѣчными сіялъ,
И, глубоко внизу чернѣя,
Какъ трещина, жилище змѣя,
Видся излучистый Дарьялъ,
И Терекъ, прыгая какъ львица
Съ косматою гривой на хребтѣ,
Ревѣлъ, и горный звѣрь, и птица,
Кружась въ лазурной высотѣ,
Глаголу водъ его внимали,
И золотыя облака
Изъ южныхъ странъ, издалека,
Его на сѣверъ провожали;
И скалы тѣсною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія волны;
И башни замковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно сквозь туманы:
У вратъ Кавказа на часахъ
Сторожевые великаны!
И дикъ и чуденъ былъ вокругъ
Весь божій міръ.....

.....
.....
И передъ нимъ иной картины
Красы живыя расцвѣли,
Роскошной Грузіи долины
Ковромъ раскинулись вдали.
Счастливыи, пышный край земли!

Столпообразныя руины,
 Звонко-бѣгущіе ручьи
 По дну изъ камней разноцвѣтныхъ,
 И кущи розъ, гдѣ соловьи
 Поютъ красавицъ, безотвѣтныхъ
 На сладкій голосъ ихъ любви;
 Чинарь развѣсистыя сѣни,
 Густымъ вѣнчанныя плющемъ;
 Пещеры, гдѣ палящимъ днемъ
 Таятся робкіе олени,
 И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,
 Стозвучный говоръ голосовъ,
 Дыханье тысячи растений,
 И полдня сладострастный зной,
 И ароматною росой
 Всегда увлажненыя ночи,
 И звѣзды яркія, какъ очи,
 Какъ взоръ грузинки молодой.

(Демонъ—Лермонтова).

Невозможно лучше, сжатѣе, вѣрнѣе описать природу Военно-грузинской дороги. Приведенный нами отрывокъ изъ поэмы гениальнаго поэта есть образчикъ правды, облеченной въ удивительную поэтическую форму.

Сообщеніе между Владикавказомъ и Тифлисомъ производится круглый годъ или на почтовыхъ, или въ экипажахъ „товарищества движенія почтовыхъ экипажей на Кавказѣ“, (смотри главу — сообщенія) Въ Мухетъ станція Поти-Тифлисской желѣзной дороги; стало быть, въ настоящее время въ экипажѣ приходится ѣхать только до Мухета. *Разстояніе* 197³/₄ версъ.

Станціи: Балта (12¹/₂ в.), Ларсѣ (16), Казбекъ (15¹/₂), Коби (15¹/₂), Гудауръ — (14¹/₂), Млетъ — (15), Пай-санауръ (18¹/₂), Анануръ (21), Душетъ (16³/₄), Цилканы (17³/₄), Мухетъ (14³/₄), Тифлисъ (20). Станціи вездѣ каменные, хорошо выстроенныя и съ обширнымъ помѣщеніемъ; на каждой можно довольно по-

рядочно пообѣдать и закусить; на нѣкоторыхъ есть отдѣльные номера, которые однако покажутся не совсѣмъ комфортабельными избалованному европейцу.

Дорога, на всемъ протяженіи, отличное шоссе. Высшая точка перевала, между *Коби* и *Гудауромъ*, чрезъ *Крестовую гору*, 8,015 ф. надъ уровнемъ моря.

Панорама горъ, видимая изъ Владиавназа. Горы, расположенныя амфитеатромъ, вверху котораго снѣжный гребень тянется на необозримое пространство, представляются въ видѣ слѣдующей панорамы: почти прямо противъ дороги, на лѣвомъ берегу вырывающагося изъ Дарьяльскаго ущелья Терека, возвышается величественный *Казбекъ* (16,553 ф.); рядомъ съ нимъ виднѣются широкія поля глетчеровъ, покрывающихъ группу горы *Джимерай-гохъ* (15,700 ф.), названной такъ отъ симетическаго племени Джимеръ, извѣстнаго уже въ священномъ писаніи и обитавшаго здѣсь еще раньше II-го тысячелѣтія до нашей эры. Затѣмъ, все къ западу, слѣдуетъ снѣжная группа *Куртатинскихъ горъ*, не такъ величественная, какъ первая двѣ; высочайшая въ этой группѣ вершина *Сырху-барзомъ* (13,660 ф.). Далѣе къ западу виднѣются: гора *Тепли* (14,530 ф.), *Цміакомъ-гохъ* (13,600 ф.), *Кахотверъ*, остроконечный конусъ *Адай-гохъ* (15,260 ф.), съ принадлежащими къ его группѣ снѣговыми горами— *Чигатъ* и *Царгатъ*, и т. д. Такъ какъ большая часть этихъ горъ значительно выше Монблана, то уже изъ одного этого можно заключить о поразительной эффектности этой картины, преимущественно подъ осень или зимою, когда, въ свѣтлые дни, прозрачность атмосферы позволяетъ разсмотрѣть все, какъ на ладони. Ниже снѣговаго гребня тянется ярусъ массивныхъ каменныхъ горъ и голыхъ скалъ, въ числѣ которыхъ особенно за-

мѣтны: на правомъ берегу Терека—*Матъ-гохъ* и *Столловая гора*; на лѣвомъ берегу—*каменистый Адай-гохъ*, *Чатъ-гохъ*, *Фотхусъ*, *Кариу-гохъ*, *Карца* и проч. Эти высокія скалы и горы закрываютъ видъ на полосу, соотвѣтствующую альпійскимъ пастбищамъ.

Владикавказскій округъ содержитъ городъ *Владикавказъ*, *Алагирскую волость*, съ 1,123 жит. об. пола, *нѣмецкую колонію* въ 160 жит., *17 казачьихъ станицъ*, съ 25,722 д. об. п., *131 осетинское селеніе*, съ 49,444 д., и *115 горскихъ ауловъ*, съ 31,829 жителями.

В л а д и к а в к а з ъ .

Владикавказъ (по туземному *Капкай*—преддверіе горъ), съ 15 т. жителей, мѣстопробываніе начальника Терской области, лежитъ на Терекѣ, на высотѣ 2,280 ф. надъ поверхностью моря, у самаго подножія Черныхъ горъ, за которыми возвышается снѣговой хребетъ. Основанъ при Екатеринѣ въ одно время съ Ставрополемъ; прежняя крѣпость и важный стратегическій пунктъ, запиравшій и оберегавшій единственную дорогу чрезъ главный хребетъ. Самое имя указываетъ на важное значеніе этого пункта. Еще въ 1859 году здѣсь ожидали нападенія Шамиля.

Лучшая и главная часть города находится на правомъ берегу Терека. Лѣтъ 15 тому назадъ большая часть строеній состояла изъ одно-этажныхъ домиковъ, крытыхъ камышемъ или дранью; еще и нынче ихъ много попадаетъ даже на главной улицѣ, по которой пролегаетъ бульваръ. Улицы, лежація въ сторонѣ отъ главной, грязны и имѣютъ до сихъ поръ первобытный характеръ.

Съ замиреніемъ края, Владикавказъ началъ быстро рости и украшаться, а съ окончаніемъ Ростовско-Владикавказской желѣзной дороги, нѣтъ сомнѣнія, его ожидаетъ блестящая будущность: изъ передоваго военнаго онъ долженъ обратиться въ передовой пунктъ торговли Россіи съ Кавказомъ и Закавказьемъ.

Проѣхавъ ворота и миновавъ *линейную церковь*, лежащую на правой сторонѣ, вы достигаете прекраснаго зданія *главнаго штаба* и поворачиваете, прямо противъ него, влѣво, *по главной улицѣ*, посрединѣ которой, во всю длину ея, проходитъ широкій *бульваръ*. Проѣзжая вдоль него, вы все время имѣете передъ глазами панораму горъ. На правой сторонѣ у васъ будутъ: *театръ*, *садъ Монплезиръ*, *общественный садъ*, съ ротондой для музыки и лѣтнимъ вокзаломъ, выстроеннымъ надъ крутымъ берегомъ Терека; вслѣдъ за садомъ, рядомъ съ нимъ, лучшая въ городѣ *почтовая гостинница*; прямо противъ нея, черезъ площадь (на которой и *извозицья биржа*), вы увидите красивый домъ (*дворецъ*—какъ его здѣсь называютъ) командующаго войсками и начальника Терской области: онъ выстроенъ на горѣ, по которой къ низу, т. е. къ площади, спускается, обнесенный рѣшеткою тѣнистый *садъ*, съ домовою церковью внизу. Далѣе, за почтовой гостинницей, слѣдуетъ *малый бульваръ*, а за нимъ поворотъ вправо, на *мостъ* чрезъ Терекъ, къ выѣзду на шоссе Военно-грузинской дороги. Въ концѣ города, опять таки по главной улицѣ, влѣво—*остатки старой каменной крѣпости съ развалинами башни*, за которой, немного далѣе, начинается новая каменная *оборонительная стѣна* съ бойницами, выстроенная въ ожиданіи нападенія Шамиля и охватывающая восточную часть города. Старая крѣпость и башня

заслуживаютъ осмотра. Поднявшись отъ башни, чрезъ балку, пѣшкомъ, въ гору, мимо грузинской церкви съ кладбищемъ, и обогнувъ дворецъ, спускаются вдоль сада на площадь, лежащую противъ почтовой гостиницы.

Владикавказъ—первый городъ, встрѣчающійся на пути изъ Россіи, который имѣетъ совершенно оригинальный, кавказскій характеръ. Путешественника, никогда не бывавшаго на Кавказѣ, поражаетъ здѣсь смѣшеніе русскаго населенія съ горскимъ, и онъ съ невольнымъ любопытствомъ засматривается на оригинальныя и красивыя фигуры вооруженныхъ горскихъ всадниковъ.

Гостиницы. Какъ мы сказали, самая лучшая гостиница *почтовая*. Номера въ ней—отъ 1½ рубля; совѣтуемъ, если возможно, занять номеръ съ видомъ на горы. Столъ хорошій, по картѣ. Въ одномъ домѣ съ ней—библиотека и клубъ; плата за входъ въ клубъ въ обыкновенные дни—30 к., на танцевальные вечера—1 р. Тутъ же находится и контора товарищества почтовыхъ экипажей. Особенной чистотой гостиница не отличается. Кромѣ нея, есть еще недавно открытые *номера Шербачева*, противъ навагинской церкви.

Извозчики. Очень порядочные парные фаэтоны на лежачихъ рессорахъ—50 к. въ часъ, по таксѣ. Открытыя дрожки плохи.

Фотографіи двѣ, но обѣ плохи; очень ошибется тотъ, кто понадѣется застать въ нихъ порядочной коллекціей видовъ и карточекъ.

Бани—персидскія рядомъ съ почтовой гостиницей. Предостерегаемъ отъ русскихъ бань: это просто солдатскія, закоптѣлыя бани, съ холодными передбанниками, въ которыхъ гуляетъ сквозной вѣтеръ. Отъ посѣщенія

ихъ да избавить Господь всякаго, не желающаго простудиться.

Въ лавкахъ можно найти многое, по цѣнамъ, не дороже московскихъ.

Такъ какъ сѣверная часть Военно-грузинской дороги проходитъ чрезъ Осетию, то мы, держась принятаго нами плана, скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ народѣ.

Осетины зовутъ сами себя — *ирз* или *иранз*; татары зовутъ ихъ *оссз*; грузины — *осси*; отсюда, вѣроятно, и русское — осетины. Они живутъ въ центрѣ Кавказскихъ горъ — на сѣверъ по Тереку и его западнымъ притокамъ вплоть до Кабарды, и на югъ, въ верховьяхъ Ляхвы. Въ сѣверной половинѣ число ихъ до 45 т., въ южной до 20 т. душъ. Они раздѣляются на 4 главныя племена: *дигорцы*, населяющіе суровыя верховья *Уруха*, сильные, неустрашимые и отличные горные охотники; *алагурцы*, живущіе по *Ардону*, отличаются, напротивъ, тупостью и составляютъ совершенный контрастъ съ дигорцами; *тагаурцы*, живущіе по лѣвому берегу Терека, въ горахъ, у *Ларской станціи*, — самое гордое и передовое племя между осетинами; они себя считаютъ потомками Тагаура, по преданію, наслѣдника армянскаго престола, будто бы спасшагося въ горахъ отъ преслѣдованія своихъ братьевъ; по этому они причисляютъ себя къ высшему сословію, и простой народъ не любитъ ихъ; *куртатинцы* живутъ на западъ отъ тагаурцевъ до рѣки Ардона, — это самое честное и самое преданное русскимъ племя.

Религія осетинъ — смѣсь христіанства, магометанства и язычества. По официальнымъ даннымъ, ихъ считается около 50 т. христіанъ, около 15 т. магометанъ и небольшое число язычниковъ. Въ послѣднее время, съ учрежденіемъ Общества возстановленія и распространенія

христіанства на Кавказѣ, надо надѣяться, что цифра христіанскаго населенія возростетъ.

По преданіямъ, осетины пришли изъ Азіи чрезъ Уральскіе горы и занимали прежде равнины, разстилающіяся на сѣверѣ отъ Кавказскихъ горъ; на это, пожалуй, отчасти намекаетъ и слово Донъ, значущее по-осетински рѣка (*Ардонъ*—бѣшеная рѣка). Оттѣсненные другими, болѣе сильными народами, они должны были скрыться въ недоступныхъ горныхъ тущобахъ и сдѣлаться такимъ образомъ отрѣзанными отъ всего остальнаго міра. Въ народѣ еще живы воспоминанія о томъ времени, когда осетинъ не смѣлъ показаться на Кабардинской плоскости, и когда кабардинцы, владѣвшіе Ларскимъ ущельемъ, позволяли имъ спускаться къ Тереку не иначе, какъ за плату. Постоянная опасность отъ нападений заставляла ихъ укрѣплять свои маленькіе аулы башнями, придающими имъ издали такой оригинальный видъ. Осетинскій аулъ, состоящій изъ небольшого числа сложенныхъ изъ дикаго сѣраго камня саклей, съ плоскими крышами и съ возвышающеюся среди ихъ башней, представляется издали какимъ то разрушеннымъ средневѣковымъ замкомъ.

Малоземелье было причиной того, что часть осетинъ перешла на южный склонъ Кавказскаго хребта, покинутый грузинами, спустившимися ниже, въ мѣста, гдѣ населеніе сдѣлалось рѣдкимъ отъ непрерывныхъ опустошеній. Тамъ они, поселившись на помѣщичьихъ земляхъ, сдѣлались изъ свободныхъ людей крѣпостными, выучились по-грузински, а у предгорій даже совсѣмъ смѣшались съ грузинами.

Бѣдность развила въ осетинахъ склонность къ грабежу и убійствамъ (осетинская пословица говоритъ: „что находимъ на большой дорогѣ, то намъ послано

Богомъ“). Замкнутая жизнь и рѣдкія сношенія другъ съ другомъ породили гостепрѣимство, общее всеѣмъ горцамъ, а отсутствіе всякой гражданственности заставило прибѣгать къ личной расправѣ, породившей кровомщеніе, которое бывало иногда причиною ужаснѣйшихъ злодѣяній.

Осетины нашли себѣ защиту въ русскихъ и одни изъ первыхъ приняли наше подданство, благодаря которому мрачныя времена для нихъ миновали. Освобожденіе крѣпостныхъ и введеніе гражданского управленія, совершившіяся на всемъ Кавказѣ, не обошли, разумѣется, и осетинъ; многіе изъ нихъ, покинувъ свои сѣверныя ущелья, выселились на плоскость; бытъ ихъ въ настоящее время значительно улучшился, и есть надежда, что, благодаря своей воспрѣимчивости, они опередятъ многія племена кавказскихъ горцевъ.

Военно-грузинская дорога.

Военно-грузинская дорога пролегаетъ путемъ, по которому еще въ самой глубокой древности двигались народы изъ Азіи въ Европу. Путь этотъ образовался долинами и ущельями Терека, текущаго на сѣверъ, и Арагвы, текущей на югъ. *Перевалъ* чрезъ главный хребетъ (*чрезъ Гудъ-гору и Крестовую*), раздѣляющій истоки этихъ рѣкъ, составляетъ всего 15 верстъ.

Сообщеніе по Военно-грузинской дорогѣ до Ермолова было ужасно, какъ по трудности, такъ и по опасности отъ нападеній; эти послѣднія бывали не всегда ради одного грабежа, но принимались даже и съ политическими цѣлями; таково, на примѣръ, было въ 1803 г. нападеніе тагаурцевъ въ Дарьяльскомъ ущельѣ на отрядъ ген. Тучкова, провожавшій грузинскую царицу Марію; нападеніе было произведено съ цѣлю освобожденія царицы,

подкупившей тагаурцевъ за 1,000 рублей (подробно исторію царицы Маріи мы расскажем при описаніи мухетскаго собора, въ которомъ она погребена). Еще въ 1829 году Пушкинъ, ѣхавшій въ Арзерумъ, съ оказіей, по Дарьяльскому ущелью, подъ прикрытіемъ казаковъ и пѣхоты, не доходя до Ларса, засмотрѣлся на величественную природу и отсталъ отъ конвоя; вдругъ онъ видитъ бѣгущаго къ нему солдата, который кричалъ издали: „не останавливайтесь, ваше благородіе, — убьютъ!“ Дѣло въ томъ, что осетинскіе разбойники еще нападали тогда на путешественниковъ. Наканунѣ проѣзда Пушкина они напали на генерала Бековича, проскакавшаго однакожь счастливо подъ ихъ выстрѣлами.

Первый началъ отдѣлывать Военно-грузинскую дорогу *Ермоловъ*. При немъ, въ продолженіи цѣлыхъ 5-ти лѣтъ, разрабатывалось Дарьяльское ущелье; множество утесовъ и скалъ были взорваны порохомъ и выровнены; построены мосты черезъ Терекъ и проч. На *Крестовой* до сихъ поръ стоитъ каменный крестъ, водруженный имъ въ 1824 г. Ермолова въ то время справедливо называли строителемъ русскаго Симплона. Впослѣдствіи, при кн. Воронцовѣ и кн. Барятинскомъ, утомительный переѣздъ изъ Коби на Кайшауръ (16 верстъ, для проѣзда которыхъ требовалось 5 часовъ) замѣненъ былъ удивительнымъ спускомъ на Млеты, такъ что Кайшауръ остался въ сторонѣ.

Чтобы вполне оцѣнить, что такое Военно-грузинская дорога, надобно только вспомнить, что это самая высочайшая изъ всѣхъ разработанныхъ дорогъ въ мірѣ: высшая точка знаменитаго *Симплона* лежитъ на высотѣ 6,147 ф., а домъ, въ которомъ живутъ осетины на *Кресто-*

вой, лежитъ на высотѣ 8,732 ф. надъ поверхностью моря, что составляетъ разницу въ $\frac{3}{4}$ версты.

Въ настоящее время Военно-грузинская дорога — одна изъ безопаснѣйшихъ, интереснѣйшихъ и прекраснѣйшихъ дорогъ въ свѣтѣ.

Переѣхавъ во Владикавказѣ Терекъ, ѣдутъ его лѣвымъ берегомъ по зеленой полянѣ, и черезъ 5 верстъ дорога исчезаетъ въ горахъ. Громады, которыя, казалось, загоразивали путь, съ приближеніемъ къ нимъ раздвигаются, и Кавказъ, по выраженію Пушкина, принимаетъ путешественника въ свое святилище.

До *Балты* (12 $\frac{1}{2}$ верстъ) Терекъ еще довольно широкъ; онъ разливается рукавами, и стоящіе по бокамъ его то голыя шиферныя, то лѣсистыя, прорѣзанныя разсѣлками, скалы, вершины которыхъ часто исчезаютъ въ облакахъ, еще не сѣзили ущелья. Чѣмъ ближе подвигаются къ *Ларсу* (16 верстъ; 3,679 ф. надъ моремъ), тѣмъ оно все болѣе и болѣе сѣживается, а горы становятся все выше и выше; у самой же станціи онѣ, кажется, совсѣмъ загородили дорогу, и только тамъ, гдѣ съ ревомъ выбивается наружу Терекъ, виднѣется мрачное отверстіе: это начало трещины, жилище змѣя, т. е. *Дарьяла*.

Въ іюлѣ и первой половинѣ августа, во время наибольшаго таянія горныхъ снѣговъ, ревъ бушующей рѣки бываетъ ужасенъ; тогда воды не видно, надъ нею только стоитъ водяная пыль и слышится неистовый грохотъ: это Терекъ, ворочая громадные каменья, съ бѣшенствомъ вырывается на свободу. Паденіе его въ Дарьяльскомъ ущельѣ 60—110 ф. на версту, т. е. по одной сажени на каждыя 30 сажень.

Недоѣзжая до станціи, на скалѣ направо видны раз-

валины, неизвѣстно когда построеннаго, стариннаго замка, берегавшаго ущелье. Внизу скалы прилѣпились нѣсколько духановъ и бѣдныхъ осетинскихъ саклей; обитатели ихъ появились здѣсь уже давно, по желанію нашего правительства, съ обязанностію служить проводниками и наблюдать за исправностію дороги; обязанность эта, конечно, теперь миновала.

Подѣзжая къ Ларсу, вамъ кажется, что вы попали въ глухой переулочъ, изъ котораго нѣтъ другаго пути, кромѣ обратнаго. Стѣснившіяся горы большею частію здѣсь застилаются облаками, почти всегда ползающими по ихъ голымъ, скалистымъ ребрамъ. Вамъ дѣлается страшно отъ этой тѣсноты, но вы еще только у входа въ *Дарьяльское ущелье*, которое чернѣетъ въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ крыльца станціи.

Дарьяльское ущелье. Кто хотя одинъ разъ видѣлъ знаменитый Дарьяль, тотъ навѣрное его никогда не забудетъ. Невозможно себѣ представить болѣе мрачную, грозную и болѣе величественную природу. Тѣснина, въ которой иногда вверху видна только одна узкая полоса неба, кажется сдавливаешь путника стоящими по обѣ стороны отвѣсными громадами. Волны Терека едва находятъ здѣсь себѣ мѣсто, и на протяженіи почти двухъ верстъ, кромѣ дороги, высѣченной въ скалѣ, нѣтъ ни пяди земли, гдѣ бы могла ступить нога человѣка. Долгое время послѣ водворенія русскаго владычества на Кавказѣ здѣсь не было проѣзда: не только путешественники, но и войска до Ермолова двигались по обходной горной тропинкѣ, подходившей почти подъ самые льды Казбека.

Боковыя громады прорѣзаны разсѣлинами, представляющими Дарьяль въ уменьшенномъ видѣ. Изъ нѣско-

торыхъ васъ совершенно неожиданно обдаетъ цѣлымъ потокомъ ослѣпительнаго свѣта; другія, напротивъ, полны тьмы и таинственности. Каждое изъ ущелій, съ непрестанными переливами свѣта и тѣней, можетъ дать матеріала художнику на цѣлую жизнь. Всевозможные цвѣта разлѣстились по ущельямъ въ томъ гармоническомъ порядкѣ, который доступенъ только одному великому мастеру—природѣ. Ежеминутно солнце и блуждающіе облака измѣняютъ этотъ порядокъ, и передъ вами проходитъ рядъ непрерывно мѣняющихся картинъ, изъ которыхъ та, что находится передъ глазами, кажется прекраснѣе только что исчезнувшей. Изрѣдка попадающіеся проѣзжіе не могутъ нарушить вашей благоговѣйной бесѣды съ природой; ревъ львицы—Терека, съ яростью мечущагося изъ края въ край въ своей клѣткѣ, и шумъ ручьевъ, падающихъ съ горной высоты мелкими и разбрызганными струями, напомнившими Пушкину Рембрандтовское похищеніе Ганимеда, убаюкиваютъ заколдованныхъ великановъ-старцевъ, внимающихъ, въ таинственной дремотѣ, цѣлыя тысячелѣтія этому шуму.

Съ Ларса дорога переходитъ съ лѣваго берега на правый. Не въ дальнемъ разстояніи отъ станціи видны размытые остатки дороги, шедшей подъ нависшей скалой по другой сторонѣ. Остатки эти краснорѣчиво говорятъ о разрушительной силѣ Терека.

Въ самой узкой части мрачнаго ущелья, слѣва, впадаетъ въ Терекъ боковой притокъ *Девдораки*, берущій начало въ ледникахъ Казбека и низвергающійся внизъ по дикому и суровому ущелью того же имени.

Въ прежнія времена черезъ различное число лѣтъ отсюда ниспадалъ въ Терекъ огромный ледяной заваль. Громада льда, снѣга и каменьева была такъ велика,

Ты затонилъ, освирѣлѣвъ,
 Свои брега.
 И долго прорванный обвалъ
 Неталой грудой лежалъ,
 И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ
 И пылью водъ
 И шумной пѣной орошалъ
 Ледяный сводъ.
 И путь по немъ широкій шель:
 И конь скакалъ, и влекся воль,
 И своего верблюда велъ
 Степной купецъ,
 Гдѣ нынѣ мчится лишь Эоль,
 Небесъ жилецъ.

Существовало убѣжденіе, что завалы съ Девдорака падаютъ каждыя 7 лѣтъ, но съ 1832 г. явленіе это не повторялось. Нѣсколько разъ мѣстные жители тревожили начальство извѣстіями о появленіи зловѣщихъ признаковъ, но дѣло обходилось благополучно. Событіе обратилось въ преданіе и, разукрашенное вымысломъ, сдѣлалось похожимъ на сказку. Говорятъ, что массы снѣга, задержанныя обломкомъ скалы, оторвавшимся во время завала 1832 г., нашли себѣ исходъ въ другую сторону, такъ что Военно-грузинская дорога ограждена на будущее время отъ этой страшной катастрофы; но академикъ Абихъ, осматривавшій Девдорацкій ледникъ въ 1861 году, полагаетъ, что эта увѣренность не совсѣмъ основательна. Комиссіи 1862, 1863 и 1864 годовъ подробно описали Девдорацкую ледниковую котловину, сообщающуюся съ Тереккомъ чрезъ потокъ Девдораки. Узкое горло котловины—при истокахъ Девдораки—находится въ 4¹/₂ верстахъ отъ Терека.

Не доѣзжая до конца Дарьяльскаго ущелья, встрѣчаютъ четырехъ-угольное укрѣпленіе, состоящее изъ оборонительной стѣнки съ башнями по угламъ и съ казармою въ серединѣ. Въ немъ живетъ теперь мирная команда въ дом-

ства путей сообщенія, для шоссейнаго сбора и наблюденія за исправностью дороги. Изъ за укрѣпленія на мрачной скалѣ, одиноко возвышающейся посреди ущелья, видны развалины замка. Это то мѣсто и есть собственно *Дарьялъ*, что на древнемъ персидскомъ языкѣ значить—ворота. По свидѣтельству Плинія, кавказскія ворота, ошибочно называемыя каспійскими, находились здѣсь. Они были деревянныя, окованныя желѣзомъ, и запирали ущелье. Подъ ними—пишетъ Плиній—течетъ рѣка Диріодорисъ. Теперь вмѣсто этихъ воротъ дорогу запираетъ полосатый шлагбаумъ, поднимаемый и опускаемый часовымъ, по мановенію путейскаго унтеръ-офицера.

Про развалины есть извѣстіе, что замокъ построенъ царемъ *Мирианомъ* за 150 лѣтъ до Р. Х. и обновленъ царемъ *Давидомъ* въ XII вѣкѣ; но народу нѣтъ дѣла до того, что по-персидски *Дарія* значить—ворота; эти ворота онъ преобразилъ въ царицу *Дарію*, будто бы когда то жившую въ замкѣ и давшую свое имя ущелью; *Дарія* преобразилась потомъ въ *Тамару*, славную царицу Грузіи, которая царствовала въ концѣ XII и началѣ XIII столѣтій *); дѣйствительная царица, въ свою очередь, превратилась, въ народныхъ сказаніяхъ, въ какую то *мифическую героиню Тамару*, съ и менемъ которой связана постройка всѣхъ замковъ и храмовъ, которыхъ развалины встрѣчаются до сихъ поръ повсемѣстно на западномъ Кавказѣ. Многія развалины имѣютъ, разумѣется, свои легенды; такимъ образомъ составилаь легенда и о дарьяльскомъ замкѣ, носящая на себѣ отпечатокъ таинственной и страшной природы Дарьяла. Легенда говорить, что въ замкѣ жила когда то прекрасная, но злая

*) Исторія ея разсказана далѣе, при описаніи *Гелатскаго монастыря*.

царица Тамара, которая завлекала къ себѣ молодыхъ и красивыхъ путниковъ, обѣщая имъ свою любовь и всевозможныя наслажденія. Обѣщаніе исполнялось, но послѣ ночи, проведенной въ блаженствѣ, несчастному отрубали голову и трупъ бросали въ Терекъ. Лермонтовъ обезсмертилъ легенду въ своемъ прекрасномъ стихотвореніи:

Въ глубокой тѣсинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
Старинная башня стояла,
Чернѣя на черной скалѣ.
Въ той башнѣ высокой и тѣсной
Царица Тамара жила,
Прекрасна, какъ ангелъ небесный,
Какъ демонъ—коварна и зла.
И тамъ, сквозь туманъ полуночи,
Блесталъ огонекъ золотой,
Кидался онъ путнику въ очи,
Манилъ онъ на отдыхъ ночной.
И слышался голосъ Тамары,—
Онъ весь былъ желанье и страсть,
Въ немъ были всеильныя чары,
Была непонятная власть.
На голосъ невидимой пери
Шель воинъ, купецъ и пастухъ;
Предъ нимъ отворялися двери,
Встрѣчалъ его мрачный евнухъ.
На мягкой пуховой постели,
Въ парчу и жемчугъ убрана,
Ждала она гостя. Шипѣли
Предъ нею два кубка вина.
Слетались горячія руки,
Уста прилипали къ устамъ,
И страстные дикіе звуки
Всю ночь раздавалися тамъ;
Какъ будто въ ту башню пустую
Сто юношей пылкихъ и жень
Сошлись на свадьбу почную,
На тризну большихъ похоронъ.
Но только что утра сіянье
Кидало свой лучъ по горамъ,
Мгновенно и мракъ и молчанье

Опять воцарялися тамъ.
Лишь Терекъ въ тѣснинѣ Дарьяла,
Гремя, нарушалъ тишину:
Волна на волну набѣгала,
Волна погоняла волну.
И съ плачемъ безгласное тѣло
Спѣшили онѣ унести.....
Въ окнѣ тогда что то бѣлѣло,
Звучало отуда: прости!
И было такъ нѣжно прощанье,
Такъ сладко тотъ голосъ звучалъ,
Какъ будто восторги свиданья
И ласки любви обѣщаль.

Чѣмъ дальше отсюда подвигаются впередъ, тѣмъ ущелье все болѣе и болѣе расширяется, и за 3 версты не доѣзжая до станціи, появляется вправо бѣлая шапка Казбека. Свѣтлѣе становится на душѣ путника при взглядѣ на долину, кажущуюся очень обширной послѣ только что покинутого ущелья.

Не доѣзжая версты до станціи, переѣзжаютъ по всяческому деревянному мосту, американской системы, построенному въ 1870 г., черезъ *Бѣшеную балку*.

Самое имя достаточно характеризуетъ этотъ потокъ, мгновенно превращающійся послѣ дождя и во время таянія горныхъ снѣговъ изъ мелкаго ручейка въ рѣчку, превосходящую своимъ бѣшенствомъ Терекъ. Висячій мостъ дрожитъ тогда надъ водою, и все, что попадаетъ въ потокъ, истирается между катящимися камнями, какъ между мельничными жерновами.

Тотчасъ за Бѣшеною балкой, по лѣвую сторону дороги стоитъ домъ князей *Казбековъ*, отъ имени которыхъ получила названіе и самая гора. Домъ весь каменный (дерево здѣсь страшно дорого: дрова привозятся на станцію по 25 р. сер. сажень), двухъ-этажный и обнесенъ галлереей; надворныя строенія тоже всѣ изъ камня; красивая до-

мовая церковь, въ романскомъ стилѣ, выстроена, какъ говоритъ надпись, при императорѣ Александрѣ I; при ней похоронены князья Казбеки; покойный князь былъ генералъ русской службы.

За домомъ находится грузинскій аулъ *Казбекъ*, составлявшій до освобожденія крѣпостныхъ собственность князей Казбековъ; жители его бѣдны; на расчищенныхъ отъ камней поляхъ сѣютъ ячмень, котораго имъ не хватаетъ на годъ; по горамъ кое-гдѣ косятъ сѣно; скотоводство небольшое и скоть малорослый.

Казбекъ (15^{1/2} в.), каменная двухъ-этажная *станція* на высотѣ 5,681 ф. надъ поверхностью моря, по правую сторону дороги, имѣетъ видъ гостинницы. При ней есть внизу и общія залы для проѣзжающихъ и номера во второмъ этажѣ; все меблировано плоховато, и номера, какъ водится, безъ постельнаго бѣлья. Съ галлерей и изъ общей залы прекрасный видъ на Казбекъ. *Цѣна за номеръ* 50 к. безъ топки и 1 р. съ топкой. При гостинницѣ есть буфетъ, въ которомъ готовятъ довольно вкусно; можно имѣть два три блюда *по 25 к. за порцію*; *самоваръ 20 к.* Порядочное мѣстное вино *50 к.* Если желаете, то можете купить у буфетчика туры рога (около 3 руб. за пару), которыхъ у него всегда имѣется нѣсколько штукъ: это вещь не только рѣдкая вездѣ, но даже и на Кавказѣ.

Въ здѣшнихъ горахъ центръ охоты на *туровъ* (каменныхъ барановъ—*Aegoceros Pallasii*), но эта охота такъ трудна, что даже изъ здѣшнихъ уроженцевъ охотники всѣ на перечетъ. Въ Ларсѣ есть хорошій охотникъ Пицхерауль Гирголь (Гирголь — Григорій); въ Казбекѣ — Александръ Шадуровъ; въ *Гилетахъ* есть также нѣсколько охотниковъ; въ Ларсѣ былъ знамени-

тый охотникъ Давидъ, про котораго рассказывали, что онъ заколдовывалъ туровъ: увидя его, они останавливались, какъ вкопанные; Давидъ уже умеръ.

Туръ живетъ на неприступныхъ скалахъ и рѣдко спускается внизъ. Подойти къ нему по вѣтру нѣтъ никакой возможности: не говоря уже про малѣйшій шорохъ. запахъ человѣка и ружья заставляетъ все стадо скрыться, какъ молнія. Если некуда скрыться, то туръ бросается въ пропасть, головою внизъ и, ударившись лбомъ о камень, становится на ноги; пространство лба между рогами у него такъ крѣпко, что его не пробиваетъ пуля. На станціи я видѣлъ отрѣзанную голову тура; дѣйствительно, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рога, почти вплотъ другъ отъ друга, выходятъ изъ лба, они были обиты, не знаю только отъ чего—отъ бросанья ли головою внизъ, какъ мнѣ говорили, или отъ боданья барановъ между собою.

Охотники, обутые въ *биндули* (горная осетинская обувь изъ бычачьей кожи: вмѣсто подошвы—ремни крестъ на крестъ, чтобъ нога не скользила и цѣплялась за камни; вмѣсто стельки, внутри подстилка изъ скользкой горной травы, похожей на ковыль), имѣя еще съ собою особаго рода подковы, которыя можно въ одну минуту прицѣпить и отцѣпить, съ винтовкой и зрительной трубой въ кожаномъ футлярѣ черезъ плечо,—отправляются на опасную охоту. Открывъ стадо туровъ, надо еще къ нему подкрасться по непроходимымъ мѣстамъ, изъ подъ вѣтра, потомъ убить на повалъ, потомъ достать изъ пропасти, въ которую очень часто сваливается убитый звѣрь и, наконецъ, принести домой. Последнее бываетъ иногда труднѣе всей охоты. Можно себѣ представить, каково возвращаться назадъ съ ношей, пуда въ два вѣсомъ,

на головѣ по такимъ мѣстамъ, гдѣ едва возможно твердо установить подкованную ногу! Охота продолжается иногда по недѣлѣ, и охотники, покрытые грязью, изодранные, испаранные, иззябшіе и измокшіе, возвращаются съ убитымъ туромъ, котораго и продаютъ на станціи рублей за 5 или за 6. Тутъ, разумѣется, дѣло не въ выгодѣ, потому что извозомъ или работой на дорогѣ можно добыть гораздо больше, — и охотники всѣ бѣдняки. Если, читатель, вы сами охотникъ, то поймете, что составляетъ этихъ людей предпочитать охоту на туровъ выгоднѣйшимъ заработкамъ и держаться промысла, который приводитъ бѣдняка въ соприкосновеніе съ дорогими для его сердца горами и наполняетъ жизнь его сильными ощущеніями. „Вотъ мѣсто—говоритъ г. Висковатовъ (Русск. Вѣстн. 1865 г.)—гдѣ горный духъ, раздосадованный на охотника за постоянныя похищенія туровъ въ его владѣніяхъ, сбросилъ на него груды камней и снѣга, отъ которой онъ спасся какимъ-то чудомъ; здѣсь, гоняясь за раненымъ туромъ, онъ оборвался въ кручу и едва не лишился жизни. А вотъ тамъ возвышается неприступная скала, на которую онъ взобрался первымъ изъ смертныхъ и въ доказательство своего подвига сложилъ на ней кучу камней. Сколько энергіи и силы потрачено на эти подвиги и сколько при этомъ переиспытано! Какъ же не приковаться всей душой къ этимъ суровымъ горнымъ трупобамъ, къ этимъ скаламъ, которыя такъ безмолвно, но краснорѣчиво говорятъ о прошедшемъ, — къ этимъ ледникамъ, которые представляютъ собою волшебный и полный поэзіи міръ!“

По словамъ г. Висковатова, между горами существуетъ повѣрье, что на *Бешламъ-Кортъ* (Казбекъ) живетъ какая-то *Мягкинень* (горный духъ), не допуска-

ющая смертныхъ къ священной горѣ. Ея никто не видѣлъ, но многіе слышали ея пѣтушиній крикъ, которымъ она пугаетъ смѣльчаковъ, дерзающихъ приблизиться къ ея жилищу. Для умилоствленія Мяжкиненъ устроенъ въ Девдоракскомъ ледникѣ жертвенникъ—*Даба*; на немъ навалена масса турьихъ роговъ,—благо они ни на что не нужны, а между тѣмъ владычица Бешлама, тронувшись благочестивымъ усердіемъ охотниковъ, перестала, со времени сооруженія Дабы, низвергать массы льда, которыми она прежде такъ часто засыпала Дарьяльское ущелье.

Жители здѣшняго аула не платятъ податей и отправляютъ повинности натурой, работая на дорогѣ. Въ казармѣ при станціи живутъ 4 милиціонера изъ здѣшнихъ жителей, съ урядникомъ; они получаютъ жалованья 15 р. въ мѣсяцъ на своемъ содержаніи и должны также имѣть свое оружіе и лошадей; обязанность ихъ: наблюдать за спокойствіемъ на дорогѣ и оберегать жителей, у которыхъ сосѣдніе ингуши и до сихъ поръ еще воруютъ скоть. Если вамъ есть время, то распорядитесь такъ, чтобы по пріѣздѣ на станцію пообѣдать и къ вечеру успѣть взобраться на *Стефанъ-Цминду*, для того, чтобы оттуда вполнѣ полюбоваться Казбекомъ и захожденіемъ солнца. Лѣтомъ всходъ туда вовсе не затруднителенъ, и съ обратнымъ путемъ на это потребуется не больше трехъ часовъ. Верховыхъ лошадей для этой прогулки можно достать у милиціонеровъ—рубля 1½ за лошадь. По возвращеніи со Стефанъ-Цминды пошлите за Александромъ Шадуровымъ (онъ тоже милиціонеръ) и уговоритесь съ нимъ на завтрашній день утромъ сходить на охоту, на ближайшія горы. Тоже рубля за 1½ онъ на утро, еще до разсвѣта, явится съ бандулями и вин-

товкой и разбудить васъ. Конечно, это не будетъ охота на туровъ,—для которой, не обижайтесь, вы, я думаю, и не годитесь, благосклонный читатель,—но вы смѣло можете надѣяться найдти горныхъ индѣекъ (птица величиною съ курицу и перомъ похожая на стрепета) и горныхъ курочекъ, похожихъ на нашихъ степныхъ куропагокъ. Не обидьтесь, если я вамъ скажу—коли вы не выросли въ горахъ, то вы и для этой охоты не окажетесь годными,—это будетъ не охота, а скорѣе прогулка. Взобравшись на гору, насколько вамъ будетъ возможно, отпустите охотника и оставайтесь сзади, любуясь его ходьбой по горамъ и видомъ на Казбекъ и окрестныя горы, освѣщенные лучами восходящаго солнца. Здѣшніе охотники, надобно замѣтить, все бьютъ пулями—и звѣря и птицу; бѣдность не позволяетъ имъ завести дробовика,—да онъ и не нуженъ, потому что охотникъ привыкъ къ своей кремневой винтовкѣ; для охоты на туровъ дробовикъ не годится, а охота на птицу составляетъ не охоту, а только забаву. Если удастся ему въ мѣру подкрасться, то и птица не минуетъ его пули,—и вы можете тогда полакомиться мясомъ горной курочки или индѣйки. Въ хорошую погоду, увѣряю васъ, эта охота-прогулка доставитъ вамъ истинное наслажденіе.

Прямо противъ станціи, чрезъ Терекъ, видѣнъ Казбекъ; ниже его, на горѣ *Квенемъ-мты*, *Стефанъ-Цминда* (церковь Стефана) или тоже, какъ ее называютъ, *Цминда-Самеба* (церковь Богородицы); еще ниже аулъ *Гилеты* (*Гиргеты*), выстроенный вдоль ручья, сбѣгающаго въ Терекъ.

Гора Казбекъ (16,553 ф.), по мѣстному названью—*Бешламъ-Кортъ*, по-осетински—*Черпети-Чубъ* (пикъ Христа), по-грузински—*Мхинвари*.

По народному повѣрью, вершина Казбека—мѣсто святое, до котораго никто не можетъ достигнуть,—на ней пребываетъ самъ Богъ; лишь только охотникъ или другой кто-нибудь достигаетъ большаго камня (видимаго отъ Стефанъ-Цминды), его останавливаетъ невидимая сила, или же поднимается буря, и онъ долженъ вернуться назадъ; на вершинѣ горы разбитъ шатеръ Авраама изъ матеріи, лучше которой никто не видалъ; въ шатрѣ ясли, которыя поддерживаетъ невидимая рука, и въ нихъ спитъ младенецъ;—ясли окружены несмѣтными сокровищами; тутъ же находится невиданное дерево и пшеница, зерна которой величиной по четверти. Никто не проникалъ туда, кромѣ одного священника и его сына, совершенно чистыхъ и душою и тѣломъ,—это было при Иракліѣ II; отецъ погибъ, а сынъ возвратился съ кускомъ невиданнаго дерева, лоскуткомъ матеріи отъ шатра и нѣсколькими зернами пшеницы; подошвы его ногъ оказались убранными серебряными монетами, приставшими къ нимъ; всѣ эти сокровища были тогда же отправлены къ царю.

Несмотря однакожь на вѣру туземцевъ въ недоступность вершины Казбека,—члены лондонскаго альпійскаго клуба и опытные ходоки по горамъ, англичане *Фрешвилдъ*, *Муръ* и *Теккеръ*, взобрались на нее ^{18/30} іюня 1868 года.

Нанявъ въ *Гилетахъ* четырехъ носильщиковъ, они начали всходить съ южной стороны горы по глетчеру, начинающемуся на высотѣ 1,500 ф. надъ дномъ долины; ночь они провели въ пещерѣ на высотѣ 11,000 ф. надъ поверхностью моря; съ высоты 14,800 ф. имъ пришлось переходить безчисленное множество обрывовъ: при одномъ обрывѣ Теккеръ поскользнулся и покатился головою внизъ, но товарищи вытащили его. Впродолженіе

четырёх часовъ они взбирались по скользкой ледяной поверхности, за которую надо было цѣпляться руками и ногами. Наконецъ, они достигли восточной высочайшей вершины горы (16,546 ф.). Спустились путешественники по другому боку, чрезъ Девдорацкій ледникъ, и, переночевавъ въ саклѣ пастуха, на другой день вернулись въ аулъ Казбекъ чрезъ Дарьяльское ущелье. Въ Гилетахъ и теперь живутъ носильщики, провожавшіе смѣлыхъ англичанъ до подошвы горы; двое изъ нихъ пошли по слѣду путешественниковъ и также достигли вершины. Восхожденіе Фрешвильда, Мура и Теккера продолжалось 9^{1/4}, а спускъ 7^{1/2} часовъ; предпринято оно было единственно съ цѣлю попытать свои силы и опровергнуть мнѣніе объ абсолютной недоступности вершины Казбека, а также и съ цѣлю открыть для дѣятельности членовъ своего клуба новое поле, подобнаго которому нѣтъ въ Европѣ. Научные вопросы ихъ такъ мало интересовали, что они даже не сдѣлали ни одного наблюденія надъ барометромъ. Чрезъ мѣсяць, 17²⁹ іюля, они всходили на Эльборусъ, на которомъ ночевали на высотѣ 11,400 ф. Съ вершины Казбека они видѣли долину Терека, но равнина, лежащая далѣе на сѣверъ, была покрыта облаками.

Прогулка на Стефанъ-Цминду (Цминду-Самебу), можетъ быть сдѣлана верхомъ или пѣшкомъ. Лошадей для этого, какъ мы уже говорили, нанимаютъ на станціи.

Стефанъ-Цминда выстроена на горѣ *Квенемъ-мти*, на высотѣ 7,673 ф. надъ моремъ, т. е. почти на 2,200 ф. выше станціи Казбекъ. Это та самая церковь, въ которой, по словамъ Лермонтова, покоятся кости знаменитаго разбойника, пожелавшаго выстроить ее

Грѣховъ минувшихъ въ искупленье.

И вотъ, по обѣту его:

На вышинѣ гранитныхъ скалъ,
Гдѣ только вьюги слышно пѣнье,
Куда лишь коршунъ залеталъ...

.
. . . Межъ снѣговъ Казбека

Поднялся одинокій храмъ,
И вості злаго человѣка
Вновь успокоилися тамъ.

Въ храмѣ ежегодно три раза совершается литургія, и массы поклонниковъ приходятъ поклониться святыньѣ со всѣхъ сторонъ. Въ остальное же время:

. . . У воротъ ея стоятъ
На стражѣ черные граниты,
Пластами снѣжными покрыты,
И на груди ихъ, вмѣсто латъ,
Лды вѣковѣчные горятъ.

Впрочемъ, неизвѣстно откуда взялъ Лермонтовъ эту легенду. Напротивъ, мѣстные жители рассказываютъ, что церковь построена тремя царями — какими неизвѣстно. Они даже обижаются, если ихъ спрашиваютъ: не разбойникъ ли построилъ Цминду? Достоверно только одно, что камень, изъ котораго построена церковь, добытъ въ горѣ Сіонѣ, на трехверстномъ отсюда разстояніи. Громадный трудъ, требовавшійся для его доставки, показываетъ, что время постройки Цминды надобно отнести къ счастливымъ временамъ Грузіи. Или, можетъ быть, поэтъ говоритъ про другой храмъ-монастырь, дѣйствительно существующій на Казбекѣ, на рубежѣ вѣчнаго снѣга. Монастырь этотъ или, лучше сказать, нѣсколько келій въ скалѣ, доступенъ въ хорошее время и большую часть дороги къ нему можно дѣлать верхомъ. Посѣщавшіе его говорятъ, что онъ несомнѣнно былъ обитаемъ: жернова и остатки ручныхъ мельницъ, сохранившіеся въ кельяхъ, свидѣтельствуютъ объ этомъ. Раз-

сказы же о томъ, что гдѣ-то высоко на Казбекѣ есть монастырь, до котораго добраться нѣтъ никакой возможности, что человѣкомъ, отваживающимся на этотъ подвигъ, овладѣваетъ сонъ, во время котораго онъ скатывается внизъ, и проч., — конечно, рассказы эти не болѣе какъ плодъ досужаго воображенія жителей.

Проѣхавъ по мосту чрезъ Терекъ, мимо впадающаго въ него ручья, на которомъ построено нѣсколько осетинскихъ мельницъ, чрезъ ауль *Гилеты*, взбираются на Квенемъ-Мты. Нетрудность подъема доказывается уже тѣмъ, что сюда взбираются въ положенные праздники массы богомольцевъ, между которыми есть и старые и малые.

Первое, что попадаетъ, когда взберешься на гору, — это остатки какихъ-то развалинъ и могильныхъ плитъ, подъ которыми, по рассказамъ, похоронены работники, строившіе церковь. Когда вы подойдете къ церковной оградѣ, то совершенно неожиданно предъ вами откроется огромная долина между Квенемъ-Мты и Казбекомъ, царственно возвышающемся надъ окрестностью. Церковь и колокольня построены въ древнемъ византійскомъ стилѣ и покрыты коническими куполами; осталая крыша надъ алтаремъ каменная двухскатная; колокольня стоитъ отдѣльно отъ церкви; окна узкія и высокія. Все зданіе имѣетъ разрушенный видъ, изъ трещинъ выбивается трава, но нѣкоторыя украшенія еще довольно хорошо сохранились: замѣчательны украшенія въ видѣ царскихъ шапокъ, какъ будто повѣшенныхъ на гвоздяхъ, вбитыхъ въ стѣну. На крышѣ лежатъ въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько паръ турьихъ роговъ, изъ которыхъ многіе уже вывѣтривались отъ времени, — это даръ благочестивыхъ охотниковъ. Какъ я уже сказалъ,

въ храмѣ бываетъ богослуженіе три раза въ годъ, въ остальное время онъ запертъ (ключъ можно достать у церковнаго старосты въ Гилетахъ, чего мнѣ не удалось сдѣлать). Говорятъ, что внутри сохраняется нѣсколько старинныхъ турецкихъ бунчуковъ, и около иконостаса лежитъ младенецъ въ ясляхъ—предметъ особеннаго благоговѣнія.

Кромѣ Стефанъ-Цминды, вокругъ Казбека есть еще много священныхъ мѣстъ, къ которымъ стекаются усердные богомольцы. Грузины—охотники повеселиться и каждый мѣсяцъ, разъ или два, празднуютъ какуюнибудь мѣстную святыню. Празднество продолжается нѣсколько дней, и каждый тащитъ съ собой все, что только отыщеть лучшаго изъ съѣстнаго, хотя бы пришлось для этого запродать сѣнокосъ на будущій годъ духанъщичу.

Квенемъ-Мты раздѣляетъ долину Казбека на двѣ части: одна, съ адлами и станціей, лежитъ по Тереку, другая, у подножія Казбека, необитаема и служитъ только для покосовъ и пастбищъ. Видъ сверху на обѣ долины, окруженныя угрюмыми горами, поразителенъ. Когда будете спускаться обратно внизъ, то въ *Гилетахъ* зайдите изъ любопытства въ какуюнибудь саклю. Здѣшнія сакли обыкновенно съ плоскими (по дороговизнѣ лѣса для стропиль) землебитными крышами и выстроены въ два этажа: въ нижнемъ помѣщается скоть, въ верхнемъ люди. Въ людскомъ помѣщеніи двѣ досчатыя перегородки образуютъ закомръ, въ которомъ хранится весь скудный запасъ зерна; закомръ этотъ раздѣляетъ саклю на двѣ части: въ одной, подъ отверстіемъ, продѣланнымъ въ потолокъ для выхода дыма, виситъ крючекъ, на которомъ вѣшается котелокъ для приготовленія пищи.

Топливомъ, за отсутствіемъ дровъ, служить кизякъ, и огонь разводится прямо на земляномъ полу. Свѣтъ проходитъ только чрезъ двери и дымовое отверстіе; оконныя стекла составляютъ здѣсь неизвѣстную роскошь. Около того мѣста, гдѣ разводится огонь, устроены нары, вышиною четверти въ полторы отъ полу; маленькіе треногіе столики для ѣды, такой же вышины, какъ и нары, составляютъ остальную мебель. На стѣнахъ полки для посуды; на нихъ же виситъ и оружіе хозяина. Когда вы войдете въ это жалкое обиталище, то глаза ваши не скоро будутъ въ состояніи различить что нибудь въ темнотѣ. Воздухъ наполненъ запахомъ кизячьяго дыма, которымъ прокопчена насквозь вся сакля. Надобно представить только себѣ, каково проводить здѣсь суровую, долгую зиму, когда вьюга воетъ въ ущельяхъ и снѣгъ пробивается сквозь всѣ отверстія! Каково сидѣть тогда все время въ этомъ темномъ логовѣ, не раздѣваясь и довольствуясь жалкимъ огонькомъ кизяка! И эти люди живутъ, здоровы и счастливы по своему: истинно, что человѣкъ есть самое выносливое животное! Курныя избы нашихъ степныхъ крестьянъ тоже ничѣмъ не лучше здѣшнихъ саклей, но въ тѣхъ есть хоть окна со стеклами, пропускающими свѣтъ, и печка, натопленная до того, что на ней едва можно лежать; впрочемъ, замѣнь этого, въ сакляхъ, постоянно продуваемыхъ насквозь вѣтромъ, воздухъ гораздо чище, и скотъ не помѣщается вмѣстѣ съ хозяевами—что почти уравниваетъ какъ выгоды, такъ и невыгоды обѣихъ помѣщеній. Притомъ же про сакли нельзя сказать, чтобъ онѣ отличались особенной неопрятностью.

Вотъ мельницамъ нашимъ такъ надобно отдать справедливость, — онѣ гораздо лучше осетинскихъ. Когда вы

пройдете Гилеты, то посмотрите на эти произведения здѣшнихъ механиковъ, настроенныя по ручью, сбѣгающему въ Терекъ. Изъ запруженнаго камнями ручья отведенъ каузъ, вода котораго колотитъ въ горизонтальное колесо, утвержденное на вертикальной оси; на этой же оси утвержденъ жерновъ, а по свѣрхъ его маленькій засыпной ковшъ; вся эта механика накрыта каменнымъ, разумѣется плосковерхимъ, строеніемъ, въ которомъ можетъ помѣститься развѣ только теленокъ; человѣку же надобно влѣзть туда на четверенькахъ. Говоря правду, колотушки эти очень хорошо приспособлены къ водѣ, приводящей ихъ въ движеніе. Большаго размѣра мельницъ здѣсь и устроить нельзя, да и не изъ чего, а эти совершенно достаточны для перемольванія здѣшнихъ скудныхъ запасовъ хлѣба. Колотитъ себѣ, да колотитъ. И дешево и сердито!

Внутренность сакли можно осмотрѣть и въ Казбекѣ: расположеніе и убранство совершенно однѣ и тѣже. Поподчуйте винцомъ одного изъ милиціонеровъ, постоянно находящихся на станціи, и онъ съ охотою проводитъ васъ къ себѣ въ домъ и посвятитъ во всѣ тайны своего образа жизни. Рекомендую для этого милиціонера Василю; у него же можете нанять и лошадей для поѣздки къ Стефанъ-Цминдѣ.

До *Коби* 15^{1/2} в. (6,364 ф.); дорога продолжаетъ извиваться долиной Терека, который уже здѣсь не бушуетъ и не стонетъ, какъ въ Дарьяльскомъ ущельѣ. Самая долина шире, свѣта въ ней больше и мѣстоположеніе не такъ угрюмо. Черезъ двѣ версты вершина Казбека въ послѣдній разъ показывается изъ за горъ. На третьей верстѣ слѣва впадаетъ Черная рѣчка, и дорога въ этомъ мѣстѣ раздѣляется на двое: одна обыкновенная, а другая выше,

для объезда во время разлива. Долина эта славится лихорадками. Дальше дорога вьется вверхъ зигзагами, и Терекъ остается нѣкоторое время въ глубинѣ. На поворотахъ каменные столбы, для указанія пути во время снѣжныхъ заносовъ. По обѣимъ сторонамъ, на высотахъ, лѣплятся бѣдные осетинскіе аулы, съ баціями, похожіе больше на развалины старинныхъ укрѣпленій, чѣмъ на обитаемыя жилища. Около одного аула, меньше чѣмъ на полдорогѣ, маленькій лѣсокъ — рѣдкость въ этихъ скалистыхъ и голыхъ мѣстахъ. Не доѣзжая Коби, влѣво, находятся три желѣзнокислые источника въ первобытномъ видѣ; говорятъ, вода ихъ полезна отъ лихорадки.

Станціи на Военно-грузинской дорогѣ имѣютъ то неудобство, что нагрѣваются маленькими желѣзными печами: пока ихъ топятъ — тепло, а какъ только сгорѣли дрова — такъ опять холодъ; на Коби этотъ недостатокъ особенно ощутителенъ. Архитекторъ, строившій ихъ, вѣроятно, не сообразилъ, что и на югѣ, на высотѣ почти 7,000 ф. бываетъ также холодно, какъ и на сѣверѣ. Въ Коби прощаются съ Тереккомъ, остающимся вправо. *Хевское ущелье*, по которому доѣзжаютъ до станціи, здѣсь расширяется отъ соединенія съ нимъ съ востока ущелья *Ухитскаго*, съ рѣчкой *Ухатъ-Дагъ*, а съ запада *Поокаузскаго* ущелья, которое, соединясь съ *Трусовскимъ*, служить ложемъ Тереку. Безпрерывный водопадъ, образуемый рѣкою, стремится изъ Трусовскаго ущелья, изъ четырехъ истоковъ горы *Россъ*. Окрестности Коби оригинальны до нельзя и представляютъ какой-то первобытный хаосъ. На высотѣ древнее селеніе *Ляслазъ*, съ церковью *Цминда-Кархи*. Разстояніе между *Коби* и *Гудайромъ* и составляетъ собственно:

Переваль чрезъ главный кавказскій хребетъ. Путь этотъ

многими описывается, какъ очень опасный отъ снѣжныхъ заваловъ, скатывающихся съ горъ. Но я вамъ посовѣтую, благосклонный читатель, въ то время, когда вамъ рассказываютъ о необыкновенныхъ трудностяхъ и опасностяхъ путешествія, не забывать никогда пословицы: „не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ“. Завалы между Коби и Гудауромъ дѣйствительно бываютъ поздней весной, т. е. въпервой половинѣ апрѣля, когда снѣгъ на горахъ начинаетъ таять и дѣлается рыхлымъ, и осенью, когда онъ еще не совсѣмъ улегся и окрѣпъ отъ морозовъ; лѣтомъ же дорога совершенно безопасна, а зимніе заносы, также какъ весенніе и осенніе завалы, постоянно расчищаются командами солдатъ, для которыхъ и выстроено здѣсь нѣсколько казармъ. Несчастія дѣйствительно бываютъ, но гдѣ же ихъ не бываетъ?—отъ нихъ путешественникъ не застрахованъ ни на параходахъ, ни на желѣзныхъ дорогахъ, ни даже при обыкновенной ѣздѣ на почтовыхъ.

Если, по нѣкоторымъ извѣстнымъ признакамъ, ожидается заваль, то вамъ не позволятъ ѣхать и предупредить объ опасности. Объ упавшемъ завалѣ сообщается немедленно, и тотчасъ же приступаютъ къ очисткѣ дороги. Вообще приняты всѣ мѣры предосторожности, и движеніе дилижансовъ происходитъ круглый годъ безостановочно. Если и случаются рѣдкія несчастія, то, по большей части, съ рабочими, исправляющими дорогу, да съ безпечными ямщиками и путниками, не обращающими вниманія ни на какія предостереженія. О томъ же, чтобъ проѣзжіе подвергались заваламъ,—не приходилось слышать. Повторимъ еще, что завалы бываютъ въ извѣстное время года. Во всякомъ случаѣ, считаемъ не лишнимъ сказать, что въ то время, когда бываютъ завалы,

лучше выѣзжать со станціи чуть свѣтъ, пока солнце еще не обогрѣло на горахъ снѣга. Когда дорога послѣ упавшаго завала или заноса еще не разработана на должную ширину, то встрѣча съ проѣзжими не можетъ быть особенно пріятна и не обходится безъ остановки на дорогѣ.

Дорога вьется зигзагами въ гору. Отѣхавъ нѣсколько верстъ, встрѣчаютъ рѣчку *Байдару*; въ вершинѣ ея, на возвышеніи, вправо отъ дороги, выстроены домъ, въ которомъ живутъ два осетинскихъ семейства, получающихъ содержаніе отъ правительства, за что они во время мятежей обязаны звонить въ колоколь и оказывать помощь путешественникамъ. Домъ этотъ стоитъ на высотѣ 8,732 ф. и послѣ Кодорскаго укрѣпленія есть самое высокое мѣсто, гдѣ живетъ человѣкъ, на Кавказѣ. Скажемъ кстати, что до прорытія туннеля Монъ-сени постоянный путь изъ Швейцаріи въ Италію, чрезъ Симплонъ, Сень-Готардъ и Сень-Бернардъ, былъ хуже нашей Военно-грузинской дороги.

Подвигаясь далѣе, переѣзжаютъ *Крестовую гору*; на ней влѣво отъ дороги, на высотѣ 8,498 ф. стоитъ крестъ, поставленный Ермоловымъ въ 1824 г. У подошвы Крестовой находится небольшая долина, называемая „*чертовой долиной*“. Лермонтовъ говоритъ, что это названіе происходитъ отъ слова черта, а не чортъ, потому что здѣсь была нѣкогда граница Грузіи.

За *Крестовую* начинается уже спускъ. Далѣе слѣдуетъ *Гудз-гора*, называющаяся такъ отъ имени дер. *Гудз*, лежащей вправо отъ дороги, въ глубинѣ пропасти, гдѣ кипитъ Арагва, берущая свое начало неподалеку, въ ущельи *Гуда*.

Чѣмъ болѣе вы спускаетесь къ Гудаурской станціи,

тѣмъ болѣе и болѣе вамъ открывается знаменитая *Кайшаурская долина*, такъ дивно описанная Лермонтовымъ.

Не испытавши, нельзя себѣ представить рѣзкости перехода отъ мрачныхъ сѣверныхъ ущелій къ очаровательной природѣ юга. Все измѣняется почти мгновенно: и горы, и небо, и воздухъ. Предъ вами долина, конца которой вы не видите; на окаймляющихъ ее *Мтиулетскихъ горахъ* видна жизнь, и самыя горы совсѣмъ не похожи на тѣ, которыя вы только что оставили за собою; небо тоже стало другимъ. А воздухъ! Вмѣсто холоднаго вѣтра на васъ вдругъ пахнуло дыханіемъ юга,— и чѣмъ дальше спускаетесь вы, тѣмъ оно становится все нѣжнѣе и теплѣе. Повторяю,—кто не переѣзжалъ съ сѣвера на югъ чрезъ высокіе горные хребты, тотъ не можетъ представить себѣ чувства, испытываемаго при переѣздѣ чрезъ переваль. А между тѣмъ мѣста, по которымъ вы ѣдете, еще напоминаютъ собою мрачныя сѣверныя ущелья. До *Гудаура* спускъ идетъ по краю обрыва, отвѣсная стѣна котораго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ искусственно выложена камнемъ на нѣсколько сотъ футъ въ глубину. Внизу сверкаетъ *Мтиулетская Арагва*, и на самомъ днѣ лежитъ громадная поросшая лѣсомъ и Богъ вѣсть когда свалившаяся скала.

Мы упомянули про аулъ *Гудз*; расскажем теперь слѣдующую грандіозную осетинскую легенду, связанную съ его именемъ.

„Давно, очень давно, въ аулѣ жила бѣдная семья, которую Господь, милосердый къ бѣднякамъ, благословилъ рожденіемъ дочери *Нины*, красивѣе которой не было ребенка во всей Осетіи. Не только все населеніе аула, но и далекіе путники, горцы и курьеры, видя ма-

лютку, взбирающуюся на гору, останавливались и, любясь ею, забывали свои обязанности; проезжавшіе съ караванами купцы дарили ее блестящими бездѣлушками и кусками яркой ткани. Влюбился въ Нину также и старый *Гудъ*—духъ, властитель Гудъ-горы, невидавшій во все время своей продолжительной жизни такой красавицы. Онъ полюбилъ ее со всею пылкостью юноши. Хотѣла ли Нина подняться на гору—влюбленный старикъ выравнивалъ тропинку подъ ея ножкой; искала ли Нина съ своими подругами цвѣтовъ и травъ—Гудъ собиралъ и пряталъ лучшіе цвѣты и травы подъ сводомъ камней, разсыпавшихся при приближеніи красавицы. Никогда ни одинъ изъ пяти барановъ, принадлежавшихъ отцу Нины, не падалъ въ кручу и не дѣлался добычей злыхъ волковъ. Однимъ словомъ, Нина была царицей всего пространства, гдѣ царствовалъ древній Гудъ,—такъ любилъ ее могучій старецъ. Прошло 15 лѣтъ; изъ хорошенькаго ребенка Нина сдѣлалась невиданной красавицей, и любовь стараго Гуда разгорѣлась еще сильнѣе; онъ сталъ даже подумывать о томъ—нельзя ли какъ нибудь изъ мсгучаго духа сдѣлаться простымъ смертнымъ, хоть бы даже и бѣднымъ осетиномъ. Но молодая дѣвушка не замѣчала любви Гуда,—она засматривалась на молодаго красавца, своего сосѣда Сасико. Сасико былъ молодецъ, статенъ, славился силой и ловкостью, отлично стрѣлялъ изъ винтовки и умѣлъ танцовать не только свой осетинскій танецъ, но даже и лезгинку, чѣмъ могли похвалиться немногіе. Старый Гудъ сталъ ревновать Нину къ Сасико; началъ преслѣдовать его, заводилъ въ трупобы во время охоты, застилалъ туманомъ пропасти подъ его ногами или засыпалъ его неожиданно мятелью. Однакоже всѣ хитрые

замыслы стараго ревнивца были тщетны. Наступила зима, и Гудъ лишился возможности часто видѣть свою любимицу; за то Нина и Сасико стали видѣться чаще и чаще. Гудъ все это видѣлъ, ревновалъ, бѣсился, и, наконецъ, ярость его достигла крайнихъ предѣловъ. Однажды, когда Нина и Сасико, оставшись одни въ саклѣ, не могли наговориться, Гудъ сбросилъ на нихъ огромную лаву снѣга. Обвалъ этотъ скорѣе обрадовалъ, чѣмъ испугалъ влюбленныхъ, и они были рады, что на нѣкоторое время могутъ остаться наединѣ другъ съ другомъ. Разведя огонь, они сѣли около него и безопасно предались мечтамъ и разговорамъ. Такъ прошло нѣсколько часовъ. Сердца влюбленныхъ были полны любовью, но желудки просили пищи; отысканныя двѣ лепешки и кусокъ сыру утолили не надолго ихъ голодь. Прошелъ еще день, и вмѣсто веселаго разговора въ саклѣ слышались вопли отчаянія; узники не думали больше о любви,—они думали о хлѣбѣ. Прошелъ и третій день, голодь еще больше усилился, а надежды на освобожденіе не было. На четвертый день голодная смерть казалась неминуемой. Сасико кидался изъ угла въ уголъ, но вдругъ остановился: впалые глаза его устремились на Нину.—онъ бросился къ ней, крѣпко обхватилъ ее руками и впился зубами въ ея плечо. Дѣвушка вскрикнула, упала на полъ, но въ это время слышался говоръ, и дверь, очищенная отъ завала, открылась для узниковъ. Нина и Сасико бросились къ своимъ избавителямъ, но уже съ чувствомъ ненависти и отвращенія другъ къ другу. Обрадовался старый Гудъ, узнавши, что любовь Нины и ея возлюбленнаго замѣнились взаимной ненавистью; не утерпѣлъ старикъ и разразился такимъ смѣхомъ, что цѣлая туча камней посыпалась съ горы въ долину. Большое про-

странство ея и до сихъ поръ густо устѣяно осколками гранита. Вотъ какъ смѣется нашъ могучій Гудъ—прибавляетъ осетинъ, рассказывая эту легенду.“ (*Изъ Дубровина*).

Гудаурская станція (14^{1/2} в. 7,327 ф. Приемъ телеграфическихъ депешъ). Помните ли вы путешествіе Лермонтова съ Максимомъ Максимовичемъ чрезъ Гудь-гору и Крестовую? Навѣрное вы читали „Героя нашего времени“ и не забыли этого путешествія. Лермонтовъ называетъ Гудь-гору проклятой. Перекладную его тележку едва тащили на нее шесть паръ воловъ, съ помощію нѣсколькихъ осетинъ. Пушкинъ пишетъ, что въ Коби онъ долженъ былъ бросить свою коляску и ѣхать верхомъ до Тифлиса. Переваль черезъ Крестовую былъ въ то время таковъ, что путешественники здѣсь обыкновенно выходили изъ экипажа и шли пѣшкомъ, а какой-то иностранный консуль велѣлъ даже завязать себѣ глаза, и когда его свели подъ руки и сняли повязку, то онъ упалъ на колѣни и сталъ благодарить Бога. Не довольствуясь тормозами, экипажи спускали иногда на рукахъ. Въ настоящее время эти описанія нашихъ геніальныхъ поэтовъ кажутся уже какою-то легендой. По страшной дорогѣ ѣздить безъ задержки во всевозможныхъ экипажахъ, и громоздкіе дилижансы ходятъ по ней ежедневно весь годъ. Теперь въ дурное время во сто разъ труднѣе доѣхать отъ Ростова до Ставрополя, нежели отъ Владикавказа до Тифлиса. Напомнимъ опять, что прежде для проѣзда шестнадцати-верстнаго разстоянія отъ Коби до Кайшаура требовалось не менѣе пяти часовъ, а въ настоящее время, за исключеніемъ особенныхъ случаевъ, здѣсь ѣздить съ обыкновенной почтовой скоростью.

На горахъ, окружающихъ Гудауръ, еще нѣтъ никакой растительности, и торфъ, добываемый близъ Казбека, составляетъ для здѣшнихъ мѣстъ неопцѣненное сокровище.

Съ проведеніемъ дороги на Млеты, Кайшаурская станція осталась въ сторонѣ и спускъ съ Крестовой, единственный въ цѣломъ свѣтѣ, замѣнилъ прежнюю дорогу. Чтобъ дать о немъ самое наглядное понятіе, скажемъ только, что Млеты лежатъ ниже Крестовой на 3,800 ф., что составляетъ одну сажень паденія на каждыя пятнадцать сажень. Кажется, довольно круто,—а между тѣмъ вы спускаетесь все время рысью, не тормозя экипажа. Зигзаги извиваются, какъ змѣй, открывая вамъ при каждомъ поворотѣ одинъ видъ лучше другаго. Часто одна сторона дороги поддерживается надъ обрывомъ высокой искусственной стѣной, основанія которой не видать въ глубинѣ, а съ другой стороны, надъ вами, тоже искусственная стѣна. Доска съ золотой надписью, вдѣланная въ скалу на половинѣ спуска, говоритъ о времени постройки знаменитой дороги при кн. Барятинскомъ,—оно того и стоитъ. Спустившись въ Млеты, вы перенеслись съ сѣвера на югъ и очутились въ другомъ климатѣ.

Млеты (15 в. 4,848 ф.). Чѣмъ дальше вы спускаетесь по удивительной дорогѣ внизъ отъ Гудаура, тѣмъ все больше и больше приближаетесь къ Арагвѣ, которая весело шумитъ, прыгая по камнямъ, и, наконецъ, достигаете прелестной *Квишетской долины*, въ которой расположена, на правомъ берегу рѣки; станція съ садикомъ и обвитою плющемъ бесѣдкой. Арагва слилась здѣсь съ рѣчкой *Цхидисъ-цхале*, и ея шумъ также не похожъ на шумъ Терека, какъ Квишетская до-

лина не похожа на мрачное Дарьяльское ущелье. Въ-сто угрюмыхъ, голыхъ скалъ—здѣсь горы, поросшія лѣсомъ; на расчищенныхъ мѣстахъ сѣнокосы и тщательно обработанныя поля, орошаемыя горными ручьями; около полей пріютились бѣлые домики съ хозяйственными пристройками; около нихъ садики и орѣховыя деревья. Какъ все это не похоже на только что видѣнное вами! Сѣрая, безъ признаковъ зелени, плосковерхія кучи камня, называемыя аулами, остались за снѣговымъ хребтомъ. Въ расположенныхъ по горамъ деревушкахъ попадаются башни, а на выступахъ горъ, при поворотахъ дороги, видны остатки укрѣплений, Богъ вѣсть когда и кѣмъ построенныхъ. Укрѣпленія эти расположены такъ, что онѣ обзрѣваютъ другъ друга, и въ былое время посредствомъ огней и сигналовъ съ нихъ можно было подавать извѣстія о нападеніяхъ по всей долинѣ. Темныя лѣтописи минувшихъ мрачныхъ временъ, служащія нынѣ только украшеніемъ ландшафту!

Долина вообще не широка и почти все населеніе ея расположено по горамъ.

Дорога до самаго Мухета идетъ по правому берегу Арагвы.

Пайсанауръ (18^{1/2} в. 3,555 ф. надъ моремъ. На древнемъ персидскомъ, фарсѣйскомъ языкѣ значитъ—*святая возвышенность*) расположенъ въ узкомъ мѣстѣ долины. среди горъ, покрытыхъ лѣсомъ. Около станціи новая хорошенькая церковь въ русско-византійскомъ стилѣ. Станція, съ садикомъ и окружающей ее мѣстностью, похожа на уединенную дачу, только нѣсколько духановъ, построенныхъ напротивъ, напоминаютъ, что вы на проѣзжей дорогѣ. Въ садикѣ растутъ черешни и другія южныя плодовые деревья. Дорога до Пайсанаура уже

не извивается зигзагами, а идетъ все время по самому берегу Арагвы; въ одномъ мѣстѣ она проходитъ подъ нависшею скалой, взорванною порохомъ. Мѣстность между Млетами и Пайсанауромъ похожа на описанную выше: тѣ же покрытыя растительностью горы и тѣ же, по нимъ, грузинскіе дома съ садами и орошаемыми полями. Отсюда къ востоку живутъ:

Хевсуры, Пшавы и Тушины, населяющіе въ числѣ 32 тыс. душъ верховья: *Пшавской Арагвы, Аргуна, Алазани и Торы*.

Мѣста, занимаемыя этими племенами (въ особенности хевсурами), принадлежатъ къ числу самыхъ дикихъ и величественныхъ мѣстъ на всемъ Кавказѣ. Гранитныя, уходящія въ небо скалы прорѣзываются ревущими потоками, по берегамъ которыхъ растутъ низкія сосны. Потоки во многихъ мѣстахъ покрыты снѣжными обледенѣлыми обвалами, по которымъ часто приходится проѣзжать, какъ по сводамъ; едва проходимыя тропинки ведутъ къ ауламъ, повисшимъ, какъ орлиныя гнѣзда, на уступахъ скалъ и выстроеннымъ, подобно сосѣднимъ дагестанскимъ ауламъ, изъ плитняка, безъ извести, въ нѣсколько ярусовъ и съ бойницами. Климатъ въ этихъ мѣстахъ въ высшей степени суровый. Зимой, огромные сугробы снѣга заносятъ всѣ ущелья, сообщеніе между деревнями прекращается, и нѣсколько мѣсяцевъ сряду слышенъ только свистъ вѣтра, глухое журчанье полускованныхъ льдинами водопадовъ, да вой волковъ, не находящихъ чѣмъ утолить свой голодь. Земли, удобной для хлѣбопашества, также какъ и топлива, очень мало. Смотря на маленькіе клочки пашни, разбросанныя по скаламъ и на вершинахъ горъ, трудно повѣрить, чтобъ человѣкъ могъ забираться на такую высоту, а хевсуръ идетъ

туда съ парюу быковъ для посѣва нѣсколькихъ горстей ячменя. Въ видѣ анекдота рассказываютъ, что какой-то дагестанскій горець, забравшись одинъ разъ, съ помощію веревокъ и ключевъ, на скалу, гдѣ былъ удобный для посѣва лоскутокъ земли, разостлалъ тамъ свою бурку и прилежъ отдохнуть. Когда онъ проснулся, то увидѣлъ, что его пахотная земля куда-то исчезла. Не зная, что и подумать о совершившемся чудѣ, горець началъ собираться домой, но каково же было его удивленіе, когда, приподнявъ бурку, онъ увидѣлъ подъ ней свою пашню: лоскутъ удобной земли былъ такъ великъ, что весь умѣстился подъ буркой недогадливаго горца. Анекдотъ этотъ можетъ быть примѣненъ и къ сосѣдней съ Дагестаномъ Хевсуріи. Страшно смотрѣть, какъ хевсурская женщина спускается съ крутизны съ тяжелою ношею хвороста за плечами. За то здѣсь много отличныхъ сѣнокосовъ и пастбищъ.

Г. Зиссерманъ такъ описываетъ свою поѣздку вдоль *Пшавской Арагвы*, въ аулъ *Шатиль*, лежащій по ту сторону хребта, на *Аргунѣ*, на самой границѣ съ *Кистинами*: „Волны кипятъ, все дно течетъ мимо ногъ коня.... вотъ вотъ васъ уносить.... голова идетъ кругомъ.... Рѣка хлещетъ прибоемъ въ берегъ.... конь напрыгаетъ силы, и вы выбрались на сушу въ виду пшавскаго селенія *Шуанхо*. Поѣзжайте дальше, и вамъ предстоитъ то подъемъ до небесъ, то спускъ въ преисподнюю по тропинкѣ не болѣе, какъ полъаршина ширины, справа которой отвѣсная скала, а слѣва непроницаемая бездна, и тогда вы достигнете до Аргуна, который реветъ и шумитъ еще болѣе Арагвы. Путники должны кричать, чтобъ передать что-нибудь другъ другу. Брызги падаютъ на лицо и всего обдають водяной пылью“.

Раздѣленные естественными преградами, *хевсуры*, *пшавы* и *тушины* совершенно чужды другъ другу, и каждое изъ племенъ распадается еще на отдѣльныя, замкнутыя въ себѣ общества.

Территорія *пшавовъ* хотя также гориста, но богаче чѣмъ у хевсуръ. Главнѣйшій ихъ промыселъ — овцеводство. Скотъ свой они осенью и зимою пригоняютъ на поля Кахетіи, а весною и лѣтомъ опять откочевываютъ въ горы на свои сѣнокосы и пастбища. Нѣкоторые изъ нихъ владѣли и до сихъ поръ владѣютъ фруктовыми садами и виноградниками въ Техавскомъ уѣздѣ. Суровые хевсуры называютъ пшавовъ за ихъ сравнительно добродушный характеръ жирными дойными коровами. Многие пшавы сознаютъ, что кочевая жизнь вредно отзывается на ихъ благосостояніи, но измѣнить ее не рѣшаются по приверженности къ старинѣ и примѣру отцевъ.

Тушины, живущіе почти въ самой глубинѣ Кавказскихъ горъ, близъ истоковъ Андійскаго Койсу, тоже спускаются на зиму на южный склонъ хребта, въ Кахетію.

Суровая природа имѣла вліяніе и на *характеръ* всѣхъ трехъ племенъ, принадлежащихъ къ числу самыхъ храбрыхъ и суровыхъ племенъ Кавказа.

Тушины, *пшавы* и *хевсуры* съ давнихъ временъ считались подданными грузинскихъ царей; они платили имъ небольшую дань баранами и составляли лучшіе отряды въ грузинскомъ войскѣ, служа въ то же время оплотомъ отъ нападенія лезгинъ и аварцевъ, которые всегда были ихъ заклятыми врагами.

О храбрости *тушинъ* рассказываютъ во всѣхъ углахъ Кавказа. Горцы рѣдко хвалятъ и воспѣваютъ храбрость, считая ее дѣломъ обыкновеннымъ, но про тушинъ въ самомъ центрѣ Дагестана и Аваріи поются пѣсни.

Тушинъ лучше умереть, чѣмъ сдастся въ плѣнъ, а если и случится съ нимъ это несчастіе, то онъ скорѣе умретъ въ тяжкой неволѣ, чѣмъ согласится быть вымѣненнымъ на плѣнную дѣвушку, считая это верхомъ безчестья. Въ 1846 г. жители нѣсколькихъ тушинскихъ деревень *Чагланскаго общества*, которые могли выставить не болѣе 60 защитниковъ, отразили лезгинъ, напавшихъ на нихъ врасплохъ, въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ. Въ отраженіи принимали участіе мальчики моложе 15-ти лѣтъ. Они, по мѣстному обыкновенію, съ торжествомъ несли отрѣзанныя кисти рукъ убитыхъ ими непріятелей. Кромѣ множества раненыхъ и погибшихъ безъ вѣсти, уронъ непріятелей простирался до 100 тѣлъ, доставшихся въ трофеи побѣдителямъ, не имѣющимъ обыкновенія брать плѣнныхъ.

Обычай отрѣзать кисть руки убитаго врага и прибавлять ее съ торжествомъ надъ наружной дверью сакли— принадлежитъ какъ тушинамъ, такъ и сосѣднимъ съ ними дагестанскимъ горцамъ. Бывали сакли, у которыхъ вся дверь была унизана этими кровавыми трофеями.— *Вся эти три племени считаются и считаютъ себя христіанами*, а всѣхъ иновѣрцевъ нехристіями. Они обижаются, если видятъ, что сомнительно относятся къ ихъ христіанству; но какъ они его понимаютъ, можно судить, напримѣръ, изъ того, что *хевсура* вы ни за что не увѣрите, что Богъ одинъ. По его понятію, есть Богъ востока и Богъ запада; есть Богъ душъ, Христосъ Богъ, большой Богъ и маленькій Богъ; больше же всего они уважаютъ Бога войны и Сына Божія, поклоняются кресту господню, св. Георгію, апостоламъ Петру и Павлу—и въ то же время царицѣ Тамарѣ и своимъ собственнымъ богамъ; посты соблюдаютъ, въ особенности рождествен-

скій. Царь Ираклій II желалъ возстановить у этихъ народовъ православную вѣру и для того собралъ совѣтъ изъ представителей всѣхъ трехъ племенъ, но на всѣ свои увѣщанія получилъ такой отвѣтъ: „Если мы, при теперешнемъ богослуженіи, тверды въ повиновеніи и вѣрности царю, такъ чего же тебѣ еще желать больше?“ Хотя въ Хевсуріи въ нѣкоторыхъ селеніяхъ и есть православныя церкви и священники, но не только у исповѣди и причастія туземцы не бываютъ, но даже рѣдко который изъ нихъ заглянетъ въ церковь, между тѣмъ какъ они не пропускаютъ ни одного праздника, отправляемаго при капищахъ. Священниковъ у нихъ замѣняютъ *деканозы* (монахи ущелья или жрецы капища), прорицатели, закалывающіе приводимый въ жертву скотъ, и *кадаги*—фанатическіе, неистовые проповѣдники и проповѣдницы.

Жилища всѣхъ этихъ народовъ отличаются неопрятностью и грязью.

Хевсуръ страстный охотникъ, онъ безпечень, гордъ, грубъ, придирчивъ, ставитъ свое племя выше всѣхъ народовъ и имѣетъ только маленькое уваженіе къ тушинамъ за ихъ храбрость; пшавовъ онъ зоветъ жирными коровами, а русскихъ лягушками (*бакики*) за зеленоватые солдатскіе мундиры. *Хевсурскія женщины* лишены всякой граціозности; отъ тяжелыхъ работъ онѣ скоро старѣютъ и становятся похожими на вѣдьмъ; всѣ онѣ, какъ и мужчины, курятъ изъ коротенькихъ трубочекъ, которыя носятъ за головной повязкой, а въ 30 лѣтъ начинаютъ нюхать; впрочемъ, костюмъ ихъ живописенъ (вокругъ головы черная шаль, вѣродѣ чалмы, съ концемъ, спущеннымъ надъ ухомъ; волосы, заплетенныя въ косы, огибающія щеки и уши до затылка; черная рубашка, обшитая ша-

левой оторочкой и подпоясанная длиннымъ поясомъ; сверхъ рубашки коротенькая со складками чуха; въ ушахъ серьги и металлическія украшенія на груди). Одежда хевсуровъ похожа на парадный костюмъ черкесскаго конвоя его величества; костюмъ этотъ, вѣроятно, и взятъ отсюда. Хевсуръ носитъ на головѣ низенькую изъ шали шапку, обложенную кругомъ бараньимъ мѣхомъ; сверхъ шапки нашиты кресты изъ разноцвѣтной бязи; чуха тоже изъ шали или сукна, преимущественно синяго или краснаго цвѣта; рукава коротенькіе, съ разрѣзами, полы тоже съ разрѣзами по бокамъ; на плечахъ и на груди кресты изъ бязи; воротникъ выстроченъ, и вся чуха обшита тесьмой. Подъ чухой архалукъ и рубашка, тоже украшенная пуговками и крестами. Узенькіе и короткіе шаровары обшиты пестрой тесьмой. Нѣкоторые носятъ ноговицы. На ногахъ вязаные изъ разноцвѣтной кожи сапожки или бандули. Главное вниманіе хевсура обращено на оружіе, составляющее его гордость. Собираясь въ дѣло, хевсуръ весь закованъ въ желѣзо: на головѣ — чакчани (шипакъ съ сѣткой, покрывающей шею); рубаха плетеная изъ желѣзной проволоки; стальные налокотники, рукавицы, наколѣнники и шить. Щиты и палаши почти все съ надписями: *Genca, Souvenir, Vivat Stephan Batory, Vivat Husar, Sollingen*, съ изображеніями орловъ, коронъ и всадниковъ въ мантикахъ. Старинныя ружья и сабли украшены золотою и серебряною насѣчками; пистолеты не въ употребленіи; пика уже составляетъ оружіе стариковъ, также какъ стрѣлы достояніе дѣтей. По одеждѣ и вооруженію какое близкое сходство у хевсуровъ съ рыцарями крестовыхъ походовъ! Кромѣ того, хевсуры носятъ на большомъ пальцѣ правой руки по нѣскольку желѣзныхъ ко-

лецъ съ зубцами, какъ у пилы, для взвода тугихъ ружейныхъ курковъ и вытаскиванія шомпола, но больше всего для драки, нанося ими раны въ голову, ничѣмъ неуступающія кинжальнымъ.

Въ грузинскихъ лѣтописяхъ всѣ эти три племени известны подъ именемъ *пховеловъ* и еще во время св. Нины обращены въ христіанство. Въ языкѣ ихъ слышны остатки древняго грузинскаго языка.

Анануръ.

Ананурская станція (21 верста, 2,709 ф. надъ моремъ. Татарское слово, значитъ — святая мать). Мѣстность все болѣе принимаетъ южный и земледѣльческій характеръ; появляются деревянныя постройки и плетень. Нѣкоторыя орошающія каналы на поляхъ проведены такъ искусно, что кажется, будто вода бѣжитъ вверхъ. На десятой верстѣ на правой сторонѣ—круглая башня *Черчалм*, а по лѣвую башня *Ванселобъ*, защищавшія входъ въ ущелье. Станція расположена въ селеніи; здѣсь поессейная застава; на рѣкѣ хорошо построенныя мельницы, на улицѣ почти въ каждомъ домѣ или лавчонка или духанъ. Направо отъ дороги, на горѣ, надъ селеніемъ, видны развалины старинной крѣпости; изъ нихъ возвышаются двѣ церкви: одна, развалившаяся и заброшенная, принадлежитъ, по преданію, къ первымъ временамъ христіанства, введеннаго въ Грузіи въ IV вѣкѣ; постройку другой, въ которой совершается нынѣ богослуженіе, относятъ къ XV вѣку.

Такъ какъ развалины и церковь принадлежать, послѣ Мухетскаго собора, къ интереснѣйшимъ памятникамъ старины Военно-грузинской дороги, и притомъ съ ними

связано воспоминаніе о такомъ кровавомъ событіи, которое было рѣдкостью даже 130 лѣтъ тому назадъ, т. е. во время полнѣйшаго варварства, въ которомъ находилась тогда Грузія, то мы и расскажем сперва помянутое событіе, а потомъ займемся подробнымъ описаніемъ любопытныхъ развалинъ.

Во время грузинскихъ царей существовала должность *эристава*, что собственно значитъ — глава народа. Должность эта существовала еще во время императора Юстиніана, который въ 574 г., возведя *Багратида Гурамана* на престоль Грузіи, назначилъ осетина *Ростова* эриставомъ южной части Осетіи и пожаловалъ ему гербъ и большія преимущества. Въ то время Грузія и означенная часть Осетіи признавали власть восточнаго римскаго императора. Званіе эристава въ послѣдствіи превратилось въ фамиліное имя, которое очень часто встрѣчается между грузинскимъ дворянствомъ. Во время ослабленія власти грузинскихъ царей зависимость отъ нихъ эриставовъ также ослабѣла и превратилась почти въ номинальную, а званіе сдѣлалось наслѣдственнымъ.

Прошедшее столѣтіе было едва ли не самымъ бѣдственнымъ временемъ для Грузіи. Власть царская упала; царевичи и правители враждовали другъ съ другомъ и грабили несчастный народъ; персіяне и лезгины безпрестанными войнами и набѣгами опустошали все до тла, и народу оставалось только одно: спасаться при нападеніяхъ въ горахъ и недоступныхъ ущельяхъ. Словомъ сказать, это было вполнѣ время феодализма и кулачнаго права, тысячу лѣтъ тому назадъ минувшее для Европы.

Въ 1737 г. Анануръ былъ мѣстопробываніемъ *эриставовъ арагвскихъ*, управлявшихъ странюю, лежащую по *Арагви*; эриставы же *ксанскіе* управляли странюю, лежа-

шею по рѣкѣ *Ксану*, впадающей въ Куру западнѣе Арагвы. Обѣ фамиліи, какъ истые сосѣди, враждовали между собою и грабили и свой и сосѣдскій народъ, который платилъ имъ за то страшной ненавистью.

Шахъ-Надиръ, выгнавъ изъ Грузіи турокъ, воцарилъ въ Карталиніи Теймураза, а въ Кахетіи Ираклія. Въ 1737 г. арагвскимъ эриставомъ былъ *Георгій*, а ксанскимъ *Шанше*, женатый на сестрѣ Теймураза.

Однажды *Иессей*, братъ Шанше, былъ измѣннически ограбленъ *Барзимомъ*, сыномъ Георгія. Обида требовала мести,—и вотъ Шанше и Иессей, приглася къ себѣ на помощь лезгинъ, осадили ананурскую крѣпость, въ которой заперся Георгій со всѣмъ своимъ родомъ. Долго длилась осада. Осажденные отбивали штурмы и дѣлали завалы изъ труповъ. Можетъ быть имъ удалось бы и отсидѣться, еслибъ одна женщина не указала осаждающимъ мѣста, гдѣ проведена была вода. Водопроводъ разорили, и измученный гарнизонъ не выдержалъ послѣдняго штурма: онъ былъ весь вырѣзанъ до послѣдняго. Георгій, думая найти защиту въ старинной церкви, заперся въ ней со всѣмъ своимъ семействомъ. Церковь обложили хворостомъ, зажгли, и всѣ находившіеся въ ней задохлись въ пламени; осталась въ живыхъ только жена Георгія,—ее увели въ плѣнъ, навьючивъ солянымъ камнемъ. Сыну Барзима — *Утруту* удалось пробиться и запереться въ замкѣ *Шеуповали*, на высокой горѣ, къ югу отъ Ананура; тамъ онъ былъ сожженъ со всѣмъ своимъ семействомъ; женщины, бросавшіяся внизъ со скалы, убивались до смерти; тѣхъ, которыя не убились, дорѣзывали. Крѣпость и старая церковь стоятъ съ тѣхъ поръ въ развалинахъ. Трупы погибшихъ похоронены въ послѣдней, подъ каменнымъ балдахиномъ, который стоитъ

надъ фамильнымъ склепомъ, скрывшимъ въ себѣ остатки истребленнаго рода.

Вахуштъ, описывая Анануръ, говоритъ: „Въ древности была здѣсь церковь малая, но въ 1704 г. построилъ Георгій эриставъ церковь съ куполомъ большую, окружилъ ее каменной оградой, на высокой скалѣ, думалъ найти здѣсь твердыню, недоступную для враговъ, но сдѣлалъ ее, на бѣду свою, мѣстомъ убіенія дѣтей и сродниковъ“. Эти слова Вахушта заставляютъ отнести постройку новой церкви къ началу прошедшаго столѣтія.

Послѣ того арагвскимъ эриставомъ былъ *Джимшеръ*, убитый изъ ружья въ 1756 г. своими людьми въ мѣстечкѣ *Настандзе*, близъ Млетъ, и похороненный у амвона въ новой церкви. Онъ происходилъ изъ рода князей Челокаевыхъ и былъ товарищемъ дѣтства Ираклія II. По убіеніи Джимшера, ненавистное для народа званіе арагвскихъ эриставовъ было упразднено царемъ Теймуразомъ. (*Описаніе Душета, соч. Тосселиани, 1860 г.*)

Пройдя отъ станціи по шоссе около 100 сажень, по направленію къ югу, и повернувъ направо въ гору, огибаютъ *крѣпость* и подходятъ къ ея воротамъ. Отъ станціи всего ходьбы около $\frac{1}{4}$ часа. Стѣна сложена изъ дикаго камня и въ ней продѣланы бойницы, расположенныя безъ всякаго порядка въ четыре яруса; нѣкоторыя прикрыты каменными трехъ-угольными навѣсами, въ видѣ пирамиды, утвержденными на выступающихъ изъ стѣны деревянныхъ брусьяхъ; такихъ навѣсовъ уцѣлѣло два: одинъ на башнѣ подъ воротами и другой на стѣнѣ. За воротами къ наружной сторонѣ стѣны примкнулъ домъ священника. *Башня*, въ которой продѣланы ворота, четырехъ-угольная, около десяти шаговъ въ квадратѣ, простой массивной формы, какъ вообще всѣ башни на Кав-

казѣ. Ворота со стрѣльчатой аркой. Въ башнѣ по сторонамъ двѣ ниши съ такими же арками. Пройдя чрезъ ворота и башню, входятъ въ крѣпость Длина ея около ста шаговъ, ширина около сорока. Крѣпость, въ прежнее время спускалась къ самой дорогѣ, что можно видѣть сверху по оставшейся башнѣ, стоящей внизу, въ Ананурѣ, и по остаткамъ стѣны. То, что осталось до настоящаго времени, составляло цитадель, въ которой помѣщались церкви и домъ Георгія. Башенъ всѣхъ восемь: четыре по угламъ и по одной посрединѣ каждаго фаса; сохранилась только та, что надъ воротами, — остальные разрушены, и мѣста нѣкоторыхъ можно только замѣтить по выпуклостямъ стѣны. Когда пройдетъ ворота, то тотчасъ налѣво будутъ развалины какихъ-то зданій; чрезъ ихъ окна видны комнаты и подземныя помѣщенія со сводами. Можетъ быть, это и былъ самый *домъ Георгія*; по крайней мѣрѣ, такъ говорятъ въ народѣ, прибавляя при этомъ, что подъ развалинами скрываются несмѣтныя сокровища, скрытыя эриставомъ. Прямо посреди площади стоитъ четырехъ-угольная высокая хорошо сохранившаяся башня, около пяти шаговъ въ квадратѣ; правѣе примкнула къ ней, почти вплотъ западной стороной, новая церковь, а налѣво — развалины старой церкви. Начнемъ обходъ справа, вдоль южнаго фаса новой церкви.

Церковь имѣетъ тридцать шаговъ длины и двадцать ширины; построена она изъ желтаго камня; цилиндрическій барабанъ покрытъ коническимъ куполомъ; крыша, какъ на куполѣ, такъ и на всей церкви, изъ плоской черепицы, отлично вытесанной изъ камня: надъ куполомъ черепица выкрашена зеленой краской, остальная натурального сѣроватаго цвѣта. Архитектура церкви прекрасна. Постройка ея и превосходная отдѣлка украше-

ній показываютъ, что въ то время строительное искусство было хорошо извѣстно въ Грузіи. Южная сторона церкви раздѣляется на три части: средняя часть, на которой крыша скатывается къ востоку и западу, выше боковыхъ частей, крыши которыхъ скатываются къ северу и къ югу. Превосходно вытесанный изъ камня крестъ св. Нины, просвѣтительницы Грузіи, состоящій изъ переплетенныхъ между собою виноградныхъ лозъ, занимаетъ почти половину средней части, во всю ея высоту. По бокамъ креста два херувима поддерживаютъ виноградныя деревья, съ которыхъ плоды ѣдятъ звѣри; ниже—два прикованныхъ льва. Высокія и узенькія окна тоже окружены украшеніями. Среднюю часть, во всю высоту, окаймляетъ прекрасно вытесанный валикъ, тоже въ видѣ переплетенныхъ лозъ, оканчивающійся вверху полукругомъ, обозначающимъ внутренній сводъ. На лѣвой, западной части южной стороны низенькій входъ въ церковь, съ аркой, окаймленной украшеніями. Работа всѣхъ украшеній и вообще вся техническая часть постройки безукоризненно хороша, но рисунокъ деревьевъ и живыхъ фигуръ напоминаетъ дѣтское малеванье; напримѣръ, фигуры сдѣланы en face, а ноги въ профиль и повернуты въ одну сторону. Вообще видно, что живопись стояла тогда въ Грузіи на очень низкой степени и совершенно отстала отъ строительнаго искусства. Обойдя южную, подходятъ къ восточной сторонѣ, гдѣ алтарь; средняя часть ея тоже украшена крестомъ св. Нины, внизу креста окно, по бокамъ маленькіе кресты. Противъ этой стороны, на самой крѣпостной стѣнѣ, слѣды какихъ-то зданій и колокольня, состоящая изъ осьми низенькихъ колоннъ съ византійскими капителями; высокая ея крыша имѣетъ видъ восьми-гранной пирамиды и вмѣсто чере-

пиць покрыта плотной алебастровой массой, выдерживающей всякую непогоду. Остальныя двѣ стороны, т. е. сѣверная и западная, тоже украшены крестами св. Нины; на западной, по бокамъ креста, виноградныя лозы, — но эта сторона почти не видна изъ-за *башни*, стоящей вплотъ около нея. По всему вѣроятію, башня выстроена прежде церкви, и тѣсное пространство цитадели не позволяло отодвинуть церковь дальше; по этой-то причинѣ и церковный входъ сдѣланъ съ южной, а не съ западной стороны, противъ алтаря, какъ дѣлается обыкновенно.

Внутренность церкви, по распоряженію петербургскаго митрополита Исидора, была покрыта бѣлой штукатуркой, — стоило 600 р. сер., чтобъ замазать древнюю живопись. Иконостасъ новый и поставленъ въ 1860 г. Въ полу могильныя плиты — надъ эриставомъ *Джимшеромъ* (о которомъ мы говорили выше) и надъ имеретинскимъ епископомъ *Досифеемъ*, взятымъ въ прежнее время въ Россію за сопротивленіе русской власти и умершимъ на дорогѣ.

Старая церковь представляетъ снаружи видъ совершенной развалины, длиною въ двадцать пять, а шириною въ пятнадцать шаговъ; внутри же ея стѣны сохранились гораздо лучше. По постройкѣ, она въ миниатюрѣ представляетъ новую церковь. На правой сторонѣ, у алтаря, надъ могилой Георгія и его изгубленнаго семейства, стоитъ каменный *балдахинъ* массивной формы, на четырехъ колоннахъ съ византійскими капителями; длина его четыре шага, ширина три; подъ балдахиномъ плита, лежащая неправильно, — вѣроятно, кто нибудь ее своротилъ съ мѣста съ намѣреніемъ произвести изысканіе. Балдахинъ покрытъ высѣченными письменами на грузинскомъ языкѣ (жаль, что никто не сдѣлаетъ ихъ перевода). Если

зажечь свѣчку, то внутри свода надъ нимъ можно замѣтить остатки старинной живописи.

Отъ старой церкви до средней башни, на западной сторонѣ цитадели, почва возвышена; можетъ быть, тутъ былъ подземный ходъ, въ существованіи котораго увѣряетъ преданіе. Что водопроводъ былъ гдѣ нибудь съ этой стороны, это видно изъ многочисленныхъ остатковъ глиняныхъ водопроводныхъ трубъ, валяющихся около этого мѣста. *Башня*, стоящая по срединѣ западной стѣны цитадели, сохранилась во всю вышину: она была въ шесть этажей, что видно по *бухарамъ* (грузинскій каминъ въ стѣнѣ), находящимся въ каждомъ этажѣ; въ нѣкоторыхъ бухарахъ еще видны слѣды когда-то разводившагося въ нихъ огня. Настилка между этажами была деревянная, и отъ нея, кромѣ углубленій для балокъ въ стѣнахъ, не осталось ничего.

Когда подходятъ къ крѣпости, то въ стѣнѣ, подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стоитъ колокольня, видѣнъ входъ въ старинную подземную церковь; она пятнадцати шаговъ длины и осьми ширины; внутри ея ничего нѣтъ.

Возвратиться въ Анануръ можно другимъ путемъ—горой, по которой тропинка ведетъ къ станціи. Гора покрыта мелкимъ лѣсомъ изъ чинаръ, орѣховыхъ деревьевъ, барбариса и проч., переплетенныхъ ползучими растеніями. При спускѣ къ станціи, проходятъ мимо родника, текущаго изъ водопроводныхъ трубъ; здѣсь-то, какъ говоритъ преданіе, водопроводъ и былъ разрушенъ по указанію женщины.

По выѣздѣ изъ Ананура, дорога оставляетъ долину Арагвы и круто поворачиваетъ вправо, обогнувъ крѣпость. Скоро приходится бросить послѣдній взглядъ на этого свидѣтеля кровавой вражды кавказскихъ Капулетти

и Монтеки. Отсюда, со стороны Душетской дороги, развалины еще красивѣе, чѣмъ отъ Ананура.

Ананурская крѣпость служила убѣжищемъ грузинскимъ царямъ во время непріятельскихъ нашествій. О сокрытіи въ ней креста св. Нины—см. *Мухомъ, исторія св. Нины*. О пребываніи Ираклія II въ Ананурѣ — см. *исторія Тифліса: разореніе его Агою-Магомедъ-Ханомъ*.

До Душета ($16\frac{3}{4}$ верстъ; высота надъ моремъ 2,900 ф.) дорога идетъ горами и долинами, вовсе непохожими, на только что покинутую долину Арагвы; вмѣсто покрытыхъ лѣсомъ горъ, высоко стоящихъ по обѣ стороны рѣки, вдоль которой тянется ровное шоссе, теперь приходится нѣсколько разъ переѣзжать черезъ небольшіе перевалы. Рѣки не видать. Мѣстность не такъ красива и болѣе открыта. Горы меньше покрыты лѣсомъ; пашни прибавилось. На третьей верстѣ каменные казармы и училище для солдатскихъ дѣтей. На одинадцатой верстѣ, вправо, видно вдали озеро *Лимаса*, на мѣстѣ котораго, по народному преданію, стоялъ Душетъ, но былъ разрушенъ землетрясеніемъ, послѣ котораго образовалось озеро, поглотившее остатки города. Шоссе и станція проходятъ отъ города въ двухъ верстахъ.

* Душетъ, лежащій влѣво отъ дороги, имѣетъ видъ русскихъ уѣздныхъ городовъ; только окружающія его горы напоминаютъ вамъ, что вы на Кавказѣ.

Подѣзжая къ станціи, вы видите вправо странное зданіе — не то старинный русскій господскій домъ съ разными затѣями, не то крѣпость какая-то съ башнями по угламъ: это домъ, построенный тайнымъ совѣтникомъ *Чиляевымъ* чуть ли не въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Странно смотреть эта, стоящая одиноко въ чистомъ полѣ, старинная, чисто русская, барская усадьба.

съ башнями, бельведерами и проч. И въ Россіи въ настоящее время эти полуразрушившіеся памятники кажутся какою-то рѣдкостью, а на Кавказѣ даже трудно и объяснить себѣ смыслъ и причину появленія этой диковинной затѣи. Домъ этотъ истинно составляетъ одну изъ достопримѣчательностей на всемъ Кавказѣ.

Душетъ во время присоединенія его къ Россіи составлялъ съ своимъ округомъ удѣлъ царевича Вахтанга Иракліевича. Въ немъ есть старинная крѣпость и древній храмъ.

До станціи Цилканы ($17\frac{3}{4}$ верстъ; высота надъ моремъ 1,888 ф.) дорога идетъ по долинѣ, среди горъ, покрытыхъ мелкимъ лѣсомъ. Дворы жителей окружены виноградными садами, лозы которыхъ стелятся и вьются по жердямъ, лежащимъ на подставкахъ; кромѣ того, въ садахъ много миндальныхъ деревьевъ, кураги (родъ мелкой сливы) и проч. На половинѣ дороги опять вѣзжаютъ въ долину Арагвы. Станція стоитъ въ Карталинской равнинѣ, которая имѣетъ незавидную привилегію славиться лихорадками. Въ долинѣ растетъ много колючки, и когда этотъ кустарникъ зацвѣтетъ своимъ желтымъ цвѣтомъ—тутъ-то и появляется лихорадка. Жители относятъ причину появленія этой болѣзни къ цвѣту колючки, но вѣроятно, что колючка цвѣтетъ именно въ то время, когда въ воздухѣ появляются лихорадочныя міазмы. Дознано, впрочемъ, что съ расчисткою полей отъ колючки—лихорадки уменьшаются: это опять можетъ быть отъ того, что съ уничтоженіемъ этого густо-ростущаго кустарника осушается мѣстность, и, слѣдовательно, воздухъ становится свободнымъ отъ вредныхъ міазмовъ. По всей Военно-грузинской дорогѣ два мѣста извѣстны, какъ лихорадочныя, это —

Цилканы и долина на Терекѣ, при впаденіи въ него Черной рѣчки, близъ станціи Казбекъ. Въ обоихъ мѣстахъ колючки растутъ много.

До Мцхета ($14\frac{3}{4}$ верстъ) дорога идетъ сначала долиной, а потомъ по обрывистому берегу рѣчки *Гардо-скаль*, потомъ по Арагвѣ, мимо старинной крѣпости *Нацхеръ*, стоящей около самой дороги. Противъ нея, за Арагвой, на вершинѣ лѣснаго хребта, помѣщался и идолъ *Задена* древнихъ персовъ, которому приносились человѣческія жертвы. Крѣпость эта охраняла входъ въ Мцхетскую долину. Арагва около Мцхета впадаетъ въ Куру, которая справа съ шумомъ летитъ между скалистыми берегами. Почтовая станція стоитъ на Курѣ, чрезъ которую переѣзжаютъ по высокому каменному мосту замѣчательной постройки. Надпись говоритъ, что онъ построенъ: „во славу Божию и на всеобщую пользу, при командовавшемъ войсками на Кавказѣ ген. Головинѣ, лѣта 1841, въ благополучное царствованіе императора Николая I“. Жаль, что не означено имя строителя.

Мцхетъ.

Мцхетъ (1,535 ф.; станція желѣзной дороги) стоитъ при сляніи Арагвы съ Курой, на мысѣ, образуемомъ слившимися рѣчками. Въ прежнее время Мцхетъ былъ столицей *Иверіи* (древней Грузіи), а въ настоящее время это небольшая деревушка, живописно раскинутая вкругъ стариннаго храма. Храмъ этотъ—соборъ двѣнадцати Апостоловъ — составляетъ для грузинъ такую же святыню, какъ Кіево-печерская лавра для русскихъ. Отсюда св. Нина распространила христіанство по всей Грузіи; кромѣ того, здѣсь въ старину короновались гру-

зинскіе цари и здѣсь же, наконецъ, похоронены и послѣдніе цари Грузіи—*Ираклій II, Георгій XIII* и ихъ семейства: достаточныя причины для того, чтобъ мцхетскій соборъ составлялъ святыню для каждаго грузина. Замѣчательно, что въ Грузіи высшій идеаль чело-вѣка нашелъ себѣ олицетвореніе въ образѣ женщины: св. Нина—это идеаль высоты нравственной; царица Та-мара—это идеаль героя и мудраго правителя.

Такъ какъ мцхетскій соборъ нераздѣльно связанъ съ памятью о св. Нинѣ и съ распространеніемъ христіанства въ Грузіи, то здѣсь и необходимо коснуться какъ высокой личности просвѣтительницы грузинскаго царства, такъ и дѣйствій ея при распространеніи святой вѣры.

Святая равноапостольная Нина и ея крестъ. Преда-ніе говоритъ, что въ Мцхетѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ храмъ двѣнадцати Апостоловъ, былъ погребенъ *хитонъ Господень*, принесенный съ Голгофы богатымъ евреемъ *Элезаромъ*, домъ котораго стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго храма. Дочь Элезара, бросившаяся навстрѣчу отцу, ожидая подарка, вырвала изъ рукъ его свертокъ, который онъ несъ бережно, и въ ту же минуту упала мертвою. Никакія человѣческія силы не могли вырвать изъ рукъ дѣвушки священной одежды, и съ нею она и была погребена возлѣ самаго дома отца, а старикъ, убитый горемъ, оставилъ свое родное пепелище и уѣхалъ въ Палестину. Впослѣдствіи на могилѣ дочери Элезара выросъ кедръ, изъ подъ коры котораго стало сочиться священное муро, исцѣ-лявшее больныхъ.

Въ то время, когда св. Нина родилась въ Каппадокіи, въ концѣ III столѣтія, Иверія или Грузія была совер-

шенно языческою страной. Когда дѣвушка было двѣнадцать лѣтъ, родители взяли ее съ собою въ Иерусалимъ; здѣсь отецъ удалился въ пустыню, на берега Иордана, а мать поступила въ число діакониссъ для служенія больнымъ и бѣднымъ; Нина же была отдана для обученія благочестивой старицѣ Нѳанфорѣ. Изучая божественное писаніе и священныя преданія, молодая дѣвушка особенно заинтересовалась судьбою хитона Господня. — „Гдѣ нынѣ хранится эта земная порфира Сына Божія?“ спрашивала она свою наставницу. Нѳанфора, сколько знала по преданію, сообщила ей, что по направленію къ сѣверо-востоку есть Иверская страна, въ которой находится городъ Мцхетъ, и что туда-то именно и унесенъ святой хитонъ. День и ночь молилась Нина Пресвятой Дѣвѣ, прося чтобъ Она удостоила ее увидѣть ту страну, гдѣ хранится хитонъ возлюбленнаго сына ея Иисуса. И вотъ Пресвятая Дѣва, внявъ мольбамъ, явилась ей во снѣ и сказала: „Иди въ Иверскую страну, благовѣтствуй тамъ евангеліе Господа Иисуса и получишь благодать отъ него. Я буду тебѣ покровительницей.“ Съ этими словами она вручила ей *крестъ*, сложенный изъ виноградныхъ лозъ. Нина, проснувшись и увидавъ въ рукахъ чудный крестъ, со слезами облобызала его и перевязала своими волосами. Въ это время, спасаясь отъ гоненій Діоклитіана, отходили изъ Иерусалима въ Арменію 37 дѣвъ для проповѣди слова божія. *Нина* отправилась съ ними до столичнаго города Арменіи *Вашигарабата*, а отсюда, распростившись съ сестрами, отправилась въ Иверію и достигла, наконецъ, Мцхета. Въ то время, когда она входила въ городъ, народъ, подъ предводительствомъ своего царя *Маріана*, шель на гору для принесенія человѣческихъ жертвъ идолу *Армазу*.

По молитвѣ Нины поднялась гроза и разрушила идоловъ. Въ Мцхетѣ Нина принята была одною доброю женщиною, которая помѣстила ее въ кельѣ, выстроенной въ царскомъ саду: здѣсь то и начались ея подвиги для просвѣщенія иверскаго народа. Много совершила она чудесъ: между прочимъ, исцѣлила царицу и возвратила зрѣніе Маріану, ослѣпленному молніей, который послѣ этого увѣровалъ въ истиннаго Бога и *въ 314 г. крестился со всеми своими домомъ и жителями столицы*. Въ саду, на томъ мѣстѣ, гдѣ была келья св. Нины, Маріанъ построилъ церковь: нынѣ это *Самтаврская церковь*.

Но одному преданію, мѣсто, гдѣ былъ скрытъ хитонъ Господень, открыто было св. Нинѣ свыше. Она еще прежде этого не разъ видѣла огненный столбъ надъ величественнымъ кедромъ, стоявшимъ посреди города. По другому преданію, мѣсто это ей открылъ *Алиафаръ*, правнукъ Елеазара. Кедръ былъ срубленъ и подъ нимъ найденъ былъ хитонъ Господень въ рукахъ мертвой дѣвicy. Надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стоялъ кедръ, царь Маріанъ построилъ въ 328 г. храмъ, нынѣшній *соборъ 12-ти Апостоловъ*. *Хитонъ же Господень*, до покрѣненія Грузіи въ XVII стол. Шахъ-Аббасомъ, хранился въ мцхетскомъ соборѣ; Шахъ-Аббасъ, взявъ Мцхетъ, отыскалъ хитонъ и послалъ его въ даръ русскому царю Михаилу Ѳеодоровичу, который и положилъ его съ торжествомъ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, гдѣ онъ хранится и по настоящее время.

Приведа въ христіанство Карталинію, св. Нина отправилась проповѣдывать слово Божіе въ Кахетію, гдѣ крестила царицу *Соджу* или *Софію* и основала много церквей во имя своего родственника, св. Георгія. Въ Кахетіи она скончалась и погребена въ *Водбѣ*, близъ

Сигнаха, въ очаровательной долинь. Съ высокой площадки, гдѣ стоитъ церковь, современная св. Нинѣ, въ которой она почиваетъ, открывается чудный видъ на всю долину Алазани и на суровое чело Кавказа, восходящаго снѣжными уступами къ небу. Кажется, что съ покрытаго роскошной зеленью и чинарами оазиса святая просвѣтительница Грузіи и въ настоящее время благословляетъ просвѣщенную ею страну.

Изъ срубленнаго кедра св. Нина сложила 4 креста: одинъ изъ нихъ она водрузила на высокой горѣ противъ Мцхета, за Арагвой, гдѣ и понынѣ находится древній храмъ во имя Животворящаго (противъ почтовой станціи); другой на южномъ хребтѣ горъ, гдѣ находился идолъ Армазиса; теперь тамъ часовня *Нино-Цминда* (надъ станціей); третій крестъ она поставила въ Бодбѣ и четвертый въ Уджармѣ.

Крестъ изъ виноградныхъ лозъ, врученный Богоматерью и связанный волосами св. Нины, святыня для каждаго грузина, прежде сохранялся въ фамиліи грузинскихъ царей. Во время непріятельскихъ нашествій его обыкновенно клали на сбереженіе въ мцхетскій соборъ. Около 1720 г., когда Грузія со всѣхъ сторонъ была подвержена нападенію персіянъ, крестъ былъ унесенъ въ горы и положенъ въ ананурской церкви, во владѣніи арагвскаго Эристава. Грузинскій митрополитъ Тимоеей взялъ его оттуда и привезъ въ Москву царевичу Бакару Вахтанговичу. Грузины нѣсколько разъ просили русское правительство о возвращеніи дорогаго для нихъ креста. „Повели возвратить—писалъ князь Герсевонъ Чавчавадзе императору Павлу—въ мое отечество крестъ Господень, принесенный туда св. Ниною и обратившій все грузинское царство отъ идолопоклонства въ православ-

ное христіанское исповѣданіе. Несчастные отъ нынѣшнихъ обстоятельствъ грузины, получа оный крестъ паки себѣ въ даръ, тою святынею ободрятся, утверждая себя въ лестной надеждѣ, что по толикихъ козняхъ вражійхъ и злостраданіи, божественная благодать паки на нихъ снисходитъ, и слѣдствіемъ того же возмнѣтъ, что и ты, великій государь и обладатель царства, не оставишь ихъ своимъ покровительствомъ.“ Эта просьба оставалась однако же неисполненною до того времени, пока внукъ Бакара, царевичъ Георгій, въ 1801 году не поднесъ крестъ св. Нины императору Александру, который препроводилъ эту драгоценную для каждаго грузина святыню въ Грузію. 9-го апрѣля 1802 г., въ сопровожденіи генерала Кнорринга и дѣйствит. статск. совѣтника Коваленскаго, крестъ былъ торжественно внесенъ въ Тифлисъ. Восторгъ и радость жителей всѣхъ сословій были неописанны, и цѣлыхъ трое сутокъ въ городѣ продолжалась пальба. Каждый грузинъ думалъ теперь отдохнуть отъ тревогъ и хищническихъ набѣговъ, опустошавшихъ нѣсколько столѣтій его отечество. Въ настоящее время крестъ св. Нины находится въ Тифлисѣ, въ Сіонскомъ' соборѣ, за образомъ, по лѣвую сторону царскихъ дверей.

Мцхетскій соборъ 12-ти Апостоловъ. Какъ мы сказали выше, царь Маріанъ въ 328 г. построилъ храмъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стоялъ священный кедръ; надъ корнемъ кедра поставили столбъ, который служилъ опорой всему зданію; изъ столба этого также истекало священное мвро. Черезъ 50 лѣтъ Георгій VI вмѣсто деревянной церкви выстроилъ каменную, которая была разрушена Тамерланомъ. *Въ XV стол. царь Александръ выстроилъ настоящій соборъ 12-ти Апостоловъ.*

Каменная стѣна съ разрушившимися башнями образуетъ довольно большую четырехъ-угольную площадь, на которой стоитъ мцхетскій соборъ, прекрасное зданіе около 70 шаговъ длины и 25 ширины, построенное изъ такого же желтаго камня и въ томъ же стилѣ, какъ и ананурская церковь; и здѣсь таже тщательность постройки и отдѣлки украшеній и тотъ же плохой рисунокъ фигуръ; крыша изъ такой же каменной тесаной черепицы, — только черепицы бѣльшихъ размѣровъ. Внутри соборъ двумя продольными рядами массивныхъ колоннъ, поддерживающихъ своды, раздѣляется на три части: сѣверную, среднюю и южную. Красивый *иконостасъ*, прорѣзанный въ видѣ листьевъ, перенесенъ туда изъ тифлискаго Сіонскаго собора, когда тамъ былъ поставленъ иконостасъ работы кн. Гагарина; у амвона видны могильныя плиты надъ могилами послѣднихъ грузинскихъ царей *Ираклія II* (ум. въ 1798 г.) и *Георгія XIII* (ум. въ 1800 г.); влѣво — могилы супруги Георгія XIII, царицы *Маріи* (ум. въ 1850 г.), и его дочери *Тамары* (ум. въ Воронежѣ въ 1850 г., на 61 году отъ рожденія); тутъ же схоронены двое царскихъ внуковъ, убитыхъ въ сраженіяхъ. Изъ числа погребенныхъ здѣсь членовъ царскаго дома — мы, по окончаніи описанія собора, расскажем исторію супруги Георгія XIII Маріи — послѣдней царицы Грузіи, какъ наиболѣе любопытную, драматическую и при томъ ярко характеризующую грузинскіе нравы въ началѣ нынѣшняго столѣтія,

Въ сѣверномъ отдѣленіи, слѣва, мѣсто погребенія *князей Багратионовъ Мухранскихъ* (которыхъ предки были тоже Багратиды, родоначальники царскаго дома). Около южной правой стороны древнее *царское мѣсто* съ колоннами изъ бѣлаго мрамора. У первой поддерживающей

своды храма колонны, направо, *патріаршее мѣсто* со старинной живописью. Слѣдующая за ней колонна, это четырехъ-угольный, около сажени въ квадратѣ, *священный столбъ*, гдѣ стоялъ кедръ, источавшій муро; оно ограждено рѣшеткою и сверху, подѣ церковнымъ сводомъ, вѣнчано сѣнью; старинная живопись на немъ изображаетъ прибытіе въ Грузію сіонскихъ отцовъ. На южной стѣнѣ храма, близъ царскаго мѣста, *остатки старинной живописи* съ изображеніемъ греческаго календаря въ кругѣ. На правой сторонѣ, за алтаремъ, у стѣны, каменная гробница, подѣ которой, по преданію, похороненъ *плащъ пророка Іліи*. Надъ входомъ въ церковь *хоры*, на которыя въ настоящее время нѣтъ лѣстницы. Сейчасъ направо отъ входа, на той же западной сторонѣ, древняя каменная *купель*. Въ южной стѣнѣ старинная *каменная церковь*, построенная въ видѣ часовни гроба Господня; въ ней прежде исповѣдывали, теперь же она безъ всякаго употребленія. Влизъ гробницъ кн. Багратіоновъ другая каменная купель.

Исторія супруги послѣдняго грузинскаго царя Георгія XIII, послѣдней царицы Грузіи Маріи. Читая описаніе царствованій Ираклія II и Георгія XIII, точно читаешь исторію той эпохи, изъ которой Шекспиръ почерпнулъ свои безсмертныя хроники, а между тѣмъ послѣ этого времени едва прошло 70 лѣтъ: то же безначаліе, тѣ же необузданныя страсти и тѣ же междоусобія. Что дѣлалось въ Европѣ назадъ тому 500 лѣтъ, то совершалось въ Закавказьѣ въ концѣ прошлаго столѣтія; а при чтеніи описанія положенія Ираклія II въ Ананурской крѣпости, послѣ разгрома Грузіи и Тифлиса въ 1795 г. Агою Магомедъ-Ханомъ (*смотри исторію Тифлиса*), невольно воскресаетъ въ умѣ величественный образъ короля Лира;

также раздѣлившаго свое царство между неблагодарными наслѣдниками: только одинъ слуга, „самый послѣдній армянинъ“, сопровождаетъ грузинскаго царя, подобно тому, какъ вѣрный шутъ сопровождаетъ страдальца Лира. Великій поэтъ-сердцевѣдецъ вѣченъ, но наши страсти проявляются уже не въ той формѣ, въ какой они проявлялись у его героевъ: цивилизація смягчила нравы и размѣняла страсти на мелкую монету; въ Закавказьѣ же 70 лѣтъ тому назадъ, а у горцевъ до самаго покоренія Кавказа даже и форма страсти осталась та же, что у Шекспира; кто то называлъ геніальнаго поэта великимъ лѣтописцемъ навсегда минувшихъ среднихъ вѣковъ, — на Кавказѣ эти минувшіе вѣка были у насъ передъ глазами.

Въ послѣдніе годы своей жизни *Ираклій II*, будучи постоянно боленъ, не могъ сохранить ни внѣшняго величія, ни внутренняго порядка въ управленіи царствомъ. Находя доходы казны недостаточными для содержанія своихъ дѣтей, онъ лишалъ произвольно князей и дворянъ помѣстій, отдавая ихъ въ удѣлъ своимъ дѣтямъ, и, слѣдовательно, предавалъ такимъ образомъ Грузію ихъ своеволію. Въ благодарность за то царевичи, когда требовалась ихъ помощь, постоянно являлись ослушниками царской воли. Дошло до того, что ничтожный аварскій ханъ обложилъ Грузію ежегодною данью въ 5 тыс. рублей, которую получалъ подъ видомъ подарковъ грузинскаго царя. Содержа отъ 5 до 10 тысячъ наемныхъ лезгинъ, Ираклій все-таки не защитилъ Грузіи, и лезгины, разоряя страну, вводили ежегодно въ плѣнъ отъ 200 до 300 семействъ. Помѣщики грабили крестьянъ, которымъ оставалось только искать убѣжища въ чужихъ владѣніяхъ. Каждый царевичъ и каждая

царевна давали *баратъ* (указъ) на право взять у купца или крестьянина все, что только тотъ имѣлъ лучшаго, а число всѣхъ лицъ царской фамиліи, со всѣми родственниками и свойственниками, простиралось до 90 чело-вѣкъ, и все это враждовало между собою и грабило все, что только могло и какъ могло. Въ такомъ-то положеніи Ираклій II передалъ Грузію сыну своему *Георгію XIII*, завѣщавъ, послѣ смерти Георгія, престоль не дѣтямъ его, но братьямъ, которые должны были наследовать по старшинству рода. При Георгіѣ XIII положеніе дѣлъ еще болѣе ухудшилось. Въ очеркѣ Кавказской войны, говоря о присоединеніи Грузіи къ Россіи, мы рассказали о томъ, какъ Екатерина II, послѣ разграбленія Тифлиса Агою-Магомедъ-Ханомъ, послала въ 1796 г. экспедицію подъ начальствомъ графа Зубова и приняла Грузію подъ свое покровительство; какъ Ираклій II просилъ потомъ императора Павла о поддержкѣ этого покровительства и „о дарованіи грузинскому царю и народу всероссійскаго закона“; какъ Георгій XIII, возобновляя просьбы отца, выразилъ готовность „предать себя и царство свое великому государю всероссійскому навсегда въ полную зависимость и подданство“, и какъ, вслѣдствіе этихъ просьбъ и согласно предсмертному желанію Георгія, Грузія послѣ его смерти, въ 1800 году, была присоединена къ Россіи. Престоль Грузіи остался упраздненнымъ, и введено было русское гражданское управленіе, подъ предсѣдательствомъ *Коваленскаго*. Управленіе это, вслѣдствіе незнакомства съ страной и вслѣдствіе безтактныхъ и даже корыстныхъ поступковъ Коваленскаго, не удовлетворило грузинъ. Народъ, прежде только и думавшій о томъ, какъ бы отдѣлаться отъ членовъ царскаго дома, опять обратился въ ихъ сторону.

Главныхъ партій въ царскомъ родѣ было двѣ: одна царицы *Дарьи*, вдовы Ираклія II, другая царицы *Маріи*, второй супруги и вдовы Георгія XIII. Царица Дарья, вслѣдствіе завѣщанія Ираклія II, устроеннаго съ ея содѣйствіемъ, интриговала въ пользу своего втораго сына, царевича *Лулана*, брата Георгія XIII, царица же Марія интриговала въ пользу своего пасынка, царевича *Давида*, сына Георгія XIII отъ перваго брака, находившагося въ русской службѣ и, между прочимъ, — странное дѣло, — враждовавшаго съ своей мачихой. Обѣ эти партіи враждовали между собою, мирились, потомъ опять ссорились и плели сѣти самыхъ недостойныхъ интригъ въ пользу своихъ претендентовъ, одинаково негодныхъ ни для грузинскаго престола, ни для русскаго правительства. Такое незавидное положеніе дѣлъ продолжалось до отозванія Коваленскаго и назначенія въ 1802 г. главнокомандующимъ кавказскою арміею князя Павла Дмитріевича *Циціанова*. Этотъ необыкновенный человѣкъ (дѣйствія котораго мы расскажемъ при описаніи его могилы въ Сіонскомъ тифлисскомъ соборѣ), коренной русскій по душѣ, но родомъ грузинъ и родственникъ царицы Маріи, тоже урожденной княжны Циціановой, отлично зналъ и свою родину и характеръ своихъ земляковъ. Онъ ясно видѣлъ, что Россіи предстоитъ что-нибудь одно: или отозвать обратно свои войска и бросить Грузію на жертву совершенной гибели и анархіи, или ввести въ ней правильное управленіе, сообразное съ потребностями народа и открыть такимъ образомъ путь къ лучшей будущности. Какъ человѣкъ, любившій итинно и правильно свою родину, князь Циціановъ отдался всей душой русскому правительству. Онъ также видѣлъ ясно, что введеніе сколько нибудь правильнаго управ-

ленія рѣшительно невозможно до тѣхъ поръ, пока всѣ члены царскаго дома, парализировавшіе своими интригами всѣ дѣйствія русской власти, не будутъ вывезены изъ Грузіи. Получа разрѣшеніе императора Александра, онъ, нимало немедля и со всею энергіею, приступилъ къ приведенію въ дѣло этой мѣры, не отступая даже и предъ крутыми средствами. Напрасно царицы притворялись больными, напрасно царевичъ *Викторъ Иракліевичъ*, „хитрѣйшій изъ всѣхъ“, разыгрывалъ комедію, бросаясь предъ княземъ Циціановымъ на колѣна и умоляя его о пощадѣ: всѣ тѣ, которые не бѣжали изъ Грузіи, должны были отправиться въ Россію. По отправленіи „хитрѣйшаго“ съ претендентомъ на престолъ, *Давидомъ Георгіевичемъ*, очередь дошла до царицы Маріи, которая рѣшительно объявила, что ни за что не поѣдетъ, потому что, во-первыхъ, больна, а во-вторыхъ—и ѣхать совсѣмъ не желаетъ. Вечеромъ 18 апрѣля 1803 года получено было извѣстіе, что царица Марія со всѣмъ семействомъ и царевичемъ Багратомъ собрались бѣжать изъ Тифлиса, а двое младшихъ ея сыновей, которыхъ она отправила впередъ, задержаны караульнымъ офицеромъ въ Авлабарскихъ воротахъ. Князь Циціановъ немедленно приказалъ ген. *Лазареву* задержать царицу и вывезти ее силой изъ Тифлиса; генералу *Тучкову* предписано было тоже сдѣлать съ царевичемъ Багратомъ. Тучковъ долженъ былъ остановиться въ Мцхетѣ и ждать тамъ Лазарева съ царицей Маріей. *Тучкову* удалось удачно исполнить порученіе: царевичъ, хотя и окруженный свитою вооруженныхъ дворянъ, сдался безпрекословно и только просилъ одной милости: не разлучать его съ женой. Не такъ счастливъ былъ *Лазаревъ*. Въ 6 ч. утра 19 апрѣля онъ прибылъ въ домъ царицы и, удаливши

всѣхъ ее окружающихъ, вошелъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ въ ея комнату, гдѣ и объявилъ о причинѣ своего прихода. Царица, принявъ его холодно и непріязненно, рѣшительно отвѣчала, что она ѣхать не хочетъ. Оставивъ для убѣжденія ея квартирмейстера *Сурокова*, знавшаго грузинскій языкъ, Лазаревъ вышелъ изъ комнаты для дальнѣйшихъ распоряженій по отправленію царицы. Лишь только *Суроковъ* подошелъ къ ней, какъ царевичъ *Жибраилъ* и царевна *Тамара*, выхватя скрытые подъ ихъ платьемъ кинжалы, бросились на *Сурокова* и прочихъ, оставшихся въ комнатѣ. Лазаревъ, услышавшій шумъ, поспѣшилъ въ комнату и, подойдя къ царицѣ, сидѣвшей на постелѣ, съ просьбой унять дѣтей ея, вдругъ получилъ изъ рукъ самой Маріи ударъ въ лѣвый бокъ кинжаломъ, скрытымъ до того времени подъ одѣяломъ. Ударъ былъ такъ силенъ, что Лазаревъ могъ только перебѣжать комнату и упалъ мертвый на порогъ. Царица Марія, пишетъ *Тучковъ* въ своихъ запискахъ, имѣла причины вѣчно негодовать на Лазарева за разныя оскорбленія, причиняемыя ей при всѣхъ случаяхъ, встрѣчавшихся въ ея тогдашнемъ положеніи. Она жаловалась на него неоднократно кн. *Циціанову*, но не получала никакого удовлетворенія. Объ этомъ происшествіи дали тотчасъ же знать кн. *Циціанову* и коменданту. Всѣ, кромѣ главнокомандующаго, поспѣшили прибыть на мѣсто. *Князь Орбеляновъ* началъ уговаривать царицу не противиться и бросить кинжалъ, но она не отвѣчала ему ни слова; тогда полицеймейстеръ *Сургуновъ*, завернувъ свою руку въ толстую папаху, подошелъ къ царицѣ и вырвалъ у нея кинжалъ. Слѣдившая за всѣмъ происходившимъ царевна *Тамара* бросилась къ матери съ кинжаломъ въ рукахъ и, желая ударить *Сургунова*,

промахнулась и ранила въ правое плечо свою мать. Марія схватила за кинжаль, бывшій въ рукахъ у дочери, чтобы, какъ сама говорила, умертвить себя, но обрѣзала только себѣ руки и была тотчасъ же обезоружена, а вмѣстѣ съ нею былъ обезоруженъ и царевичъ Жибрайль. Несмотря на все это, царица все-таки въ тотъ же день была отправлена изъ Тифлиса. По отъѣздѣ ея, въ комнатѣ были найдены скрытые въ постели заряженные ружья и пистолеты. Князь Орбеляновъ, при громкомъ народномъ плачѣ, повезъ царицу въ Мцхетъ, гдѣ ея дожидался Тучковъ. Съ нею и ея семействомъ предписано было княземъ Циціановымъ обращаться не какъ съ особами царскаго дома, но какъ съ преступниками. *Тагаурцы*, подкупленные царицей за 1,000 р., пытались было освободить ее въ Дарьяльскомъ ущельѣ, но Тучковъ такъ быстро и ловко атаковалъ ихъ, что они должны были бѣжать. Это было въ самомъ тѣсномъ мѣстѣ ущелья, гдѣ дорога переходила чрезъ Терекъ по двумъ мостамъ, лежавшимъ одинъ вслѣдъ за другимъ. Во Владикавказѣ Тучковъ сдалъ своихъ плѣнницъ и возвратился обратно въ Тифлисъ. По приѣздѣ въ Россію, царица Марія была заключена въ Воронежѣ въ Бѣлогородскомъ женскомъ монастырѣ. Оттуда „бѣдственная, по ея выраженію, вдова царя Георгія“ всенижайше просила императора Александра о возвращеніи ей свободы, причемъ доказывала совершенную свою невинность въ убійствѣ Лазарева, но была прощена только черезъ семь лѣтъ и дожила остатокъ своихъ дней въ Москвѣ. Вдова Ираклія II, царица Дарья, — „сія гидра,“ какъ называлъ ее кн. Циціановъ, находившійся въ родственныхъ съ нею сношеніяхъ, — отправлена была въ Россію гораздо позднѣе.

Самтаврская Мцхтеская церковь находится недалеко отъ площади, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ саду спасалась св. Нина, и гдѣ обращенный ею Маріанъ построилъ церковь. Съ восточной стороны церковной ограды небольшая часовня означаетъ мѣсто, гдѣ была келья просвѣтительницы Грузіи; высокая башня на западной сторонѣ ограды составляетъ остатокъ дворца царя Вахтанга Гаргаслана. Замѣчательна также древняя трехъярусная колокольня. Черепичная крыша на нижнемъ ярусѣ церкви новѣйшей работы.

Горы, окружающія Мцхетскую долину, бесплодны и не покрыты растительностью. Выше развалинъ церкви св. креста, о которой мы упоминали, за горою, находится *пещера св. Шіо*, одного изъ сирійскихъ отцевъ, и тысячи другихъ пещеръ. Вершина горы съ правой стороны усѣяна пещерами. Нѣкоторые археологи приписываютъ ихъ первобытному народу *гебрамъ*, которые устраивали въ нихъ свои жилища, преданіе же приписываетъ ихъ святымъ схимникамъ. Вообще пещеры, вырубленныя въ трудно или совсѣмъ недоступныхъ высокихъ скалахъ, встрѣчающіяся почти повсемѣстно на Кавказѣ, составляютъ неразрѣшимую загадку и извѣстны подъ общимъ именемъ жилищъ *троглодитовъ* (первобытныхъ людей). Когда вы ѣдете по дорогѣ и на недоступной высотѣ совершенно отвѣсной скалы видите черныя отверстія, смотряція на васъ сверху, вы теряетесь въ догадкахъ. Когда они вырублены? Кто жилъ въ нихъ и какъ къ нимъ взбирались? Мнѣ самому не удалось видѣть, но сказываютъ, что у нѣкоторыхъ пещеръ видны остатки лѣстницъ, связанныхъ изъ виноградныхъ лозъ, висящихъ съ отвѣсныхъ скалъ. Конечно, эти лѣстницы не современны троглодитамъ, но, вѣроятно, и во вре-

мена первобытныхъ людей въ эти недоступныя жилища взбирались какимъ нибудь подобнымъ же образомъ. Хорошо должно быть были времена, въ которыя людямъ приходилось прибѣгать къ такимъ средствамъ для спасенія жизни! О жилищахъ троглодитовъ мы скажемъ нѣсколько подробнѣе при описаніи *Уплисѣ-Цихе*, цѣлаго города, высѣченнаго въ высокой скалѣ и составляющаго не только кавказскую, но и всесвѣтную доисторическую рѣдкость.

Отъ Мцхета до Тифлиса въ настоящее время доѣзжаютъ по желѣзной дорогѣ, которая близъ деревни *Дигони* переходитъ съ праваго берега Куры на лѣвый. Долина Куры между Мцхетомъ и Тифлисомъ бесплодна и мало воздѣлана; только вдоль впадающихъ въ рѣку ручьевъ и рѣчекъ виднѣются поселенія съ воздѣланными полями и орошаемыми садами и виноградниками. Сначала показывается городской садъ *Муштаидѣ*, а за нимъ и весь городъ, расположившійся по обѣ стороны Куры.

Отдѣленіе 2-е.

Десятаго марта, въ 3 ч. утра, ящикъ грузинъ, нисколько не похожій, по своей вялости, на великорусскихъ ящиковъ, довезъ насъ до Владикавказа. Занявъ номеръ въ почтовой гостинницѣ, мы бросились въ чистыя постели и уснули, какъ убитые, послѣ пріятныхъ ночлеговъ на станціяхъ. Утромъ, проснувшись, мы слышали, какъ номерной въ корридорѣ отчищалъ наши верхнія платья, ворча: „Вотъ всегда эдакъ-то! Какъ ни пріѣдутъ изъ Россіи,—чистишь ихъ, чистишь—ничѣмъ не отчистишь!“ Первый визитъ нашъ былъ, разумѣется, въ персидскую баню. Надо проѣхать безъ отдыха трое сутокъ по желѣзной дорогѣ и потомъ, въ продолженіи 7 сутокъ, протащиться и протрястись, какъ мы тряслись и тащились, обду-

ваемые и обливаемые всякими непогодами, чтобъ испытать пользу и удовольствіе, доставляемыя этимъ благодатнымъ водолѣчебнымъ заведеніемъ. Куда дѣвалась вся усталость! Чувствуешь себя свѣжѣе, чѣмъ при выѣздѣ изъ дому, и готовъ опять съ бодростью пуститься въ далекій путь. Впереди же ожидается чудная страна, чудные виды и превосходная шоссейная дорога. Кончился несносный переѣздъ: мы на Кавказѣ, и теперь-то начнется настоящее путешествіе. Да и кого, какъ не самихъ себя, винить въ только что претерпѣнныхъ мученіяхъ? Кто велѣлъ ѣхать въ самое дурное время года? Невозможность ѣхать въ другое время,—а ѣхать все-таки хочется,—ну, на себя и пеняй! Кому случалось разѣзжать по Руси въ ростепель, тотъ, вѣроятно, слышалъ жалобы ямщиковъ: „и что только за народъ господа эти! Въ хорошее время никого нѣтъ, а чуть только лишь грязь да ростепель,—хорошій хозяинъ собаки на дворъ не выгонить,—агъ тутъ-то ихъ и нагрянетъ!“ Такія жалобы и намъ приходилось слушать до Владикавказа почти во всю дорогу.

Что здѣсь поражаетъ болѣе всего пріѣзжаго изъ Россіи, такъ это типы настоящихъ горцевъ. Иной и одѣтъ бѣдно, и лошадь-то у него не Богъ вѣсть чего стоитъ, а вся фигура всадника, съ его оригинальной посадкой, закутаннаго въ башлыкъ, въ буркѣ, надѣтой на бокъ, съ винтовкой за плечами, съ пашкой и кинжаломъ,—такъ и просится на картину. Какъ сейчасъ помню восторгъ моего спутника при видѣ одного *хаджи* (сдѣлавшіе путешествіе въ Мексику), въ папахѣ, обвитой бѣлой кисеей, на подобіе чалмы, и въ красной чухѣ, ѣхавшаго въ сопровожденіи своего нукера. И въ самомъ дѣлѣ, было отъ чего придти въ восторгъ молодому художнику.

Во Владикавказѣ Россія стоитъ лицомъ къ лицу съ Азіей, и потому здѣсь царствуетъ оригинальная смѣсь азіатскаго съ русскимъ. Извозичій фаэтонъ на лежачихъ рессорахъ перегоняетъ скрипучую арбу, запряженную парой буйволовъ, а вслѣдъ за ней ѣдетъ русскій троечный извозчикъ; слышно глухое позвякиванье колокольчиковъ (*биль*),—это тянется безконечный караванъ верблюдовъ, привязанныхъ другъ за дружкой; милыя ихъ морды съ наивнымъ любопытствомъ смотрятъ на происходящее кругомъ движеніе; какъ безстрастныя муміи, покачиваясь подъ шагъ животныхъ, сидятъ

сверхъ व्यюковъ ихъ флегматическіе хозяева. Попадаются верховые казаки и горцы; по бульвару идутъ дамы и мужчины, одѣтые по европейски, солдаты, офицеры, персіяне съ крашеными красными бородами, армяне, оборванные ногайцы, грузины и другіе представители многочисленныхъ кавказскихъ племенъ. Рядомъ съ погребомъ кахетинскихъ винъ лавка московскаго торговца, а дальше табачный магазинъ армянина, въ которомъ кстати продается оружіе и шкуры разныхъ звѣрей, добытыхъ въ ардонскихъ лѣсахъ. Въ смѣси одеждъ преобладаютъ военные и горскіе костюмы.

Описывая въ первомъ отдѣленіи Владикавказъ, я говорилъ, что онъ быстро растетъ. Одинъ персіянинъ, съ которымъ мнѣ пришлось бесѣдовать, говорилъ, что „послѣ окончанія войны на Кавказѣ народъ совсѣмъ *сбогатилъ*“; ужь не знаю, сбогатилъ ли народъ, или нѣтъ, а что Владикавказъ сбогатилъ и съ проведеніемъ желѣзной дороги сбогатитъ еще больше—такъ это вѣрно.

Тучи закрывали верхнюю половину горъ, когда мы пріѣхали въ *Балту*. Надъ нами висѣлъ туманный пологъ, колыхаясь и ползая по ущельямъ. Въ *Ларсѣ* мы остановились ночевать. Станція прислонилась задней стороною къ Дарьяльскому ущелью; казалось, и ѣхать некуда было дальше,—кругомъ стѣснились отвѣсныя голыя скалы. Какая тѣснота и какое отсутствіе всякой жизни! Только Терекъ, мелководный въ то время, нарушалъ общую тишину своимъ шумомъ. Нѣсколько дней тому назадъ около самой станціи видѣли стадо туровъ, штукъ въ 20,—они спускались пить къ Тереку; пустили въ нихъ нѣсколько глуныхъ выстрѣловъ и, разумѣется, только напугали, безъ всякой пользы. Проснувшись въ 5 часовъ утра, мы увидѣли, что клочекъ неба, виднѣвшійся вверху, совершенно чистъ, и вершины горъ съ сѣверной стороны облиты золотомъ восходящаго солнца, тогда какъ противоположная сторона чернѣла въ тѣни. Свѣжій горный воздухъ такъ и подмывалъ къ дѣятельности. Мой пылкій спутникъ, обрадовавшись, что, наконецъ, добрался до совершенно безоблачнаго ландшафта, выскочилъ въ одномъ сюртучкѣ и, усѣвшись на камнѣ, принялся рисовать; я испугался за него и вынесъ ему пальто,—но куда тебѣ! Художникъ вошелъ въ азартъ работы, и пальто мѣшало ему рисовать; онъ лишь согласился подостлать его подъ себя, чтобъ не сидѣть на холодномъ камнѣ. Скоро однако у него засинѣлъ носъ и засту-

чали зубы; онъ то и дѣло оставлялъ карандашъ и дуль въ кулаки, перепрыгивая съ ноги на ногу. На-силу уговорилъ я молодого яраго артиста войти въ комнату, надѣть полушубокъ и выпить стаканъ горячаго чаю съ виномъ; согрѣвшись нѣсколько, онъ опять принялся за рисовку. Между тѣмъ съ сѣвера начали, какъ застрѣльщики, переползать черезъ горы розовыя облачка; переползши, они размѣщались и исчезали въ вершинахъ ущелій; скоро показались за ними и густыя колонны: пора была ѣхать. На-силу, на-силу мнѣ удалось оторвать моего спутника отъ его эскиза; онъ сердился, что я мѣшаю ему кончить работу, но вѣдь дѣло извѣстное, если ждать отъ художника словъ: „теперь я кончилъ и доволенъ работой“, такъ придется ждать довольно долго.

Мы въѣхали въ тѣнистый корридоръ *Дарьяльскаго ущелья*. Утро было великолѣпнѣйшее, и невидимое для насъ солнце, поднимаясь все выше и выше, творило столько чудесъ, что мы съ М. были похожи на двухъ голодныхъ гурмановъ, предъ которыми вдругъ появился громадный столъ, уставленный всевозможными яствами; они не знаютъ за что схватиться, — и то хорошо и это отлично, — и смотреть, счастливы, на роскошныя блюда, распустивъ слюни и хлопая глазами. Проѣхавъ замокъ Тамары, мы въѣхали въ свѣтъ, который и не оставлялъ насъ до самаго Казбека. Жаль было ѣхать, и мы пошли пѣшкомъ. Чудный воздухъ и движеніе пробудили въ насъ страшный апетитъ, — мы сѣли на камнѣ на берегу Терека и позавтракали холоднымъ фазаномъ. Ямщикъ, мой землякъ, изъ Пензенской губерніи, пришедшій сюда на заработки, согласился ѣхать все время шагомъ, и странно было слушать его пензенское покрикиваніе на лошадей въ Дарьяльскомъ ущельѣ. Судя по размытому руслу Терека, можно было наглядно судить, каковъ онъ долженъ быть во время половодья. Лѣтомъ всѣ горы въ ущельѣ безснѣжны, теперь же большая часть ихъ вершинъ была покрыта снѣгомъ, что увеличивало во многое число разъ прелесть картины и вознаграждало за отсутствіе рева Терека.

Казбекъ, какъ и Монбланъ, не такъ живописенъ, по крайней мѣрѣ отъ станціи, какъ о немъ рассказываютъ. Многія горы живописнѣе его; главное достоинство Казбека — вышина и вѣчный снѣгъ. Проѣхавъ чрезъ *Бшиеную балку* и мимо дома князя Казбека, мы прибыли на станцію; на небѣ не было ни облачка; прямо передъ

станціей на бѣломъ фонѣ горъ темнѣлись *Гилеты*, *Цминда-Самеба* и каменные гряды, разрѣзающія почти до самой высшей точки вершину Казбека.

Позавтракавъ и занявъ номеръ, такъ какъ наше намѣреніе было остаться здѣсь два или три дня мы тотчасъ же наняли лошадей и поѣхали къ *Цминдъ-Самебъ*; впрочемъ, оказалось, что лошадей можно было бы и не брать, потому что до *Гилетъ* всходъ вовсе не труденъ, а дальше необходимо было взбираться гѣшкомъ на крутизну по довольно глубокому снѣгу, такъ какъ обыкновенная дорога, влѣво отъ *Гилетъ*, была еще сильно покрыта снѣгомъ. Что за чудный видъ намъ открылся отъ *Цминды-Самебы*! Глубоко, по одну сторону горы, внизу бѣжалъ Терекъ; по правому его берегу каменная двухъ-этажная станція, съ ауломъ и домомъ князя; на лѣвомъ берегу, подъ ногами, виднѣлись плоскія крыши гилетскихъ саклей, а по ту сторону горы громадная долина у самого подножія Казбека, который поднимался надъ нею во всемъ своемъ величій. День, какъ я уже сказалъ, былъ ясный и теплый; солнце сильно грѣло, и въ оградѣ церкви, гдѣ мы остановились, снѣгъ уже сошелъ и начинала показываться кое-гдѣ зелененькая травка. Мнѣ припомнились дѣтскіе годы, когда, на раннюю пасху, мы ходили играть въ церковную ограду. Что за видъ и что за торжественная тишина! Долина у подножія Казбека была еще покрыта снѣгомъ, но подъ нимъ уже повсюду были слышны бѣгущіе ручьи; мнѣ припомнились слова одной почтенной швейцарки гувернантки, съ которой мы вмѣстѣ взбирались на гору Риги: „Oui, m-g—говорила она мнѣ, смотря на открывшуюся сверху величественную панораму—dans de pareils moments on se sent plus près du Createur qu'a l'ordinaire“ (да, въ подобныя минуты чувствуешь, что находишься ближе къ Создателю, чѣмъ обыкновенно). Чу! Среди тишины гдѣ-то раздался и прокатился выстрѣлъ,—это охотникъ на туровъ. Убилъ или нѣтъ? Товарищъ мой сидѣлъ и рисовалъ, а я разговаривалъ съ церковнымъ старостой, который присоединился къ намъ въ Гилетахъ. Онъ ломанымъ русскимъ языкомъ рассказывалъ про шатеръ Авраама, стоящій на Казбекѣ, и какъ туда ходили священникъ съ сыномъ—чистые люди, никогда незнавшіе *маршики*, т. е. женщины, и какъ все, что они принесли оттуда, было отправлено къ царю, но къ какому, онъ не могъ объяснить,—должно быть въ

Питеръ, добавилъ онъ. Мнѣ было жаль, что церковнаго сторожа въ Гилетахъ не было дома, и никто не могъ безъ него отворить церковь; также досадую я на себя, что не спросилъ про восхождение на Казбекъ Фрешвильда и его товарищей.

Возвратясь на станцію, я уговорился съ Александромъ Шадуровымъ идти завтра чуть свѣтъ на охоту въ горы, т. е. охотиться то долженъ былъ онъ, а я хотѣлъ только поглядѣть на него и полазить по горамъ. Къ сказанному въ первомъ отдѣленіи объ охотѣ на туровъ прибавлю еще, что она вовсе не похожа на другія охоты: это удовольствіе чрезвычайно опасное, связанное съ безчисленными трудностями и доступное только даже для немногихъ горцевъ. Если охотникъ не находится выше того мѣста, гдѣ пасется стадо туровъ, то нечего и думать подобраться къ нему: малѣйшій шорохъ, запахъ ружья,—и все стадо, какъ молнія, исчезло вверхъ, къ ливніи вѣчныхъ снѣговъ; стало-быть, охотникъ долженъ еще съ вечера или въ ночь забраться на высочайшія скалы, потому что туръ съ разсвѣтомъ уже покидаетъ доступныя мѣста и взбирается на недоступныя высоты. Иногда охота продолжается по недѣлѣ и больше. Съ легкимъ запасомъ провіанта, изъ небольшого количества хлѣба и сыра, приходится странствовать все это время по недоступнымъ скаламъ, перебираться черезъ ледники, ночевать или на камняхъ, или на снѣгу, иной разъ привязаннымъ веревкой, чтобъ не свалиться въ пропасть, а согрѣваться ночью отъ холода можно только или двигаясь на одномъ мѣстѣ, или ворочая тяжелые камни,—огня же, разумѣется разводить нельзя, да и не изъ чего. Послѣ долгихъ поисковъ и невообразимыхъ трудностей, охотникъ въ зрительную трубу открываетъ, наконецъ, желанную добычу: на недоступной площадкѣ отдыхаютъ туры, медленно поводя своими изогнутыми рогами. Какъ должно дрогнуть и замереть сердце страстного охотника при этомъ видѣ! Но вѣтеръ дуетъ отъ стрѣлка къ турамъ, и вотъ опять на нѣсколько часовъ надо пускаться черезъ ледники, трещины и скалы, чтобъ обогнуть завѣтную площадку. Сдѣлано и это. Осторожно поднимаетъ охотникъ голову изъ за камня,—стадо перемѣнило мѣсто и отошло дальше; подвигается и охотникъ. Вотъ старый туръ, поводя чуткими ноздрами, остановился на тропинкѣ шириною въ нѣсколько вершковъ и, прислушиваясь, обнюхиваетъ воздухъ. Загрохоталъ по горамъ выстрѣлъ, и намѣчен-

ный звѣрь летитъ внизъ, а всѣ остальные исчезли! Слезить Богъ знаетъ куда за убитой добычей и принести ее домой, спускаясь и карабкаясь по отвѣснымъ скаламъ—уже такое дѣло, что о немъ и говорить не стоитъ. Неправда ли, что только одна страсть можетъ предпочитать всему эту опасную охоту? То ощущение, которое испытываетъ охотникъ, видя, наконецъ, предъ собою, на ружейный выстрѣлъ, заповѣдную добычу, нельзя сравнить ни съ чѣмъ. Я былъ такъ счастливъ, что мнѣ удалось испытать это ощущение, и вотъ какъ это случилось.

Въ 1869 г., узнавъ, что въ рязанскихъ лѣсахъ, за Окой, много лосей, на которыхъ крестьяне охотятся съ подхода, я захотѣлъ испытать эту охоту. Великимъ постомъ вдвоемъ съ мужикомъ-охотникомъ мы отправились въ дремучіе лѣса. Остановясь въ небольшой деревушкѣ, мы, хотя на лыжахъ, скоро попали на слѣды звѣрей, но также скоро увидѣли и то, что подойти къ нимъ не было никакой возможности: чуткіе звѣри были хитрѣе насъ; составить же правильную облаву было не изъ кого, да по правдѣ сказать, никто изъ насъ и не умѣлъ распорядиться ею какъ слѣдуетъ.

Цѣлыхъ 5 недѣль, почти изо дня въ день, мучились мы, бродя по лѣсу за сторожкой дичью, ухитрялись на разные способы—ничего не давалось. Проклявъ, наконецъ, на всевозможные лады нашихъ чуткихъ противниковъ, мы собирались уже ѣхать домой, но разлившаяся Ока, по которой шелъ ледъ, не давала намъ возможности переѣхать обратно. Вода разлилась по лугамъ и лѣсамъ; низкія мѣста, поросшія тальникомъ и осинникомъ, превратились въ проточныя озера, между которыми, какъ острова, возвышались сухія верхи, поросшія дубомъ и липой; лосей выжило на эти верхи, но и тутъ взять ихъ не было никакой возможности: малѣйшій шумъ—и лось махнула черезъ воду, гдѣ можно бѣгомъ, а гдѣ такъ и впасть. И тутъ, стало быть, было мало надежды. Полетѣла водяная дичь и стала садиться на затопленныхъ мѣстахъ. Хозяинъ мой повезъ въ лѣсъ челнъ и вентера, которые онъ хотѣлъ ставить по узкимъ протокамъ. Взявъ заряженное дробью ружье, и я пошелъ съ нимъ прогуляться. Отошедши верстъ пять отъ деревни, мы дошли до мѣста, гдѣ онъ началъ заниматься своимъ рыболовствомъ, а я пошелъ обратно домой. Отойдя съ версту, я вдругъ совершенно неожиданно увидѣлъ черезъ дорогу свѣжіе слѣды только

что прошедших послѣ насъ лосей. Солнце стояло еще не совсѣмъ низко, и я рѣшился пойдти по нимъ, не боясь заплутаться, потому что въ лѣсу снѣгу оставалось еще довольно для того, чтобъ различить слѣды и выйдти обратно. Перезарядивъ двухстволку пулями и осадя назадъ собаку, началъ я тихонько подвигаться по слѣду—и, отойдя не болѣе какъ съ полверсты, вдругъ явственно услышалъ не подалеку отъ себя хрясъ сухихъ вѣтвей. Весь дрожа, выглянулъ я изъ-за густой ели и увидѣлъ двѣ огромныя сѣрыя, бѣлоногія массы, которыя, подергивая головами вверхъ, обгладывали молодыя осинки. (У лоси, также какъ и у коровы, нѣтъ верхнихъ зубовъ и она сдираетъ кожу съ деревьевъ одними нижними). Не помня себя, я прицѣлился и спустил курокъ... мимо! Въ какихъ нибудь 40 шагахъ—мимо! Ударилъ въ другую,—другая слѣлала отчаянный прыжокъ и тоже исчезла, но по прыжку я видѣлъ, что этотъ звѣрь мой! Собака не выдержала и бросилась за звѣрями въ голосъ; я слышалъ, какъ она лаяла, захлебываясь,—и все это было дѣломъ лишь нѣсколькихъ секундъ! Опомнясь немного, я пошелъ разсматривать слѣды: одна, раненая, ушла въ лѣсъ; другая улѣзла въ воду, гдѣ слѣдъ ея ясно обозначался по суснѣжью; окровавленный же тальникъ, по которому она пролѣзала, показывалъ, что пуля прошла черезъ животъ, на вылетъ. Разсмотрѣвъ все это, побѣжалъ я къ моему рыболову. Съ нимъ мы осмотрѣли еще разъ мѣсто происшествія и слѣды и положили, такъ какъ становилось уже поздно, придти завтра чуть свѣтъ за отысканіемъ убитой лоси. Съ зарей мы были на мѣстѣ. Тонкій ледъ, покрывшій за ночь воду, трескался и звенѣлъ. Думая, что этотъ звукъ происходитъ отъ бродившихъ вдоль залива лосей, мы посидѣли немного, но скоро различили ошибку и пошли отыскивать вчерашнюю добычу. Зная, что раненый звѣрь не останется умирать въ водѣ, а выдетъ на берегъ, если только позволятъ силы, мы раздѣлились: двое моихъ товарищей пошли по правому берегу залива, а я по лѣвому. Обойдя берегъ и не найдя ничего, я не зналъ на что рѣшиться, вдругъ—на той сторонѣ раздался выстрѣлъ и вслѣдъ за нимъ послышался тяжелый бѣгъ звѣря, который бѣжалъ въ мою сторону, ломая ледъ; онъ часто останавливался, прислушивался, и потомъ опять продолжалъ бѣжать. Ясно было, что товарищъ мой промахнулся. Разсчитавъ

мѣсто, гдѣ лось должна была показаться изъ-за густаго тальника, я добѣжалъ туда и прилегъ за березой. Прошло нѣсколько мучительныхъ минутъ, звѣрь приближался, и я ждалъ его съ взведеннымъ куркомъ... Наконецъ, высоко взмахивая длинными ногами, онъ вылетѣлъ прямо на меня и остановился, какъ вкопанный; щетинистая грива его поднялась ежомъ при видѣ приподнявшагося врага. Я выстрѣлилъ подъ лопатку, звѣрь вздрогнулъ, поднялся на заднія ноги, какъ свѣчка, во всю свою громадную вышину, сдѣлалъ мгновенно поворотъ назадъ и исчезъ опять въ тальникѣ. „И этотъ мой!“ прошепталъ я. Зная, что раненый звѣрь ложится скорѣе, когда не слышитъ за собой погони, я рѣшился не беспокоить его, зарядилъ, не торопясь, штуцеръ и пошелъ потихоньку по берегу, въ ту сторону, куда онъ скрылся. Скоро я увидѣлъ, какъ онъ вышелъ изъ воды и шелъ покачиваясь. Остановясь, я далъ ему опять скрыться изъ виду и потомъ уже пошелъ на слѣдъ. Слѣдъ путался, и капли крови показывали, что добыча недалеко; дѣйствительно, чрезъ нѣсколько десятковъ сажень я увидѣлъ благородное животное, которое, лежа на землѣ, оглядывалось на меня и силилось подняться; второй выстрѣлъ заставилъ его улечься окончательно.

Первая пуля прошла насквозь подъ лопаткой, и лось все таки ушла почти за полверсты, — такова ея сила. Товарищи пошли на мои выстрѣлы и дорогой, огибая заливъ, нашли и вчерашнюю добычу. Одинъ изъ нихъ побѣжалъ въ деревню за лошадьми, а мы принялись потрошить звѣрей. Часа черезъ полтора показались сани, запряженные парой впротягъ; на передней лошади сидѣлъ, весело покрикивая, десяти-лѣтній сынъ моего хозяина, Ванюша. Взваливъ на сани обѣихъ убитыхъ лосей, мы отправились съ ними въ деревню. Такимъ-то неожиданнымъ образомъ я былъ съ избыткомъ вознагражденъ за мои пяти-недѣльные труды.

Разговорившись объ охотѣ, я не могу утерпѣть (да простить мнѣ читатель мою болтовню!), чтобъ не сказать нѣсколькихъ словъ о медвѣжатникахъ-черемисахъ Вятской и Казанской губерній.

Передъ великимъ постомъ 1871 года пріятель мой Е., хорошій московскій охотникъ, получилъ письмо изъ Яранскаго уѣзда отъ знакомаго своего черемиса Гаврилы (или Гаврилки, какъ онъ самъ себя называлъ) о томъ, что у него въ Яранскомъ и въ Козь-

модемьянскомъ уѣздахъ обложено 5 медвѣдей, изъ которыхъ двѣ были медвѣдицы съ прошлогодними медвѣжатами. Е. былъ такъ любезенъ, что пригласилъ меня въ товарищи на эту великолѣпную охоту. Такъ какъ хозяиномъ охоты былъ собственно Е., то мы и раздѣлили медвѣдей такимъ образомъ, что въ перваго долженъ былъ стрѣлять онъ, и, стало-быть, изъ 5-ти медвѣдей, на его долю приходилось три, а на мою—два; медвѣжата же должны были быть общими. Доѣхавъ до Нижняго по желѣзной дорогѣ, а дальше на почтовыхъ, мы на послѣдней станціи услышали, что нашего Гаврилку посѣтила бѣда: его избѣлъ медвѣдь, но, къ счастью, не до смерти,—онъ отдѣлался только искусанной лѣвой рукой.

Вотъ какъ онъ, когда мы свидѣлись, рассказывалъ намъ про это приключеніе: „Какъ продала я тебѣ медвѣдей, такъ и пошла смотреть ихъ. Одна я знала, гдѣ лежить, и берлога смотрилъ, а другой вѣрно не знала, надо смотреть было. Пошла я, ружья не взяла, потому убью, не стерплю, взяла только палку ощупывать, подошла къ кустамъ, гдѣ лежить густой такой ельнякъ! да и попади палкой-то ему, проклятой, прямо въ берлогу. Какъ она выскочить, дьяволъ! точно съума сошла, да прямо меня за лыжи... Я: ай, ай, ай! машу на него руками-то, кричу: что молъ ты, съума что-ли сошла, истъ меня что-ли ты хочешь, пусти, дьяволъ ты эдакой! пусти! не слышишь, что-ли, что я тебѣ говорю?... Нѣтъ, братецъ ты мой, не слышитъ, лѣзетъ тебѣ на меня, да и шабашъ! Повалила меня въ снѣгъ, да и хочеть за рыло кусать. Я ему лѣвую руку подставилъ, правой-то ищу ножа, на грѣхъ и ножикъ то дома забыла, а она лежить на мнѣ, реветъ, инда лѣсъ только дрожить, да все меня за рыло-то хочеть кусать. Я ему правой рукой колочу въ рыло-то, чтобъ своротила, нѣтъ, не воротить! А задними-то ногами мнѣ ноги дереть,—ихъ-то больно ужъ отдала! Какъ я былъ маленькій, такъ бачка мнѣ говорила: ты, говорить, какъ будешь бить медвѣдя, такъ разсердись, больно, говорить, разсердись, чтобъ у тебя изъ глазъ-то огонь пошелъ, да искры посыпались,—прямо ему смотри въ глаза-то!.. Смотрю! Должно и правда, что искры посыпались: погрызла, погрызла руку-то, да и ушла—дьяволъ, чортъ эдакой! Да не далеко ушла, снѣгъ больно глубокъ... я опять смотрилъ... Бить идти надо.“

Въ Козьмодемьянскомъ уѣздѣ обьядчикъ Гриша представлялъ

собою типъ истаго лѣснаго черемиса. Малорослый, неуклюжій, съ длинными рыжими волосами, безтолковый и вмѣстѣ съ тѣмъ лукавый дикарь, онъ, съ ножомъ на поясѣ и неопѣненнымъ для него сокровищемъ—длинной широкоствольной фузеей, приобрѣтенной за 2 р. сер. (цѣна дорогая, по его мнѣнію), обложивъ съ осени медвѣдей, отправлялся въ продолженіе зимы, какъ добрый хозяинъ, нѣсколько разъ осматривать свое хозяйство, т. е. медвѣжки берлоги. Надобно замѣтить, что на это требуется также не мало искусства, тотому что медвѣдь, прежде чѣмъ лечь, начинаетъ спутывать слѣды и дѣлаетъ сметки, какъ заяцъ. Фузеея Гриши при этомъ была, по обыкновенію, не заряжена и бралась только на тотъ случай: „неравно рябцы взлетятъ или куница попадетса, тогда и зарядить можно“. Если звѣрь, спугнутый кѣмънибудь, уходилъ дальше, неотвязный Гриша слѣдилъ за нимъ и отрывалъ его новое логово. Чтобъ знать, какъ лучше становится при битвѣ звѣря, онъ, когда медвѣдь уже совершенно облежался, осторожно заглядывалъ къ нему въ берлогу и замѣчалъ, куда онъ лежитъ рыломъ. Мы били медвѣдицу, доставшуюся на мою долю. Ставь, съ взведенными курками, шагахъ въ 6 отъ берлоги и спустивъ собакъ, мы ждали появленія звѣря. Гриша, разставивъ насъ, объяснилъ, куда медвѣдица лежала рыломъ; собаки лаяли въ берлогу, но звѣрь, не желая покидать свою покойную постель и чуя, какая закуска для него приготовлена, не выходилъ. Въ отвѣтъ на лай собакъ, раздавалось только глухое рычанье, да изрѣдка виднѣлись два сверкающіе глаза. Такъ прошло, какъ показалось намъ, съ-полчаса. Гришѣ, наконецъ, надоѣла эта исторія; онъ срубилъ длинную слегу и полѣзъ съ нею на лыжахъ на вывороченную съ корнемъ сосну, подъ которой была берлога. „Гриша, кричалъ я ему, смотри, не свались въ берлогу! Неравно свалишься, такъ не будешь знать, кого бить—тебя или медвѣдя.“ — „Криша, небось, не свалится, отвѣчалъ онъ сверху,—ты гляди лучше медвѣдя-то не упусти!“ Донятая пинками его слегы, медвѣдица заревѣла что было силы, вылетѣла стремглавъ изъ берлоги и тутъ же была убита. Слѣдующій медвѣдь, доставшійся Е—ву и убитый имъ съ одного выстрѣла, было чудовище, длиною безъ четверти 4 аршина отъ хвоста до морды;ловище его была чуть-чуть не съ самоваръ; онъ былъ гонный и лежалъ сверху. И къ этому-то чуду Гриша, за недѣлю до на-

шего приѣзда, подходилъ съ своей незаряженной фузеей шаговъ на 20! Медвѣдь приподнялъ голову и поглядѣлъ только на Гришу, а по уходѣ его перемѣнилъ мѣсто и ушелъ дальше. Все это ясно доказываетъ трусость медвѣдя, пока его не обозлили.

Любопытна охота черемисъ за оленями; она очень проста: собравшись партіей, черемисы, просто на просто, во время снѣговъ заганиваютъ на лыжахъ оленей до упаду и потомъ бьютъ ихъ. Если снѣгъ не такъ глубокъ, то гонка съ небольшими отдыхами продолжается нѣсколько дней; разогрѣвшіеся охотники сбрасываютъ съ себя все верхнее платье, которое подбираютъ ихъ задніе товарищи, и въ однѣхъ рубашкахъ летятъ впередъ, опираясь на длинныя палки и перемахивая чрезъ пни и колоды.

Медвѣжатъ, которые были уже величиной съ добрую собаку, наши черемисы, догнавъ, затаптывали въ глубокомъ снѣгу, накидывали кафтанами и спеленывали, продѣвъ въ рукава ихъ переднія лапы. Этыхъ младенцевъ мы доставили въ московскій зоологическій садъ.

Извиненіемъ въ этой болтовнѣ мнѣ можетъ служить то, что (какъ я предупреждалъ въ предисловіи) читатель ничего не теряетъ, если и совсѣмъ не будетъ читать вторыхъ отдѣленій главъ этого путеводителя.

Еще до свѣту, на другой день пребыванія моего на станціи Казбекъ, Александръ Шадуровъ явился ко мнѣ съ бандулями, и мы отправились за Бѣшеную балку. Поднявшись на гору, мы скоро услышали попискиванье горныхъ куронокъ или курочекъ, какъ ихъ называютъ, и крикъ горныхъ индѣекъ: ааа-ихъ! послѣ котораго слѣдовала трель, въ родѣ трели кроншнепа; курочка похожа на сѣрую куронокку, только цвѣтъ ея темножелтый; индѣйка же похожа цвѣтомъ, перомъ и видомъ на стрепета, только она гораздо больше; бѣлое мясо ея очень вкусно.

Возбравшись вполгоры, я усѣлся, укрѣпясь за камень, а Шадуровъ пошелъ вверхъ. Боже мой, что за чудное утро это было! На небѣ ни облачка; Казбекъ и другія еще покрытыя снѣгомъ горы блестяли, какъ серебро, облитыя лучами недавно взопедшаго солнца; бѣлый цвѣтъ рѣзалъ глаза. Какъ легко дышалось въ этомъ воздухѣ! Снизу чуть долетало бурчанье Терека. Камень, брошенный сверху, прыгалъ по скользкимъ шифернымъ плиткамъ, покрывав-

шимъ гору, и летѣлъ внизъ до самой рѣки. Свалился самъ—и тоже докатишься, въ видѣ битаго мяса, до Терека, потому что ухватиться рѣшительно не за что.

Я пошелъ съ Шадуровымъ, вооруженный только одною палкой и съ живымъ тетеревомъ подъ мышкой, купленнымъ мною наканунѣ у проѣзжихъ татаръ: мнѣ хотѣлось пустить его на волю въ этихъ вольныхъ горахъ. Усѣвшись за камень, я разрѣзалъ ножомъ бичевку, которою были связаны ноги пойманной птицы, и пустил ее на волю. Тетеревъ сначала пропрыгалъ нѣсколько шаговъ и притаился за камнемъ, но черезъ нѣсколько минутъ справился и полетѣлъ вдаль своимъ ровнымъ полетомъ; я провожалъ, смотря въ бинокль, вольную птицу до тѣхъ поръ, пока она совсѣмъ не исчезла у меня изъ вида.

Смотритель сказывалъ, что во время необыкновеннаго сѣвернаго сіянія, бывшаго 22 января, покрытая снѣгомъ горы имѣли удивительный видъ: онѣ, по его выраженію, были точно краснымъ кулачемъ одѣты.

Когда отъ смотрѣнья съ горы внизъ у меня начинала кружиться голова, я принимался смотрѣть на Шадурова, который, подстегнувъ подъ бандулы подковы, шагаль и лазилъ на самомъ гребнѣ, какъ кошка. Въ бинокль онъ казался величиною съ четверть—не больше.

Налюбовавшись вдоволь величественной картиной, я началъ спускаться внизъ, сначала ползкомъ, а потомъ какъ обыкновенно. Намнѣ были шерстяные чулки, потомъ въ бандуляхъ былъ подложенъ толстый слой травы,—и то острые камни рѣзали ноги; а горцы возвращались съ горъ съ огромными вязанками сѣна на спинѣ и босикомъ! Вотъ вы и подивитесь. Шадуровъ возвратился съ убитой индѣйкой. Погода благопріятствовала моему товарищу, и онъ кончалъ красками эскизъ Казбека.

Вечеромъ мнѣ суждено было встрѣтиться съ преоригинальною личностію чудака и добряка, извѣстнаго многимъ на Кавказѣ и описаннаго нѣсколько разъ въ охотничьихъ кавказскихъ разсказахъ. Графъ Н. Толстой описалъ его въ статьѣ „Охота на Кавказѣ“ (Современникъ, 1864 г.) подъ именемъ Мамонова; въ охотничьемъ же журналѣ, въ статьѣ „Олений ревъ“, онъ названъ собственнымъ именемъ; я буду называть его также Мамоновымъ. Пе-

редъ отъѣздомъ я читалъ статью гр. Толстаго и очень заинтересовался мастерскимъ изображеніемъ этого оригинала, ни какъ не предполагая, что самому придется познакомиться съ нимъ на Казбекѣ.

Мамоновъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, Можайскаго уѣзда, Московской губерніи; отецъ его былъ заслуженный артиллерійскій полковникъ и ветеранъ 1812 г. Какъ самъ Мамоновъ (такъ зовутъ его татары), такъ и братья его, еще смолоду отличались своимъ неуживчивымъ характеромъ и разными проказами въ духѣ прежняго времени. Начавъ службу юнкеромъ въ стоявшемъ подъ Москвой пѣхотномъ полку, онъ дослужился до офицерскаго чина, но тутъ его скоро постигло несчастье: какой-то капитанъ оскорбилъ его сестру; Мамоновъ пришелъ къ нему за объясненіемъ и съ вызовомъ; капитанъ, сидя за самоваромъ и разливая чай, отвѣчалъ, что не намѣренъ стрѣляться съ такимъ молодымъ щенкомъ, какъ Мамоновъ.— „А! не намѣренъ?—заревѣлъ тотъ, въ свою очередь—такъ хорошо же, я покажу тебѣ въ такомъ случаѣ, какъ такіе молодые щенята, какъ я, ошпариваютъ такихъ старыхъ свиней, какъ ты!“ — и вслѣдъ за этимъ онъ повалилъ обидчика на полъ и вылилъ на него весь кипятокъ изъ самовара. Пока ошпаренный капитанъ барахтался на полу и ревѣлъ во все горло, Мамоновъ вытряхнулъ на него изъ самовара всѣ угли — и былъ таковъ! За эту продерзость противъ старшаго чиномъ его разжаловали въ солдаты. Послѣ бородинскихъ маневровъ была выборка людей въ гвардію; Мамонову, видному молодцу и правому фланговому, вѣрно было выдвинуться впередъ: „не смѣю, в. в—во, отвѣчалъ Мамоновъ, не достоинъ этой чести, я изъ разжалованныхъ.“ Спрошено было, какъ онъ себя ведетъ. Полковой командиръ отозвался о немъ, какъ объ образцовомъ ефрейторѣ. „Чего ты хочешь?“ — „Желаю смыть кровью пятно, которое нанесъ я русскому мундиру, в. в—во,“ отвѣчалъ бодро Мамоновъ. Его перевели въ знаменитый кабардинскій полкъ на Кавказъ, гдѣ онъ и попалъ прямо, въ 1839 г., подъ Ахульго. Въ страшномъ штурмѣ его окрестили кровью, т. е., говоря по просту, ранили. Скоро Мамоновъ приобрѣлъ себѣ славу отчаяннаго храбреца въ военное и репутацію самаго безалабернѣйшаго человѣка въ мирное время. Когда полкъ не былъ въ походѣ, то не было возможности привести Мамонова хоть въ какой нибудь порядокъ; онъ отбивался отъ рукъ

и пропадалъ все время на охотѣ, которая сдѣлалась у него всепоглощающей страстью. Начальство смотрѣло, смотрѣло на него, да и рукой махнуло. За отличіе онъ былъ произведенъ въ офицеры, но скоро его опять разжаловали за какую-то новую проказу; несчастье это не миновало его еще и въ третій разъ. Партизанская война со стороны горцевъ требовала такой же войны и со стороны русскихъ, и вотъ княземъ Варятинскимъ была организована такъ называвшаяся беззавѣтная или безъизвѣстная команда, состоявшая изъ 250 самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ; въ команду эту поступилъ и Мамоновъ. Поступать въ нее могли изъ-всѣхъ племенъ, націй и состояній безъ исключенія, лишь бы только поступающему былъ извѣстенъ татарскій языкъ. Желавшему поступить назначался экзамень, состоявшій въ исполненіи какого нибудь труднаго порученія. Если экзаменующійся не проваливался, то ему, въ награду за то, брили голову (коли она и безъ того уже не была обрита), приказывали отпустить бороду (коли она не была отпущена), одѣвали по черкесски и вооружали двухстволкой со штыкомъ, у которой одинъ стволъ былъ гладкій, а другой нарѣзной, и такимъ образомъ новообращенный становился членомъ беззавѣтной команды. Съ этими сорванцами Мамоновъ охотился и на людей и на звѣрей, пробирался въ непріятельскіе аулы, залегалъ въ секреты и проч. Однажды отрядъ потерялъ пушку, черкесы увезли ее въ аулъ и, въ ожиданіи отправки къ Шамилю, приковали цѣпями для безопасности; Мамоновъ ночью выручилъ плѣнницу, и все происшествіе осталось шито да крыто. Произведенный въ третій разъ въ офицеры, онъ уже больше не былъ разжалованъ, вышелъ, по окончаніи войны, въ отставку и поселился въ Хасавтюртѣ, гдѣ приобрѣлъ себѣ домикъ и лоскутокъ земли. За 13 ранъ и 35 лѣтъ службы онъ былъ награжденъ ежегоднымъ пенсіономъ въ 275 р. сер. Причина такого малаго пенсіона та, что онъ всѣ раны получилъ въ нижнихъ, а не въ офицерскихъ чинахъ, и отставленъ всего только съ чиномъ поручика. Охотѣ же, несмотря на свои года, онъ предается и до сихъ поръ съ такою же страстью, какъ прежде. Такъ вотъ съ какимъ оригиналомъ мнѣ пришлось познакомиться на Казбекѣ.

Стемнѣло, и мы съ М. сидѣли въ общей залѣ за самоваромъ. Послышался звонъ почтоваго колокольчика, и вскорѣ въ залу во-

шелъ худощавый, высокаго роста человекъ, въ высокихъ сапогахъ, въ крытомъ чернымъ сукномъ полушубкѣ изъ дикихъ кошекъ и въ офицерскомъ кепи; въ зубахъ у него была коротенькая кавказская трубочка; табачный кисеть болтался на одной изъ пуговицъ полушубка. Высокая фигура проѣзжаго, его морщинистое лицо, съ сѣдыми усами и бакенбардами, съ прострѣленной щекой и оторваннымъ лѣвымъ ухомъ—невольно бросались въ глаза. Сзади его, съ ногъ до головы погруженный въ дубленый тулупъ, съ поднятымъ воротникомъ, медленно двигался лысый старикъ, съ огромными посѣдѣлыми рыжими усами и бакенбардами, похожий на отставнаго кандидата, какимъ онъ и оказался впоследствии. Оба проѣзжіе, очевидно, принадлежали къ обломкамъ знаменитой боевой кавказской арміи. — „Мое почтенье, господа!“ сказалъ первый проѣзжіи, обращаясь къ намъ и молодцовато поднося къ козырьку руку съ двумя вытянутыми пальцами. Мы поклонились. — „Куда ѣдете?“ „Въ Тифлисъ.“ — „Мы тоже. Чай распиваете? Петръ Семенычъ!“ продолжалъ онъ, обратясь къ кандидату, который въ это время уже вылѣзъ изъ своего тулупа, бережно сложилъ его и остался въ одномъ унтеръ-офицерскомъ скруткѣ, съ золотыми шеверонами и съ орденами во всю грудь, на флангѣ которыхъ красовался Георгій съ бантомъ. — „Что прикажете, Петръ Аркадьичъ?“ отвѣчалъ тотъ покорнымъ голосомъ. — „Вррр!.. холодно! Не заняться ли и намъ чаепитіемъ?“ — „Какъ вамъ будетъ угодно-съ.“ — „То то. Въ Тифлисъ-то вѣдь еще успѣемъ—не гонять. А вы, господа, туда по дѣлу ѣдете?“ „Нѣтъ, мы путешествуемъ.“ — „А я такъ по дѣлу, мнѣ земли не даютъ.“ „Какой земли?“ — „Да вотъ, такой же, изъ татарскихъ земель.“ „А много вамъ ее слѣдуетъ?“ — „Какое много! Ничего мнѣ не слѣдуетъ,—я прошу такъ, въ награду. Видите это?“ продолжалъ онъ, указывая на оторванное ухо. „А тутъ въ лѣвую скулу вошла, а въ правую вышла, съ каждой стороны по два зуба такъ и выхватила—да такъ акуратно, что твой дантистъ! Тутъ только и рвалъ зубы, а то сроду не баливали. Въ каждой ногѣ тоже по пулѣ сидитъ,—это хорошо, говорю, теперь у меня, стало быть, ужъ не ноги, а двѣ свинчатки, какъ налили ихъ свинцомъ, такъ крѣпче будутъ! Кости иной разъ заломать, а свинчаткамъ все ни почемъ—50 верстъ еще выходятъ на охотѣ! 13 ранъ, а быть всего-на-все три раза на перевязкѣ. Благослови Господи,

съ 39-го года, съ Ахулыго началъ!... А пенсіону получаю всего на-все 275 р.—Вотъ за что я прошу!“ „Да по какой же причинѣ, сказалъ я съ удивленіемъ, вы получаете такой маленькій пенсіонъ?“ — „Коли говорить правду, сказалъ онъ, подумавши нѣсколько, — такъ я получаю его по закону и справедливо: я въ отставкѣ всего только поручикъ и большую часть службы провелъ разжалованнымъ... Нравъ у меня очень ужъ безповойный! Да я и о землѣ-то хлопочу не для себя, а для Петра Семеныча... Ему хочется получить 5 десятинъ... А я ѣду больше за тѣмъ, чтобъ повидаться съ моимъ другомъ Б. Лису ему везу. Случалось вамъ когда нибудь, добавилъ онъ совершенно неожиданно, — видѣть бѣлыхъ лисицъ?“ „Нѣтъ, не случалось.“ — „Не случалось? Ого-го-го, батинька! Такъ я вамъ покажу!“ — вскричалъ онъ, вскочивъ съ мѣста, и вслѣдъ за этимъ развязалъ дорожный холщевой мѣшокъ и вытащилъ изъ него шкуру, безъ отмычины, бѣлой, какъ кипѣнь, лисы (*). Это былъ, дѣйствительно, рѣдкій экземпляръ альбиноса. Всѣ живущіе на станціи собрались смотрѣть на невиданную лису, ахали, удивлялись, а владѣтель ея съ торжествомъ рассказалъ, какъ онъ подмѣтилъ эту лисицу еще лисенкомъ, какъ не травилъ ее и берегъ до слѣдующаго года, пока не выростетъ, и проч. „Вы однако записной охотникъ“ — сказалъ я. — „Надѣюсь! — отвѣчалъ онъ самодовольно, — не одинъ разъ описанъ и пропечатанъ! Читали охоту на Кавказѣ Николая Толстаго?“ — „Читаль... Да позвольте!“ вскричалъ я, точно озаренный внезапной мыслью: „неужели же вы, господинъ...“ — „Мамоновъ! онъ самый, какъ есть самъ Мамоновъ, передъ вами собственнорично! Только фамилія-то моя не Мамоновъ, а С. Читали „Оленій ревъ“? Тамъ я названъ по имени. Еще бы! Николенька Толстой былъ мнѣ пріятель! Только онъ все на меня это выдумалъ: никакихъ я ему пуделей не мѣнялъ! На кой чортъ ему пудель? Здѣсь нужна лягавая, гончая, а не пудель! Тоже вотъ и хваленыя сетера ваши! Тьфу! Взялъ его по лѣсу, — онъ сдѣлаетъ отъ тебя стойку за 2 версты, а ты и стой, да кричи его цѣлый часъ, какъ угорѣлый! Нѣтъ, я вамъ скажу, лучше прежней французской собаки! Въ болото ли, въ лѣсъ ли возьми ее — вездѣ дѣла тебѣ дѣлаетъ! Толстой, сказывали, умеръ въ Парижѣ, а кабы

(*) Лиса эта была потомъ на московской политехнической выставкѣ, въ кавказскомъ отдѣлѣ; дурно набитое изъ нея чучело не имѣло почти никакого вида.

онъ только живъ былъ, такъ я бы ему доказаль, что я не пуделей мѣнялъ ему, а лягавыхъ! Я и брата-то его Левушку знаю—отличный малый! Говорятъ, что онъ сочинилъ что-то такое тамъ про войну, да про миръ,—отъ кого не услышишь, всё хвалять. Славные оба были ребята, и охотники тоже хорошіе... Да, продолжалъ онъ, помолчавъ нѣсколько, служили, батюшка, служили, служили, служили! Да и что за народъ былъ, я вамъ доложу! Хоть бы Слѣпцовъ Николай Павлычъ! Первый джигитъ былъ и первый отецъ и благодѣтель для подчиненныхъ, все свое состоянье на службѣ потратилъ! Ну, а Баклановъ? Въ мирное время дѣлай что хочешь, а какъ только въ походъ, такъ ужъ ни-ни! Боже избави! Выбраниться, бывало, не смѣй! Война, говорить, братцы, святое дѣло! Убьютъ—коли выбранишься! Орелъ! Горцы, бывало, какъ только услышать—Бакланъ идетъ, такъ и поминай какъ звали! Ну, а Полтининъ? Хлѣбосоль былъ—царство ему небесное! Каждый день у него всё офицеры обѣдывали! Равняй—бывало, только крикнетъ—бутылки! Не робѣй, говорить, ребята,—впередъ! Семь разъ раненъ и девять разъ контуженъ—и все таки Полтининъ не сконфуженъ! Да! Командиры были! Хоть бы Барятинскій! Не командиръ былъ намъ, а товарищъ! Не изъ бѣдности вѣдь служили-то! Первые вельможи, да не жалѣли крови за землю русскую! Примѣръ всемъ показывали! Ну, а солдаты? Эхъ—продолжалъ онъ сверкающими глазами—да знаете ли вы, что такое былъ прежній кавказскій солдатъ? Вѣдь для него невозможнаго ничего не было,—только умѣй, какъ имъ распорядиться! Вотъ хоть бы фельдфебель нашъ, въ 1-й кабардинской ротѣ, Василій Ивановичъ! Три золотыя шеврона имѣеть—третью службу ужъ служить; нечего давать больше, такъ золотую медаль нарочно для него выдумали, да на шею повѣсили! Бывало, батальонный-то командиръ обходить роту, такъ на него никто и не глядитъ: главное, думаютъ, что изволить сказать послѣ Василій Ивановичъ,—а онъ идетъ себѣ смиренхонько сзади, да только помалчиваетъ. Когда великій князь намѣстникъ объѣзжаетъ войска, такъ всякій разъ ему руку протягиваетъ: государь, говорить, императоръ привазаль кланяться тебѣ, Василій Ивановичъ! Водъ вѣдь какіе люди-то были! А нынче что? Бабы стали, а не солдаты!“—„Да почему же вы изволите думать...“ началъ было говорить Петръ Семенычъ.—„Ну, ужъ молчите

лучше "... перебилъ его съ досадою Мамоновъ. — „Какъ кончилась война, такъ я и служить больше не сталъ! Что я, и въ самомъ дѣлѣ, въ караулы имѣ что-ли стану ходить? А то вѣдь, бывало—продолжалъ онъ опять съ тихимъ смѣхомъ—иной разъ, какъ полагаете?—задолжаешь маркитанту, бывало, такъ, что ужъ не вѣрить больше; ну, и начинаешь выглядывать какогонибудь эдакаго тамъ франтика (и такіе то же бывали!), разузнаешь, что онъ назначенъ въ секретъ или въ какоенибудь другое опасное мѣсто,—вотъ и подсылаешь къ нему: что молъ вамъ беспокоиться-то? Давайте молъ 50 пѣлковыхъ, я схожу вмѣсто васъ. Извольте, говорить, я съ удовольствіемъ. Ну, и идешь! Богъ дастъ, нападеніе случится—убьютъ человѣкъ нѣсколько,—такъ онъ еще и награду получитъ! А ты сейчасъ къ маркитанту это живымъ манеромъ — на! Подомай молъ счетъ, жидоморъ эдакой, получай деньги, да отпускай опять въ долгъ!“ „Это они все вѣрно-съ, все вѣрно-съ“, подтвердилъ Петръ Семенычъ. „А въ 43-мъ году—спросилъ я—были вы въ Дагестанѣ?“ — „Еще бы не быть! Съ Пассекомъ въ Зырянахъ-то маханиной *) вмѣстѣ питались. Досталось намъ тогда на орѣхи!“ „А все виноватъ Клюка!“ **) уныло сказала Петръ Семенычъ. — „Нѣтъ, вотъ подъ Ахульго, я вамъ доложу, съ Граббе, такъ было дѣло! Два мѣсяца осаждали мы этихъ разбойниковъ! Какъ пошли въ первый разъ на штурмъ,—взбираться-то приходилось по тропинкѣ,—какъ пустякъ оттуда камни да бревна—такъ изъ 2-хъ батальоновъ битки и подѣлали! Ну, а Хаджи-Муратъ? Выдумалъ захватить въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ князя Орбеліани живьемъ, переодѣлъ своихъ мирудовъ (мюридовъ) казаками, да съ пѣснями, да съ бубнами въ крѣпость-то и вошелъ!“ „Ну, ужъ и съ пѣснями!“ замѣтилъ Петръ Семенычъ. — „Разумѣется, съ пѣснями! Что вы, и въ самомъ дѣлѣ, не дадите мнѣ ничего рассказать—все переживаете, Петръ Семенычъ!“ Петръ Семенычъ покорно замолчалъ и во все время дальнѣйшаго разговора не проронилъ больше ни слова. „Да-съ!—продолжалъ Мамоновъ—около меня живетъ другъ, сосѣдъ Б. богатый баринъ, холостякъ и охотникъ... Вотъ человѣкъ-то, я вамъ скажу! Живемъ мы съ нимъ душа въ душу, а каждый день ссоримся. Читали про Ивана Иваныча и Ивана Никифоруца? Кто его знаетъ—нарочно

*) Ковиной.

**) Генералъ Клюке-фонъ-Клюгенау.

что-ли онъ меня дразнить, нравъ ли у меня ужъ такой скверный? Вообразите себѣ, ну какъ же не ссориться то? Помѣшался, именно помѣшался человѣкъ на татарахъ! Весь свѣтъ, говоритъ, я объѣздилъ, а ни одного народа не нашель лучше татаръ! Повѣрите-ли? Въ Мекку туркомъ на поклоненье ходилъ—и чалму надѣвалъ; по арабски знаетъ отлично,—такъ его тамъ вездѣ за турецкаго эфенди принимали. А татары его и теперь муллою считаютъ,—а муллы, коли чуть чего не понимаютъ въ ихнемъ коранѣ, такъ сейчасъ къ нему зарѣшеньемъ,—ну, онъ имъ и толкуетъ! По мнѣ, говоритъ, нужды нѣтъ, что татаринъ: иной и татаринъ, да лучше чѣмъ десять русскихъ. Какъ, я говорю, лучше? Да вы сами то кто такой? Русский вы или нѣтъ? Какъ имъ не вѣрить, мошенникамъ эдакимъ! Одинъ разъ приходятъ: эй—кричатъ—Николай дома? Николай баръ? Пошелъ—я говорю—ты, паршивый донгузъ! Погодите, говоритъ,—вынеругайтесь! Что тамъ такое? Николай! А, Николай! Мы Адамову голову нашель! Кости человѣчьи—вотъ какой—въ косою сажень будетъ! Гдѣ говоритъ? что такое? Давайте скорѣй сюда? Это рѣдкость! Теперь нѣту—говорять—больше,—мальчишка стащилъ. А гдѣ нашли? Курганъ—говорять—нашелъ, копай другой курганъ, и ты, Николай, тоже найдешь! Давай копать! нашли зубы какіе то... Приносить домой... Вотъ она, говоритъ, находка-то! Кости гигантскія! Покажите-ка—моль... Помилуйте, говорю, какъ вамъ не совѣстно? Какіе это кости гигантскія? Это просто кобыльи зубы: четыре года на пятый. Много, говоритъ, вы въ этомъ смыслите! Да позовите ветеринара. Позвали ветеринара. Какіе, говорю, это зубы? Это кобыльи, говоритъ, зубы, четыре года на пятый. Какъ хватить ими въ окопико,—такъ два стекла сразу и выколотилъ! Знаете ли что? Такъ какъ онъ ужъ очень охотникъ до всякихъ рѣдкостей,—куплю-ка я бѣлаго гуся, выкращу его красной краской, что персіяне бороду красятъ, да и поднесу ему въ подарокъ,—вотъ моль необыкновенная штука то! Красный гусь! Пошлите ка его на выставку въ Москву, какъ рѣдкость! Мнѣ не впервые вѣдь дѣлать такия штуки! Былъ, я вамъ расскажу, у меня одинъ пріятель,—больно хвастался, что никто лучше его въ собакахъ толку не знаетъ... Надоѣлъ до смерти! Погоди же, думаю, я тебя проучу! Околѣла у меня курляндка, длинношерстая; вотъ я досталъ подъ шерсть ей дворняшку, отрѣзалъ ей уши, да вмѣсто ихъ другіе—отъ околѣлой-то

—и приточаль, то есть такъ-то ловко, я вамъ скажу, приладиль, что, просто, мое почтенье! Привель,—покупай, говорю, братецъ, курляндку, за дешево отдамъ, потому деньги нужны! Какъ увидѣлъ онъ ее—такъ и затрясся отъ радости! Торгуется... Осматривается,—а я чуть не лопну со смѣху! Собака, и толковать, говорить, нечего,—хороша,—а только, что это она все ушами-то встряхиваетъ? А это, говорю, мокрецъ долженъ быть, ты налей ей въ уши-то водки съ бѣлилами,—черезъ 2 дня какъ рукой сниметъ. Ушелъ; жду, что будетъ дальше? На другой день, вижу, бѣжитъ ко мнѣ, какъ угорѣлый: что-ты это, говорить, надо мной сдѣлалъ? У собаки уши-то вѣдь отвалились! Ты ей чужія пришилъ, разбойникъ ты эдакой! То-то смѣху-то было! А ты, я говорю, братецъ, впередъ не хвались, что въ собакахъ толкъ знаешь,—вотъ тебѣ назадъ твои деньги. А это тебѣ впередъ наука! У меня есть сынишка—Панька *)—весь въ меня: такой же разбойникъ будетъ! Ужь теперь, 7-ми лѣтъ, одинъ одиухонекъ ходитъ съ гончими за 3 версты. Кабы вы знали только, какъ онъ меня любитъ! „Сто, говорить, папка, какъ ты помлесь-то, такъ тебя закопаютъ?“ Закопаютъ—охъ, закопаютъ, говорю, Панюшка,—на полковомъ нашемъ кладбищѣ... „Нѣтъ, я не дамъ, говорить, тебя имъ закапывать! Папка, не умилай!“ А у самого слезенки-то такъ и текутъ! Недавно прѣвзжалъ къ намъ какой-то фертикъ изъ штабныхъ: „ваше кладбище-то уничтожить, говорить, надо,—а то оно только мѣсто даромъ занимаетъ“... Что?—говорю—уничтожить кабардинское наше кладбище—это кладбище героевъ? Нашу гордость и славу? Вы понимаете-ли, что говорите-то? Стыдились-бы говорить, коли не умѣете уважать никакихъ святыхъ преданій! Попробуйте! Вздумайте только! Клянусь вамъ Богомъ! самъ возьму пугицеръ, другимъ Паньку вооружу, засядемъ съ нимъ между могилъ, да и начнемъ отстрѣливаться вмѣстѣ на смерть! Пускай же и меня съ сыномъ тутъ закопаютъ! Не переживу этого позора! Я покажу вамъ, что такое значитъ нашъ прежній кавказскій солдатъ!... Уѣду отсюда!“ сказалъ онъ вдругъ и совершенно для меня неожиданно. „Уѣду, чортъ съ ней совсѣмъ и съ охотой! Продамъ домишко, и убѣгу отъ Б. въ Пятигорскъ! Да нѣтъ,—добавилъ онъ съ сокрушеніемъ—и тамъ меня онъ отыщетъ! оты-

*) Павель.

щеть, отыщеть, навѣрное! Лучше уѣду въ Москву: Паньку въ кадетскій корпусъ, а самъ пойду служить по желѣзнымъ дорогамъ! А не по желѣзнымъ дорогамъ, такъ подѣ покровительство комитета; мнѣ сказывали, теперь земство комитетъ тамъ открыло для раненыхъ! А не въ комитетъ, такъ къ какому нибудь богачу наймусь—охотой завѣдывать!—Да гдѣ нынче охоты-то? Вотъ былъ Измайловъ! **) Я стоялъ у него въ Дѣдновѣ, когда былъ еще юнкеромъ. Вотъ это такъ былъ охотникъ! Сказываютъ, его за разныя дѣла семь сенаторовъ судить были назначены... Судили, судили!—а онъ взялъ да и умеръ! Суди послѣ смерти-то, сколько хочешь! Бывало, идешь къ нему, такъ поджилки дрожать отъ страха!—Купаній какихъ угодно каждый день сколько хочешь заказывай,—да только непременно, чтобъ больше! Что у меня, говоритъ, мало что ли всего?

Иной разъ скажетъ, бывало: хочешь, братецъ; въ театрѣ? Хочу, говоришь, ваше превосходительство! Только свиснетъ: эй, вы! посадить его сію же минуту на тройку—курьерскую, свозить въ Москву, въ театрѣ, а послѣ театра опять на курьерскую, да что есть духу сюда! Такъ-то, бывало, тебѣ бока по ухабамъ-то отколотить, что думаешь—чортъ бы тебя побралъ совсѣмъ и съ театромъ-то! Полтора ста версты—развѣ шутка? А отказаться не смѣй! Дьячка одинъ разъ въ дегтю вымазалъ, да въ пуху вывалялъ! Засѣдателя вздулъ за то, что тотъ посмотрѣлъ въ зубы дареной лошади: напередъ мольты знай, что даровому коню въ зубы не смотрятъ! Собакъ на охоту въ ящикахъ возили, бывало, а всѣхъ ихъ у него было до тысячи! Вотъ это такъ былъ охотникъ!*

Да простить почтеннѣйшій Петръ Аркадьевичъ человѣку, который питаетъ къ нему самое искреннее уваженіе, смѣлость, съ которою онъ привелъ его характеристическіе рассказы.

Рассказы эти затянулись далеко за полночь. Когда мы проснулись утромъ,—ни Мамонова, ни Петра Семеныча давнымъ давно уже не было на станціи.

Переночевавъ въ *Коби*, мы чуть свѣтъ выѣхали оттуда, чтобъ перебраться пораньше чрезъ переваль. Солдаты уже вышли на

**) Дѣянія этого извѣстнаго въ свое время помѣщика и генерала описаны въ Русской Старинѣ 1872—73 гг.

работу и трудились надъ разчисткой дороги; темныя фигуры ихъ, какъ мухи, чернѣли на ослѣпительномъ снѣгѣ—именно, ослѣпительномъ, потому что блескъ отъ него дурно дѣйствуетъ на зрѣніе, чего, сколько извѣстно, не замѣчается въ нашихъ снѣжныхъ равнинахъ, въ которыхъ постоянно есть на чемъ отдохнуть глазамъ. У большинства рабочихъ глаза были завязаны чернымъ флеромъ или были надѣты флеровыя очки. Рассказываютъ, что въ проѣздъ императора Николая въ 1837 году въ байдарскомъ осетинскомъ домѣ жилъ бѣдный, но заслуженный старикъ—внязъ Циклауровъ, исполнявшій должность проводника; когда покойный Государь остановился на нѣсколько минутъ въ этомъ мѣстѣ, то старикъ показалъ ему заслуженную свою саблю съ серебрянымъ темлякомъ и сказалъ: „темлякъ есть, а хлѣба нѣтъ“. На такое, вполне лаконическое прошеніе императоръ приказалъ отпускать ему провіантъ пожизненно.

На самой высшей точкѣ снѣжной дороги чернѣлся слѣва крестъ, поставленный Ермоловымъ. Дорога повернула также влѣво, и начался спускъ къ *Гудауру*; открылся удивительный видъ на югъ: массы снѣжныхъ горъ, испещренныя снѣжными жилками, играли въ цвѣта и блистали на далекомъ зеленомъ фонѣ неба; надъ нами небо было синее, а сзади, на сѣверѣ, его покрывалъ сѣрый туманъ, сквозь который прорѣзывались громадныя сѣрыя массы. Съ перевала лошади побѣжали легонькой рысью по снѣжной змѣеобразной дорогѣ, которую и тутъ еще разрабатывали солдаты. Чѣмъ дальше, тѣмъ все становилось теплѣе, и шире и ярче открывалась Кайшаурская долина. Такіе виды и ощущенія не описываются, потому что для нихъ нѣтъ словъ на человѣческомъ языкѣ: лучшія описанія поэтовъ только помогаютъ намъ воскрешать въ памяти видѣнное и чувствовать вновь когда-то нами прочувствованное.

Превосходное шоссе вилось по краю страшнаго обрыва, въ глубинѣ котораго пѣнилась Арагва, и виднѣлась, въ родѣ острова, громадная, поросшая лѣсомъ скала, съ построеннымъ на ней ауломъ.

Съ *Гудаура* дорога вьется такими зигзагами, что они кажутся даже излишними для непосвященнаго въ тайны постройки горныхъ дорогъ. Виды мѣняются чуть не ежеминутно, и вы видите предъ собою то сѣверную, то южную, то восточную, то западную часть

прелестной долины. Солнце стояло свѣтъ, и онъ превращался въ *звонокъ-блуждѣе* отовсюду ручьи, подъ журчанье которыхъ я сладко задремалъ. Всякій разъ, какъ я, вздрагивая отъ свѣжаго воздуха, открывалъ глаза, мнѣ представлялись мѣста, совершенно не похожія на видѣнныя передъ этимъ. На половинѣ спуска показались бабочки и зацвѣтшіе одуванчики. Въ *Млетахъ* въ Арагвѣ уже купались мальчишки. Здѣсь мы разстались съ шубами и увязали ихъ, чтобы не развязывать болѣе до Москвы. Въ *Пайсанаурѣ* и въ осеннемъ пальто сдѣлалось жарко, и странно было подумать, что семь часовъ тому назадъ мы выѣхали изъ Коби въ шубахъ и ѣхали свѣжными горами, отъ блеска которыхъ было больно глазамъ.

Ниже Пайсанаура жители уже принимались за весеннюю папню. За массивнымъ плугомъ, запряженнымъ восемью парами быковъ или буйволовъ, тащится оригинальная двух-колесная борона, запряженная также нѣсколькими парами; борона состоитъ изъ рамы, лежащей на оси и переплетенной хворостомъ, длинные концы котораго, волочась по землѣ, заравниваютъ глубоко взрыхленную почву. Мнѣ кажется, что обыкновенная борона наша не годилась бы для здѣшней, усыпанной камнями почвы, а эта борона-волокуша исполняетъ свое назначеніе отлично. Этотъ способъ бороновать напоминаетъ нѣсколько оригинальную борону, употребляемую въ нашихъ сѣверныхъ лѣсныхъ губерніяхъ: тамъ, срубивъ лѣсъ, растущій на каменистой почвѣ, и всковырявъ эту новь подъ посѣвъ, употребляютъ вмѣсто бороны срубленную ель, которую волочатъ между пнями и такимъ образомъ заравниваютъ папню; гибкія вѣтви ели, извиваясь между пнями, отлично дѣлаютъ свое дѣло. Тамъ, гдѣ земля была слишкомъ суха, и одной бороны для разрыхленья ея было недостаточно, вслѣдъ за плугомъ шель рядъ мужчинъ и женщинъ, разбивавшихъ кирками спекшіеся комья. Женщины были въ бѣлыхъ *чадрахъ* (покрывалахъ). Интересны также грузинскія волокуши, на которыхъ свозятъ съ горъ сѣно: это полозья, одинъ конецъ которыхъ лежитъ на двух-колесной оси, а другой тащится по землѣ; этотъ послѣдній, при спускѣ съ горъ, замѣняетъ собою тормазъ.

Въ *Ананурѣ* мы прожили два дня; товарищъ мой рисовалъ, а я осматривалъ развалины и бродилъ по окрестностямъ. Мнѣ рассказывали, что въ недавній проѣздъ одной высокостоящей особы

хевсуры, закованные въ желѣзо, удивляли всѣхъ своей джигитовкой и эволюціями, которыя они выдѣлывали на лошадяхъ; по разсказамъ, съ ними не могутъ равняться и наѣзники въ нашихъ циркахъ. Въ здѣшнихъ окрестныхъ горахъ водятся всевозможные роды дичи. Снѣговыхъ горъ давно уже не было видно. Хотя лѣсъ еще и не одѣлся, но весенняя трава уже зазеленѣла вездѣ. Курагъ (родъ сливы, величиной съ виноградъ), миндальныя, персиковыя и другія фруктовыя деревья одѣлись сплошь въ розовый и бѣлый цвѣтъ. Бросались въ глаза грузинки, несшія, оригинальнымъ способомъ, за спиной кувшины полныя воды; онѣ держали ихъ черезъ голову обѣими руками. Грузинскіе крестьяне нисколько не напоминали собою горцевъ, видѣнныхъ нами въ Владикавказѣ; попадавшіеся изъ нихъ верхомъ также сидѣли на лошади и болтали ногами и локтями, какъ болтаютъ ими наши мужички-великороссы.

Проѣхавъ *Душетъ* и *Цилканы*, мы вечеромъ добрались до *Мцхета*, гдѣ, волей-неволей, должны были остаться ночевать, потому что лошадей не было. Это несчастье постигало здѣсь въ то время почти каждаго проѣзжаго: дорога расходится здѣсь на три тракта (тифлисскій, кутаисскій и владикавказскій), а троекъ на станціи полагалось тогда очень мало. Утѣшеніемъ служилъ буфетъ, въ которомъ можно было очень и очень изрядно поужинать. Осмотрѣвъ на другой день соборъ и другія мцхетскія достопримѣчательности, мы къ вечеру 19 марта въѣхали въ Тифлисъ, въ виду лежащаго влѣво, по ту сторону Куры, залигаго сплошь цвѣтами на фруктовыхъ деревьяхъ Муштайда.

ГЛАВА IV.

Отдѣленіе 1-е.

Отъ Тифлиса до Поти.

Сообщенія: между Поти и Тифлисомъ—желѣзная дорога (345 верстѣ); пароходы—отъ Орпири до Поти по Ріону (35 верстѣ).

Желѣзная дорога. *Замѣчательнѣйшіе на ней мосты:* 1) *чрезъ Куру*, близъ дер. *Дзегви*; 2) *чрезъ Куру*, близъ дер. *Дигами*; 3) мостъ въ *Бѣлогорахъ*; 4) *чрезъ Чхеремеру*, на 135-й верстѣ отъ Поти, длиною 22 сажени; 5) *чрезъ Квирилу*, на 96-й верстѣ, длиною 105 саж.; 6) *чрезъ нее же*, на 122-й верстѣ, длиною 35 саж.; 7) *чрезъ Ріонъ у Кутаиса*; 8) *чрезъ него же*, на 90-й верстѣ, длин. 128 саж.; 9) *чрезъ Цхенисъ-Цхали*, на 58-й верстѣ, длин. 46 саж. *Есть туннели въ Сурамскихъ горахъ*, но небольшіе.

Поти-Тифлисская желѣзная дорога

(по тифлисскому времени).

ТАРИФЪ.			Версты.	СТАНЦІИ.	Пассажиръскій I, II и III кл.	Товарно-пасс. II и III кл.
I класса.	II класса.	III класса.				
—	—	—	—	Поти	утра.	—
63	47	26	14	Челодиди	6 00	—
1 58	1 18	66	35	Ново-Сенаки	6 35	—
2 75	2 06	1 14	61	Самтреди	7 36	—
4 05	3 04	1 69	90	Кутаисъ (Сагоры)	8 37	—
5 31	3 98	2 21	118	Квирилы 15 м.	9 44	—
—	—	—	130	Дзерулы (полустанція)	10 55	—
6 26	4 69	2 61	139	Бѣлогоры	11 34	—
					12 07	—

—	—	—	146	Левгани (полустанція)	12 29	—
7 11	5 53	2 96	158	Бежугубани	—	—
—	—	—	167	Пони (полустанція)	—	утра.
7 79	5 84	3 24	173	Сурамъ	5 54	8 00
7 97	5 97	3 32	177	Михайлово-Кашури	6 12	8 43
9 05	6 78	3 77	201	Корели	7 08	10 05
9 81	7 36	4 09	218	Гори, 10 и 30 м.	7 52	11 26
10 44	7 83	4 35	232	Грахали	8 22	12 01
10 98	8 24	4 58	244	Каспи	8 59	—
11 61	8 71	4 84	258	Ксанка	10 00	1 00
12 11	9 08	5 04	269	Мцхетъ	10 43	3 01
12 56	9 42	5 23	279	Авчалы	11 16	4 06
13 01	9 75	5 42	289	Тифлисъ <i>прих.</i>	11 40	4 47
					ночи.	дня.

Тифлисъ-Поти.

—	—	—	—		вечера.	утра.
—	—	—	—	Тифлисъ <i>отх.</i>	9 30	9 25
— 45	— 34	— 19	10	Авчалы	9 55	10 13
— 90	— 68	— 38	20	Мцхетъ	10 35	11 15
1 40	1 05	— 58	31	Ксанка	11 06	12 03
2 07	1 55	— 86	46	Каспи	11 59	1 10
2 61	1 96	1 09	58	Грахали	12 26	2 03
3 20	2 40	1 33	71	Гори, 15 и 30 м.	1 08	3 13
3 96	2 97	1 65	88	Корели	1 47	4 14
5 04	3 78	2 10	112	Михайлово-Кашури	2 47	6 03
5 22	3 92	2 18	116	Сурамъ	—	6 16
—	—	—	122	Пони (полустанція)	—	вечера.
5 90	4 42	2 46	131	Бежугубани	7 55	—
—	—	—	144	Левгани (полустанція)	8 45	—
6 75	5 06	2 81	150	Вългоры	9 15	—
—	—	—	159	Дзерулы (полустанція)	9 52	—
7 74	5 81	3 23	172	Квирылы, 15 м.	10 58	—
9 00	6 75	3 75	200	Кутансъ (Сагоры)	12 08	—
10 31	7 73	4 29	229	Самтреди	1 15	—
11 43	8 57	4 76	254	Ново-Сенаки	2 15	—
12 38	9 28	5 16	275	Челодиди	3 06	—
13 01	9 75	5 42	289	Поти <i>прих.</i>	3 40	—
					дня.	

Примѣчаніе. Отъ Сурама до Бежугубани пассажиры перевозятся въ экипажахъ на особыхъ условіяхъ.

Тифлисская губернія начинается тотчасъ за Дарьяльскимъ ущельемъ и занимаетъ пространство въ 731 кв. миль, изъ которыхъ третья часть находится подъ лѣсомъ. Жителей въ ней около 600 тыс. душъ обоюго пола. Населеніе состоитъ: изъ русскихъ (православныхъ, сектантовъ и поселенныхъ отставныхъ солдатъ), грузинъ, армянъ, татаръ, тушинъ, пшавовъ, хевсуръ, осетинъ,

нѣмецкихъ колонистовъ, евреевъ, курдовъ, персіянъ, грековъ и турокъ. Самый большой процентъ населенія составляютъ грузины; за ними слѣдуютъ армяне, русскіе, татары, осетины; нѣмцы живутъ только въ Тифлисскомъ уѣздѣ. Губернія раздѣляется на 6 уѣздовъ: Тифлисскій, Душетскій, Телавскій, Сигнахскій, Горійскій и Ахалцихскій.

Грузины составляютъ часть *картвельскаго* племени, къ которому принадлежатъ также имеретины, мингрельцы и гурійцы. Всѣ эти народы до присоединенія ихъ къ Россіи управлялись отдѣльными и самостоятельными владѣтелями.

Картвельское племя занимаетъ долины Ріона и Куры, почти до самаго слиянія ея съ Алазанью, и прилегающіе къ этимъ рѣкамъ съ ихъ притоками южные и сѣверные склоны горъ.

Религія грузинъ православная. Епархіальный начальникъ и членъ свнода именуется *экзархомъ* Грузіи, архіепископомъ карталинскимъ и кахетинскимъ.

Грузія раздѣлялась на нѣсколько частей, изъ которыхъ главныя были: *Карталиня* (по долинѣ Куры и Арагвы), *Кахетія* (по долинѣ Алазани) и *Сомхетія* (нижняя Карталиня). Населеніе Ахалцихскаго уѣзда говоритъ также преимущественно грузинскимъ языкомъ, хотя, по завладѣніи краемъ турками въ 1625 г., вслѣдствіе невыносимыхъ гоненій, большинство жителей въ немъ и приняло исламъ. *Грузія* до поступленія подъ русское владычество постоянно подвергалась беспощаднымъ нападеніямъ сосѣдей. Персидскіе шахи для удержанія въ повиновеніи грузинскихъ парей заселяли многія ея провинціи сплошь татарами; армяне, спасаясь отъ персіянъ и турокъ, также переселились въ нее тысячами.

Въ Карталині многія села и деревни лишены садовъ, въ Кахетіи же, напротивъ того, тонуть въ зелени. Настоящія грузинскія деревни состоятъ изъ саклей, построенныхъ безъ всякаго порядка; улицъ въ нихъ не существуетъ; досчатый курятникъ и плетеный кузовъ на сваяхъ для кукурузы—необходимыя пристройки къ дому; ушедшія въ землю *гомурь* составляютъ помѣщеніе для рабочаго скота. Внутренность саклей мы описали, говоря объ аулѣ *Гилеты (станція Казбекъ)*. Главную и дорогую посуду составляютъ: *азарнеши* (похожія на нашу разливательную ложку; у богатыхъ онѣ бываютъ серебряныя); *кула* (узкогорлый кувшинъ изъ орѣховаго наплыва или грушеваго корня, крытый лакомъ) и *турій рогъ*, часто оправленный въ серебро. Всѣ эти сосуды служатъ для питья вина. Въ турій рогъ входитъ иногда до полтунги (*тунга*—5 бутылокъ). Мебель составляютъ сколоченныя изъ досокъ низкія нары (*тахта*). Баня составляетъ для грузина необходимое наслажденіе; въ ней происходитъ иногда цѣлый пиръ. Городскіе дома, разумѣется, отличаются отъ деревенскихъ: каждый изъ нихъ имѣетъ балконъ съ деревяннымъ навѣсомъ и огражденъ съ улицы заборомъ (не на главныхъ улицахъ и не вездѣ); отъ воротъ до дома тянется низкая крытая галлерей; жильѣ состоитъ изъ одного обширнаго покоя; въ стѣнахъ устроены каминны безъ рѣшетки (*бухары*), а гдѣ нѣтъ бухаровъ, тамъ употребляется жаровня (*мангалъ*); ниши съ дверями въ стѣнахъ замѣняютъ наши шкапы; переднихъ нѣтъ. Впрочемъ, въ городахъ въ настоящее время постройки эти все болѣе и болѣе вытѣсняются европейскими домами. Вечеромъ лѣтомъ все населеніе выходитъ изъ саклей и располагается или у дверей, или на плоскихъ крышахъ домовъ

туть ужинають, болтають или подь бубень (*дайра*) и непремѣнное хлопанье въ ладоши пляшуть лезгинку; ловкость и грація, выказываемыя танцующими въ этомъ танцѣ, не даромъ составляютъ славу грузинъ и грузинокъ.

Грузины страшные охотники попить, но непремѣнно въ компаніи. Пѣвецъ и *зурна* (дудка), напоминающая нѣсколько нашу (*жалейку*), съ глухимъ барабаномъ — неотъемлемая принадлежность каждаго праздника, ради котораго грузинъ готовъ истратитъ послѣднее; пирушка на чистомъ воздухѣ, если время благоприятствуетъ, предпочитается пирушкѣ въ домѣ. Компанію сначала обносятъ азарпешей, кулой, стаканами, а потомъ пускаютъ въ ходъ и турьи рога. Гости пьютъ за здоровье другъ друга: „Алла—верды“ (Богъ далъ) говоритъ грузинъ сосѣду, поднося къ губамъ кубокъ; — „якши-іюль“ (добрый путь—на здоровье), отвѣчаетъ тотъ, дѣлая тоже самое. Вина выпивается очень много, но грузины бывають пьяны очень рѣдко: „здѣсь—говорять—отъ материнскихъ сосцевъ прямо къ лапкѣ бурдюка“ (кожаный мѣшокъ для вина изъ шкуръ различныхъ животныхъ—отъ козла до буйвола); къ вину привыкають съ малолѣтства. Въ *Кажетіи* мать не уложитъ ребенка спать, пока не дастъ ему вина; десятилѣтній мальчикъ легко отличаетъ въ винѣ примѣсь воды. Въ этой благословенной части Грузіи вино не ставится ни во-что; еще не далеко то время, когда жители, изъ лѣни ходить за водой, умывались виномъ, готовили на немъ кушанье и обрызгивали имъ поля. Назадъ тому лѣтъ 25 даже въ городахъ *тунга*, т. е. 5 бутылокъ, продавалась по поль-абазу (абазъ 20 коп.). Въ настоящее время, съ развитіемъ торговли и разработкой дорогъ, *тунга* порядочнаго вина дошла до 1 р. с.

Нѣтъ сомнѣнiя, что возвышенiе цѣнъ на сельскiе продукты имѣеть прямымъ результатомъ развитiе благосостоянiя земледѣльческаго класса, но, съ другой стороны, возвышенiе цѣнъ на вино въ Грузiи имѣло и свою дурную сторону: простой народъ сталъ замѣнять вино водкой, и начало появляться пьянство, неизвѣстное до того времени. Женщины не принимаютъ участiя въ шумныхъ пирушкахъ: онѣ обѣдаютъ въ сторонѣ и, случается, тоже кутятъ на славу. Назадъ тому лѣтъ 30 въ Тифлисѣ была одна грузинка, по имени Гука, составившая себѣ славу тѣмъ, что истребляла невѣроятное количество кахетинскаго. Со всѣхъ сторонъ съѣзжались посмотреть на это диво и поспорить съ нею въ питьѣ, но однако же соперника не выискивалось во всей Грузiи, да и не было къ тому никакой физической возможности: Гука пила вино заразъ не тунгами, а ведрами, и ничуть не напивалась. Ведро она называла стаканомъ, а тунгу рюмкой. Это вошло въ пословицу, которую и теперь еще можно слышать въ Тифлисѣ.

Грузинки славятся своей красотой. Несмотря на замкнутость и даже рабское положенiе женщины въ семействѣ, всѣ труды по хозяйству лежатъ на попеченiи мужа. Это равнодушiе къ труду проистекаетъ не изъ природы грузинки, большею частiю живой и дѣятельной, а изъ боязливой ревности мужчины выводить свою жену на позорище чужихъ глазъ, чрезъ участiе ея въ занятiяхъ внѣ дома. Грузинки любятъ наряжаться; онѣ непрочь также посплетничать и готовы болтать цѣлый день безъ умолку, готовы, пожалуй, и пококетничать втихомолку, но далеки отъ настоящей интриги, да и отъ неугомонныхъ сосѣдокъ къ тому же нѣтъ возможности сдѣлать что-нибудь скрытно.

Съ ранняго утра грузинъ оставляетъ свой домъ и почти весь день проводитъ въ лавкахъ или на базарѣ, гдѣ часто, за неимѣніемъ дѣла, ограничивается переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее. Базаръ въ Закавказьѣ, также какъ и на всемъ востокѣ, есть центральный пунктъ всей дѣятельности и всѣхъ новостей. Какъ грузинъ, такъ и грузинка страшно суевѣрны и отличаются легковѣріемъ. Вообще грузинское племя принадлежитъ къ числу красивѣйшихъ, способнѣйшихъ и добродушнѣйшихъ племенъ на свѣтѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что чѣмъ болѣе цивилизація будетъ проникать въ Грузію, тѣмъ больше отрѣшится этотъ симпатичный народъ отъ недостатковъ, привитыхъ къ нему бѣдствіями, подобныхъ которымъ мало представляетъ исторія.

Достаточно вспомнить, что до водворенія русскаго владычества грузинскій народъ жилъ почти совсѣмъ безъ законовъ. Глава правосудія—царь руководствовался при разборахъ дѣлъ только собственнымъ произволомъ и обычаями востока. Часто за самую малую вещь, по его приказанію, виновному отрѣзали носъ, уши, отнимали имѣніе и заключали въ тюрьму. Суды по поводу чародѣйства были ужасны. Уложеніе царя *Вахтанга* было не болѣе, какъ сборникъ обычаевъ и правилъ, очень часто противорѣчившихъ другъ другу,—и притомъ уложеніе это ходило по Грузіи лишь въ рукописи и никогда не было напечатано. Въ 1801 г. во всей Грузіи отыскали его едва 3 экземпляра, да и тѣ неполные,—слѣдовательно, судились больше по мѣстнымъ обычаямъ. Въ уложеніи царя *Вахтанга* нашли мѣсто извлеченія изъ греческихъ и армянскихъ законовъ, книгъ Моисея, а также и законы варварскихъ народовъ,—напр., плата за убійство, рану, оправданіе раскаленнымъ желѣзомъ и

кипяткомъ. Грузинка не имѣла почти никакихъ юридическихъ правъ. Въ церкви мужчины стояли всегда впереди женщинъ; изъ этого правила не исключались даже и особы царскаго дома. Если женщинъ сопутствовалъ слуга, то онъ шелъ всегда впереди своей госпожи, чтобъ не нарушить уваженія къ мужскому полу. Раздѣлъ имѣнія между наслѣдниками признавался вреднымъ, хотя и не запрещался положительно. Въ 98 параграфѣ Вахтангангова уложенія говорится: „какое бы несогласіе ни возникло между братьями, дядями и племянниками и вообще между нераздѣльными родственниками, они ни могутъ раздѣлиться безъ царя или господина, который умиротворяетъ ихъ посредствомъ увѣщаній и отклоняетъ отъ раздѣла“. Этотъ законъ повелъ къ тому, что однимъ имѣніемъ владѣли нерѣдко цѣлыя фамиліи, подъ управленіемъ старшаго въ родѣ,—и понятно, какія злоупотребленія, ссоры, а нерѣдко и кровавыя расправы возникали изъ этого между нераздѣленными родственниками. Смертная казнь, отъ князя до раба, зависѣла единственно отъ царя, но вельможамъ предоставлено было право у людей имъ подвластныхъ выкалывать глаза, отсѣкать члены и проч. По этому можно судить, каково было положеніе рабовъ. Во главѣ правительственныхъ учрежденій стоялъ верховный царскій судъ. Въ немъ, подъ предсѣдательствомъ царя, присутствовали: царскій наслѣдникъ, царевичи, по царскому назначенію—и другіе члены. Дѣла ясныя рѣшалъ самъ царь; если же онъ были запутаны, то онъ передавалъ ихъ въ верховный судъ; впрочемъ, совершенно отъ произвола царя зависѣло поступить согласно приговору суда или иначе. Главою грузинскаго духовенства былъ *католкосъ*, избиравшійся царемъ, преимущественно изъ особъ цар-

скаго дома и посвящавшійся въ этотъ санъ соборомъ архіереевъ. Для земскаго управленія Грузія была раздѣлена на *моуравства*. Въ *моуравы* (съ судомъ или безъ суда) опредѣлялись царемъ князья и дворяне, изъ которыхъ многіе имѣли эту должность наследственно. Тифлискіе армяне, которые составляли главное населеніе города и держали въ рукахъ своихъ всю торговлю и ремесла, управлялись, согласно ихъ обычаю, своими *меликами* (то же, что моуровъ). Званіе мелика сдѣлалось во многихъ армянскихъ фамиліяхъ наследственнымъ именемъ, также какъ у грузинъ званіе эристава: отсюда и произошли многочисленныя княжескія армянскія фамиліи Меликовыхъ и грузинскія Эристовыхъ. Къ чести грузинъ надобно замѣтить, что тѣлесное наказаніе—такъ, какъ мы его понимаемъ—въ Грузіи не существовало; по крайней мѣрѣ, въ прежнихъ законахъ на него нѣтъ ни малѣйшаго указанія, и только въ военномъ уложеніи Ираклія II, изданномъ уже въ 1774 г., говорится: „если крестьянинъ въ первый день назначеннаго мѣсяца не явится къ намъ и не покажетъ себя готовымъ къ походу, его прогнать одинъ разъ сквозь строй—*по-русски*“. Но вообще прежнее правленіе въ Грузіи было деспотическое и жестокое до крайности. Чтобы дать болѣе ясное понятіе о томъ положеніи, въ какомъ находилась Грузія при вступленіи ея въ подданство Россіи, приведемъ отрывокъ изъ записки, составленной въ то время княземъ М. С. Воронцовымъ. „Грузины—говорится въ ней—такъ привыкли къ жестокому правленію своихъ царей, что кроткая, въ обыкновенныхъ случаяхъ, и на законахъ основанная власть російскихъ начальниковъ имъ кажется странною и болѣе отъ слабости, нежели отъ великодушія

происходящую. Многие изъ ихъ князей и знатныхъ дворянъ говорятъ, что Грузія не можетъ быть иначе управляема, какъ скорымъ и жестокимъ во всѣхъ дѣлахъ наказаніемъ. Медлительныя справки и законныя рѣшенія имъ кажутся непонятными и несносными; иной бы лучше хотѣлъ, чтобъ ему въ тотъ же день отрубилъ уши, нежели дожидаться нѣсколько мѣсяцевъ умѣреннаго наказанія. Князья и дворяне имѣютъ не болѣе понятія о порядкѣ и справедливости, какъ и простой народъ. Когда собирали дворянъ на выборы, никакъ нельзя было внушить имъ настоящаго понятія о ихъ дѣлѣ. За малѣйшею нуждою, или если кому стало скучно, они уходили изъ собранія домой и не возвращались. Другіе же, любуясь разноцвѣтными шарами для выборовъ, клали ихъ потихоньку въ карманъ и уходили; другіе, не имѣвъ права входить въ собраніе, вкрадывались и таскали шары, такъ что всякій разъ пропадала большая часть ихъ. Князю Циціанову нужно было въ одно время арестовать дворянина въ провинціи, но такъ какъ тамъ не было военной команды, онъ спросилъ у нѣкоторыхъ сосѣдей: не возмутся ли они за то, чтобъ взять его подъ караулъ; они отвѣчали, что арестовать его не могутъ, а что, если князь прикажетъ, то они его застрѣлятъ. Никакой Грузинъ не явится въ судъ иначе, какъ приведенный силою, и, сидя себѣ спокойно дома, не понимаетъ, какъ можно беспокоиться и идти туда, куда ему не хочется, по силѣ одного приказанія“.

По сословіямъ въ концѣ XVIII стол. грузины дѣлились на князей, дворянъ (*азнауровз*), купцовъ, *макалаковз* (мѣщанъ; купцы и макалаки были почти всѣ армяне, потому что грузины считали за стыдъ торговать), *амкаровз* (ремесленниковъ), дворовыхъ и крестьянъ. *Амкары*

дѣлились на цехи и имѣли свои значки и знамена, употреблявшіеся въ торжественныхъ церемоніяхъ; они управлялись выбранными изъ своей среды начальниками, называвшимися *уста-башими*. Амкарства и уста-баши существуютъ и въ настоящее время. Правительство не трогаетъ этого вѣковаго учрежденія, составляющаго — по словамъ кн. Барятинскаго — круговую поруку противъ нищеты, невѣжества и безнравственности своихъ членовъ; кромѣ того, амкарства, владѣя значительною общественною кассой, помогаютъ своимъ членамъ во время несчастій, болѣзней и проч.

Армяне составляютъ большинство торгующаго класса во всемъ Закавказьѣ, и можно сказать безъ преувеличенія, что почти вся здѣшняя торговля находится у нихъ въ рукахъ. Почти невѣроятно, но вмѣстѣ съ тѣмъ достовѣрно, что въ 1803 г. въ Тифлисѣ считалось до 2,700 домовъ, изъ которыхъ только 4 дома принадлежало собственно грузинамъ и пятнадцать грузинскимъ князьямъ, остальные же всѣ принадлежали армянамъ; такимъ образомъ, столица Грузіи составляла тогда вполнѣ армянскую собственность.

Арменія представляетъ плоскую возвышенность, по срединѣ которой возвышаются покрытые вѣчными снѣгами — большой и малый Араратъ. Часть мѣстности, занимаемой нѣкогда великою Арменіей, принадлежитъ въ настоящее время Россіи, а часть — Турціи. Преданія многихъ народовъ, также какъ и священная исторія, указываютъ, что, въ особенности, европейскія населенія вышли отсюда для занятія своихъ жилищъ, и, стало-быть, въ этомъ отношеніи Арменія есть интереснѣйшая страна древнѣйшей исторіи человѣчества. Араратъ, по священному писанію, сдѣлался колыбелью чело-

вѣческаго рода. Нинъ, Семирамида, Сезострисъ проникли или старались проникнуть отсюда на сѣверъ; Дарій и Ксерксъ прошли чрезъ Арменію на западъ, а Александръ Македонскій на востокъ; здѣсь прошли монголы и татары, подъ предводительствомъ Чингисъ-хана и Тамерлана; до этихъ мѣстъ проникали крестовосцы; въ продолженіе столѣтій здѣсь шла борьба магометанскихъ сектъ: шитовъ и суннитовъ; здѣсь же, наконецъ, въ новѣйшее время магометанство и азіатскій міръ, въ лицѣ Персіи и Турціи, боролись съ христіанскою Европой, въ лицѣ Россіи. Какая же роль суждена народу, обитающему на этомъ мировомъ театрѣ? Народъ этотъ первоначальный (или пришедшій изъ древней Ассиріи, по мнѣнію нѣкоторыхъ), чистой крови, съ высокими духовными и тѣлесными качествами, — въ продолженіе цѣлыхъ тысячелѣтій переносилъ вопіющее рабство и угнетеніе, большею частію со стороны народовъ, стоявшихъ ниже его, какъ въ умственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніяхъ. Малая часть армянскаго народа живетъ на родинѣ; большая часть его разсыяна по всей Азіи, Европѣ и частію Африкѣ, и, несмотря на то, армяне имѣютъ самую дружественную и крѣпкую связь съ родиной чрезъ неразрушаемое ничѣмъ средоточіе національнаго и религіознаго единства. Средоточіе это — *католікосъ* (патріархъ) всѣхъ армянъ, имѣющій мѣстопробываніе въ *Эчміадзинѣ*, монастырѣ, находящемся въ осьмнадцати верстахъ отъ Эривани, у подножія Алагеза. Эчміадзинъ составляетъ средоточіе, куда стекаются поклонники съ береговъ Ганга и Инда, Нила и Евфрата, Невы и Волги; прибывъ сюда, они братски протягиваютъ другъ другу руку, знакомятся между собою и вступаютъ въ союзъ. Разбросанные по тремъ частямъ свѣта, армяне, благо-

даря своему религіозному устроюству, нигдѣ не потеряли національности и не слились съ народами, посреди которыхъ они живутъ. Въ этомъ отношеніи ихъ можно сравнять съ евреями, вѣчнымъ народомъ, отмѣченнымъ перстомъ божіимъ и составляющимъ величайшую загадку всемірной исторіи. Благодаря своему религіозному устроюству, служащему вмѣстѣ съ тѣмъ и устроюствомъ политическимъ, евреи тѣсно связаны между собою въ продолженіе почти 2,000 лѣтъ и не утратили единства, не имѣя никакого видимаго средоточія и никакой видимой главы.

На армянъ можно смотрѣть двояко: торговцы ихъ, не живущіе на родинѣ, дѣятельны, предприимчивы, но также часто слывятся и за самыхъ ненадежныхъ корыстолюбцевъ. Извѣстно, какъ они, мало-по-малу, покупкою, арендою, залогодательствомъ и проч. присвоиваютъ себѣ имущество живущихъ съ ними народовъ, за что и крайне нелюбимы, подобно евреямъ. Вся дѣятельность ихъ устремлена единственно на приобрѣтеніе денегъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они достойны всякаго уваженія въ ихъ домашнемъ быту. Живущіе на родинѣ крестьяне отличаются честностью, вѣрностью и благородствомъ: „Мнѣ неизвѣстенъ народъ,—говоритъ бар. Гакстгаузенъ,—въ которомъ семейныя узы были бы тѣснѣе и крѣпче, чѣмъ у армянъ. Нерѣдко у осьмидесяти-лѣтняго патріарха живутъ цѣлыхъ три поколѣнія; раздѣла нѣтъ и никто не приобрѣтаетъ для себя; труды и выгоды—все въ пользу семьи. Есть дворы, въ которыхъ семейства состоятъ изъ 40—50 членовъ. Раздѣлъ начинается лишь между внуками“. Въ домашней жизни, въ личныхъ сношеніяхъ съ другими армянинъ, говоря вообще, расчетливъ и даже скупъ; но, любя горячо свою родину, какъ богатый, такъ и бѣдный считаютъ своею непремѣнною обязан-

ностью жертвовать, по возможности, на образовательныя и благотворительныя національныя учрежденія: училища, госпитали и многія другія общественныя армянскія учрежденія содержатся на счетъ добровольныхъ пожертвованій. „Исторія народовъ—говоритъ Дюлорье— есть лучшій законъ, лучшее доказательство того, что патриотическое чувство у народа, потерявшаго свою самобытность, гораздо сильнѣе, чѣмъ между населеніемъ самобытныхъ и самостоятельныхъ государствъ: первый старается пріобрѣсти то, что послѣдній уже имѣетъ и потому не цѣнитъ“.

Послушаніе семейное, составляющее крѣпкую связь и продолжительное согласіе между живущими вмѣстѣ пятью или шестью молодыми женщинами, возможно у армянъ вслѣдствіе особеннаго, строгаго воспитанія ихъ женскаго пола, хотя это воспитаніе нельзя назвать ни рабствомъ, ни угнетеніемъ. Армянскія жены никогда не употребляютъ въ тяжкія работы; даже крестьянинъ такъ нѣжно любитъ свою жену, что ни за что не подвергнетъ ее дѣйствию палящихъ лучей солнца.

Армяне *по религіи* принадлежатъ къ армяно-григоріанской церкви (*св. Григорій*, просвѣтитель Арменіи, жилъ въ половинѣ III столѣтія), рѣзко отличающейся отъ другихъ христіанскихъ исповѣданій. Небольшое число исповѣдуетъ римско-католическую вѣру. Армянская набожность доводитъ иногда посты до совершеннаго умерщвленія плоти.

Въ настоящее время *число армянъ, живущихъ въ Россіи*, полагають крайне различно: одни доводятъ ихъ численность до 1.200,000, другіе только до 500,000. Населеніе армянской области очень пополнилось армянами, выходцами изъ Персіи и Турціи послѣ войнъ 1827 и 29

годовъ. Въ Тифлисскомъ уѣздѣ армяне составляютъ 34⁰/₁₀₀ населенія, тогда какъ грузины составляютъ всего 32⁰/₁₀₀.

Татары, составляющіе большинство населенія въ Закавказьѣ (въ Елизаветпольской и Бакинской губ.), въ Тифлисской губерніи составляютъ только небольшой процентъ жителей; большая часть ихъ живетъ въ Тифлисскомъ уѣздѣ, но и въ немъ они не превышаютъ 13⁰/₁₀₀. Характеръ татаръ достаточно извѣстенъ, и мы о немъ много распространяться не будемъ; подъ управленіемъ хановъ кавказскій татаринъ развился во всей своей полнотѣ.

Закавказскіе татары раздѣляются на осѣдлыхъ (изъ которыхъ многіе живутъ очень зажиточно) и полукочевыхъ (*тарахлама*); скажемъ нѣсколько словъ о послѣднихъ.

Кочующій татаринъ, съ наступленіемъ жаровъ, отправляется въ горы, а въ холодъ — спускается въ долины, находя такимъ образомъ постоянно новую траву и пастбища. Этотъ образъ жизни, вполне удовлетворяя лѣни татарина, доставляетъ ему возможность безъ всякаго труда содержать значительныя стада рогатаго скота, составляющія все его богатство; зиму онъ сидитъ въ своихъ зимнихъ помѣщеніяхъ (*кишлагахъ*), ничего не дѣлая или стругая отъ скуки палочку и мечтая о томъ, когда настанетъ блаженное время его скитаній. Назначеніе дня подъема зависитъ отъ рѣшенія совѣта старшинъ. Кочевка, кажущаяся, съ перваго взгляда, беспорядочной, подчинена строгой системѣ и находится въ зависимости отъ подножнаго корма. Единственная забота кочевыхъ татаръ о своихъ стадахъ подала поводъ туземцамъ называть ихъ: *коино-нукеръ* (слуга барановъ). Кочуя, татаринъ не имѣетъ никакого уваженія къ чужой

собственности: онъ воруетъ, грабитъ, топчетъ посѣвы и сѣнокосы осѣдлыхъ жителей. Запасшись лѣтомъ чужимъ добромъ, осенью татаринъ возвращается въ свое зимнее логовище и проводитъ зиму точно также, какъ провелъ и предъидущую. Фигура татарина, просиживающаго по цѣлымъ днямъ съ кальяномъ въ рукахъ, съ поджатыми ногами, съ неопредѣленно устремленнымъ взглядомъ, съ выраженіемъ апатіи на лицѣ— знакома всякому. Гостепріимство татаръ есть слѣдствіе празднои жизни и жажды къ новостямъ, хотя бы и вымышленнымъ. Скачка, джигитовка и пляски составляютъ ихъ любимѣйшія занятія, и ловкость ихъ доходитъ иногда до невѣроятія. Въ характерѣ татарина нѣтъ ничего постояннаго и опредѣленнаго, онъ словоохотливъ, ловокъ въ обращеніи, пронырливъ, льстивъ и, по наружности, всегда преданный другъ, несмотря на недавнее знакомство; въ характерѣ его странное сочетаніе дурныхъ и хорошихъ началъ, „но— говорить *г. Шопенъ*—хорошія преобладаютъ, и можно думать, что татары были бы очень близки слиться съ русскими, если бы посредничество между двумя народами, не принимали на себя *армяне*, извлекавшіе изъ этой роли важныя для себя выгоды, получая, съ одной стороны, деньги за мнимое покровительство, а съ другой— награды и почести; убытка же *армяне* не могли имѣть ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ въ распряхъ лилась не армянская кровь, а между тѣмъ нужны были поставки хлѣба, лазутчики и проч. Симпатія русскихъ къ татарамъ обнаруживается и въ томъ, что, по прибытіи въ мусульманскія провинціи, мы очень скоро изучаемъ звучный ихъ языкъ, между тѣмъ какъ поставленные ближе по вѣрѣ *армяне* не могутъ научить насъ двумъ словамъ изъ ихъ неудобопроизносимаго языка и служатъ только

факторами. Тамъ, гдѣ не было этого факторства, гдѣ татаринъ не скитался, а велъ осѣдлую жизнь, гдѣ его трудъ и собственность были болѣе обезпечены, гдѣ онъ не имѣлъ нужды прибѣгать къ изворотамъ, лжи и обману — тамъ и характеръ его развивался въ хорошую сторону“.

Угнетеніе женщины и деспотическое обращеніе съ нею мужчинъ были причиною появленія такъ называемаго *женскаго корана*, конечно, совершенно противнаго корану Магомета, главнаго виновника униженія женщины и того жалкаго, рабскаго положенія, въ которомъ она находится до настоящаго времени въ мусульманскомъ мірѣ. Съ другой стороны, подобный коранъ долженъ быть далеко не по-вкусу мужчинѣ, — и дѣйствительно, по словамъ издателя корана, мужья съ ужасомъ узнали „про цѣлый міръ адскихъ коварствъ и самыхъ демоническихъ происковъ своихъ дражайшихъ половинокъ — этого гнуснаго отродья!“ Женщины законодательницы пустили въ ходъ тѣ невидимыя силы, которыя составляютъ ихъ особенности и противъ которыхъ мужчина борется почти не въ состояніи. Женскій коранъ скоро сталъ извѣстенъ всѣмъ послѣдователямъ шіитской секты, и каждая изъ женщинъ знаетъ его, если не весь, то, по крайней мѣрѣ, главнѣйшія мѣста. По характеру же своему, татарка чрезвычайно добра, попечительна о бѣдныхъ, гостепріимна и не прочь пококетничать, какъ большая часть особъ женскаго пола.

Во время существованія въ Закавказьѣ ханствъ въ нихъ былъ одинъ законъ — это воля хана. Татарское населеніе раздѣлялось на слѣдующія сословія: *беки* (дворяне), *аги или агалары* (лица, происшедшія отъ ханскихъ поколѣній и въ сущности ничѣмъ не отличавшіяся отъ

бековъ), *моабфы* (лица, избавленные отъ податей и повинностей), *моабфы-нукеры* (охранная стража при ханахъ), *поселяне* (раздѣлявшіеся на казенныхъ и на принадлежавшихъ бекамъ), *речбиры* (работники, тоже казенные и владѣльческіе) и *купцы*. Представителями духовенства въ ханствахъ были: *шейхъ-уль-исламъ* (глава вѣры), *муджтеиды*, иначе *муштаиды* (у шіитовъ) и *муфти* (у суннитовъ), *кази* (собственно не духовное лице, но принадлежавшее къ этому званію, какъ членъ шаріата; иногда они исполняли должности полицеймейстеровъ); далѣе слѣдовали: *муллы* (священники), *дервиши*, *факиры* и проч. Какъ извѣстно, у всѣхъ мусульманъ духовенство сосредоточило въ своихъ рукахъ части: духовную, гражданскую, уголовную и народное просвѣщеніе, завѣдуя училищами (*медрессе*).

Русскіе сектанты (*молокане, духоборцы, общіе, припунны* и проч.), числомъ до 25 тыс., стали селиться въ Закавказьѣ съ 1835 г.; большею частію это были ссылки за распространеніе ереси; имъ назначены были города: Нуха, Шемаха, Куба, Шуша, Ленкорань, Нахичевань, Ордубать, Ахалцихскій и Тифлисскій уѣзды. Распространяться здѣсь обо всѣхъ этихъ сектахъ мы считаемъ излишнимъ; скажемъ только, что сектанты эти крѣпко держатся русской народности и отличаются (преимущественно *молокане* всѣхъ толковъ) опытностью въ хозяйствѣ, трезвостью и стойкостью въ данномъ словѣ; почти всѣ они грамотны. Молокане, кромѣ земледѣльства, занимаются также извозомъ, и подрядная часть въ Закавказьѣ находится у нихъ въ рукахъ.

Нѣмецкіе колонисты, живущіе въ Тифлисѣ, въ нѣмецкой слободѣ, земледѣліемъ не занимаются; они покинули его для отдачи своихъ домовъ, садовъ и для

разныхъ сподручныхъ, болѣе или менѣе выгодныхъ ремесль. Хозяйство же, въ смыслѣ подгороднаго фермерства, для нихъ въ настоящее время побочная статья.

О тушинахъ, пшавахъ и хевсурахъ мы говорили выше. Распространяться объ остальныхъ народностяхъ, живущихъ въ небольшомъ количествѣ въ Тифлисской губерніи, мы не считаемъ необходимымъ.

Т и ф л и с ь .

Исторія Тифлиса. Центромъ Карталиніи съ древнѣйшихъ временъ было небольшое селеніе, изобилующее теплыми источниками и называвшееся *Тбилиси* (Тбили —теплый); впоследствии названіе это передѣлано было въ Тифлисъ. Въ 469 г. царь *Вахтангъ Гургасланъ* основалъ самый городъ, причемъ раздѣлилъ его на три части: собственно *Тифлисъ*, возлѣ минеральныхъ источниковъ, *Калу* или крѣпость и *Исани* (нынѣ Авлабаръ), отдѣляющуюся отъ Тифлиса и Калы рѣкой Курой. Этимъ же царемъ былъ начатъ и *Сіонскій соборъ*, строившійся 64 года. Сіонъ расположенъ былъ въ центрѣ города, по близости царскаго дворца, стоявшаго на томъ мѣстѣ, гдѣ впоследствии, въ 1638 г., былъ построенъ дворецъ Ростома (нынѣ не существующій). Къ западу отъ центра города возвышалась высокая гора, названная въ IX ст. *Мтацминдою* (святою горою) и прославленная подвигами св. *Давида*, одного изъ сирійскихъ отцевъ, пришедшихъ въ Грузію въ VI вѣкѣ. Давидъ этотъ, извѣстный подъ именемъ *Гареджійскаго*, жилъ на скатѣ Мтацминды (гдѣ нынѣ церковь св. Давида) и отсюда поучалъ народъ истинамъ христіанскаго ученія. О крѣпости Тифлисской, съ цитаделью въ Калѣ, тоже упоминается въ лѣтописяхъ, причемъ видно, что старинная

крѣпость, называемая часто *трономъ шаха*, построена была какимъ-то персидскимъ полководцемъ въ концѣ IV вѣка. Персы, обложивъ Грузію данью, передали крѣпость царю. Впослѣдствіи царь *Дача*, окружившій Тифлисъ стѣнами, прибавилъ къ укрѣпленіямъ пристройки для обороны. Въ *Метехской цитадели*, составлявшей пристройку крѣпости, былъ построенъ царскій дворецъ со всѣми службами. Армянскій писатель *Ухтанесъ*, жившій въ VI вѣкѣ, называетъ Тифлисъ великою и чудесною метрополіей, замѣчательною своими постройками, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаетъ Сіонскій соборъ. При арабахъ Тифлисъ имѣлъ свою обсерваторію и считался третьимъ городомъ за Кавказомъ. Окруженный двойными стѣнами, онъ былъ расположенъ по отлогостямъ береговъ Куры; плоскія крыши домовъ образовали террасы, шедшія почти въ уровень съ покатою горю. Горячіе сѣрные источники составляли богатство города, но банями при нихъ пользовались исключительно только одни мусульмане.

Много невзгодъ приходилось вытерпѣть Тифлису; такъ, напр., въ концѣ XIII стол., при царицѣ *Гусуданнъ*, харасанскій султанъ *Джесалъ-эддинъ* пять дней неистовствовалъ надъ несчастнымъ городомъ, и, по словамъ лѣтописца, весь край былъ такъ опустошенъ, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ цитаделей, въ немъ не осталось ни одного жилища.

Но ничто не можетъ сравняться съ тѣми ужасами и тѣмъ опустошеніемъ, которымъ подвергся Тифлисъ 78 лѣтъ тому назадъ, въ царствованіе Ираклія II, при нашествіи персидскаго шаха *Ага-Магометъ-хана* въ 1795 г. Личность этого изверга, страшная картина разоренной столицы и всего края послѣ варварскаго на-

шествія персіянъ и вообще тогдашнее положеніе Грузіи такъ великолѣпно описаны г. Дубровинымъ, что мы не можемъ утерпѣть, чтобы не привести вполнѣ этого описанія.

„Маленькій ростомъ и сухощавый *Ага-Магометъ-ханъ* издали казался мальчикомъ 14 или 15 лѣтъ. Сморщенное и безбородое лицо дѣлало его похожимъ на старую, опустившуюся тѣломъ женщину, а выраженіе чертъ лица, которыя никогда не были пріятны, придавало ему ужасный видъ при неудовольствіи или гнѣвѣ, что случалось весьма часто. Ненависть и кровавая злоба сверкали въ глубоко вдавленныхъ глазахъ его, которые, при внутреннемъ волненіи, какъ будто бы обливались багровымъ мерцаніемъ. Проницающій взглядъ Ага-Магометъ-хана охватывалъ трепетомъ тѣхъ, на кого онъ смотрѣлъ, а презрительная улыбка тонкихъ и постоянно сжатыхъ губъ шаха выражала полное и глубокое презрѣніе ко всему окружающему его. Высокая остроконечная шапка изъ черныхъ смушекъ покрывала его бритую голову, придавая мертвенный видъ желтому, безбородому и морщинистому лицу, свидѣтельствовавшему о томъ протівоестественномъ увѣчьѣ, которое, будучи нѣкогда совершенно надъ шахомъ—ребенкомъ, сдѣлало изъ него, въ зрѣломъ возрастѣ, ненавистника всего человѣчества. Изуродованный телѣсно, шахъ сталъ извергомъ нравственнымъ. Бранныя остатки *Надиръ-шаха*, виновника увѣчья Ага-Магомета, сложилъ онъ подъ плиты корридора, ведущаго въ сераль, чтобъ имѣть возможность ежедневно попирать ногами ненавистный ему прахъ; точно также желалъ бы онъ уложить въ одну гробницу весь родъ человѣческой, чтобъ цѣлое человѣчество презрительно попирать ногою. Господствующая страсть въ его

поблекшей душѣ была властолюбіе, вторая—скупость, третья—мщеніе. Всѣмъ имъ онъ предавался въ крайней степени, въ особенности послѣдней. Ага-Магометъ-ханъ отличался жестокостью отъ всѣхъ бывшихъ властителей Персіи. Слово пощады, милости и человѣколюбія никогда не выходило изъ устъ властителя-евнуха, давно привыкшаго къ выраженіямъ ненависти, злобы и безчисленныхъ казней. Евнухъ Надира, Ага-Магометъ-ханъ, послѣ его смерти сдѣлался шахомъ и въ послѣдствіи самъ былъ умерщвленъ любимымъ своимъ слугою. Съ самаго малолѣтства Агою-Магометъ-ханомъ овладѣли честолюбіе и мысль о возвышеніи, которую онъ преслѣдовалъ всю свою жизнь съ рѣдкимъ постоянствомъ и неутомимымъ стремленіемъ. Сухой тѣломъ, Ага-Магометъ-ханъ пріучилъ себя къ воздержанію и дѣятельной жизни. Осмнадцать лѣтъ онъ уже велъ войну на пути къ персидскому престолу. Вотъ этотъ-то Ага-Магометъ-ханъ, послѣ завоеваній многихъ ханствъ, десятаго сентября 1795 года и подошелъ къ Тифлису.

„Авангардъ его былъ разбитъ грузинами. Одержанная побѣда не помѣшала однако персіянамъ на слѣдующій день двинуться на штурмъ города.— „Я не помню—проговорилъ во время боя владѣтель Персіи—чтобы когда либо враги мои сражались съ такимъ мужествомъ.“ За всѣмъ тѣмъ, непріятель ворвался въ Тифлисъ, оставленный жителями. *Ираклій* черезъ Авлабарскій мостъ бѣжалъ къ берегамъ Арагвы. Когда царевичъ *Давидъ* увидѣлъ, что толпы непріятелей занимаютъ городъ, когда онъ свѣдалъ, что царь покинулъ всю столицу, то тоже рѣшился отступить къ сѣверу, въ горы. Узкими тропинками проникъ онъ туда и черезъ три дня прибылъ на Арагву въ Мтіулеты, съ намѣреніемъ не покидать своего

дѣда, пока персіяне не уберутся во-свояси. Ага-Магометъ-ханъ овладѣлъ Тифлисомъ. Будучи укрѣпленъ и имѣя на своихъ стѣнахъ до 35 орудій, Тифлисъ, конечно, могъ бы быть легко обороненъ отъ непріятели, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи очень незначительную артиллерію, состоявшую всего изъ двухъ дрянныхъ пушекъ. По крайней мѣрѣ, при тѣхъ средствахъ, которыя имѣли грузины, взятіе Тифлиса могло быть отсрочено на довольно продолжительное время. Но подданные царя Ираклія, не жалѣя ни его, ни имущества, не думали объ оборонѣ, а надѣялись только, какъ писалъ Ираклій, на однѣ руки россійскія. Самъ царь не могъ собрать болѣе 1,500 человекъ, съ которыми думалъ защищать городъ, хотя давно были извѣстны ему и всей Грузіи непріязненные противъ нея предпріятія Ага-Магометъ-хана и было болѣе четырехъ мѣсяцевъ на приготовленія. Въ городѣ сдѣлалось страшное смятеніе. Жители искали спасенія въ бѣгствѣ. Еще предъ самымъ нашествіемъ персіянь царица *Дарья* уѣхала въ горы къ Анауру, и за нею все также побѣжало изъ Тифлиса въ горы; нѣкоторые жители достигли даже до Моздока. Никто не заботился о защитѣ города, а, напротивъ того, каждый искалъ спасенія въ бѣгствѣ, стараясь удалиться какъ можно далѣе отъ театра военныхъ дѣйствій.

„*Соломонъ*, царь имеретинскій, также ушелъ въ горы вслѣдъ за своими войсками. Царевичи всѣ разбѣхались, кто куда попало, и старшій сынъ Ираклія и его наслѣдникъ *Георгій* хотя и собралъ войско, но стоялъ безъ соединенія съ родителемъ въ Кахетіи.

„Еще до приближенія Ага-Магометъ-хана Ираклій убѣдительно просилъ Георгія и другихъ царевичей по-

спѣшить присылкою ему войска. *Георгій* торопился исполнить просьбу отца. Онъ формировалъ войска въ Сигнахѣ, отправлялъ ихъ изъ города, но грузины, не заботясь о защитѣ отечества, возвращались назадъ окружными дорогами и расходились по домамъ, чтобъ успѣть собрать съ полей хлѣбъ, сдѣлать вино и тѣмъ доставить семействамъ своимъ пропитаніе. Въ окрестностяхъ Тифлиса начались опустошенія. По дорогамъ открылись разбои и грабежи. Бѣжавшіе грузины начали убивать другъ друга, чтобъ захватить чужое имущество. Такъ почти всегда водилось въ тамошнихъ мѣстахъ.

„Извѣстіе о паденіи Тифлиса скоро достигло и до Сигнаха. Городскіе жители стали также оставлять городъ и искать спасенія въ бѣгствѣ; долженъ былъ бѣжать и *Георгій*, будущій царь Грузіи. Сундуки его (*яхтанги*) были уже навьючены на лошадахъ, когда народъ узналъ о желаніи царевича оставить ‘Сигнахъ. Собравшись огромною толпою вокругъ его дома, грузины кричали *Георгію*, что они его не пустятъ. Они упрекали его въ томъ, что „умѣлъ ихъ быками, баранами и виномъ довольствоваться, а когда пришла опасность, то хочеть ихъ бросить.“ — „Такъ нѣтъ же, повторяли они въ одинъ голосъ, теперъ мы тебя не выпустимъ; умирай вмѣстѣ съ нами! Когда будутъ рубить наши головы, то пусть срубятъ и твою!“ *Георгій* просилъ сигнахцевъ отпустить его изъ города, но народъ не только не слушалъ его просьбъ, а, напротивъ того, приставилъ къ его дому карауль. Царевичу оставалось одно средство подкупить караульныхъ, въ чемъ онъ и успѣлъ, простившись однажды навсегда съ своимъ имуществомъ. Въ одномъ кафтанѣ онъ бѣжалъ въ Телавъ.

„*Мухетъ* былъ также выжженъ персіянами, которые

хотѣли сжечь и знаменитый мхетскій храмъ, но были остановлены начальникомъ отряда, нахичеванскимъ ханомъ. — „Не слѣдуетъ осквернять святыню и гробъ царей,“ сказалъ онъ своимъ войскамъ. Монастырское имущество было разграблено, и повсюду валялось множество убитыхъ. Монахи всѣ разбѣжались, предоставивъ расхищенію монастырскія богатства. Намѣстникъ и монашествующіе, при побѣгѣ своемъ, спрятали монастырскія сокровища въ потаенномъ мѣстѣ, внутри стѣны, въ которой отверстіе сдѣлано было въ самомъ верху и закладывалось такимъ же камнемъ, какъ и прочіе. Но, спрятавъ ихъ, по торопливости или по простотѣ, монахи оставили у того самаго мѣста лѣстницу, и это подало поводъ догадаться персіянамъ, что тутъ есть скрытыя сокровища, которыя и были похищены ими безъ остатка.

„Тифлисъ былъ разрушенъ почти до основанія, Авлабарское предмѣстье выжжено, мостъ чрезъ Куру также сожженъ, и во всемъ предмѣстьи только одинъ домъ мелика, князя Бебутова, уцѣлѣлъ отъ пожара.

„Въ теченіи шести дней городъ былъ разоряемъ персіянами. Ага-Магометъ-ханъ вступилъ въ Тифлисъ въ сопровожденіи Джаватъ-хана ганжинскаго, показавшаго ему дворець Ираклія. Шахъ осмотрѣлъ всѣ внутренніе покои, присвоилъ себѣ всѣ сокровища и украшенія, которыя ему понравились, и затѣмъ отдалъ остальные богатства на расхищеніе своему войску, которому прежде всего приказалъ ограбить и разрушить христіанскіе храмы. Узнавъ существованіи въ Тифлисѣ царскихъ бань, Ага-Магометъ-ханъ отправился осмотрѣть ихъ; построенныя изъ твердаго камня и мрамора, онѣ понравились ему своимъ устройствомъ и богатствомъ. Онъ съ охотою и удовольствіемъ нѣжился въ нихъ и искалъ въ теп-

лыхъ струяхъ воды исцѣленія отъ болѣзней, но не нашелъ и приказалъ разрушить бани. Изъ бань онъ отправился въ арсеналь, забралъ оружіе, а все остальное приказалъ разрушить и уничтожить. Ага-Магомедъ-ханъ, боясь располагаться на ночь въ самомъ городѣ, сталъ лагеремъ при мѣстечкѣ *Саганлугъ*. Съ каждымъ разсвѣтомъ дня толпы персидскаго войска вмѣстѣ съ своимъ повелителемъ устремлялись въ столицу Грузіи. Тамъ персіяне предавались вполнѣ неистовству. Они отнимали у матерей грудныхъ дѣтей, хватали ихъ за ноги и разрубали пополамъ съ одного раза, для того, чтобы попробовать, хороши ли ихъ сабли; хватали женщинъ и уводили ихъ въ свой лагерь. Дорога за банными воротами была усѣяна дѣтьми моложе трехлѣтняго возраста, которыя, будучи брошены мусульманами, плакали по своимъ матерямъ. Выставивъ на мосту чрезъ Куру икону Богоматери, персіяне заставляли грузинъ издѣваться надъ этимъ образомъ, ослушниковъ же бросали въ Куру. Рѣка была загромождена трупами. Изъ одной столицы было выведено болѣе 3,000 душъ, изъ другихъ же мѣстъ уведено: до 10 тысячъ персіянами, до 10 тысячъ союзниками имеретинами и другими сосѣдями и, наконецъ, столько же разбѣжалось въ Ахалцихъ и Карсъ отыскивать тамъ безопаснаго убѣжища. Помощь имеретинъ была столько же гибельна для Грузіи, сколько и самое вторженіе непріятеля. Мало того, что имеретины бѣжали отъ непріятеля, они, кромѣ того, на пути своего бѣгства грабили, разоряли Карталинію и уводили въ плѣнъ тысячи беззащитныхъ семействъ. Въ дымящихся развалинахъ Тифлиса, блуждали по ночамъ, какъ тѣни, кахетинцы, приходившіе отыскивать или свое имущество, или средствъ къ пропитанію.

„Пройдя въ Тифлисъ чрезъ Тапитагскія ворота, говоритъ современникъ, я еще болѣе ужаснулся, увидѣвъ даже женщинъ и дѣтей, посѣченныхъ мечемъ непріятеля, не говоря уже о мужчинахъ, которыхъ въ одной башнѣ нашель я на глазомѣрь болѣе тысячи труповъ. Бродя по городу до Ганжинскихъ воротъ, я не встрѣтился ни съ однимъ живымъ человѣкомъ, кромѣ нѣкоторыхъ измученныхъ стариковъ, надъ которыми непріатели, допрашивая, гдѣ есть у нихъ богатство или деньги, дѣлали различныя тиранства. Городъ почти былъ выжженъ и еще дымился, и воздухъ отъ гнѣющихся убитыхъ тѣлъ, по жаркому времени, былъ совершенно неносенъ и даже заразителенъ. Исторіографъ Ага-Магометъ-хана сознается, что, при разореніи Тифлиса, храброе персидское войско показало невѣрнымъ грузинамъ примѣръ того, чего они должны ожидать себѣ въ день судный. Отряды персіянъ бродили по всей верхней Карталиніи и возвращались, не находя нигдѣ ни людей, ни стадъ, не поживившись добычей. Разоренный народъ, за неимѣніемъ хлѣба, питался орѣхами и травою. Царь *Ираклій*, захвативъ съ собою мощи святыхъ угодниковъ и нѣкоторыя вещи, сначала укрылся въ Мтіулетскую провинцію, а потомъ въ Анануръ.

„Увѣряемъ ваше высокопревосходительство—писаль онъ графу Гудовичу—что приобрѣтенное какъ нашими предками, такъ равно и нами, имущество, пожалованное отъ всемилостивѣйшей государыни: корона, скипетръ, порфіра, знамя, пушки, также дѣтей и вѣрноподанныхъ нашихъ имѣніе, отъ святыхъ церквей драгоцѣнные образа, кресты, ризница и прочая церковная утварь—словомъ сказать, все тифлиское богатство попало въ руки врага“.

„По отступленіи шаха, укрывавшіеся за Анануромъ и Душетомъ жители стали выходить въ селенія. Въ *Анануръ* собрался огромный кочующій лагерь. Пришельцы проводили дни и ночи подъ открытымъ небомъ, безъ одежды, безъ пропитанія; каждый недосчитывался кого нибудь въ своемъ семействѣ, и со всѣхъ сторонъ вошли и стоны оглашали улицы.

„Въ полуразрушенномъ старинномъ ананурскомъ монастырѣ, въ ветхой кельѣ, бывшей въ углу монастырской ограды, можно было видѣть человѣка, сидѣвшаго лицомъ къ стѣнѣ и покрытаго простымъ овчиннымъ тулупомъ. Человѣкъ этотъ, нѣкогда гроза всего Закавказья, былъ царь Грузіи *Ираклій II*. Подлѣ него стоялъ старый армянинъ слуга.— „Кто сидитъ въ углу?“ спрашивали проходившіе.— „Тотъ, котораго ты видишь — отвѣчалъ со вздохомъ армянинъ— былъ нѣкогда въ большой славы, и имя его уважалось во всей Азіи. Онъ былъ лучший правитель своего народа. Какъ отецъ, онъ старался о благоденствіи его и въ теченіи 40 лѣтъ, до сего времени, умѣлъ сохранить цѣлость своего царства; но старость, лишившая его силъ, положила всему конецъ и преграду. Чтобы отвратить раздоры и междоусобія въ семействѣ своемъ, могущія послѣдовать послѣ его смерти, онъ думалъ сдѣлать послѣднее добро народу своему и для лучшаго управленія раздѣлилъ царство по частямъ. Несчастный царь *Ираклій* ошибся въ своихъ надеждахъ. Бывшій евнухомъ *Тамасъ-Кули-хана* (шахъ *Надира*) въ то время, когда *Ираклій* носилъ званіе военачальника Персіи, пришелъ нынѣ побѣдить немощную его старость. Собственныя дѣти отказались помочь ему и спасти отечество, потому что ихъ было много, и всякій изъ нихъ думалъ, что будетъ стараться

не для себя, а для другаго. Царь Грузіи принужденъ былъ прибѣгнуть къ царю Имеретіи, но если ты былъ въ Тифлисѣ, то, конечно, видѣлъ весь позоръ, какой представляли тамъ войска его. Ираклій съ горстью людей сражался со ста тысячами и лишился престола отъ того, что былъ оставленъ безъ жалости дѣтми своими— и кому же на жертву?—евнуху, челоуѣку, который прежде раболѣпствовалъ передъ нимъ. Померѣла долготѣнная слава его; столица обращена въ развалины, а благоденствіе народа его—въ погибель! Вотъ подъ этой стѣною видишь ты укрывающагося отъ всѣхъ людей, славнаго царя Грузіи, безъ помощи и покрытаго только овчинною кожей! Царедворцы и всѣ находившіеся при немъ ближніе его природные подданные, которыхъ онъ покоилъ и питалъ на лонѣ своемъ во всемъ изобиліи, оставили его: ни одинъ изъ нихъ не послѣдовалъ за владыкою своимъ, кромѣ меня—самаго послѣдняго армянина“.

Нельзя не подивиться слабости несчастной Грузіи, которая была приведена въ это ужасное положеніе тѣми самыми персіянами, которыхъ огромныя полчища бѣгали впослѣдствіи, какъ бараны, при каждой встрѣчѣ съ ничтожною горстью русскихъ.

Въ жалкомъ положеніи нашло Тифлисѣ русское правительство послѣ этого разгрома. Изъ 62 тысячъ семействъ, бывшихъ въ Грузіи въ 1783 году, оставалось не болѣе 30 тысячъ; остальное все было перебито, уведено въ плѣнъ или бѣжало за предѣлы царства,—и много нужно было энергіи для того, чтобы возродить жизнь Грузіи. Достаточно сказать, что при назначеніи Ермолова Тифлисѣ представлялъ лишь кучи саклей и два караванъ-сарая, а неподалеку отъ города бродили хищническія партіи.

Несмотря на всѣ предпринимаемыя мѣры, развитіе Тифлиса шло туго до самаго назначенія главнокомандующимъ князя *Воронцова* въ 1844 году. Подъ искусною рукою знаменитаго администратора, имѣвшаго способность вызывать къ жизни все, къ чему бы онъ ни прикасался, городъ началъ быстро расти и обстроиваться. Не прошло и года со времени его прибытія въ Тифлисъ, какъ устроился первый русскій театръ, начала издаваться газета „Кавказъ“, потомъ открылось нѣсколько школъ и женское училище св. Нины, учрежденъ самостоятельный кавказскій учебный округъ, утвержденъ уставъ кавказскаго Общества сельскаго хозяйства и 6-го марта 1850 года открыта первая выставка естественныхъ произведеній. Въ томъ же году исходатайствованы высочайшія повелѣнія объ учрежденіи въ Тифлисъ публичной библіотеки, отдѣла русскаго географическаго Общества и тифлисской обсерваторіи и даны первыя со времени существованія картвеловъ представленія на грузинскомъ языкѣ. Въ 1869 г., при *кн. Барятинскомъ*, начато разведеніе большаго публичнаго сада на томъ мѣстѣ, гдѣ въ старину былъ ипподромъ, на которомъ происходили конскія и другія народныя игры. Въ настоящее время садъ этотъ, благодаря постоянному орошенію, прекрасно разросся и служитъ однимъ изъ лучшихъ украшеній городу.

Тифлисъ, прежняя столица Грузіи, въ настоящее время мѣстопробываніе Кавказскаго намѣстника и главнаго управленія всѣмъ кавказскимъ краемъ, лежитъ по обоимъ берегамъ Кюры, на высотѣ 1,207 ф. надъ моремъ, въ котловинѣ, окруженной безлѣсными горами, достигающими до 2,500 ф. высоты. Жителей въ городъ считается до 75 тыс. д. об. пола, при 9 тыс. домовъ, при

чемъ число армянъ превышаетъ все другія національности, отдѣльно взятыя.

Городъ раздѣляется на нѣсколько частей, изъ которыхъ по правой сторонѣ Куры находятся: предмѣстье *Вера*, съ ея садами, *Мтацминда*, *Гаребутони*, *Салалаки*, *Харпужи* и *Орточала*; на лѣвой сторонѣ— бывшая колонія Тифлисъ, новыя и старыя *Куки*, *Авлабаръ* и *Навтлугъ*. Черезъ Куру перекинуты три моста, изъ которыхъ самый главный *Воронцовскій*, ведущій отъ городского сада въ Куки; при вѣздѣ на мостъ съ лѣвой стороны Куры стоитъ *памятникъ кн. Воронцову*, въ родѣ памятниковъ Кутузову и Барклаю-де-Толли въ Петербургѣ.

Раскидываясь по обѣимъ сторонамъ Куры и лѣпясь по отлогостямъ горъ, Тифлисъ отличается отъ другихъ городовъ какимъ-то оригинальнымъ характеромъ, и трудно вообразить себѣ болѣе оригинальную картину, чѣмъ та, которая открывается отъ церкви *св. Давида*, командующей мѣстностью съ высоты 700 ф. Нѣкоторые дома плоскими крышами и террасами, безчисленные балконы и галереи, куполы церквей въ армяно-византійскомъ стилѣ, перемѣшанные съ мечетями, куполообразныя крыши бань, караванъ-сарай— все это, слитое вмѣстѣ, оригинально до необычайности и напоминаетъ собою восточные города.

Городъ состоитъ изъ *двухъ частей*: новой—*европейской* и прежней—*азиатской*, совершенно не похожихъ одна на другую. Теперь изъ Мцхета въ Тифлисъ пріѣзжаютъ по желѣзной дорогѣ, но прежняя почтовая дорога шла черезъ Веру и приводила на лучшую улицу въ городъ—*Головинскій проспектъ*. Въѣзжая по прежней дорогѣ, влѣво, по другой сторонѣ Куры, видѣнъ садъ *Муштаидъ* и богатая *нѣмецкая колонія*, за которую слѣдуютъ

Куки и Авлабаръ; при въѣздѣ нѣсколько ресторановъ съ маленькими двориками и бесѣдками, обвитыми виноградомъ, напоминающимъ собою такіе же рестораны въ Италиі. При въѣздѣ же, поднимаясь на небольшую гору, видѣнъ чугунный, на порфировомъ подножьи, крестъ, поставленный въ память избавленія отъ опасности покойнаго императора Николая I въ 1837 году; на этомъ мѣстѣ государя понесли лошади и опрокинулась коляска на краю обрыва.

Головинскій проспектъ— широкая и лучшая улица въ Тифлисъ, обсаженная по обѣимъ сторонамъ деревьями и застроенная двухъ и трехъ-этажными домами съ вычурно разукрашенными балкончиками; нижніе этажи заняты большею частію открытыми лавками: колбасными, зелеными, погребками и проч. Вечеромъ лѣтомъ, когда все это освѣтится и зажгутся фанари (городъ освѣщается фотогеномъ; впрочемъ, по газетнымъ извѣстіямъ, думаю уже утверждень проектъ освѣщенія города газомъ и проведенія водопровода), когда жители, днемъ скрывавшіеся отъ жары въ домахъ, высыпять на улицу, Головинскій проспектъ имѣетъ совершенно видъ улицы южныхъ городовъ Европы: тотъ-же говоръ и то же движеніе, недостаетъ только мраморныхъ столиковъ на тротуарахъ съ сидящей около нихъ публикой; да, кромѣ того, толпа гулякъ со свѣчами въ рукахъ, съ визгливой зурной и глухимъ барабаномъ — напоминаютъ, что вы въ Закавказьѣ, а не въ Европѣ. На Головинскомъ проспектѣ всѣ лучшіе европейскіе магазины Тифлиса.

Вправо, надъ городомъ, видны *церковь св. Давида*, прилѣпившаяся на одномъ изъ уступовъ *Мтацминды* (св. горы), развалины старинной крѣпости и за ними ботаническій садъ; на правой сторонѣ проспекта нахо-

дится великолѣпный *дворецъ* намѣстника, на лѣвой *городской садъ*, *Квашиветская церковь*, *публичная библиотека* и *музей*.

Поднявшись за дворцомъ вверхъ, вправо, вы попадете въ красивую европейскую часть города — *Салалаки*; пройдя черезъ городской садъ внизъ, влѣво, вы подойдете къ *Воронцовскому мосту*, перейдя который у васъ влѣво будутъ *Куки* и за ними *Муштаидъ*, вправо — *Авлабаръ*.

Пройдя Головинскимъ проспектомъ прямо, вы подходите къ *Эриванской площади*, на которой стоитъ караванъ-сарай, съ находящимся внутри его *театромъ*. Далѣ слѣдуетъ азіатская часть города (*Мейдонъ* и *Армянскій базаръ*), въ которой находится *Сіонскій соборъ*; вправо изъ нея, въ гору, поднимаются въ бани, къ *развалинамъ крѣпости* и въ *ботаническій садъ* (вернуться къ Головинскому проспекту можно чрезъ Салалаки); влѣво отъ Мейдона будетъ старый караванъ-сарай *Арируни* и на отвѣсной скалѣ *Метеха*, по мосту у которой, чрезъ сжатую и шумящую въ узкихъ отвѣсныхъ берегахъ Куру, проходятъ въ Авлабаръ.

Для небывавшаго на востокъ путешественника особенный интересъ представляетъ азіатская часть города. Зайдите на *Мейдонъ* (или, пожалуй, Майданъ въ русскомъ произношеніи), и вы будете невольно поражены пестротой кипящей здѣсь толпы и ея разнообразными занятіями; здѣсь вамъ попадутся жители чуть-чуть не всего азіатскаго востока; въ тѣсныхъ улицахъ, въ которыхъ съ трудомъ разъѣзжаются два экипажа (не говоря уже о переулкахъ), кипятъ и люди и животныя, виднѣются человѣческія головы, морды лошадей, эшаковъ, ословъ, нагруженныхъ дорогимъ здѣсь древеснымъ углемъ, буйволовъ; тянется мѣрною поступью, гремя колокольчиками,

или Отдыхаетъ, лежа на землѣ, безконечный караванъ нагруженныхъ верблюдовъ. Вотъ татаринъ, въ рыжеватой шапкѣ и буркѣ, съ черною, либо сѣдой бородой; дородный армянинъ, съ наклоненной шеей въ туземной *чалъ* и въ московскомъ картузѣ; бравый, ловко перетянутый грузинъ, съ заломленной на бекрень шапкой; лезгинъ, подозрительно выглядывающій изъ подлобья; мулла въ бѣлой чалмѣ; грузинки, покрытыя чадрами; стройные казаки; солдаты; оборванные мальчишки, совершенно въ родѣ мурильевскихъ нищихъ; длинно-бородые персіяне, съ крашеными ногтями и бородами, въ аршинной шапкѣ, изъ подъ которой выглядываютъ косички сзади ушей. въ широкомъ кафтанѣ, поверхъ котораго накинута *аба*, а на ногахъ быстрые чўлки и туфли, едва прикрывающіе пальцы. Онъ идетъ важно, погружаясь въ какое-то созерцаніе и не обращая вниманія на *тулужчи* (водовоза), медленно подвигающагося впередъ съ своей лошадыю, чрезъ которую перекинута мѣха съ водой. А вотъ и носильщикъ тяжестей—*муша*. Если у него на головѣ колпакъ, на подобіе опрокинутой чашки, то это *кра*, пришелецъ изъ Арменіи, если же четвероугольный кусокъ сукна, придерживаемый шнуркомъ, завязаннымъ подъ бородою,—то имеретинъ. Ему ни почему взвалить на себя огромную ношу, напимѣръ комодъ, набитый всякой всячиной, или каретный кузовъ и пуститься съ такой ношей на далекое разстояніе въ гору. Согнувшись подъ ношею, онъ идетъ ровнымъ шагомъ и, повидимому, не чувствуетъ усталости. Изрѣдка попадетсѣ среди азіатскаго сброда круглая шляпа европейца, пробирающагося на извозикѣ, ревущемъ во все горло: *хабарда!* (берегись). Кое-гдѣ скрипятъ немилосердо арбы и раздирающими ухо звуками поетъ зурна. Какъ и вездѣ на

востокъ, лавки здѣсь служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и открытыми мастерскими: мѣдникъ, оружейникъ, портной, хлѣбникъ, сапожникъ, все это работаетъ на глазахъ снующей взадъ и впередъ публики. Шумъ, гамъ, говоръ, крикъ ословъ, мычанье воловъ и жалобный ревъ верблюдовъ, все сливается въ какой-то хаосъ, и вы невольно торопитесь вырваться на свободу, не заглядывая въ лавки и обжорный рядъ, гдѣ помѣщается много туземныхъ ресторановъ, въ которыхъ и днемъ и ночью на очагѣ пылаетъ огонь, варится кушанье разнаго рода и на желѣзныхъ прутьяхъ варится *шашлыкъ*. Всѣмъ дѣломъ заправляетъ раскраснѣвшійся засаленный туземецъ; онъ то и дѣло шныряетъ въ концы своей лавки, снимаетъ пѣну съ супа, отбрасываетъ въ цѣдилку рисъ для *плова* и т. д. Подобнымъ-же характеромъ отличается и сосѣдній съ Мейдономъ *Армянскій базаръ*, побывавъ на которомъ, вы наглядно знакомитесь съ обычаями востока, измѣнить которые не въ силахъ никакія полицейскія мѣры. Васъ не должно удивлять, если, идя по базару, вы наткнетесь на выставленную посреди тротуара жаровню, съ которой такъ и бьетъ въ глаза дымъ и смрадъ отъ прогорающаго шашлыка; не оскорбляйтесь, если васъ обступятъ со всѣхъ сторонъ съ криками: ай яблукъ, ай виноградъ, ай персикъ — или: ай баринъ, ай князь, здѣсь хорошъ персикъ! дешовъ адамъ! Продолжайте идти своей дорогой, обидѣтъ васъ никто не обидитъ, а если встрѣтите борьбу мальчишекъ на кулачкахъ — обойдите подальше, и вы благополучно выйдете изъ этого Содома. *)

*) Это совершенно вѣрное описаніе Мейдона взято нами, съ небольшимъ дополненіемъ, изъ статьи г. Нисченкова: «Путешествіе государя императора.» Иллюстрація, 1871 г.

Тифлисъ окруженъ, какъ мы уже сказали, совершенно безлѣсными горами, и долину, въ которой онъ раскинутъ, справедливо называютъ котломъ; зимой, въ ноябрѣ и декабрѣ, здѣсь бываетъ нѣсколько градусовъ мороза, а съ половины мая въ раскаленной котловинѣ наступаетъ такая жара, что всѣ, имѣющіе возможность оставить городъ, выѣзжаютъ—кто въ Коджоры, кто на Бѣлый ключъ, кто въ Биржомъ и т. д. Туземцы же на день прячутся въ то время въ своихъ домахъ. Хотя количество выпадающей здѣсь влаги и доходитъ до 18,7 дюйма, т. е. болѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, но вся вода мгновенно скатывается съ бесплодныхъ горъ, и климатъ, вслѣдствіе того, отличается своей сухостью. Таковъ общій видъ Тифлиса; перейдемъ теперь къ частностямъ.

Гостинницы. Ихъ нѣсколько; лучшая, но и самая дорогая *Европа*, недалеко отъ Эриванской площади; *Кавказская*—тоже дорогая. Болѣе дешевыя — *Америка* и *Франція* (гостинница Чавчавадзе) на Головинскомъ проспектѣ; *номера* въ нихъ отъ 1 руб. и дороже; за топку печей и каминовъ платится отдѣльно; обѣдаютъ отъ часу до 4-хъ, по порціямъ (25—45 коп. порція); вино изрядное туземное 40 к. бутылка, безъ посуды; въ лавкахъ можно покупать и приносить съ собою гораздо дешевле; хорошее кахетинское около 1 руб. бутылка.

Извозищыи экипажи двухъ родовъ: фаетоны и пролетки. Для первыхъ такса въ часъ—60 коп., въ одинъ конецъ—30 коп.; для вторыхъ въ часъ—50 коп., въ одинъ конецъ—20 коп.; но если желаютъ ѣхать въ Муштаидъ или въ ботаническій садъ и вообще нанимаютъ съ пожданьемъ, то надобно сторговаться.

Общественныя кареты въ Муштаидъ и обратно ходятъ отъ нижнихъ воротъ городского сада; цѣна 10 коп.

Табакъ и папирсы въ Тифлисѣ продаются безъ бандеролей и потому гораздо дешевле, чѣмъ въ Россіи. Сотня хорошихъ толстыхъ папирсовъ стоитъ 50 коп.

Бани составляютъ одну изъ главныхъ замѣчательностей Тифлиса и славятся на всемъ Кавказѣ; всѣ онѣ съ горячими сѣрными источниками, въ которыхъ температура доходитъ до 32° Реомюра. Не будь ихъ, по всей вѣроятности, и самый Тифлисъ не былъ бы основанъ царемъ Вахтангомъ. Бань въ Тифлисѣ нѣсколько: *Бобутова, Мейтара, кръпостная* и др.; всѣ онѣ составляютъ городскую собственность и сдаются съ публичныхъ торговъ. Входъ въ *общія бани*: *абазз* (20 к.) и *гривенникъ*; *народныя*—5 к.; *номера* съ горячей и холодной водой 1 рубль, съ одной горячей 60 к. Всякій прѣзжающій въ Тифлисъ считаетъ своею непремѣнною обязанностью отправиться съ первымъ визитомъ въ баню,—оно и справедливо: мало что можетъ сравняться съ оживляющимъ дѣйствіемъ тифлисскихъ сѣрныхъ горячихъ бань: изъ нихъ выходишь совершенно обновленнымъ человѣкомъ. Совѣтуемъ взять номеръ съ горячей и холодной ванной въ 1 рубль сер. Тифлисскія бани, какъ вездѣ на востокѣ, освѣщаются черезъ сводъ, сверху; въ номерѣ устроены два каменныхъ водоема, въ которые постоянно бѣгутъ ключи воды: въ одинъ горячій, въ другой холодный. Первое, что надобно, это влѣзть въ горячую ванну; входя въ воду постепенно, это сдѣлать вовсе не трудно; когда же вы посидите нѣкоторое время въ горячей водѣ, то вамъ будетъ жаль съ ней разстаться; при этомъ тѣло распаривается и покрывается будто мыломъ. Потомъ слѣдуетъ отдаться въ руки *терцику* (баньщику—большею частью персіянину), который, уложивъ васъ на скамейку, начинаетъ вамъ рас-

правлять члены и натирать рукавицей и мыломъ изъ надутаго воздухомъ мѣшка; дальше мытье производится по обыкновенному способу. Повторяемъ, что по выходѣ изъ этой бани, особенно послѣ дороги, чувствуешь себя совершенно обновленнымъ.

Почта находится на Головинскомъ проспектѣ.

Телеграфъ—внизу, у городского сада.

Фотографія Вестли (лучшая) тоже на Головинскомъ проспектѣ.

Книжные магазины тамъ же.

Контора агенства русскаго Общества пароходства и торговли—на старомъ базарѣ, недалеко отъ Сіонскаго собора.

Полицейское управленіе, съ которымъ приходится имѣть дѣло для взятія свидѣтельства на выѣздъ, если вы выезжаете по подорожной, —на Эриванской площади.

Казначейство, гдѣ берется подорожная, —у городского сада.

Теперь вернемся къ началу Головинскаго проспекта и начнемъ осматривать по порядку примѣчательности Тифлиса. Выше мы сказали, что вправо надъ городомъ видна прилѣпившаяся къ одному изъ голыхъ уступовъ Мтацминды (св. горы) церковь св. Давида, —съ нея и начнемъ.

Церковь св. Давида, составляющая для грузинъ религиозную святыню, составляетъ для насъ, русскихъ, святыню народную, какъ мѣсто, гдѣ погребень нашъ безсмертный творецъ „Горе отъ ума“ — *Александръ Сергѣевичъ Грибоедовъ*, убитый при возмущеніи въ Тегеранѣ въ 1829 году. По преданію, о церкви св. Давида извѣстно слѣдующее. *Св. Давидъ*, какъ мы уже говорили выше, былъ однимъ изъ тринадцати сирійскихъ отцевъ, пришедшихъ въ Грузію въ VI вѣкѣ; мѣстомъ его христіан-

скихъ подвиговъ была покрытая въ то время дремучимъ лѣсомъ *Мтацмнда*; на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ спасался и выстроень настоящій храмъ. Въ то время, говорить преданіе, дочь одного знатнаго человѣка, жившаго неподалеку отъ горы, сдѣлалась беременною и, по наущенію виновника своего проступка, оклеветала отшельника. *Св. Давида* потребовали къ суду, и онъ всенародно обличилъ клеветницу. Дотронувшись до ея чрева посохомъ, святой спросилъ: онъ ли отецъ зачатаго ребенка? Изъ утробы матери послышался голосъ, назвавшій имя обольстителя дѣвушки. Внезапно она почувствовала тяжкія боли и, по молитвѣ праведника, родила камень, который и послужилъ основаніемъ *Кваиветской церкви* (ква — камень, шва — родила). Въ награду за взведенную на него клевету, угодникъ испросилъ у Бога источникъ живой воды, которая имѣла бы силу оплодотворять бесплодныхъ. На заднемъ углу, гдѣ гора возвышается отвѣсной скалой, выходитъ изъ нея источникъ чистой ключевой воды. Грузинки съ особеннымъ благоговѣніемъ относятся къ этому мѣсту и, сверхъ четверга, еженедѣльно посвящаемаго св. Давиду, — онѣ въ семикъ, то-есть въ четвергъ на седьмой недѣлѣ послѣ пасхи, и на вознесенье спѣшать отовсюду толпами къ храму. Каждая изъ богомолкъ старается принести съ собою кирпичъ или камень, назначаемый для поправки церкви, — такихъ камней наложена наверху цѣлая куча; говорятъ, что и вся церковь выстроена изъ такихъ приношеній. Приложившись къ иконѣ Богоматери, грузинки обходятъ три раза церковь, обвивая ее, въ знакъ безграничной любви и преданности, кругомъ бумажной ниткой. Взявъ одинъ изъ небольшихъ камушковъ, разсыпанныхъ по землѣ, грузинка, съ сильно бьющимся сердцемъ, приклады-

ваетъ его къ стѣнѣ храма, и если камушекъ приста-
нетъ (что объясняется безвоздушнымъ пространствомъ,
образующимся между стѣною и гладко отшлифован-
нымъ отъ тренія камнемъ)—то, значить, молитва услы-
шана и сулитъ дѣвущкѣ — жениха а матери — ребенка.
Странный обычай этотъ объясняется тѣмъ незаслужен-
нымъ презрѣніемъ, которымъ надѣляютъ на востокѣ
безплодную женщину, и не удивительно, что грузинки
такъ пламенно желаютъ имѣть дѣтей и употребляютъ
для того всѣ средства, какія только создало народное
суевѣріе. Архитектура церкви св. Давида не представ-
ляетъ ничего особеннаго; источникъ живой воды еле-
эле сочится, и вода падаетъ изъ него по каплямъ. По
одной изъ узкихъ улицъ, ведущихъ въ гору отъ Голо-
винскаго проспекта, можно доѣхать въ экипажѣ до *Дави-
довской площади*, а оттуда надобно подниматься пѣш-
комъ; ходьбы минутъ двадцать; дорога идетъ зигзагами;
съ послѣдней площадки каменная лѣстница, ведущая къ
церкви, раздѣляется на двое и огибаетъ сводъ, гдѣ за
рѣшеткою видны *три памятника*: первый, направо,
поставленъ надъ могилою *Грибоѣдова* и состоитъ изъ
чернаго мраморнаго камня, въ которомъ водруженъ
бронзовый крестъ съ распятіемъ; у подножія креста,
охвативъ его руками, плачетъ женщина; тутъ же лежатъ
двѣ книги одна на другой, — на корешкѣ верхней над-
пись: „Гдѣре отъ ума“; сверху ихъ лира, переплетенная
лаврами; на передней сторонѣ барельефъ съ портретомъ
покойнаго и надпись: „Александръ Сергѣевичъ Грибоѣ-
довъ род. въ 1795 г., генваря 4 дня, убитъ въ Тегеранѣ
въ 1829 г., генваря 30 дня“; на лѣвой сторонѣ надпись:
„умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской, но
для чего пережила тебя любовь моя!“; слѣва памятникъ

(такой же формы) *супруги покойнаго, Нины Александровны Грибоѣдовой*, родившейся въ 1812 году, 4 ноября, скончавшейся 24 ноября 1857 года. Третій памятникъ малолѣтней Нины Николаи—бѣлый мраморный крестъ сверхъ чернаго камня.

Здѣсь будетъ совершенно уместно разсказать вкратцѣ подробности трагической смерти гениальнаго писателя, напечатанныя въ „Русской Старинѣ“ (августъ 1872 г.) г. Берже, по новымъ и бывшимъ, неизвѣстнымъ до этого времени документамъ.

По заключеніи съ Персіей Туркменчайскаго мира, *Грибоѣдовъ* 25 апрѣля 1828 г. былъ назначенъ полномочнымъ министромъ при персидскомъ дворѣ; онъ былъ роднымъ племянникомъ, по матери, графу Паскевичу, только что побѣдоносно окончившему персидскую войну. Въ іюнѣ того же года Грибоѣдовъ оставилъ Петербургъ; на пути чрезъ Тифлисъ онъ женился на княжнѣ Нинѣ Александровнѣ Чавчавадзе, а 30 января слѣдующаго 1829 года сдѣлался жертвой неожиданной катастрофы, разразившейся надъ нашимъ посольствомъ въ Тегеранѣ: оно почти въ цѣломъ составѣ было умерщвлено разъяренною толпою персидской столицы. Персіяне смерть Грибоѣдова объясняютъ тремя главными причинами: первая—что онъ, увлекшись успѣхами русскаго оружія, былъ дерзокъ въ переговорахъ, держалъ себя непомерно гордо и даже неблагопрістойно обращался съ шахомъ; вторая—что онъ принялъ подъ свое покровительство шахскаго евнуха *Якуба* (изъ плѣнныхъ эриванскихъ армянъ), отдавагося (на основаніи Туркменчайскаго трактата, по которому всѣ плѣнные должны были быть возвращены) подъ покровительство русскаго посольства и пожелавшаго возвратиться на родину; и третья—что

Грибоѣдовъ, основываясь на показаніяхъ Якуба, требовалъ возвращенія грузинскихъ плѣнниковъ и плѣнницъ, хотя нѣкоторыя изъ послѣднихъ приняли уже мусульманство, состояли въ замужствѣ, имѣли дѣтей и совершенно не желали возвращенія; между прочимъ, онъ задержалъ и укрылъ у себя въ домѣ двухъ перешедшихъ въ мусульманство грузиновъ изъ гарема *Аллахъ-яр-хана*, одного изъ первостепенныхъ хановъ, состоявшаго въ родствѣ съ самимъ шахомъ. Послѣднія два обвиненія справедливы, а первое нѣтъ: оно вполне опровергается какъ личными качествами Грибоѣдова, такъ и его близкимъ знакомствомъ съ Персіей и ея дворомъ. Безспорно, Грибоѣдовъ сдѣлалъ ошибки, но что же заставило его ихъ сдѣлать? На пути въ Персію, остановясь въ Тифлисѣ, онъ принялъ къ себѣ на службу нѣсколько туземцевъ изъ армянъ и грузинъ; это были люди не благонадежные, чуждые всякаго образованія и, вдобавокъ, весьма сомнительной нравственности; особенно изъ нихъ выдѣлялись личности *Дадаш-бека* и *Рустем-бека*. Глубокій знатокъ человѣческаго сердца, Грибоѣдовъ не зналъ тифлисской общественной не аристократической среды; при томъ же на него могла повліять рекомендація новой родни, которую онъ пріобрѣлъ чрезъ свою недавнюю женитьбу. Итакъ, чего же можно было ожидать отъ соприкосновенія подобныхъ упомянутыхъ личностей съ персіянами, тотчасъ по окончаніи несчастной для послѣднихъ войны? Еще во время слѣдованія миссіи сельскіе жители, обязанные нести всѣ расходы по ея переѣзду и продовольствію, нерѣдко подвергались со стороны Рустем-бека и его товарищей всевозможнымъ поборамъ и притѣсненіямъ,—и одинъ разъ, по случаю попытки освободить изъ неволи увезенную изъ Эривани нѣмку, жену какого

то *сеида* *), дѣло едва не получило трагическаго исхода. Съ прибытіемъ же въ Тегеранъ (гдѣ посланникъ нашъ былъ принятъ съ такими почестями, которыхъ никогда въ Персіи не оказывали ни одному европейцу) вышеупомянутыя личности стали еще болѣе буйствовать; нерѣдко они, съ обнаженнымъ оружіемъ и въ пьяномъ видѣ, ходили съ криками по улицамъ и предавались открытому разврату. Терпѣніе персіянъ истощилось, когда эти люди успѣли склонить Грибоѣдова дѣйствовать по ихъ видамъ въ дѣлѣ освобожденія ихъ родственницъ и друзей, плѣненныхъ еще при нашествіи Ага-Магометъ-хана въ 1795 г.

Грибоѣдовъ, съ своей стороны, руководствовался точнымъ смысломъ Туркменчайскаго трактата и не подозрѣвалъ опасности. Принятіе подъ покровительство нашего посольства евнуха *Якуба* вооружило противъ посланника всю придворную партію и самого шаха. Да и могло-ли быть иначе? Якубъ занималъ въ теченіи многихъ лѣтъ должность казначея и главнаго евнуха въ шахскомъ гаремѣ, зналъ всѣ его тайны и семейную жизнь шаха, и съ измѣною его все, чѣмъ дорожить правовѣрный, должно было получить огласку, что и случилось дѣйствительно. Шахъ разгнѣвался; весь дворъ возсталъ, какъ будто-бы случилось величайшее народное бѣдствіе. Двадцать разъ въ день приходили посланные отъ шаха съ самыми нелѣпыми представленіями: представляли, что Якубъ обворовалъ казну шаха и состоитъ ей должнымъ около 200 т. р. сер. (пятьдесятъ тыс. тумановъ); они говорили, напримѣръ, что *хаджа* (евнухъ) то же что жена шахская, что, слѣдовательно, посланникъ отнялъ у шаха жену изъ его *эндеруна*. Когда же Грибоѣдовъ укрылъ у себя двухъ женщинъ изъ гарема *Аллах-яр-хана*, народная

*) Сеидъ—потомокъ Магомета.

вражда достигла крайняго ожесточенія. Въ духовенствѣ заговорило чувство религіозной ревности, и оно положило возстать противъ нашего министра; духовные говорили, что основы ислама поколеблены, коль скоро результатъ трактата состоитъ въ томъ, чтобы плѣнные въ Грузіи женщины были отбираемы силою у мусульманъ. Собравшись въ тегеранской соборной мечети, духовенство приняло рѣшеніе идти противъ Грибоѣдова; къ духовенству присоединилось сборище недовольныхъ, достигшее до 100 тыс. человѣкъ, и все это хлынуло къ дому нашего посольства. Результатъ былъ тотъ, что почти все наше посольство было истреблено; спасся только секретарь Мальцевъ. Якубъ былъ убитъ, задержанныя женщины возвращены; всего убито съ нашей стороны 37 человѣкъ, съ противной 19. Нѣтъ сомнѣнія, что правительство персидское не принимало никакого участія въ этомъ несчастномъ событіи, — что и было причиною мирнаго исхода этого дѣла. Напротивъ того, шахъ, боясь за себя, окружился войскомъ и заперся въ своемъ гаремѣ. Тѣло Грибоѣдова было изрублено и изуродовано до неузнаваемости. Желаніе покойнаго, не разъ высказанное имъ женѣ, чтобы, въ случаѣ смерти, останки его были вывезены изъ Персіи и преданы землѣ въ церкви св. Давида, „этой поэтической“ — по собственному его выраженію — „принадлежности Тифлиса,“ было исполнено. Пушкинъ по дорогѣ въ Арзерумъ встрѣтилъ близъ Гергеръ арбу, запряженную двумя волами; они медленно поднимались по крутой дорогѣ въ сопровожденіи нѣсколькихъ грузинъ. — „Откуда вы?“ спросилъ ихъ Пушкинъ. — „Изъ Тегерана“. — „Что везете?“ — „Грибоѣда“. Это были смертные останки безсмертнаго автора „Горе отъ ума“. Далѣе тѣло было провожаемо

съ церемоніей до Тифлиса. *Нина Александровна* во время смерти ея супруга была въ Тавризѣ,—она была беременна первымъ ребенкомъ, и отъ нея долго скрывали печальную истину; получивъ, наконецъ, злополучное извѣстіе, она преждевременно разрѣшилась младенцемъ, жившимъ только нѣсколько часовъ. Грибоѣдовъ не оставилъ послѣ себя никакого состоянія,—все его движимое имущество (около 60 т. р.) было разграблено въ Тегеранѣ, Мать его, употребившая большую часть имущества на воспитаніе единственнаго сына, лишилась въ немъ, кромѣ всего, человѣка, поддерживавшаго ее своимъ жалованьемъ. Покойный государь Николай Павловичъ назначилъ обѣимъ оставшимся женщинамъ щедрое награжденіе: какъ вдова, такъ и мать Грибоѣдова получили по 30 т. р. асс. единовременно, и, кромѣ того, каждой изъ нихъ была назначена ежегодная пенсія по 5 т. р. ассигнаціями же. Въ 1849 году пенсія *Нины Александровны*, по ходатайству кн. Воронцова, увеличена до 2 тыс. руб. сер. *Нина Александровна*, вѣрная первой любви и драгоцѣнной памяти своего перваго супруга, осталась вдовой до самой смерти. Въ 1857 году она скончалась отъ холеры и погребена вмѣстѣ съ Александромъ Сергѣевичемъ. Трупы остальныхъ погибшихъ членовъ посольства оставались зарытыми за городской чертой Тегерана до 1836 года. Въ этомъ году они были выкопаны и перенесены въ заранѣе приготовленный склепъ въ городѣ. Персіяне, допустивъ перенесеніе христіанскихъ тѣлъ въ городъ, побѣдили предразсудокъ, котораго до того времени упорно держались.

Прибавимъ еще слѣдующее. Александръ Александровичъ *Бестужевъ (Марлинскій)* былъ въ Тифлисѣ при полученіи тамъ извѣстія о смерти Пушкина, и вотъ что

онъ писалъ по этому случаю брату своему Николаю, находившемуся тогда еще въ Сибири: „Въ монастырѣ св. Давида, на могилѣ Грибоѣдова, слушалъ я панихиду, которую просилъ отслужить въ память Пушкина. Когда священникъ возгласилъ: за упокой боярина Александра и боярина Александра,—я заплакалъ, зарыдалъ, мнѣ казалось, мнѣ чувствовалось, что отецъ духовный поминаетъ уже и меня.“ Вскорѣ онъ дѣйствительно былъ убитъ, при высадкѣ нашихъ войскъ на мысъ *Адлеръ*. Бестужевъ былъ въ то время уже адъютантомъ всеми уважаемаго начальника штаба *Вальховскаго*. На его неотступную просьбу идти въ битву Вальховскій сначала отвѣчалъ: „къ чему вамъ идти, у васъ и безъ того довольно славы,“—но, наконецъ, долженъ былъ согласиться. Взявъ двухъ конвойныхъ, Бестужевъ пошелъ въ цѣпь, чтобъ дать сигналъ къ отступленію; одинъ флангъ, за пальбой и разстояніемъ, не слышалъ сигнала, и онъ пошелъ туда; въ это время горцы бросились въ шашки; Бестужевъ упалъ, прострѣленный двумя пулями; одинъ изъ его конвойныхъ былъ изрубленъ, другой спасся. Тѣло убитаго не было отыскано. И такъ три поэта, три Александра, каждый 37 лѣтъ,—все погибли въ короткое время одинъ послѣ другаго, и все трое насильственной смертью. Вслѣдъ за ними не заставилъ ждать себя и Лермонтовъ.

Дворецъ намѣстника—великолѣпное зданіе находится по правой сторонѣ Головинскаго проспекта.

Городской садъ, разведенный въ 1869 году, при кн. Барятинскомъ, на мѣстѣ, гдѣ въ старину былъ ипподромъ, находится противъ дворца. Садъ этотъ постоянно орошается водою, проведенною изъ за города; проведеніе воды стоило около 30 т. руб., и деньги эти потрачены не да-

ромъ: садъ уже и въ настоящее время служить однимъ изъ лучшихъ украшеній города. Даже не вѣрится, что онъ разведенъ еще такъ недавно. Здѣсь во-очію можно видѣть, какія чудеса дѣлаеть орошеніе въ жаркомъ климатѣ. Садъ раздѣляется на верхній и нижній. Въ верхней половинѣ прекрасный фонтанъ, около котораго на просторной площадкѣ можно видѣть всю лучшую публику Тифлиса. Въ полдень у воротъ стрѣляютъ изъ пушки для всеобщей повѣрки часовъ. Къ саду же примыкаетъ и *Квашиветская церковь*—одна изъ древнѣйшихъ церквей въ Грузіи, о которой мы говорили выше.

Лѣтній театръ находится ниже сада. Съ боку находится музей **Общества сельскаго хозяйства**.

Далѣе, по лѣвой же сторонѣ Головинскаго проспекта слѣдуютъ:

Публичная библіотека и кавказскій музей, открытый 1 января 1867 г. Несмотря на такое короткое время своего существованія, музей заключаетъ въ себѣ уже очень интересную коллекцію, благодаря какъ вниманію властей, такъ и пожертвованіямъ частныхъ лицъ. Первое, что представляется посѣтителю,—это огромная, около 15 аршинъ вышины, *клетка съ живыми птицами*, находящаяся на дворѣ музея; пріятно видѣть это высокое помѣщеніе для вольныхъ жителей горныхъ высотъ. Мы не будемъ подробно описывать музей, потому что при входѣ можно купить краткій по нему путеводитель, составленный г. Раде; сдѣлаемъ только общій обзоръ и упомянемъ объ интереснѣйшемъ. Въ передней комнатѣ находятся два большихъ грузинскихъ сосуда для вина, называемые *кеври*. *Залы 1-й и 2-й* составляютъ отдѣлъ современной кавказской *этнографіи*; они за-

ключаютъ въ себѣ восемь шкафовъ, въ которыхъ размѣщены одежды, оружіе, музыкальные инструменты, предметы роскоши и домашняго употребленія и проч. Залы 3-й и 4-й (тоже 8 шкафовъ) составляютъ отдѣлъ *антропологии, древностей и нумизматики*; тутъ слѣдуетъ замѣтить знаменитый *камень императора Веспасіана* съ надписью о постройкѣ крѣпости Митридатомъ, царемъ иверійцевъ. Въ шкафахъ размѣщены скелеты и черепа древнихъ и живущихъ нынѣ на Кавказѣ народовъ, древнія монеты и проч. Залъ 5-й (9 шкафовъ) заключаетъ въ себѣ отдѣлъ *зоологическій*; въ немъ интересны группы различныхъ животныхъ, водящихся на Кавказѣ. Особенно замѣчательны: *зубръ* (убитый близъ источниковъ Зеленчука и называемый абхазцами *адомбе*; онъ водится только въ Бѣловежской пущѣ и на Кавказѣ), дикіе бараны, туры, бородачи или безоарскіе козлы съ Арарата, черные козлы изъ Боржома, бѣлуга вѣсомъ въ 34 пуда, олени, тигры, медвѣди и др. животныя. Въ шкафахъ, размѣщены: птицы, малыя млекопитающія, пресмыкающіяся, прѣсноводныя, морскія раковины и проч. Всѣ чучелы сдѣланы хорошо. Въ этомъ же залѣ находятся двѣ картины *Айвазовскаго*: видъ Петербурга съ Троицкаго моста и видъ Гуніба. Залы 6-й и 7-й заняты *ботаническимъ и геологическимъ* отдѣлами. *Музей открытъ* для публики по *вторникамъ, пятницамъ и воскресеньямъ отъ 10 час. утра до 3 час. по-полудни*.

Пройдя Головинскій проспектъ, приходятъ на Эриванскую площадь, на которой находится *караванъ-сарай* съ театромъ, помѣщающимся внутри его.

Театръ въ Тифлисѣ замѣчателенъ прекрасной внутренней отдѣлкой; главная ложа отдѣлана въ мавританскомъ стилѣ.

Ботаническій садъ, лежащій на горѣ близъ развалинъ старинной крѣпости, содержитъ богатую коллекцію растений и деревьевъ; только жаль, что онъ скуденъ водою для орошенія. При кн. Барятинскомъ воды было больше, слѣдовательно и садъ былъ лучше. Имѣли неосторожность вырубить кусты близъ родниковъ, изъ которыхъ проведена вода, и количество ея уменьшилось. По близости отсюда, между прочими развалинами старинной крѣпости, на самомъ гребнѣ скалы уцѣлѣла небольшая круглая башня съ нѣсколькими комнатами внутри; это, какъ говорятъ, *остатки дворца грузинскихъ царей*; отсюда, также какъ изъ церкви св. Давида, прекрасный видъ на Тифлисъ.

Арцруни—караванъ-сарай, прекрасно отдѣланный; замѣчательны своды главной галлерей и залъ при входѣ, отдѣланный въ арабскомъ вкусѣ.

Перейдя чрезъ Куру близъ *Метехи* или пройдя сквозъ Арцруни черезъ Авлабаръ (гдѣ нѣкоторые дома стоятъ наверху совершенно отвѣсныхъ скалъ), чрезъ Куки и нѣмецкую *слободу*, выше которой лежитъ *молоканская слобода*, а на горѣ виднѣются красивыя зданія *военныхъ госпиталей*, достигаютъ *Муштайда*. По дорогѣ попадаютъ *больница, городская богадельня*, красиво выстроенная въ готическомъ стилѣ, и большой *плацъ съ казармами учебной роты*.

Муштаидъ—прекрасный загородный садъ, въ которомъ большая часть деревьевъ фруктовыя; нѣкоторыя аллеи покрыты виноградными лозами и представляютъ прекрасную защиту отъ солнца въ лѣтнее время; не фруктовыя деревья состоятъ изъ платановъ, тополей, бѣлыхъ акацій и проч. Нѣкоторыя деревья замѣчательной величины: есть черешки около 7 четвертей въ окруж-

ности. Садъ служить для прогулокъ и катанья верхомъ. Онъ расположенъ на самомъ берегу Куры, съ котораго красивый видъ на рѣку и на дальнія кавказскія горы. Въ Муштаидѣ же находится и такъ-называемый *зоологическій садъ*, все населеніе котораго состоитъ изъ одного интереснаго жильца—живаго тура.

Возвратиться въ Тифлисъ, можно чрезъ *молоканскую слободу*. Интересна совершенно русская постройка и обстановка этой слободы, хотя дома въ ней и каменные. Садовъ въ ней совсѣмъ нѣтъ—отъ недостатка-ли воды, потому что слобода расположена вдали отъ рѣки, или отъ того, что молокане, предавшись исключительно земледѣлію и, главное, извозу, не занимаются садоводствомъ.

Воронцовскій мостъ чрезъ Куру и *памятникъ Воронцову* составляютъ тоже одну изъ замѣчательностей Тифлиса. Видъ съ моста на рѣку, на крутыхъ берегахъ которой стоятъ дома, съ висячими высоко надъ водою балконами, очень оригиналенъ.

Сіонскій соборъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ постройкамъ Тифлиса и существуетъ съ самаго основанія города царемъ Вахтангомъ. Соборъ и церковный дворъ вполнѣ застроены тѣснящимися около нихъ зданіями армянскаго базара. Кирпичная выбѣленная *колокольня*, построенная кн. Циціановымъ на деньги, пожалованныя покойнымъ императоромъ Александромъ I нижнимъ чиномъ за штурмъ Ганжи и пожертвованныя ими, находится черезъ улицу; новая ея архитектура нисколько не гармонируетъ съ величественнымъ соборомъ, построеннымъ въ византійскомъ стилѣ, какъ и мцхетскій: тѣже узкія окна, прекрасная отдѣлка и дурной рисунокъ фигуръ въ украшеніяхъ.

Внутренность собора реставрирована и прекрасно росписана въ недавнее время *кн. Гагаринымъ*. На лѣвой сторонѣ царскихъ дверей, за образомъ, скрытъ *крестъ св. Пины*. Исторію ея и креста мы рассказали, говоря о мцхетскомъ соборѣ. Чтобы его видѣть, надобно обратиться къ ключарю собора. Въ южной сторонѣ, близъ алтаря, находится скромный *памятникъ надъ тѣломъ кн. Циціанова*. Поклонитесь, читатель, праху этого знаменитаго человѣка! Мы же, съ своей стороны, считаемъ необходимымъ рассказать здѣсь вкратцѣ его біографію и его славныя дѣла.

Павель Дмитріевичъ Циціановъ былъ по происхожденію грузинъ. Онъ принадлежалъ къ одной изъ знатнѣйшихъ тамошнихъ фамилій и находился въ родствѣ съ супругою послѣдняго царя Георгія. Циціановъ родился въ Москвѣ и съ ранней молодости поступилъ въ военную службу; его храбрость получила такую извѣстность, что Суворовъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ увѣщевалъ войска „сражаться рѣшительно, какъ храбрый генераль Циціановъ“. Онъ былъ истинно русскимъ и по чувствамъ и по понятіямъ; интересы Россіи и ея величіе были для него всегда на первомъ планѣ. Циціановъ взялся за управленіе Грузіей въ твердомъ убѣжденіи, что не могло быть болѣе лучшаго исхода для этой страны, какъ нераздѣльное соединеніе ея интересовъ съ интересами Россіи; и несмотря на то, что вся жизнь его протекла вдали отъ мѣстности, которой онъ принадлежалъ по происхожденію, Циціановъ зналъ въ совершенствѣ характеръ ея жителей и особенности ихъ быта. Чтобы успокоить край, необходимо было какъ можно скорѣе оградить его отъ происковъ и интригъ родственниковъ покойныхъ царей Ираклія и Георгія. При описа-

ни мхетскаго собора, рассказывая исторію царицы Маріи, мы видѣли, какъ Циціановъ взялся и исполнилъ это дѣло.

Далѣе ему предстояла борьба съ хищными горцами, опустошавшими своими набѣгами Грузію, и съ сосѣдними владѣніями, куда укрылись нѣкоторые изъ царевичей и своими кознями угрожали оттуда спокойствію края. Противъ хищныхъ *джаро-бллоканскихъ* лезгинъ, опустошавшихъ Кахетію, онъ отправилъ своего храбраго сподвижника, генер.-маіора *Гулякова*, который разбилъ ихъ, обложилъ данью и привелъ въ подданство Россіи. Съ сосѣдними ханами Циціановъ держался совершенно другой методы, чѣмъ та, которой держались до него. Правительство наше думало обезпечить свои сношенія съ ними посредствомъ договоровъ и жалованья, — Циціановъ дѣйствовалъ совсѣмъ напротивъ: онъ самъ требовалъ отъ хановъ дани. „Страхъ и корысть, писалъ онъ, суть двѣ первенствующія пружины, которыми руководятся въ Азіи всѣ дѣла и приключенія... У здѣшнихъ народовъ единственная политика — сила, лучшая добродѣтель владѣльца — храбрость и способности — деньги для найма войскъ. Я дерзнулъ принять правило, противное прежде бывшей здѣсь системѣ, и вмѣсто того, чтобы жалованьемъ и подарками, опредѣленными для умягченія горскихъ народовъ, платить нѣкоторый родъ дани, — я самъ требую отъ нихъ оной. Вражда есть пища и упражненіе здѣшнихъ владѣтелей, доносилъ онъ императору Александру; видя силу російскаго оружія, въ Кавказѣ вадвореннаго, они прибѣгаютъ къ намъ, прося другъ противъ друга помощи, и такимъ образомъ сами ходатайствуютъ о своей собственной гибели. Не смѣя одобрить предъ челоуѣколюбивымъ сердцемъ вашего величества

сію систему завоюванія, долженъ сказать, что она необходима въ настоящихъ обстоятельствахъ.“ Держа свято данныя обѣщанія, Циціановъ требоваль того же и отъ своихъ противниковъ, не понимавшихъ этого и склонявшихся только предъ однимъ аргументомъ: силою холоднаго и огнестрѣльнаго оружія. Только оно было въ состояніи, по выраженію Циціанова, „сократить персидскую политику“, политику лжи, коварства и измѣны. Каждый изъ владѣльцевъ готовъ былъ повторить отвѣтъ, данный однимъ изъ нихъ русскому главнокомандующему: „приди и покажи прежде свою силу.“ Ставя въ тупикъ азіатцевъ невиданнымъ ими до сихъ поръ образомъ дѣйствій и поведеніемъ, онъ пріучаль ихъ вѣрить въ ненарушимость слова русскаго правительства, но затѣмъ, при малѣйшей попыткѣ къ измѣнѣ съ ихъ стороны, прибѣгалъ уже къ силѣ. Повелительный и рѣзкій тонъ, съ которымъ онъ съ ними обращался, шель какъ нельзя лучше къ тогдашнимъ обстоятельствамъ и не могъ не производить на азіатцевъ сильнаго впечатлѣнія. Совершенно оригинальный слогъ писемъ кн. Циціанова силенъ, вѣренъ и рѣзокъ, какъ дамасская сталь. Приведемъ нѣсколько образчиковъ его краснорѣчія. Вотъ, на примѣръ, прокламація его къ возмущившимся джарцамъ: „Невѣрный народъ! безстыдные люди! Долго-лы вы еще будете требовать отъ меня невозможнаго, и желаете начать невыполненіемъ одной изъ статей постановленія, прося и безпокоя меня чрезъ генерала многожды? Неужто вы думаете, что вы затѣмъ въ подданство великаго государя императора приняты, чтобы не держать слова даннаго? Вы должны выкупать ясырей и до сихъ поръ не выкупаете, все откладываете, а еще смѣете просить объ увольненіи отъ онаго! Неужели вы забыли,

что вы 70 лѣтъ бѣдную Грузію разоряли и брали то, что хотѣли, а не по сту рублей? Короче сказать, если вы черезъ мѣсяцъ не выкупите, то увидите, что я сдѣлаю и съ ясырями, и съ вами. Я презираю дагестанскихъ мухъ, которыя за васъ, россійскихъ подданныхъ, ходатайствуютъ и остаются будутъ безъ моего отвѣта, какъ сей, просившій за васъ. Кто силу въ рукахъ имѣетъ, тотъ съ слабымъ не торгуется, а повелѣваетъ имъ. Ждите времени, сберите всѣхъ дагестанцевъ и готовьтесь перемерзнуть въ снѣгу между горъ, буде стоять устрашитесь. Не обманете вы меня въ другой разъ, истреблю васъ всѣхъ съ лица земли, и не увидите вы своихъ селеній; пойду съ пламенемъ, по вашему обычаю, и хотя русскіе не привыкли жечь, но спалю все то, что не займу войсками, и водворюсь на вѣки въ вашей землѣ! Знайте, что, писавъ сіе письмо къ вамъ неблагодарнымъ, кровь моя кипитъ, какъ вода въ котлѣ, члены всѣ дрожатъ отъ ярости. Не генерала я къ вамъ пошлю съ войсками, а самъ пойду; землю вашей области покрою кровью вашей, и она покраснѣетъ, но вы, яко зайцы, уйдете въ ущелья, и тамъ васъ достану, и буде не отъ меча, то отъ стужи поколѣете.“ А вотъ письмо къ элисуйскому султану: „Безстыдный и съ персидскою душою султанъ,— и ты еще ко мнѣ смѣешь писать! Дождешься ты меня къ себѣ въ гости за то, что части дани своей шелкомъ не платишь цѣлые два года, что принимаешь бѣглыхъ агаларовъ Россійской имперіи и даешь имъ кровлю, и что Боба-хану послалъ триста человѣкъ войска. Въ тебѣ собачья душа и ослиный умъ, такъ можешь ли ты своими коварными отговорками, въ письмѣ изъясненными, меня обмануть? Было бы тебѣ вѣдомо, что если еще человѣкъ твой придетъ ко мнѣ безъ шелку, то быть ему въ Си-

бири, а я, доколѣ ты не будешь вѣрнымъ данникомъ моего государя императора, дотолѣ буду желать кровью твоею мои сапоги вымыть.“ Въ другомъ мѣстѣ кн. Циціановъ пишетъ: „слыхано-ли дѣло на свѣтѣ, чтобы муха съ орломъ переговоры дѣлала.“

Ближайшее и сильнѣйшее изъ ханствъ было Ганжинское. *Ганжа* считалась неприступной, а ганжинскій *Джаватъ-ханъ* (тотъ самый, который съ Ага-Магометъ-ханомъ грабилъ Тифлисъ) былъ извѣстенъ своею храбростью; паденіе Ганжи должно было произвести громадное впечатлѣніе во всемъ Закавказьѣ, потому-то Циціановъ и рѣшился начать съ этого сильнѣйшаго и коварнаго сосѣда. Циціановъ осадилъ Ганжу; на предложенія о сдачѣ ему отвѣчали насмѣшками.—„Я возьму городъ и предамъ тебя позорной смерти,“ писалъ онъ Джаватъ-хану.—„Ты найдешь меня мертвымъ на стѣнѣ,“ отвѣчалъ ему тотъ,—и сдержалъ слово: послѣ кровопролитнаго штурма, когда взята была Ганжа, Джаватъ-ханъ былъ найденъ мертвымъ вмѣстѣ съ своимъ среднимъ сыномъ. При штурмѣ Ганжи случилось событіе, до тѣхъ поръ не слыханное въ Закавказьѣ и поставившее въ тупикъ азіатцевъ: ни одна изъ 8,600 женщинъ, взятыхъ ханомъ въ городъ изъ деревень въ залогъ вѣрности ихъ мужей, и ни одинъ младенецъ не погибли. „Человѣколюбіе и повиновеніе моему приказанію,—писалъ кн. Циціановъ,—доселѣ при штурмахъ не слыханное. Женщины и младенцы, ждавшіе необходимой при штурмѣ смерти, обезоружили неукротимыхъ. такъ сказать, львовъ, а вѣра, къ довершенію сего, погасила въ нихъ лютость, когда защищающіеся, видя ихъ уже сошедшими въ городъ, кинули ружья и даже сами татары начали креститься. Только въ одномъ мѣстѣ про-

дилась кровь рѣкою. До 500 чел. татарь засѣли въ мечеть съ тѣмъ, можетъ быть, чтобы сдаться побѣдителямъ, но одинъ армянинъ сказалъ нашимъ солдатамъ, что между засѣвшими есть дагестанскіе лезгины. Одно названіе лезгинъ было сигналомъ смерти всѣхъ бывшихъ въ мечети“. Въ числѣ плѣнныхъ было приведено къ кн. Циціанову ханское семейство въ самомъ жалкомъ видѣ,— и онъ тотчасъ же приказалъ выдать имъ изъ экстраординарной суммы 900 р., отвести домъ на форштатѣ и купить у штурмовавшихъ ковровъ, одѣялъ и проч. и выдать изъ хлѣбнаго запаса 30 четвертей пшеницы и по 20 четв. сарачинскаго пшена и проса. Первая ханская жена *Бегумъ* просила отпустить ее къ брату,—кн. Циціановъ согласился. Эти поступки, неслыханные до того времени въ Закавказьѣ, рассказывались какъ нѣчто необычайное, съ прибавленіемъ, что всѣ захваченные въ прежнихъ случаяхъ освобождены, и что ни грузины, ни русскіе не увлекали ихъ съ собою въ рабство по обычаю, искони существовавшему въ Азіи. Для болѣе прочнаго убѣжденія побѣжденныхъ, что русскіе уженикогда не оставятъ завоеваннаго края, Циціановъ просилъ императора Александра *переименовать Ганжу въ Елизаветполь*, въ честь императрицы Елизаветы Алексѣевны, на что и послѣдовало согласіе. Нынѣ Елизаветполь—губернскій городъ.

Взятіе Ганжи тотчасъ же оказало магическое дѣйствіе. Вотъ что писалъ кн. Циціановъ къ самухскому владѣльцу *Шеримъ-Беку*, зависѣвшему отъ Джаватъ-хана: „Шеримъ-Беку со мною, высокославныхъ російскихъ войскъ главнымъ начальникомъ, переписываться и пересылать пословъ не кстати и низко для меня. Когда вы боялись Джаватъ-хана, то какже меня не боитесь?

И какъ вы смѣли принять къ себѣ дѣтей его, бѣжавшихъ отсюда (во время штурма), которыхъ вы должны безъ всякой отговорки сюда представить. Имъ худа не будетъ сдѣлано. Оставьте всѣ персидскіе обманы и знайте, что меня вамъ не обмануть. Пріѣзжайте тотчасъ съ покорностью и привезите дѣтей ханскихъ. А если замедлите, то я васъ и на землѣ и въ водѣ найду. Вспомните, что слово свое держать умѣю: сказалъ, что царскую провинцію сокрушу—и сокрушилъ; сказалъ, что царскую фамилію, раздирающую Грузію, изъ Грузіи выведу—и вывезъ; сказалъ, что Ганжу возьму—и взялъ. Теперь судите, можете ли вы равняться съ нами? И неужели вы думаете, что я повѣрю вашимъ отговоркамъ?“

Шеримъ-Бекъ немедленно пріѣхалъ, принялъ присягу на подданство и былъ обложенъ ежегодною данью въ тысячу червонныхъ.

Взятіе Ганжи имѣло вліяніе и на христіанскія закавказскія владѣнія, *Имеретію* и *Мингрелію*, когда-то входившія въ составъ Грузіи, а теперь состоявшія подъ властью независимыхъ владѣтелей, освобожденныхъ по Кайнарджійскому трактату изъ подъ зависимости Турціи и перешедшихъ подъ покровительство Россіи.

Чтобы показать, въ какомъ положеніи находились эти страны, приведемъ отрывокъ изъ *Шарденя*, путешествовавшего здѣсь въ 1672 г.; описаніе Шарденя можетъ относиться и ко времени князя Циціанова, такъ какъ ни Мингрелія, ни Имеретія за все это время не измѣнились нисколько.

„Дворяне въ этихъ странахъ, говоритъ *Шарденя*, имѣютъ власть надъ жизнью и имуществомъ своихъ подвластныхъ; они дѣлаютъ съ ними, что хотятъ; берутъ у нихъ женъ, дѣтей и продаютъ ихъ. Каждый крестья-

нинъ долженъ господину своему доставлять ежегодно *гоми* (родъ проса), вино, скоть и прочее, сколько можетъ, по своему состоянію. Кромѣ того, онъ долженъ угостить своего господина два или три раза въ годъ, изъ чего происходитъ обыкновеніе у дворянъ разѣзжать круглый годъ по подвластнымъ крестьянамъ и объѣдать ихъ. Владѣтель ведетъ подобный же родъ жизни, такъ что всегда трудно узнать о мѣстѣ его пребыванія. Съ нимъ постоянно странствуютъ: все его семейство, придворные, гости, иностранцы, прислуга, составляющая огромную толпу. Объѣзжая свои владѣнія, онъ собираетъ подати, судитъ спорныя и тяжбыя дѣла и разрѣшаетъ недоумѣнія. Во время пути ему подають прошенія, и онъ разбираетъ дѣла. Просьбы же обыкновенно подаются такимъ образомъ: истецъ, завидя приближеніе владѣтеля, становится на колѣна и подаетъ свою бумагу. Князь беретъ ее и отдаетъ своему визирю, который читаетъ въ слухъ содержаніе просьбы. Въ это время истецъ съ своими спутниками начинаетъ кричать и вопить, чтобы разжалобить владѣтеля; отвѣтчикъ дѣлаетъ тоже самое; съ обѣихъ сторонъ выставляютъ свидѣтелей, и владѣтель, выслушавъ ихъ, дѣлаетъ свое рѣшеніе. Ссоры и спорныя дѣла между крестьянами, принадлежащими различнымъ владѣльцамъ, рѣшаются послѣдними. Когда же возникаетъ какойнибудь споръ между дворянами, то рѣшаетъ сила: кто сильнѣе, тотъ и выигрываетъ дѣло. Обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ они нападаютъ на имѣнія, принадлежащія противнику, и вооруженною рукою отбиваютъ скоть, разоряютъ его земли и подвластныхъ, жгутъ и грабятъ все, что попадаетъ подъ руку. Слабый противникъ, не будучи въ состояніи оградить себя отъ насилія, прибѣгаетъ къ защитѣ владѣтельнаго князя, который призы-

ваеъ обвиняемаго и старается уладить дѣло примиреніемъ; но подобныя примиренія бывають весьма не надежны и продолжаются до перваго удобнаго случая отмстить обиду. А потому почти нѣтъ дворянина, который не имѣлъ-бы съ кѣмъ нибудь вражды, вслѣдствіе чего всѣ они постоянно носятъ оружіе и окружають себя такимъ числомъ свиты, какое только въ состояніи содержать. На конѣ всегда вооружены съ головы до ногъ; ложатся спать, не покидая оружія. Жилища въ этихъ странахъ деревянныя и разбросаны по лѣсамъ. Дома неудобны и грязны—безъ оконъ и безъ печей; свѣтъ входитъ чрезъ двери; огонь разводится на земляномъ полу посреди жилища. Дворяне обѣдаютъ по восточному, сидя на коврахъ; престолюдины за обѣдомъ садятся на скамью другая скамья такой же вышины служить столомъ. Царь его дворъ и всѣ придворные служители, до послѣдняго конюха, всѣ ѣдятъ вмѣстѣ; также точно и царица обѣдаетъ вмѣстѣ съ своими придворными женщинами, дѣвухами и прислугою. Гоми варятъ въ котлѣ и кладутъ передъ каждымъ по куску, вѣсомъ фунта въ три; все мясо и овощи ставятъ передъ хозяиномъ, который посылаетъ куски его своимъ гостямъ и подвластнымъ. Ёдятъ пальцами и такъ грязно, что только сильный голодъ можетъ заставить ѣсть вмѣстѣ съ этими варварами. Во время обѣда служители ходятъ кругомъ и наливають вино. Главный предметъ разговора составляютъ рассказы о воровствахъ, убійствахъ, продажѣ невольниковъ и военныхъ подвигахъ; въ разговорахъ съ женщинами позволяютъ себѣ большую вольность. Вообще—говорить Шардень, описывая образъ жизни мингрельцевъ—всѣ они и сосѣди ихъ великіе пьяницы; въ этомъ они превосходятъ даже и нѣмцевъ, и всѣхъ сѣверныхъ жителей.“

Мингрелія во время кн. Циціанова была подъ управленіемъ владѣтельнаго князя *Григорія Дадіана*, а въ *Имеретіи* царствовалъ *Соломонъ II-й*. Оба они были въ непрерывной враждѣ между собою и только тѣмъ и занимались, что безпрестанно нападали другъ на друга, захватывали плѣнныхъ для продажи въ Турцію, истребляли весь хлѣбъ на поляхъ, подрубали виноградъ и возвращались домой „съ утѣшеніемъ, что довели несчастныхъ жителей до отчаянія.“ *Литвиновъ*, посланный кн. Циціановымъ въ Мингрелію и Имеретію, доносилъ: „не было получаса свободнаго, чтобы не приходили отцы, дѣти и матери, изувѣченные, безъ рукъ, безъ ногъ, съ выколотыми глазами, прося возвращенія ихъ дѣтей.“

Положеніе *Дадіана* было особенно невыносимо, и онъ объявилъ, что если Россія не приметъ его въ подданство, то ему остается только признать надъ собою власть Порты. Начались переговоры съ нимъ о подданствѣ. Дадіанъ просилъ, чтобы ему и его потомству предоставлено было пользоваться правами владѣтельнаго князя. На это послѣдовало согласіе, потому что кн. Циціановъ находилъ, что „оставляя царей при мнимомъ ихъ царствѣ въ совершенномъ подданствѣ Россіи, на условіяхъ, выгоды ей доставляющихъ, имперія ограждается отъ издержекъ, требуемыхъ введеніемъ російскаго правленія.“ Съ принятіемъ въ подданство Мингреліи, *Соломонъ* имеретинскій очутился посреди русскихъ владѣній, а обстоятельства требовали отъ насъ необходимаго вмѣшательства въ дѣла Имеретіи. Дѣло въ томъ, что *Соломонъ* заключилъ въ башню сына своего предшественника, царевича *Константина*, мать котораго, царица *Анна*, спасаяся отъ рукъ преслѣдователей, умоляла русскихъ о помощи и о спасеніи ея сына. Она поѣхала

въ Петербургъ, и императоръ Александръ, внимая ея просьбамъ, отправилъ коллежскаго совѣтника *Соколова* для переговоровъ по этому предмету съ Соломономъ. Царь принялъ Соколова въ шалашѣ, покрытомъ кукурузой, въ которомъ вся мебель состояла изъ деревянной скамьи. Хитрый варваръ, почитавшій себя христианиномъ, въ отношеніи вѣроломства, жестокости и дикости своихъ понятій не отставалъ отъ любаго изъ азіатскихъ князьковъ. Онъ прибѣгалъ ко всевозможнымъ уверткамъ, чтобы не выполнить требованія русскаго правительства: то притворялся, что не можетъ вникнуть въ смыслъ грамоты императора, то увѣрялъ, что ждетъ *дивана* (писца), который долженъ составить отвѣтъ на грамоту (потому что, не слѣдуетъ забывать, ни самъ *Соломонъ* и почти никто изъ его приближенныхъ не умѣли ни читать, ни писать). Словомъ сказать, Соколовъ не могъ добиться отъ него никакого отвѣта, и по-неволѣ пришлось прибѣгнуть къ угрозамъ. Какъ только послѣднія были пущены въ ходъ, *Соломонъ* тотчасъ же исполнилъ всѣ требованія и началъ просить о дарованіи ему такого же покровительства, какое дано было Дадіану, а въ апрѣлѣ 1804 года подписалъ договоръ, по которому передалъ себя со всѣмъ своимъ потомствомъ „въ вѣчное и вѣрное рабство Россійской державѣ“. Но, преклоняясь предъ русскимъ правительствомъ и завѣряя его въ безграничной преданности, онъ въ то же время искалъ противъ насъ помощи у Порты и изыскивалъ всѣ средства, чтобы склонить Дадіана къ измѣнѣ Россіи. Не видя успѣха въ своихъ проискахъ, онъ самымъ наглымъ образомъ захватилъ одного изъ посланныхъ отъ Дадіана къ кн. Циціанову, отнял у него бумаги и, подвергнувъ самому безчеловѣчному истязанію, утопилъ его затѣмъ

въ Ріонѣ. Вѣроломныя дѣйствія не сошли *Соломону* даромъ. Уже послѣ кн. Циціанова російскія войска, поддерживаемыя мингрельцами и гурійцами, заняли Кутаисъ и захватили *Соломона* въ *Зихарскомъ ущельи*, откуда онъ и былъ отправленъ подъ сильнымъ конвоемъ въ Тифлисъ, а Имеретинское царство обращено въ область. Черезъ нѣсколько времени *Соломону* удалось бѣжать изъ Тифлиса и явиться опять въ Имеретію, но имеретинцы, утомленные безначаліемъ, не захотѣли его признать больше своимъ царемъ; тогда онъ пробрался въ Турцію и кончилъ тамъ жизнь несчастнымъ скитальцемъ.

Мингрелія сохраняла нѣкоторую тѣнь самостоятельности до послѣдняго времени, когда владѣтельныя права *Дадіановъ* были выкуплены у нихъ нашимъ правительствомъ за дорогую сумму.

Сосѣдняя съ этими двумя странами *Гурія* утратила свое самостоятельное значеніе въ 1828 г., когда правительница ея *Софія*, вслѣдствіе открытія составленнаго ею заговора, должна была бѣжать въ Турцію, и когда послѣдній потомокъ Гуріелей *Давидъ* былъ убитъ подъ Ахульго въ 1829 году.

Благодаря блестящимъ побѣдамъ кн. Циціанова, сосѣднія съ Грузіею владѣнія спѣшили искать русскаго подданства: Гурія, султанство *Шурагельское*, ханства *Карабагское*, *Шекинское*, *Ширванское* были присоединены однимъ дипломатическимъ путемъ, безъ пролитія крови. Здѣсь не мѣсто рассказывать исторію этихъ присоединеній. Не будемъ также говорить и о походѣ кн. Циціанова подъ *Эривань*, гдѣ онъ, съ отрядомъ всего въ 4,500 чел., осаждая крѣпость, долженъ былъ еще и отбиваться отъ многочисленной персидской арміи. Циціановъ не взялъ Эривани единственно по недостатку

средствъ, хотя и покрылъ себя и свою крошечную армию неувядаемой славой.

Присоединеніе Имеретіи и Мингреліи дѣлало необходимою и присоединеніе *Поти*, безъ котораго упомянутыя земли почти ничего не значили. Эта крѣпость, принадлежавшая Турціи, управлялась въ то время пашею или, вѣрнѣе сказать, атаманомъ шайки разбойниковъ и бродягъ и была главнымъ центромъ торговли христіанами, опустошавшей Закавказье и населявшей Египеть. Извѣстно, напримѣръ, что всѣ мамелюки были изъ грузинъ. Не владѣя ни однимъ пунктомъ ни на Черномъ, ни на Каспійскомъ моряхъ, намъ почти не было возможности удерживать и Закавказье, такъ какъ сообщеніе чрезъ горы было въ то время трудно до крайности. Но Оттоманская Порта, завистливо смотрѣвшая на наши успѣхи, крѣпко держалась за свои азіатскія владѣнія, и приобрѣтеніе Поти не могло быть сдѣлано иначе, какъ переговорами или войною съ Турціей. Правительство наше вступило по этому поводу въ переговоры, и Циціановъ, содѣйствуя ему съ своей стороны всѣми силами, обратилъ всю свою кипучую энергію на занятіе Каспійскаго порта *Баку*. Съ приобрѣтеніемъ Баку и Поти наши закавказскія владѣнія почти достигли бы тѣхъ границъ, въ которыхъ онѣ находятся въ настоящее время.

Въ 1805 году открылась война съ Персіей. Начальствовавшій каспійской флотиліей генераль-маіоръ *Завалишинъ* отступилъ отъ Баку, не взявъ крѣпости. „Скажу вашему превосходительству, писалъ ему кн. Циціановъ, что еслибы я не ходилъ по горницѣ на костыляхъ отъ изнурившей меня болѣзни и еслибъ 400 верстъ не раздѣляли меня съ вами,—хотя сія и не велика остановка, а самая важная та, что я не имѣю отъ васъ курьера и

резолуции объ вашемъ отступленіи,—то я бы полетѣлъ на выручку славы русской и скорѣ легъ бы подъ стѣнами Баки, нежели далъ кичиться *Гуссейнъ-кули-хану* тѣмъ, что онъ отбилъ русскія войска, и что они ничего ему не сдѣлали“. Желая загладить неудачныя дѣйствія Завалишина, кн. Циціановъ не вытерпѣлъ, и въ зимнее ненастное время, изнеможенный тяжкими болѣзнями, двинулся подъ Баку съ отрядомъ въ 1,663 чел. и съ 10-ю орудіями. Пароксизмы изнурительной лихорадки, повторявшіеся по нѣскольку разъ въ день, ослабляли его здоровье. Во время похода его снимали съ лошади, клали на землю, и часто подъ снѣгомъ и дождемъ выдерживалъ онъ сильныя припадки и потомъ догонялъ отрядъ на привалахъ. По дорогѣ, приведя въ подданство Россіи богатое ханство *Ширванское*, онъ въ февралѣ 1806 г. явился подъ Баку, и одно грозное имя его произвело магическое дѣйствіе на *Гуссейнъ-кули-хана*, который прислалъ сказать, что сдаетъ крѣпость, а самъ между тѣмъ задумалъ уже втайнѣ самую гнусную измѣну. Утромъ 8-го февраля 1806 года кн. Циціановъ въ сопровожденіи караула изъ 200 человекъ, назначеннаго для занятія Баку, приблизился къ колодцу, отстоящему въ полверстѣ отъ города. Тутъ бакинскіе старшины подали ему ключи, хлѣбъ-соль и просили лично успокоить ихъ хана (съ которымъ князь былъ прежде знакомъ) на счетъ прощенія за оказанное имъ сопротивленіе. Главнокомандующій согласился и возвратилъ ключи съ тѣмъ, чтобы *Гуссейнъ-кули-ханъ* вручилъ ихъ ему самъ. Немедленно ханъ выѣхалъ изъ крѣпости въ сопровожденіи 5 сановниковъ, и Циціановъ довѣрчиво пошелъ къ нему на встрѣчу безъ свиты, въ сопровожденіи только подполковника *Эристова* и одного казака.

Едва только они сблизились, какъ по знаку, данному коварнымъ ханомъ, спутники его выстрѣлили въ Циціанова и Эристова изъ пистолетовъ. Одинъ казакъ лишь успѣлъ ускакать. Въ тоже время бакинцы съ страшнымъ крикомъ сдѣлали залпъ съ крѣпостныхъ стѣнъ по отряду, стоявшему у колодца, а убійцы утащили съ собою тѣла погибшихъ и, отрѣзавъ кн. Циціанову голову, отослали ее съ торжествомъ персидскому шаху. Тѣло Циціанова было зарыто у воротъ крѣпости, гдѣ долгое время виднѣлась могила грознаго русскаго главнокомандующаго на Кавказѣ. Русскія войска послѣ того сѣли на суда и отправились въ Астрахань.

Прошло 6 лѣтъ. Новый главнокомандующій *маркизъ Поулуччи* перенесъ тѣло князя Павла Дмитриевича въ Тифлисъ и положилъ въ Сіонскомъ соборѣ, гдѣ и воздвигнуть ему памятникъ съ надписью, говорящею о подробностяхъ печальнаго событія. Надпись кончается справедливыми словами, что „слава кн. Циціанова переживетъ прахъ его“.

Говорить ли о томъ, что потеряло Закавказье со смертью этого знаменитаго челоуѣка? Какіе результаты и при какихъ ничтожныхъ средствахъ! Какіе подвиги и какое умѣнье пользоваться обстоятельствами! Приѣхавъ въ разоренный и окруженный со всѣхъ сторонъ врагами край, *кн. Циціановъ* черезъ 3 года оставилъ намъ *Закавказье почти въ теперешнихъ его границахъ*. И это онъ сдѣлалъ, когда Россія, занятая войнами съ Наполеономъ, почти не могла отдѣлать войскъ для Кавказа; когда прибытіе туда одного какого нибудь полка считалось громаднымъ подкрѣпленіемъ; когда экспедици, да еще какія! — приходилось дѣлать большею частію лишь съ нѣсколькими батальонами.

Чтобы дать понятіе о томъ, каковъ былъ духъ циціановской арміи, расскажем почти невѣроятное отступление полковника *Карягина* отъ *Аскерани* въ *Мухратъ*.

Съ открытіемъ войны въ іюнѣ 1805 года на Араксѣ внезапно появилась огромная персидская армія. Противъ нея наши силы были таковы: въ *Шушѣ* (готовой ежеминутно взбунтоваться) стоялъ маіоръ *Лисаневичъ* съ шестью ротами, тремя орудіями и тридцатью казаками; на помощь ему долженъ былъ идти полковникъ *Карягинъ* съ батальономъ въ 400 человѣкъ, а въ случаѣ опасности для ихъ подкрѣпленія готовъ былъ двинуться и самъ главнокомандующій съ двумя не комплектными же батальонами, оставя третій для защиты *Елизаветполя*. Кроме того, у генерала *Несвьтаева* было два также не комплектныхъ полка. Вотъ все, что могъ выставить противъ персидскихъ полчищъ кн. Циціановъ.

Лисаневичъ заперся въ *Шушѣ*, готовой взбунтоваться, а *Карягинъ* съ своими 400 человѣками, при двухъ орудіяхъ, шелъ къ нему на помощь. Доходитъ *Карягинъ* до рѣчки *Шахъ-булага*, и его атакуютъ 15 т. персіанъ. *Карягинъ* отбивается; у него 33 чел. убито и 164 ранено,—остается только половина людей подъ ружьемъ; онъ окапывается и держится 4 дня; на пятый день маіоръ *Котляревскій* (будущій герой *Ленкорани*) предлагаетъ уйти въ ночь или тайно, или пробиться на проломъ сквозь персидскую армію въ крѣпостцу *Шахъ-Булагъ*. Предложеніе принято. *Карягинъ* бросаетъ весь обозъ на грабежъ непріятелю, солдаты везутъ на себѣ орудія, на трехъ оставшихся лошадяхъ ѣдутъ раненые *Карягинъ*, *Котляревскій* и еще одинъ офицеръ. Персіане поддаются на удочку: они бросаются грабить обозъ и

дозволяютъ уйти Карягину. Геройская горсть доходить до Шахъ-Булага; оказывается, что онъ занять непріятельскать гирнизономъ въ 150 человѣкъ. Карягинъ смѣло посылаетъ требовать сдачи, — ему отвѣчаютъ отказомъ, — удачный выстрѣлъ разбиваетъ ворота, и крѣпость взята штурмомъ: двадцать восемь персіянъ и два хана гибнутъ подъ штыками штурмующихъ. *Аббасъ-Мирза* окружаетъ Шахъ-Булагъ и хочетъ принудить къ сдачѣ голодомъ; четыре дня осажденные питаются травою и кониной; армянинъ меликъ *Вани* какъ-то ухитряется добыть и провезти имъ немного запасовъ. „Ваше сіятельство! — пишетъ Карягинъ Циціанову, — если не поспѣшите на помощь, отрядъ погибнетъ не отъ сдачи, къ коей не приступлю до послѣдней капли крови, но отъ крайности въ провіантѣ“.

13 дней тянется осада, и ни откуда нѣтъ помощи. *Аббасъ-Мирза* присылаетъ осажденнымъ храбрецамъ предложеніе вступить къ нему въ службу и обѣщаетъ разныя выгоды; предложеніе отвергнуто, а заключено перемиріе на четыре дня. *Аббасъ-Мирза*, въ знакъ уваженія къ Карягину, посылаетъ ему разной провизіи и дичи, застрѣленной собственными руками, и велитъ сказать, что Ганжа взята персіянами, и что русскимъ остается одно только — сдаться. Карягинъ отвѣчаетъ, что требованіе будетъ завтра исполнено. Но прошло и завтра, а Карягинъ все не сдавался. *Аббасъ-Мирза* готовился всѣми своими силами атаковать изнеможенный голодомъ и отчаянными битвами отрядъ. „Оставивъ 30 человѣкъ солдатъ, — разсказываетъ *Вани*, которому Карягинъ выдалъ свидѣтельство и прописалъ всѣ его подвиги, — дабы дѣлать оклики и не подать причины думать персіянамъ о нашемъ выступленіи, мы тихонько вывезли ору-

дія и раненыхъ, и когда они нѣсколько отдалились, я снова приблизился къ замку и далъ знакъ остальнымъ солдатамъ выходить: они исполнили это и весьма скоро присоединились къ первому отряду. На пути намъ встрѣтилась канава, чрезъ которую невозможно было перевести орудія и не было лѣсу изъ чего бы можно было сдѣлать мостъ. Четыре солдата добровольно согласились лечь въ канаву и черезъ нихъ перевезли орудія, — двое изъ нихъ умерли, а двое остались живы.“ Вотъ какимъ духомъ умѣлъ воодушевлять князь Циціановъ свою армію! Мы рассказали не анекдотъ, а фактъ, стоящій одиноко даже и въ исторіи кавказской арміи! Безпечный непріятель догналъ Карягина уже въ то время, когда онъ былъ въ виду Мухрата, въ которомъ спасся отъ преслѣдованія. Такова была циціановская армія! Что удивительнаго, если тотъ же самый Котляревскій, который былъ въ отрядѣ Карягина, отдалъ въ послѣдствіи, передъ штурмомъ Ленкорани, свой знаменитый приказъ: „отступленія не будетъ!“

Циціановъ былъ не только отличнымъ полководцемъ, но и отличнымъ администраторомъ. При немъ приступлено было къ разработкѣ дороги съ кавказской линіи въ Грузію и къ устройству дорогъ внутри этой страны. Онъ хлопоталъ о заведеніи суконныхъ и кожевенныхъ фабрикъ съ практической цѣлью удешевленія обмундировки солдатъ. Относительно повсемѣстно распространеннаго въ то время въ Закавказьѣ гнуснаго плѣнопродавства—Циціановъ дѣйствовалъ самымъ энергичнымъ образомъ. Многіе изъ мингрельскихъ дворянъ, постыднымъ образомъ отпавъ отъ христіанства, переселились въ Поти, чтобы удобнѣе красть и продавать людей. Циціановъ приказалъ отобрать имѣнія отъ подобныхъ гос-

подъ въ пользу *Левана*, наслѣдника Мингрели, и объявилъ, что всякій, изболченный въ торговлѣ людьми, несмотря на его званіе, родъ и достоинства, будетъ судимъ военнымъ судомъ и, по жестокомъ тѣлесномъ наказаніи, сосланъ въ Сибирь.

Русская администрація должна была бороться въ Грузіи съ такими затрудненіями, что самъ Циціановъ приходилъ отъ нихъ нерѣдко въ отчаяніе. Грузины рѣшительно отказывались идти въ суды и осаждали Циціанова цѣлыми толпами, требуя, чтобы онъ самъ разбиралъ ихъ распри. Для ускоренія производства дѣлъ главнокомандующій мудро ходатайствовалъ объ измѣненіи управленія. „Единственнымъ средствомъ сблизить нравы грузинъ съ російскими узаконеніями было, по его мнѣнію, распространеніе просвѣщенія въ народѣ.“

Среди непрерывныхъ походовъ онъ не переставалъ помышлять о борьбѣ съ невѣжествомъ, въ которомъ погрязло все народонаселеніе, хлопоталъ объ учрежденіи въ Тифлисѣ гимназіи, о присылкѣ учителей русскаго языка и о доставленіи книгъ, составилъ проектъ ботаническаго сада и аптеки и проч., и проч. Удивительно, откуда бралась энергія у этого человѣка, и что онъ сдѣлалъ въ свое управленіе, продолжавшееся всего три года!

Въ школѣ Циціанова началъ свое поприще и *князь М. С. Воронцовъ*, знаменитый слуга своего отечества, богачъ и аристократъ, въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова, Суровый вождь съ предубѣжденіемъ встрѣтилъ девятнадцати-лѣтняго преображенскаго поручика и камергера, едва только окончившаго свое воспитаніе въ Англіи; но скоро предубѣжденіе это смѣнилось глубокимъ уваженіемъ и любовью къ человѣку, въ которомъ опытный взлядъ главнокомандующаго прозрѣлъ мужа,

котораго надобно было сохранить для Россіи. Послѣ того какъ *Воронцовъ*, не щадя себя, вынесъ изъ битвы Котляревскаго, будущаго героя Кавказа, — Циціановъ сталъ беречь молодаго офицера и, спасаясь, чтобы онъ не погибъ при штурмѣ Ганжи, отправилъ его на лезгинскую линію, поручивъ особенному вниманію ген. Гулякова. Спустя нѣсколько дней по прибытіи молодаго чело-вѣка въ отрядъ, произошла несчастная битва съ лезги-ками въ *Закатальскомъ ущельи*. Здѣсь *Гуляковъ* былъ убитъ, а *Воронцовъ*, сброшенный въ пропасть, спасся какимъ-то чудомъ; при паденіи онъ потерялъ свой компасъ и шифръ, который былъ возвращенъ ему черезъ пятьдесятъ лѣтъ, когда *Воронцовъ* былъ уже кавказскимъ намѣстникомъ съ неограниченнымъ полномочіемъ и ново-россійскимъ генераль-губернаторомъ и управлялъ чуть ли не третьєю частью Европейской Россіи, отъ австрій-ской границы до Каспійскаго моря. Отправляя *Ворон-цова* съ дипломатическимъ порученіемъ въ Имеретію, главнокомандующій отзывался о немъ въ донесеніи импера-тору Александру въ такихъ выраженіяхъ: „твердость сего молодаго офицера, исполненнаго благородныхъ чувст-вованій и неустрашимости безпримѣрной, рвеніе къ службѣ в. и. в. и желаніе отличиться онымъ — удостовѣряють меня, что поѣздка его будетъ не бесполезна.“

Да, скажемъ въ заключеніе, если кто былъ держаль-цемъ русскаго имени честно и грозно, то это кн. Циціановъ. Поклонимся же еще разъ, читатель, праху знамени-таго челоуѣка и затѣмъ распростимся съ Тифлисомъ.

Поѣздка въ Караязь. Для того, кто незнакомъ съ орошеніемъ, орошеніе полей и садовъ въ Грузіи и вообще на Кавказѣ представляетъ чрезвычайный интересъ. Въ Грузіи оно, особенно въ долинѣ Куры и ея притоковъ,

существуетъ съ незапамятныхъ временъ. *Муганская степь* (лежащая около слиянія Аракса съ Курой), теперь страшная, совершенно безводная и необитаемая пустыня, вся прорѣзана остатками канавъ, показывающими, что это была цвѣтушая страна съ богатымъ населеніемъ.

Въ Закавказьѣ мѣстность, гдѣ только представляется возможнымъ провести воду, прорѣзывается каналами такъ, чтобы русло ихъ было нѣсколько выше поливаемыхъ изъ нихъ мѣсть. Каналъ принадлежитъ или одной, или нѣсколькимъ деревнямъ. Въ распредѣленіи воды соблюдается очередь и строгая справедливость. Въ каждой деревнѣ есть смотритель канавъ, который наблюдаетъ за исправленіемъ поврежденій.

Въ прежнее время избирался *хассавъ-дари*, должностное лицо, которому подчинялись всѣ смотрители канавъ въ извѣстной мѣстности. Въ большихъ селеніяхъ *хассавъ-дари* имѣли такое значеніе, что грузинскіе цари часто назначали на эту должность заслуженныхъ дворянъ особыми грамотами. Теперь смотрители канавъ избираются деревнею, а должность *хассавъ-дари* исполняетъ старшина сельскаго управленія.

Раздѣленіе воды между жителями происходитъ слѣдующимъ образомъ: каждому владѣльцу земли, когда наступаетъ его очередь, дается извѣстная доля воды, подъ названіемъ *накадули*. Количество воды, которое можетъ вмѣститься въ канаву, прорѣзанную плугомъ, составляетъ одно *накадули*. Каждый житель проводитъ на свою землю воду изъ главнаго канала по такой канавкѣ. Иногда грузинскіе цари жаловали разнымъ лицамъ за заслуги одно или два лишнихъ *накадули*.

Для поднятія воды изъ рѣки на возвышенный берегъ употребляются наливныя колеса, помѣщенные на го-

ризонтальной оси подъ рѣкою и приводимыя въ движеніе самимъ рѣчнымъ теченіемъ. Изъ колодцевъ воду поднимають чигирями. Для проведенія воды чрезъ овраги перекидываются желоба или каменные водопроводы на аркахъ, смотря по разстоянію и по средствамъ.

Въ *Казаязской степи*, въ долинѣ Куры, недалеко отъ большой дороги изъ Тифлиса къ Елизаветполю, находится знаменитый *Маріинскій каналъ*, замѣчательнѣйшее ирригаціонное сооруженіе во всемъ краѣ. Онъ принадлежитъ „Обществу возстановленія православнаго христіанства ва Кавказѣ“, для усиленія средствъ и упроченія котораго нынѣ царствующему императору угодно было дать сто тысячъ десятинъ земли. Общество же, съ своей стороны, затратило на сооруженіе этого громаднаго канала около 370 т. руб. сер.

Для осмотра *Маріинскаго канала* (названнаго такъ въ честь августѣйшей покровительницы Общества государыни императрицы) надобно нанять экипажъ туда и обратно (*фазтонъ стоитъ около 10 р. сер.*).

По большой шоссейной дорогѣ ѣдутъ 24 в. до второй *Яглуджинской станціи* и оттуда поворачиваютъ влѣво. Проѣхавъ черезъ мостъ на Курѣ, остающейся потомъ вправо, подѣзжаютъ къ старинной крѣпости *Решидъ-Кала*, гдѣ и начинается *каналъ*. Выше рѣка перепружена длиннымъ барражемъ, и вода впускается въ каналъ 24-мя желѣзными шлюзами, легко поднимающимися и опускающимися посредствомъ винтовыхъ стержней. На башнѣ крѣпости надпись, которая говоритъ, что *каналъ* начатъ 1 января 1865 г. и открытъ 9 марта 1867 г.; проектъ составленъ инженерами *Белли и Габба*. Мѣстность у *Решидъ-Кала* довольно живописна. Дорога изъ Тифлиса идетъ правымъ берегомъ Куры; сначала видны

по рѣкѣ деревни, совершенно скрывающіяся въ садахъ, въ которые вода поднимается наливными колесами,—но чѣмъ дальше, тѣмъ мѣстность становится все пустынье и, наконецъ, превращается въ совершенно безотрадную пустыню.

Отѣхавъ нѣсколько верстъ отъ города, видны остатки громаднаго каменнаго водопровода, тянущіеся по степи. У Репидъ-Кала *каналъ* остается вправо отъ дороги; онъ тянется на четыре версты вдоль Куры, скрываясь въ мелкомъ лѣсу, потомъ, поворота круто влѣво, пересѣкаетъ дорогу и почти доходить до горъ, окаймляющихъ съ сѣверной стороны долину Куры; *длина его* около 18 верстъ, *ширина* 9 аршинъ въ основаніи и отъ 6 до 8 сажень вверху; *глубина*, при полной водѣ до трехъ аршинъ, такъ что по немъ тогда можетъ ходить небольшой пароходъ.

Это только первое отдѣленіе канала, которое должно было окончиться естественною низменностью и образовать изъ нея озеро около 5 верстъ длины и 2 верстъ ширины; далѣе предполагалось каналъ продолжить еще такъ, чтобы длина его доходила до 40 верстъ, и онъ могъ бы орошать до 27 т. десятинъ земли. Предположеніе это до сихъ поръ не исполнено; конецъ канала размыло водой, и стоило большихъ трудовъ и издержекъ, чтобы предупредить дальнѣйшее размываніе; вода изъ канала падаетъ по укрѣпленной наклонной плоскости широкою струей, сила которой доходитъ до 2,000 лошадиныхъ силъ.

Изъ проведеннаго канала можетъ быть орошено до 15 т. десятинъ земли, изъ которыхъ въ настоящее время разбирается подъ посѣвъ неболѣе 5 тысячъ. Постоянно поселилось здѣсь нѣсколько деревень *айсаровъ*

(древнихъ ассиріянъ), принадлежавшихъ прежде къ несторіанской ереси, но потомъ принявшихъ православіе. (*Несторій*, бывшій патріархъ константинопольскій отъ 425 до 430 г., проповѣдывалъ, что въ Христѣ было два отдѣльныхъ естества: божеское и человѣческое, не сливаемыхъ по его ученію. Онъ былъ осужденъ на Эфесскомъ соборѣ въ 431 году). Самая большая деревня состоитъ домовъ изъ 50.

Около Куры, плоскіе берега которой покрыты лѣсомъ, взято нѣсколько долгосрочныхъ участковъ *персіянами* — преимущественно подъ огороды. Самое большое количество земли разбирается *борчалинскими татарами*, которыхъ все хозяйство заключается въ томъ, чтобы весною всковырять кое-какъ крючкомъ землю, посѣять хлѣбъ и затѣмъ уйдти въ горы на кочевку; отъ кочевки татарина не удержитъ никакая выгода и никакая сила.

Сдачная цѣна земли въ настоящее время отъ 3-хъ до 5-ти рублей за десятину. Валоваго дохода получается до 15 тыс. р. сер.; изъ него до 5 т. отпускается на посадку деревьевъ, покупаемыхъ въ саду барона Николаи; большихъ расходовъ также стоитъ поддержка канавъ, которыя легко засариваются по слабости глинистаго грунта. Успѣшному росту посаженныхъ деревьевъ много вредитъ татарская скотина; оплести же каждое деревце и усмотрѣть за татарами нѣтъ никакой возможности; довольно часто попадаютъ деревца, пересѣченныя пополамъ единственно за тѣмъ, чтобы попробовать, хорошъ ли кинжалъ.

Изъ сказаннаго видно, что пока Общество не имѣетъ большихъ выгодъ отъ Караяза, но времени съ открытія канала прошло еще такъ немного, что и настоящее положеніе дѣлъ плохимъ назвать нельзя; напротивъ, мож-

но надѣяться, что—оставить ли Общество веденіе хозяйства за собой, или передасть его въ частныя руки (что, по нашему мнѣнію, было бы несомнѣнно выгодно) — доходъ отъ орошаемой земли въ послѣдствіи (особенно съ проведеніемъ желѣзной дороги на Баку) неминуемо долженъ составлять хорошій процентъ на затраченный капиталъ. Дѣвственная земля Караязской степи, въ продолженіи многихъ столѣтій служившая пастбищемъ для многочисленныхъ стадъ овецъ и, стало-быть, унавоженная ихъ пометомъ, можетъ служить для посѣва пшеницы, кукурузы, хлопчатника и для разведенія винограда. Въ Эривани такая же земля, засѣваемая хлопчатникомъ, даетъ отъ 70 до 80 р. въ годъ.

Теперешній климатъ этой мѣстности, нездоровый для населенія, но въ высшей степени благотворный для растительности, современемъ, съ увеличеніемъ культуры, также долженъ измѣниться неминуемо къ лучшему.

Говоря о главномъ каналѣ, мы не сказали ничего о дальнѣйшемъ развѣтвленіи ирригаціонной системы Караяза. Вотъ она въ краткихъ словахъ. Изъ главнаго канала, подъ прямымъ угломъ къ нему, прорыто 17 второстепенныхъ *распределительныхъ* каналовъ и столько же *собираетельныхъ*; они пересѣкаютъ степь до самой Куры на параллельныя полосы, въ 500 сажень ширины каждая. Вода въ эти каналы впускается черезъ шлюзы. Второстепенные каналы снабжены, въ свою очередь, также небольшими шлюзами. Весь орошаемый участокъ имѣетъ треугольную форму. Второстепенные каналы развѣтвляются на канавы меньшихъ размѣровъ, изъ которыхъ вода пускается уже на орошаемыя участки; они же служатъ и для отвода въ Курю излишней воды. Отъ *Решидъ-Кала* дорога по обѣимъ сторонамъ обсажена

молодыми тополями; по ней безпрестанно приходится переѣзжать чрезъ мосты, перекинутые черезъ каналы. Вдали, посреди ровной степи, видна курганообразная гора *Картапа*, на которой выстроены домъ управляющаго. Съ этой горы открывается обширный видъ на орошаемую степь, всю изрѣзанную каналами.

Берега Куры поросли лѣсомъ, въ которомъ водится много кабановъ и другой дичи; право охоты въ немъ откуплено у Общества в. княземъ намѣстникомъ.

Если будетъ можно, наймите на Картапѣ у татаръ верховыхъ лошадей и съѣздите посмотрѣть водопадъ, которымъ оканчивается главный каналъ,—онъ стоитъ осмотра.

Дорогой, по всей вѣроятности, вамъ удастся увидеть одинъ или нѣсколько табунковъ *джейрановъ* (сенегальскихъ антилопъ—*antilope subgutturosa*), этихъ прекрасныхъ животныхъ, которыхъ на свободѣ рѣдко можно бываетъ гдѣ либо увидеть, кромѣ какъ въ Караязѣ.

Надо быть осторожнымъ и крѣпко сидѣть въ сѣдлѣ на сумасбродныхъ татарскихъ лошадяхъ.

На Картапѣ нѣтъ заѣзжаго дома; я имѣлъ рекомендательное письмо изъ Тифлиса и, благодаря ему, былъ принятъ чрезвычайно любезно.

Если вы любите ѣздить верхомъ, то можно достать верховыхъ лошадей въ Тифлисѣ и, выѣхавъ утромъ, къ вечеру вернуться назадъ. Отъ Тифлиса до Картапы около 30 верстъ.

Отъ Тифлиса до Кутаиса (*по прежней не желѣзной дорогѣ*). Во время нашего путешествія по Кавказу Тифлиско-Потійская желѣзная дорога не была еще окончена; поѣзды ходили только отъ Квирихъ до Поти, и потому мы не станемъ описывать подробно дорогу до

Квирихъ отъ Тифлиса, а сдѣлаемъ только общій ея очеркъ и опишемъ тѣ замѣчательныя мѣста, встрѣчающіяся на ней, которыя заслуживаютъ и осмотра и остановки.

Пройдя черезъ *Мезхетъ*, дорога поворачиваетъ влѣво и идетъ долиной Куры. Первое мѣсто на ней, которое слѣдуетъ осмотрѣть, это—*Гори*, теперешній уѣздный городъ Тифлисской губерніи. Дорога до него (въ прежнее время двѣ станціи: *Нибчисъ-Ухале* и *Ахалкалахи*) сначала идетъ узкимъ ущельемъ, которое чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше расширяется. По дорогѣ видны деревни, почти скрывающіяся въ садахъ, и орошаемыя поля. На обнаженныхъ горахъ развалины старинныхъ замковъ, массивныхъ и лишенныхъ красоты и изящества, какъ и вездѣ на Кавказѣ. Мало въ цѣломъ свѣтѣ странъ, гдѣ было бы столько этихъ свидѣтелей прошлаго смутнаго времени, какъ въ Грузіи. Съ начала дороги, гдѣ Кура течетъ еще по узкому ущелью, дуетъ иногда такой рѣзкій вѣтеръ, что разница между сухимъ и смоченнымъ термометромъ доходитъ до 10°, и потому людямъ, подверженнымъ простудѣ и лихорадкамъ, не мѣшаетъ принять это къ свѣдѣнію. Слѣдуетъ замѣтить селенія: *Дзевви* (гдѣ желѣзная дорога пересѣкаетъ Куру) и *Кафтисъ-Хеви*, почти не видныя изъ окружающихъ ихъ садовъ, также какъ и *Ахалкалахи*. Мы сказали, что, подъѣзжая къ *Гори*, долина расширяется; къ сѣверу мѣстность открыта, а къ юго-западу вдали тянутся лѣсистыя *Гурійскія горы*, въ которыхъ, по преданію, аргонавты искали золотое руно. Надъ городомъ налѣво возвышается видная издалека остроконечная гора съ стариннымъ монастыремъ *св. Георгія* на вершинѣ, а внизу, при сліяніи Ляхвы и Куры, совершенно отдѣльно отъ всего лежитъ, въ родѣ острова, огромная каменная масса, увѣнчанная знаменитыми развали-

нами крѣпости *Горисъ-Цихе* и составляющая главную красоту городка, раскинувшася у ея подножія.

Не доѣзжая семи верстъ до Гори, можно рассмотреть въ бинокль знаменитый не только въ Закавказьѣ, но и составляющій всесвѣтную рѣдкость, высѣченный въ скалѣ городъ такъ называемыхъ *троглодитовъ*: *Уплисъ-Цихе*, надъ деревнею того же имени. Грѣшно проѣхать мимо Гори и не осмотрѣть эту рѣдкость.

Г о р и.

Объ этомъ городкѣ, игравшемъ когда-то значительную роль въ исторіи Грузіи, многого сказать нечего. Онъ имѣетъ собственно одну довольно порядочную главную улицу, на которой нѣкоторые дома красивы и украшены оригинальными прорѣзными балкончиками и галереями—общеею принадлежностью всѣхъ хорошихъ построекъ въ южныхъ странахъ. Въ городѣ есть старинная церковь съ остроконечнымъ куполомъ, крытымъ разноцвѣтными изразцами. Городъ, сравнительно съ великорусскими уѣздными городами, можетъ быть названъ очень опрятнымъ, потому что каменистый грунтъ легко позволяетъ устроить шоссе и мостовую.

Извозчики экипажи—очень хорошенькіе фаэтоны, которые, впрочемъ, не стоятъ на биржѣ, и ихъ надобно нанимать на дворѣ у хозяевъ.

Горисъ-Цихе расположена на отдѣльной ото всей окружающей мѣстности горѣ, имѣющей до пятисотъ сажень въ окружности и отдѣляющейся отъ сосѣднихъ горъ рѣками Курой и Ляхвой. Около крѣпости течетъ рѣчка, называемая русскими *Птонка*. Издали и крѣпость и гора представляются сѣрою массою безъ всякой растительности, да и въ самомъ дѣлѣ здѣсь, кромѣ сорныхъ травъ,

ничего не растеть. Отъ крѣпости, занимающей вершину горы, сбѣгаютъ книзу, на сѣверо-западъ, вплоть до самой долины, двѣ массивныхъ стѣны, проходъ между которыми составляетъ какъ бы длинную галерею, оканчивающуюся воротами; проходъ этомъ пересѣченъ еще семью поперечными стѣнками, также имѣющими ворота и снабженными (хотя и не всѣ) башнями для фланговой обороны. Нѣтъ надобности добавлять, что такимъ образомъ укрѣплена самая отлогая и, слѣдовательно, самая доступная часть горы. Этотъ оригинально укрѣпленный спускъ составляетъ самую замѣчательную часть постройки. Нельзя не признать въ строителѣ большихъ способностей и знанія своего дѣла. При отсутствіи у нападающаго артиллеріи, *Горисъ-Цихе* могла считаться совершенно неприступною крѣпостью.

Время постройки Горисъ-Цихе неизвѣстно, но о ней уже упоминается въ грузинскихъ лѣтописяхъ VII столѣтія, какъ объ одномъ изъ надежнѣйшихъ укрѣпленій во всей Грузіи. Ираклій II часто находилъ въ ней убѣжище при нашествіи лезгинъ, персіянъ и турокъ. И теперь еще можно слышать рассказы, передаваемые народомъ старожилами, о томъ, какъ *мимбаши* (комендантъ) въ опасное время пропускалъ въ крѣпость окрестныхъ жителей, осаждавшихъ ея ворота при наступленіи вечера. Впустивъ ихъ, мимбаша запиралъ ворота самъ и хранилъ ключи у себя, а жители, размѣстившись въ тѣхъ помѣщеніяхъ, которыя видны въ стѣнахъ еще и до сихъ поръ, вполне забывали объ опасности.

Должность *мимбаша* въ *Горисъ-Хихе* давались самымъ вѣрнымъ и испытаннымъ царскимъ слугамъ, и служба ихъ награждалась грузинскими царями очень щедро.

Площадь внутри крѣпости представляетъ неровную

плоскость, усѣянную горами развалинь. По срединѣ ея видна и доселѣ глубокая яма, выложенная камнемъ и служившая для сбора дождевой воды.

Мѣстность самой горы печальна и однообразна; растительность не украшаетъ стѣнъ крѣпости; повсюду царствуетъ мертвая тишина, и только ящерица да дикіе голуби изрѣдка нарушаютъ ее. Но оглянитесь кругомъ, и васъ поразитъ едва ли не единственная картина во всей Грузіи. Обширная долина, роскошно одѣтая самую разнообразную растительностью, ежечасно окрашивается новыми красками и, убѣгая вдаль, ограничивается на горизонтѣ покрытыми зеленью горами, которыя вѣнчаютъ высокій *Брутенбзели* въ вѣчно снѣговой діадемѣ.

Уплись-Цихе. *Экипажъ или верховыхъ лошадей* для этой поѣздки можно нанять на главной улицѣ въ Гори. Мы совѣтовали-бы тому, кто можетъ, отправиться верхомъ. *Цѣна* за верховую лошадь отъ 1½ до 2 р. туда и обратно; за лошадь проводника цѣна такая же; проводнику при этомъ уже ничего не платятъ, а даютъ только на водку.

Деревня *Уплись-Цихе* и вырубленный надъ нею въ скалѣ городъ троглодитовъ находится на лѣвомъ берегу Куры, въ семи верстахъ ниже Гори. Прежде чѣмъ начать описаніе этой рѣдкости, скажемъ нѣсколько словъ о *троглодитахъ*. Что это были за люди, и откуда получило начало это странное названіе? Страбонъ говорить, что на сѣверномъ скатѣ Кавказа, у Гиппонаса (Кубани), находится народъ троглодиты, живущій, по причинѣ стужи, въ пещерахъ и имѣющій изобиліе въ хлѣбѣ и овощахъ. Съ тѣхъ поръ и принято называть этимъ именемъ всѣхъ вообще пещерныхъ жителей. Но что это были за люди, когда они жили, и что застав-

ляло ихъ жить въ вырубленныхъ на высотахъ пещерахъ,—объ этомъ мы ровно ничего не знаемъ. Можно сказать только одно на вѣрное, что назадъ тому нѣсколько тысячелѣтій, въ доисторическія времена, людская жизнь была такова, что для сохраненія ея необходимо было жить въ недоступныхъ пещерахъ.

Пещерь этихъ на Кавказѣ, въ Азіатской Турціи и въ Персіи весьма много; онѣ есть также и въ Крыму, близъ Инкермана. Почти всѣ эти пещеры, вырубленные иногда въ нѣсколько ярусовъ одна надъ другой, не большаго размѣра, безъ всякихъ украшеній и могли быть обитаемы только совершенными дикарями. *Уплисц-Цихе* въ этомъ отношеніи представляетъ совершенное исключеніе. Осматривая его, видишь, что начало этого страннаго города слѣдуетъ тоже приписать троглодитамъ, но, вѣроятно, положеніе его было настолько благоприятно, что и народы историческіе расположили въ немъ свои жилища и распространяли и доканчивали первобытныя работы дикарей во всѣхъ направленіяхъ. Видно, что здѣсь господствовали просвѣщеніе, роскошь и даже любовь къ искусствамъ. Въ изумленіи останавливаешься передъ памятниками старо-греческой, римской, арабской и даже готической архитектуры, слѣдовъ которой рѣшительно нѣтъ во всемъ краѣ. Кирпичная, почти развалившаяся христіанская церковь, тоже существующая въ *Уплисц-Цихе*, повидимому, нѣсколько столѣтій, кажется, въ сравненіи съ окружающимъ ее, новенькою постройкою.

Грузинскія лѣтописи о *постройкѣ Уплисц-Цихе* говорятъ только слѣдующее: отъ Ноева сына Іафета произошелъ въ 3-мъ или 4-мъ колѣнѣхъ родоначальникъ армянъ и грузинъ *Таргамосъ*. У него было 8 сыновей и

по имени одного изъ нихъ, *Картлоса*, названо племя *карталиницевъ*. Сынъ Картлоса, *Михетосъ*, построилъ городъ Михетъ (*Мухетъ*), древнюю столицу Грузии. Сынъ Михетоса, *Уплисъ*, построилъ города Каспъ, *Урбнисъ* и *Уплисъ-Цихе*, что значитъ—замокъ Уплиса. *Уплисъ-Цихе* былъ городомъ до нашествія Чингисъ-Хана. Построеніе его было изумительное и заключалось въ по-кояхъ, высѣченныхъ въ скалѣ; одна изъ этихъ щельей простиралась до Мтквари, т. е. до Куры. Уплисъ-Цихе одна изъ замѣчательнѣйшихъ древностей Кавказа, и это подземное сооруженіе послужило образцомъ для *Вардзиза* *), дворца Тамары, который былъ тоже выдолбленъ въ скалѣ. Вотъ и все, что говорятъ намъ лѣтописи. Можно сказать почти навѣрное, что вопросъ о троглодитахъ останется навсегда не разрѣшеннымъ.

Дорога до Уплисъ-Цихе идетъ выжженой и безплодной мѣстностью, пересѣченной крутыми оврагами; деревушка представляется роскошнымъ оазисомъ; внизу ея шумитъ Кура, а высоко на верху въ желтой, отвѣсной скалѣ, какъ глазныя впадины въ черепѣ, виднѣются отверстія пещеръ, изъ которыхъ большая часть недоступна для осмотра. Оставя лошадей въ деревнѣ и обогнувъ гору, взбираются въ городъ троглодитовъ по тропинкѣ, имѣющей видъ желоба. Взбираться приходится не высоко, и черезъ нѣсколько минутъ вамъ открывается городъ. Дорожка забираетъ влѣво, и вы проходите небольшою площадкой или, скорѣе, улицей, называемою *базаромъ*,—и въ самомъ дѣлѣ, помѣщенія, находящіяся на ней, могли быть или лавками, или духанами; тутъ есть и остатки каменной стѣны и какое-то открытое жи-

*) О немъ мы скажемъ при описаніи Боржомскаго ущелья.

лице (въ родѣ сакли) со скамьею снаружи. Пройдя далѣе, мимо нѣсколькихъ комнатъ и погребовъ, встрѣчаютъ *открытую залу*, въ видѣ полукруглой арки, украшенной изнутри красиво вырубленными 8-ми-угольными розетками, между которыми находятся четырехугольные розетки; работа ихъ хороша и даже, можно сказать, изящна; по бокамъ этой залы и сзади ея по комнатѣ; на потолокъ правой комнаты вырублены балки, въ подражаніе деревяннымъ; въ полахъ углубленіе, вѣроятно для воды, а въ стѣнахъ—небольшія ниши для посуды; въ лѣвой комнатѣ ниши, въ родѣ дивана, съ аркой; въ заднюю комнату надо подниматься по 3-мъ ступенькамъ. Зала, вмѣстѣ съ боковыми комнатами, имѣетъ около 20 шаговъ длины, и всѣ онѣ снаружи украшены однимъ *фронтономъ*. Впереди залы, надъ обрывомъ, *полукруглая площадка*, въ родѣ террасы или балкона. Какое было назначеніе этой имѣющей характеръ древнегреческаго стиля залы? Былъ-ли это языческій храмъ или пріемный покой какого нибудь властелина? Ничто не даетъ на это никакого отвѣта. Поднимаясь отсюда вправо и пройдя мимо нѣсколькихъ помѣщеній, находятъ *большую залу* съ прекрасно-высѣченнымъ потолкомъ въ видѣ досокъ, лежащихъ на балкѣ; балка поддерживалась двумя колоннами, которыхъ пьедесталы еще цѣлы. Эта зала также окружена нѣсколькими комнатами съ арками; въ потолокъ ея правильно выложенная камнемъ дымовая труба. Поднимаясь еще далѣе, проходятъ мимо *христіанской церкви*, о которой мы упоминали выше,—она выстроена тоже на жилищахъ троглодитовъ. Поднявшись отсюда вверхъ, на лѣво встрѣчаютъ прекрасно вытесанную *комнату съ 4-мя правильными, перекрещивающимися сводами*, которыхъ общій узелъ поддержи-

вается колонною; комната эта находится въ лѣвомъ углѣ двора, тоже окруженная комнатами, и носить на себѣ характеръ арабской архитектуры. *Кровля большой залы* (съ потолкомъ въ видѣ досокъ), по которой приходится проходить, плоская, и на ея краю, кончающемся обрывомъ, видны слѣды баллюстрадинъ,—конечно, она была плоской террасой. Далѣе налѣво комнаты, изъ которыхъ одна со стрѣльчатыми сводами; ее называютъ, неизвѣстно, впрочемъ, по чему, *церковью*. Надобно сказать, что вообще весь этотъ подземный городъ ни въ чемъ не проявляетъ христіанскаго характера. Отсюда идетъ *галлерей*, ведущая въ нѣсколько подобныхъ же маленькихъ комнатъ; отверстія ихъ, видимыя когда подѣзжаешь къ Уплись-Цихе, выходятъ надъ отвѣсною скалою; изъ нихъ открывается обширная панорама на долину Куры, а глубоко внизу расположилась, будто муравейникъ, деревня.

Жалкій видъ имѣеть эта безобразная куча плосковерхихъ саклей въ сравненіи съ висящимъ надъ нею неразгаданнымъ памятникомъ троглодитовъ; обширные сады деревушки расположены отдѣльно отъ нея по другую сторону скалы и представляютъ сверху тоже рѣзкій контрастъ съ жилищами своихъ бѣдныхъ хозяевъ.

Обратно можно спуститься или по прежней дорогѣ, или черезъ выдѣланный въ скалѣ длинный *туннель*; спускъ этотъ интересенъ, но очень неудобенъ и крутъ.

Съ страннымъ чувствомъ покидаешь таинственный городъ троглодитовъ. Кто и когда населялъ эти подземныя жилища, какъ темныя пасти зіяющія со всѣхъ сторонъ на путешественника? Навсегда остаются въ памяти эти улицы съ вытесанными для воды канавками, эти ворота, лѣстницы, площади, дворцы, духаны, покои

съ нишами и скамьями. Цѣлые вѣка прошли съ тѣхъ поръ, какъ заброшены все эти громоздящіяся другъ на друга постройки; дворцовыя залы ихъ служатъ теперь для загона на ночь овецъ; пастухъ разводитъ въ нихъ свой дымный костеръ, и только путешественникъ посѣщаетъ таинственный городъ для того, чтобы, подивившись, покинуть его въ полномъ недоумѣннн.

На возвратномъ пути въ Гори влѣво, на правомъ берегу Кумы, видна деревня, скрывающаяся, по здѣшнему обыкновенію, въ садахъ. Это *Атени*, имѣніе князей Эристовыхъ. Живописное *Атенское ущелье* устьяно разрушенными башнями и развалинами города *Атени*, въ которомъ сохранились три церкви, а еще выше, въ глубинѣ ущелья, надъ обрывомъ утеса, надъ бурнымъ потокомъ *Тани*, *Сіонская обитель* прекраснѣйшей архитектуры. Недалеко отъ Атени въ деревнѣ *Гвареби* единственный во всемъ краю стеклянный заводъ. Въ Атени *экипажъ стоитъ* около 5-ти рублей туда и обратно.

Остается еще сказать про прогулку на гору къ *церкви св. Георгія*, откуда открывается великолѣпный видъ. Прогулку эту надо дѣлать пѣшкомъ. Долина за Гори была прежде покрыта густымъ лѣсомъ, теперь это мелкій кустарникъ.

До *Сурама* дорога проходитъ одной изъ плодороднѣйшихъ долинъ въ Грузіи. Направо въ сторонѣ видна деревня *Урбниси*, на томъ мѣстѣ, гдѣ во время Александра Македонскаго былъ городъ того же имени. И теперь еще тамъ находятъ много римскихъ и греческихъ монетъ и разныхъ женскихъ украшеній; въ деревнѣ церковь, построенная царемъ *Горгосланомъ*.

Выше Урбниси лежитъ деревня *Руиси*, бывшая въ старину городомъ и резиденціею царя *Давида-Возоб-*

новителя, когда Тифлисъ былъ въ рукахъ сарацинъ. Здѣсь въ церкви, имъ построенной, но неоднократно обновленной, богатый даръ его—большія, вышиною до двухъ аршинъ, серебряныя *складни*, съ чеканною на нихъ иконою Богоматери, съ частью животворящаго креста и 300 частицъ мощей. За Руиси влѣво церковь *Соволаквели*, направо церковь *Бретская* со святынями.

Сурамъ—торговое мѣстечко въ родѣ нашихъ богатыхъ сель; улица вся занята домами съ лавочками. *Старинный замокъ* на отдѣльной скалѣ, напоминающій собою Горисъ-Цихе въ маломъ видѣ, выстроенъ будто бы Фарнаджаномъ за 200 лѣтъ до Р. X.; про него у барона Такстгаузена разсказана слѣдующая легенда. Когда то здѣсь властвовалъ сильный князь Тавасъ. На юго-восточной части замка возвышается стѣна надъ глубокой пропастью; она такъ крѣпка, что кажется выросшею изъ скалы. Тавасъ прилагалъ всевозможныя старанія, чтобы вывести эту стѣну, но всѣ усилія его были напрасны: что было сдѣлано днемъ, то ночью проваливалось въ бездну. Наконецъ, дознались, что стѣна должна быть заколдована. Спрошенный по этому дѣлу персидскій колдунъ объявилъ, что стѣна будетъ окончена лишь тогда, когда подъ фундаментъ ея похоронятъ живаго единственнаго сына вдовы. Отыскали мальчика и надъ нимъ окончили стѣну. Но она никогда не высыхала, поверхность ея всегда была сыра. Это слезы несчастной матери. Сохранилась народная пѣсня, въ которой приводится послѣдній разговоръ матери съ ея сыномъ, котораго звали Цурабомъ.—„Что, ты живъ еще милый сынъ?“—„Ахъ! матушка, меня замуравили до колѣнъ.“—„Что, ты живъ еще, милый сынъ?“—„Ахъ, матуш-

ка, стѣна поднимается до пояса, до груди, до шеи. Прощай, матушка, все кончено!“

Съ Сурама дорога оставляетъ Куру, и отсюда начинается удивительный *сурамскій перевалъ* черезъ горы въ Имеретію. По Курѣ же дорога поворачиваетъ влѣво, въ *Боржомъ*—мѣстечко съ минеральными водами и очаровательною лѣтнею резиденціею в. князя намѣстника. Сначала мы опишемъ Боржомъ, а потомъ, слѣдуя принятому плану, расскажем исторію Имеретіи, Мингрелии и Гурии, сдѣлаемъ легкій очеркъ долины Ріона съ народами, въ ней живущими, и затѣмъ уже станемъ продолжать наше дальнѣйшее путешествіе.

Боржомское ущелье и Боржомъ.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію этихъ мѣстъ, мы должны оговориться: намъ не удалось быть въ Боржомѣ по обстоятельствамъ, которыя читатель узнаетъ изъ втораго отдѣленія этой главы, если только вздумаетъ прочитать его. Описаніе это взято изъ сборника г. Надеждина и изъ статьи г. Горскаго: „путешествіе государя императора“ (Иллюстрація, 1871 г. № 150).

Сурамская почтовая станція стоитъ недоѣзжая четырехъ верстъ до Сурама, черезъ который прежде надо было проѣзжать, теперь же, съ проведеніемъ желѣзной дороги, мѣстечко это осталось въ сторонѣ. *Отъ Сурамской станціи до Боржома 27 верстъ.*

Проѣхавъ 9 верстъ, вы услышите неумолкаемый шумъ Куры, которая, пробиваясь сквозь горы, быстро несется къ вамъ на встрѣчу. Тутъ начинается *Боржомское ущелье* или, правильнѣе, ущелье Куры, *Мткварисъ-хеоба*; Боржомскимъ же оно названо недавно, едва ли не русскими, не захотѣвшими, вѣроятно, ломать себѣ языка.

Впрочемъ, вамъ тутъ не будетъ времени разсуждать о мертвыхъ названіяхъ предъ оживленной картиной, которая разовьется въ вашихъ глазахъ.

Прежде всего васъ поразитъ, въ особенности послѣ обнаженной безлѣсной дороги, густая, яркая, веселая растительность, которая то вѣнчаетъ отвѣсныя базальтовые скалы, то разстилается по отлогимъ изумруднымъ горамъ, разсѣченнымъ серебряной лентой буйно текущей Куры. Дорога вьется по лѣвому берегу рѣки между сжавшихся горъ вплоть до *Ацхура* (находящагося далѣ Боржомъ), гдѣ горы снова раздвигаются. На всемъ этомъ пространствѣ по обѣ стороны громоздятся цвѣтистые кустарники сплошною массою и стройныя хвойныя деревья. Панорама измѣняется съ каждымъ изгибомъ рѣки, по обѣ стороны которой упираются въ главное ущелье другія, меньшія, сопровождающія теченіе рѣчекъ и журчащихъ потоковъ. Въ одномъ изъ этихъ второстепенныхъ ущелій, изъ которыхъ съ шумомъ вытекаетъ *Шавицхали* (черная вода), и расположенъ *Боржомъ* съ своими цѣлебными источниками. Подъѣзжая къ мѣстечку, вы уже видите на высокомъ холмѣ, близъ моста черезъ Куру, развалившійся замокъ *Гогіецихе*. Немного далѣ, на другомъ берегу, на высокомъ уступѣ, обросшемъ лѣсомъ, надменно выдвигается соперникъ его — *Петерцихе*.

Въ этихъ каменныхъ гнѣздахъ жили нѣкогда, какъ гласитъ народная легенда, два брата, враждовавшіе между собою. Тутъ во всемъ ихъ разгулѣ разыгрывались феодальные нравы и схватки рыцарей большихъ дорогъ. Тутъ нерѣдко доставалось и запоздалому путнику, и купцу-армянину, и оплошавшему каравану. Нерѣдко оба брата, съ ихъ *азнаурами* (дворянами) и нукерами, встрѣчались въ кровопролитныхъ стычкахъ и ужасали своей неслы-

ханной враждой всѣхъ сосѣднихъ князей (*товадовъ*). Наконецъ, ихъ согласили какъ-то къ примиренію, и они съѣхались съ своими приближенными. Братья обнялись, поклялись въ вѣчной дружбѣ и, въ залогъ будущаго согласія, начали опоражнивать турьи рога и азарпешы. Но кахетинское вино не могло залить таившейся въ ихъ сердцахъ ненависти другъ къ другу. При первомъ ничтожномъ предлогѣ завязался споръ, отъ спора дошло до ссоры, отъ ссоры до драки, отъ драки до ножей. Азнауры и нукеры не отстали отъ своихъ владѣтелей, и пиръ кончился тѣмъ, что 60 человекъ легло на мѣстѣ.

Съ тѣхъ поръ замки опустѣли и преданы разрушенію.

Достовѣрно извѣстно, что до XVI столѣтія въ боржомскихъ лѣсахъ было значительное населеніе. Отъ него сохранилось, кромѣ многихъ развалинъ замковъ, несмѣтное количество разрушенныхъ церквей. Нѣкоторыя изъ ближайшихъ къ Боржому сохранили слѣды и величественныя размѣры византійскаго зодчества. Большая часть этихъ церквей приписывается *Тамарѣ*, которая почитала верхнюю Карталинію лучшимъ перломъ своего вѣнца и основала свое пребываніе въ окрестностяхъ Ахалцыха, въ крутой, обрывистой скалѣ, въ которой высѣченъ былъ дворецъ изъ 360 покоевъ и названъ *Вардзія* (замокъ розъ); онъ лежитъ недалеко отъ Ахалцыха на лѣвомъ берегу Куры, въ пяти верстахъ отъ *Цеда-Тмогви*. Путешественникъ еще можетъ видѣть остатки этого необыкновеннаго царскаго жилища, гдѣ, между кельями и проходами, сохранился въ нѣдрахъ земли храмъ великолѣпныхъ размѣровъ съ живописью на стѣнахъ. Особенно замѣчателенъ портретъ самой Тамары во весь ростъ. Тутъ же въ боковомъ предѣлѣ видѣнъ каменный балдахинъ, подъ которымъ, вѣроятно, первоначально

была похоронена Тамара. Она скончалась въ Вардзіа, но многіе полагають, что тѣло ея отвезено въ *Гелатскій монастырь* близъ Кутаиса, а другіе утверждаютъ, что настоящая ея могила въ Сванетіи. Подробности о Тамарѣ мы расскажемъ при описаніи Гелатскаго монастыря. Вообще въ судьбѣ ея есть что-то таинственно-величественное; грузинскій народъ горделиво сохраняетъ послѣ семи вѣковъ, какъ драгоценную святыню, память великой жены, подарившей его нѣкогда могуществомъ и славой. Ея благочестію приписываютъ то несмѣтное количество памятниковъ и церквей, которыхъ слѣды постоянно отыскиваются въ густой чащѣ лѣсовъ и въ непроходимыхъ дебряхъ, гдѣ прежде очевидно было населеніе, но гдѣ нынѣ надо пробираться съ топоромъ въ рукахъ.

Въ окрестностяхъ *Боржомскаго ущелья* такихъ церквей и памятниковъ насчитывается до двухъ-сотъ. Эти развалины, разбросанныя по вершинамъ и ущельямъ, представляютъ прекрасную цѣль для прогулокъ, живописныя виды для художниковъ и цѣлое поле для изысканій археологовъ.

Боржомъ лежитъ почти въ центрѣ древней Карталиніи, въ ста сорока шести верстахъ отъ Тифлиса и, благодаря климату, давно уже обратилъ на себя вниманіе. Красота природы, разнообразіе горныхъ видовъ, множество мѣстъ для прогулокъ по окрестностямъ, не говоря уже о цѣлебныхъ источникахъ для больныхъ хроническими желудочными болѣзнями, печенью, ревматизмомъ и пр., дѣлають его однимъ изъ очаровательнѣйшихъ мѣстъ въ свѣтѣ. Можно смѣло сказать, что по царственной величавости горъ и обилію воды, вѣчнымъ шумомъ наполняющей весь городокъ, Боржомъ прево-

сходитъ Бадень-Бадень, Висбаденъ, Вильдбахъ, Карлсбадъ и др. горные уголки западной Европы, куда такъ любятъ съѣзжаться наши соотечественники. Правда, быть дачниковъ здѣсь отличается суровою, чисто сельскою простотою; кромѣ того, отдаленность всей закавказской группы минеральныхъ водъ отъ Россіи, отсутствіе быстрыхъ и удобныхъ путей сообщенія и вообще отсутствіе полного комфорта поддерживаютъ безвѣстность многихъ очаровательныхъ мѣстностей Кавказа, а въ томъ числѣ и Боржома. Но уже съ прошлаго года желѣзная дорога отъ Поти до Тифлиса открыта и мчитъ пассажировъ всего въ 27 верстахъ отъ Боржома.

Дворецъ в. князя наместника, стоящій на лѣвомъ берегу Куры, у самой подошвы сѣверо-западныхъ горъ, составляетъ, конечно, самое красивое зданіе во всемъ городкѣ. Онъ отстроень изъ дерева въ 1865 году и обращенъ фасадомъ на юго-востокъ — такъ, что будь онъ каменный, — лѣтніе солнечные лучи накаляли-бы его до невыносимо высокой температуры, между тѣмъ какъ обращенная къ горамъ тѣневая сторона всегда страдала бы сыростью, которая при постройкѣ изъ дерева замѣняется лишь пріятной прохладой. Небольшая *терраса*, по которой разбитъ дворцовый *паркъ* съ его извилистыми дорожками, спусками, подъемами, цвѣтниками, фонтанами, скамейками, мостиками и т. д., спускается черезъ ахалцихское шоссе прямо къ Курѣ, съ неумолкаемымъ шумомъ и ропотомъ ворочающейся въ своемъ каменномъ ложѣ. *Дворецъ*, какъ-бы врѣзанный на зеленомъ фонѣ горъ, выстроень въ мавританскомъ стилѣ въ два этажа, со множествомъ балконовъ и галлерей, которые такъ неощѣненны на югѣ. Всѣ фронтоны, колонны, перила, карнизы и даже самыя стѣны снаружи укра-

пены мелкой деревянной рѣзбой, незамѣтной издали, но вблизи пріятно ласкающей глазъ своей игривой пестротой. Окрашенъ онъ въ дикій коричневый цвѣтъ съ зеленью по бокамъ деревянныхъ украшеній. Крыша желѣзная. Говорятъ, что одна постройка его стоила около двухъ сотъ-тысячъ рублей. Не слишкомъ обширное внутреннее помѣщеніе поражаетъ простотой, вкусомъ и удобствомъ—этими необходимѣйшими условіями дачной жизни. Кромѣ службъ изъ двухъ домовъ, дворецъ не стѣсненъ никакими другими постройками; *кавалерскій домъ*, конюшни, прачечныя и проч. разбросаны по разнымъ пунктамъ мѣстечка. Въ зелени дворцоваго парка вы замѣтите только такъ называемый *фрейлинскій домикъ*, въ родѣ шале, и небольшую дѣтскую ферму въ русскомъ стилѣ, населенную преимущественно разными пернатыми и крикливыми обитателями. Это уединенное положеніе дворца, кромѣ удобствъ, придаетъ ему много эффекта. Стоя на горѣ, онъ видимо господствуетъ надъ мѣстностью, которая видна изъ дворца, какъ на ладони.

Кромѣ главной террасы, застроенной слободкой, отдѣльные дачные домики разбросаны во всевозможныхъ направленіяхъ: то лѣзутся они по склонамъ и уступамъ горъ, то спускаются къ Курѣ, то прячутся въ тѣнистыя ущелья.

На отдѣльномъ возвышеніи, совершенно особнякомъ, выдѣляется церковь, выстроенная въ тяжеломъ древне-грузинскомъ стилѣ изъ прочнаго и прекрасно вытесаннаго камня съ такой же крышей.

Резиденціею кавказскихъ намѣстниковъ на лѣтнее время Боржомъ сдѣлался впервые при генералѣ Головинѣ въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда въ этихъ мѣстахъ стояло лишь нѣсколько саклей грузинъ лѣсопромышленниковъ. Князь Воронцовъ упрочилъ это дѣло,

и отъ его времени въ ущельи рѣчки *Боржомки*, противъ главнаго минеральнаго источника, сохранились три маленькіе деревянные домика, замѣнявшіе дворець и службы этому государственному человѣку. Даже нынѣшняя администрація въ дальнѣйшихъ улучшеніяхъ Боржома обязана лишь тѣмъ началамъ, которыя были положены въ основаніе этимъ замѣчательнымъ организаторомъ. Прекрасный *натуральный паркъ*, расположенный на черномъ выступѣ праваго берега Куры, удержалъ названіе *воронцовскаго*. Нѣкоторыя мѣста въ окрестностяхъ носятъ имя его супруги Елизаветы Ксаверьевны, памятной для края за ея благотворительность; таковы: *Елизаветинъ-глазъ*, съ лучшимъ видомъ на Боржомъ, *Елизаветинъ-крестъ* и другія; свѣжія преданія указываютъ даже деревья, которыя княгиня сажала собственными руками.

При кн. Бяратинскомъ Боржомъ продолжалъ развиваться, но только съ 1865 г., когда былъ оконченъ нынѣшній дворець, Боржомъ сдѣлался уже постояннымъ мѣстопробываніемъ в. князя намѣстника и рѣшительно выступилъ на путь своего дальнѣйшаго развитія и будущей извѣстности.

Дворъ его высочества живетъ въ Боржомѣ обыкновенно отъ половины мая до половины октября, а иногда и долѣе, когда въ Тифлисѣ господствуютъ самыя страшныя жары и, вслѣдствіе этого, опасныя болѣзни, принимающія даже иногда эпидемическій характеръ.

Къ сожалѣнію, малочисленность окрестныхъ деревень, лежащихъ на высокихъ, неудобныхъ для сельскаго хозяйства плоскогорьяхъ, поддерживаетъ значительную дороговизну въ Боржомѣ на всѣ жизненные продукты. Наѣзжающіе сюда на лѣто торговцы, особенно изъ армявъ, до послѣдняго времени получали разныя монополіи или

затѣвали, вѣками практикуемую ими на Кавказѣ. самую злостную стачку. Новое управленіе закавказской группы минеральныхъ водъ уже приступило къ тому, чтобы положить конецъ этому печальному порядку вещей, устранивъ таксы и создавъ разумную конкуренцію между торговцами. Цѣны на дачи около 50 руб. за комнату. За послѣдніе годы Боржомъ сталъ быстро рости и хорошѣть. Въ 1870 году правительствомъ было отпущено 24 т. руб. специально на благоустройство городка. Новое управленіе имѣло, такимъ образомъ, возможность въ одинъ годъ поссировать новыя удицы, раздѣлить старыя, засадить новые парки, построить побольше мостовъ, выстроить прекрасную купальню и т. д., — а главное привести къ окончанію заведеніе минеральныхъ водъ, наилучшимъ образомъ уже приспособленное къ потребностямъ и удобствамъ больныхъ.

Имеретія, Мингрелія и Гурія, составляющія нынѣ Кутаисскую губернію *), населены народами картвельскаго племени и занимаютъ весь бассейнъ Ріона и Цхенисцхале. Во время Восточной Римской имперіи вся эта страна была извѣстна подъ именемъ *Лазика* и находилась въ номинальной зависимости отъ греческихъ императоровъ, которые утверждали здѣшнихъ владѣтелей на ихъ престолахъ. Въ началѣ VI столѣтія Имеретія около 40 лѣтъ была театромъ войны между императоромъ Юстиніаномъ и персидскимъ шахомъ Хозроемъ. Въ первой половинѣ VII вѣка страна эта опустошалась арабами и воскресла только тогда, когда слилась съ Грузіею; Царствовавшіе въ концѣ X и въ началѣ XI вѣка *Багратъ III* и *Багратъ IV*, потомъ *Давидъ-Возобновитель*, отецъ Тамары *Георгій* и, наконецъ, сама Тама-

*) См. географическій очеркъ Кавказа.

ра успѣли залѣчить раны отечества и оставили по себѣ множество памятниковъ. Со смертью Тамары наступаетъ для всего Закавказья плачевный и ужасный періодъ. Монголы разоряютъ страну въ конецъ, и власть царская слабѣетъ до того, что народъ отказывается ей повиноваться. Внутренніе смуты и споры между *Дадіанами*—мингрельскими, *Гуріеями*—гурійскими и имеретинскими царями продолжаются около 400 лѣтъ и, ознаменовываясь каждый разъ рядомъ злодѣйствъ, заставляютъ несчастный народъ бросать свои жилища и искать убѣжища въ дремучихъ лѣсахъ. Князья не только потакаютъ грабежу, но и сами участвуютъ въ немъ. Безнравственность достигаетъ страшныхъ размѣровъ, и всѣ самыя священныя узы забываются: отецъ продаетъ въ рабство своихъ дѣтей, владѣтель своихъ подданныхъ. Ложь, коварство, клятвопреступленіе, считаются вещью самой обыкновенною, воровство только удалью. Рассказывая, при описаніи Сіонскаго собора въ Тифлисѣ, исторію кн. Циціанова, мы привели отрывки изъ Шарденя и изъ донесенія Литвинова, достаточно подтверждающіе эти слова. При такихъ условіяхъ самостоятельное существованіе этихъ странъ было невысказуемо, тѣмъ болѣе, что, пользуясь внутренними смутами, турки и персіяне производили непрерывныя опустошенія. Еще въ 1621 году имеретинскій царь *Георгій III* и владѣтель Гуріи *Момія II* обращались къ царю Михаилу Ѳедоровичу съ просьбами о покровительствѣ; но Россіи было тогда много заботъ у себя дома, и она была не въ состояніи еще вмѣшиваться въ дѣла Закавказья. Во время войны съ Турціей, начавшейся въ 1768 году, Екатерина II послала отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-майора *Тотлебена*, въ Имеретію. Тотлебенъ перешелъ

Кавказскій хребеть и явился передъ Кутаисомъ. Въ это время имеретинскимъ царемъ былъ *Соломонъ I*, прозванный великимъ. Турки, знавшіе силу характера Соломона и опасавшіеся его возрастающаго могущества, возмущили противъ него его собственныхъ подданныхъ. Изгнанный *Соломонъ* долженъ былъ съ немногими оставшимися преданными ему людьми скитаться по лѣсамъ, „и въ такомъ горестномъ положеніи встрѣтилъ онъ пастуху, что даже не имѣлъ при себѣ священника, для приглашенія радостныхъ гимновъ воскресенія. Благодетельный царь торжествовалъ однако, какъ могъ, великій день сей; на столѣтнемъ дубѣ вырѣзалъ онъ знаменіе креста и съ малымъ числомъ вѣрныхъ трижды обошелъ освѣщенное имъ дерево, воспѣвая во мракѣ ночи и дубравы: Христосъ воскресе изъ мертвыхъ.“ Съ помощью русскихъ войскъ отразивъ турокъ, царь *Соломонъ I*, по общему совѣту съ союзниками, взорвалъ на воздухъ верхній городъ Кутаиса (теперешнія живописныя развалины на правомъ берегу Ріона) и всѣ главные замки, чтобы не дать возможности туркамъ держаться въ его предѣлахъ. Отразивъ такимъ образомъ своихъ враговъ и законнѣлыхъ хищниковъ лезгинъ близъ Сурама, *Соломонъ* не могъ однако же упрочить начатое имъ благоустройство своей земли и умеръ бездѣтно въ 1782 году. По его духовному завѣщанію наслѣдникомъ назначенъ былъ малолѣтній его племянникъ *Соломонъ II*, которому въ опекуны выбранъ былъ *Давидъ*, братъ покойнаго царя и родной дядя наслѣдника.

Давидъ началъ съ того, что разогналъ всѣхъ приверженныхъ къ законному наслѣднику вельможъ; малолѣтній *Соломонъ II* бѣжалъ тоже въ Грузію къ Ираклію II, который и оказалъ ему помощь. Будучи не въ

состояніи противиться Ираклію, *Давидъ* предалъ Имеретію туркамъ и обѣщался уступить имъ не только всѣ крѣпости, но и самые христіанскіе храмы обратить въ мечети. Въ залогъ исполненія обѣщанія, онъ послалъ къ ахалцихскому пашѣ 16 дѣтей первѣйшихъ князей имеретинскихъ. Выгнанный изъ Имеретіи, онъ распродалъ въ Ахалцихѣ несчастныхъ заложниковъ, потомъ еще три раза вторгался въ Имеретію и кончилъ все-таки тѣмъ, что былъ прощенъ во всѣхъ своихъ злодѣянiяхъ и оставленъ жить на свободѣ въ Тифлисѣ.

По Кайнарджійскому миру Имеретія поступила подъ покровительство Россіи. Исторію *Соломона II* и присоединеніе къ Россіи Имеретіи, Мингреліи и Грузіи мы рассказали, говоря о князѣ Циціановѣ, при описаніи Сіонскаго собора.

На всемъ Кавказѣ нѣтъ мѣстности, которая такъ рѣзко и отчетливо отдѣлялась бы отъ всего остальнаго края, какъ *долина Ріона*. Покрытая густымъ лѣсомъ горы не только защищаютъ ее отъ холода, но и своими холодными вѣтрами снабжаютъ очень слабо, отчего зима здѣсь бываетъ такая теплая, что въ январѣ очень часто цвѣтутъ фіалки. Кромѣ того, испаренія, нагоняемые вѣтромъ съ моря, охлаждаясь около горъ, падаютъ внизъ въ видѣ проливныхъ дождей, орошаютъ и безъ того сырую, прорѣзанную безчисленными ручьями почву; испаряясь подъ жгучими лучами солнца, они опять повторяютъ тоже самое явленіе. и такимъ образомъ ріонская полукогловина представляетъ изъ себя какъ бы огромный, непрерывно дѣйствующій перегонный снарядъ съ пріемникомъ въ горахъ. Не удивительно послѣ того, что сила растительности здѣсь изумительна; громадныя вѣковые стволы дуба, бука, тополя, каштана,

орѣха, фи́ги покрыты дикимъ виноградомъ, хмѣлемъ, плющемъ и лианами, которые, перекидываясь съ одного дерева на другое, не даютъ возможности человѣку проникнуть въ такіе лѣса безъ помощи топора. Каждая заброшенная постройка въ нѣсколько лѣтъ охватывается ползучими растеніями, какъ панцыремъ, а виноградныя лозы раскидываются по десяткамъ деревьевъ и даютъ иногда по сотнѣ ведеръ вина.

Чтобы судить о разнообразіи здѣшней растительности, стоитъ только заглянуть въ садъ въ *Зугдидахъ* (мѣстопребываніи князей Дадіановъ), гдѣ на волѣ можно видѣть великолѣпнѣйшія магноліи разныхъ сортовъ о бокъ съ хвойными, не говоря уже о павлоніяхъ, багноніяхъ, маслинѣ и вѣчно зеленыхъ кустарникахъ или о ползучихъ, которыя обратили развалины оранжереи, разрушенной во время послѣдней войны Турками, въ самую живописную часть всего сада.

Понятно, что и климатъ при такой растительности, сырости и гніеніи долженъ отличаться нездоровьемъ. Въ низменныхъ мѣстахъ здѣсь лихорадка треплетъ даже куръ, и путешественника поражаетъ почти совершенное отсутствіе пернатыхъ среди этой роскошной флоры, — вѣроятно, онѣ также не выносятъ здѣшней маларіи. По морскому берегу до самаго Ингура и еще выше никто не селится по крайней нездоровости этихъ мѣстъ. Возвышенныя же мѣста, напротивъ, пользуются прекраснымъ климатомъ. Словомъ сказать, почти тропическая природа Ріонской равнины сильнѣе человѣка, не вооруженнаго средствами цивилизаціи, и часто заставляеть его изнемогать въ борьбѣ съ собою. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ прошедшими историческими событіями, имѣло сильное вліяніе и на характеръ здѣшнихъ жителей.

Изъ того, что мы говорили объ *имеретинахъ*, *мингрельцахъ* и *гурійцахъ* читатель, по всей вѣроятности, получилъ не очень-то выгодное понятіе объ этихъ народахъ, но такой выводъ былъ бы слишкомъ поспѣшенъ. Жители Ріонской равнины, правда, невѣжественны, лѣнны и бѣдны, но тѣмъ не менѣе въ ихъ характерѣ есть много хорошихъ сторонъ: они вѣжливы, гостепріимны, ласковы съ женщинами, смѣтливы, обходительны и вообще обладаютъ патріархальными добродѣтелями полудикарей. Всѣ три народа принадлежатъ къ одному изъ красивѣйшихъ племенъ земнаго шара. Женщины очень красивы и имѣютъ много врожденной граціи, которая особенно проявляется въ ихъ огненномъ танцѣ лезгинки.

Гурійцевъ нѣкоторые производятъ отъ древнихъ евреевъ, переселенныхъ въ эти мѣста Новуходоносоромъ: урія значить жидъ. Гуріецъ красивъ, строень, а живописный костюмъ еще болѣе придаетъ ему красоты; гуріецъ отличается положительностью, степенностью и набожностью до фанатизма; гурійцы отважны, горды, благородны, хитры, вспыльчивы и мстительны за обиду; притомъ они славятся, какъ отличные стрѣлки и знаменитые ходоки. Бывали примѣры, что гуріецъ проходилъ въ 36 часовъ болѣе двухъ-сотъ верстъ. Мѣстность въ Гуріи такая же низменная и болотистая, какъ и въ Мингреліи.

Имеретины и *мингрельцы* очень бѣдны; изодранная рубаха длиною до колѣнъ, подпоясанная веревкою или ремнемъ, часто составляетъ весь костюмъ простолюдина; вмѣсто шапки на головѣ круглый лоскутъ сукна или тафты съ подкладкою, подвязанный снуркомъ подъ подбородокъ,—изъ подъ этой шапки рассыпаются густыми прядями и кудрями черные, какъ смоль, волосы.

Жилща имеретинъ разбросаны по лѣсу и возвышеніямъ и имѣютъ видъ деревянныхъ шалашей. Домъ каждаго жителя окруженъ садомъ и полемъ; деревня во сто или двѣсти душъ тянется иногда на 8, на 10 верстъ такъ, что дорога отъ Мингрелии до Сурама идетъ садомъ, состоящимъ изъ фруктовыхъ деревъ, виноградника, чинара, орѣшника, розановъ, гранатъ и проч. Сакли безъ печей и каминовъ; внутри сакли разложенъ на полу огонь, надъ которымъ готовятъ пищу и грѣются во время холода. Болѣе знатные и богатые товады строятъ дома въ родѣ русскихъ. *Мингрельцы*, кажется, еще бѣднѣе имеретинъ, хотя и способнѣе ихъ скрывать изъ самолюбія свои недостатки. Убогія ихъ сакли отличаются первобытной простотою постройки; гигантскій чинаръ или орѣшникъ защищаетъ саклю отъ дождя и вѣтра, и подъ его тѣнью находится вся усадьба и все хозяйство жителя.

На низменностяхъ фрукты, наполняющіе лѣса, составляютъ основу жизни туземцевъ. Въ непроницаемой зелени лѣсовъ стоитъ вѣчное болото, которымъ *мингрельцы* и пользуется для посѣва риса, для чего валить деревья и разчищаетъ поле; но и повалить-то дерево стоитъ не малаго труда: нужно прежде разрушить всѣ живыя связи изъ вьющихся растеній, которыя не даютъ упасть и срубленному дереву. Понятно, что при такой силѣ растительности хлѣбопашество здѣсь не въ ходу. Кукуруза, гоми, да рисъ на болотахъ—вотъ и все, что сѣется туземцами; пшеницу же и ячмень сѣютъ только въ горахъ. Селиться большими деревнями въ Мингрелии невозможно безъ вырубки лѣсовъ, чего мингрельцы, едва владѣющіе топоромъ, сдѣлать не въ состояніи. Сакли ихъ построены изъ досокъ, по неумѣнію сдѣлать срубъ изъ бревень.

Отдѣльная жизнь въ лѣсу болѣе всего причиною тому, что *мингрелецъ* до сихъ поръ остался почти на степени первобытной дикости лѣснаго жителя. Онъ не имѣетъ самыхъ элементарныхъ понятій о ремеслахъ и едва въ состояніи вскопать клочекъ земли для посѣва и спить себѣ одежду.

Единственный туземный экипажъ—арбу тащатъ два малорослые вола; колеса арбы сдѣланы изъ досокъ, которыя, обившись, дѣлаются изъ круглыхъ четырех-угольными; двѣ оглобли, соединенныя въ уголь, висятъ подъ ярмомъ и бороздятъ землю. Большая часть жителей ходитъ босыми лѣто и зиму. Придя на базаръ, при 4 или 5^о мороза, для продажи куръ, зелени, орѣховъ и проч., мингрелецъ несетъ клочекъ сѣна подъ мышкою, чтобы подладывать его, когда остановится, себѣ подъ ноги; ставъ одной ногою на сѣно, онъ поджимаетъ другую, какъ гусь, и перемѣняетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не кончитъ продажи; затѣмъ, подобравъ сѣно, идетъ дальше.

Бѣдность заставляетъ жителей Ріонской долины часто оставлять родину и снискивать себѣ пропитаніе въ другихъ мѣстахъ. Ихъ можно встрѣтить почти во всемъ Закавказьѣ исполняющими тягостное ремесло *муши* (носильщика) и *бича* (слуги).

Остатки замковъ, часто встрѣчаемыхъ въ Имеретіи, напоминаютъ о не такъ еще давно минувшихъ временахъ феодализма. Они отличаются отъ грузинскихъ укрѣпленій обширностью и крѣпостью постройки. Съ перваго взгляда видно, что князья, жившіе въ нихъ, были тѣ-же феодальные бароны, съ тѣми же понятіями и при такомъ же образѣ жизни. Самыя названія замковъ говорятъ о нравахъ этихъ необузданныхъ грабителей-самодуровъ; такъ, напримѣръ, одинъ замокъ называется *Минда*

(хочу), потому что князю, строившему его, представляли невозможность постройки на крутой и обрывистой скалѣ, но онъ ничего не хотѣлъ знать, сказалъ: *хочу* и назвалъ такъ свое гнѣздо; другой называется „приди и посмотри“ и проч.

Сурамскій переваль. Къ несомнѣнной выгодѣ края, но тѣмъ не менѣе къ крайнему сожалѣнію для туриста, въ настоящее время дивный Сурамскій переваль прорѣзанъ желѣзной дорогой, которая идетъ внизу ущельями, проходить тоннелями (хотя и небольшими) и лишаетъ возможности любоваться дивнымъ переѣздомъ, — и потому мы совѣтовали бы всякому, кто ѣдетъ не на спѣхъ и путешествуетъ для удовольствія, проѣхать черезъ Сурамскія горы (отъ Сурама до Квириль 70 верстѣ) въ экипажѣ.

Не знаемъ, какіе способы сообщенія существуютъ теперь для переѣзда изъ Сурама въ Квирилы не по желѣзной дорогѣ. Въ то время, когда я ѣздили, чугунка еще не была открыта, и ѣздили или въ своихъ и почтовыхъ экипажахъ, или на перекладной. Какъ теперь можно проѣхать эти 70 верстѣ — не знаю; но во всякомъ случаѣ объ этомъ можно узнать въ Сурамѣ. Полагаю, что есть же возможность найти какой нибудь экипажъ; въ верховыхъ лошадяхъ на Кавказѣ нигдѣ нѣтъ недостатка, а кто здоровъ и молодъ, тому хорошо пройти и пѣшкомъ это пространство. Путешествуютъ же по Швейцаріи пѣшкомъ по цѣлымъ недѣлямъ; усталость будетъ вознаграждена съ избыткомъ; и потому, если вы желаете посмотреть одну изъ самыхъ лучшихъ мѣстностей на Кавказѣ, отправьте вашъ багажъ прямо по желѣзной дорогѣ, а сами запаситесь только самымъ необходимымъ и переѣзжайте изъ Сурама до Квириль по шоссе.

Оставя за собою, сравнительно скудную, безлѣсную и

не живописную часть Грузіи предѣ Сурамомъ, путешественникъ на самомъ перевалѣ, а еще болѣе за нимъ, попадаетъ въ совершенно иной міръ. Тутъ все другое—и природа, и люди, и воздухъ.

Отъ *Сурама* шоссе вьется вверхъ зигзагами по горамъ, поросшимъ густымъ лѣсомъ; влѣво, внизу, въ ущельи, проходитъ желѣзная дорога; лѣсъ еще большею частію состоитъ изъ сѣверныхъ породъ (сосны, дуба и проч.); съ каждымъ поворотомъ открывается новая панорама, въ которой иногда видны снѣжныя вершины; тишина нарушается только ручьями, бѣгущими съ горъ. *Малитская станція* (съ промежуточнымъ *Понгскимъ полустанкомъ*) стоитъ уже по ту сторону перевала. Какъ описать этотъ дивный переѣздъ? Что сказать про эти живописные повороты надъ глубокими оврагами и пропастями, про эти безчисленные каскады, про шумъ рѣзвой *Чхеремелы*? Дорога окаймилась уже азалиями, каприфолями, шиповникомъ, жимолостью, виноградомъ, барбарисомъ и тысячами различныхъ цвѣтовъ. Подземныя сакли замѣнились деревянными домами, стоящими по лужайкамъ среди сплошнаго лѣса и оживляющими картину. Васъ поражаютъ огромныя кущи сиреневыхъ цвѣтовъ—это цѣлыя семьи рододендрона въ полномъ блескѣ. Страна представляется обширнымъ раемъ. Ночью мириады свѣтящихся мошекъ перекрещиваютъ по всѣмъ направленіямъ воздухъ. Такова же мѣстность и около *Вьлогорской* станціи. Далѣе слѣдуетъ полустанція *Цева*. Въ *Квирилахъ* надобно сѣсть на желѣзную дорогу и ѣхать до Кутаиса.

Квирилы—торговое мѣстечко на рѣчкѣ того же имени. Къ югу видны горы, мѣстами покрытыя снѣгомъ. Лѣса кругомъ большею частію мелкіе. Отсюда до Кутаиса одинъ часъ ѣзды. Видно, что вся долина еще недавно

была покрыта непроходимымъ лѣсомъ, черезъ который мѣстами и теперь не пролѣзешь; но среди лѣсныхъ трупобъ видны уже расчищенные поля и поваленный, сожженный лѣсъ.

Подъ Кутаисомъ начинаются виноградники. Желѣзная дорога прошла въ 8 верстахъ отъ Кутаиса и оставила его въ сторонѣ. *Мѣсто въ омнибусъ до города стоитъ 50 коп.* Шоссейная дорога идетъ мелкимъ лѣсомъ, принадлежащимъ городу. Онъ содержится въ порядкѣ и по немъ проводятся дорожки. Лѣсъ этотъ общаетъ со временемъ превратиться въ великолѣпнѣйшій паркъ.

К у т а и с ь .

Кутаисъ, стоящій на высотѣ 473 ф. надъ поверхностью моря, назадъ тому 100 лѣтъ стоялъ на правомъ берегу Ріона. Это была крѣпость, разрушенная Соломономъ по совѣту Тотлебена (о чемъ мы говорили выше). Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, во время князя Цицианова, при Соломонѣ II, цѣлый годъ разбѣзжавшемъ по своей странѣ и объѣдавшемъ своихъ подданныхъ, въ Кутаисѣ негдѣ было размѣстить нашихъ солдатъ и нельзя было достать для нихъ провіанта. Городъ, по донесенію Литвинова, былъ похожъ не на городъ, а на село. „У Дадіана же—продолжаетъ донесеніе—кромѣ деревень ничего не было; есть курятники, принадлежащіе ему, князьямъ его дома и первѣйшимъ владѣльцамъ, но всѣ они на неприступныхъ высотахъ.“ Во всей Имеретіи не было ни одной порядочной проѣзжей дороги, и вся страна была покрыта дремучимъ лѣсомъ.

Въ настоящее время Кутаисъ очень красивый городъ, утонувшій въ садахъ и раскинувшійся по лѣвому берегу Ріона въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ съ шумомъ выры-

вается изъ мѣловыхъ горъ и выступаетъ на равнину. Каждый домъ въ городѣ весело выглядываетъ изъ окружающей его зелени, которой меньше только по прямымъ шоссированнымъ улицамъ, да по базарамъ. *Видъ на Кутаисъ* отъ развалинъ крѣпости, съ праваго берега рѣки, восхитителенъ. Ни на что не поскупилась природа для Кутаиса, всёма она надѣлила его: и чуднымъ мѣстоположеніемъ, и здоровымъ воздухомъ, и хорошею водою, и отличнымъ камнемъ для построекъ, и лѣсомъ, и плодороднѣйшею почвой, и каменнымъ углемъ, котораго огромныя залежи открыты неподалеку въ мѣстечкѣ *Квитыри*, и, наконецъ такую великолѣпнѣйшую флорой, какой не встрѣтишь на всемъ Кавказѣ.

Гостинницы: *Hôtel de France, Colchide, Italie* — находятся всё въ центрѣ города на площади городского сада; онѣ не особенно дороги и могутъ быть вообще сравнены съ порядочными гостинницами нашихъ губернскихъ городовъ. Номера отъ 1 р. сер.; Порціи отъ 25 к. сер.

Извощичьи экипажи такіе же, какъ и въ Тифлисѣ, по таксѣ.

Бани на берегу Ріона устроены также, какъ и въ Тифлисѣ, только горячая вода, разумѣется, грѣтая, а не натуральная. Цѣна за номеръ отъ 60 к. сер.

Фотографіи *Воюцкаго* и *Барканова*. Цѣна карточекъ туземныхъ костюмовъ: 25 к. сер. — нераскрашенные, и 1 р. сер. — раскрашенные. У Воюцкаго можно купить фотографіи съ извѣстныхъ знаменитыхъ картинъ художника *Гершельта*, сюжеты которыхъ взяты изъ Кавказской войны. Картины эти, стоитъ купить потому, что онѣ даютъ о Кавказской войнѣ болѣе ясное понятіе, чѣмъ многія самыя длинныя описанія. Цѣна за фотографіи 1¹/₂—2 р.

Городской садъ или скверъ находится въ срединѣ города. Онъ довольно великъ и состоитъ изъ аллей, обсаженныхъ прекрасными, тѣнистыми деревьями; чрезъ выкопанные пруды перекинута красивые мостики; въ саду есть бесѣдка, гдѣ продаются разныя пипучія воды; по праздникамъ въ немъ играетъ хоръ военной музыки.

Гостинный дворъ около сада.

Соборъ тоже около сада. Служба въ немъ происходитъ на грузинскомъ и русскомъ языкахъ.

Армянскій соборъ близъ Ріона, недалеко отъ Еврейской улицы.

Гуляя по Кутаису, нельзя иной разъ не остановиться и не полюбоваться нѣкоторыми домами, сверху до низу обвитыми вьющимися растеніями. Особенно красиво растеніе—такъ наз. китайская сирень; длинныя кисти ея цвѣтовъ висятъ въ видѣ букетовъ и дѣлаютъ иногда весь домъ похожимъ на одинъ кустъ роскошныхъ цвѣтовъ. Сады здѣшніе, разумѣется, отличаются самою разнообразною и роскошною флорой. Мы совѣтовали бы осмотрѣть сады *Абашидзе* и часовыхъ дѣлъ мастера *Тайгеля*.

Прогулка самая интересная въ Кутаисѣ, которую необходимо сдѣлать, это—къ *развалинамъ старой крепости*, въ которой находятся и знаменитыя *развалины древняго храма*, на правомъ берегу Ріона. Развалины эти видны изъ города, и ходьбы къ нимъ отъ городского сада всего около 40 минутъ. Пройдя прекраснымъ мостомъ, построеннымъ черезъ бѣшено-несущуюся рѣку, поднимаются въ гору садами, наполненными орѣховыми, фиговыми, персиковыми, черешневыми и другими деревьями. *Развалины* огромнаго храма, построеннаго изъ дикаго камня, могли бы быть рѣдкостью и украшеніемъ

какой угодно мѣстности. Живописностью своею онѣ напоминаютъ извѣстную декарацію изъ Роберта. Высокія темныя стѣны, съ сохранившимися остатками сводовъ и арокъ, обвиты плющемъ, а въ расщелинахъ ихъ растутъ фіговые деревья, самыя сильныя разрушители здѣшнихъ старинныхъ построекъ (фіговое дерево обѣмняется и принимается очень легко и, помѣстившись въ трещинѣ, своими корнями распираетъ и разрушаетъ оставленныя зданія).

Храмъ, какъ можно судить по развалинамъ, былъ великолѣпнъ. Огромныя византійскія капители лежатъ на землѣ и видны основанія двухъ массивныхъ колоннъ; надъ ними растутъ тоже фіговые деревья. На стѣнахъ видны сохранившіяся еще украшенія прекрасной работы. Нѣсколько могильныхъ камней принадлежатъ, очевидно, позднѣйшему времени. Въ какую эпоху было построено это великолѣпное зданіе и кто его строилъ? Съ трудомъ вѣрится, что въ этихъ мѣстахъ, дошедшихъ до такого жалкаго состоянія къ концу прошлаго вѣка, когда то было мѣсто и искусству.

Покинувъ развалины и пройдя нѣсколько далѣе по остаткамъ крѣпостной стѣны, видишь *панораму*, отъ которой не хочешь оторвать глазъ. Направо, внизу, раскинулся городъ по обѣимъ сторонамъ съ глухимъ шумомъ несущагося Ріона. Среди яркой зелени бѣлѣются дома. Долину кругомъ обступили горы, покрытыя лѣсомъ. Влѣво, вонъ изъ ущелья, за послѣдними постройками пошла равнина, сначала занятая пашнями съ перелѣсками; а потомъ сплошь закрытая зеленою лѣсовъ, между которыми кое-гдѣ проглядываетъ Ріонъ, сначала огибающій послѣдніе холмы, а далѣе извивающійся голубою лентою среди зелени, заканчиваемой на гори-

зонтъ темною полосою *Абжарскихъ высотъ*, бѣлѣющихъ мѣстами снѣгомъ. Влѣво, внизу, прямо подь горою, видна такъ называемая *образцовая ферма*, обсаженная кипарисами.

Спуститься къ шоссе, проходящему подь горой, можно по тропинкѣ, которая ведетъ *къ роднику*; къ нему надобно пробираться черезъ натуральный узкій тоннель, на полу котораго видны остатки водопроводныхъ трубъ. Родникъ находится въ небольшой натуральной пещерѣ, чрезъ отверстіе которой тоже открывается видъ на долину рѣки. Тутъ всегда встрѣтите нѣсколько человекъ, пришедшихъ за водой съ туземными узкогорлыми кувшинами.

Спустясь по дорожкѣ, обросшей кустарникомъ, къ шоссе, можно идти дальше по немъ направо, въ городъ, берегомъ Ріона, мимо обрушившагося цѣпнаго моста и остатковъ крѣпостной стѣны, или повернуть налѣво, на *образцовую ферму*, которую видѣли сверху. Ферму эту можно скорѣе назвать усадьбой съ садомъ, въ которомъ довольно много рѣдкихъ растеній и, между прочимъ, прекрасныя *magnolia grandiflora*, растущія въ грунтѣ на воздухѣ. Есть еще *развалины другой крѣпости* на правомъ берегу Ріона (выше описанныхъ), также видныя изъ города; ѣзды къ нимъ около полчаса.

Можно также съ интересомъ прогуляться и *за городскую заставу по тифлисской дорогѣ*; для этого лучше взять фаэтонъ. При выѣздѣ изъ города влѣво отъ дороги находится городское *кладбище*, довольно бѣдное и лишенное зелени. На немъ похороненъ военный генералъ-губернаторъ Кутаиса *кн. Гагаринъ*, убитый въ 1857 году сванжскимъ владѣльцемъ, княземъ *Константиномъ Циохомъ Дадшикалиани*. Мы расскажем во 2 отдѣленіи этой главы то, что слышали объ этомъ тра-

гическомъ событіи, ярко рисуящемъ нравы кавказскихъ горцевъ.

По старой тифлисской дорогѣ находится много допотопныхъ окаменѣлостей, между прочимъ огромныхъ устрицъ.

Проѣхавъ съ версту влѣво до *Красной рѣчки*, можно выйти изъ экипажа и пройти влѣво берегомъ; на недалекомъ разстояніи есть прекрасная сталактитовая пещера, къ несчастію, закопченная дымомъ отъ огня, разводимаго въ ней пастухами, загоняющими сюда скотъ въ жаркое время.

Поѣздка въ Гелатскій монастырь.

Гелатскій монастырь составляетъ едва ли не самую замѣчательную древность во всемъ Закавказьѣ. Онъ находится въ 8 верстахъ отъ Кутаиса. *Бѣжать* можно или верхомъ, нанявъ верховыхъ лошадей въ *Еврейской улицѣ* (лошадь съ проводникомъ 3 р. туда и обратно), или въ экипажѣ, но только въ хорошую погоду, потому что дорога шоссирована довольно плохо и подъемъ къ монастырю крутъ; можно достать и дамскія сѣдла. Времени на поѣздку съ осмотромъ надобно употребить около 6 часовъ.

Такъ какъ постройку Гелатскаго монастыря относятъ къ X вѣку, то и необходимо коснуться при этомъ древней исторіи Грузіи и рассказать о царицѣ *Тамартъ*, погребенной, по преданію, въ Гелатѣ. Съ этого мы и начнемъ.

Грузія приняла христіанство въ IV вѣкѣ. Въ 469 г. царемъ *Вахтангомъ-Гургасланомъ* былъ основанъ Тифлисъ. Въ X вѣкѣ Грузія начала усиливаться, при чемъ важную роль игралъ верхне-карталинскій царь *Давидъ-*

Куропалатъ изъ фамилии *Багратидовъ* *). Усыновивъ *Баграта*, сына абхазской княжны, Давидъ возвелъ его въ 985 г. на престоль, подь именемъ *Баграта II-го*, и соединилъ Карталиню съ Абхазіей. Царство это особенно процвѣтало въ теченіи XI и XII ст. Имѣя постоянныя сношенія съ Византіей, многіе грузины получили въ ней свое образованіе и распространили просвѣщеніе съ своимъ отечествѣ. Имена *Иоанна Патриція* и *Шота Руставели*, жившаго при Тамарѣ, особенно славны въ грузинской литературѣ. Поэма Руставели „Барскова кожа“ была настольной книгой каждаго образованнаго грузина и заучивалась наизусть **). Всѣ лучшіе храмы Грузіи построены въ этотъ періодъ. Тамара присоединила къ грузіи Имеретію, Мингрелію, сосѣднюю Осетію, часть черкесъ и часть Дагестана. Послѣ ея смерти, послѣдовавшей въ 1212 году, Грузія начинаетъ слабѣть и доходить до того отчаяннаго положенія, въ которомъ застало ее присоединеніе къ Россіи.

Вѣкъ *Тамары* — этой грузинской Семирамиды былъ славнѣйшимъ временемъ грузинскаго царства; имя ея облеклось ореоломъ баснословной славы и извѣстно въ Закавказьѣ чуть не каждому простолюдину, простодушно соединяющему съ именемъ великой царицы всѣ славныя дѣла и счастливое время Грузіи. Ей же приписываютъ и постройку большей части храмовъ и зданій, развалины которыхъ встрѣчаются во множествѣ по всему

*) *Князья Багратионы* происходятъ изъ этой же фамилии.

**) *Руставели*, по преданію, получилъ образованіе въ Афинахъ и былъ въ числѣ сановниковъ, окружавшихъ Тамару. Герой его поэмы, странствовавшій по свѣту и одѣвавшійся въ барскову кожу—индѣйскій царевичъ Таріель. Главный недостатокъ поэмы тотъ, что всѣ герои ея страдаютъ приторной нѣжностью; они величіемъ своимъ затемняютъ свѣтъ солнца и планетъ; ланиты ихъ розы; они львы, нарцисы и кипарисы; бьютъ враговъ безъ жалости, а при разставаніяхъ и печальныхъ разсказахъ дождемъ проливаютъ горькія слезы.

Заказкою и кавказскому Черноморью. Съ памятью о Тамарѣ соединены все свѣтлыя преданія грузинскаго народа. Съ ней грузинскія лѣтописи равняютъ только *Вактанга I*, *Гургаслана* и *Давида — Возобновителя* и называютъ ее не царицею, а царемъ Грузіи.

Вотъ что извѣстно о *Тамарѣ*. Она вступила на престоль 24-хъ лѣтъ и, по свидѣтельству русскаго исторіографа, была обвинена съ сыномъ князя Андрея Боголюбскаго — *Георгіемъ*. Сначала онъ ознаменовалъ себя славными побѣдами, но потомъ вскорѣ сдѣлался недостойнымъ своей супруги. Бракъ былъ расторгнутъ и Георгій изгнанъ въ Константинополь, а Тамара, по убѣдительнымъ просьбамъ духовенства, дворянъ и народа, должна была вступить въ новое супружество. Одинъ за другимъ являлись искатели руки ея. Въ числѣ жениховъ были: сынъ греческаго императора Мануїла, князь антиохійскій Боэмундъ и два осетинскіе князя, изъ которыхъ одинъ умеръ съ печали, когда былъ отвергнутъ. Магометанскіе владѣтели не уступали христіанскимъ въ искательствѣ руки царицы. Сынъ испанскаго султана отрекся изъ любви къ ней отъ вѣры своихъ предковъ и за то умеръ въ темницѣ; владѣтель ширванскій также предлагалъ своего сына. Но Тамара, отпустивъ все искателей ея руки съ честью и богатыми дарами, выбрала осетинскаго князя изъ фамиліи Багратидовъ, *Давида — Сослана*.

Георгій между тѣмъ явился съ греческимъ войскомъ и напелъ себѣ въ Грузіи много союзниковъ. Разбитый и взятый въ плѣнъ Тамарой, онъ получилъ свободу съ условіемъ навсегда оставить Грузію. Онъ удалился въ Константинополь, но скоро долженъ былъ оставить и его. Дальнѣйшая судьба Георгія неизвѣстна. Затѣмъ

Тамара начинаетъ усмирять сарацинъ и турокъ. Давидъ беретъ Ганжу и другія персидскія крѣпости; добыча при этомъ состоитъ изъ 12 т. плѣнныхъ, 2 т. лошадей, 17 т. лошаковъ, и 15 т. верблюдовъ, навьюченныхъ разнымъ богатствомъ, не считая серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ. Султанъ *Нуррединъ* собралъ 800-тысячную армію и прислалъ Тамарѣ требованіе о покорности, обѣщая ей помилованіе только въ томъ случаѣ, если она согласится быть его женой, и если ея подданные примутъ исламъ. Едва только посланный объявилъ волю султана, какъ одинъ изъ вельможъ далъ ему такую пощечину, что онъ упалъ полумертвымъ и со стыдомъ отправился обратно. Тамара съѣхитъ послѣ того собрать войско и идетъ къ Карсу, беретъ его и разбиваетъ турокъ; добыча при этомъ была опять несмѣтна: на одного грузина приходится по 20 плѣнниковъ; при царскомъ столѣ съ тѣхъ поръ не употребляютъ другихъ сосудовъ, кромѣ золотыхъ и серебряныхъ, а жемчугъ и драгоценныя каменья мѣряютъ мѣрами. Изъ этой добычи царица обогащаетъ всѣ церкви золотыми и серебряными сосудами; отовсюду—изъ Александріи, Синаи, Константинополя, Кипра, со св. горы,—къ ней являются монахи за приношеніями и возвращаются съ богатыми подарками. Она побѣждаетъ греческаго императора *Алексія Ангела* и, съ цѣлью остановить распространеніе магометанства, основываетъ христіанскую *Тразондскую имперію*. Султанъ *ардебильскій*, пользуясь отсутствіемъ Тамары, подступилъ въ страстную субботу къ *Ани*, произвелъ страшное кровопролитіе, убилъ 12 т. жителей и, разграбивъ городъ, удалился съ огромной добычей. Тамара, въ отмщеніе за это, подступаетъ къ *Ардебилю* въ самую ночь полнолунія мусульманскаго

поста, беретъ и разрушаетъ городъ, избиваетъ также 12 т. жителей и отводитъ въ плѣнъ султана со всѣмъ его семействомъ.

Овдовѣвъ на 24 году своего царствованія, Тамара не прекращаетъ своей неутомимой дѣятельности: она является то къ одному, то къ другому подвластному племени и вездѣ поддерживаетъ порядокъ. Щедрость ея была безпримѣрна; такъ, однажды, собираясь идти въ Гелатскій соборъ къ обѣднѣ, она прикрѣпляла *лалы* (драгоценные камни) къ своей царской повязкѣ, когда ей пришли сказать, что нищая проситъ милостыни у дверей ея монастырскаго терема. Царица велѣла подождать нищей, но когда, по выходѣ изъ палаты, хотѣла подать ей милостыню, то нищую уже не могли найти. Смущенная Тамара, упрекая себя, что отказала убогой въ милостынѣ, сняла съ себя то, что было виною ея замедленія, т. е. свою повязку изъ лалъ, и надѣла ее на вѣнецъ *Хохульской Богоматери*, болѣе достойной этого украшенія.

Особенную заботу Тамары составляло сооруженіе храмовъ во имя Божіей Матери въ *Вардзизі* (близь Ахалциха) и въ мѣстечкѣ *Алвани* (на берегу Алазани, въ сѣверной части Кахетіи). На украшеніе ихъ она не щадила сокровищъ и для содержанія причта пожертвовала огромныя помѣстья. Здѣсь она, въ прекрасныхъ своихъ дворцахъ, особенно любила проводить время, предаваясь отдыху послѣ разнообразныхъ трудовъ. Тогда при царскомъ дворѣ жизнь текла весело и разнообразно; праздники слѣдовали за праздниками, пиры за пирами; много тутъ было всякихъ потѣхъ, но когда доходило до дѣлъ, то и они, по древнему обычаю, часто обсуживались тутъ же за столомъ.

Вліяніе царицы распроотранялось далеко въ Осетіи и за хребеть Кавказскихъ горъ: непокорные горцы смирялись передъ ея побѣдоноснымъ оружіемъ. Слѣдомъ за грузинскимъ воиномъ въ эти края шель обыкновенно грузинскій священникъ и армянскій купецъ. Тамара заводила школы и исправляла нравственность народа. При ней Грузія достигла величайшаго могущества извнѣ и широкаго развитія государственной жизни внутри; вѣкъ ея почитается также и золотымъ вѣкомъ грузинской литературы.

Говоря о Боржомскомъ ущельи, мы уже сказали, что настоящее мѣсто погребенія великой царицы навѣрное неизвѣстно: одни говорятъ, что она погребена въ *Вардзизіа*, другіе — въ *Гелатт*, третьи утверждаютъ, что настоящая ея могила находится въ Сванетіи.

Дорога въ Гелатскій монастырь. Выѣхавъ черезъ Гелатскую улицу, ѣдутъ сначала вверхъ по Ріону по шоссе; виды, встрѣчаемые здѣсь, одинъ другаго прелестнѣе. Шоссе это составляетъ начало дороги, идущей къ верховьямъ Ріона, черезъ *Они*, въ *Рачинскій уыздѣ*, и далѣе, черезъ Рачинскій переваль, на Алагирскій заводъ и Владикавказъ. Съ него сворачиваютъ версты черезъ три вправо. Поднявшись въ гору, спускаются опять въ долину къ рѣчкѣ *Цхалтелль* (Красной рѣчкѣ). До этого мѣста дорога шоссирована. Оставивъ Ріонъ, который еще довольно долго мелькаетъ голубой лентой, извилюющейся между горъ, ѣдутъ мѣстностью, покрытою не крупнымъ лѣсомъ. Это уже настоящая Имеретія, съ ея лѣсистыми горами, деревнями, спрятанными такъ уютно между деревьями, что въ иныхъ мѣстахъ только крикъ пѣтуха говоритъ о близости жилищъ, съ ея рододендронами и тысячами другихъ цвѣтовъ. Глазъ отдыхаетъ на этомъ

безграничномъ взволнованномъ морѣ роскошной зелени, и тишину нарушаетъ только отдаленный шумъ рѣки да пѣнье птицъ, изъ котораго рѣзко выдается дикій крикъ *джабара* (красивой птицы, похожей на попугая).

Спустясь къ Цхалтелѣ, вправо видѣнъ другой монастырь. Цхалтела у дороги перепружена для отвода оросительныхъ каналовъ. На этомъ мѣстѣ стоитъ духанъ. Если рѣка не разыгралась, то ее обыкновенно переѣзжаютъ въ бродѣ, если же вода глубока, то можно проѣхать вверхъ отъ духана на мостъ. Переѣхавъ Цхалтелу, начинается обдѣланный зигзагами, но все-таки довольно крутой и въ дождливое время довольно топкій глинистый подъемъ въ Гелатъ. Откосы дороги состоятъ изъ красной глины, прорѣзанной зелеными жилами, что издали дѣлаетъ ихъ похожими на мраморъ.

Гелатскій монастырь прислонился въ высокой горѣ, съ вершины которой открывается удивительный видъ: на востокъ снѣговой хребетъ до Казбека, на западъ Черное море, а на югъ Андjarскій хребетъ съ снѣговой вершиной Брутенбзели. На эту гору надобно подниматься довольно долго и подъемъ крутъ. Изъ монастыря видна чудная панорама покрытой лѣсомъ долины Цхалтелы; сверху дѣлаются замѣтными дома и деревни, спрятавшіеся въ лѣсной чащѣ и не видные снизу.

Основаніе монастыря относится къ X вѣку.

Пройдя черезъ ворота въ стѣнѣ съ той стороны, которою монастырь прислонился къ горѣ,—первое, что видишь, это налѣво *церковь св. Георгія*, самая старинная постройка изъ всѣхъ монастырскихъ зданій; за нею слѣдуетъ *соборъ*, построенный *Давидомъ-Возобновителемъ* и обращенный алтаремъ къ св. Георгію; эта часть состоитъ изъ 5 пяти-угольных выпуклостей; соборъ имѣетъ

около 40 шаговъ въ ширину и около 45 въ длину; архитектура его принадлежитъ къ одному стилю съ Мцхетскимъ и другими старинными грузинскими храмами и удивляетъ своей прекрасной постройкою и прекрасной отдѣлкою орнаментовъ; матеріалъ—тотъ же превосходный камень. *Во внутренность* входятъ чрезъ придѣлы на западной сторонѣ; въ правомъ придѣлѣ подъ балдахиномъ гробница *патріарха Иосифа*; изъ средняго придѣла входятъ въ храмъ; вверху *арки*, а надъ ними по обѣ стороны *хоры* съ тремя окнами; направо и налево, вдоль сѣверной и южной сторонъ, тоже арки: подъ сѣверной гробница *Царя Соломона I* (Великаго), а далѣе *архіерейское мѣсто*. Стѣны собора покрыты старинной греческою живописью. *Иконостасъ* изъ бѣлаго камня въ византійскомъ стилѣ съ витыми колоннами прекрасной работы, живопись новая. На иконостасѣ стоятъ слѣдующія драгоценныя древности: съ лѣвой стороны отъ царскихъ вратъ *кивотъ съ мощами*; большой складень *Хохульской Богоматери*, украшенный камнями и писанный, по преданію, евангелистомъ Лукой; складень *Ахувериса*, принесенный, по преданію, Андреемъ Первозваннымъ; *Гаснатскій складень*; по правую сторону царскихъ вратъ: два старинныхъ образа *Спасителя* времени Тамары; большой образъ *Богоматери Вадревиса* (значить—молиться передъ ней, получившій названіе это отъ изображенія Баграта IV, молящагося предъ Богоматерью); крестъ строителя храма, *Давида-возобновителя*; серебряная круглая икона, изображающая *Герасима, пустытника іорданскаго*, верхомъ на львѣ (одна изъ самыхъ замѣчательныхъ древностей); два архіерейскихъ *посоха* съ частями животворящаго креста. Въ алтарѣ замѣчательно *евангеліе*, писанное въ IX вѣкѣ на Аеонѣ,

съ картинками по золотому фону; *крестъ* прелестной мелкой работы (одной монахини) въ серебряной оправѣ съ изображеніями изъ священной исторіи; кромѣ этихъ, есть еще нѣсколько и другихъ древностей. *Сводъ надъ алтаремъ* покрытъ старинной мозаикой, изображающей Божию Матерь съ двумя архангелами; на стѣнахъ замѣчательны *изображенія Давида-Возобновителя* и *Баграта IV*, въ длинныхъ платьяхъ и золотыхъ бармахъ и поясахъ.

Далѣе, за соборомъ, стоитъ старинная *колокольня*, выстроенная надъ родникомъ; за ней влѣво слѣдуетъ старинная церковь *св. Николая*; за ней развалины старинной *трапезы*, всѣ поросшія плющемъ; замѣчательны *стѣны*, ведущія въ трапезу: онѣ состоятъ изъ византійскихъ колоннъ, на которыхъ лежатъ арки и своды прекрасной узорчатой работы; колонны и капители всѣ различной толщины и не похожи одна на другую. Изъ оконъ трапезы *самый лучший видъ* на лежащую внизу долину. Влѣво, въ разстояніи 60 шаговъ отъ церкви св. Николая, находится старинная небольшая *часовня* съ гробницами *Давида Возобновителя*, *Баграта IV* и *Георгія*; тутъ же хранятся и *жельзные двери* съ арабскими надписями, вывезенныя Давидомъ-Возобновителемъ изъ Дербента послѣ взятія этого города.

Изъ Кутаиса, если кто желаетъ, можно сдѣлать *путешествіе въ Сванетію*; надобно для этого ѣхать на *Лечгумъ* (Лечгумскій уѣздъ по Цхенись - Цхале), на укрѣпленіе *Ларашъ*, чрезъ *Уатпарскій перевалъ*, на рѣку *Ингуръ*, чрезъ деревни *Давберъ*, *Пари* и *Бечо* (дер., гдѣ жили *Дадешкаліаны*), оттуда внизъ по Ингуру до *Зугдиди* и обратно въ Кутаисъ. Времени надо употребить двѣ недѣли. Лучшіе мѣсяцы іюнь и іюль. Путешество-

вать необходимо верхомъ, потому что почтовая дорога только отъ Зугдиди до Кутаиса чрезъ *Орпури*.

Также можно сдѣлать *путешествіе* верхомъ же чрезъ главный хребетъ до *Алагирскаго завода* и оттуда въ Владикавказъ. Надо ѣхать вверхъ по Ріону, чрезъ *Они-Уцери* (гдѣ купаются и дышать кислородомъ) и дер. *Глола*, *Рагинскимъ ущельемъ*, чрезъ *Мамисонскій перевалъ* (у Адайгоха) и мимо *часовни св. Николая* спуститься въ долину *Ардони*; лучшее время августъ. На проѣздъ около двухъ недѣль.

Теперь простимся съ Кутаисомъ и отправимся по желѣзной дорогѣ въ Поти.

Желѣзная дорога отъ Кутаиса до Поти (*възды около 4-хъ часовъ*) идетъ сплошнымъ лѣсомъ, перевитымъ лианами. Въ одномъ мѣстѣ его посохло до 200 дес. отъ того, что компанія дороги не сдѣлала достаточныхъ протоковъ въ насыпи, и лѣсъ погибъ отъ скопившейся воды. Станція на правомъ берегу Ріона; съ нея въ городъ переѣзжаютъ на пароходѣ.

П о т и.

Поти прибрѣтенъ нами въ 1829 г. по Адрианопольскому миру. До того времени неимѣніе этой гавани страшно затрудняло доставку товаровъ и провіанта для войскъ чрезъ Черное море. Чтобъ какъ-нибудь помочь дѣлу, при устьѣ *Хопи*, впадающей въ море, на 8 верстѣ сѣвернѣе Ріона, былъ выстроень *Редутъ-Кале*. Какова была доставка изъ Хопи въ Ріонъ, минуя Поти, можно видѣть опять изъ донесеній Литвинова, который провожалъ по этой дорогѣ прибывшій съ провіантомъ Вѣлевскій полкъ; дорога пересѣкалась непрерывными ручьями и двумя довольно глубокими рѣчками, текущими въ непроходи-

момъ лѣсу, которыя часто, выходя изъ береговъ, затопляли всю окрестность. „По первой дорогѣ—пишетъ Литвиновъ,—проложенной нарочно отряженнымъ для сего батальономъ, я самъ шелъ по поясъ въ водѣ; на мостахъ остались только перекладины, на пол-аршина покрытыя водой, по которымъ можно было идти только ощупью. По сей-то дорогѣ надлежитъ переносить на людяхъ провіантъ“. Литвиновымъ было предложено прорыть каналъ изъ Ріона въ рѣчку *Диви*, впадающую съ юга въ Хоци. Впослѣдствіи это было исполнено, и доставкой провіанта по каналу должны были заниматься *скопцы*, поселенные въ *Орпирѣ*. Въ настоящее время, разумѣется, эта работа давно уже прекратилась, и сектанты спокойно доживаютъ свой вѣкъ.

Ріонъ впадаетъ въ низменной долины и, запираемый моремъ и своими собственными наносами, образуетъ при впаденіи низменность, служащую пріютомъ злокачественнымъ лихорадкамъ. Вода въ колодцахъ здѣсь всего на аршинной глубинѣ, а вечеромъ стонъ стоитъ отъ кваканья безчисленныхъ лягушекъ, которыя запрыгиваютъ даже въ комнаты. Загляните въ яму, именуемую колодцемъ, — она навѣрное наполнена лягушками. Въ этомъ жаркомъ и влажномъ климатѣ растутъ даже лимоны на чистомъ воздухѣ, хотя случающіеся зимой морозы и не даютъ имъ развиваться. Говорятъ, что на 3-хъ-аршинной высотѣ уже прекращается дѣйствіе лихорадочныхъ миазмовъ или, по крайней мѣрѣ, становится слабымъ.

Главный притонъ здѣшней маларіи—это озеро *Палеостомъ*, лежащее на югъ отъ Поти; оно имѣетъ до 30 верстъ въ окружности и образуется устьемъ *Пичоры*. Извилистый натуральный каналъ изъ него проходитъ въ море подъ самымъ Поти; прежде онъ впадалъ въ Ріонъ,

но теперь баровыми наносами повернуть дальше на югъ, параллельно морскому берегу. Это жилое озеро окружено громадною осокой и камышами, а поверхность его покрывается лѣтомъ водорослями и представляется зеленой равниной. Мириады насѣкомыхъ кишатъ надъ водой, умираютъ и, опускаясь на дно вмѣстѣ съ растеніями, быстро разлагаются и заражаютъ воздухъ, не говоря уже о лѣсахъ, стѣною обступившихъ озеро, въ которыхъ жизнь, умирание и разложеніе идутъ едва-ли еще не въ большихъ размѣрахъ.

Здѣшніе сплошные лѣса растутъ по трясинѣ, а если гдѣ и выдается прогалина, такъ она покрыта только осокой и рѣдко камышемъ; отъ того-то среди этой гигантски развитой растительности туземцы нуждаются въ главной статьѣ хозяйства, въ хорошемъ сѣнѣ, и скотина зимою питается, бродя въ лѣсахъ по колѣна въ водѣ или грязи.

До сихъ поръ въ Поти ощутителенъ недостатокъ въ рабочихъ рукахъ и дорогъ даже лѣсъ, хотя онъ растетъ кругомъ, и жители считаютъ своимъ врагомъ каждое дерево, растущее на ихъ болотистой почвѣ. Кубическая сажень морскаго песку, употребляемаго для засыпки болотъ, стоитъ вблизи берега 1½ руб. сер., а далѣе на 30 саж. она уже стоитъ съ доставкой 2 р. 50 к.,—такъ удобна перевозка по здѣшнимъ трясинамъ.

Надобно, впрочемъ, сказать, что 20 лѣтъ тому назадъ на мѣстѣ нынѣшняго Поти стояла только полуразрушенная крѣпость, вокругъ которой гнѣздились нѣсколько хижинъ, жители которыхъ постоянно тряслись отъ лихорадки; теперь-же Поти начинаетъ походить на городъ и быстро разрастается. Главная новая улица его проведена уже до самаго взморья; по ней удобно ѣздить; лѣсъ по сторонамъ вырубаютъ и жгутъ, и на нѣкоторыхъ разра-

ботанныхъ участкахъ выстроены уже загородные дома съ обширными, хотя еще и молодыми садами впереди; таковы, на примѣръ, дома гг. Лазаровича и Шангирея. Вѣроятно, скоро эта улица превратится въ прекрасное шоссе, обстроенное по сторонамъ красивыми дачами. Разработка этой улицы пошла-бы еще быстрѣе, если бы окружныя трясины, поросшія лѣсомъ, не принадлежали частнымъ владѣльцамъ.

Поти ожидаетъ, по всѣмъ увѣреніямъ, блестящая будущность: онъ долженъ сдѣлаться исходнымъ пунктомъ, откуда должны будутъ отправляться товары (по предположеннымъ желѣзнымъ дорогамъ) чрезъ Баку и Александрополь до персидскихъ границъ и Тегерана. Устье Ріона въ настоящее время, отъ постоянныхъ наносовъ рѣки и обратнаго морскаго прибоя, окружено пространной отмелью или баромъ, на которомъ вѣчно бушуетъ короткая, но сильная морская волна, такъ что большіе корабли не могутъ входить въ устье рѣки безъ перегрузки. Для устранения этого устраивался инженеромъ Шавровымъ въ устьѣ моль и желѣзное жете англійскими инженерами; предпріятія не увѣнчались полнымъ успѣхомъ; предложенъ новый проектъ, который, можно надѣяться, оправдаетъ общія ожиданія.

Въ Потти двѣ или три довольно сносныхъ *гостиницы*. Именъ ихъ я, каюсь, не записалъ, — впрочемъ, читатель отъ этого ничего не потеряетъ, потому что выборъ не великъ и выбирать особенно не изъ чего.

Отдѣленіе II.

Когда мы 19 марта ночевали за недостаткомъ лошадей въ Мцхетѣ, кондукторъ, провожавшій дилижансъ, шедшій изъ Кутаиса, сказалъ намъ, что за Сурамскимъ переваломъ давно уже все въ цвѣту и въ зелени и дни стоятъ жаркіе, между тѣмъ какъ мы видѣли, что въ окрестностяхъ Тифлиса хотя уже и зацвѣли фруктовыя деревья, но зелень еще не распустилась. Въѣзжая въ Тифлисъ, мы встрѣтили охотниковъ, ѣхавшихъ на вальдшнепиную тягу; въ Россіи вальдшнепы летятъ около 10-го апрѣля. Въ городѣ уже продавали свѣжіе огурцы.

Оригиналенъ видъ Тифлиса и поразителенъ онъ для европейца, никогда не бывавшаго на востокѣ. Полуазиатская, полурусско-военная столица Закавказья поражаетъ своими лишенными всякой растительности окрестностями; сѣрыя горы охватили со всѣхъ сторонъ котловину, на днѣ которой, по обѣимъ сторонамъ несущейся Куры, раскинулся оригинальный городъ. Своимъ пыльно-песчанымъ цвѣтомъ онъ мнѣ напомнилъ Аѳины: тотъ же сѣрый цвѣтъ, та же пыль, тоже отсутствіе зелени и тѣ же сѣрыя развалины на высотахъ, — нѣтъ только чуднаго моря, открывающагося съ горы Парѳенона; напротивъ, здѣсь, куда ни взглянете, только и видно, что голыя и неприютныя горы; лишь на сѣверѣ въ хорошую погоду показывается снѣжная гряда, изъ которой возвышается величавая вершина Казбека. Невольно остаются въ памяти веселые оазисы, находящіеся въ этой невеселой котловинѣ: Муштаидъ, городской, ботанической и частныя сады, лежащіе въ Нѣмецкой слободѣ по лѣвому берегу Куры.

Въѣхавъ въ городъ по прежней дорогѣ и проѣзжая широкимъ Головинскимъ проспектомъ, вы точно ѣдете по европейской улицѣ, а между тѣмъ дома съ своими рѣзными балкончиками и галлереями напоминаютъ собою Испанію и Италію; изъ открытыхъ лавочекъ, внизу этихъ домовъ, выглядываютъ азіатскія лица торговцевъ; тротуары обсажены бѣлыми акаціями, покрытыми пылью, а публика здѣсь состоитъ изъ европейцевъ и азіатцевъ, но надъ всѣми костюмами преобладаютъ армейскій и казачій мундиры. Проѣзжая мимо дворца намѣстника и стоящихъ противъ него многоэтажныхъ домовъ съ блестящими магазинами, вы будто

видите обрывокъ изъ Невскаго проспекта; далѣе, на Эриванской площади съ ея караванъ-сараемъ, вы точно въ Москвѣ около биржи, вокругъ которой толпятся армяне, а черезъ пять минутъ, въѣхавши въ Мейдонъ, мнѣ показалось, что я попалъ на константинопольскій базаръ: та же толкотня и тѣснота въ улицахъ, тѣ же открытыя лавки и мастерскія, то же публичное кухонное производство, то же движеніе публики и флегматическое спокойствіе торговцевъ.

Когда мы приѣхали, всѣ гостиницы были переполнены приѣзжими. Въ „Европѣ“ для насъ не оказалось мѣста, и мы, по неволѣ, должны были отправиться въ „Америку.“ „Америка“ оказалась тоже не совсѣмъ-то гостеприимной, и мы едва-едва нашли въ ней прескверный номеръ въ 1 руб. сер. Только черезъ два дня можно было покинуть эту полутемную конуру и занять порядочный номеръ въ 2 р. 50 к. Первое, разумѣется, что мы сдѣлали, это отправились въ бани, откуда и возвратились совсѣмъ обновленными. Пообѣдавъ въ общей залѣ (по принятому здѣсь обыкновенію, по порціямъ) и отдохнувъ немного, мы отправились въ городской садъ, а оттуда въ театръ, въ которомъ, какъ и во всей Россіи, по случаю великаго поста, были закрыты драматическіе спектакли и давались концерты, представленія фокусниковъ и прочія великопостныя увеселенія. Афиша была составлена необыкновенно заманчиво: во-первыхъ, по величинѣ это была не афиша, а что называется—простыня; въ половину простыни красовалась огромная черная рука съ надписью на каждомъ пальцѣ: на большомъ было написано „здесь соединены“; на указательномъ пальцѣ стояло: „искусство“; далѣе слѣдовали, по пальцамъ же: „наука и ловкость“, а внизу во всю кисть и мизинецъ протянулось: „надо видѣть, чтобы вѣрить“. Представленіе давалъ *г. профессоръ физики Галюше, ѣхавшій проездомъ изъ Парижа въ Тифлисъ*. Изъ замѣчательностей особенно выдавались: *дамскій фаваритъ, путешественныя монеты, животворящій зѣвтринецъ, электрическое освѣщеніе, не-изъ-чезаемый микоры и магнитическій сонъ или основаніе чувства*.

Трудно сказать, которое изъ чудесъ ученаго профессора, знавшаго, кромѣ физики, еще и *идролику*, было выше всѣхъ остальныхъ; полагать надо, что пальму первенства заслужило „*основаніе чувства*“, а вслѣдъ за нимъ ужъ „*не-изъ-черпаемый микоры*.“

Внутренность театра очень хороша. Репертуар преимущественно состоитъ изъ водевилей и оффенбаховскихъ оперетокъ; итальянская опера также постоянно бываетъ здѣсь, еще со временъ князя Воронцова, каждую зиму. Говорятъ, что это дѣлается для развитія въ туземцахъ чувства изящнаго и смягченія ихъ нравовъ. Не знаю, насколько смягчились туземные нравы отъ итальянскихъ арій, но полагаю, что не лишнимъ было бы ознакомленіе и съ русской исторіей, чрезъ постановку русскихъ историческихъ драмъ, которыхъ сюжеты и хорошая постановка навѣрное-бы ихъ заинтересовали. Театръ здѣсь могъ бы сослужить серьезную службу, а не быть мѣстомъ праздной забавы, какимъ онъ, къ несчастію, становится почти вездѣ въ послѣднее время.

Жители Закавказья, какъ и вообще всѣ южные жители, большіе охотники до всякихъ зрѣлищъ. Публика въ театрѣ не любитъ сдерживать своихъ восторговъ и отдается имъ съ увлеченіемъ. Южный житель не можетъ даже себѣ и представить, какъ возможно слушать страстную итальянскую музыку и въ тоже время спокойно вязать чулокъ и считать петли, какъ это дѣлаютъ рижскія нѣмки. До профессора Галюше пожиналъ лавры въ Тифлисѣ докторъ Эпштейнъ. По всѣмъ улицамъ еще красовались объявленія: „Телеграмма! Докторъ Эпштейнъ пріѣхалъ!“ Это тотъ самый докторъ Эпштейнъ, который обѣщался въ Москвѣ публично отрѣзать голову живому человѣку. Дѣло, само собою разумѣется, состояло все въ фокусѣ, но простодушные москвичи, вообразивъ себѣ, что и въ самомъ дѣлѣ можно отрѣзать и приставить голову живому человѣку, едва не кончили знаменитаго представленія доктора самымъ полнымъ скандаломъ.

На второй день по пріѣздѣ я встрѣтилъ моихъ казбекскихъ знакомцевъ — Мамонова и его почтеннаго спутника, кандидата Петра Семеныча. Мамоновъ шелъ медленно; видно было, что онъ крѣпко усталъ, и свинчатки почти отказывались продолжать службу. Одѣтъ онъ былъ въ форменномъ сюртукѣ безъ погоновъ и въ офицерской фуражкѣ; черезъ плечо висѣла черкесская шапка въ серебряной оправѣ. Петръ Семенычъ во всѣхъ орденахъ тоже еле-еле тащился сзади Мамонова, разумѣется, на узаконенной военной службой дистанціи. Фигура его какъ разъ напоминала стараго сторожа какого-нибудь казеннаго учрежденія. „Здравствуйте,

Петръ Аркадьевичъ,“ закричалъ я еще издали. Мамоновъ остано-
вился и потомъ громко крикнулъ, разставивъ руки: „Ah! partout et
nul part! bonjour, mon ami!“ Очевидно, онъ хотѣлъ щегольнуть фран-
цузскимъ языкомъ въ закавказской столицѣ. „Ну что, какъ ваши
дѣла, Петръ Аркадьевичъ?“—„Да что дѣла, дѣла наши плохи“,—съ
уныніемъ проговорилъ Петръ Семенычъ.—„Какой чортъ плохи!“
перебилъ его съ сердцемъ Мамоновъ. „Хлопотать надо, разъ от-
казали, такъ ужъ въ другой не откажутъ! Сегодня былъ я у
генерала; какъ, батинька, я вамъ доложу, онъ меня принялъ,—про-
сто мое почтенье! Вхожу, а у него генераловъ, генераловъ тамъ
разныхъ! Я сталъ разумѣется сзади, принялъ такую позу... (при
этомъ Мамоновъ принялъ позу фельдмаршала на монументѣ) гля-
жу—бѣжить мимо всѣхъ:—„Ба, говоритъ, Мамоновъ! какими это
судьбами?“ Кланяюсь... (при этомъ Мамоновъ почтительно покло-
нился) Таеъ и таеъ-моль, говорю, ваше превосходительство, при-
ѣхаль на счетъ земли...—„Ну говоритъ, батинька, это зависитъ не
отъ меня“ (при этомъ Мамоновъ выразилъ на лицѣ сожалѣніе,
разставилъ руки и поднялъ плечи). „Таеъ, говорю, хоть на счетъ
вспомоществованія, ваше превосходительство.“—„Не во время, гово-
рить, другъ мой, приѣхали, очень, очень, говоритъ, жаль, но я
вамъ долженъ сказать откровенно,—у самихъ нѣтъ, говоритъ, те-
перь денегъ. „Нѣтъ денегъ, какъ-же, сейчасъ; а еще племяшъ *).
Чтобъ ему!.. Вѣдь какъ усталъ-то, когда-бы вы знали! А все этотъ
Б., цѣлые дни возимся въ ботаническомъ саду, выбираемъ цвѣты,
да растенія... Я при этомъ хлопочу и для себя, сказать по правдѣ.
Садишка-то у меня маленькій, такъ коли что понадобится, я у
него по сосѣдству и карабчу! **) Что ему это значить—мужикъ
богатый! Тюльпановъ и разныхъ луковицъ накупилъ,—чортъ знаетъ
зачѣмъ! У насъ свои степныя лучше. Я ужъ говорилъ французу
садовнику: Мусье, моль, il ne faut pas! chez nous dans les steppes
тюльпаны-то растутъ—voilà—grands—comme-ça! Вы гдѣ останови-
лись?“—„Да вотъ, въ двухъ шагахъ отсюда, въ Америкѣ“—„Таеъ пой-
демте-ка къ вамъ, отведемъ душу. Напойте чаемъ, а то ноги со-

*) Молодой рекрутъ на попеченіи стараго солдата дядьки. Мамоновъ хочетъ ска-
зать, что когда онъ былъ солдатомъ, то генералъ служилъ еще юнкеромъ и былъ у
него въ племяшахъ.

**) Таскаю.

всѣмъ не ходять.“ — „Сдѣлайте одолженіе, Петръ Аркадьевичъ.“ Подкрѣпившись чаемъ, Мамоновъ опять обратился къ своему любимому предмету: „Собираетъ музей! покупаетъ старыя клинки, да дрянъ всякую... посмотрите-ка вонъ кушилъ штуку! угадайте—что это такое?“ — „Не могу отгадать, Петръ Аркадьевичъ.“ — „Каторжныя клейма! чѣмъ прежде каторжниковъ клеймили. Отыскалъ въ какой-то лавчонкѣ... Помилуйте, говорю, что вамъ за охота покупать эту мерзость? Ее и въ руки-то даже взять северно! Вы ничего, говорить, не понимаете; это говорить драгоценная рѣдкость. Нечего сказать—хороша рѣдкость! Вы ужь, я говорю, встаете и плети гдѣ нибудь отыскали-бы, а коли не отыщите, такъ заказать можно; да такъ ужь и сдѣлали бы цѣлое отдѣленіе—и надпись бы на дверяхъ повѣсили: каторжное, моль, отдѣленіе! Непремѣнно, непременно выграшу гуся красной краской и поднесу ему въ подарокъ! Я просилъ купить Панькѣ ружье, такъ этого нѣтъ! Еще застрѣлится, говорить. Помилуйте, говорю, какъ застрѣлится, да изъ него и стрѣлять-то нельзя, оно безъ затравка,—это игрушка дѣтская! На грѣхъ и палка, говорить, выстрѣлится. Братъ!—продолжалъ онъ, взявъ меня за руки,—выручи, подари это ружьеце Панюшкѣ,—стоитъ всего на-всего полтора цѣлковыхъ!“ — „Съ удовольствіемъ, Петръ Аркадьевичъ.“ — „Ну вотъ и спасибо! Завтра же пойдемъ да и купимъ,—пусть его смотритъ, какъ посторонніе люди тѣшатъ моего Паньку!“ За-полночь просидѣлъ у меня Мамоновъ съ Петромъ Семенычемъ, и многіе изъ его рассказовъ про прежнее время были удивительно интересны, но передавать ихъ я нахожу неудобнымъ, — не то, чего добраго, пожалуй и надобно еще читателю.

Невольно въ Тифлисѣ бросаются въ глаза два оригинальные типа: это—водовозъ (*тулукчи*) и носильщикъ (*муша*). Такъ какъ по гористымъ и узкимъ улицамъ стараго Тифлиса нельзя возить воду въ бочкахъ, то ее и возятъ въ кожаныхъ мѣшкахъ съ рукою; мѣшки, какъ вьюки, помѣщаются на спинѣ лошади или эшака, по одному съ каждой стороны; широкимъ отверстіемъ мѣшокъ обращенъ вверхъ, а длинный, узкій рукавъ виситъ книзу; чтобъ вода изъ него не лилась, конецъ рукава пристегивается вверхъ. Введя эшака въ рѣку по брюхо и войдя за нимъ самъ, тулукчи наливаетъ черпакомъ въ мѣшки воду, какъ въ бочку;

Когда надо выливать, онъ отстегиваетъ конецъ кишки, опускаетъ его, и вода льется точно изъ крана. Тулухчи тщательно оберегаетъ выгоды своей корпорации. Нѣкоторые изъ русскихъ, живущихъ въ европейской части города, завели водовозныя бочки,—такъ кучеру, посланному за водой, очень часто приходится расплачиваться за это нововведеніе своими боками.

Муши удивляютъ громадностью переносимыхъ ими тяжестей; для уравновѣшиванія на спинѣ у нихъ лежитъ туго-набитая подушка; нижняя часть ея (у хребта) набита больше, а верхняя (у шеи) меньше, такъ что поперечный разрѣзъ этой подушки представлялъ бы видъ прямоугольнаго треугольника, котораго гипотенуза лежитъ у муши на спинѣ, короткій катетъ стоитъ почти перпендикулярно къ хребту, а длинный обращенъ вверху; если носильщикъ сильно нагнется, то верхній катетъ принимаетъ почти горизонтальное положеніе. Я самъ видѣлъ мушу, несшаго на себѣ такимъ образомъ фортепіано, да еще въ гору! Согнувшись почти подъ прямымъ угломъ подъ своей ношей, онъ шелъ ровнымъ шагомъ, упираясь руками въ колѣни. И за подобную-то переноску платятъ всего какихъ нибудь 30 или 40 копѣекъ! У насъ въ Россіи за такимъ мушей съ фортепіанами на спинѣ навѣрное бѣжала бы цѣлая толпа народа.

Чадра въ Тифлисѣ носится уже только женщинами низшаго сословія; весь же высшій классъ одѣвается по европейски, сохраняя однако чисто національную головную повязку (*тавксакрави*) и головной вуаль (*мичакъ*). „Домикъ съ крышей гладкой,“ про который говоритъ Лермонтовъ, тоже почти исчезъ, и гладкая крыша замѣнилась крышею со скатомъ.

Армяне по большей части держатся исключительно своего національнаго кружка и торговыхъ интересовъ; *грузины* же, напротивъ, охотно роднятся съ ними, и въ ихъ добродушномъ характерѣ совершенно нѣтъ никакого стремленія къ исключительности. *Дворяне грузинскіе* изстари не имѣли привычки заниматься лично своимъ сельскимъ хозяйствомъ; при грузинскихъ царяхъ они всегда составляли военное служилое сословіе, что, разумѣется, не могло не имѣть на нихъ сильнаго вліянія; крѣпостное право давало полную возможность пользоваться даровымъ трудомъ, даровыми доходами и заниматься исключительно службой; съ освобожденіемъ же

крестьянъ образъ жизни грузинскаго дворянства долженъ измѣниться, какъ онъ измѣнился и у насъ въ Россіи.

Мы прожили въ Тифлисѣ недѣлю, и этого времени было очень достаточно на осмотръ города. Къ вечеру мы ѣздили въ *Муштаидь*. Садъ этотъ, состоящій исключительно изъ фруктовыхъ деревьевъ, былъ въ то время очарователенъ; не только деревья, но и земля была вся сплошь покрыта осыпавшимся розовымъ и бѣлымъ цвѣтомъ. Въ Муштаидь ѣздить гулять все лучшее общество Тифлиса; по широкимъ аллеямъ встрѣчаются безпрестанно цѣлыя кавалькады.

Меня чрезвычайно интересовало орошеніе *Караязской стѣны*. Путешествуя по Испаніи, я видѣлъ три знаменитыя орошаемыя долины (*Vega*—по испански): Валенсіи, Мурсіи и Гренады, удивительныя какъ по своей растительности, такъ и по изумительному плодородію. Для этихъ чудныхъ мѣстъ не существуетъ неурожая: чѣмъ жарче лѣто, тѣмъ лучше въ нихъ урожай. Испанскіе поэты хвастливо называютъ ихъ разостланными зелеными бархатными плащами, шитыми серебромъ; и дѣйствительно, это сравненіе чрезвычайно удачно: съ трудомъ отрывается глазъ отъ этой вѣчно-роскошной зелени, по которой, при ясномъ солнечномъ свѣтѣ, блестятъ серебромъ струи воды и разсыпанные во множествѣ бѣлые домики и фермы. Дивныя *веги* еще больше выигрываютъ отъ того контраста, какой представляютъ окружающія ихъ голыя и бесплодныя горы. Около Гренады возвышается одинокая гора, называемая: „*вдохъ мавра*“. Лѣтопись говоритъ, что когда Гренада была взята испанцами, и послѣдній гренадскій халифъ, переселяясь изъ Испаніи въ Африку, долженъ былъ покинуть навсѣгда свою *Альгамбру* (гренадскій кремль) съ ея дивными дворцами, садами и повсюду журчащей водой, когда онъ, окруженный своимъ несчастнымъ семействомъ, взглянулъ въ послѣдній разъ на Альгамбру, у подножья которой раскинулась роскошная *вега*, изъ глазъ его полились слезы и изъ груди вылетѣлъ тяжелый вздохъ, отъ котораго гора и получила свое названіе. Испанцы не только не улучшили системы каналовъ и водопроводовъ, построенныхъ маврами, но не умѣли даже и сохранить ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они имъ были оставлены. Невѣжественное и властолюбивое духовенство старалась истребить все, что только

сохраняло на себѣ память независимыхъ невѣрныхъ. Единственная въ свѣтѣ мечеть въ *Кордовѣ*, въ которой болѣе 1,000 колоннъ изъ драгоцѣннаго матеріала, соединенныхъ между собою арками, поддерживали плоскую кровлю, едва не была разрушена; при Карлѣ V колонны въ срединѣ мечети были выломаны и на ихъ мѣстѣ построена христіанская церковь, въ которой можетъ помѣститься нѣсколько сотъ человѣкъ; но мечеть такъ громадна, что, войдя въ нее, вы въ лѣсѣ колоннъ и не заподозрите существованія въ срединѣ христіанскаго храма. Потолокъ изъ драгоцѣннаго дерева былъ разобранъ испанцами и употребленъ на гитары.

Ни одно изъ видѣнныхъ мною зданій такъ не поражало меня, какъ эта изумительная мечеть, потому что нигдѣ мысль строителя не выразилась въ такой оригинальной и въ такой наглядной формѣ. Ее могъ только построить уроженецъ Африки, мавръ. Она замѣнила для него густой пальмовый лѣсъ, стоящій посреди оазиса: стройные древесные стволы замѣнились колоннами, а переплетенные сверху роскошные листья пальмъ—легкими сводами, перекинутыми съ одной колонны на другую. Таинственный полусвѣтъ, падающій сверху изъ невидимыхъ оконъ, тишина и постоянная прохлада увеличиваютъ сходство этого храма съ храмомъ, построеннымъ Богу самою природой, и невольно располагаютъ къ молитвѣ. Но оставимъ Испанію и отправимся въ *Караязь*.

Нигдѣ не слѣдуетъ очень вѣрить словамъ отелной прислуги, а въ Тифлисѣ въ особенности. Задумавъ ѣхать въ Караязь, мы сначала поручили было номерному нанять намъ фаязтонъ; онъ объявилъ, что дешевле 25 руб. нанять никакъ нельзя; швейцаръ, пронюхавъ про нашу поѣзду, явился къ намъ и по секрету объявилъ, что всѣ номерные—мошенники, и что онъ, честный человѣкъ, готовъ завсегда услужить господамъ проѣзжающимъ и готовъ нанять за 15 р. Сами мы наняли за 10 руб. Съ этихъ поръ прислуга перестала оказывать намъ особое уваженіе. *Извозчикъ молочканъ* рассказывалъ, что отецъ его переселился сюда, отступившись на волю „а тѣ, добавилъ онъ, кто по умнѣе были, такъ просто сюда бѣгали; въ тѣ поры сюда всѣхъ принимали, — приходи, да и живи какъ хочешь.“ Вотъ образчикъ русскихъ колонистовъ, переселившихся въ отдаленный край, мало того, что безъ всякой поддержки, но еще и съ потерями, и, несмотря на то, живущихъ бо-

гато и твердо соблюдающихъ свою національность. Стало быть, есть же возможность добыть колонистовъ и изъ русскихъ людей.

Каралъзъ вовсе мнѣ не напомнилъ знаменитыя веги. Уныла эта орошаемая степь. Впрочемъ, и времени съ проведенія каналовъ прошло еще такъ мало, что ждать многого невозможно. Деревья, которыми обсажены каналы, еще не успѣли хорошенько привиться, а вмѣсто красивыхъ домиковъ видны только кое-гдѣ подземныя логова татаръ, въ которыхъ они зимуютъ, а лѣто они стоятъ пустыя, потому что всѣ татары уходятъ тогда на кочевку. Мы имѣли письмо къ помощнику управляющаго степью, молодому человѣку, кончившему курсъ въ дерптскомъ университетѣ, и были приняты имъ прекрасно. Онъ очень обязательно сообщилъ намъ всѣ свѣдѣнія, которыя мы желали имѣть, приказалъ достать татарскихъ лошадей и самъ поѣхалъ съ нами на осмотръ степи и водопада, которымъ оканчивается главный каналъ. Общество наша состояло изъ управляющаго, землемѣра, моего товарища М., меня и нѣсколькихъ татаръ.

Сначала шла мелкая изморозь, и мы ѣхали, закутавшись въ башлыки, но потомъ погода проясвилась и стало жарко.

Ѣзда на необузданныхъ татарскихъ лошадяхъ довольно безпокойна. Онѣ никакъ не могутъ идти покойнымъ шагомъ и рысью, а или горячатся другъ передъ дружкой, или скачутъ, какъ угорѣлыя, задравши головы кверху, такъ, что ихъ насилу сдержишь; сѣдло татарское пригнуто кое-какъ; пряжка отъ ремня, прихватывающаго подушку, безпокоитъ ногу, стремена коротки, да къ тому же дикіе ордынцы иначе не могутъ ускорить ѣзду, какъ съ мѣста—маршь-маршь! Вы ѣдете себѣ довольно спокойно, вдругъ вашему спутнику вздумается или догнать сосѣда, чтобы сказать ему что нибудь, или увидитъ онъ, что нибудь курьезное, чего нельзя не посмотреть; онъ тогда, не говоря ни слова, мчится, какъ угорѣлый; ваша лошадь, поднявъ морду, бросается вслѣдъ за нимъ, и вы ее насилу удерживаете,—и потому-то при этой ѣздѣ необходимо не забывать правила: не зѣвай! и никакъ не распускать поводьевъ.

Намъ безпрестанно приходилось переѣзжать чрезъ небольшія канавки. Подѣзжая къ водопаду, мы увидѣли вправо на озимяхъ стадо *джейрановъ*. Что за прелесть эти животныя на свободѣ! Сколько граціи и миловидности въ ихъ молодыхъ козлятахъ, рѣз-

вящихся на солнцѣ! Охотятся на нихъ облавой: собирается большая партія конныхъ охотниковъ и, окруживъ ихъ на большомъ разстояніи, начинаетъ понемногу сѣзжаться; видя, что кругъ мало-по-малу суживается, бѣдняжки не знаютъ куда дѣваться, бросаются прямо на охотниковъ и падаютъ подъ ихъ выстрѣлами. Иногда такъ истребляется все стадо. Джейранъ не можетъ долго переносить неволи и обыкновенно въ ней умираетъ.

Не задолго до нашего пріѣзда захватили молодаго козленка, завязшаго въ канавѣ; несмотря на уходъ, онъ началъ быстро чакнуть, такъ что его рѣшили выпустить на свободу; пущенный въ поле козленокъ быстро оправился и, какъ молнія, исчезъ изъ глазъ своихъ великодушныхъ тюремщиковъ.

Мы уже возвращались отъ водопада назадъ, какъ вдругъ татары, ѣхавшіе сзади меня, ударили точно по командѣ нагайками лошадей и помчались впередъ, какъ бѣшеные. Лошадь моя тоже стремглавъ бросилась за ними. Я взглянулъ: далеко впереди по степи мчалась лошадь, подъ которою болталось что-то такое, чего разобрать невозможно было за разстояніемъ. Лошадь принадлежала землемѣру, уѣхавшему далеко впередъ. Татары быстро настигли ее, поймали и дѣло объяснилось: у сѣдла ослабли подпруги, и оно свернулось на бокъ,—къ счастью нога, сѣдока не осталась въ стремени, и онъ отдѣлался только легкимъ ушибомъ.

Распростившись съ гостепріимнымъ и обязательнымъ хозяиномъ, мы отправились обратно въ Тифлисъ; поднялся сухой и удушливый вѣтеръ, котораго не доставало для того, чтобы Караязская степь явилась намъ въ полномъ свѣтѣ. Пустыня по обѣимъ сторонамъ Куры на обратномъ пути показалась намъ еще безотраднѣе. Только по немногимъ низинамъ зеленѣла травка и по нимъ паслись овцы. Мы хотѣли выѣхать изъ Тифлиса на другой день, но хлопоты о свидѣтельствѣ на выѣздъ и о подорожной—эти истинныя мучительства, отъ которыхъ отвыкаешь при ѣздѣ по желѣзнымъ дорогамъ—задержали насъ еще на сутки.

Въ Тифлисѣ мнѣ суждена была встрѣча, которая измѣнила первоначальный планъ моего путешествія: я предполагалъ, кромѣ осмотра всего замѣчательнаго по Тифлиско-потійской дорогѣ осмотрѣть Боржомъ и ѣхать изъ Поти въ Одессу, а вышло такъ, что мнѣ не удалось видѣть Боржома, но за то я осмотрѣлъ Сухумъ,

мысь Адлеръ и часть Черноморскаго берега отъ Адлера до Гагръ, Случилось это такимъ образомъ: я осматривалъ сельско-хозяйственный музей, въ которомъ тогда были разложены вещи, отправляемыя на московскую политехническую выставку; въ числѣ хлопотавшихъ экспонентовъ я увидѣлъ совершенно неожиданно моего московскаго знакомаго ***, который приобрѣлъ себѣ участокъ земли на Адлерѣ. Онъ черезъ недѣлю долженъ былъ отправиться въ свои владѣнія и уговаривалъ меня ѣхать къ нему въ гости; это дало мнѣ возможность познакомиться съ нашею черногорскою колонизаціей и посмотреть на житье-бытье нашихъ пионеровъ. Предложеніе было слишкомъ заманчиво, — и я рѣшился имъ воспользоваться. Досадно было, что, по распредѣленію времени, мнѣ приходилось пропустить Боржомъ, но дѣлать нечего — надо было выбирать что нибудь одно изъ двухъ, и я выбралъ Адлеръ. Мы уговорились съ *** такимъ образомъ: я долженъ былъ ждать его въ Кутаисѣ, а оттуда отправиться съ нимъ вмѣстѣ въ Поти, гдѣ должны были грузиться на пароходъ вещи, отправляемыя на выставку; пароходъ этотъ насъ довозилъ до Адлера, гдѣ мы высаживались; оттуда я возвращался въ Сухумъ, а изъ Сухума отплывалъ на пароходѣ въ Одессу. Времени терять было нечего и надобно было выѣзжать изъ Тифлиса. Товарищъ мой М., какъ художникъ, предпочелъ Боржомъ, и мы сговорились съ нимъ разстаться въ Гори.

Прежде чѣмъ покинуть Тифлисъ, скажу еще нѣсколько словъ о томъ, что мнѣ удалось слышать о русскихъ сектантахъ, такъ называемыхъ *прыгунахъ*, прибавивъ, что вообще разсказамъ о сектантахъ нужно вѣрить съ большою осторожностью, и я вовсе не выдаю ихъ за достовѣрные, хотя и слышалъ отъ человѣка, котораго не могу заподозрѣвать во лжи, и который самъ былъ свидѣтелемъ ихъ странныхъ радѣній. Прыгуны живутъ въ Тифлисскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ *Саратовкѣ* (на половинѣ прямого пути изъ Тифлиса въ Александрополь, близъ дер. *Воронцовки*); они принадлежатъ повидимому къ молоканскому толку *), но свои моленія

*) *Молокане* держатся буквально ветхаго и новаго завѣта въ одинаковой степени. Ихъ можно было бы сравнивать съ лютеранами, если бы они принимали таинство. Они говорятъ, что, вкушая хлѣбъ и вино, т. е. пищу, съ благоговѣніемъ и воспоминаніемъ о Спасителѣ, человекъ тѣмъ самымъ приобретаетъ ему. Бракъ у нихъ тоже

сопровождать изступленнымъ скаканьемъ и прыганьемъ до истощенія силъ, т. е. до наитія Св. Духа, по ихъ мнѣнiю; въ этомъ изступленномъ состоянiи они начинаютъ пророчествовать словами, въ которыхъ зачастую нѣтъ никакого смысла. Откуда явилась у насъ эта секта—неизвѣстно, но надо полагать, что съ востока; ревущіе и качающіеся дервиши, которыхъ всякій можетъ видѣть въ Константинополѣ, также кончаютъ паданіемъ въ обморокъ и судорогами. Прыгуны, какъ и молokane, не имѣютъ храмовъ для молитвы; на свои моленія они допускаютъ и постороннихъ. „Мы пришли вдвоемъ—говорилъ мнѣ рассказывавшій—въ избу одного прыгуна, въ которой было назначено моленіе; стали собираться мужчины и женщины, и каждый входящій цѣловался со всѣми по три раза; потомъ всѣ сѣли, начетчикъ раскрылъ библію, сталъ читать и пояснять читаемое, другіе вступали съ нимъ въ споръ; нѣкоторые сужденія были очень здравы, и мнѣ все это очень понравилось; потомъ началось чинное пѣніе псалмовъ, сначала пѣли тихо, но потомъ все громче и громче; потомъ запѣли „Радуйся, Сионе, воины твои готовы!“ Тутъ съ нѣкоторыми стало дѣлаться что-то въ родѣ судорогъ: то рукой размахнуть, то ногой топнуть. „Это Св. Духъ,“—пояснили мнѣ — „зачалъ на нихъ накатывать.“ Судорожныя движенія усиливались, и нѣкоторые начали уже со-всѣмъ прыгать; сидѣвшій около насъ далъ мнѣ такого линка въ бокъ, что мы поспѣшили поскорѣй убраться по-добру по-здорову. Случается, что тотъ, кто на кого нибудь сердить, отдуется во время накатыванія своего недруга на чемъ свѣтъ стоитъ. Одинъ прыгунъ былъ сердить на своего сосѣда; не зная, чѣмъ ему отомстить, онъ взялъ топоръ, выскочилъ, какъ полоумный, и изрубилъ телѣгу, говоря потомъ, что онъ сдѣлалъ это по наитію. Лѣтъ десять тому назадъ одинъ изъ ближайшихъ начальниковъ тоже присутствовалъ на прыгунскомъ радѣньѣ; сначала все шло хоро-

не таинство, но сожитіе по взаимному согласію, по благословленію божьему и родительскому; разводъ хотя и дозволенъ, но случается очень рѣдко, и семейная жизнь отличается чистотою. *Духоборцы* почти тѣ же молokane, но они не держатся строго буквы закона и говорятъ, что спасеніе идетъ не отъ книги, а отъ духа. Названіе молokane произошло, по всей вѣроятности, отъ слова молоко, то-есть отъ несоблюденія ими постовъ. Грамотность есть почти безъ исключенія принадлежность всякаго молokane и духоборца—какъ мужчинъ, такъ и женщинъ.

шо, но потомъ его тоже стали подбивать пинками и кидать въ глаза золой, увѣряя, что-де на нихъ накатило; начальникъ ушелъ, но, не будь глупъ, замѣтилъ тѣхъ, на которыхъ ужь очень сильно накатывало; скоро представился случай—онъ вызвалъ ихъ къ себѣ, придрался къ чему-то, да и давай по своему проучивать! „Батюшка! помилосердуй!“ вопили прыгуны. „Охъ, не могу!—кричалъ въ свою очередь остроумный начальникъ—охъ накатило, охъ не могу!“ Съ тѣхъ поръ относительно его на прыгуновъ ужь больше не накатывало.“ Повторяю, что я въ истинѣ всего этого увѣрять не рѣшаюсь.

До Гори мы доѣхали безъ всякихъ приключеній, если не считать за нихъ остановки по недостатку лошадей. Ямщики и тутъ были большею частью великоруссы изъ внутреннихъ губерній. Шоссе шло неподалеку отъ строящейся желѣзной дороги. Часто попадались крытые нѣмецкіе фургоны въ 4 лошади, вошедшіе въ общее употребленіе въ Закавказьѣ для перевозки товаровъ. Въ то время между Поти и Тифлисомъ, кромѣ арбъ и верблюдовъ, работало около 500 такихъ фургоновъ.

Въ Гори мы прожили два дня, осмотрѣли *Уплисъ-Цихе*, *Горисъ-Цихе* и разстались съ М. до встрѣчи въ Москвѣ: я поѣхалъ въ Кутаисъ, гдѣ долженъ былъ ожидать ***, а онъ остался рисовать. Рѣки были въ разливѣ, и въ Горисъ-Цихе можно было проѣхать не иначе, какъ верхомъ на лошади въ бродѣ. До кн. Воронцова и въ началѣ его управленія дорога шла черезъ Ляхву, и переправляться можно было черезъ нее только или верхомъ, или на арбахъ, и то въ удобное время; постоянного моста не было. Самъ князь переправлялся въ сопровожденіи верховыхъ плавщиковъ (мастеровъ плавать) на случай опасности. Однажды княгиня Воронцова, ѣхавши въ Боржомъ, при этой переправѣ чуть-чуть не утонула. Шоссе, разумѣется, въ поминѣ не было, и въ дождливую погоду приходилось вязнуть въ грязи. Долина Ляхвы была покрыта непроходимымъ лѣсомъ, отъ котораго въ настоящее время остался мелкій кустарникъ.

Погода въ то время, когда мы были въ Гори, стояла сырая и холодная и провожала меня до самаго *Сурамскаго перевала*. Я выѣхалъ изъ *Сурама* къ вечеру. Наступила яркая звѣздная ночь. Дорога вилась зигзагами по темному ущелью, поросшему густымъ лѣсомъ. Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ меньше и мень-

ше казались огоньки, разложенные рабочими влѣво, внизу, вдоль желѣзной дороги, и тѣмъ неяснѣе долетали до верху ихъ пѣсни. Съ *Помской* станціи пахнуло теплымъ воздухомъ Ріонской долины,—это былъ переѣздъ черезъ переваль. Созвѣздія Оріона и Сиріуса блестяли, какъ брилліанты, и серпъ луны то скрывался, то показывался при поворотахъ. Также исчезали и показывались огоньки духановъ по дорогѣ и огоньки рабочихъ въ глубинѣ ущелья. Въ воздухѣ постоянно стоялъ шумъ отъ ручьевъ и каскадовъ. Съ каждой верстой все становилось теплѣе и теплѣе. Проѣхали *Молиты*. Что это за рѣка шумитъ влѣво? Это рѣзвая *Черемеха*. Въ *Блгморгахъ* остановились ночевать. Проснувшись и выйдя изъ комнаты, я съ недоумѣніемъ глядѣлъ вокругъ себя. Да гдѣ же я очутился за эту ночь? Что это за новая страна? Что это за роскошная зелень, невиданные цвѣты? Откуда этотъ теплый воздухъ, такъ что приходится снять пальто? Яркое солнце освѣщаетъ южную страну въ полномъ ея весеннемъ блескѣ! Мало что можетъ сравняться съ ощущеніями, которыя испытывались при этихъ быстрыхъ переходахъ изъ одного климата въ другой во время путешествія въ горныхъ странахъ. Дорога перешла на лѣвый берегъ *Черемехи*, а чугушка съ прекрасными желѣзными мостами черезъ рѣку осталась вправо. Проѣхали станцію *Цеву* и въ *Квиразахъ* сѣли на желѣзную дорогу, которая черезъ часъ и домчала насъ до *Кутаисской* станціи. Оттуда я пріѣхалъ въ омнибусѣ въ *Кутаисъ* и остановился въ *Hôtel de France*, которую содержитъ любезный французъ m-r Victor.

Гостинница, какъ обыкновенно большая часть губернскихъ гостинницъ, вывѣска же надъ столовой (*salle à manger*), разумѣется, по-французски. Въ общей залѣ чисто, готовятъ хорошо, но порціи настоящія французскія, т. е. вдвое меньше тифлисскихъ. Прислуга состоитъ изъ западныхъ славянъ и величаетъ проѣзжающихъ—мусю. Современная интеллигентная часть публики, какъ-то: адвокаты, прокуроры и проч., также какъ и вообще люди съ деньгами и вкусомъ, желающіе хорошо пообѣдать и выпить шампанскаго, предпочитаютъ другимъ m-r Виктор. Изъ газетъ въ общей залѣ валялось при мнѣ только нѣсколько старыхъ номеровъ „Сіянія,“ да газета „Кавказъ.“

Вмѣсто двухъ дней мнѣ пришлось прождать пріѣзда *** цѣлую

недѣлю, такъ что будь это извѣстно заранѣе, я могъ бы осмотрѣть и Боржомъ. Просрочка эта, разумѣется, была очень досадна, тѣмъ болѣе, что въ Кутаисѣ нѣтъ ни театра и никакихъ постоянныхъ общественныхъ удовольствій, да къ тому же былъ великій постъ. Одиѣ прогулки при великолѣпной погодѣ, болтовня съ м-гъ Викторомъ, да игра съ нимъ по вечерамъ въ домино по копейкѣ должны были наполнять все мое время.

Я не стану ничего говорить о Кутаисѣ, потому что все о немъ сказано въ первомъ отдѣленіи. По утрамъ я отправлялся гулять и осматривать городъ и окрестности, потомъ обѣдалъ, потомъ опять гулялъ и, наконецъ, короталъ время съ м-гъ Викторомъ или читалъ на сонъ грядущій гдѣ-то отысканный имъ сантиментальный французскій романъ, изданный еще въ прошломъ столѣтіи.

Балконъ Hôtel de France выходитъ на площадь городского сада, и потому мнѣ было довольно времени насмотрѣться на разнообразную публику Кутаиса. Про носящихъ европейскій костюмъ—говорить нечего, но здѣсь непрерывно попадаются и туземцы. Высшая туземная молодежь, если не состоитъ на службѣ, щеголяетъ въ красивыхъ черныхъ черкесскихъ и низенькихъ короткошерстныхъ папахахъ; въ знакъ принятой цивилизаціи, на рукахъ бѣлыя перчатки въ обтяжку. И здѣшнему дворянству, какъ грузинскому, приходится послѣ эмансипаціи жить не такъ, какъ жили отцы и дѣды: надо заниматься хозяйствомъ самимъ, а этого нѣтъ въ обычаѣ; рабочіе лѣнны, да ихъ и мало—вотъ по этой-то причинѣ дѣла здѣшнихъ землевладѣльцевъ и не въ блестящемъ положеніи. Снаружи, какъ говорится, шелкъ, а внутри щелкъ. Язва—отсутствіе серьезнаго образованія—здѣсь какъ на ладони: модныя фразы на языкѣ и отсутствіе, вслѣдствіе незнанія, всякой серьезной мысли—по крайнѣй мѣрѣ, таковы общіе отзывы. Разумѣется это говорится про тѣхъ, которые претендуютъ на знакомство съ цивилизаціей, а не про тѣхъ, которые живутъ въ прежней обстановкѣ. Женщины изъ высшаго сословія или вполне усвоили европейскій костюмъ или сохраняютъ еще національную головную повязку. Простой народъ одѣвается бѣдно; ноги часто совѣтъ босы, а покрытая массою черныхъ курчавыхъ волосъ голова иногда не имѣетъ, кромѣ этой, никакой другой покрывки. *Патапки*, т. е. лоскутъ матеріи, который носятъ на головѣ, подвязывая его

подъ бородой, выходитъ изъ употребленія и встрѣчается только на старикахъ. Какъ женщины, такъ и мужчины отличаются красотой, здоровымъ сложеніемъ, и вообще здѣшнее племя можетъ быть причислено къ красивѣйшимъ племенамъ въ свѣтѣ. Несмотря на бѣдность, здѣшній народъ всегда сохраняетъ чувство собственного достоинства; веселость его нрава проявляется безпрестанно. Глядишь—какой нибудь мальчишка нарядился старикомъ или надѣлъ на себя дурацкую харю съ рогами и бѣгаетъ съ нею по саду, а въ его веселости, кромѣ ребятъ, принимаютъ искренно участіе и взрослые. А по вечерамъ тѣ же прогулки съ зурной и барабаномъ по улицамъ. Женщины изъ простонародья здѣсь ѣздятъ верхомъ по-мужски; иногда жена съ груднымъ ребенкомъ ѣдетъ такимъ образомъ, а мужъ идетъ сзади и погоняетъ лошадь. Рѣзко отъ другихъ отличаются *гурійцы*; костюмъ ихъ чрезвычайно живописенъ и состоитъ изъ платка или башлыка, обмотаннаго вокругъ головы, въ родѣ чалмы, изъ черной вышитой и съ патронами куртки въ обтяжку, расстегнутой на груди и надѣтой сверхъ *эли* (жилета), черныхъ узкихъ панталонъ, широкаго пояса изъ турецкаго платка, обмотаннаго вокругъ талии, и ноговиць или бандулей на ногахъ; за поясомъ заткнуто старинное оружіе и лежатъ разныя къ нему принадлежности, а снаружи привѣшена сумка, украшенная серебрянымъ или мѣднымъ наборомъ. Иногда куртка и панталоны обшиваются серебрянымъ галуномъ. Гурійцы стройны, сухощавы, ловки и имѣютъ вообще гордую и внушительную наружность. Женщины ихъ исключительно изъ всѣхъ туземоеъ славятся своей красотой и продавались въ Турцію еще въ пятидесятыхъ годахъ, несмотря на всю бдительность нашей кордонной стражи. Вообще надобно замѣтить, что весьма неосторожно поступаетъ тотъ, кто въ кавказскомъ туземцѣ забываетъ уважать человѣка,—преднамѣренная обида здѣсь не всегда проходитъ, хотя ненамѣренная и прощается добродушно. Впрочемъ, чувство личного достоинства, встрѣчаемое въ низшихъ классахъ, невольно заставляетъ, какъ я постоянно видѣлъ, быстро мѣнять манеру обращенія тѣхъ людей, которые, гордясь своей цивилизаціей, не усвоили себѣ даже ея перваго правила, т. е. уваженія къ личности человѣка.

Я сидѣлъ за завтракомъ и смотрѣлъ на слѣдующую сцену, происходившую на дворѣ, гдѣ въ углу въ клѣткѣ помѣщались поро-

сята, заведенные м-г Викторомъ. М-г Викторъ, засунувъ руки въ карманы панталонъ, съ самымъ серьезнымъ видомъ осматривалъ свое хозяйство и, наконецъ, напѣвая марсельезу, подошелъ къ поросятамъ, визжавшимъ въ своемъ заточеніи изо всѣхъ силъ. „Marchons, enfants de la patrie!“ поетъ м-г Викторъ. Уи! визжать и хрюкаютъ на это поросята. „Aux armes, citoyens!“ Въ отвѣтъ опять: уи, уи! „Formez vos bataillons!“ Уи, уи, уи! покрываютъ поросята своимъ хоромъ воинственную марсельезу. Затѣмъ м-г Викторъ входитъ въ комнату, напѣвая: *Admirez son courage!* „Escoutez, m-г Michel,—обращается онъ ко мнѣ—видѣли вы здѣшнія развалины?“ — „Видѣлъ нѣсколько разъ.“ — „Представьте себѣ, я ихъ до сихъ поръ не видалъ!“ — „Какъ это? Вы живете въ Кутайсѣ уже нѣсколько лѣтъ и не удосужились посмотрѣть въ немъ самое интересное? Такъ лѣниться, это не по французски, m-г Victor.“ — „О! мы, французы, совсѣмъ не лѣнны; но что же прикажете дѣлать,—все некогда. Съ открытіемъ желѣзной дороги дѣла пошли изъ рукъ вонъ плохо,—всѣ ѣдутъ мимо, никто не заѣзжаетъ, *sacrebleu!* Прежде совсѣмъ было другое. До меня эту гостинницу держалъ Martin. *Imaginez vous!... Il a gagné quarante milles roubles pendant trois années et puis il les a mangés tous dans deux années! V'la un bête, vous dis-je!... Tout le monde dit que ces ruines sont tres interessantes...* я бы давно ихъ осмотрѣлъ, да все не было до сихъ поръ компаньона,—не хотите ли сходить вмѣстѣ?“ — „Съ большимъ удовольствіемъ.“ — „А потомъ мы съ вами поѣдемте за городъ,—aujourd'hui c'est dimanche—я хочу себѣ сдѣлать праздникъ, тамъ мой знакомый нѣмецъ, говорить, отыскалъ цѣлое семейство окаменѣлыхъ людей,—*imaginez vous, une complete famille: père, mère et leurs petits enfants,*—и все это окаменѣлое въ допотопныхъ скалахъ. Сначала онъ отыскивалъ лишь однѣхъ устрицъ, потомъ ему стали попадаться бараньи рога, наконецъ попались и люди. Стало-быть, прежде здѣсь было море и были устрицы, а теперь ихъ надо выписывать изъ Одессы... *Eh bien! Allons donc! ne perdons pas notre temps, m-г Michel!*“ Мы отправились. М-г Victor болталъ безъ умолку всю дорогу. — „*Cet allemand est un bête, vous dis-je, et je le deteste de tout mon coeur,* mais въ этомъ онъ смыслить; не знаю, гдѣ онъ этому научился,—какъ зовутъ эту науку? Ah, oui! *Géologie!* я не знаю *géologie*, хоть и читалъ очень много. *Avez-vous lu*

les mémoires de Catherine II par Pouchkine? Говорятъ, это удивительно какъ интересно. Я сказалъ, что такихъ мемуаровъ вовсе не существуетъ. „Vraiment?“ А я читалъ кое-что изъ Пушкина, я его знаю,—c'est Paul de Kock russe.“ Я сказалъ, что этихъ писателей нельзя вовсе и сравнивать.— „Vraiment? А съ какимъ же французскимъ писателемъ его надобно сравнивать?“— „Не знаю“— „C'est etrange! Нельзя ли его сравнивать avec des grands écrivains allemands Goethe et Schiller?“— „Пожалуй можно.“— „О! я знаю хорошо Goethe et Schiller,—я видѣлъ ихъ бюсты en marbre précieux, когда служилъ въ Петербургѣ у графа N. C'était un travail excelent, qui contait très cher—oh! très cher! Я сначала жилъ въ Петербургѣ. En Russie et surtout à Petersbourg on vit gaiement! Oh! comme on vit à Petersbourg! Sacrebleu! Потомъ я служилъ à Moscou chez Nide главнымъ поваромъ въ Rocher de Cancale,—je vous dirais, m-r Michel, q'au Rocher de Cancale on peut gagner beaucoup d'argent!“ Затѣмъ полилась цѣлая хроника. Когда мы вошли къ развалинамъ, m-r Victor пришелъ въ восторгъ и объявилъ, что такой видъ можно найти развѣ только въ одной belle France, и что онъ никогда себѣ не проститъ, что до сихъ поръ его не видѣлъ. Въ гротѣ у родника мы встрѣтили нѣсколькихъ туземныхъ мальчиковъ, пришедшихъ съ здѣшними узкогорлыми кувшинами за водой. M-r Victor попросилъ у одного изъ нихъ напитокъ и потомъ предложилъ ему за то двугривенный; въ отвѣтъ на предложеніе мальчикъ посмотрѣлъ на него своими большими умными глазами и медленно покачалъ отрицательно головой.— „Eh bien! si tu ne veux pas prendre d'argent, donne moi ta main, mon enfant,“ сказалъ добродушно m-r Victor, взявъ его за руку.— „Je vous dirais, m-r, que dans ce pays le peuple a beaucoup d'amour propre! Теперь пойдете на ферму, chez le vieux Piere.“ Пьера не было на фермѣ, и насъ принялъ вмѣсто него работникъ грузинъ, его intendant, какъ выражался m-r Victor, и показалъ все, что надо. Этотъ intendant оказался говорящимъ порядочно по-французски. Пьеръ обучилъ его своему языку, а самъ въ продолженіи 30 лѣтъ не научился ни одному слову по-имертински. Кажется, что эта образцовая ферма только и приноситъ выгоду получающему за управленіе ея жалованье старому Пьеру. Вернувшись въ городъ, мы взяли фаэтонъ и поѣхали къ нѣмцу, отыскавшему вмѣстѣ съ окаменѣлыми устрицами и окаме-

нѣлыхъ людей. Ученый геологъ сначала встрѣтилъ насъ не со-
всѣмъ благосклонно. Видно было, что и онъ и м-г Victor нахо-
дились еще подъ вліяніемъ послѣдней прусско-французской вой-
ны и питали другъ къ другу смертельную антипатію. Пред-
ставитель романскаго племени смотрѣлъ на тевтона, какъ на чело-
вѣка совершенно не развитаго и крайне ограниченнаго, а тевтонъ,
въ свою очередь, обращался съ нимъ, какъ и подобало серьезному
ученому, нѣсколько свысока и даже презрительно, какъ бы говоря,
„что молъ мнѣ съ тобой разговаривать, — необразованный ты, бра-
тецъ мой, и пустой человѣкъ — и ничего больше!“ Когда м-г Victor
объявилъ, что онъ привезъ меня для того, чтобы осмотрѣть его
геологическій кабинетъ, обращеніе ученаго тотчасъ же измѣнилось;
снявъ колпакъ, фартукъ и куртку (по своему officialному поло-
женію онъ былъ тоже поварь), онъ объявилъ, что въ настоящее
время свободенъ и можетъ даже ѣхать съ нами на мѣсто своихъ
изысканій. Снисходительно улыбаясь, онъ повелъ насъ къ себѣ въ
комнату и показалъ разложенныя на столѣ нѣсколько штукъ дѣй-
ствительно превосходныхъ окаменѣлыхъ устрицъ и окаменѣлыхъ
допотопныхъ аммонитовъ, изогнутыхъ въ родѣ роговъ, которые онъ
принималъ за дѣйствительные бараньи рога. — „Устрись!“ сказалъ
онъ съ важностью. — „А это роги! а гдѣ роги, тамъ и шеловѣки, а
гдѣ есть шеловѣки, тамъ есть и роги! Ого го! го! мой нашель
шеловѣки!“ Я вздумалъ было усомниться, но м-г Victor дернулъ
меня за рукавъ и шепнулъ потихоньку: „Laissez le tranqui! ne
voyez-vous pas qu'il est deja ivre?“ Собираясь въ путь, геологъ су-
нулъ въ карманъ заряженный револьверъ. — „Зачѣмъ это берешь ты
револьверъ?“ спросилъ его м-г Victor. — „Зашемъ ривольверъ! здѣсь
народъ свинь! коли будетъ меня грабилъ — я его сейшасъ будетъ
стрѣлялъ! So!“ и съ этими словами онъ навелъ на м-г Victor'a
револьверъ. — „Tiens!“ сказалъ только на это м-г Victor. Дорогой
геологъ все бранилъ здѣшній народъ и говорилъ, что если бы не
нѣмцы, такъ въ Кутаисѣ и жить было бы вовсе нельзя, что только
у нѣмцевъ и можно достать все, что нужно. Впрочемъ, онъ добав-
лялъ, что очень доволенъ своимъ мѣстомъ и жалованьемъ, и что ему
не缺аетъ на кухнѣ только „хорошій русскій мужикъ.“ — „Какой это
русскій мужикъ“ спросилъ я. — „О! на кухнѣ нельзя безъ мужикъ! Въ
Петербургѣ на большой кухня всегда есть мужикъ! Онъ и посуда

шистить и fleisch рубить и все дѣлай, что надо, а коли съ годъ жилъ на кухня, то и готовить ganz gut. За такой мужикъ, Koch купи только припасъ, прикажи, что ему дѣлай и спи! Только плохъ, что мужикъ сильно пьетъ! а не пей онъ—такъ ого-го-го! тогда хоть не нужно и Koch!“—Наконецъ, мы выѣхали на тифлисскую дорогу. Вышедши изъ фаэтона, мы пошли на отысканіе окаменѣлостей, и въ какіе нибудь полчаса нашли ихъ нѣсколько экземпляровъ.—„А вотъ и шеловѣки!“ сказалъ геологъ, подводя насъ къ какимъ-то голышамъ, выглядывавшимъ изъ общей каменной массы: „это—говорилъ онъ, указывая на самый большой голышъ,—это есть головъ Vater! а это есть головъ Mutter! а это ихъ Sohn! это Sohn протянулъ свою руку! смотритъ, какъ онъ обнялъ seine Mutter! тутъ вся цѣлый famille.“ Французъ глядѣлъ на меня въ совершенномъ недоумѣніи.—„Tiens!“ проговорилъ онъ, наконецъ: „v'la une etrange famille! il faut bien connaitre la geologie pour voir, que ce sont des hommes! Sapristi!“ Нѣмецъ хотя и не понялъ ни слова, но смыслъ рѣчи былъ для него ясенъ. Онъ насупился и, сказавъ, что теперь поведетъ насъ сталактитовый гротъ, пошелъ вперед; во все остальное время онъ упорно молчалъ и только насвистывалъ нѣмецкій военный маршъ. Въ пещерѣ онъ вынулъ револьверъ и сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ, потомъ посмотрѣлъ на m-r Victor'a съ торжествующимъ видомъ и произнесъ, будто бы про себя: Бисмаркъ! а потомъ прибавилъ еще съ особеннымъ удареніемъ: Мольтке! затѣмъ объявилъ, что теперь отправится на „изысканъ“ и ушелъ, почти не простясь съ нами. „Voi la un drole,“ произнесъ ему вслѣдъ на это Викторъ.

Про исторію убійства военнаго генераль-губернатора кн. Гагарина сванетскимъ владѣтельнымъ княземъ *Константиномъ Циоскомъ Дадешкаліани* въ 1857 году рассказываютъ слѣдующее. Въ этомъ году произошли въ Сванетіи беспорядки, и князь Вярятинскій приказалъ удалить князей Дадешкаліани изъ ихъ родины для того, чтобы не дать возможности распространиться беспорядкамъ еще дальше. Князь Константинъ находился въ то время въ Кутаисѣ. Онъ былъ у обѣдни, когда пришли ему сказать, что военный ген. губернаторъ проситъ его къ себѣ. Достоявъ службу, онъ пришелъ къ кн. Гагарину, который и сообщилъ ему приказъ главнокомандующаго о немедленномъ отправленіи его въ Тифлисъ. Дадешкаліани

говорилъ, что его нельзя такъ отправить, что онъ не преступникъ, что онъ долженъ проститься съ своимъ семействомъ и проч., словомъ сказать, онъ не хотѣлъ ѣхать немедленно, а кн. Гагаринъ настаивалъ на немедленномъ исполненіи приказанія. Завязался споръ, который и кончился тѣмъ, что Дадешкаліани выхватилъ кинжалъ и убилъ кн. Гагарина на мѣстѣ. Потомъ, не помня себя, убійца выскочилъ на улицу и началъ рѣзать встрѣчнаго и поперечнаго; изъ числа попавшихся ему на дорогѣ была одна старая еврейка, — онъ замахнулся было и на нее, но потомъ опомнился и отбросилъ пинкомъ старуху прочь, сказавъ, что объ нее не стоитъ марать кинжала, и бросился дальше; убивъ семь совершенно ни въ чемъ неповинныхъ людей, онъ, наконецъ, образумился и сдлся. Его судили военнымъ судомъ и разстрѣляли. Князя *Дадешкаліани* были потомъ вывезены въ Россію; за ихъ владѣтельные права имъ было заплачено нѣсколько милліоновъ и даны богатые имѣнія въ Подольской губерніи въ замѣнъ сванетскихъ бесплодныхъ скалъ. *Сванетія* послѣ этого была обращена въ обыкновенную русскую провинцію.

Для того, чтобы ѣхать въ *Гелать*, мнѣ надобно было обратиться за наймомъ лошадей въ еврейскую улицу. Польскій еврей, одѣтый въ изорванное пальто, попавшись мнѣ на встрѣчу, должно быть по моей физиономіи угадалъ, чего мнѣ нужно. Онъ вызвался съ своими услугами и за пятіалтынный устроилъ все дѣло. Право, удивительный народъ эти евреи! Кутаисскаго еврея можно отличить отъ туземца только по маленькимъ пейсикамъ, видящимся изъ подъ шапки; по всему же остальному онъ совершенный грузинъ или горецъ: та же черкесска и даже тотъ-же кинжалъ, только дѣятельностью онъ совершенно не похожъ на туземца — и хотя степенень и не имѣеть въ себѣ ни капли юркости, но по промышленному духу онъ все тотъ же еврей. Языкъ здѣшнихъ евреевъ не имѣеть ничего общаго съ польско-нѣмецкимъ жаргономъ и составилъ изъ восточныхъ языковъ, такъ что польскій и кутаисскій еврей совершенно не понимаютъ другъ друга; общаго у нихъ только талмудъ, и все-таки они считаютъ себя однимъ и тѣмъ-же народомъ. Удивительный примѣръ сохраненія національности посредствомъ религіи! Ягубъ, еврей, съ которымъ я ѣздилъ въ *Гелать*, въ этотъ день ничего не ѣлъ, потому что это была годовщина смерти его отца: поминки лучше нашихъ. Наконецъ, я получилъ отъ *** те-

леграмму и поѣхалъ на желѣзную дорогу, гдѣ встрѣтился съ нимъ и отправился въ Цоти.

Дорога шла все время почти первобытными лѣсами, переплетенными лианами. Публика на желѣзной дорогѣ была самая смѣшанная: тутъ были европейцы, евреи, армяне, грузины, греки, турки и проч. Потійскій вокзалъ (въ то время еще не отдѣланный) стоитъ на правомъ берегу Ріона, который отсюда представляется обширною массою желтой, мутной воды; кругомъ лѣсъ, и городъ виднѣется по ту сторону низменнаго берега. Переѣхавъ черезъ рѣку на деревянномъ пароходикѣ, мы переночевали въ Цоти, запаслись отличными апельсинами и свѣжей икрой (которые здѣсь дешевы) и на другой день, съ восходомъ солнца, на небольшомъ колесномъ пароходѣ „Бабушка“ переѣхали на военную шхуну „Эльборусъ“, стоявшую въ открытомъ морѣ.

ГЛАВА V.

Отъ Поти до Сухумъ-Кале и на мысъ Адлеръ. Поѣздка берегомъ съ мыса Адлера въ Гагры. Отплытіе изъ Гагръ опять въ Сухумъ-Кале и возвращеніе оттуда чрезъ Одессу въ Россію.

Такъ какъ съ мысомъ Адлеромъ и Гаграми не существуетъ правильнаго сообщенія, то я и напелъ болѣе удобнымъ не раздѣлять эту главу на отдѣленія. Читатель, желающій проѣхать изъ Поти прямо въ Одессу, найдетъ въ ней необходимыя для него свѣдѣнія, а описаніе поѣздки на Адлеръ и въ Гагры замѣнятъ для него 2-ое отдѣленіе этой главы. Тотъ же, кто захочетъ съѣздить въ Гагры и Адлеръ, можетъ воспользоваться описаніемъ этой поѣздки, хотя я и придалъ ему форму разсказа.

Сообщенія.

Въ главѣ *Сообщенія* показаны подробности о пародномъ сообщеніи между *Одессою, крымскими и азовскими портами до Поти и обратно и по восточному берегу Чернаго моря*. Но когда первая половина этой книги была уже отпечатана, авторъ узналъ о слѣдующемъ измѣненіи, происшедшемъ въ сообщеніяхъ по черноморскому берегу. Съ прошлаго лѣта къ пунктамъ, въ которые заходили прежде пароходы русскаго Общества пароходства и торговли, т. е. къ Сухумъ-Кале, Туапсе

и Новороссійску, прибавилось еще два пункта: *Анапа* и *Сочи*. Стало-быть, теперь уже *пять* пунктовъ имѣють еженедѣльное сообщеніе лѣтомъ и двухнедѣльное зимой. Кромѣ того, одесская главная контора объявила (7-го іюня 1873 г.), что пароходъ „Великій князь Михаилъ“ чрезъ каждыя двѣ недѣли будетъ заходить за пассажирами и грузомъ въ слѣдующіе пункты: *Джубгу, Песуансе* (постъ Лазаревскій), *Вордане, Адлеръ, Сандриптъ, Гагры, Пицунду* и *Гудаутъ*. Кромѣ того, чрезъ каждыя двѣ недѣли будетъ производиться грузовое сообщеніе съ *Анапой, Новороссійскомъ, Туансе, Сочи* и *Адлеромъ*.

Сухимъ путемъ до Сухума можно доѣхать слѣдующимъ образомъ: изъ Кутаиса или изъ Орпири до Зугдиди (69 вер.) почтовая дорога; на остальныхъ 134 верстахъ расположены посты (Соберійскій, Окумъ, Бедійскій, Моквскій, Джердскій, Николаевскій), и сообщеніе производится верхомъ.

Восточный берегъ Чернаго моря отъ Поти до Новороссійска въ настоящее время, населенъ слѣдующимъ образомъ: отъ Поти до р. Ингура берегъ составляетъ часть *Кутаисской губерніи*. Далѣе на сѣверъ до Гагръ слѣдуетъ *Сухумскій отдѣлъ*, въ который вошли: *Самурзаканъ, Абхазія* и *Цебенада* (выселившаяся въ Турцію); еще сѣвернѣе за р. Мзымтой берегъ подчиненъ управленію *Черноморскаго округа*. Почти въ прежнемъ видѣ населеніе осталось только до р. *Бзыба*, всѣ же земли, лежація на сѣверъ отъ этой рѣки, очищены горцами, переселившимися въ Турцію; вмѣсто нихъ поселены въ нѣсколькихъ мѣстахъ молдаване, греки и русскіе. Болѣе другихъ замѣчательны: *поселенія на мысѣ Адлеръ* (о нихъ мы будемъ говорить впоследствии); *поселенія по рѣкѣ Сочи*, а сѣвернѣе ея *Вордане*, принадлежаціе

в. кн. намѣстнику, и *Годликъ*, имѣніе покорителя жившихъ по Сочѣ убуховъ, генерала Геймана, на 10 длины и на 7 верстахъ ширины вдоль берега; считаютъ, что на этомъ участкѣ находится болѣе 25 т. каштановыхъ деревьевъ. Вблизи *Новороссійска* поселены *чешскія колоніи*, около *Лазаревскаго* поста анадолійцы и проч. Вообще же число поселенцевъ еще весьма не велико.

Слѣдую принятому плану, начнемъ съ описанія народовъ, живущихъ по черноморскому берегу, а именно съ *абхазцевъ*, т. е. самаго многочисленнаго племени, оставшагося на прежнихъ мѣстахъ.

Абхазія. Подчинивъ своей власти Имеретію, Мингрелію, Гурію и Абхазію, турки въ 1578 году построили крѣпости *Поти* и *Сухумъ-Кале*. Въ 1771 году абхазцы выгнали турокъ изъ Сухума; во главѣ этого возстанія находились два брата, *Леванъ* и *Зурабъ Ширвашидзе*. Поссорившись съ братомъ, *Леванъ* опять передалъ Сухумъ туркамъ, которыхъ однако абхазцы снова скоро выгнали. Тогда *Келешъ-Бей-Ширвашидзе* силой подчинилъ себѣ абхазцевъ, занялъ Сухумъ и отдался подъ верховную власть султана, признавшаго его за то абхазскимъ владѣтелемъ. Скоро однако Келешъ-Бей провинился передъ Портой тѣмъ, что далъ убѣжище трапезондскому пашѣ, осужденному ею на смерть, и сталъ искать покровительства Россіи, принявшей въ то время подъ свою защиту Грузинское царство; въ то же время онъ, говорятъ, тайнымъ образомъ перешелъ въ христіанскую вѣру. За это турки подкупили его старшаго сына *Асланъ-Бея* убить своего отца. Преступленіе совершилось въ Сухумѣ, но Асланъ-Бей не воспользовался плодами злодѣянія. Младшіе его братья *Сеферъ-Бей* и *Гасанъ-Бей*, осужденные на гибель, подобно отцу, успѣли

спастись и вооружили противъ него всю Абхазію. Отцеубійца Асланъ-Бей бѣжалъ въ Батумъ, а *Сеферъ-Бей* явно уже принялъ христіанство и *1808 году отдался подъ покровительство Россіи*. Въ 1810 году русскіе вытѣснили турокъ изъ Абхазіи и заняли Сухумъ. Владѣтель по прежнему оставался полнымъ властелиномъ своего народа, и русское правительство заботилось только объ уничтоженіи вліянія турокъ на народъ, обнаружившій, по примѣру владѣтеля, склонность возвратиться къ христіанской вѣрѣ, которую исповѣдывали его предки. Память о христіанствѣ еще не исчезла въ абхазцахъ; многочисленныя развалины храмовъ, встрѣчающіяся повсемѣстно въ Абхазіи, пользуются безотчетнымъ уваженіемъ въ народѣ, а монастырь въ *Пицундѣ* почитается ими святыней *). *Пицунда* была самымъ блестящимъ пунктомъ Восточной Римской имперіи на кавказскомъ берегу; сюда былъ отправленъ въ ссылку св. Іоаннъ Златоустъ и умеръ дорогой. Въ средніе вѣка *Пицунда* была важнѣйшей генуэзской колоніей на Черномъ морѣ. Ко времени генуэзскаго владычества относится также множество развалинъ храмовъ, разсыпанныхъ по горамъ западнаго Кавказа, а генуэзское старинное оружіе переходитъ у горцевъ изъ рода въ родъ. Постройка *пицундскаго храма* византійцами относится ко времени царствованія Юстиніана, то-есть къ VI вѣку. Во время владычества турокъ храмъ былъ заброшенъ и обратилъ въ развалины. Въ 1830-хъ годахъ по стѣнамъ и на потолкѣ видны были любопытные остатки фресокъ, а на большомъ орѣховомъ деревѣ возлѣ церкви висѣлъ колоколь весьма искусной работы съ изображеніемъ ма-

*) Кто пожелаетъ ближе познакомиться съ характеромъ древнихъ памятниковъ на Кавказѣ, тотъ найдетъ ихъ подробное описаніе въ путешествіи археолога *Дробуа*.

донны и латинской надписью, указывавшею, что онъ былъ отлитъ въ 1562 году. Въ послѣдствіи, по приказанію покойнаго императора Николая I, составлена была для возобновленія храма цѣлая коммиссія и отпущена сумма въ 80 тысячъ рублей серебромъ. Этой коммиссіей храмъ былъ, насколько возможно, реставрированъ и покрытъ желѣзомъ, но во время восточной войны абхазцы содрали съ него желѣзную крышу, и монастырь опять пришелъ почти въ прежній видъ. Въ настоящее время его опять реставрируютъ.

Въ однѣхъ частныхъ запискахъ, которыя мнѣ удалось прочесть, рассказывается, что въ 1866 году къ заслуженному и почетному пицундскому военачальнику *Воронову*, принимавшему самое дѣятельное участіе въ реставрированіи храма, пришли абхазцы съ просьбою допустить ихъ принять въ монастырѣ присягу по одному своему дѣлу. Вороновъ отвѣчалъ имъ такъ: „вы или ваши соотчичи недавно украли желѣзо съ крыши этого храма, а теперь хотите въ немъ присягать! Въ наказаніе за поруганіе надъ святыней и въ поученіе, я не позволяю вамъ присягать здѣсь.“ Пришедшіе со стыдомъ удалились. Случай этотъ ясно показываетъ, какъ сильны остатки христіанства въ абхазахъ. Вообще же *абхазцы* равнодушны въ дѣлѣ *религіи*; они очень расчетливо взяли наиболѣе подходящее себѣ изъ христіанства, магометанства и добавили это еще остатками язычества. У нихъ часто случается, что въ одной и той же семьѣ отецъ магометанинъ, а дѣти и магометане и христіане; также и жена съ мужемъ исповѣдуютъ часто различныя религіи, но это нисколько не мѣшаетъ существованію между ними хорошихъ отношеній. Въ частныхъ запискахъ, бывшихъ у меня въ рукахъ, такъ описывается религіозное

состояніе абхазцевъ, Авторъ ихъ былъ въ 1867 году въ *Сууксу* и служилъ панихиду надъ могилой *Кольяра* и убитыхъ съ нимъ вмѣстѣ его товарищей. „Было—пипеть онъ—воскресенье. Мы вошли въ старинный и безвкусный храмъ во время обѣдни; толпы абхазцевъ стояли внѣ церкви, и съ нами вошла только малая часть. Служба шла на грузинскомъ языкѣ, котораго никто не понимаетъ. Священникъ ни слова не знаетъ по-русски и не могъ прочесть греческой надписи надъ гробомъ *Сеферз-Бей*, похороненнаго посреди церкви. Какая польза народу отъ такого духовенства? Говорю твердо, положительно и основываясь на фактахъ, что въ Абхазіи нѣтъ никакой религіи. Здѣсь магометанство и христіанство парализуютъ другъ друга, и результатъ борьбы—совершенное безвѣріе. Во время панихиды такъ называемые христіане присоединились къ намъ, а магометане стали по-одалъ; но еще до конца службы многіе перешли и перебѣжали отъ насъ къ магометанской группѣ.“ Иначе и быть не можетъ, принявъ въ расчетъ прошедшее Абхазіи. Для дѣятельности Общества распространенія православія на Кавказѣ тутъ представляется богатое поле, въ которомъ магометанство не пустило глубокихъ корней; съ индеферентизмомъ все-таки легче бороться, чѣмъ съ фанатизмомъ. Но возвратимся къ прерванному разсказу.

Турки, бѣжавшіе изъ Сухума, разсыпались по всей Абхазіи и съ ожесточеніемъ возбуждали народъ противъ русскихъ, толкуя, что *Асланъ-Бей* убилъ своего отца, повинувся волѣ Аллаха. Отцеубійца также дѣйствовалъ всевозможными интригами, и волненія почти постоянно не прекращались.

Въ 1821 году *Сеферз-Бей* умеръ, оставивъ наслѣдникомъ своего старшаго сына *Дмитрія*, воспитывавшагося

въ Петербургѣ. Въ 1824 году умеръ и Дмитрій, не оставя наслѣдниковъ, и владѣтелемъ Абхазіи былъ объявленъ младшій братъ его *Михаилъ*. Всѣ отзывы о Михаилѣ (по-абхазски—*Хамитъ-Бенъ*), послѣднемъ владѣтелѣ Абхазіи, носившемъ званіе генераль-адъютанта русской службы, рекомендуютъ его съ очень хорошей стороны; но положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ относительно русскихъ властей, неминуемо должно было вести къ неприятымъ столкновеніямъ. Наше правительство, оставивъ за Михаиломъ управленіе страной, предоставило себѣ власть исполнительную и тѣмъ какъ бы подчинило себя ему. Разумѣется, долго это не могло продолжаться. Выходъ былъ одинъ: присоединеніе Абхазіи и удаленіе князя, что и было сдѣлано. Михаилъ былъ поселенъ въ Воронежѣ, гдѣ и умеръ въ 1866 году. Въ этомъ же году случилось и послѣднее возмущеніе въ Абхазіи, во время котораго были убиты въ Соуксу начальствовавшій тогда въ Абхазіи ген. *Кольяръ*, начальникъ Взыбскаго (Пицунскаго) округа капитанъ *Измайловъ*, адъютантъ *Суриновичъ*, чиновникъ *Череповъ*, два казацкихъ офицера и 54 казака; вслѣдъ за тѣмъ 27 іюня абхазцы напали на Сухумъ, но послѣ трехдневной блокады были отбиты подоспѣвшими войсками. Причиною возстанія были ложные слухи о готовившейся тогда эмансипаціи, пущенныя въ народъ тѣми, кому реформа эта была невыгодна, частью же виновато было и высококомѣрное обращеніе ген. *Кольяра* съ туземцами. Когда жители Взыбскаго округа явно вышли изъ повиновенія, то ген. *Кольяръ*, въ сопровожденіи всего одной сотни казаковъ, поспѣшилъ въ *Соуксу*, чтобы лично прекратить безпокойство, и былъ убитъ вмѣстѣ со всѣми помянутыми лицами въ домѣ, принадлежавшемъ покойному владѣ-

телю. Незадолго предъ этимъ тѣло Михаила было привезено изъ Россіи на родину чрезъ Военно-грузинскую дорогу; его провожали огромныя толпы народа; по мѣстнымъ обычаямъ, женщины при этомъ плакали, а ораторы говорили рѣчи объ его бывалыхъ и небывалыхъ добродѣтеляхъ и заслугахъ; злоумышленникамъ это былъ отличный случай возмутить грубый и легковѣрный народъ, что они и исполнили: похоронная процессія во всю дорогу отъ Мцхета имѣла видъ совершенной демонстраціи противъ русскихъ. Несмотря на эту вспышку, 19 февраля 1867 года была въ Абхазіи объявлена *эмансипація*, и съ того времени во всей Россіи не осталось ни одного крѣпостнаго. За возмущеніе были наказаны лишь главные виновники выселеніемъ въ Турцію; остальные были обезоружены, и затѣмъ объявлена полная амнистія.

Абхазія составляетъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ уголковъ Закавказья. Здѣсь есть и снѣжныя горы, и вѣчно зеленыя долины, и бездонныя пропасти съ шумными водопадами, и дѣвственные лѣса, чрезъ которые можно только пробираться съ помощью *цалды* (небольшаго топора), и, наконецъ, море съ Сухумскою гаванью, гдѣ на берегу подъ открытымъ небомъ въ апрѣлѣ можно встрѣтить въ цвѣту разныя тропическія растенія, не говоря уже о виноградѣ, персикахъ и проч. Еще недавно цѣлая улица розъ украшала Сухумъ, но была уничтожена во время послѣдняго возмущенія. По берегу были даже пальмовыя рощи, къ сожалѣнію, теперь истребленныя; громадныя буковыя деревья тоже вырублены по берегамъ рѣкъ турецкими промышленниками. Букъ достигаетъ до одного фута въ діаметрѣ только лѣтъ въ двѣсти, и чтобъ спасти это драгоцѣнное дерево отъ конечнаго истребленія порубка его теперь запрещена. Всѣ дороги въ Абхазіи,

по большей части, съ обѣихъ сторонъ окружаютъ чинары, ольхи, ясень и дубъ, переплетенные ползучими растеніями. Изрѣдка только кое-гдѣ показываются маленькія старыя полянки, покрытыя папоротникомъ, который въ мѣсяцъ достигаетъ здѣсь роста выше всадника съ лошадыю; подъ этими растеніями вѣчная сырость и гніеніе, служащія главными разсадниками лихорадокъ. Если папортникъ косить въ продолженіи трехъ лѣтъ весной, когда еще его можетъ взять коса, то растеніе погибаетъ, и на мѣстѣ нездороваго полуболога дѣлаются отличные покосы. Это обстоятельство такъ очевидно, что передъ нимъ не устояла даже и классическая лѣнь абхазца. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ такимъ образомъ истребленъ папортникъ, климатъ быстро измѣняется къ лучшему. Въ Абхазіи холмы смѣняются полянами, перелѣсками, и, наконецъ, является окаймленная небольшими горами долина, по которой то группами, то въ одиночку разбросаны увитыя виноградными лозами деревья, огромные дубы, а между ними мелькаютъ изгороди, виднѣются рѣдкія кровли саклей и торчашіе, на подобіе русской голубятни, амбары для кукурузы—таковъ общій видъ страны. Деревень, въ европейскомъ смыслѣ, не встрѣчается въ Абхазіи; здѣсь каждая сакля, съ своими незатѣйливыми службами, стоитъ совершенно особнякомъ и не имѣетъ связи съ другими. Деревня разсыпается по холмамъ и косогорамъ и тянется верстъ на десять, отъ чего мѣстность и принимаетъ видъ огромнаго парка, посреди котораго какъ будто устроены лачужки для сторожей. Дорога рѣдко идетъ мимо строенія, и случается, что проѣзжій, находясь посреди деревни, не видитъ ни одного строенія. Абхазцы привыкли и дорожатъ этой уединенной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и раздольной жизнью.

О лучшемъ они не имѣютъ понятія. Въ Абхазіи нѣтъ плоскихъ крыши. Сплета себѣ изъ хвороста квадратную или круглую, смотря по вкусу, клѣтушку, съ отверстіями, въ которыя можно просунуть кулакъ, и накрывъ ее сверху камышемъ, кукурузной соломой или папортникомъ, абхазецъ думаетъ, что онъ построилъ себѣ домъ, лучше котораго и желать нечего. Низенькая перегородка дѣлитъ саклю на двѣ половины, которыя, смотря по достатку хозяина, назначаются: одна для мужчинъ, другая для женщинъ, или большая для людей, меньшая для скота. Низенькія лавки, очагъ по срединѣ, около котораго на землѣ грѣтся зимою все семейство, войлока или перины (у богатыхъ) по лавкамъ, нѣсколько сундуковъ съ имуществомъ и оружіе на стѣнѣ—вотъ и вся мебель и все убранство сакли „Въ скотной половинѣ—говоритъ одинъ путешественникъ—меньше удобствъ, и изъ мебели я въ ней замѣтилъ только одно корыто.“ Свѣтъ костра, сквозя черезъ стѣны сакли, отсвѣчивается ночью красноватымъ цвѣтомъ на деревьяхъ и, смѣшиваясь лѣтомъ съ мириадами свѣтляковъ, представляетъ издали фантастическую картину. „Безпрестанно по дорогѣ—говорится въ однѣхъ частныхъ запискахъ—видишь сравнительно хорошія постройки,—правда, безъ стѣнъ, но на столбахъ и съ крышей, исправно покрытой дранью: это могилы предковъ. Только покойники и наслаждаются здѣсь подобными удобствами, которыхъ лишалъ себя даже бывшій владѣтель: по крайней мѣрѣ, во всѣхъ домахъ его, которые мнѣ довелось видѣть, во время дождя крыша вездѣ промокала.“

Земледѣліе здѣсь, разумѣется, совсѣмъ не въ ходу. Абхазецъ деревяннымъ крючкомъ, сдѣланнымъ изъ древеснаго корня, всковыриваетъ землю, посѣетъ на ней

гоми или кукурузу, собереть съ посѣяннаго зачастую баснословный урожай, ну и сытъ. Малорослыя коровы, весь годъ питающіяся по лѣсу, даютъ возможность абхазцу имѣть всегда въ кадкѣ кислое молоко, составляющее любимый его напитокъ. Абхазецъ пускаетъ свои виноградныя лозы на деревья, и въ такомъ видѣ онѣ сами собою достигаютъ гигантскихъ размѣровъ. Въ этомъ только и состоитъ весь трудъ ухода за виноградомъ, который все-таки выходитъ хорошаго качества. Для приготовления вина выкапываютъ въ землѣ яму, обмазываютъ ее глиной и, разложивъ на днѣ огонь, обжигаютъ, насколько возможно; въ эту яму сваливаютъ кучею виноградъ, топчутъ его ногами и оставляютъ сокъ въ ямѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не перебродитъ. Затѣмъ вино вычерпывается и разливается по глинянымъ кувшинамъ, которые и зарываются въ землю. Выдѣлываемое такимъ первобытнымъ способомъ вино въ *Лехне* (Соуксу) даже вывозится въ значительномъ количествѣ. Персики и другіе плоды (большую частію не дозрѣлыя) собираются здѣсь просто возами. Абхазецъ не знаетъ хорошенько счета деньгамъ и мѣняетъ кукурузу на гнилыя бумажныя матеріи турецкимъ купцамъ почти вовсе задаромъ. Природа здѣсь даетъ всего въ изобиліи: захочетъ абхазецъ полакомиться, ему стоитъ только забраться на дерево съ дупломъ и взять изъ него сколько нужно сотоваго меду, приготовленнаго даже безъ всякаго съ его стороны желанія. А въ любомъ ручьѣ онъ закинетъ сѣть и вытащитъ десятокъ вкусныхъ форелей. Прибрежные жители занимаются рыбною ловлей преимущественно у устьевъ горныхъ рѣчекъ, изобилующихъ лососиной. Изъ породы рыбъ замѣчательны: сельди кефаль, камбула, форель, карпъ и проч. Лѣтомъ около морскихъ

береговъ появляется множество дельфиновъ, которые въ хорошую погоду держатся на поверхности воды и играютъ, кувыркаясь колесомъ. Абхазцы для ловли ихъ выѣзжаютъ въ море на своихъ каюкахъ; забрасываютъ невода; въ средину охваченнаго пространства выѣзжаютъ два три каюка, и ловцы бьютъ баграми дельфиновъ, жиръ которыхъ продаютъ потомъ туркамъ и грекамъ. Иногда каюки тонутъ подъ тяжестью убитой рыбы и опрокидываются, когда дельфины ударяютъ въ нихъ, кружась по водѣ; но абхазцы не боятся этого, плавая не хуже дикарей острововъ Южнаго Океана.

„Да это рай земной! Это золотое дно!“ воскликнуть многіе, прочитавъ эти строки: „вотъ бы куда переселиться то! Съ капиталомъ здѣсь можно въ самое короткое время просто чудесъ надѣлать!“ Погодите однако же, благосклонный читатель, — чудеса не всегда дѣлаются даже и съ капиталомъ! Жить среди рѣдкаго, не нуждающагося въ заработкахъ, неимѣющаго почти никакихъ потребностей и отъ того лѣниваго населенія, — надѣяться хозяйничать при этихъ условіяхъ по барски, дѣйствуя однимъ лишь капиталомъ, положительно невозможно! Горькое разочарованіе постигнетъ и уже постигло многихъ изъ тѣхъ господъ, которые увлеклись этой игривою фантазіей.

Въ прежнія времена заселеніе новыхъ мѣстъ дѣлалось двумя способами. Обстоятельства и практика выработали оба эти способа и сдѣлали ихъ единственно нормальными. На новыхъ мѣстахъ селились или земледѣльцы, приносившіе съ собой необходимый капиталъ и, главное, трудъ, или же капиталисты-рабовладѣльцы поселяли на нихъ своихъ рабовъ (негровъ въ Америкѣ и крѣпостныхъ у насъ); въ обоихъ случаяхъ на мѣсто поселенія приносилась опредѣленная рабочая сила, на

которую хозяинъ навѣрно могъ разсчитывать. Въ настоящее время способъ заселенія рабочими исчезъ повсюду, и о немъ говорить нечего; стало-быть, остался только одинъ первый способъ. О томъ же, чтобы новую незаселенную страну обрабатывали наемнымъ трудомъ, что то не приходилось слышать. Да и легко ли это въ самомъ дѣлѣ? Рабочій можетъ или захворать, или просто отказаться работать, и тогда къ-мъ вы его замѣните? Какое же тутъ можетъ быть хотя мало-мальски правильное хозяйство? Ясно, стало-быть, что наемный трудъ можетъ идти успѣшно только тогда, когда край населенъ настолько достаточно, чтобы онъ взамѣнъ выбывающихъ рабочихъ могъ предлагать новыхъ. При этомъ еще необходимо условіе то, чтобы продукты были настолько цѣнны, чтобы выручка за урожай могла покрывать даже и не одинъ годъ неурожая, —отсюда правило, выведенное изъ практики, что наймомъ могутъ обрабатываться только виноградники, сады и вообще дорогіе сорта хлѣба при непремѣнномъ избыткѣ рабочихъ. По Рейну, на примѣръ, рабочихъ всегда въ волю, а цѣнность продуктовъ такова, что цѣнность виноградниковъ доходитъ до 150 тыс. франковъ за десятину. Какъ тутъ не обрабатывать ихъ наймомъ богатымъ господамъ, не живущимъ даже въ своихъ имѣніяхъ! Тутъ какіе ни будь расходы — доходъ навѣрное все покроетъ! Въ нашихъ саратовскихъ и самарскихъ степяхъ сѣются пшеница и масляничныя растенія, —и рабочіе туда въ избыткѣ приходятъ изъ не хлѣбородныхъ губерній. Ясно, стало-быть, что заселеніе новой страны въ настоящее время должно начинаться снизу, а не сверху, то-есть съ земледѣльца, а не съ капиталиста (Такъ и заселялись у насъ Сибирь, южныя степи и восточныя лѣсныя дебри).

Всю эту довольно длинную рѣчь я велъ къ тому, чтобы сказать слѣдующее: золотое дно зачастую бываетъ тинистымъ, и въ немъ очень легко завязнуть по уши. Рѣшаться, не будучи самому рабочимъ, на переселеніе, можно только тогда, когда новая страна производитъ дорогіе продукты (дорогіе, конечно, тамъ же на мѣстѣ) и если въ ней есть избытокъ въ рабочихъ рукахъ. Это необходимѣйшее условіе. Еще неперемѣнное условіе то, чтобы тотъ, кто хочетъ переселиться въ дѣвственную страну, былъ въ состояніи выносить неизбежныя нужды, хлопоты и лишенія, неразлучныя съ жизнью переселенца. Если кто не способенъ къ этому, тому лучше и не думать о переселеніи, а предоставить дѣло тѣмъ людямъ, которые закалены въ трудахъ съ самаго дѣтства. Аматерствовать и жуировать тутъ не приходится. Не лучше ли употребить капиталъ на чтонибудь другое, не подвергаться понапрасну убыткамъ, не заграждать дороги дѣйствительно полезнымъ дѣятелямъ и не быть путами на ногахъ дѣвственной и прекрасной страны? Но возвратимся къ Абхазіи.

Абхазецъ грубъ и невѣжественъ; въ немъ нѣтъ стойкости и твердости характера; онъ непостояненъ, не смѣлъ и даже робокъ, вѣроломъ, остороженъ и всегда покоренъ передъ сильнѣйшимъ. У него много не ума, но практическаго смысла, и тотъ кругъ небольшихъ понятій, который ему доступенъ, разработанъ имъ отлично. Вся цѣль жизнь абхазца направлена, по большей части, на пріобрѣтеніе, по возможности, даровое.

Отличительныя черты его: воровство, корыстолюбіе, отсутствіе честнаго труда и любознательности. „Помоги тебѣ Богъ—говорить мать, благословляя сына и передавая ему въ первый разъ шашку—пріобрѣсти этой

пашкою много добычи *и днем и ночью*“. „Ты еще, кажется, ни одной лошади не сумѣлъ украсть“, говоритъ дѣвушка, въ укоръ своему обожателю. Недавно еще вся слава абхазца состояла въ томъ, чтобы бродить изъ одного мѣста въ другое, воровать чужой скоть, имущество, а при удачѣ и самихъ хозяевъ для продажи въ неволю. Теперь ужь, разумѣется, продавать въ неволю больше нельзя, а воровать можно почти по прежнему. Выпущенный изъ подъ ареста абхазецъ, возвращается домой, говорить, что онъ воротился изъ плѣна. О новыхъ судахъ отъ туземцевъ, да и не абхазцевъ, приходится слышать такого рода нелѣпости: „скажи, пожалуйста, какой это судъ? приведи судъ дванадцать свидѣтелей, что у меня украсть. При дванадцати свидѣтелей кто би украсть? свидѣтель би не далъ украсть. Одна судья говорилъ такъ-то; ну, хорошо, та говорить ему—да у самого судьи ту же ночь лошадь и тащилъ. Призвала его судья: ты, говорить, лошадь моль тащилъ? Я, говорить.—Тебѣ надо въ острогъ за это сажалъ.—Эге! говорить. А дванадцать свидѣтелей, говорить, гдѣ? Такъ судья его и пускалъ.“ Въ эти дванадцать свидѣтелей, вѣроятно, преобразилось двѣнадцать присяжныхъ, про которыхъ тоже рассказывали туземцамъ. Много еще пройдетъ времени, пока они убѣдятся, что правильный судъ лучше ручной расправы. Абхазскіе князья и дворяне, въ особенности тѣ, которые получили воспитаніе, вѣжливы и честны. Вообще же абхазецъ держитъ себя свободно и говорить съ каждымъ безъ стѣсненія, подбоченившись или опершись на ружье. Отличіе абхазскаго костюма отъ черкесскаго состоитъ въ томъ, что абхазецъ повязываетъ себѣ башлыкомъ голову въ родѣ чалмы. Абхазскія женщины не отличаются красотой;

турки вывезли лучшіе типы, и на долю туземцевъ осталась только посредственность. Одѣваются онѣ чище мужчинъ; покрой платья походить на европейскій, а на головѣ носятъ бѣлыя покрывала. Женщина въ Абхазіи—раба мужа, хотя надъ ней и тяготитъ гнетъ скорѣе нравственный, чѣмъ физическій. Всякое проявленіе чувства какъ относительно жены, такъ и относительно дѣтей абхазцами почитается за стыдъ. Подобно всѣмъ горцамъ, абхазцы строго наблюдаютъ обычай гостеприимства, и гость, хотя бы даже и недругъ, почитается всегда священной особой.

Самурзакань, лежащая на югѣ Абхазіи, по правую сторону Ингура, населена тоже абхазцами.

Цебельда, лежащая въ неприступныхъ верховьяхъ Кодора, населена была небольшимъ разбойничьимъ племенемъ, отъ котораго даже и абхазцамъ не было покоя. Въ 1866 году цебельдинцы, въ числѣ 4 т. семействъ, послѣ возмущенія, во время котораго они осаждали цебельдинское укрѣпленіе, всѣ выселились въ Турцію.

Было чудное утро, когда мы 7-го апрѣля, въ четыре часа утра, пришли на небольшой колесной пароходъ „Бабушка“, стоявшій на пристани въ Поті. Солнце только еще вставало, на небѣ не было ни облачка, и утренняя прозрачная мгла стояла надъ желтымъ, широкимъ устьемъ Ріона. Все обѣщало отличный день. На западѣ надъ водой слегка обозначался баръ, надъ которымъ пѣнилась волна морскаго прибоя, и чернѣло англійское желѣзное жете, вытянутое съ праваго берега въ море. Оно сдѣлано для того, чтобы избѣжать перегрузки; по немъ товары изъ моря должны были бы прямо идти на желѣзную дорогу, но до сихъ поръ еще

никакой видимой пользы отъ его постройки не осуществилось. Какая причина тому—не знаю. Издали жете представляется желѣзнымъ мостомъ, составленнымъ изъ рамъ.

Когда мы пришли на пристань, то разноплеменные внучата-матросы только что еще начинали охорашивать свою „Бабушку“ и приводить въ порядокъ ея туалетъ, т. е., по просту сказать, мыть ея палубу. Паровъ еще не разводили. Времени до отплытія оставалось около двухъ часовъ, и, отъ нечего дѣлать, мы отправились въ просыпающійся городъ, чтобы заpastись кое-чѣмъ. При нашемъ возвращеніи приубранная „Бабушка“ уже дымилась. Въ половинѣ седьмого мы отчалили отъ берега. Захвативъ баржу, нагруженную вещами, назначенными для политехнической выставки, мы скоро проѣхали черезъ баръ изъ желтаго Ріона въ синее море и подѣхали къ тихо покачивавшемуся „Эльборусу“. Тутъ опять началась перегрузка, продолжавшаяся нѣсколько часовъ.

Пассажиры состояли большею частію изъ солдатъ, которые, размѣстивъ по палубѣ свою скудную хурдмурду (солдатское имущество, по-кавказски), грызли сахара, размачивая ихъ въ водѣ, или покуривали свои носогрѣйки. Между ними же помѣщался и греческій священникъ съ походной церковью, ѣхавшій для исправленія требъ въ береговья греческія колоніи. Наканунѣ, смотря, какъ перетаскивали вещи изъ вагона желѣзной дороги на баржу, я дивился на одного мушу гурійца, сила котораго была изумительна. Онъ одинъ перенесъ на спинѣ огромную глиняную вазу (*квери*) для храненія вина, вѣсившую болѣе 21 пуда; вазы эти зарываются въ землю и въ нихъ помѣщается около сотни ведеръ; другіе ему помогали только тѣмъ, что поддерживали ее съ боковъ,

иначе, вслѣдствіе своей круглой формы, она скатилась бы со спины. Увидѣвъ эту старую знакомую на московской выставкѣ, я самъ съ трудомъ вѣрилъ тому, что видѣлъ собственными глазами. При вторичной перегрузкѣ вещей съ баржи на Эльборусъ, тюки вѣсомъ въ нѣсколько пудовъ перебрасывались этимъ мушей, почти какъ мячики. Высокая, сухошавая и стройная его фигура въ живописномъ костюмѣ (узкая, синяя, вышитая куртка; голова повязана турецкимъ платкомъ въ родѣ чалмы; другой, такой же платокъ вмѣсто пояса) такъ и просилась на картину. Пока перегружались вещи, я засматривался на панораму, окружавшую насъ, — да и было на что засмотрѣться: на востокѣ чернѣла громадная долина Ріона и едва виднѣлся низменный Поті; вправо и влѣво тянулись Кавказскія и Малоазійскія горы, покрытыя снѣгомъ, а на западъ простиралось чуть-чуть волнующееся море. Говорятъ, въ хорошую погоду можно въ зрительную трубу видѣть противоположный европейско-турецкій берегъ, но насколько это вѣрно — не знаю.

Наконецъ, перегрузка кончена, баржи отчалили, поданъ свистокъ, и пароходъ пошелъ въ море, оставляя позади себя длинную бѣлую полосу, расходящуюся вдаль безконечнымъ треугольникомъ. Насъ позвали обѣдать въ офицерскую каюту за общій столъ. Скоро низменный лѣсной берегъ Мингреліи превратился въ еле-видную черную полосу, а потомъ и совсѣмъ исчезъ изъ виду. Солнце сѣло, и остался только виднымъ Кавказскій снѣговой хребетъ. Утромъ, когда мы проснулись, „Эльборусъ“ уже бросалъ якорь въ Сухумской гавани, и грохотъ его спускаемой якорной цѣпи заставилъ насъ всѣхъ быстро встать на ноги.

Сухумъ - Кале.

Разсказывая исторію Абхазіи, мы упомянули, что Сухумъ-Кале былъ основанъ турками въ 1578 году и занятъ русскими въ 1810 году, послѣ того какъ Сеферъ-Бей Ширвапидзе отдался подъ покровительство Россіи. Въ Восточную войну онъ былъ занятъ корпусомъ Омеръ-Паши, высадившимся въ Сухумской гавани. Въ 1866 году ее три дня блокировали возмущившіеся абхазцы. Вотъ главныя событія изъ исторіи Сухума.

Во время владычества турокъ Сухумъ имѣлъ около 6 т. жителей. Крѣпость окружена была красивыми предметьями со множествомъ тѣнистыхъ садовъ и пользовалась отличной водою, проведенной изъ горъ, далѣе мили. Турки называли Сухумъ вторымъ Истамбуломъ. Послѣ занятія его русскими турки немедленно оставили предметья; абхазцы не имѣли обыкновенія жить въ городахъ, а русское населеніе не могло существовать въ сосѣдствѣ ихъ при неустроенномъ состояніи края. Сухумъ опустѣлъ. Въ тридцатыхъ годахъ крѣпость, построенная изъ дикаго камня въ видѣ четырехъ-угольниковъ, около ста саженей по фасу и съ башнями по угламъ, имѣла видъ развалины; гарнизонъ составляли двѣ пѣхотныя роты и команда крѣпостной артиллеріи. Солдаты имѣли болѣзненный видъ несчастныхъ жертвъ, обрѣченныхъ на вѣчную лихорадку, отъ которой половина ихъ ежегодно вымирала. Они знали это, и нельзя сказать съ спокойнымъ духомъ, но безропотно несли свою участь, не переставая исполнять тяжелую службу съ покорностью, свойственною русскому солдату. Водопроводы были разрушены; кругомъ крѣпости разостлались заразные болота, и солдаты должны были пить вонючую,

тинистую воду, бывшею главной причиною болѣзни. Кромѣ гарнизона, въ то время здѣсь нельзя было насчитать и сотни жителей. Городъ весь состоялъ изъ базара, т. е. изъ двадцати грязныхъ духановъ—кабаковъ; по единственной топкой улицѣ, проходившей чрезъ этотъ рынокъ, лѣниво прохаживались нѣсколько абхазцевъ, съ винтовками за спиной, да матросы съ стоявшею на рейдѣ эскадры, въ своихъ холщевыхъ брюкахъ и темно-зеленыхъ курткахъ, перебѣгали, заглядывая въ лавки и торгуясь съ купцами. Только изъ одного духана, въ которомъ можно было за стаканомъ портера или морсалы забывать невыразимую тоску, которую Сухумъ наводилъ на каждого, раздавались веселые голоса и въ открытомъ окнѣ виднѣлись эполеты и фуражки нашихъ морскихъ офицеровъ. Въ такомъ непривлекательномъ видѣ описываетъ это мѣсто очевидецъ, посѣщавшій его въ 1835 году *). Винить въ этомъ нельзя никого, потому что съ занятіемъ нами кавказскаго черноморскаго берега почти единственный туземный торгъ черкешенками въ обмѣнъ на оружіе, порохъ и матеріи долженъ былъ неминуемо прекратиться. **) Въ настоящее время *Сухумъ* хотя и не можетъ быть еще названъ хорошимъ портовымъ городомъ, но нисколько уже не напоминаетъ того положенія, въ которомъ онъ былъ въ 1835 году. Городъ не великъ и разбитъ на правильные четырехъ-угольники широкими шоссированными улицами съ водосточными каналами по бокамъ; въ хорошей водѣ тоже не чувствуется недостатка. Дома большею частію одноэтажные и турлучной постройки (между стойками и поперечными брусьями про-

*) Воспоминанія кавказскаго офицера.

**) Въ Восточную войну, какъ мы говорили въ очеркѣ войны, Сухумъ былъ оставленъ русскими и занятъ турецкимъ корпусомъ подъ начальствомъ Омеръ-паши.

странство забрано плетнемъ, и все это смазывается глиной съ разными примѣсями). Здѣсь турлучные дома предпочитаются каменнымъ, потому что мѣстный камень воздревать и пропускаетъ сырость. На пристани на террасѣ разведенъ порядочный садикъ, изъ котораго прекрасный видъ на гавань. Дома на пристани многоэтажные и заняты лавками, въ которыхъ, впрочемъ, продаются товары дорого, и нельзя сказать, чтобъ лучшаго сорта и качества. Городской храмъ имѣетъ видъ обыкновеннаго дома. Старая крѣпость, разумѣется, нисколько не улучшилась съ 30-хъ годовъ; въ ней лежатъ на землѣ нѣсколько старыхъ орудій, кучи ядеръ, а посрединѣ острога, изъ за рѣшетчатыхъ оконъ котораго выглядываютъ бритыя головы провинившихся туземцевъ. Самое замѣчательное въ городѣ—это *городской Воронцовскій садъ*, въ которомъ растутъ въ грунтѣ магноліи, рододендроны, олеандры, алоэ, камеліи и проч. Его стоитъ осмотрѣть. И въ Сухумѣ что есть лучшаго обязано своимъ происхожденіемъ знаменитому главнокомандующему-хозяину. Вообще же городъ имѣетъ довольно чистенькую наружность. Окрестныя горы мало по малу занимаются загородными домами и дачами, около которыхъ разводятся сады и виноградники. Во многихъ мѣстахъ во время нашего пребыванія вился дымъ отъ выжигаемой колючки. Мы зашли въ одну изъ такихъ дачъ, принадлежащую г. В*** и построенную очень солидно и капитально; встрѣтившая насъ жена управляющаго, французенка, любезно показала намъ молодое хозяйство и виноградъ, посаженный четыре года тому назадъ, который давалъ уже плодъ; французенку била лихорадка, и она жаловалась на климатъ и совершенный недостатокъ рабочихъ: туземцы работать нейдутъ, турки работаютъ

только зиму, а на лѣто тоже уходятъ, боясь лихорадокъ; былъ одинъ итальянецъ и одинъ французъ, но первый тоже ушелъ, а второй оказался воромъ; русскихъ рабочихъ здѣсь пока еще нѣтъ, и вообще въ рабочихъ рукахъ чувствуется совершенный недостатокъ. „Охъ! подумалъ я, куда-куда какъ трудна жизнь переселенца! Хорошо, что г. Б*** богатъ и имѣетъ возможность часто покидать Сухумъ ради поѣздокъ въ Россію и за границу, а не имѣй онъ этой возможности, жизнь для него здѣсь показалась бы еще труднѣе. Достаточно-ли разводимаго виноградника для вознагражденія за всѣ лишенія и затраты, и дѣйствительная-ли потребность вызвала это переселеніе или только одна причуда? Для пользы края и для пользы самихъ переселенцевъ желательно, чтобъ было первое, а не второе“.

Гостинница въ Сухумѣ: *Тифлисъ*—изрядна. Номера отъ 1½ рубля, порціи отъ 20 до 50 коп.

Извозчиьи экипажи—*фазтоны*, какъ и вездѣ на Кавказѣ.

Какая будущность ожидаетъ Сухумъ—сказать въ настоящее время довольно трудно; мнѣ кажется, что все зависитъ отъ того, какъ пойдетъ развитіе туземной жизни и вообще всей страны; иначе говоря, будетъ-ли кому и съ кѣмъ торговать въ Сухумѣ. Въ настоящее же время это портъ скорѣе административный, нежели торговый.

Одну изъ замѣтныхъ доходныхъ статей Абхазіи составляетъ ловля дельфиновъ, приплывающихъ въ большомъ количествѣ къ здѣшнимъ берегамъ. Ловля ихъ въ гаваняхъ отдается съ торговъ: Пуцундская гавань около 150 р., Сухумская около 1,000 р. и, кромѣ того, 40 к. съ пуда сала, котораго добывается около двухъ пудовъ изъ каждой штуки. Лучшіе мѣсяцы для ловли—январь и

февраль. Въ зиму 1872 г. въ Сухумской гавани было добыто 3,800 дельфиновъ. Цѣна сала въ Одессѣ доходить до 3 р. 80 к. за пудъ. За вѣрность сообщенныхъ мнѣ цифръ не ручаюсь, а упомянулъ я объ этомъ промыслѣ потому, что, конечно, всякій путешественникъ непременно заинтересуется дельфинами, безпрестанно показывающимися надъ водою, и всякое свѣдѣніе о нихъ, хотя бы даже не совсѣмъ точное, не можетъ не быть для него интересно. Промысломъ дельфиновъ занимаются исключительно турки и греки, русскихъ же рыбныхъ промышленниковъ здѣсь пока совершенно нѣтъ.

„Эльборусъ“ подалъ второй свистокъ, и надобно было распроститься съ Сухумомъ, что мы и сдѣлали безъ особеннаго сожалѣнія. Проѣхали мимо горы *Седбергъ-Вей* (названной такъ въ честь отца кн. Михаила), напоминающей своею вершиной бѣлую черкесскую папаху, и, наконецъ, вышли въ открытое море, не теряя изъ виду снѣговаго хребта, который огромной грядой тянулся отъ насъ направо. Дорогой *** описывалъ мнѣ природу Адлера, рассказывалъ про тамошніе лѣса, наполненные орѣховыми деревьями, черешнями, сливами, персиками и пр.; про невѣроятную силу тамошней растительности, про урожаи и даже про удобство сбыта, потому что въ турецкихъ купцахъ, пріѣзжавшихъ за кукурузой и арбузами, никогда не было недостатка, а капуста давала баснословный доходъ; ея требовалось огромное количество для войскъ, а достать было негдѣ, такъ какъ туземцы разводили капусту не умѣютъ. Словомъ сказать, Адлеръ былъ - необыкновеннымъ золотымъ дномъ. Я охотно вѣрилъ этимъ рассказамъ, но только среди роскошной панорамы, которая рисовалась въ моемъ воображеніи, какъ черныя пятна являлись ненаселенность, отсутствіе

сообщений и проклятыя лихорадки, отъ которыхъ хину приходилось кушать чайной ложкой, какъ сахаръ. Успокоительныя рѣчи о томъ, что сообщенія скоро сдѣлаются правильными, такъ какъ надѣются, что на Адлеръ скоро станутъ заходить пароходы Русскаго Общества, что страна быстро населится, и лихорадки, при осторожности, не опасны, — меня нисколько не успокоивали. Слушая *** и глядя черезъ бортъ въ море, въ которомъ дрожали, сжимаясь и разжимаясь, мириады слизняковъ-медузъ, а отъ шума парохода убѣгали вдаль, скользя по водѣ, попадавшіяся довольно часто гагары, изъ шкуркъ которыхъ выдѣлываются дамскія щегольскія шляпки и муфты, — я досадовалъ на себя, зачѣмъ не досталъ правилъ о заселеніи черноморскаго берега. Я не зналъ, когда и гдѣ были опубликованы эти правила, а вѣроятно, что они гдѣ-нибудь да были же опубликованы. Мнѣ было тѣмъ досаднѣе, что никто изъ ѣхавшихъ со мною, даже самъ ***, не могъ дать мнѣ точныхъ свѣдѣній. Я узналъ только, что участки можно приобрѣтать по 10 р. за десятину, съ уплатою въ теченіи 10 лѣтъ по 1 р. с. въ годъ. Но этого свѣдѣнія для меня было еще недостаточно; тутъ могли играть такую же важную роль: быстрый и безспорный отводъ земель, обязанность заселенія въ извѣстный срокъ и проч. Неожиданность поѣздки на Адлеръ нисколько не уменьшала моей досады. Я припомнилъ, кромѣ того, что въ печати у насъ проповѣдывались мысли о заселеніи черноморскаго берега различными южными племенами, въ томъ числѣ даже и нѣмцами, на томъ основаніи, что они лучше знаютъ хозяйство подходящее къ черноморскому. Въ видѣ смягченія, вмѣсто неспособныхъ къ южному хозяйству и необразованныхъ русскихъ, рекомендовались способные и

образованные, единокровные наши братья славяне и единовѣрные молдоване и греки. Неизвѣстно, насколько грекъ и молдованъ образованнѣе и способнѣе русскаго, только мы знаемъ, что въ послѣднее время эти единовѣрные народы вовсе не обнаруживаютъ къ намъ особенной симпатіи; а что они рады переселяться на земли, добытые для нихъ русскою кровью, въ этомъ, конечно, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но удобно ли, вытѣснивъ врага ради безопасности, заселять покинутыя имъ мѣста хотя бы и единовѣрными, но не имѣющими ничего общаго съ нами народами? Вся русская исторія и послѣдняя прусско-французская война ясно показываютъ, что значить одноплеменность. Нѣмцы-католики (т. е. историческіе враги лютеранъ) изъ отдаленной Америки откликались безъ различія на зовъ общаго своего отечества, Германіи. Можетъ быть предлагаемые переселенцы временно и были бы полезнѣе русскихъ для кавказскаго хозяйства, но кто же нынче рѣшится утверждать, что на край можно смотрѣть только экономически, т. е. со стороны доходности, не принимая въ расчетъ никакихъ другихъ обстоятельствъ? Неужели же русскіе только и способны сами колонизировать однѣ сѣверныя пустыни?.. Странно казалось бы и высказывать подобную мысль, черезчуръ тяжелую и обидную для всякаго русскаго человѣка. При дозволеніи непременно двинулось бы русское достаточное и работающее населеніе. Вмѣстѣ съ нами на пароходѣ ѣхалъ молодой человѣкъ А***, кончившій блистательно курсъ въ одномъ изъ университетовъ и въ короткое время успѣвшій составить себѣ своими учеными трудами среди естествоиспытателей довольно извѣстное имя. Пылкое воображеніе его увлеклось разсказами о чудесахъ Абхазіи; онъ

занялъ участокъ близъ Сухума и въ настоящее время занимался его обработкой, откинувъ въ сторону всѣ свои ученныя занятія. Желѣзное его здоровье не было доступно никакимъ климатическимъ переменамъ. Теперь ужъ онъ говорилъ, что не удовлетворяется больше Абхазіей и собирается ѣхать на острова Тихаго Океана. О широкая, широкая славянская наша натура! думалось мнѣ. Когда-то ты усвоишь себѣ мудрое политико-экономическое правило раздѣленія работъ и перестанешь забираться въ несвойственный и неизвѣстный тебѣ кругъ дѣйствій? Посмотри хоть на твоихъ сосѣдей нѣмцевъ, вполне усвоившихъ себѣ это мудрое правило, и полюбуйся, какъ стройно отъ того идетъ ихъ машина! Должно быть тебѣ еще нѣтъ необходимости заниматься дѣломъ или же ты не умѣешь и не привыкла имъ заниматься, что любишь такъ тѣшить себя и фантазировать, широкая ты наша натура!

Наконецъ, пріѣхали мы и на *Адлеръ*. Пароходъ остановился вдали отъ берега. Передъ нами открылась не очень широкая, но глубокая и чрезвычайно живописная долина, казавшаяся издали сплошь покрытою лѣсомъ; она замыкалась снѣговыми горами, до которыхъ отъ берега считается версть около 50-ти. На берегу виднѣлись 5 или 6 разбросанныхъ бѣлыхъ домиковъ и нѣсколько турецкихъ феллюкъ, вытщенныхъ на сушу; влѣво на горѣ, верстахъ въ 7-ми отъ берега, виля въ нѣсколькихъ мѣстахъ дымокъ: это разрабатывался участокъ богатаго землевладѣльца П***, жившаго въ Петербургѣ; вправо изъ лѣсной чащи нѣсколькими рукавами бѣшено вырывалась *Мзымта*, устье которой обозначалось на морѣ кипучей волной, образующейся отъ встрѣчи быстрой рѣчной струи съ морскимъ прибоемъ; на морѣ

видно было нѣсколько лодокъ, въ которыхъ сидѣло и стояло по нѣскольку турокъ съ ружьями въ рукахъ: это были промышленники на дельфиновъ, которыхъ они стрѣляли въ то время, когда тѣ кувыркались надъ водою; стада дельфиновъ показывались безпрестанно, и выстрѣлы раздавались довольно часто. Весь берегъ имѣлъ видъ совершенно дѣвственной, нетронутой человѣкомъ страны. Таковымъ мнѣ показался Адлеръ съ перваго взгляда.

Мысь Адлеръ.

Онъ занятъ нами въ 1837 г. Я считаю не лишнимъ привести здѣсь описаніе этой мѣстности, какою она была въ рукахъ горцевъ до появленія русскихъ. Н. Т., странствовавшій здѣсь подъ видомъ черкеса въ 1835 году, говоритъ о ней слѣдующее:

„Я могъ осмотрѣть на свободѣ долину *Licuz*, извѣстную у насъ подъ именемъ мыса *Адлеръ или Ардиллеръ*; со стороны моря она закрывалась густымъ, но весьма неглубокимъ лѣсомъ, предъ которымъ находился длинный заваль, прочно сложенный изъ огромныхъ деревъ, камней и глины. Правый флангъ завала упирался въ вѣковой лѣсъ, тянувшійся верстъ на 10 до подножія горъ, ограничивавшихъ долину съ востока. Примыкая тыломъ къ лѣсу, рядъ небольшихъ ауловъ составлялъ полукругъ, предъ которымъ лежала совершенно ровная и открытая мѣстность. Мысь Адлеръ принадлежалъ къ числу тѣхъ пунктовъ, которые предположено былъ занять непременно. Видѣвъ мѣстность и основываясь на томъ, что горцы дерутся упорно только тамъ, гдѣ ихъ отступленіе совершенно обезпечено, я совѣтовалъ сдѣлать высадку прямо противъ завала, несмотря на его

крѣпкій видъ, и держаться сколько можно дальше отъ лѣса, лежавшаго на его правомъ флангѣ. Въ 1837 г., когда мысь Адлеръ былъ занятъ нашими войсками,—я находился тогда въ плѣну,—разсчитали иначе и понесли безъ нужды довольно значительную потерю, которой легко можно было избѣгнуть. Въмѣсто того, чтобъ прямо атаковать заваль, противъ него открыли съ моря канонаду, а десантныя войска направили въ лѣсъ, предполагая этимъ способомъ отвлечь вниманіе горцевъ отъ настоящаго пункта высадки или раздѣлить, по крайней мѣрѣ, ихъ силы. Между тѣмъ вышло совершенно противное. Горцы отъ огня нашей артиллеріи скрылись въ лѣсъ, и направленные противъ него войска встрѣтили въ немъ всю массу ихъ въ самыхъ невыгодныхъ для себя условіяхъ. Завязалась драка въ непроходимомъ лѣсу, въ которомъ войска не видали другъ друга, не знали, куда имъ идти, и, подаваясь впередъ безъ связи, были встрѣчены превосходнымъ непріателемъ, отрѣзавшимъ часть стрѣлковой пѣщи. При этомъ былъ убитъ одинъ изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ писателей того времени Марлинскій (Александръ Бестужевъ), служившій офицеромъ—не помню, въ какомъ именно полку.“ (*Подробности о смерти Марлинскаго см. церковь св. Давида въ Тифлисъ*).

Крѣпость на Адлерѣ была выстроена изъ правильно обтесанныхъ камней, которые привозили моремъ изъ Таганрога и Керчи. Жизнь здѣшняго гарнизона проходила также, какъ и во всѣхъ нашихъ черноморскихъ укрѣпленіяхъ,—въ постоянной борьбѣ съ лихорадками и непріателемъ, отъ котораго слѣдовало ожидать безпрестанныхъ нападеній ежедневно и еженочно. Нельзя было показаться за брустверь, не рискуя быть убитымъ. Мыѣ рассказывали слѣдующее. Въ концѣ 30-хъ или въ на-

чалъ 40-хъ годовъ, на равнинѣ передъ крѣпостью Адлера устроенъ былъ рынокъ, на которомъ производилась мѣновая торговля съ горцами. Легко себѣ представить, какъ значительна была эта торговля! Однажды являются нѣсколько горцевъ и сообщаютъ по секрету, что они отбили у сосѣдей стадо барановъ, которыхъ желали бы продать русскимъ, но такъ какъ днемъ пригнать ихъ нельзя, то они и просятъ позволенія пригнать ночью и пропустить въ крѣпость. Комендантъ соблазнился на лакомую баранину, составлявшую, разумѣется, для гарнизона драгоценную рѣдкость. Приняты были необходимыя предосторожности, т. е. постановлено непремѣннымъ условіемъ ограниченное число чабановъ и проч., и у гарнизона заранѣе уже текли слюнки. Наступила темная ночь, послышалось блеяніе, и, наконецъ, стадо самымъ секретнымъ образомъ стали впускать въ отворенныя крѣпостныя ворота; все шло прекрасно, но лишь только бараны вошли, какъ изъ среды ихъ поднялись люди, покрытые бараными шкурами и прошедшіе на четверенькахъ подъ видомъ этихъ мирныхъ животныхъ. Началась рѣзня; псевдо-бараны всѣ были переколоты, крѣпость, къ счастью, спаслась, потерявъ однако значительную часть гарнизона. Вотъ какъ дорого обошлась адлерскому гарнизону лакомая баранина, и вотъ съ какими неприятелями приходилось намъ имѣть дѣло!

Между снѣговымъ хребтомъ и Черными горами по Мзымтѣ лежитъ та самая долина *Ахчипсхоу* (Агипсоу), въ которой закончилась Кавказская война. Н. Т. видѣлъ ее въ 1835 г. такою. „Кавказъ — пишетъ онъ — богатъ красотою природы но я помню мало мѣстъ, которыя могли бы по живописному виду равняться съ долиной Мзымты. Пролетая на разстояніи 35 верстъ отъ глав-

наго хребта до гребня Черныхъ горъ, идущаго параллельно морскому берегу, она ограничивается съ двухъ сторонъ рядами высокихъ неприступныхъ горъ, защищающихъ Ахчипсоу съ сѣвера и юга. Въ этой глубокой котловинѣ течетъ быстрая *Мзымта*, образующая безчисленное множество водопадовъ. По обѣ стороны рѣки раскиданы купы домовъ и хижинъ, окруженныхъ темною зеленью садовъ, виноградниками, посѣвами кукурузы, проса, пшеницы и свѣжими бархатными лугами. По мѣрѣ удаленія отъ береговъ, постройки и обработанные участки земли замѣняются вѣковымъ лѣсомъ, которой окаймляетъ бока горъ, упирающихся въ красноватая и зубчатая скалы. Черезъ отрогъ Черныхъ горъ, перегораживающихъ рѣкѣ путь къ морю, она прорывается въ тѣсныя и скалистыя ворота, образующія неприступный проходъ со стороны юго-запада. Недалеко отъ Ахчипсоу находятся еще два селенія: *Аибги* (Айбога) на рѣкѣ *Псхоу* и *Чужгуча* на рѣкѣ *Чужитъ*, составляющія всѣ вмѣстѣ одно общество, извѣстное подъ именемъ *Медовой*. Жителей въ немъ не болѣе 10 т., они небогаты скотомъ, мало имѣютъ пахатной земли но за то пользуются изобиліемъ фруктовъ: персиковъ, абрикосовъ, грушъ и яблокъ, превосходящихъ величиною и сочностью всѣ подобные плоды, какіе можно встрѣчать въ другихъ мѣстахъ по берегу Чернаго моря. Горы покрыты каштановыми деревьями, дающими пропитаніе большей части бѣднаго населенія, у котораго очень часто недостаетъ пшена и кукурузы. Жители сушатъ каштаны на зиму и, разваривъ потомъ въ водѣ, ѣдятъ ихъ съ масломъ или съ молокомъ. Въ Ахчипсоу имѣется отличный медъ, добываемый отъ горныхъ пчелъ, гнѣздящихся въ расщелинахъ скалъ. Этотъ медъ очень

душисть, бѣль, твердь, почти какъ цвѣточный сахаръ, и весьма дорого цѣнится турками, отъ которыхъ медовѣвцы вымѣниваютъ необходимыя имъ ткани исключительно на медъ, воскъ и дѣвушекъ.“ Прибавимъ, что *медовѣвцы* были извѣстны, какъ самые отчаянные разбойники.

На Адлерѣ живетъ таможенный чиновникъ и при немъ нѣсколько человекъ солдатъ.

Къ пароходу нашему подплыла таможенная шлюпка и, забравъ насъ, высадила на Адлерѣ. *** нанималъ квартиру въ домѣ таможеннаго чиновника, стоящемъ на самомъ берегу. Госпожа *** встрѣтила меня, какъ стараго знакомаго, хотя мы и были знакомы только заочно. Про ея радушный пріемъ у меня осталось навсегда самое пріятное воспоминаніе; началась живая бесѣда, воспоминаніе объ общихъ знакомыхъ, и время летѣло для насъ незамѣтно.— „За обѣдомъ я васъ поточую здѣшной провизіей, сказала г-жа ***; я ждала васъ сегодня и купила у турокъ свѣжую лось-форель въ 16 фунтовъ; здѣсь такая рыбка стоитъ всего рубль серебромъ; а солдаты принесли свѣжей кабанины,—отъ кабановъ просто спасенія нѣтъ: чуть огородили плохо поле, такъ все и поѣдят.“— „Ну, а каковъ вамъ кажется—спросилъ я—здѣшній климатъ? какъ вы его переносите? что лихорадки?“— „Да ничего, отвѣчала она, иной разъ таки потрепываетъ.“— „Мы объ ней здѣсь вовсе и не думаемъ, сказала подававшая намъ кофе экономка,—на нее нечего обращать и вниманія—потрусить, потрусить, да и перестанетъ.“

Я спрашивалъ о здѣшнихъ поселеніяхъ, и мнѣ сообщили слѣдующее: по правую сторону Мзымты поселены села: *Греческая Первинка, Молдаванка, Высокое* (насе-

лено русскими); по лѣвую сторону—*Веселое* и *Пиленково* (оба населены молдаванами). Молдаване, поселившіеся здѣсь, пріѣхали всѣ болѣе или менѣе со средствами; русскіе же набрались кое-кто и кое-откуда. Имъ давали провіантъ 3 года, они его ѣли, наконецъ съѣли и теперь перебиваются кое-какою работишкой.

Землевладѣльцевъ на Адлерѣ около 5 человекъ; изъ нихъ на мѣстѣ поселенія живутъ двое (***) и только что еще занявшій участокъ Б***), остальные же имѣютъ управляющихъ.

Г-жа *** рассказывала мнѣ про свое хозяйство.—„Да что это, Марья Ивановна, сказала она, обращаясь къ экономкѣ,—мы съ вами вчера куръ-то на ночь не заперли? Никакъ онѣ такъ и ночевали снаружи!“—„Вы боитесь, что ихъ украдутъ?“ спросилъ я.—„Какое украдутъ! Просто на просто съѣдятъ шакалки или дикія кошки. Въ крѣпости ихъ пропасть. Такая возня здѣсь съ домашней птицей!“ Крѣпость отъ дома была не далѣе 30 сажень.

Вечеромъ я пошелъ осматривать Адлеръ. Осматривать собственно было нечего. Передъ домомъ на берегу стояло нѣсколько вытасенныхъ турецкихъ феллюкъ; хозяева ихъ, возвратясь съ промысла, снимали съ дельфиновъ шкуры, на которыхъ былъ слой сала, толщиною вершка въ $1\frac{1}{2}$ или 2, и тутъ же бросали ихъ въ котлы для выварки; туши бросались обратно въ море; сильный прибой выкидывалъ ихъ на берегъ, къ большому удовольствію свиней, немедленно принимавшихся за это лакомое блюдо. Мясо дельфина такъ отвратительно, что его ѣсть одно лишь это нечистое и небрежливое животное. Дельфины, также какъ и киты, принадлежатъ къ млекопитающимъ и теплокровнымъ морскимъ живот-

нымъ; они дышатъ воздухомъ чрезъ отверстіе, находящееся у нихъ на лбу, для чего и должны безпрестанно показываться на поверхности; звукъ, который происходитъ отъ втягиваемаго ими воздуха, напоминаетъ хрюканье свиньи, отчего ихъ и называютъ также морскими свиньями. Добываніе ихъ ружьями на мысѣ Адлеръ и вообще по берегу, исключая гаваней, безошлинное. Около самаго дома, гдѣ жилъ ***, протекаетъ рѣченка, неимѣющая никакого названія; въ болотѣ, которое ее окружаетъ, на кочкахъ постоянно видно нѣсколько черепахъ, водящихся во множествѣ во всѣхъ здѣшнихъ болотахъ; за рѣчкой кладбище, т. е. нѣсколько забытыхъ могилъ, разбросанныхъ среди кустовъ колючки; далѣе каменная, заросшая колючкой и плющемъ старая крѣпость—въ настоящее время жилище шакаловъ и дикихъ кошекъ; около нея валяется на землѣ нѣсколько чугунныхъ орудій съ отбитыми цапфами, брошенныхъ при оставленіи нами береговыхъ угрѣпленій передъ восточной войной; за крѣпостью равнина, служащая выгономъ; кругомъ все покрыто лѣсомъ. Домовъ на Адлерѣ меньше десятка; всѣ они построены въ разстояніи саженъ 50 другъ отъ друга, исключая двухъ домовъ, принадлежащихъ греку Христо-Спанаги; его дома выстроены рядомъ съ домомъ таможеннаго чиновника, въ которомъ жилъ ***. Спанаги торгуетъ всѣмъ, чѣмъ только можно торговать на Адлерѣ: въ его домѣ и ссыпной хлѣбный амбаръ, и духанъ, и лавочка; главный же торгъ онъ ведетъ дубовымъ лѣсомъ, который турецкіе рабочіе рубятъ по берегамъ рѣкъ и тутъ же пилятъ на доски для бочекъ; доски эти потомъ отправляются на феллюкахъ въ Сухумъ, а оттуда въ Одессу. Говорятъ, что дѣла его идутъ отлично. За домомъ Спанаги среди какихъ-то раз-

валянь, тоже, разумѣется, поросшихъ колочкой, бродила привязанная на длинной веревкѣ молодая дикая козочка, пойманная въ лѣсу; ее предлагали желающимъ купить за 10 цѣлковыхъ.

На другой день у *** былъ съ визитомъ интересный гость: бывшій джигетскій владѣтельный князь *Гечи-Решидъ*. По завоеваніи Адлера, онъ хотѣлъ остаться въ Россіи, но джигеты, упрямо желавшіе переселиться въ Турцію, говорили ему съ упрекомъ: „что жъ ты бросаешь насъ въ самое тяжкое для насъ время? Ты нашъ князь: куда идемъ мы, туда долженъ идти и ты.“ Решидъ пошелъ вмѣстѣ съ ними. Русскіе уговаривали его остаться, но онъ не могъ этого сдѣлать. Теперь онъ вернулся, былъ прекрасно принятъ, и ему дозволено выбрать 700 дес. земли въ любомъ мѣстѣ; онъ, разумѣется, выбралъ бы свое бывшее пепелище, но оно было уже, къ несчастію для него, занято: гдѣ былъ аулъ его, тамъ поселено Веселое, а гдѣ былъ одинъ изъ главныхъ его хуторовъ, тамъ теперь строить свой хуторъ ***—вся эта мѣстность занята имъ и компаніей. Решиду было подчинено (разумеется, только на феодальныхъ правахъ) до 70 дворянъ, и у него было нѣсколько сотъ крѣпостныхъ; его домъ, построенный изъ орѣховаго дерева, сгорѣлъ вмѣстѣ съ ауломъ. Въ настоящее время онъ жилъ въ Гаграхъ и приискивалъ себѣ землю для поселенія. На Адлеръ онъ пріѣхалъ единственно съ цѣлью поклониться могиламъ своихъ предковъ и увидѣть свою бывшую родину. Сильное впечатлѣніе производилъ князь Решидъ на всякаго, кто зналъ его предъидущую исторію. Перенесенныя имъ несчастія ярко отражались на всей его благородной, нѣсколько согнувшейся фигурѣ; глаза были большею частію опущены, а сквозь черты мужественнаго лица, помимо

воли, пробивалось постоянно гнетущее горе. Онъ не могъ не возбуждать во всякомъ самага искренняго участія. *** разговаривалъ съ нимъ и съ его немногочисленной свитой черезъ переводчика; разговоръ сопровождался частымъ прикладываніемъ руки къ сердцу и ко лбу—жестъ, которымъ горцы обыкновенно сопровождаютъ и замѣняютъ наше благодарю.

Мы поѣхали на хуторъ, устроиваемый ***; хуторъ этотъ отстоялъ отъ Адлера на нѣсколько верстъ; можно было ѣхать къ нему или прямо вбродъ черезъ Мзымту, или же сначала объѣхать ея устье моремъ и потомъ уже подняться лѣсомъ. Общество наше раздѣлилось на двѣ партіи: мы и кн. Решидъ поѣхали моремъ, а свита князя и верховые съ нашими лошадьми отправились берегомъ къ тому мѣсту, гдѣ долженъ былъ пристать нашъ катеръ. Князь и г-жа *** сѣли на первомъ мѣстѣ, а мы размѣстились какъ попало; на днѣ лодки, вмѣстѣ съ припасами, взятыми нами, помѣстилась растрепанная бо-соногая дѣвчонка молдаванка, нанятая на дняхъ въ услуженіе ***. Катеръ, управляемый 6-ю гребцами, быстро обогнулъ кипучее устье Мзымты. Собаки ***, увязавшіяся за нами, бѣжали берегомъ и, подбѣжавъ къ устью, отважно бросились въ воду; ихъ вынесло далеко въ море, но онѣ все-таки переплыли и, отряхнувшись, пустились во весь духъ, постоянно равняясь съ катеромъ. Мы приплыли къ лѣсной дорогѣ, кончавшейся на берегу; чтобъ попасть на нее, надо было перейти небольшое болото, въ которомъ нѣсколько черепахъ грѣлись на солнцѣ и нисколько не обезпокоились нашимъ пріѣздомъ. Лошади наши уже прибыли, и мы, усѣвшись на нихъ, переѣхали черезъ болото; сзади моего сѣдла помѣстилась дѣв-

чонка-молдаванка, цѣпко ухватившись за меня рученками. Кн. Решидь ѣхалъ молча рядомъ съ своимъ племянникомъ, удивительнымъ красавцемъ лѣтъ 18-ти; оба они представляли два превосходнѣйшихъ типа стараго и молодаго черкеса аристократа; сынъ князя, оставшійся въ Гаграхъ, по увѣренію всѣхъ, былъ еще много прекраснѣе своего двоюроднаго брата, а княжна сестра его, тоже красавица, выдана была Решидомъ въ Турцію за знатнаго турка, заплатившаго за нее богатый калымъ. Версты черезъ 1¹/₂ дорога вышла изъ дремучаго лѣса на площадку, на которой строилъ хуторъ ***. Площадка была очень небольшая. Кажется, я не ошибусь, если скажу, что она была не больше двухъ десятинъ. По срединѣ стоялъ плетневый балаганъ, еще не смазанный глиной и, стало-быть, еще не превратившійся въ турлучный домъ. Два маленькихъ поля были уже вспаханы и огорожены изгородью отъ кабановъ. Видно было, что тутъ прежде была расчищенная поляна, но за 9 лѣтъ все такъ заросло, что трудно было разобрать, гдѣ было расчищенное поле и гдѣ его не было. На самой площадкѣ передъ балаганомъ колючка уже вылѣзала по расчищенной землѣ повсемѣстно. Черешневые и грушевые деревья тоже успѣли уже смѣшаться съ остальнымъ лѣсомъ. Работниковъ изъ молдаванскихъ поселеній въ этотъ день пришло только двое; когда мы подошли къ нимъ, они лѣниво рубили колючку палдами *), тутъ же валялась и срубленная ими невзначай черешня. — „Что вы дѣлаете?—сказалъ Решидь черезъ переводчика—вѣдь это не дикія деревья, все это отличные сорта, и я ихъ выписывалъ изъ Турціи.“ За водой надобно было ходить отсюда довольно далеко. Решидь указалъ родникъ, который былъ совершенно

*) Небольшіе мѣстные топоры.

скрыть въ лѣсной чащѣ. Простившись съ нами, бывшій владѣтель этой мѣстности сѣлъ на лошадь и поѣхалъ по тропинкѣ, по которой можно было выѣхать на гагринскую дорогу. Онъ поѣхалъ молча; молча тронулась за нимъ и вся его свита. Прощаясь съ управляющимъ, онъ со вздохомъ сказалъ ему нѣсколько словъ по-черкесски. — „Что вамъ говорилъ князь?“ спросилъ я, когда горцы уѣхали. — „Лучше бы я не видалъ того, что я увидѣлъ“, перевелъ управляющій. Управляющій этотъ, родомъ грузинъ или имеретинъ, занимался прежде торговлей, но дѣла его пошли плохо, и онъ поневолѣ долженъ былъ поступить на теперешнее мѣсто. Онъ зналъ Решида еще въ счастливое для послѣдняго время и ѣзжалъ къ нему для покупки лошадей, которыя были отличной доброты. Теперь Решидъ вполне цѣнилъ милость, которая ему была оказана чрезъ дозволеніе выбрать землю, но его только смущалъ недостатокъ рабочихъ. — „Что дѣлать, прибавилъ управляющій, такъ ужъ, видно, Богу угодно! Коли корабль строятъ, то не смотрятъ на то, что щепки летятъ.“

При видѣ дикой мѣстности Кавказскихъ горъ, ясно видишь, что, не будь племена адиге такъ разъединены и не враждуй они постоянно промежь себя, долго бы намъ еще не пришлось покорить ихъ. Разъединенность, вражда и междоусобія были главною причиною ихъ гибели. Здѣсь, на примѣръ, *ахчипсхой* и *аибга*, жившіе въ верховьяхъ Мзымты, были самые отчаянные разбойники и постоянные враги *джигетовъ*, также какъ и *убыхи*. Однажды послѣдніе убили дядю *Решида*; князь справилъ какъ слѣдовало тризну по своему родственникѣ: много погибло чрезъ это *убыховъ*, и вражда прекратилась только тогда, когда настоящіе убійцы были убиты. У одной джигетской женщины враги убили ночью мужа, спавшаго съ

ней рядомъ; она отправилась во вражескій ауль также ночью, убила убійцу и ускакала. Иногда изъ за канлы съ хутора не ѣздили въ Адлеръ. — Въ балаганѣ на полу разложили огонь и начали готовитьъ намъ обѣдъ. Не зная, чѣмъ заняться въ ожиданіи его, я тоже взялъ цалду и, отыскавъ черешню, сталъ обрубать побѣги, превратившіе ее изъ дерева въ огромный кустъ; разчистивъ потомъ съ помощью другихъ нѣсколько квадратныхъ сажень колючки, и я, и товарищи мои должны были отказаться отъ этой непривычной забавы.

— „Дайте-ка хинки, батинька, сказалъ подошедшій ***, никакъ она есть съ вами?“ — „Есть, а что, или поламываетъ?“ — „Поламываетъ.“ Съѣвъ двѣ чайныхъ ложки хины, *** обвязалъ голову платкомъ, намоченнымъ въ укусуѣ, и легъ на арбу, стоящую въ тѣни подъ деревомъ, а я пошелъ по дорогѣ въ лѣсъ. Кое-гдѣ попадались не то могилы, не то слѣды бывшихъ строеній, все поросло колючкой и лѣсомъ; мнѣ казалось и чувствовалось, что я хожу по кладбищу храбраго и даровитаго народа. Что за могучая растительность окружала меня! Нѣкоторыя деревья были неимоверной величины. Я дошелъ до того мѣста, гдѣ нѣсколько такихъ великановъ лежало на землѣ; ихъ срубили для роспилки на доски для хутора. Мнѣ говорили, что разчисткѣ дорогъ на черноморскомъ берегу Кавказа много помогала мѣновая торговля орѣховаго дерева на соль, которую отъ насъ получали горцы; проектъ этотъ былъ предложенъ, сказываютъ, какимъ-то прапорщикомъ. Возвратясь на хуторъ, я увидѣлъ, что ***, какъ ни въ чемъ не бывало, хлопоталъ объ обѣдѣ: хинка пошла, стало-быть, въ прокъ. Мнѣ показывали ножницы и нѣсколько другихъ домашнихъ вещей, найденныхъ въ землѣ во время распашки; на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ были

горскіе аулы, такія находки случаются постоянно. Пообѣдавъ и напившись чаю, мы отправились въ обратный путь. Море, когда мы подошли къ нему, было совершенно спокойно; солнце уже опустилось низко, и цѣлыя стада форели играли въ устьѣ маленькой рѣчки, впадавшей въ этомъ мѣстѣ. Въ настоящее время дорогой этой рыбкой по черноморскому берегу покажутся лакомятся одни дельфины. Скоро приплылъ барказъ и довезъ насъ на Адлеръ. Собаки отлично совершили свое вторичное путешествіе черезъ Мзымту.

При отъѣздѣ изъ Поти, я справился о времени, когда пойдетъ пароходъ въ Гагры; мнѣ сказали, что „Звѣздочка“ должна прибыть туда вечеромъ 12 апрѣля, взять солдатъ, выписавшихся изъ гагрскаго госпиталя, и тотчасъ же воротиться въ Сухумъ. Случая этого мнѣ пропускать не слѣдовало, потому что 14 числа изъ Сухума шель пароходъ въ Одессу.

Было 11 апрѣля, и мнѣ, чтобы поспѣть во-время въ Москву, необходимо было, во чтобы то ни стало, быть завтра въ Гаграхъ къ приходу „Звѣздочки“. На морѣ былъ сильный противный вѣтеръ, и ѣхать на феллюкѣ не было никакой возможности,—оставалось одно: отправиться верхомъ по берегу. Къ счастью, рѣка не слишкомъ бушевала, и я, нанявъ трехъ лошадей (подъ меня, подъ проводника и подъ вещи) за 9 р. сер., приготовился завтра чуть свѣтъ проститься съ Адлеромъ.

Жалко, что не было времени осмотрѣть всѣхъ поселеній, но дѣлать было нечего—приходилось довольствоваться осмотромъ ближайшихъ мѣстъ. Мы пошли по адлерской долинѣ. Открытое мѣсто скоро кончилось, и дорога пошла кустарниками и лѣсомъ. По дорогѣ мы видѣли фундаментъ бывшей мечети и замѣтные слѣды

бывшихъ черкесскихъ построекъ. Версты черезъ двѣ находился отдѣльный хуторъ малороссійскаго поселенца: поле, разумѣется, все было огорожено. Далѣе лежалъ хуторъ черногорца *Телича*, который и былъ настоящею цѣлью нашего осмотра. Теличь оказалъ услуги русскимъ во время войны, и ему позволено было занять для себя участокъ въ 7 десятинъ. Выбравъ мѣсто, расчищенное и воздѣланное горцами, онъ огородилъ его крѣпкимъ заборомъ и занялся хлѣбопашествомъ и огородничествомъ. Любо было посмотриѣть на его поле; тутъ были посѣяны: пшеница, кукуруза, капуста, огурцы и арбузы; для капусты была проведена канавка изъ Мзымты. Дѣло свое Теличь началъ безъ собственныхъ денегъ, а единственно лишь съ помощью пары своихъ здоровыхъ рукъ. Доставъ на первый случай займы кое-какія деньжонки, онъ, какъ муравей, копался въ своемъ участкѣ все время, принаимая, по мѣрѣ возможности, работниковъ; урожай былъ хорошъ, и онъ въ первый же годъ расплатился съ долгами, на второй годъ доходъ его уже простирался до 800 р. сер., а теперь онъ надѣется тысячи на 1½ и пожалуй на двѣ. Про эти цифры я слышалъ не отъ самаго Телича и потому не очень-то имъ довѣряю, но не подлежитъ сомнѣнію, что его труды, также какъ и труды его сосѣда малоросса, вознаграждались отлично. Надобно было видѣть, съ какой гордостью этотъ почтенный человѣкъ показывалъ намъ собственное свое поле! *** говорилъ, что поле это еще не составляетъ собственности Телича, а отведено ему только во временное пользованіе, дальше же—что еще скажетъ размежеваніе. Но я, разумѣется, не повѣрилъ такому невѣроятному разсказу, потому что чтоже-бы такое это было? Подобные люди заслуживаютъ награды

и поощренія, а не того, чтобы плодами ихъ трудовъ современемъ воспользовались другіе. Кто захочетъ селиться безъ твердой увѣренности, что съ такимъ трудомъ обработанное поле останется вѣчною его собственностью? Вся фигура Телича напоминаетъ собою просушенную и прокопченную насквозь селедку; видно было, что этому человѣку были свои и жаръ, и холодъ, и лихорадка. До настоящаго времени онъ помѣщался на своемъ хуторѣ въ шалашѣ, а теперь, собравшись со средствами, дозволилъ себѣ и роскошь, т. е. постройку постоянного домика или, скорѣе, избушки изъ камня, который добывали изъ уцѣлѣвшихъ фундаментовъ горскихъ строеній. Русскій печникъ изъ Высокаго прилаживалъ въ его избушкѣ русскую печку. Съ истиннымъ уваженіемъ пожалъ я на прощанье руку этому истинному поселенцу-піонеру. Мы оставили хуторъ Телича, сопровождаемые неистовымъ лаемъ его вѣрныхъ собакъ, готовыхъ броситься на насъ съ такимъ же ожесточеніемъ, съ какимъ онѣ привыкли бросаться на своихъ заклятыхъ недруговъ кабановъ. Мы пошли вверхъ по долинѣ, но страшная жара заставила насъ вернуться назадъ и не дойти до поселеній. Мы видѣли ихъ только издали, также какъ и нѣсколько орѣховыхъ деревьевъ такой величины, что подъ ними можетъ помѣститься цѣлое батальонное каре. Одинъ изъ военныхъ, живущихъ на Адлерѣ, рассказывалъ мнѣ, что, по окончаніи войны, небольшія шайки горцевъ продолжали еще бродить и скрываться по горамъ и трущобамъ цѣлыхъ два года. Несчастные, чтобъ не выдать себя, перерѣзали своихъ собакъ, пѣтуховъ и дошли до совершенной одичалости. Разумѣется, они, какъ дикіе звѣри, бросались на всякаго попадавашагося имъ русскаго. Къ нимъ от-

правлены были переговорщики изъ замирившихся черкесовъ, которые и уговорили ихъ покориться и выселиться на ту сторону горъ. Мы уже были вплоть отъ Адлера, какъ вдругъ у насъ изъ подъ ногъ вылетѣлъ фазанъ и понёсся къ крупному лѣсу своимъ ровнымъ полетомъ, напоминающимъ полетъ полеваго тетерева. Фазановъ прежде здѣсь не было, и они только показались на Черноморскомъ берегу въ послѣднее время, вытѣсняемые поселеніемъ изъ за той стороны горъ. За убіеніе фазана здѣсь положенъ штрафъ въ 40 р. сер., и есть надежда, что они разведутся. Вообще нужно сказать, что на Кавказѣ теперь правила охоты стали соблюдаться чуть ли не строже, чѣмъ у насъ въ Россіи. Въ прежнее время въ тѣхъ мѣстахъ, которыя еще не были заняты русскими, фазаны водились въ невѣроятномъ количествѣ, потому что горцы не стрѣляли въ летъ пулями, а дрови и совѣмъ не имѣли, но съ нашимъ появленіемъ эта прекрасная дичь начала быстро уменьшаться. Разчета въ охотѣ тогда, разумѣется, не было никакого; зачастую командиры передъ какимъ либо праздникомъ отправляли на охоту цѣлые взводы солдатъ, снабдивъ ихъ дробью, и посланные привозили цѣлые телѣги фазановъ. Нельзя не радоваться, что начинается видѣться конецъ этому безобразному истребленію. Вечеромъ мы съ ***, сидя на крылечкѣ вели тихую бесѣду подъ шумъ морскаго прибора.— „Отчего бы и вамъ, сказали мнѣ ***, не переселиться сюда? Посмотрите-ка, что это за край, что за растительность и что вообще за богатство!“— „Любезнѣйшій ***, отвѣчалъ я ему на это,— чтобъ братья за какое нибудь дѣло, надо прежде всего повѣрить себя, имѣешь ли къ нему достаточно способности и охоты. Я, признаюсь вамъ, въ настоящемъ случаѣ

не нахожу въ себѣ ни того, ни другаго. Что вышло бы, если бы я вздумалъ переселиться? Я только мѣшаль-бы другимъ и, захвативъ землю, напоминаль-бы собою собаку на сѣнѣ. Такой поступокъ совершенно не добросовѣстенъ, и я считаю, что могу быть болѣе полезнымъ на другомъ мѣстѣ. Для здѣшняго края требуются не такіе переселенцы, какъ я, здѣсь нужны работники, а я всей моей прошлою жизнью не подготовленъ къ подобной роли. Да скажу откровенно, что вовсе и не желаю изъ остатка моихъ, можетъ быть, уже и не долгихъ дней создавать для себя совершенно безплодное мученье. Увѣренъ даже, что и Теличъ, имѣй онъ возможность жить спокойнѣе и лучше, не сталъ бы терзать себя изъ одной любви къ искусству; но меня за такой поступокъ онъ же не преминулъ бы назвать сумасшедшимъ. Что хорошаго мѣшать дѣлать дѣло другимъ и въ то же время мучить себя безъ всякаго толку? Работать вольнымъ трудомъ и не жить здѣсь самому—я считаю невыгоднымъ для себя и вреднымъ для края, потому что, по самому искреннему моему убѣжденію, дѣло это не можетъ идти съ успѣхомъ. Безъ хозяина домъ сирота, говорить наша пословица. Скажу только одно: положимъ я былъ бы въ состояніи имѣть 20 работниковъ. Такъ какъ на здѣшнихъ жителей постоянно рассчитывать нечего, то пришлось бы выписывать рабочихъ изъ Россіи; каждый изъ нихъ съ проѣздомъ, орудіями нужными для него, содержаніемъ лошадей, на которыхъ онъ долженъ работать, и проч., обошелся бы, по малой мѣрѣ, рублей 400 въ годъ, и, стало-быть, чтобы воротить только эти расходы, надобно выручить ежегодно не менѣе 8,000 рублей. Скажите по совѣсти, легко-ли это? А затрата капитала, жалованье управляющему и мно-

жество другихъ расходовъ? Мы знаемъ, что значить возиться съ рабочими даже и въ Россіи, а здѣсь въ случаѣ недоразумѣній и разсудить-то васъ съ ними не кому. Еслибъ я не зналъ, куда дѣвать деньги, то, пожалуй, купилъ бы участокъ, нанялъ бы управляющаго и, живя въ Петербургѣ, не считалъ бы убытковъ, услаждая себя мыслию о будущихъ доходахъ. Но такъ какъ бѣшеныхъ денегъ у меня не имѣется, а къ земляной работѣ я не приученъ, то, стало-быть, и толковать объ этомъ больше не слѣдуетъ. Покойной ночи, любезный ***.“

Съ зарей слѣдующаго дня, распростившись съ *** и его любезной супругой, также вставшей, чтобъ проводить меня, и, поблагодаривъ ихъ за гостепріимство, я отправился съ проводникомъ верхомъ въ Гагры; онъ вель и вьючную лошадь съ моимъ багажемъ. Переправившись благополучно черезъ Мзымту, мы погрузились въ лѣсъ, но скоро выѣхали на берегъ; полоса его, состоящая изъ мелкаго щебня, была здѣсь настолько широка, что волны ревѣвшаго прибоя не могли заливать ее всю, и мѣста для проѣзда оставалось довольно. Надъ водою были постоянно видны стада кувыркавшихся дельфиновъ. Присутствіе челоуѣка на берегу только и сказывалось что складами дубовыхъ досокъ, добытыхъ въ лѣсу рабочими Спанаги. Вотъ они, настоящіе-то дѣвственные лѣса! Какая чаша, какіе великаны и какое разнообразіе неизвѣстныхъ намъ, жителямъ сѣвера, породъ! Слышится въ лѣсу какой-то странный крикъ. Что это такое? Это кричить дикій козель. Мы доѣзжаемъ до рѣки *Пехоу*, которая еще бѣшенѣе Мзымты. При устьѣ ея нѣсколько шалашей и турецкихъ феллюкъ—это опять промышленники на дельфиновъ, расположившіеся у прѣсной воды; на морѣ видны ихъ лодки, съ которыхъ раз-

даются частые выстрѣлы. Чтобъ переправиться черезъ Пехоу, надобно подняться вверхъ отъ ея устья. Поднялись. Слѣзаемъ, оправляемся, подтягиваемъ подпруги у лошадей и потомъ вновь садимся. Проводникъ спускается въ воду ниже меня по теченію. Ну-ка, благослови Господи! Ухъ, какая быстрина, какая пѣна и какой страшный шумъ! Берегъ бѣжитъ вверхъ по водѣ! Выѣхали!.. Надо опять слѣзть и оправиться. Дорога опять погружается въ лѣсъ. При самомъ началѣ ея небольшая полянка, вся изрытая кабанами; могила умершаго и похороненнаго на ней турка огорожена досками отъ этихъ нечистыхъ животныхъ. Лѣсъ становится еще громаднѣе и еще непроходимѣе; мы выѣзжаемъ изъ него и подъѣзжаемъ къ духану *Александревни*, построенному на самомъ берегу, въ 14 верстахъ отъ Адлера и въ 16 отъ Гагръ,—здѣсь можно и отдохнуть немного.

Духанъ этотъ выстроенъ недалеко отъ деревни Пиленковой; по близости отъ этого же мѣста и новый землевладѣлецъ Б*** занялъ свой участокъ на расчищенныхъ горцами мѣстахъ и намѣренъ здѣсь поселиться. Въ духанъ пріѣхалъ его управляющій, молодой и умный малый изъ курскихъ мѣщанъ; онъ говорилъ мнѣ: „ужь право не знаю, какъ мнѣ и быть! Люблю я господина Б*** и радъ бы служить имъ; мѣста они заняли хорошія, да ужь пустынно здѣсь очень. Гдѣ мы будемъ доставать рабочихъ? Господинъ Б*** дарятъ мнѣ 20 дес. земли,—да что я стану съ ней дѣлать? Придется отказаться, должно быть.“ Около духана видны были развалины монастыря или церкви, почти скрытыя въ лѣсу. Такихъ развалинъ попадаетъ множество по всѣмъ непроходимымъ дебрямъ, покрывающимъ въ настоящее время кавказское черноморье.

Съ этого мѣста начинается уже Гагринскій кряжъ, запирающій въ Гаграхъ единственную береговую тропинку, идущую изъ Абхазіи въ Адлеръ. Если нѣтъ прибоа, то отсюда въ Гагры можно проѣхать берегомъ (12 верстъ), если же прибой, то приходится ѣхать горами. Проѣхавъ небольшую горную рѣчку *Хатунсе*, мы начали подниматься вверху, удаляясь отъ моря. Лошади наши карабкались и спускались внизъ, какъ кошки, что приходилось имъ дѣлать постоянно *). Иногда казалось, что дорожка совсѣмъ прекращалась и впереди находился обрывъ, но это только былъ крутой поворотъ. Чтобы легче было лошади, непрерывно приходилось отваливаться тѣломъ назадъ при спускахъ и подниматься на короткихъ стременахъ, хватаясь даже за гриву, при крутыхъ подъемахъ. Телеграфная проволока прикрѣплена здѣсь прямо къ деревьямъ, потому что врывать столбы въ каменистый кряжъ было бы очень трудно. А тамъ, гдѣ можно ихъ врывать, тамъ они были чугунные, — доказательство, что телеграфъ проводили его хозяева — англичане.

Тропинка то спускалась внизъ къ морю, такъ что волны прибоа обдавали брызгами копыта нашихъ лошадей, то поднималась наверхъ, откуда море казалось спокойнымъ, какъ зеркало; внизу громадныя деревья, перевитыя лианами, и непролазная колючка, вверху чистый сосновый лѣсъ, незабудки и желтые рододендры. И тамъ и здѣсь мертвая тишина; заросшія папоротникомъ поляны указываютъ мѣста бывшихъ горскихъ ауловъ; на нихъ ни слѣда какихъ бы то ни было построекъ: все сожжено и разрушено. На дорогѣ по этому десять лѣтъ

*) На Кавказѣ подкова не такая, какъ у насъ: она занимаетъ все копыто для того, чтобы острые камни не поранили и не потеряли копытной стѣлки.

тому назадъ страшному берегу намъ во все время попался всего-на-всего одинъ солдатикъ; совершенно безоружный, онъ сидѣлъ и переобувался около тропинки. Молчаливая и величественная пустыня! отвѣтъ мнѣ, гдѣ теперь тѣ, которые такъ еще недавно населяли твои дѣвственные лѣса? Многихъ ли изъ нихъ не выпустила ты изъ твоихъ родимыхъ объятій, и какова настоящая судьба покинувшихъ тебя? О! отвѣтъ, отвѣтъ мнѣ хоть что-нибудь на это, царственная пустыня! Но въ отвѣтъ только птичка распѣваетъ свою безучастную пѣсню, да раскаты прибоя гремятъ, какъ отдаленный гулъ орудій. Наконецъ, мы достигли послѣдняго крутаго каменистаго спуска къ морю, и глубоко внизу открылись Гагры, занимающіе небольшую площадку между почти что отвѣсными скалами и моремъ. Напрасно я смотрѣлъ въ бинокль и искалъ „Звѣздочки“: она еще не приходила.

Гагры, замыкающіе единственную удобную (по-кавказски) дорогу изъ Абхазіи въ Джигетію и составлявшія едва ли не самый важный стратегическій пунктъ на всемъ побережьѣ, заняты нами послѣ сильнаго сопротивленія въ первый разъ въ 1830 году. Джигеты, убыхи и шапсуги, собравшись въ значительныхъ силахъ, противились высадкѣ и послѣ того нѣсколько разъ пытались овладѣть новымъ укрѣпленіемъ открытою силою. Потерявъ много людей въ своихъ неудачныхъ нападеніяхъ, они перемѣнили образъ дѣйствій и принялись тревожить наши войска, не давая имъ отдыха ни днемъ, ни ночью, нападаая на небольшія команды, выславшіяся за дровами и фуражомъ, подстерегая съ высоты горъ людей, выходившихъ за стѣны укрѣпленія, и посылая въ нихъ свои мѣткіе выстрѣлы. Существованіе гагринскаго гарнизона сдѣлалось положительно нестерпимымъ. Черкесы

били солдатъ внутри крѣпости. По цѣлымъ мѣсяцамъ гарнизонъ кормился одною солониною и хлѣбомъ, крупою и картофелемъ. Овощи и всякая живность считались за величайшую рѣдкость. О существованіи на свѣтѣ женщинъ знали только по преданію. Участь солдатъ была бы еще тягостнѣе если бы не существовало огромныхъ собакъ, приученныхъ открывать непріятеля, слѣдить за нимъ и караулить укрѣпленіе по ночамъ. Собаки получали казенный провіантъ и находились въ большой чести у солдатъ, которые никогда не покидали ихъ въ дѣлѣ; раненую собаку приносили нерѣдко въ укрѣпленіе на шинели и лѣчили въ лазаретѣ наравнѣ съ людьми. Собаки были до того приучены къ своему дѣлу, что при первомъ звукѣ барабана, призывавшаго къ сбору, собирались передъ командой, долженствовавшей выйти изъ укрѣпленія, потомъ разсыпались впереди стрѣлковъ и открывали непріятеля, засѣвшаго въ лѣсу. Во время дѣла нѣкоторыя собаки, извѣстныя въ гарнизонѣ, храбро нападали на черкесовъ. Послѣ вечерней зари собакъ выпускали за укрѣпленіе, около котораго онѣ съ удивительнымъ инстинктомъ составляли передовую цѣпь, облекая его со всѣхъ сторонъ. Гагры были, также какъ и всѣ черноморскія укрѣпленія, оставлены передъ Восточной войной, но потомъ опять возобновлены тотчасъ же по ея окончаніи.

Не весела была здѣсь жизнь въ то время, не весела она и теперь. Гагры состоятъ изъ каменной крѣпости, построенной изъ крымскаго привознаго камня, нѣсколькихъ домовъ, расположенныхъ на площадкѣ впереди ея и нѣсколькихъ духановъ. На берегу разведенъ небольшой бульваръ. Собщеніе съ остальнымъ міромъ производится только водою на „Эльборусъ“ и „Песуапсе“,

приходящихъ два раза въ мѣсяцъ, да на „Звѣздочкѣ“, которая дѣлаетъ рейсы между Гаграми и Поти, смотря по надобности.

Береговая дорога въ Абхазію такая же, по какой я пріѣхалъ изъ Адлера; я бы и радъ былъ проѣхать по ней до Сухума и осмотрѣть абхазскій берегъ, да къ сожалѣнію не позволяло время. Напившись въ духанѣ чаю и пообѣдавъ яичницей, я пошелъ на берегъ и сталъ высматривать „Звѣздочку“, въ случаѣ не прихода которой надо бы было ѣхать берегомъ, на что соглашался и мой проводникъ, все время не отходившій отъ лошадей изъ опасенія абхазскихъ конокрадовъ. Сидя на берегу, я смотрѣлъ въ бинокль; нѣсколько турокъ, дельфино-промышленниковъ, собрались около меня и дивились на незнакомый для нихъ инструментъ; они взяли, вертѣли его и такъ и сякъ, но корявые ихъ пальцы никакъ не могли установить настоящимъ образомъ винта, и они, наконецъ, возвратили бинокль обратно, сказавши, какъ мартышка въ баснѣ, что онъ никуда не годится. Почти отвѣсныя скалы, окружающія гагринскую площадку, покрыты не очень частымъ лѣсомъ; изъ деревьевъ, растущихъ здѣсь, замѣчательно дерево „негной“ изъ породы бука; оно краснаго цвѣта и называется такъ потому, что крѣпнетъ въ водѣ. Высоту скалъ можно было опредѣлить потому, что внизу было почти лѣто, а вверху деревья еще не распускались.

На морѣ показалась какая-то точка; скоро можно было рассмотреть, что это судно, а дымъ, развѣвавшійся надъ нимъ въ видѣ флага, показывалъ, что это милая „Звѣздочка“ взошла на горизонтъ. Черезъ часъ она бросила якорь. Турецкая шлюпка перевезла меня съ берега; перевезены солдаты, выписавшіеся изъ гагрин-

скаго госпиталя, и черезъ 2 часа мы отплыли въ Сухумъ, куда и прибыли на слѣдующее утро. Опять я въ той же гостинницѣ „Тифлисъ“, въ которой приходится пробыть сутки въ ожиданіи парохода. Былъ страстной четвергъ, и я пошелъ ко всенощной. Церковь была полна народомъ,—все офицеры, чиновники и солдаты, туземцевъ же было только нѣсколько человѣкъ; они съ любопытствомъ смотрѣли на торжественную службу.

На другой день прибылъ пароходъ русскаго Общества „Олегъ“, на которомъ я и отплылъ съ Кавказа. Вечеромъ мы шли еще въ виду берега; лучи заходившаго солнца, прорвавшись сквозь облака, облили пурпуромъ и насъ, и море, и весь нескончаемый снѣговой хребетъ, лежавшій передъ нами. Прощай Кавказъ! Благодарю тебя за все, испытанное мною среди твоихъ величественныхъ горъ и роскошныхъ долинъ! Благодарю тебя и за то, что ты въ часъ прощанья показался мнѣ во всемъ твоёмъ невыразимомъ величій!

Написавъ эти строки, я поднялъ голову и взглянулъ въ окно, у котораго стоитъ мой письменный столъ. Передо мною освѣщенная майскимъ солнцемъ панорама бѣлаго, утонувшаго въ зелени швейцарскаго города съ голубымъ озеромъ и хребтомъ снѣговой цѣпи бернскаго Оберланда, изъ которой особенно выдается величественная *glärnisch*; но какъ ни хороша эта панорама, она не можетъ вытѣснить изъ моей памяти Кавказа въ томъ видѣ, въ какомъ онъ показался мнѣ въ часъ нашего безмолвнаго прощанья.

Чѣмъ далѣе пароходъ плылъ на сѣверъ, тѣмъ высота горъ все болѣе и болѣе уменьшалась, и растительности на нихъ было все меньше и меньше, такъ что у *Tyancse* онѣ представлялись уже почти голыми. Въ *Tyancse* паро-

ходъ останавливается на короткое время и вдали отъ берега; сходить на берегъ было некогда, да и не стоило того. *Туансе* стоитъ въ небольшой долинь на томъ мѣстѣ, гдѣ было прежде *Вельяминовское* укрѣпленіе; теперь это станица съ военнымъ госпиталемъ. Недалеко отсюда было и *Михайловское* укрѣпленіе, гарнизонъ котораго во время нападенія горцевъ въ 1841 году не пожелалъ сдаться и вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ взлетѣлъ на воздухъ.

Новороссійскъ, гдѣ находится главное управленіе Черноморскимъ округомъ (тоже небольшая остановка) имѣетъ съ берега видъ обыкновеннаго довольно плохенькаго уѣзднаго города. Новороссійская бухта, вмѣстѣ съ Сухумской, считается лучшею и почти единственною на всемъ черноморскомъ берегу. Она имѣетъ только то неудобство, что въ зимніе мѣсяцы въ ней свирѣпствуетъ страшный сѣверо-восточный береговой вѣтеръ *Бори*, ужасное дѣйствіе котораго почти невѣроятно. Одинъ изъ достопамятнѣйшихъ урагановъ, продолжавшійся 3¹/₂ дня, былъ 12 января 1848 г. Во время его всѣ суда, стоявшія въ бухтѣ, были разсѣяны или выброшены на берегъ, а тендеръ „Струя“ обратился отъ замерзавшихъ на немъ и на его снастяхъ брызгъ воды въ одну ледяную массу, причемъ замерзъ и погибъ весь его экипажъ, состоявшій изъ 52 человекъ.

Здѣсь бы собственно долженъ былъ и окончиться путеводитель. Описаніе крымскаго берега вовсе не входило въ планъ этой книги, но все-таки я скажу нѣсколько словъ и о тѣхъ мѣстахъ южнаго берега Крыма, въ которыя заходилъ нашъ пароходъ. Желаящимъ ихъ осмотрѣть подробнѣе (насколько позволить остановка) слѣдуетъ запастись путеводителемъ по Крыму *Сосногоровой*.

Керчь—хорошенькій городокъ и гавань. Налѣво видны форты вновѣ строящейся крѣпости, направо курганы, въ которыхъ были найдены многочисленныя остатки древностей, составившіе знаменитый керченскій музей. Можно взять экипажъ и проѣхать на гору, гдѣ стоитъ зданіе, выстроенное въ греческомъ стилѣ и называемое „*Митридатомъ*“, откуда прекрасный видъ на городъ и на море. Мы были въ Керчи на первый день пасхи и потому не могли осмотрѣть того, что можно было бы осмотрѣть въ другое время.

Въ **Ѳеодосіи** мы осмотрѣли домъ и мастерскую знаменитаго нашего художника Айвазовскаго, музей, стоящій на горѣ и похожій на керченскій „*Митридатъ*“, въ видѣ греческаго храма съ портикомъ, и церковь около него, въ которой портретъ Котляревскаго, писанный Айвазовскимъ. Все это зданіе, выстроенное на деньги, собранныя Айвазовскимъ за выставку его картинъ, должно было составить одинъ памятникъ надъ могилой *Котляревскаго*; но родственники покойнаго героя пожелали, чтобы прахъ его остался на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ жилъ; теперь это—дача г. Рукавишникова, на правой сторонѣ города. Послѣ Ѳеодосіи паруходъ останавливается въ Ялтѣ, подъѣзжая къ которой видна гора, называемая *Медвѣдемъ*, потому что, какъ увѣряютъ, она напоминаетъ собой фигуру этого звѣря.

Ялта—маленькій и красивый городокъ, за которымъ слѣдуетъ лучшая часть южнаго берега Крима съ *Ливадіей*, (дворцомъ государыни императрицы, въ полчасѣ ѣзды отъ Ялты), *Ориандой* (дачей в. кн. Константина Николаевича), знаменитой *Алупкой* (принадлежащей кн. Воронцову) и проч. Изъ Ялты можно нанять коляску (около 25 р. сер.), проѣхать этимъ чудеснымъ берегомъ и доли-

ной въ Севастополь сухимъ путемъ и поспѣть къ приходу парохода. Если кто можетъ воспользоваться этой поѣздкой, тотъ непременно долженъ ее сдѣлать; тутъ онъ по превосходному шоссе проѣдетъ мимо всѣхъ этихъ роскошныхъ виллъ и увидитъ внутренность Крима.

Пароходъ идетъ изъ Ялты въ Севастополь въ виду Ливадіи, Оріанды, Алушки и проч. Это самая лучшая часть морскаго пути изъ Поти до Одессы; кто одинъ разъ проѣзжалъ мимо этого берега, тотъ никогда его не забудетъ.

Севастополь. Какой путешественникъ, не только русскій, но и всякой другой національности, можетъ подѣзжать равнодушно къ этому знаменитому городу, еще до сихъ поръ стоящему въ развалинахъ, свидѣтеляхъ безпримѣрной въ исторіи осады и еще болѣе безпримѣрной обороны?

Севастопольская бухта съ ея второстепенными бухтами *Артиллерійской, Южной, Карабельной, Килебалочной* и другими, могущими, въ свою очередь, называться самостоятельными бухтами, считается одною изъ лучшихъ въ свѣтѣ. Съ нею можетъ только соперничать гавань *Золотога рога* въ Константинополѣ.

Изъ батарей, защищавшихъ входъ въ бухту, остались цѣлы *Константинопольская и Михайловская*, остальные разрушены.

Налѣво на сѣверной сторонѣ видно кладбище съ превосходною оригинальною церковью, въ видѣ огромной пирамиды, построенной надъ могилами *кн. Горчакова, Хрулева* и сотни тысячъ павшихъ защитниковъ Севастополя; направо раскинулся сѣрый городъ, съ его отстроившимися и разрушенными домами.

Проѣхавъ мимо Артиллерійской, пароходъ входитъ въ

Южную бухту и останавливается у *Графской пристани*, на верху которой виднѣнъ памятникъ *Козарскому* и стоящій еще въ развалинахъ домъ дворянскаго собранія.

Пока стоитъ пароходъ, трудно успѣть осмотрѣть и сѣверную и южную стороны; я предпочелъ осмотрѣть южную. Поднявшись по когда-то роскошной лѣстницѣ отъ Графской пристани вверхъ, мы взяли коляску и поѣхали осматривать городъ: осмотрѣли *севастопольскій музей*, помѣщающійся въ домѣ *Тотлебена*, новый строящійся превосходный *соборъ* надъ могилами *Нахимова*, *Корнилова*, *Истомина* и др. и потомъ поѣхали по Екатерининской улицѣ на *Малаховъ курганъ*; чѣмъ дальше мы ѣхали, тѣмъ все болѣе и болѣе попадалось развалинъ и, наконецъ, отстроенные дома совсѣмъ прекратились. Обогнувъ Южную бухту и проѣхавъ мимо избытыхъ ядрами *матросскихъ казармъ* (съ памятникомъ *Лазареву*, виднымъ отъ Графской пристани) и мимо разрушенной *матросской слободки*, мы пріѣхали на *Малаховъ курганъ*, съ котораго городъ, сосѣдніе бастионы и остатки непріятельскихъ траншей видны, какъ на ладони.

Знаменитый *курганъ* составляетъ ключъ всей позиціи, и, завладѣвъ имъ, непріятель сверху могъ обстрѣливать весь городъ; стало-быть, оставивъ его, русскіе должны были оставить и Севастополь. Входя на Малаховъ курганъ, приходится проходить черезъ *Горну*, составляющую ретраншаментъ, чрезъ траверзы, порядочно уже сгладившіеся, и проч. Курганъ не великъ. *Каменная башня*, стоявшая на курганѣ, была разбита съ первыхъ же дней осады; нижній этажъ ея уцѣлѣлъ и теперь отстроенъ; въ немъ показываютъ мѣсто, гдѣ стояла кровать адмирала *Истомина*. На курганѣ, въ небольшомъ домикѣ, живетъ отставной унтеръ-офицеръ изъ моряковъ, выдер-

жавшихъ осаду. Онъ рассказываетъ, насколько можетъ, ея исторію. Взойдя на остатки вала, видятъ влѣво *бастіоны №№ 2-й и 1-й*; передъ № 2-мъ видны шахматные ряды *волчицъ ямъ*; впереди *редуты*, а справа батарея *Жерве*, гдѣ Хрулевъ отбилъ штурмъ. Слѣды неприяТЕЛЬСКИХЪ траншей находятся тотчасъ же за ровомъ; ровъ и брустверь предъ послѣднимъ штурмомъ были почти совсѣмъ разрушены и завалены, и неприятелю для того, чтобы перебѣжать черезъ заваленный ровъ, надобно было лишь нѣсколько минутъ. Глубокое чувство пробуждается, когда ходишь по этой изрытой мѣстности, гдѣ нѣтъ вершка земли не взрытаго свинцомъ и чугуномъ и не покрытаго кровью. Нѣсколько чугунныхъ морскихъ орудій, вырытыхъ изъ земли, лежатъ снаружи. На курганѣ есть памятникъ „русскимъ и французскимъ воинамъ, павшимъ при защитѣ и нападеніи 27 августа 1855 г.“ Другой памятникъ, поставленный французами, имѣетъ надпись:

Unis pour la victoire,
Reunis par la mort—
Du soldat c'est la gloire,
Des braves c'est le sort.

8 Sept. 1855.

Сколько слезъ, крови и денегъ стоила знаменитая осада—и какой результатъ? Зная послѣднюю жалкую исторію французской арміи и ея предводителя, невольно просятся на языкъ слова: *sic transit gloria mundi!*

Можно также осмотрѣть съ интересомъ мастерскія, гдѣ чинятся и строятся пароходы Россійскаго Общества пароходства и торговли. Интересна система *элинговъ*, по системѣ Мортонна, съ телѣжками, вытаскивающими весь пароходъ на сушу для починки.

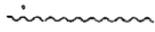
Въ Евпаторіи, кромѣ самаго города, имѣющаго ин-

тересный восточно-татарскій видъ, слѣдуетъ осмотрѣть *татарскую мечеть и караимскую синагогу*—прекрасное зданіе съ внутреннимъ дворомъ, на которомъ стоитъ *памятникъ императору Александру I*, въ память его посѣщенія.

Пароходъ, наконецъ, пришелъ въ *Одессу*. Въ гавани движеніе: грузятся и разгружаются суда, мелькають шлюпки, кричатъ матросы; тысячи морскихъ чаекъ играютъ въ воздухѣ и на водѣ; пассажиры торопятся и спѣшатъ какъ можно скорѣе разстаться другъ съ другомъ... Распростимся и мы, наконецъ. Не помяните лихомъ вашего болтливаго спутника! Прощайте, а не то, по чѣмъ знать, можетъ быть еще и до свиданія, благо-склонный читатель!

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХ ИМЕНЪ И НАЗВАНИЙ, НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ ПУТЕВОДИТЕЛѢ.

	А.	Стр.		Стран.
Абадзехи		14	Александропольскій уѣздъ	16, 18
Абазини		15	Александръ I, императоръ	24
Абазъ (грузинская монета 20 к.)			Александръ, груз. царевичъ	29
Аббасъ-мирза	29, 386		Аллахъ-яр-ханъ	361
Абреки		206	Амаръ-Аджи-юртъ, укрѣпленіе	46
Абу-Нацалъ, ханъ		59	Амкары, цехи въ Тифлисѣ	329
Абхазія	14, 20, 465 и далѣе до 478		Анануръ, станція	270, 347
Абхазцы	14, 465 и далѣе до 478		Анапа	85
Аварія	11, 46, 68		Анди, аулъ	68
Аварское койсу, рѣка		11	Андіскій хребтъ	11
Аварское ханство		20	Андіское койсу, рѣка	11
Авлабаръ		350	Андреева деревня	21, 131
Ага или Агаларъ		336	Андрониковъ, князь и генераль	34
Ага-Магометь-ханъ		340	Ани, древн. столица Арменіи	17, 431
Аграханское войско		21	Анна, царица Имеретіи	379
Адагумъ, рѣка		6	Аносовъ, поручикъ	73
Адай-Гохъ, гора		228	Арагва, рѣка 12 (мгіулетская)	258
Адатъ	38, 149		»	265
Аджарскія высоты		427	»	(пшавская)
Адиге (черкесы)	194 и далѣе		Арагвскіе эриставы	271
Адлеръ, мысъ	488, 489 и далѣе		Араксъ, рѣка	16
Адрианополюскій миръ		34	Араратъ, большой и малый, горы	15
Азнауръ		329	Аргунъ, рѣка	7
Аибга, племя		492	Аргунскій округъ	9
Айсары, племя		392	Аргутинскій-Долгоруковъ, князь 35, 74, 221	221
Аксай, рѣка		7	Ардебиль, древн. городъ	431
Аксай, укрѣпленіе		45	Ардонъ, рѣка	208, 232
Аксай, станція и станція		134	Арewanъ, укрѣпленіе	31
Алагезъ, гора		15	Арменія	16, 330
Алагирская волость		228	Армяне	17, 330, 335
Алагирскій заводъ		208	Арпачай, рѣка	16
Алагирцы, племя		231	Арпруни, караванъ-сарай	368
Алвани, мѣстечко		432	Аскеранъ, рѣчка	385
Александрепши, духанъ		507	Асландузъ, укрѣпленіе	30
Александрійская станція и станція	157, 207		Асланъ-ханъ казиккумыкскій	54
Александровская станція и станція 157, 207			Аталыкъ	206
Александровская колонія		158	Атени, дер.	404
			Атютинскія каменноугольныя копи	118
			Ауховцы, племя	9

	Стран.		Стран.
Зубовъ, графъ	23	Канла	38, 150
Зугдидскій уѣздъ	18	Кантышевская станція	156
Зугдиди, городъ	417	Капкой (см. Владикавказъ).	
Зыряны, укрѣпл.	75	Карабахское ханство	19, 381
И.			
Иверія	280	Кара-койсу, рѣка	11
Измайловъ, капитанъ	469	Карачаевцы, племя	13
Имамъ	50	Караязь, степь	389
Имеретія 19, 23, 376 и далѣе до 381, 413 и далѣе до	420	Каримать, жена Кази-Магомета	220
Имеретинъ	17, 413	Кариу-Гохъ, гора	228
Ингуръ, рѣка	12	Каррасъ, колонія	175
Ингуши, племя	8, 45	Карсъ	34
Ираклій II, царь Грузіи 26, 281, 288, 347	347	Карталиня, часть Грузіи	322
Ирибъ, аулъ	221	Картала, гора	395
Исти-су, укрѣпл.	45	Картвельское племя	322
Ичкеринскій лѣсъ	61	Карпа, гора	228
Ичкеринцы	9	Карягинъ, полковн.	28, 385
I.			
Иоаннъ Патрицій	429	Католикосъ (патріархъ)	331
Іора, рѣка	12	Кафтисъ-хевъ, дер.	396
Іулонъ, царевичъ груз.	290	Кахетія, часть Грузіи	15
К.			
Кабарда	46, 193	Квапветская церковь	358
Кабардинцы	8, 193 и далѣе.	Квенемъ-мты, гора	249
Кабардинцы вольные	13, 46	Квирилы, станція	422
Кавказъ (хребетъ)	10	Квишетская долина	262
Кагалинская станція	134	Керчь	514
Казаватъ	52	Кибить-Магома, наибъ	68, 218
Казаки (число ихъ 130 стр.), см. ли- нейные, черноморскіе и гребенскіе казаки	74	Кизлярскій округъ	9
Казанищи, аулъ	74	Кизляръ	22, 58
Казакскій уѣздъ	18	Кисловодскъ	158, 182
Казбекъ, гора	247	Кистины, племя	8
Казбекъ, станція	243	Клюки-фонъ-Клюгенау, генер.	74
Кази	337	Кноррингъ, генер.	24
Казикумьское койсу, рѣка	11	Коби, станція	254
Кази-Кумьское ханство	20, 46	Коваленскій	26
Кази-Магометъ, сынъ Шамиля	220	Кодоръ, рѣка	12
Кази-Мудла, имамъ	55	Кольяръ, генер.	469
Кайнарджійскій миръ	23	Комбулей, рѣка	205
Кайшаурская долина	258	Константины, царевичъ имерет.	379
Калаусъ, рѣка	6	Котларевскій, генер.	28, 514
Калиновская станція	156	Крестовая гора	234, 257
Кальтверъ, гора	227	Крестъ св. Нины	281, 284
Калмыки	8	Ксанъ, рѣка	272
		Ксанскіе эриставы	271
		Куба, городъ	19
		Кубанская область	8
		Кубань, рѣка	6
		Кубинскій уѣздъ	18
		Кубинское ханство	19
		Куки, часть Тифлиса	350
		Кума, рѣка	6
		Кумухъ, владѣніе въ Дагестанѣ	20
		Кумьская плоскость	7
		Кумыки, народъ	8
		Кумъ, гора	175
		Кунакъ	206

	Стран.		Стран.
Кура, рѣка	12	Мать-Гохъ, гора	228
Кура (Курка), рѣка	188	Махинская станція	134, 144
Курды, народъ	18	Машука, гора	162, 170
Куртатинскія горы	227	Медвѣдь, гора	514
Куртатинцы, племя	231	Медвѣжнинская станція	134, 136, 153, 154
Кутаисская губернія	18	Медовой (медовѣвцы), общество	492, 493
Кутаисъ	19, 423	Медресе	337
Кутиси, аулъ	74	Мейдонъ (базаръ въ Тифлисъ)	352
Кухаренко, генер.	214	Мелики	328
Кучу-Ея, рѣка	118	Меркуловская станція	134, 135, 148
Кюринское ханство	19	Метехская цитадель (Метеха, въ Тифлисъ)	339
Л.		Мехметъ-Аминъ	86
Лаба, больш. и мал., рѣки	6	Мехтулинское ханство	20
Лазаревъ, генер.	28, 291	Мзымта, рѣка	12, 488
Ларашъ, укрѣпл.	436	Миклашевскій, полковн.	58
Ларсъ, станція	235	Мингрелія 19, 23, 376 и далѣе до 381, 413 и далѣе до	420
Леванъ мингрельскій	388	Мингрельцы	17, 413 и далѣе до 420
Лезгинская линия	35	Михайловское укрѣпл.	513
Лезгины	11	Михаилъ Николаевичъ, вел. князь	88
Ленкоранскій уѣздъ	18	Михаилъ Ширвашидзе, владѣтель Абхазіи	469
Ленкорань	30	Млеты, станція	262
Лермонтовъ	172, 209	Моафы	337
Лехне (см. Соуксу)		Моздокъ, городъ	9, 22, 156, 192
Лечгумскій уѣздъ	18	Мокрботаевская станція	134, 144
Лечгумъ	436	Моксохъ, укрѣпл.	74
Ливадія	514	Молдаванка, посел. на Адлерѣ	493
Линейные казаки	8	Молокане	337, 451
Лисаневичъ, маіоръ	385	Монбланъ	10
Литвиновъ	379	Монтрезоръ, маіоръ	28
Лорійская степь	16	Мордвиновъ, адмиралъ	43
Луковская станица	192	Московская станція	134
Лѣтницкая станція	134, 136, 153	Моуравы	328
Ляслазъ, селеніе	255	Мтадминда, гора и часть Тифлиса	350
Ляхва, рѣка	12	Мтіулетскія горы	258
Лысяя гора	175	Муганская степь	390
М.		Муджтеидъ	337
Магометъ-юртовская станція	156, 206	Мулла-Магометъ ярагларскій	51
Маджара (городъ св. креста), селен.	133	Муравьевъ, главнокомандующій	34
Майкопскій уѣздъ	8	Муршидъ	51
Майкопъ	85	Муръ	248
Макалаки	329	Муфти	337
Малитская станція	422	Мухратъ, крѣпость	385
Малка, рѣка	7	Муштаидъ, садъ въ Тифлисъ	368
Мамисонскій переваль	437	Мцхетъ	280, 343, 401
Манычъ, рѣка	117	Мюридизмъ	50
Маріанъ, царь Грузіи	282	Мюридъ	51
Маринскій каналъ	391	Н.	
Марія, царица Грузіи	287	Навтлугъ, часть Тифлиса	350
Марлинскій (см. Бестужевъ)		Надиръ-Шахъ	340
Масловъ-Кутъ, селен.	133, 153		

	Стран.		Стран.
Салатавія	68	Татарь-Туна, урочище	205
Салатавцы, племя	9	Татары	17, 334
Сальянскій заливъ	18	Теккеръ	248
Самурзаканъ	14, 478	Телавскій уѣздъ	18
Самуръ, рѣка	12	Темнольскія высоты	6
Сванетія	14, 20, 461	Темрюкскій уѣздъ	8
Севастополь	515	Тепли, гора	227
Сектанты (русскіе) за Кавказомъ	337	Терекъ, рѣка	6
Сенаксскій уѣздъ	18	(см. также Дарьяльское ущелье).	
Сергѣевская станція	156	Терки, древн. городъ	21
Сеферъ-Бей Ширвашидзе, князь	468	Терская область	9
Сеферъ-Бей, гора	485	Терское войско	21
Сигнахскій уѣздъ	18	Тилитль, ауль	60, 68
Скопцы	438	Тифлисская губернія	322
Симплонская дорога	234	Тифлисъ (исторія) 338; (городъ)	349
Сіонскій соборъ	369	Тотлебенъ, генер.	23
Слѣпцовъ, генер.	79	Троглодиты, доисторич. народъ	399
Соколовъ	380	Трусовское ущелье	255
Солдатская, станція и станица 156, 188, 208	156, 188, 208	Туапсе	512
Соломонъ I Вел., имерет. царь 23, 415, 435	23, 415, 435	Туапсе, рѣка	12
Соломонъ II, имерет. царь	379, 415	Тулухчи	353
Сомхетія, часть Грузія	322	Тунга, грузинск. мѣра: 5 бутылкокъ	
Соуксу (лехне)	469	Туркменчайскій миръ	34
Софія, правительница Гуріи	381	Тучковъ, генер.	291
Соча, рѣка	12	Тушины, народъ	264
Ставрополь	22, 137		
Ставропольская губернія	9, 22, 132	У.	
Старомарьевская станція	156	Уатпарскій переваль	436
Старый Юртъ, укрѣпл.	45	Убыхи, народъ	14
Стефанъ-Цминда, церковь	249	Уллу-Бей, наибъ	69, 211
Столовая, гора	228	Унцжуль, укрѣпл.	72, 73, 212
Сулакъ, рѣка	12	Уплись-цихе	399
Сунжа, рѣка	7	Урбиси, дер.	401, 404
Сунженская линія	79	Урупъ, рѣка	6
Сурамскій переваль	15, 421	Урухъ, рѣка (въ Терекъ)	231
Сурамъ, мѣстечко	405	Уста-башъ	330
Суриновичъ, адъютантъ	469	Ухатъ-Дагъ, рѣка	255
Сухарная экспедиція	77	Ухитское ущелье	255
Сухопадинская станція	156	Уцери, дер.	437
Сухумская бухта	18		
Сухумскій отдѣлъ	14	Ф.	
Сухумъ-Кале	465, 481	Фарсъ, рѣка	6
Сырху-Барзомъ, гора	227	Фези, генер.	60
		Филипсонъ, генер.	86
Т.		Фланги, правый и лѣвый	8
Тагаурцы, племя	231	Фотхусъ, гора	228
Такши-Кичу, укрѣпл.	45	Фрейтагъ, генер.	74, 78
Талышенское ханство	19	Фрешвильдъ	248
Тамара, царица Грузіи	408, 430		
Тамбуканъ, озеро	177	Х.	
Тани, потокъ	404	Хаджи-Муратъ	215 до 223
Тарикатъ	51	Хакикатъ	51
Тарки, мѣстечко	20	Харпухи, часть Тифлиса	350

	Стран.		Стран.
Хасавъ-юртовскій округъ	9	Шардень	376
Хатупсе, рѣка	508	Шаріатъ	38, 51, 150
Хевское ущелье	255	Шаропанскій уѣздъ	18
Хевсуры, народъ	264	Шатиль, ауль	265
Ходзь, рѣка	6	Шатоевцы, племя	61
Хопи, рѣка	437	Шатой, укрѣпл.	9
Хунзахъ	20, 57, 59	Шахе, рѣка	12
		Шахтная, станція	113
Ц.		Шахъ-Булагъ, крѣп.	385
Царгатъ, гора	227	Шахъ-Надиръ (см. Надиръ-шахъ).	
Цатанихъ, укрѣпл.	73	Швецовъ, полковн.	46
Цебельда	14, 478	Шейхъ-уль-исламъ	337
Цебельдинцы, народъ	14	Шекинское ханство	19, 381
Цева, полустанція	422	Шемахинскій уѣздъ	18
Циви, рѣка	438	Ширванское ханство	19, 381
Цилканы, станція	279	Ширвашидзе, князя	20, 465
Циціановъ, князь 26, 290, 370 и далѣе до	384	Ширвашидзе, князь-Михаиль	469
Цминда-Самеба (см. Стефанъ-Цминда).		Шуапхо, ауль	265
Цмиакомъ-Гохъ, гора	227	Шуаибъ-Мулла, наибъ	68, 69
Цвалтепа, рѣчка	433	Шурагельское ханство	381
Цхенись-Цхали, рѣка	12	Шуша, городъ	19
Цхидисъ-Цхали, рѣка	262	Шушинскій уѣздъ	18
		Э.	
Ч.		Экзархъ Грузіи	322
Чагатъ, гора	227	Элису, владѣніе	20
Чамлыкъ, рѣка	6	Элисуйскій султанъ Даніель	21, 220
Чатъ-Гохъ, гора	228	Эльборусъ, гора	10, 203
Чахракъ, рѣка	6	Эмануэль, генер.	58
Череповъ, чиновникъ	469	Эндери, дер.	21, 131
Черкесы 194 и далѣе (см. Кабарда и кабардинцы).		Эриванская губернія	18
Черноморская береговая линія	84	Эриванская площадь въ Тифлисѣ	352
Черноморскіе казаки	8, 23, 122	Эриванское ханство	19
Черноморскій берегъ	14, 34, 464	Эриванъ	16
Черноморскій округъ	14	Эриставы	271
Черныя горы	10	Эчміадзинскій уѣздъ	18
Чертова долина	257	Эчміадзинъ, монастырь	331
Чеченцы	8, 46, 61	Ю.	
Чужгуча, общество	492	Юцъ, гора и рѣка	177
Чужинсь, рѣка	492		
Чумескентъ, урочище	58	Я.	
Чхеремела, рѣка	422	Яглуджинская станція	391
		Якубъ, евнухъ	360
Ш.		Ялта	514
Шагановъ, маіоръ	74	Ярагларъ, селен.	51
Шамиль, имамъ	56 и далѣе до		
Шамхальство Тарковское	46	Ѳ.	
Шамхаль Тарковскій	20	Ѳеодосія	514
Шанше, ксанскій эриставъ	272		
Шансуги, народъ	14		

